
А. ГЕРУА

ПОЛЧНИЩА

„ВЪ АРМІЯХЪ ПЕРСОВЪ БЫЛО
СЛИШКОМЪ МНОГО ЛЮДСІ
И МАЛО СОДАТЪ“
ГЕРДОТЪ

Россійско-Болгарское К-во
СОФІА-1923

А. Геруа.

ПОЛЧИЩА.

„Въ арміяхъ Персовъ было слишкомъ много людей и мало солдатъ.“
Геродотъ.

Содержаніе: Предисловіе. — Зарожденіе и Вырожденіе. — Кадры и Милиція. — Идеалы Борьбы. — Полчища и Демократія. — Власть Земли. — Успѣхи Огня. — Цѣнность Техники. — Маневръ Будущаго. — Гражданская Война. — Военная Доктрина. — Массы и Миръ. — Новая Армія. — Послѣсловіе.

Россійско-Болгарское Книгоиздательство
Софія.

1923 г.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій трудъ выпускается на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ. Цѣль этого — расширеніе аудиторіи при обсужденіи вопроса международнаго и большой остроты. Задача предлагаемаго труда доказать, что, пока существуетъ „Вооруженный народъ“, не можетъ быть мира ни внѣшняго, ни, что самое главное, внутренняго. Для мира, прежде всего, нуженъ „Разоруженный народъ“.

Какъ „постепенно“ перейти отъ „Вооруженнаго Народа“ къ „Разоруженному Народу“ — вотъ цѣль настоящей работы. Кличъ — „Всѣ къ оружію“ — долженъ и можетъ быть для главной народной массы замѣненъ девизомъ — „Долой оружіе“.

Предисловіе.

Недавно закончившаяся Великая Европейская война, небывалая въ исторіи, расплывшаяся въ цѣлый рядъ частныхъ уже разрѣшившихся, или только зловѣще назрѣвающихъ новыхъ столкновеній, заставляетъ внимательно присмотрѣться къ военной сторонѣ событій, изучить ее и не медля постараться извлечь изъ нея все полезное. Событія идутъ быстро и рѣшительно, не ожидая запоздавшихъ или зазѣвавшихся. Они будутъ сметены и смяты потокомъ новой жизни.

Участь по преимуществу спеціалистовъ использовать опытъ минувшаго такимъ образомъ, какъ будто онъ неминуемо долженъ повториться. Этого заблужденія необходимо избѣгать прежде всего, если не хотятъ отстать отъ вѣднй жизни. Недостаточно зарегистрировать прошлый опытъ. Нужна еще творческая фантазія, чтобы предугадать, что-же ожидаетъ насъ въ будущемъ и что намъ нужно дѣлать, чтобы не отстать отъ современности. Роль такой фантазіи, какъ творческаго начала въ практической дѣятельности, совершенно необходима прежде всего въ дѣлѣ войны, гдѣ неподготовленность карается морями даромъ пролитой крови и непоправимыми ударами цѣлымъ народамъ.

Было-бы напраснымъ трудомъ надѣяться вынести сразу непогрѣшимые выводы и рѣшенія, — общее желаніе всякаго рода спеціальныхъ совѣщательныхъ комиссій. Нужны не совершенныя рѣшенія, а только современныя по типу, главное неустанная работа, теоретическая и практическая, по постепенному усовершенствованію несовершенныхъ рѣшеній.

Нельзя захоранивать живые вопросы въ безконечныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, — слабая сторона обычной дѣятельности спеціалистовъ, всегда забывающихъ о бѣгѣ времени и слишкомъ скованныхъ рутиною усвоенной теоріи.

„Они, особенно вышедшіе изъ школь, пребываютъ слишкомъ неподвижными въ устарѣлыхъ теоріяхъ, чтобы быть въ состояніи изъ нихъ выйти . . . Ихъ неспособность примѣниться къ новымъ методамъ стоила намъ нѣсколько сотенъ тысячъ человекъ, говоритъ д-ръ Ле-Бонъ ¹⁾). Это одному директору артиллерійскаго управленія приписываютъ злую волю военнаго министерства въ отношеніи производства артил-

¹⁾ Д-ръ Густавъ Ле-Бонъ. „Premières Consequences de la Guerre“, 103.

лерійскаго матеріала въ продолженіи большей части 1915 года. Одному изъ артиллерійскихъ офицеровъ изъ числа окружающихъ министра приписываютъ такое выраженіе: „Наши орудія такъ хороши, что мы ихъ будемъ имѣть всегда достаточно“. А другой, будто-бы, пустилъ слѣдующее изреченіе, достойное маршала Лебефа: „Это не орудій намъ не достаесть, но у насъ слишкомъ много людей“. Въ этомъ техническомъ вопросѣ техники оказались наивнѣе непосвященныхъ. . . На Энѣ французы были остановлены недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Та-же причина ограничила ихъ наступленіе въ 1915 году. Что касается расхода снарядовъ, то здѣсь каждый изъ случаевъ былъ неожиданностью: никогда предположенія не отвѣчали дѣйствительности. Та-же причина принудила русскихъ къ отступленію и помѣшала выручкѣ сербовъ, къ которымъ Франція могла-бы послать солдатъ, но не оружіе. . .

Предвзятая идеи спеціалистовъ ужасны. Всѣмъ извѣстно, какія преимущества извлекли нѣмцы изъ своихъ большихъ дирижаблей. Лишь они одни могутъ вѣрно ориентироваться ночью на недоступной для аэроплановъ высотѣ и, сверхъ того, они мало поражаемы. Мы ихъ не имѣли, пишетъ тотъ-же авторъ, потому что наши военные спеціалисты объявили, какъ они это сдѣлали сверхъ того относительно тяжелой артиллеріи, что дирижабли будто-бы представляли собою оружіе безъ военныхъ достоинствъ, могущее во всякомъ случаѣ быть замѣненнымъ аэропланомъ. Когда было установлено, что только благодаря дирижаблямъ нѣмцы могли предпринимать отдаленныя бомбардированія во Франціи и въ Англіи и что аэропланъ былъ почти безсиленъ противъ нихъ ночью, заблужденіе было признано, но было слишкомъ поздно, чтобы его исправить.

Въ томъ-же вопросѣ аэроплановъ и дирижаблей и у русскаго военнаго министра передъ войной В. А. Сухомлинова прозорливость была та-же. Послѣ Русско-Японской войны въ комитетѣ спеціалистовъ, засѣдавшемъ въ Петроградѣ и занимавшемся нововведеніями въ арміи на основаніи боевого опыта, рассматривался вопросъ, связанный съ позиціонностью войны. Одинъ изъ членовъ, занимавшій видный постъ въ арміи Куропаткина, произнесъ цѣлую рѣчь на тему о томъ, что позиціонность—не свойство войны, а особенность личнаго характера главнокомандующаго, слишкомъ осторожнаго по природѣ. Для этого генерала нуженъ былъ опытъ второй войны, еще небывалой въ исторіи человѣчества, чтобы отказаться отъ поверхности своего вывода.

Если опасны спеціалисты, то „дилетанты“ — еще того болѣе. Эти послѣдніе не лишены, правда, игры фантазіи, какъ на примѣръ, Жоресъ со своею книгою („L'Armée Nouvelle), — нерѣдко вѣрной и часто пророческой, но они забываютъ

дѣйствительность войны и боя въ пользу своей политики и соціально-экономической эволюціи или даже въ пользу революціи, которую такъ горячо желаютъ нѣкоторые изъ нихъ.

Тому, кто хочетъ избѣжать заблужденій „спеціалистовъ“, немного фантазіи необходимо. Кто желаетъ отдѣлаться отъ гипноза талантливыхъ „дилетантовъ“, долженъ непрестанно имѣть передъ глазами бой во всей своей суровой дѣйствительности.

Цѣль настоящей работы не только суммировать минувшій опытъ, но пофантазировать относительно будущаго. Не предрѣшая ничего, не претендуя на безгрѣшность заключеній, все-же вынесенныхъ изъ двухъ внѣшнихъ и одной внутренней войны, начнемъ съ гадательнаго, чтобы облегчить возможность въ послѣдствіи придти къ точному. Даже такая область математики, какъ астрономія начинала съ ошибочныхъ гипотезъ и, переходя послѣдовательно отъ одной къ другой (Птоломей—все вертится вокругъ земли; Коперникъ—все вращается вокругъ солнца, и земля вращается вокругъ своей оси; Ньютонъ—„законъ тяготѣнія, какъ причина этого вращенія“, усовершенствованный еще теоріей Эйнштейна) пришла къ достаточно точной истинѣ, все время уточняемой.

Такъ и въ военномъ дѣлѣ: самое опасное не ошибки, а остановка въ поступательномъ движеніи, такъ какъ такая остановка равна регрессу.

Важнѣйшій выводъ войны—несомнѣнно несоотвѣтствие нынѣ дѣйствующей Шарнгорстовской системы европейскихъ армій всей современной государственно-соціальной структурѣ, которая сама рискуетъ погибнуть отъ практики этой системы, если не догадаться измѣнить ее во-время, пока не поздно.

Выяснить свойства этой угрозы современному обществу и намѣтить мѣры по предотвращенію ея и составляетъ главнѣйшую задачу настоящихъ строкъ.

Это невозможно сдѣлать безъ историческихъ экскурсій и параллелей, безъ выводовъ изъ современнаго боя и нынѣшней войны и безъ изученія психологическихъ особенностей армейской массы и среды, ее породившей, т. е., всего народа.

Молніеносный развалъ самой могущественной въ мірѣ арміи, русской, долженъ при этомъ послужить тѣмъ болѣе поучительнымъ примѣромъ, что ни одна изъ европейскихъ армій, пострсенныхъ на началахъ системы вооруженнаго народа, не можетъ считать себя обезпеченной отъ подобнаго же развала при подобныхъ-же обстоятельствахъ. Примѣры тому: Германская и Австро-Венгерская арміи, а также побѣдоносная французская армія въ Одессѣ въ 1918 году и французскій флотъ въ томъ-же году въ Севастополѣ.

Наконецъ, явленіе новѣйшаго времени—быстрое самообразование самочинныхъ вооруженныхъ организацій (Красная ар-

мія, Зеленая армія, отряды разныхъ случайныхъ вождей — Троцкихъ, Кемалей, д'Аннунціо и др.), всегда готовыхъ служить цѣлямъ развала или насильственного измѣненія существующаго государственнаго порядка и соціальной системы, также нельзя оставить безъ надлежащаго обслѣдованія и освѣщенія.

Причина всѣхъ этихъ уродливыхъ явленій кроется въ самой природѣ современной войны и нынѣшней вооруженной силы. Суммировать эти причины и будетъ важнѣйшей подсобной цѣлью автора.

Мы переживаемъ тотъ историческій моментъ, когда боевой опытѣ далъ все, что нужно, чтобы организаторъ могъ и сумѣлъ перейти отъ нынѣ дѣйствующей, уже устарѣлой формы вооруженной силы, насчитывающей за собою столѣтнюю давность и безусловно клонящейся къ упадку, къ новой, болѣе современной.

Таковой она должна сдѣлаться не только по своему внутреннему устройству (здѣсь важны указанія боевой практики), но также по своему отношенію къ государству и связи своего управляющаго аппарата съ центральной властью страны (тутъ необходимъ политическій опытъ).

На это послѣднее обстоятельство во Франціи обратили особое вниманіе еще во время самой войны, убѣдившись изъ горькой практики, что военная диктатура слабѣе сочетанія ея съ парламентскими органами, которые одни могутъ дать арміи необходимую ей связь съ промышленной и экономической дѣятельностью государства, безъ чего нынѣ веденіе успѣшной войны невысказимо. Только они обезпечатъ такую самокритику, безъ которой невозможно совершенствованіе во время самой войны, и, притомъ, безъ выноса сора изъ избы.

Предѣлами области войны не ограничивается содержаніе предлагаемаго труда. Онъ касается сверхъ того и насущнаго вопроса разоруженія или, по крайней мѣрѣ, сокращенія вооруженій, указывая вѣрнѣйшій путь къ тому черезъ новую военную организацію, составляющую отступленіе отъ существующей, которая одна и служитъ главнѣйшей причиной вооруженій до возможнаго и, иной разъ, невозможнаго предѣла. Просто до крайности наивно приступать къ обсужденію вопроса ограниченія вооруженій, не поднимая въ то же время и вопроса объ упраздненіи всеобщей, обязательной и одинаковой для всѣхъ гражданъ воинской повинности. Предлагаемый трудъ къ выводу о необходимости и неизбѣжности этой мѣры выходитъ двумя путями: путемъ, приводящимъ къ заключенію о ненужности этой системы для внѣшней обороны, и путемъ, указывающимъ на угрозу, кроющуюся въ ней, для внутренняго мира каждой изъ странъ.

Въ заключеніе о предлагаемой работѣ можно закончить словами Абея Ферри, депутата французской палаты, министра, члена парламентскихъ комиссій во время войны и капитана, геройски павшаго въ бою во главѣ своихъ пуалю, записки котораго по завѣщанію недавно появились въ печати.

„Это для грядущихъ поколѣній крикъ болѣзненно пережитаго опыта“.

ГЛАВА I.

Зарожденіе и вырожденіе.

Военная организація не может претендовать на существованіе, разъ не отвѣчаетъ общимъ политическимъ условіямъ данной страны и эпохи.

Дѣйствительно, если мы бросимъ быстрый взглядъ на историческое прошлое, то безъ труда убѣдимся въ этомъ. Въ періодъ феодально-удѣльный сеньоры и удѣльные князья, собирая вокругъ себя дружину своихъ вассаловъ и холоповъ и сражаясь за неприкосновенность родныхъ очаговъ, были настолько нужными и цѣнными хранителями общаго благосостоянія, что люди, не задумываясь, за эту защиту отдавали имъ самое дорогое — личную свою свободу.

Такъ естественно, величіе самой жизни появилась на свѣтъ феодальная система, давшая огромныя преимущества владѣтельному классу. Но, какъ всегда въ исторіи съ привилегіями, ходъ дальнѣйшей эволюціи жизни привелъ къ злоупотребленіямъ этой системой и поэтому одновременно — къ ея отживанію. Все живое не терпитъ ничего омертвѣлаго. Полезная въ началѣ власть сеньоровъ и господъ обратилась ко вреду дѣла національнаго единства, за которое стали короли и государи, опираясь уже не на дворянъ, а на городскія сословія трудящихся классовъ. Королямъ понадобилась вооруженная сила, независимая отъ феодаловъ и даже имъ враждебная, и вотъ на смѣну удѣльныхъ дружинъ появилось постоянное войско вербовочнаго типа — родоначальникъ и нынѣшнихъ армій. При помощи этого именно войска началась борьба за объединеніе расъ, еще не закончившаяся и понынѣ, когда она готова смѣниться борьбою за иные идеалы. Но и королевскимъ вербовочнымъ арміямъ пришелъ конецъ. Опираясь на нихъ, какъ на силу имъ всецѣло и безраздѣльно преданную, государи постепенно пришли къ злоупотребленію своею властью. „L'Etat c'est moi“ Людовика XIV для его внука имѣло послѣдствіемъ потерю короны.

Началась эпоха развитія народопрравства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, періодъ новаго вида арміи, „Вооруженнаго Народа“. Но и эта разновидность вооруженной силы въ наши дни дошла до своего вырожденія. Въ рукахъ демагоговъ нынѣшняя армія довольно легко можетъ быть повернута противъ самаго института государства, которое она призвана защищать.

Съ нарожденіемъ новыхъ политическихъ условій чувствуется необходимость крупной реформы въ системѣ созданія государственной оборонительной силы. Нужно вступить на путь не дальнѣйшаго развитія системы вооруженнаго народа, а обратно, намѣтить рядъ мѣръ по ограниченію этой системы. Мы живемъ въ вѣкъ не національныхъ движеній, а въ эпоху, когда на смѣну имъ нарождаются теоріи индивидуализма, интернаціонализма и даже печальныхъ опытовъ коммунизма. Эти опыты стали возможными даже вопреки здравому смыслу лишь при условіи, что современная армія оказалась состоящей изъ такихъ элементовъ, которые не пожелали поставить свое личное благо на второмъ планѣ и у которыхъ самое понятіе о долгѣ трансформировалось подъ вліяніемъ эгоистическаго „индивидуализма“, на чемъ и сыграли демагоги.

Словомъ мы дожили до вырожденія нынѣшней вооруженной силы въ такое уродское явленіе, какъ „Красная Армія“, грабящая и насилующая свое собственное населеніе и готовая ограбить и разрушить все, что представится. Напрасно думаютъ, что „Красная Армія“—явленіе специально-русской жизни. Она можетъ появиться во всякой странѣ, не справишейся съ экономическимъ кризисомъ и обладающей достаточно толстымъ слоемъ недовольныхъ. Мы уже видѣли, что она была въ Венгріи, въ Германіи и въ Итапіи, странахъ достаточно культурныхъ. Несомнѣнно можетъ появиться и во всякой иной странѣ, лишь бы у нея былъ на лицо запасъ по современному обученныхъ военному дѣлу людей, а также запасъ соціального недовольства и розни.

„Красная Армія“—исторически-логическое явленіе упадка современной вооруженной системы, при посредствѣ котораго народоправство выродилось въ самоуправство. Совершенно также, какъ въ свое время въ такое-же самоуправство выродилась когда-то благодѣтельная власть феодалныхъ владѣльцевъ, а позднѣе и монарховъ, не помнившихъ о своемъ долгѣ или видавшихъ его сквозь призму придворныхъ интригъ и отношеній.

Если таково сплетеніе условій политической и военной организаціи, то и безъ особыхъ доказательствъ ясно, что еще непосредственнѣе эта связь между устройствомъ вооруженной силы и данными современной ей стратегіи и тактики, т. е. способами веденія войны и боя.

Возьмемъ три историческихъ примѣра для нагляднаго поясненія этой мысли.

Въ началѣ 17-го столѣтія, когда Европа не знала дисциплинированныхъ войскъ, когда ландскнехты свирѣпствовали въ Германіи среди ужасовъ опустошительной 30-лѣтней войны, когда Тилли зналъ только одно дисциплинирующее средство — „повѣсить негодяя“, въ это мрачное время Шведскій король Густавъ-Адольфъ высадилъ въ Германію свою неболь-

шую, но безукоризненно-дисциплинированную армію, одухотворенную идеаломъ борьбы за молодую религію. Въ результатѣ—постоянныя блестящія побѣды надъ полчищами католическаго союза, значительно превосходившими числомъ. Это въ области стратегіи, организація побѣдила дезорганизацію.

То-же въ области тактики. Въ эпоху, когда лѣсъ длиннѣйшихъ пикъ ландскнехтовъ все еще признавался лучшимъ оружіемъ для дѣйствій въ бою, Густавъ-Адольфъ противопоставилъ ему хорошо организованныя части мушкетеровъ и подвижную, легкую артиллерію (зарожденіе конной артиллеріи, кожаныя орудія).

Неуклюжей-же фалангъ ландскнехтовъ, не способной ни къ какому маневру, Шведскій король противопоставилъ расчлененный боевой порядокъ, въ которомъ мушкетеры и пикинеры взаимно поддерживали другъ друга, давая въ итогѣ гармоничное дѣйствіе огня и холоднаго оружія и сохраняя способность къ маневру и движенію, въ то время, въ вѣкъ боязни конницы, еще невиданному для пѣхоты.

И здѣсь организація, доведенная до высоты современности, обезпечила Густаву-Адольфу побѣды во всѣхъ бояхъ.

Другой примѣръ. Къ началу 19-го вѣка, въ вѣкъ вербовочныхъ армій или войскъ, набранныхъ по принципу рекрутчины, французская революція выбросила на театръ войны полчища патріотовъ, одухотворенныхъ новыми идеалами и проникнутыхъ чисто религіознымъ фанатизмомъ, и силы коалиціи устарѣлой регулярности должны были уступить натиску новой, болѣе современной вооруженной силы, набранной по принципу „levée en masse“. Это въ области стратегіи.

То-же въ бою. Организованную Карно „массу“ суждено было вести въ бой Величайшему Мастеру своего дѣла. Въ вѣкъ недоуверія къ огнестрѣльному оружію Наполеонъ массируетъ свою артиллерію въ небывалыя до него батареи, таранившія инертные боевые порядки противника, и въ періодъ общепринятыхъ въ то время линейныхъ боевыхъ порядковъ, малоподвижныхъ, чувствительныхъ на флангахъ, опасныхъ при прорывахъ въ силу недостатка глубины построенія, Наполеонъ примѣняетъ колонны, легкія и подвижныя, сопровождаемыя стрѣлками, массируетъ большія силы ударной конницы, примѣняетъ глубокіе резервы, практикуетъ энергичные маневры. Въ итогѣ—побѣда сопровождается хорошою чисто современною организацію. Отсталыя формы побиваются новѣйшими.

Третій примѣръ изъ болѣе близкихъ намъ временъ—война 1870 года. Въ эту годину Франція, создательница системы „levée en masse“, оказалась безъ достаточно глубокихъ резервовъ комплектованія и безъ надежно-налаженной системы мобилизаціи, тогда какъ Пруссія, позаимствовавъ отъ

французовъ ихъ же систему, подавила ихъ своею массою, лучше организованною и лучше вооруженною знаніемъ, опытомъ и оружіемъ въ буквальномъ значеніи этого слова. Идеи, выдвинутыя Карно и Наполеономъ, осуществили не ихъ потомки, а Мольтке и Роонъ.

Всѣ приведенные примѣры тѣсной зависимости военной организациіи отъ политической структуры эпохи и отъ условій стратегическихъ и техническихъ указываютъ въ то-же время, какъ строго наказуются всѣ тѣ, кто застываютъ въ старыхъ формахъ, не отдавая себѣ отчета въ необходимости переменъ въ устройствѣ вооруженной силы. И обратно, побѣда неизмѣнно сопутствуетъ новаторамъ, удачно рѣшившимъ этотъ вопросъ. Вокругъ ихъ именъ создаются чудесныя легенды, тогда какъ разгадка загадки не въ чудесномъ, а въ торжествѣ ихъ логики и анализа. Чудесъ на свѣтѣ не бываетъ.

Обратимся къ примѣрамъ нашей эпохи. Изъ армій, принимавшихъ участіе въ Великой Европейской войнѣ съ точки зрѣнія, насъ интересующей, особаго вниманія заслуживаютъ арміи Русская, Французская и Германская, какъ вынесшія на своихъ плечахъ главную тяжесть борьбы, какъ построенныя исключительно на принципѣ „Вооруженнаго Народа“ и какъ типичныя представительницы разныхъ видовъ примѣненія этого принципа. Поучительныя также и результаты борьбы, доставшіяся удѣломъ каждой изъ нихъ: побѣда—для Французской арміи, поражение—для Германской и саморазложене—для Русской. Было бы большою ошибкой приписать побѣду французовъ одному совершенству ихъ организациіи, забывъ о благопріятномъ дѣйствиіи политики, поражение нѣмцевъ—недостаткамъ ихъ организациіи, забывъ объ ошибкахъ ихъ политики, и развалъ русскихъ—одной политикѣ, упустивъ изъ виду промахи ихъ организациіи.

Сравнивая французскую и германскую арміи, нужно признать, что, не взирая на выдающуюся, даже талантливую идейную и практическую подготовку къ войнѣ, работу кропотливую, послѣдовательную, въ духѣ единого плана, германскаго генеральнаго штаба, французскій генеральный штабъ, столь-же сильный въ этой технической работѣ, оказался неизмѣримо выше въ творческой дѣятельности; офицерскіе корпуса обѣихъ армій, не взирая на демократичность одного и аристократичность другого, можно съ военной, боевой точки зрѣнія признать равными; то-же можно сказать и про солдатскую массу, не взирая на расовыя ихъ отличія; но необходимо указать на огромное превосходство унтеръ-офицерскаго корпуса германской арміи по сравненію съ французской: нѣмецкіе унтеръ-офицеры, настоящіе профессионалы своего ремесла, были истинными квалифицированными рабочими своей арміи и, быть можетъ, главнѣйшею опорой организационной прочности ея при испытаніяхъ войны.

Дѣйствительно, ни одна изъ воевавшихъ армій не признана была такъ растягивать свои вышеотмѣченные три устоя современной военной системы, какъ германская и, притомъ, не только во имя собственныхъ потребностей, но потребностей своихъ слабыхъ сосѣдей, австрійцевъ и турокъ, отдавая имъ цѣнные кадры для уплотненія ихъ ненадежныхъ рядовъ. И, не взирая на это, до послѣдняго времени войны, до рѣшительныхъ ударовъ Фоша, германская армія не знала минутъ слабости, не чуждыхъ всѣмъ арміямъ-побѣдительницамъ, если не говорить объ американцахъ, которые слишкомъ недолго несли бремя войны.

Въ минуту-же гражданской разрухи та-же германская армія, хотя и трансформированная, удержала страну отъ паденія внизъ по наклонной плоскости анархіи. Три ея устоя, генеральный штабъ, офицерскій корпусъ и унтеръ-офицерскій кадръ, и здѣсь сыграли роль, которая можетъ не нравиться, но которой нельзя не отдать справедливости.

Четвертый факторъ организаціи современной вооруженной силы, дающей ей устойчивость, техника, былъ въ обѣихъ названныхъ арміяхъ, примѣрно, на равной высотѣ, пока условія блокады не передали перевѣса союзникамъ Согласія.

Возвращаясь къ основной мысли этой главы, остается лишь только, на основаніи грубаго сравненія качествъ обѣихъ армій выяснить, что-же дало побѣду одной и было причиною упорства другой. Отвѣтъ ясенъ: изъ организаціонныхъ данныхъ причиною побѣды французовъ были ихъ талантливый генеральный штабъ и превосходство техники, а лучшую по сравненію со своими противниками стойкость нѣмцы по справедливости должны объяснить своимъ превосходнымъ корпусомъ унтеръ-офицеровъ.

Такова роль этихъ факторовъ современной военной организаціи.

Нужно сознаться, что русская армія занимала во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ второстепенное мѣсто. Ея генеральный штабъ не имѣлъ твердой школы и бродилъ отъ одной отсебятины къ другой и отъ одного подражанія къ другому въ тщетныхъ поискахъ единства доктрины; ея офицерскій корпусъ не отличался также единствомъ доктрины и этики; главная масса унтеръ-офицерскихъ кадровъ была въ сущности не кадрами, а перемѣннымъ составомъ, не имѣющимъ никакой профессиональной силы; техника была далека отъ арміи и недостаточно развита въ странѣ; а огромная солдатская, некультурная масса, растворявшая въ себѣ всѣ вышеупомянутые, притомъ недостаточно качественно сильные кадры, нуждалась въ нихъ, какъ ни одна изъ европейскихъ армій.

Результатъ, неизмѣнно логическій и неизбежный, былъ какъ извѣстно тотъ, что постоянная побѣдительница въ столкновеніяхъ съ арміями слабѣе организованными, австрійской

и въ особенности турецкой, русская армія ни разу во всю войну не имѣла рѣшительной побѣды надъ германской, если не считать отбитія перваго наступленія нѣмцевъ на Варшаву, когда эта атака была отброшена подошедшими какъ разъ къ тому моменту сибирскими войсками такого выдающагося организатора, какъ генераль Лечицкій. Это исключеніе только подтверждаетъ общее положеніе: нѣтъ побѣды безъ побѣды въ области организаціи.

Въ этой сферѣ, всякій знаетъ, не все благополучно не только въ главныхъ европейскихъ арміяхъ, но и въ прочихъ. Вездѣ имѣется свой печальный опытъ показывающій, что современная военная организація начинаетъ обнаруживать признаки отживанія: форма существуетъ и даже, какъ будто, развивается, но духъ отлетаетъ отъ нея. Каждому извѣстно, что форма — вещь очень важная, но это еще не все: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.

Въ частности въ нашемъ вопросѣ начинаютъ обнаруживаться тревожные признаки именно въ той области военной организаціи, которая вся построена на духовномъ фундаментѣ въ области дисциплины. Есть люди, начинающіе не только сознать это печальное явленіе (такихъ много), но и искать исхода. Къ числу такихъ нужно отнести Жореса. Къ его книгѣ намъ придется вернуться еще не одинъ разъ. Здѣсь-же ограничимся утвержденіемъ того факта, что по его мнѣнію, исходъ въ томъ, чтобы передъ арміей поставить тотъ идеаль, который движетъ въ настоящее время социалистическія партіи и который, по непререкаемому его утвержденію будетъ въ непродолжительномъ времени общимъ идеаломъ массъ. Ясно, что современная военная организація, которую Жоресъ не безъ основанія называетъ *un régime bâtard*, ¹⁾ *demi-national, demi-professionel, à moitié démocratique, à moitié oligarchique*, ²⁾ этому требованію отвѣчаетъ лишь частично, постольку, поскольку социалистическія теоріи начинаютъ получать свое распространеніе въ воинской массѣ. Ясно, что солдатская толща доступнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ корпусъ офицеровъ. Вотъ почему Жоресъ и предлагаетъ не только милиціонированіе солдатской массы до предѣла, но и принять мѣры къ такому-же милиціонированію офицерскаго корпуса еще въ мирное время. Въ военное время нынѣшняя система вполне обезпечиваетъ подобное перерожденіе низшаго команднаго состава.

Было-бы странно предположить, чтобы люди большого боевого опыта, отъ которыхъ зависитъ организація современныхъ вооруженныхъ силъ, не сознавали отмѣченныхъ духовныхъ неустоекъ въ ихъ рядахъ. Они это сознаютъ но въ

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, стр. 30.

²⁾ Idem, 356.

этомъ вопросѣ подѣ натискомъ сторонниковъ милиціи въ ея чистомъ видѣ они ограничиваются пассивною обороною путемъ полумѣръ, надѣ которыми такъ иронизируетъ Жоресъ. Эти большіе военные успокаиваются на томъ неизбѣжномъ рѣшеніи, которое въ военное время, а можетъ быть и ранѣе, роковымъ образомъ приведетъ современную вооруженную массу въ социалистическую Мекку. Это уже случилось съ русскою арміею, и дальше будетъ рассказано, какъ это же случится и со всѣми прочими арміями, если не будетъ принято рѣшительныхъ мѣръ противъ.

Тутъ страшна не сама по себѣ эта Мекка, а то, что въ нее ведутъ не Жоресы (они только культурный авангардъ), а Ленины и Троцкіе-Бронштейны, съ ихъ программою прямого дѣйствія. Жоресъ только старается приготовить для нихъ армію, а гражданскую бойню, подѣ вымпеломъ „вѣчнаго мира“ зажгутъ они. Жоресъ въ своемъ идеалистическомъ восторгѣ въ конечномъ результатѣ видитъ своихъ милиціонеровъ, солдатъ и офицеровъ, среди утѣхъ этого самаго „вѣчнаго мира“, танцующими въ обнимку съ поселянами подѣ сѣбно раскидистыхъ вязовъ на площадяхъ селеній, не знающихъ, что такое война внѣшняя, а Ленины и Троцкіе представляютъ себѣ, навѣрное, эту картину нѣсколько иначе; вѣроятно такъ, какъ это было изображено на одной фотографіи „L'Illustration“: на одномъ изъ суковъ подобнаго вяза раскорячено посаженное на него обнаженное тѣло замученнаго „буржуя“, а вокругъ образовался хороводъ красноармейскихъ милиціонеровъ. „Война гражданская“, „борьба классовъ“, самая страшная по звѣрству господствующихъ инстинктовъ и ихъ проявленій, такъ какъ она упраздняетъ не только кодексъ внѣшнихъ отношеній, но и разрушаетъ всѣ внутреннія, — вотъ, что готовятъ Жоресы для Лениныхъ и Троцкихъ, и вотъ чего не хотятъ замѣчать и сами современные военные организаторы и люди политики, увлекаемые въ пропасть углубленія милиціи.

Типичнымъ образчикомъ такого ослѣпленія можетъ служить рассказъ о дѣлѣ у Березовки въ талантливыхъ очеркахъ R. de-Flers'a «La Petite Table». 1)

1) Par Robert de Flers, de L'Academie française. „La Petite Table“ (page 20). — «Berezowska est une petite ville de plusieurs mille d'habitants; située à soixante kilomètres environ au nord d'Odessa, au fond d'une sorte de cuvette, entourée de plateaux. Un petit chemin de fer, une petite gare qui a l'air d'un joujou, des maisons basses aux façades pointurées, dissipées de-ci de-là; — cette petite ville sait qu'elle a de la place; elle en profite; — des moujiks lui labourent à peine une terre féconde, pensant à autre chose ou peut-être à rien; des pope; à la barbe et aux idées mal soignées; un pont de fer sur le Tigul; une petite

„Знаете-ли вы, что такое Березовка?“ спрашивает автор читателя и тотчас-же разъясняет ему.

„Березовка это городокъ съ нѣсколькими тысячами обитателей въ 60 приблизительно километрахъ къ сѣверу отъ Одессы... Маленькая желѣзная дорога, маленькій вокзалъ, какъ игрушка, низенькіе дома съ острыми фасадами, разсѣянные тамъ и сямъ, ... желѣзный мостъ черезъ Тилигуль, маленькая лѣнвая, медленная рѣка, которая имѣетъ видъ, что и сама не знаетъ, куда течетъ,— это русская рѣка. Вотъ Березовка.

Отходя съ запада на Одессу, часть нашихъ силъ — тѣхъ жалкихъ силъ, которыя съ перваго дня были обречены на вѣрную неудачу — оказалась въ Березовкѣ въ необходи-

---

rivière lente, — incertaine, qui n'a pas l'air de savoir où elle va, — c'est une rivière russe. — Voilà Berezowska.

En se retirant de l'ouest sur Odessa, une partie de nos contingents, — de ces contingents dérisoires qui étaient voués dès le premier jour à un échec certain, — se trouva à Berezowska, dans la nécessité d'arrêter des forces bolcheviques dix fois supérieures aux nôtres, qui marchaient vers le sud. Nous avons pour nous appuyer plusieurs bataillons grecs, de l'artillerie, et, pour comble de luxe, une section de chars d'assaut. Nos troupes luttèrent pendant dix heures avec un courage et une ténacité admirables. On prétendit ensuite qu'il s'était produit parmi elles des défaillances. C'est faux. Seulement elles se trouvèrent en présence de régiments parfaitement organisés, dont chaque compagnie avait à sa tête un ou plusieurs officiers allemands, qui dirigèrent le combat avec toutes les ressources de la stratégie et de la tactique germaniques: tirs de préparation avec toute la gamme des calibres, depuis l'artillerie légère, manœuvre progressive d'encercllement, assauts en formations serrées, etc. — Devant la formidable supériorité du nombre, après avoir défendu pied-à-pied la position, nos hommes durent se retirer en abandonnant leurs canons et les fameux tanks, et, tandis qu'ils battaient en retraite en se frayant un passage à la baïonnette, nos poilus entendaient de tous côtés les brefs et rauques commandes allemandes de ceux, qui dans la petite mesure, où ils le pouvaient, s'efforçaient de prendre une modeste revanche de la Marne et de Saint-Quentin!

Est-ce là un hasard; est-ce là un fait isolé? — Non. N'est-ce pas un officier supérieur allemand, le colonel Hoffman, qui dirigeait quelques jours plus tard le bombardement de Lemberg. Ne sont-ce pas des officiers allemands qui, hier encore, après avoir assassiné le 6 mars le colonel Kolpak, organisaient la résurrection de la Lithuanie et forçaient le président du gouvernement provisoire à se réfugier auprès de la mission anglaise?

мости остановить въ десять разъ превосходныя, чѣмъ наши, силы большевиковъ, которыя двигались къ югу. У насъ было для нашей поддержки нѣсколько батальоновъ грековъ, артиллерія и, какъ верхъ роскоши, отдѣленіе танковъ“.

Чтобы были яснѣ выводы, которые, вопреки мнѣнію автора, придется сдѣлать въ заключеніе, здѣсь необходимо прервать его разсказъ и добавить, что дѣйствіе происходило въ 1918 году, когда Красная армія представляла собою еще неорганизованную массу бандъ, когда эти банды побивались въ десять разъ слабѣйшими силами бѣлѣхъ армій, также недостаточно хорошо организованныхъ, и что описанный союзный отрядъ имѣлъ дѣло съ бандами въ ихъ чистомъ видѣ извѣстнаго Антонова, который и по сей день не создалъ изъ нихъ болѣе или менѣе регулярной силы.

Далѣе цитируемый авторъ пишетъ. „Наши войска сражались въ теченіи десяти часовъ съ храбростью и стойкостью удивительными. Утверждали впослѣдствіи, что у нихъ случился упадокъ духа. Это ложно. Однако онѣ оказались передъ прекрасно организованными полками, каждая рота которыхъ имѣла во главѣ одного или нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ, которые управляли боемъ на основаніи всѣхъ данныхъ германской стратегіи и тактики: подготовительный огонь со всею гаммою калибровъ, начиная съ легкой артиллеріи, постепенный охватывающій маневръ, штурмъ въ сомкнутыхъ порядкахъ и проч. Передъ подавляющимъ превосходствомъ числа, послѣ обороны позиціи шагъ за шагомъ, наши люди должны были отступить. Причемъ далѣе авторъ заканчиваетъ совершенно неожиданно, — „покинувъ свои пушки и знаменитые танки“. Выходитъ такъ, что въ случаѣ отступления долгъ французскихъ солдатъ былъ бросить трофеи для торжествующаго противника.

Далѣе авторъ перечисляетъ имена нѣмецкихъ офицеровъ, разныхъ Гофмановъ и Кольпаковъ, которые причинили союзникамъ большія непрятности въ мѣстахъ. . . иныхъ, чѣмъ Березовка. Общій выводъ — французы получили отместку за Марну со стороны германскихъ Гофмановъ и Мюллеровъ подъ Березовкою близъ Одессы.

Не отрицая того, что какой-нибудь Шмидтъ могъ находиться въ рядахъ бандъ Антонова, позволительно спросить, съ какихъ это поръ звукъ нѣмецкихъ фамилій сдѣлался для французскихъ солдатъ столь страшнымъ, что ихъ долгъ въ бою выразился въ бросаніи своихъ орудій и танковъ? Сколько такихъ Мюллеровъ, Шмитовъ и Гофмановъ было бито въ томъ-же 1918 году, но только на Западномъ фронтѣ, на французской землѣ, въ бою, выгонявшемъ „Боша“ изъ предѣловъ Франціи?

Все дѣло значитъ не въ прекрасно-организованныхъ „полкахъ“ Антонова, которыхъ и не было, и не въ тѣхъ

шатающихся нѣмецкихъ ланцкнехтахъ, которые тамъ могли находиться, а въ духовныхъ данныхъ самихъ французскихъ частей, не понимавшихъ значенія борьбы на русской территории, ради, какъ онѣ думали, „русскихъ“ интересовъ.

Для насъ приведенный рассказъ цѣненъ тѣмъ, что онъ касается психологіи арміи побѣдителя, только что разгромившаго своихъ противниковъ на всѣхъ фронтахъ и вдругъ восчувствовавшаго столь почтительный ужасъ при одномъ предположеніи о наличіи ихъ вновь передъ собою.

Дѣло, конечно, не въ Гофманахъ, а въ нежеланіи сражаться самихъ французовъ. Скажутъ, десять часовъ боя противорѣчатъ этому. По русскимъ даннымъ столь продолжительное дѣйствіе объяснялось болѣе чѣмъ понятной нерѣшимостью бандитовъ открыто атаковать регулярную силу съ репутацией европейскихъ побѣдителей и во всеоружіи современной военной техники.

Особое свойство нынѣшней вооруженной милиціонной или милиціонированной массы заключается въ томъ, что она можетъ годиться только для одного случая внѣшней борьбы, это для обороны родины. Въ противномъ случаѣ нужна продолжительная идейная подготовка, которая всякому солдату сдѣлала-бы понятной агрессивность политики правительства. Въ періодъ времени, описываемаго Р. де-Флерсомъ, не было среди французскихъ солдатъ идеи болѣе антипатичной, чѣмъ походить въ Россію. Въ любомъ общественномъ мѣстѣ, въ саду, на улицѣ, въ случайно подслушанныхъ разговорахъ пуалю, въ большомъ числѣ наводнявшихъ улицы Бухареста, Одессы и другихъ городовъ и мѣстечекъ Румыніи и южной Россіи эта тема всегда занимала первенствующее мѣсто и всегда въ нелестныхъ выраженіяхъ. Напрасно думаютъ, что предпріятіе было оставлено исключительно подъ давленіемъ социалистовъ французской палаты депутатовъ. Не меньшую роль сыграло здѣсь и простое нежеланіе воевать въ Россіи самихъ французскихъ войскъ. Ихъ прозорливое и мудрое начальство на мѣстахъ отдало себѣ въ этой роковой данной полный отчетъ и предпсало не натягивать и безъ того натянutoй струны.

Они попытались замѣстить французовъ черными. Когда имъ это не удалось, они предпочли отказаться отъ операціи въ Россіи, военное рѣшеніе логически неизбѣжное, но имѣющее неисчислимыя политическія послѣдствія, которыхъ печальныя послѣдствія мы чувствуемъ до сихъ дней.

Знаетъ-ли теперь читатель, что такое „Березовка“. Думается, что знаетъ? О „Березовкѣ“ долженъ помнить всякій военный организаторъ, который не склоненъ пропускать мимо ушей первыя предостереженія. „Паника“ подъ Березовкой, а это была именно паника, есть свойство современнаго полумилиціоннаго войска, выходящее наружу въ случаяхъ не-

пониманія массою цѣлей боевого дѣйствія. Въ этихъ случаяхъ „духъ“ отлетаетъ отъ нея, а съ духомъ вмѣстѣ и „дисциплина“. „Вооруженный народъ“ вовсе не такое послушное орудіе въ рукахъ политической власти, какъ это принято обыкновенно думать. „Вооруженный народъ“ нерѣдко самъ навязываетъ свою волю власти, и, къ сожалѣнію, не всегда эта воля выражаетъ наиболѣе мудрое рѣшеніе вопроса. Нерѣдко прозорливая политическая власть, сознавая это, все-же видитъ себя вынужденной послушно плестись за капризнымъ хотѣніемъ эгоистически настроенной массы.

Талантъ и предвидѣніе всегда дарованія одаренныхъ людей, а не массы. Толпа живетъ жизнью, которая отстааетъ на нѣсколько сотъ лѣтъ отъ жизни генія. Поэтому не удѣлъ толпы принять рѣшеніе, продиктованное предвидѣніемъ. Однако, не взирая на это, политическіе дѣятели, предчувствующие событія, умѣющие ихъ предугадывать, вынуждены зачастую идти вопреки своей прозорливости, уступая тупому хотѣнію массы, т. е., грубой силы. Нынѣшняя армія изъ орудія власти постепенно обратилась въ орудіе давленія на нее.

Быть можетъ очеркъ возмущенія германскаго флота — одна изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ исторіи современной вооруженной силы.

„Экипажъ большаго новѣйшаго судна составляется изъ толпы техниковъ и рабочихъ-спеціалистовъ; они выходятъ во всѣхъ странахъ, и въ особенности въ Германіи, изъ среды рабочихъ и сформировались на промышленныхъ методахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что духъ экипажа дреднаута не отличается чувствительно, что касается нѣкоторыхъ сторонъ, отъ духа личного состава рабочихъ завода. „Конечно, такая среда была въ высшей степени способна къ воспріятію всякой внѣшней разрушительной пропаганды. Этому-же способствовало „прогрессивное исчезновеніе стараго корпуса офицеровъ — скрѣпы всего зданія германскаго флота, все возрастающій антагонизмъ между офицерами и унтеръ-офицерами; наконецъ, развитіе дѣйствія социалистическаго и синдикалистскаго среди экипажей“.

„Потери въ офицерахъ были огромны. Выпуски корабельныхъ лейтенантовъ 1909 и 1910 г. г. потеряли 35% ихъ состава“. Всѣ эти жертвы пали на подводную войну. „Приходилось брать замѣстителей съ судовъ линейнаго флота. Вскорѣ на борту не оказалось старыхъ офицеровъ, способныхъ дѣйствовать на экипажи“.

„Можно было, казалось-бы, замѣнять этихъ офицеровъ унтеръ-офицерскимъ корпусомъ. Но это значитъ плохо знать аристократическій духъ, который одушевлялъ до конца командованіе и корпусъ морскихъ германскихъ офицеровъ. Предпочитали старымъ унтеръ-офицерамъ, сроднившимся со всѣми тонкостями ремесла, привычныхъ въ немилосердной

дрессировкѣ рекрутъ и способныхъ держать въ своемъ желѣзномъ кулакѣ отдѣленія, которыми командовали, юныхъ желторотыхъ птенцовъ, вышедшихъ изъ буржуазіи, получившихъ образованіе въ гимназіяхъ и вдругъ произведенныхъ въ офицеры. Изъ этого получилась глубокая горечь среди корпуса германскихъ унтеръ-офицеровъ: вмѣсто того, чтобы обратиться противъ бунта, они взяли руководство имъ. Это, быть можетъ, къ тому-же было благо для Германіи: морская революція, не взирая на свои частичныя жестокости, сохраняла темпъ дисциплины“.

„То-же раздѣленіе царствовало и въ корпусѣ офицеровъ; непроницаемая перегородка отдѣляла флотскаго офицера отъ инженеровъ, комиссаровъ и медиковъ“. Положеніе офицеровъ было поэтому ненормальнымъ: „они сдѣлались окончательно чуждыми своимъ подчиненнымъ; довѣріе экипажей относительно своихъ офицеровъ было потеряно навсегда! „Первыя вспышки между экипажами относятся къ маю 1917 года; . . . порядокъ былъ восстановленъ безъ особыхъ трудностей. Главныя причины возмущеній были, какъ кажется, дурное качество пищи и суровость офицеровъ. Однако недовольство не потухло вполне. Послѣ этихъ первыхъ манифестацій каждое судно тайно выбрало семь или восемь членовъ, которыхъ оно делегировало на серію скрытныхъ митинговъ, происходившихъ на сушѣ, чтобы организовать при первомъ-же случаѣ болѣе серьезный бунтъ. Именно въ это время первыя русскія революціонныя вліянія начали ощущаться въ Германіи“.

Въ это-же время въ Европѣ установился очень распространенный взглядъ, даже между руководящими кругами, что „идіотство“ русскаго безчинства въ арміи и во флотѣ, съ ихъ пораженчествомъ и прочими уродствами дисциплины, невозможно на „культурномъ“ Западѣ среди его „культурныхъ“ массъ. Предостерегающіе голоса такихъ знатоковъ психологіи народныхъ скоповъ всѣхъ видовъ, какъ Ле-Бонъ, оставались безъ всякаго вліянія. Напрасно онъ твердитъ, что масса населенія даже цивилизованной страны отстаетъ на нѣсколько вѣковъ отъ своихъ передовыхъ слоевъ и пребываетъ въ большинствѣ въ „некультурномъ“ состояніи, что толпою обычно руководитъ чувство, порывъ и темпераментъ, а не разумъ, что для чувствъ нѣтъ эпохъ, такъ какъ оно остается отъ сотворенія міра неизмѣннымъ и что толпа развитыхъ умственно людей почти ничѣмъ не отличается отъ толпы дикарей. Это мнѣніе оставалось одинокимъ, что, впрочемъ, совпадало и съ ожиданіями самого автора его, такъ какъ онъ училъ, что для доказательства справедливости того или иного мнѣнія въ глазахъ массы нужно это мнѣніе страдать путемъ чувства — одной логики недостаточно. При этомъ дикій эгоизмъ толпы всегда беретъ верхъ надъ раз-

судкомъ и разсудительностью. Эти моменты наиболѣе благопріятны для демагогіи нечестныхъ вождей.

Именно поэтому 3 августа 1917 г., т. е., розно черезъ три мѣсяца послѣ первыхъ вспышекъ, „кочегары и спеціаллисты“—матросы „Принца-Регента Луитпольда“ (этотъ броненосецъ имѣлъ столь дурную славу, что среди офицеровъ другихъ судовъ былъ окрещенъ „кораблемъ сознательныхъ“) отказались работать: 800 человекъ сошли на берегъ... На борту „Кейзеринъ“ люди, подъ предлогомъ несъѣдобной пищи, отказались отъ работы... Вечеромъ командиръ „Кенигъ-Альбертъ“ получилъ ударъ ножемъ между лопатокъ... „Фридрихъ Великій“, „Марграфъ“, „Кронпринцъ“, „Вестфалія“, „Остфридландъ“, „Тюрингенъ“ были также тронуты заразой. Однако волненія еще не превращались въ открытый, организованный бунтъ. Для этого понадобилось нѣсколько мѣсяцевъ революціонныхъ приготовленій, которыя должны были подкопать дисциплину на борту германскаго флота. Это на сушѣ дѣйствовали направляющіе организмы революціи. Они образовывали тайную, очень могущественную организацію. Люди, расквартированные въ депо, находились подъ командою офицеровъ, утомленныхъ или съ пониженными военными качествами. Они были скучены и легко чувствительны къ пропагандѣ... Революція была старательно подготовлена: списокъ хозяйственныхъ должностей для занятія ихъ заговорщиками былъ выработанъ, планъ движенія установленъ пунктъ за пунктомъ; въ каждой эскадрѣ было предназначено особое судно, которое должно было служить для связи съ революціонерами. Это судно должно было управляться унтеръ-офицерами, обыкновенно резервистами, которые работали въ наибольшей тайнѣ. Они пользовались полнымъ довѣріемъ экипажей. Вожаки, къ тому-же, предвидѣли сопротивленіе большаго числа единиць и сообразили цѣлый планъ, предназначенный къ тому, чтобы голодомъ уменьшить число кораблей въ морѣ, отказывая имъ въ продовольствіи и въ углѣ. Въ то-же время печатали цѣлую литературу, доступную для матросовъ... Листовки и брошюры прибывали изъ Швейцаріи; въ Цюрихѣ устроили совѣты для распространенія этихъ произведеній: „Было важно... пріобрѣсти довѣренныхъ людей между солдатами. Сдѣлайте подарки отпускнымъ, возвращающимся на фронтъ: сигары, трубки, табакъ; завертывайте ихъ въ листовки, присоединяйте къ этому пачки брошюръ.“ Революціонеры использовали въ равной мѣрѣ, какъ кажется, спортивные собранія, устраиваемыя въ большихъ городахъ, какъ Бременъ, Гамбургъ и Дюссельдорфъ, даже музыкальныя празднества, столь распространенныя въ Германіи... Но лишь 29 октября 1918 г. должно было вспыхнуть во всей своей широтѣ революціонное движеніе. Извѣстія съ фронта были очень плохи, игра,

казалось, была проиграна Германіей“. Однако морское командованіе проектировало большую ночную операцію. Легкія морскія силы, поддержанныя большими судами флота открытаго моря, должны были 30 октября двинуться къ нѣкоторымъ пунктамъ англійскаго побережья, на высотѣ бельгійскихъ береговъ. Революція была первоначально намѣчена 9 ноября, потомъ перенесена на 6-е. Она вспыхнула во флотѣ преждевременно. Агитаторы распространили слухъ, что дѣло шло не о частичномъ выходѣ, но о безнадежной попыткѣ всего флота противъ Англій. Императоръ долженъ былъ, перейдя на бортъ „Бадена“, искать смерти во главѣ своихъ эскадръ и погибнуть, увлекая въ разгромѣ тысячи невинныхъ моряковъ, противниковъ такой бесполезной жертвы. Больше ничего не требовалось ¹⁾ для общаго возстанія какъ на судахъ эскадръ, отказавшихся отъ задуманнаго выхода, такъ и въ порту Киля.

Начались событія, столь хорошо извѣстныя по описаніямъ Кронштадтскихъ беспорядковъ. Избраніе матросскаго совѣта, бесполезныя оскорбленія и убійства офицеровъ, освобожденіе арестованныхъ за минувшія, болѣе мелкія возстанія и, наконецъ, убійство въ его-же домѣ губернатора Киля, адмирала Сушонна, прославившагося своей дѣятельностью въ Турціи, вызвавшей выступленіе послѣдней на сторонѣ Германіи.

Для усмиренія новое германское демократическое правительство командировало Носке, бывшаго унтеръ-офицера. Ему съ большимъ трудомъ удалось мало по малу возстановить относительный порядокъ, прекратить безцѣльную пальбу на улицахъ и ввести кое-какую дисциплину среди матросовъ. Важное отличіе отъ русскихъ, — „духъ германской дисциплины сказывался даже въ волненіяхъ, и Носке откипаетъ комическя черты почтительности и подчиненности экипажей передъ начальниками, которыхъ они сами выбрали“. ¹⁾

Труднѣе было добиться отъ экипажей согласія на выходъ въ море для отвода эскадръ въ Скапа-Флоу, во исполненіе требованія державъ Согласія. И главную роль въ отказѣ матросовъ игралъ, вопреки естественнымъ ожиданіямъ, не патріотизмъ, а требованіе денежной преміи за морской переходъ. Флотъ не вышелъ до той поры, пока всѣ суда по беспроволочному телеграфу не были извѣщены, что всѣ матросы получаютъ отъ 300 до 400 марокъ.

Вотъ какъ Носке описываетъ сцену выхода германскаго флота въ свой послѣдній, столь позорный походъ.

17 ноября мрачнымъ, осеннимъ днемъ Носке находился въ полдень близъ шлюза канала, чтобы присутствовать при отходѣ большихъ кораблей. — „Какъ гигантскія стальные цитадели — чудовища проходили черезъ шлюзъ. Громадная

¹⁾ „Le Temps“, 1 окт. 1917 г., № 21, 973, — „La Révolution Navale en Allemagne; Causes et Origines du mouvement“ par Edmond Delage.

часть германскаго богатства исчезала навсегда къ английскимъ берегамъ; очень немногіе среди матросовъ обнаруживали пониманіе національнаго позора, который заключался въ этомъ выходѣ. Они разражались криками „ура“ и восторженными возгласами. Въ моментъ, когда на одномъ изъ судовъ, я забылъ его имя, — пишетъ Носке, — зазвучала радостная мелодія, я не могъ воздержаться, чтобы не плюнуть отъ отвращенія“.¹⁾

Этотъ примѣръ, исполненный того отвращенія къ низкимъ сторонамъ толпы, которое столь краснорѣчиво выразилось въ плевкѣ Носке, поучителенъ для насъ тѣмъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ средѣ военной массы одного изъ безспорно цивилизованныхъ народовъ и именно въ тѣхъ его слояхъ, которые отнюдь не отличаются полнымъ невѣжествомъ: это были въ большинствѣ рабочіе, цвѣтъ современнаго пролетаріата.

Отрицательные факты бызають часто самыми поучительными, а потому полезно обратиться къ примѣрамъ практики именно русской арміи.

Начиная съ фактовъ малаго значенія и переходя къ крупнымъ, можно подобрать коллекцію примѣровъ, весьма разительныхъ для сужденія о томъ, какъ осуществлялись вопросы организациі въ русской арміи при мобилизациі и въ теченіе войны.

Помню мобилизацию одного изъ гвардейскихъ полковъ въ Варшавѣ. Полкъ, извѣстный своей выдающейся выучкой, сохранился въ мирное время въ количествѣ 1500 человекъ. При мобилизациі въ него было назначено свыше 2500 человекъ. Но какихъ!

Въ то время, когда въ той-же Варшавѣ находились коренные запасные этого полка, просившіеся въ свою родную часть, ее переполнили бывшими нестроевыми, обозными служителями госпитальныхъ командъ, бывшими кавалеристами, хотя полкъ былъ пѣхотный, слабыми физически, полубольными, въ большинствѣ не умѣвшими держать ружья, такъ какъ и на дѣйствительной своей службѣ они держали его рѣдко. Коренные-же запасные чины полка, просившіеся въ свою часть, назначались въ интендантскія учрежденія и въ тылъ. Мало того, запасные полковъ той-же дивизіи распределялись такимъ страннымъ образомъ, что люди одного полка попадали въ чуждый имъ полкъ, получавшій въ свою очередь въ свои ряды людей перваго полка. Нужны были внутреннія распоряженія по этой дивизіи уже на маршахъ, чтобы исправить этотъ сумбуръ мобилизациі, хотя бы не вполне, но частично. При этомъ огромное число этихъ комплектованій, за полной физической невозможностью для нихъ по состоянію здоровья переносить тягости походовъ съ полкомъ, сдѣлавшимъ въ первый маневренный періодъ войны свыше

¹⁾ Idem.

1200 версть, убыли изъ строя, почти не успѣвъ принять никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Впослѣдствіи, послѣ подлечиванія въ разныхъ госпиталяхъ, эти люди, вернувшись въ полкъ, въ который они попали по мобилизації, выученные въ запасномъ баталіонѣ, выравнились настолько, что въ тяжелыхъ бояхъ на Стоходѣ, гдѣ доблесть войскъ превосходила искусство высшаго командованія, вели себя, какъ подобаеть истинному солдату. Спрашивается, къ чему было портить блестящій строй полка элементомъ, который не былъ еще готовъ къ бою? И сколько такого элемента, брошеннаго въ бой на первыхъ-же порахъ войны, испортило исходъ первыхъ столкновеній? Пропущенные черезъ извѣстный фильтръ, тѣ-же люди были-бы перерождены морально и физически, и, не портя дѣло своихъ частей, сами не гибли-бы безсмысленно отъ своей неподготовленности и физической слабости.

Предварительно своего отправления въ бой этотъ сортъ запаса нуждался въ серьезной школѣ, безъ которой употребленіе его какъ боевой силы было безуміемъ, основанномъ на наивности представленія о роли правильной организаци и вліяніи ея на психику массы.

Первое, что поражаетъ при внимательномъ изученіи этого случая, это полное и беспорядочное смѣшеніе разныхъ сортовъ запаса и, повидимому, отсутствіе представленія о томъ, что предшествовавшая подготовка людей, ихъ возрастъ, состояніе ихъ здоровья, давность отбыванія ими послѣднихъ учебныхъ сборовъ и, наконецъ, ихъ предшествовавшая передъ призывомъ дѣятельность непосредственно отзываются на благополучіи работы пополненныхъ ими при мобилизації войсковыхъ частей. Такіе сторонники милиціи, какъ Жоресъ, не отдають себѣ въ этомъ никакого отчета. Они не видятъ того, что вмѣстѣ съ расширеніемъ милиціонности въ арміи— въ нее вольется широкою волною вся пестрота современной психологіи массъ. А въ ихъ составѣ, и это не секретъ, накопилось слишкомъ много элементовъ, глубоко враждебныхъ тому ремеслу меча, къ которому ихъ все-же, въ силу нивелирующей системы, подобной Жоресовской, желаютъ силкомъ привлечь. Есть люди, которыхъ нельзя пускать въ бой безъ ихъ предварительной передѣлки. Конечно, извѣстно, что всѣ эти правила, или почти всѣ, были предусматрѣны дѣйствовавшими до войны законоположеніями. Но неисполненіе ихъ на практикѣ — лишнее доказательство того, какая дистанція отдѣляетъ законъ отъ его осуществленія. Важенъ здѣсь не законъ, а точка зрѣнія людей, призванныхъ его исполнить. Совершенно ясно, это не были измѣнники своего отечества, но работа ихъ была равна измѣнѣ изъ-за наивнаго представленія о законахъ воинской организаци. Они, повидимому, не знали, что полкъ-это живой организмъ съ живой душой, которая можетъ жить, какъ и у отдѣльнаго субъекта, и по мудрой,

извѣстной поговоркѣ, только въ здоровомъ тѣлѣ. Заражая это тѣло, не вѣдали, что творили.

Вообще безпорядокъ мобилизаціи въ Россіи, въ ознаменованіе благополучія которой, не ожидая суда исторіи, заинтересованныя лица успѣли выбить медаль, былъ весьма значительный. Не взирая на существовавшія еще въ мирное время распisanія и расчеты, лошадей для частей гвардейской дивизіи и даже для обоза штаба Главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ въ послѣдній день мобилизаціи хватили по правиламъ производства реквизицій въ непріятельской странѣ на улицахъ Варшавы, распрягая трамваи и экипажи. Иначе эти войсковыя части не могли-бы выступить въ походъ на слѣдующій день. Къ счастью все это дѣлалось при полномъ сочувствіи населенія.

Уже въ теченіи войны одинъ гвардейскій полкъ, послѣ славныхъ боевъ, понёсся огромныя потери, къ концу сраженія подъ Лодзью, оказался въ составѣ всего около 1000 человекъ при 13 офицерахъ. Къ нему прислали 600 человекъ пополненія, но такихъ, что становилась ясной и неизбѣжной послѣ вліянія этихъ людей въ ряды, если не полная потеря боеспособности части, то значительное ея ослабленіе. Командиръ полка, командовавший одновременно по случайнымъ обстоятельствамъ боя сводной дивизіей изъ двухъ гвардейскихъ и двухъ армейскихъ полковъ, изъ которыхъ одинъ находился въ состояніи полного моральнаго упадка послѣ понесенныхъ въ Восточной Пруссіи неудачъ, просилъ не вливать этого пополненія въ ряды части, зная которой никогда въ вѣковую исторію не знало пятна. Начальникъ дивизіи-небезызвѣстный впоследствіи среди первыхъ большевистскихъ генераловъ В. Н. Чернавинъ, не счелъ нужнымъ удовлетворить это желаніе полка-драться въ меньшемъ, но лучшемъ составѣ. Внялъ этому командиръ корпуса и разрѣшилъ влить прибывшихъ людей въ ряды упомянутаго выше пострадавшаго армейскаго полка, который такимъ образомъ усилился числительно, не ставши отъ этого хуже качественно. А слабый численно упомянутый гвардейскій полкъ настолько хорошо исполнилъ свою задачу до конца Лодзинскихъ боевъ, что получилъ особую благодарность Государя, присланную на мѣсто сраженія. Значитъ, этотъ примѣръ указываетъ на то, что въ организаціонномъ отношеніи главная роль принадлежитъ не количеству, а качеству. Вся военная организація построена именно на этомъ моральномъ фундаментѣ: самое трудное въ ней-не полученіе огромныхъ по численности итоговъ мобилизованныхъ войскъ, а такая комбинація призванныхъ элементовъ, чтобы они работали наиболѣе продуктивно.

Вся книга Жореса „L'Armée Nouvelle“ построена въ сущности на одномъ кажущемся автору неотразимомъ доводѣ-довести „массу“ вооруженной силы Франціи до предѣла; онъ

предполагаетъ интенсифицированіемъ милиціонности поставить въ ружье всѣ одиннадцать призывныхъ возрастовъ страны, вмѣсто пяти, которые тогда составляли дѣйствующую по мобилизації армію. Не говоря уже о томъ, что такой способъ не годится для того, чтобы получить перевѣсъ числа надъ противникомъ, превосходящимъ Францію цифрою своего населенія (Германія), можно быть совершенно увѣреннымъ, что противникъ не сталь-бы на такой путь состязанія, такъ какъ такая неосторожность равнялась-бы „качественному“ разрушенію арміи. Гоняясь за числомъ, Жоресъ не понимаетъ „качества“ и совершенно не знаетъ путей, ведущихъ къ его совершенству. Но хуже всего то, что мнѣнія Жореса, сознательно или безсознательно, вѣрнѣе послѣднее, не взирая на удивительную вообще тонкость его анализа, готовящаго аппаратъ для классової борьбы, находятъ откликъ въ военныхъ кругахъ, которые, на этотъ разъ уже вполне безсознательно, льютъ воду на его мельницу. Это общество молодыхъ боевыхъ французскихъ офицеровъ подъ патронатомъ генерала Дювала, взявшаго на себя трудъ редакціи такъ называемой „Collection tarde“, посвященной острымъ вопросамъ военной организаціи. Насколько трудъ Жореса является лишь утвержденіемъ принциповъ и общихъ основаній будущей милиціи, настолько работа указанной молодой группы представляетъ собою первую попытку указать практическіе приемы технически для постепеннаго осуществленія идеи Жореса. Ихъ профессиональность отразилась въ ихъ работѣ тѣмъ, что они, отдавая, какъ и Жоресъ, явное предпочтеніе „количеству“ и „массѣ“, не забыли вполне и о „качествѣ“. Но у этой молодежи оно занимаетъ второстепенное, подчиненное мѣсто.

Вотъ почему разительно поучителенъ примѣръ Россіи съ ея 12 милліонной арміей, разсыпавшейся, какъ песокъ по вѣтру. Собрать „массу“ — это еще не значитъ владѣть ею. Чтобы ее подчинить, нужно слить массу въ плотный монолитъ. А этотъ процессъ имѣетъ свои многовѣковые законы, о которыхъ теперь все чаще и чаще забываютъ не только люди политики, но и меча. Объ этихъ законахъ будутъ говорить вторая и, отчасти, третья глава настоящаго труда. Пока-же необходимо установить слѣдующую истину: взять человѣка, вооружить, обучить и бросить въ бой — подобный способъ дѣйствій граничить съ полнымъ безуміемъ, изобличающимъ совершеннѣйшее невѣжество въ вопросахъ строительства вооруженной силы.

Слишкомъ часто, и не только въ русской арміи, особенно на первыхъ порахъ войны, забывали, что кадры войскъ — это драгоценность, которую слѣдуетъ по возможности ревниво оберегать отъ полнаго уничтоженія, такъ какъ оно исключаетъ возможность возрожденія части. Послѣ Лодзинскихъ боевъ въ одинъ полкъ прислали въ самый короткій срокъ

огромное пополненіе въ три тысячи человекъ. Такая-же мѣра была проведена и относительно прочихъ полковъ той-же дивизіи. Ясно, что кадры полковъ, сильно порѣдѣвшіе въ прежнихъ бояхъ, растворились въ пришломъ элементѣ съ явнымъ вредомъ для войсковыхъ частей. Чувствовалась потребность отойти хотя бы ненадолго въ тылъ для сколачивания частей, потерявшихъ свою обычную фізіономію настолько, что въ двухъ изъ нихъ былъ прискорбный случай оставленія окоповъ людьми, отправившимися для обѣда, вслѣдствіи чего нѣмцы безъ боя заняли эту позицію, и упорнымъ боемъ уже не удалось ее вернуть.

Какъ это ни странно, вопросъ о необходимости отвода дивизіи въ тылъ для организациіи возбудилъ у высшаго начальства арміи подозрѣніе чуть ли не въ недостаткѣ мужества частей, хотя они въ новыхъ доказательствахъ его не нуждались. Таково было въ началѣ войны непониманіе законовъ войсковой организациіи въ Россіи. Проводился въ общемъ тотъ немудрый взглядъ въ этомъ отношеніи, что „солдатскій горбъ“ долженъ замѣнить недостатокъ знаній у команднаго состава. Это легкомысліе или недомысліе было, какъ извѣстно, жестоко наказано впослѣдствіи въ бурные дни революціи, такъ какъ они несомнѣнно имѣли связь съ тѣми явленіями, о которыхъ свидѣлствуютъ всѣ приведенные примѣры.

Въ такомъ отношеніи къ кореннымъ вопросамъ военной организациіи и въ особенности къ вопросу о необходимости бережнаго сохраненія „кадровъ“ въ нынѣшней „кадровой“ системѣ менѣе другихъ виновна германская система. Не избѣжала такой вины французская: она пришла къ пониманію этой необходимости цѣною большой крови, но ранѣе русской арміи, которая одна до самаго конца войны продолжала безумствовать по части самоуничтоженія.

Пополненіе русской арміи было поставлено въ началѣ въ условія крайне ненормальныя: съ тылу посылали въ дѣйствующую армію все похуже, оставляя въ гарнизонахъ все лучшее. Въ особенности это касалось гвардіи. Запасными ея частями командовалъ генералъ Чебыкинъ, который прославился тѣмъ, что при помощи такой системы на одномъ изъ тыловыхъ парадовъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а при возникновеніи революціи, взлелѣянной именно въ его частяхъ вслѣдствіи его-же недосмотра, отличившійся своимъ абсентеизмомъ.

Прославился также такую войною съ фронтомъ командующій войсками Казанскаго военного округа генералъ Сандецкій. Когда было, наконецъ, сознано, что связь между фронтовыми частями и ихъ запасными бригадами должна быть прочная и основательная, указывалось утомленнымъ чиновъ посылать въ тыловыя запасныя части съ тѣмъ, чтобы съ тылу брать все наилучшее подготовленное. У генерала Сан-

децкаго это правило трансформировалось такъ: все лучшее изъ присланнаго изъ арміи навсегда задержать у себя, не давая на фронтъ, для чего завести затяжную переписку съ фронтowymъ начальствомъ.

И не было той власти, которая смогла-бы предотвратить это безобразіе. По этому поводу одинъ изъ начальниковъ дивизій, приведенный въ стчаяніе этимъ произволомъ, граничившимъ съ измѣною, писалъ небезызвѣстному послѣдствіи большевистскому генералу, пресловутому Бончъ-Бруевичу, тогда начальнику штаба Сѣвернаго фронта, прося его разыскать какого-нибудь „Дракчеева“, который сумѣлъ—бы побѣдить губительный произволъ тыла примѣненіемъ мѣръ жестокой строгости.

Всѣ подобныя недостатки русской системы мобилизаціи уничтожали единственное ея преимущество надъ арміями союзниковъ и противниковъ — неисчерпаемые людскіе резервы. Путемъ недосмотра закона, при посредствѣ недостатка контроля и что самое важное, „бытовыми“ особенностями, проистекавшими отъ отсутствія гражданской честности, русскія боевыя части были обречены на качественное вырожденіе, которое неизбѣжно должно было привести, и въ дѣйствительности привело, къ крушенію не только всей армейской, но вмѣстѣ съ ней и всей государственной системы.

Какъ-бы для нанесенія послѣдняго удара вооруженной силѣ государства, передъ самымъ большевистскимъ переворотомъ, точно, чтобы облегчить его, Керенскій и его Военный Министръ генералъ Верховскій, которые, не зная что дѣлать, создавали свою популярность путемъ всякихъ попустительствъ и послабленій. Одною изъ наиболѣе губительныхъ въ ряду подобныхъ мѣръ нужно признать увольненіе осенью 1917 года четырехъ старшихъ возрастовъ съ фронта и замѣна ихъ равнымъ числомъ людей изъ запасныхъ частей, къ тому временн уже достаточно распропагандированныхъ большевиками. Этою мѣрою были достигнуты слѣдующіе результаты:

1) Армія лишилась начисто своихъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ и вообще обстрѣлянныхъ кадровыхъ солдатъ, составлявшихъ ея главное моральное ядро;

2) Артиллерія, которая благодаря малымъ потерямъ, ей свойственнымъ, къ этому времени состояла изъ чиновъ, по духу, опыту и всему своему складу напминавшихъ заправскихъ солдатъ-профессионаловъ, была однимъ ударомъ подравнена къ пѣхотѣ, т. е., ея уровень былъ пониженъ;

3) Въ армію въ изобиліи влились большевистско-революціонные элементы и пропагандисты.

Какъ производилась пропаганда въ тылу, лучше всего показать на примѣрѣ запаснаго батальона Л.-Гв. Волинскаго полка, сыгравшаго такую важную инициативную роль въ возмущеніи Петроградскаго гарнизона. При помощи порядковъ

заведенных генералом Чебыкинымъ, этотъ батальонъ совершенно автономизировался отъ своего полка, снабжалъ его всѣмъ ему ненужнымъ, а у себя завелъ два оркестра: одинъ—духовой и другой-струнный симфоническій. Въ этихъ оркестрахъ „окопались“ въ тылу еврейчики изъ Петроградской консерваторіи и тотчасъ-же основали въ полку политическую пропаганду, причемъ предварительно выжили интригами капельмейстера-чеха, стараго Волинскаго служаку, мѣшавшаго ихъ „работѣ“.

Мы наталкиваемся здѣсь не только на полное непониманіе правилъ и основъ военной организаціи со стороны военныхъ отвѣтственныхъ начальниковъ, но и систематическую работу по подтачиванію ея со стороны политически-враждебныхъ арміи элементовъ при невѣжественномъ покровительствѣ самихъ военныхъ начальниковъ. Наивность послѣднихъ доходила до такой степени, что рапортъ командира Л.-Гв. Волинскаго полка, поданный въ январѣ 1915 г., т. е., за два года до революціи и прямо указывавшій на грозящій гвардіи развалъ изъ-за незаконной и непозволительной дѣятельности ея запасной бригады, былъ положенъ подъ сукно прословутымъ генераломъ Чернавинимъ.

Указанными примѣрами не ограничилось разрушеніе „кадровъ“ арміи. Уже послѣ революціи, когда началось моральное шатаніе войсковой массы, кажется, по настояніямъ съ Запада было сразу сформировано большое число новыхъ дивизій, выдѣленіемъ сильныхъ кадровъ изъ старыхъ, такимъ способомъ крайне ослабленныхъ качественно. Изъ этихъ новыхъ дивизій лишь очень немногія могли быть оставлены, громадное-же большинство принуждены были вновь расформировать изъ-за многочисленныхъ въ ихъ рядахъ эксцессовъ.

Разсказываются всѣ эти случаи главнымъ образомъ не для того лишь, чтобы дать примѣры русскаго развала, но для того, чтобы спросить читателя, можетъ-ли онъ считать любую изъ европейскихъ армій съ ихъ мѣняющимся личнымъ составомъ обезпеченной отъ подобной-же подкапывающей разрушительной работы? Едва-ли можетъ, такъ какъ это одна изъ возможностей, доставляемыхъ особенностями современной системы.

Такимъ способомъ, еще за нѣсколько лѣтъ до большевистскаго переворота, начиная съ монархическаго періода черезъ все время революціи, съ неперемѣннымъ участіемъ команднаго состава, вслѣдствіе его невѣжества или крайней наивности въ вопросахъ военной организаціи началась подготовка русской арміи къ воспріятію большевистской морали. Съ началомъ революціи-съ марта 1917 г. въ арміи заработали комитеты и комиссары, а къ октябрю 1917 года кадры, а. е., основа всего, уже можно сказать, не существовали въ арміи: держался еще сильно подточенный кадръ офицеровъ.

Для его уничтоженія большевикамъ оставалось только провозгласить выборное начало команднаго состава, и армія перестала существовать. По призыву „заключай миръ“ и „уйди по домамъ“ вооруженная 12-милліонная толпа хлынула назадъ, грабя родину и убивая своихъ соотечественниковъ.

Неуважительное отношеніе къ „кадрамъ“ и ихъ роли въ современной системѣ было вообще отличительною чертою русской военной власти. У французовъ въ самомъ началѣ войны опомнились и приняли рѣшительныя мѣры по прекращенію мотовства боеваго начальства, приводившаго къ полному и неизлечимому уничтоженію войсковыхъ частей; нѣмцы никогда не отличались этою особенностью, и ихъ кадровая система выдержала наиболѣе солидное испытаніе, давъ прочность не только своей арміи, но и арміямъ своихъ слабыхъ союзниковъ.

Въ Россіи организація кадровъ дѣйствующихъ войскъ была такъ-же непостоянна, какъ и система подачи въ нихъ запаса людей. Въ началѣ появленія всеобщей воинской повинности въ Россіи кадры запаса пребывали въ составѣ дѣйствующихъ частей; затѣмъ, уяснивъ неудобства смѣшенія разнородныхъ обязанностей, образовали особыя специально-резервныя бригады, особенно выгодныя для Россіи, такъ какъ громадность ея территоріи вызывала необходимость расквартированія дѣйствующихъ частей арміи отъ ихъ раіоновъ пополненія иногда на разстояніи тысячъ верстъ; но по непонятнымъ соображеніямъ, какъ разъ въ то время, когда французы изъ подражанія намъ начали изучать у себя способы введенія такой-же системы, мы отказались отъ нея. Какъ кажется, причиною такого шага былъ печальный опытъ въ бояхъ Японской войны нѣкоторыхъ изъ корпусовъ, сформированныхъ изъ такихъ резервныхъ бригадъ. Выводъ уже потому неправильный, что онъ явился результатомъ неправильной организаціи: не слѣдовало изъ этихъ частей, предназначенныхъ для фильтраціи запаса, формировать цѣлыхъ корпусовъ и сразу ихъ пускать въ бой.

Столь-же неправильнымъ было и использованіе разныхъ классовъ запаса. Съ первыхъ-же дней войны въ ряды войскъ начали вливать людей всѣхъ возрастовъ безъ различія и даже ополченцевъ, перемѣшивая часто роды оружія и спеціальности.

Не то видимъ у нѣмцевъ. Чины ихъ ландштурма не вливались въ боевыя линіи до осени 1915 года. Впервые они появились въ очень ограниченномъ числѣ въ бояхъ именно на русскомъ фронтѣ и оказались, какъ и слѣдовало ожидать, очень слабыми качественно; при этомъ они нигдѣ и никогда не дѣйствовали въ составѣ выше батальона, приданнаго дѣйствующимъ частямъ, болѣе прочной организаціи. Съ

теченіемъ времени эти ландштурменные части, по мѣрѣ того, какъ они крѣпли морально и качественно, получали все болѣе и болѣе широкое употребленіе на фронтѣ. Такъ изъ плохихъ частей постепенной ихъ выдержкой нѣмцы создали части вполне удовлетворительныя, особенно для позиціоннаго періода войны. Предусмотрительная организація получила хорошіе боевые результаты.

Несомнѣнно, что нѣкоторые элементы нынѣшней вооруженной системы прежде своего употребленія въ бою нуждаются иной разъ въ очень продолжительной „выдержкѣ“. Это не всегда понималось во время минувшей войны и служило одной изъ главныхъ причинъ многихъ неудачъ. Вокругъ ротныхъ командировъ вновь полностью укомплектованнаго одного славнаго полка, при одной изъ ночныхъ атакъ, осталось всего по 10—15 кадровыхъ, и затѣмъ, когда послѣ того началось отступленіе, роты, не тревожимыя противникомъ, вновь собрались въ полномъ числѣ. Безнаказанно отсутствовавшіе изъ-за темноты, подъ ея покровомъ, вновь притекли подъ брошенное ими знамя полка. Тѣ-же люди, „выдержанные“ въ теченіи нѣкотораго промежутка времени, вскорѣ покрыли полкъ новою славою въ лихой дневной атакѣ.

Такую „выдержку“ подобныя элементы пополненія могутъ получить или въ тылу во время маневренной войны, или въ окопахъ въ періодъ войны позиціонной. Во второй періодъ минувшей кампании удавалось иногда достигать въ этомъ отношеніи поразительныхъ результатовъ: люди, систематически перевоспитываемые, постепенно на глазахъ перерождались, сливаясь въ стройную солдатскую массу, годную не только на убой, но и въ бой, правильно веденный и съ надеждою на побѣду. Лишь потому, что это правило слишкомъ часто забывалось, многіе бои стоили чрезмѣрно много драгоценной крови. Невольно припоминается примѣръ Суворова, который такъ много вниманія удѣлялъ обученію и воспитанію войскъ даже среди войны, постоянно репетируя ихъ въ знаніи и усвоеніи правилъ тогдашнихъ дѣйствій: этому онъ былъ обязанъ своими успѣхами не менѣе, чѣмъ своимъ дарованіямъ поэтому именно его побѣды стоили такъ мало и давали такъ много.

Всѣ вышеприведенные примѣры свидѣтельствовали объ отсталости русской военной организаціи.

Передъ войною вліятельные артиллерійскіе круги въ Россіи не вѣрили въ будущность полевой тяжелой артиллеріи, вводили ее нехотя и на этомъ основаніи снабжали ее офицерскимъ составомъ изъ крѣпостной артиллеріи. По установившемуся издавна обычаю въ „крѣпаки“ еще со школьной скамьи выходили худшіе по знаніямъ офицеры, а съ теченіемъ времени сюда ссылались обыкновенно изъ полевой артилле-

ри провинившіеся офицеры, которыхъ почему-либо рѣшали оставить на службѣ вмѣсто того, чтобы уволить ихъ вовсе.

Этому-то личному составу былъ ввѣренъ на войнѣ новый видъ полевой артиллеріи, которому принадлежало рѣшающее будущее.

Что изъ этого получилось, лучше всего показать на примѣрахъ.

Въ Подзинскомъ бою одному изъ крупныхъ ответственныхъ участковъ былъ приданъ 3-хъ батареиный дивизионъ одной тяжелой артиллерійской бригады съ ея управленіемъ и ея командующимъ, полковникомъ, „за боевыя отличія“ уже представленнымъ въ генералы и къ двумъ лентамъ. Сразу по прибытіи этого дивизиона въ составъ боевого участка для начальника его стало ясно, что этотъ дивизионъ не обученъ и что его начальство само ничего не знаетъ, что дѣлать и какъ дѣлать. Командиръ бригады, отбѣхавъ очень далеко въ тылъ, устроился „на дачѣ“, причемъ предпочиталъ проводить время въ одномъ бѣльѣ, артиллерійскихъ наблюдателей онъ не выслалъ и настаивалъ на томъ, что они и не нужны; батареи поэтому не „стрѣляли“, а „палили“ и были не только бесполезны, но прямо вредны.

Чтобы въ корнѣ пресѣчь зло, начальникъ участка распорядился о подчиненіи командира тяжелой бригады, уже генерала въ скрытомъ состояніи, молодому полковнику, командиру гвардейскаго дивизиона, о назначеніи къ тяжелымъ батареямъ офицеровъ-наблюдателей отъ гвардейскихъ легкихъ батарей и о придачѣ тяжелымъ батареямъ гвардейскихъ офицеровъ „для связи“, черезъ коихъ передавались въ тяжелую бригаду всѣ приказанія и получались изъ нея всѣ донесенія. Такимъ экстраординарнымъ порядкомъ было устранено зло и чудныя тяжелыя орудія начали дѣлать свое дѣло.

Однако не всегда удавалось выйти изъ затрудненія такъ просто. Въ другомъ бою, когда одинъ нашъ славный полкъ схватился въ неравномъ бою съ цѣлою свѣжею германскою дивизіею, имѣя при себѣ всего лишь одну легкую батарею, тогда какъ у нѣмцевъ была полная артиллерія дивизіи и въ томъ числѣ тяжелая, къ упомянутому полку былъ присланъ тяжелый дивизионъ все той-же бригады. На этотъ разъ не удалось получить не только офицеровъ для связи отъ нея, но даже выяснить ея мѣстоположеніе: она совершенно уклонилась отъ боя. Полкъ дрался въ теченіе 12 часовъ и въ теченіе такого-же времени стремился безуспѣшно разыскать свою тяжелую артиллерію.

Все это настолько безнаказанно прошло для командира названной тяжелой бригады, что онъ былъ представленъ за эти именно дѣла къ ордену Св. Георгія и, быть можетъ, получилъ-бы его, если бы это представленіе не попало слу-

чайно въ руки бывшаго начальника боевого участка подъ Лодзью и командира полка во другомъ дѣлѣ. Занимая же должность начальника штаба арміи, онъ кассировалъ наградное представленіе.

Такъ дурная организація совершала свою подтачивающую работу, губя дѣло войны и боя, увеличивая количество пролитой крови и подрывая моральныя начала въ арміи. Казалось-бы, что это все случаи мелкаго значенія, но уже давно извѣстно, что червю не нужно быть великаномъ, чтобы подточить дубъ развѣсистый и вѣковой. А когда червей много, борьба съ ними часто не по силамъ и великанамъ.

Разсказанные случаи относятся къ самому началу войны. Но можно привести подобныя же изъ практики дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ 1915 году, осенью, подъ Двинскомъ, когда спеціально сформированная группа генерала фонъ-Лауэнштейна атаковала Иллуkstскій лѣсъ съ цѣлью прорыва на Двинскъ, ея атака была поддержана огнемъ „Бертъ“. Въ виду этого дивизіи, оборонявшей лѣсъ, были приданы двѣ 12-дюймовыя гаубицы. Повторилась та-же исторія, какъ и разсказанная изъ боя подъ Лодзью: ни наблюдателей, ни связи, одна беспорядочная „пальба“. Начальникъ дивизіи, не добившись поддержки у командира корпуса въ своихъ требованіяхъ о прибытіи артиллерійскихъ офицеровъ въ окопы, просто отказался отъ этого столь нужнаго ему гаубичнаго взвода, предпочитая не тратить попусту снарядовъ.

Съ теченіемъ времени офицерскій составъ тяжелой артиллеріи сильно измѣнили къ лучшему, но никогда уже не могли поднять этотъ видъ артиллеріи на ту высоту, которую требовала современная война.

Это не могло не отзываться отрицательно на результатахъ боевъ и, слѣдовательно, войны.

Та-же организаціонная непредусмотрительность случилась и съ русскимъ генеральнымъ штабомъ. Съ началомъ войны академію совершенно закрыли, офицеровъ ея разослали по войсковымъ частямъ, а профессоровъ-на штабныя и командныя должности. Все это было сдѣлано въ расчетѣ на скоротечность кампаніи. Когда-же обнаружился затяжной характеръ войны, стали спѣшно образовывать временныя курсы для подготовки суррогата офицеровъ корпуса генеральнаго штаба съ плохимъ и случайнымъ составомъ профессоровъ изъ числа по преимуществу тѣхъ, которые вынуждены были по тѣмъ или инымъ причинамъ покинуть театръ войны. Къ концу войны такимъ спѣшнымъ способомъ приготовленные офицеры генеральнаго штаба занимали уже подавляющее количество должностей.

И здѣсь дурная организація и недостатокъ предусмотрительности сыграли свою разрушительную роль: корпусъ

офицеровъ генеральнаго штаба былъ испорченъ, приче́мъ исправить сдѣланное даже при желаніи было уже невозможно. Для этого нуженъ продолжительный періодъ мирнаго времени.

Минувшая необыкновенно длительная война потребовала крайняго растяженія кадровой системы всѣхъ воюющихъ армій, и эта опасная операція могла пройти безъ ущерба для самаго существованія данной арміи только при условіи бережнаго обращенія съ кадрами, при заботѣ о ихъ не только систематическомъ поддержаніи, но и при обязательности ихъ созиданія изъ новыхъ элементовъ, которые творились самою войною.

Французская армія, виновная въ непредусмотрительности въ началѣ войны, быстро сознала свои заблужденія и при силѣ общественнаго мнѣнія, правильно организованнаго, при блескѣ своего творческаго генія, при могуществѣ своей техники и при толщинѣ слоя интеллигентной массы народа, не только совершенно излечилась отъ своихъ недочетовъ, не только догнала своего противника въ этомъ отношеніи, но и подавила его.

Французская импровизація во время войны носила стройный характеръ строго взвѣшенныхъ мѣръ, сообразныхъ со свойствами современной вооруженной силы, при ясномъ сознаніи ея сильныхъ и ея опасныхъ сторонъ. Развивая первыя и избѣгая вторыя, французы своею организаціею подготовили побѣду, которая была истинной побѣдой интеллекта.

Наша импровизація, къ сожалѣнію, и именно въ вопросахъ наиболѣе основныхъ, слишкомъ часто носила анархизирующий характеръ, рассчитанный на авось по русской поговоркѣ — „кривая вывезетъ“.

Вообще говоря, импровизація въ нынѣшней войнѣ не только неизбежна, но правильно налаженная кроется въ самыхъ свойствахъ современной кадровой системы. Самое ея названіе (кадровая) показываетъ ея гибкость. Но эта эластичность должна покоиться на твердыхъ устояхъ, которые никоимъ образомъ не должны подтачиваться; они и составляютъ главный предметъ изслѣдованія этой работы.

Современныя полумилиціонныя арміи могутъ быть прочны только при желѣзной системѣ организаціи.

Иначе, какъ это и было съ русской арміей, лишившейся своихъ задерживающихъ центровъ (кадровъ), современный „вооруженный народъ“ обращается въ вооруженную толпу, идущую только на заманчивые лозунги демагоговъ. Такая толпа дѣлается легкою добычею партійныхъ распрей, имѣющихъ внутри нея свои партійные кадры, которымъ она подчинится охотнѣе, чѣмъ распылившимся въ этотъ моментъ команднымъ кадрамъ. Причина очень ясна. Въ то время какъ вторыя, ослабленные и деморализованные, требуютъ все же

жертвъ долгу, первые, конечно, только на словахъ, улещиваютъ толпу эгоистическими, шкурными приманками.

Именно такимъ способомъ русская армія въ 1917—1918 г. обратилась въ толпы Стеньки Разина и Емельки Пугачева, чтобы затѣмъ постепенно, путемъ дисциплинирующихъ усилій своихъ демагоговъ, превратиться въ орду Атиллы, способную схватываться уже и съ регулярными войсками.

Люди, утверждающіе, что все это удѣлъ русской дикости, не имѣющей вѣроятій для повторенія на Западѣ, должны помнить, что массою руководить не разсудокъ, достояніе старой культуры.

Вотъ еще краснорѣчивый примѣръ изъ практики французской арміи, подтверждающій высказанную мысль. Въ 1917 г., послѣ неудачной атаки „Шемень-де-Дамъ“, между 20 апрѣля и 3 мая, двѣ пѣхотныя дивизіи подѣ влияніемъ пропаганды, къ которой онѣ обнаружили большую чуткость, оставили свои позиціи и пошли въ тылъ въ полномъ составѣ. Усилія офицеровъ остановить движущуюся массу, даже не гонимую противникомъ, разбивались о недовѣріе къ ихъ словамъ. Та-же участь постигла и уговоры командира корпуса и командующаго арміей. Между тѣмъ предусмотрительная организація отхода, руководимая, повидимому, какою-то бошефильскою рукою, въ ближайшемъ тылу приготвила для дезертировъ и грузовые автомобили, очевидно, чтобы облегчить трудный путь бѣглецамъ. Только находчивости одного бригаднаго, весьма популярнаго въ солдатскихъ массахъ генерала принадлежитъ заслуга остановки этого позорнаго происшествія: его солдаты послушались и вернулись.

Что руководило этою неразумною массою? Конечно, не разумъ.

Описанный случай у Шемень-де-Дамъ — тотъ самый, о которомъ Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ говорить, что ужасныя потери французовъ, по свидѣтельству самого ихъ военнаго министра, были очень тяжелы по ихъ послѣдствіямъ. „Онѣ были такъ велики, что духъ арміи началъ страдать и что произошли безпорядки“. ¹⁾ Въ результатѣ генераль Нивель былъ замѣщенъ генераломъ Петеномъ.

Въ италянкой арміи въ минувшую войну поражение подѣ Капоретто было вызвано бѣгствомъ безъ всякаго боя нѣсколькихъ корпусовъ сразу, вызваннымъ единственно социалистической пропагандою агентовъ, оплаченныхъ Германіей. ²⁾ Но вѣдь это русской случай въ миниатюрѣ; тотъ русской случай, который по своей глупости, по распространенному на Западѣ мнѣнію, невозможенъ у болѣе культурныхъ народовъ?

¹⁾ Людендорфъ. Воспоминанія, ч. II, стр. 33.

²⁾ Le Bon. Psychologie des Temps Nouveaux, 168.

И не только тяжести войны дѣлають возможными такіе случаи на просвѣщенномъ Западѣ. Если порыться въ прошломъ Западно-Европейскихъ армій, то и въ мирное время можно отыскать соотвѣтствующіе „частные“ случаи. Такъ, въ 1907 г., т. е., въ періодъ послѣ первой русской революціи, когда на югѣ Франціи возникли руководимыя социалистами волненія винодѣловъ въ противовѣсъ требованіямъ промышленныхъ округовъ Сѣвера, также направляемыхъ социалистами, эти волнующія переживанія населенія немедленно отразились и въ нѣкоторыхъ войскахъ: дисциплина въ 17 французскомъ полку была нарушена.

Нужно-ли пояснять, что причина этихъ печальныхъ случаевъ-не въ личностяхъ командованія, а кроется гораздо глубже, въ системѣ нынѣшней вооруженной силы, слишкомъ милиціонной по своему составу (и вслѣдствіе этого слишкомъ чувствительной въ нервныхъ переживаніяхъ современнаго боя. Психологія милиціи отличается почти жѣнской нѣжностью. Ея психологическія переживанія отличаются иной разъ такою-же неожиданностью, какъ у слабого пола).

„Психологическія силы, которыхъ вліяніе такъ огромно, рождены не разумомъ и господствуютъ надъ разсудкомъ¹⁾“.

Грубая сила толпы (а милиція часто приближается психологически къ толпѣ) — самая деспотическая изъ властей, безъ труда подчиняющая себѣ интеллектуальныя силы страны.

Вотъ почему назрѣвающія событія у культурныхъ націй Запада могутъ разразиться въ формѣ еще болѣе грозной, чѣмъ въ Россіи; здѣсь у возбужденнаго чувства массы будетъ на службѣ разумъ, изошренный долгою культурою.

Но, конечно, не онъ будетъ управлять событіями.

Во время такихъ столкновеній голосъ и аппетиты толпы господствуютъ надъ всѣмъ, а „низшіе слои европейскихъ обществъ однородны съ первобытными существами“.²⁾

„Массы стремятся нынѣ своею организаціей и своею дисциплиной сдѣлаться всемогущими“.³⁾ Ихъ ведутъ нѣкоторыя крайнія активныя партіи.

Нужно принять мѣры, чтобы современная армія, часть этой массы, не была увлечена этой партійной организаціей, какъ это уже и случилось въ Россіи.

Подъ вліяніемъ такого стремленія народной толщи ея зеркало, нынѣшняя армія, милиціонированная и, подъ натискомъ гипноза вооруженной „массы“, все болѣе и болѣе ми-

---

¹⁾ Gustave Le Bon. „Les Lois psychologiques de l'Evolution des peuples“, p. 1.

²⁾ Jdem, p. 41.

³⁾ Jdem, p. 52.

лиционируемая, начинает чувствовать себя как-бы нераздельной составною частью такого потока. По мѣрѣ того, какъ народъ становится все менѣе и менѣе заинтересованнымъ во всѣхъ внѣшнихъ начинаніяхъ правительствъ и все рѣшительнѣе приковывается своимъ горячимъ взоромъ къ событіямъ внутри страны, армія сначала полусознательно, а потомъ все яснѣе и яснѣе видитъ передъ собою устрашающіе призраки гражданской вооруженной борьбы классовъ. Эти кровавыя тѣни — неизбѣжный спутникъ милиціонированія войскъ. Скажутъ, примѣръ Швейцаріи противорѣчитъ этимъ мрачнымъ выводамъ. Здѣсь рѣчь не о государствахъ, не имѣющихъ самостоятельной политики, а о державахъ, имѣющихъ міровой размахъ.

Жоресъ въ своей книгѣ не ограничивается идиллической картинкой танцевъ подъ раскидистымъ вязомъ поселянъ и поселянокъ въ обнимку съ милиціонерами, какъ единственнымъ исходомъ милиціонированія армій. Онъ, которому никогда не измѣняетъ чувство очень точнаго анализа, бросаетъ въ одномъ мѣстѣ: „Я не хочу, чтобы добрыя души заподозрили меня, что, подъ предлогомъ желанія сдѣлать мобилизацію болѣе быстрой, а національную оборону болѣе дѣйствительной, я стараюсь вооружить ожесточенное возстаніе пролетаріевъ противъ бѣдныхъ буржуа“. ¹⁾ Онъ не вѣритъ въ такія послѣдствія поголовнаго вооруженія пролетаріата и, прибѣгая къ излюбленной имъ въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ логическихъ положеній манерѣ энергичнаго и страстнаго утвержденія, Жоресъ старается вдолбить слѣдующую истину — аксіому; по его мнѣнію: „рабочій классъ, по разнымъ побужденіямъ, мудрости или робости, самоотреченію или идеализму, имѣетъ отвращеніе къ употребленію оружія и особенно — къ угрозѣ смертью. Революціонные рабочіе оказались-бы ни одни вооруженными. . . Предчувствія этой страшной драмы было-бы навѣрное достаточно, чтобы предупредить обращеніе къ оружію“. ²⁾

Этотъ идеализмъ, столь похожій на выкрики Керенскаго во время Русской революціи, забываетъ о томъ „человѣкъ-звѣрь“ толпы, который такъ хорошо описанъ въ талантливыхъ психологическихъ этюдахъ д-ра Ле-Бона. Люди „дѣйствія“ во время сдвига революціонныхъ массъ также хорошо помнятъ этотъ законъ массъ, увлекающій ихъ по пути легкаго, хотя-бы и кроваваго натиска во имя достиженія своихъ цѣлей. Дѣло предтечъ революціи указать для нея высокіе идеалы, такова роль Жореса, но удѣлъ ея практическихъ участниковъ — протащить эти идеалы сквозь потоки крови и грязи.

---

¹⁾ Jaurès. „L'Armée Nouvelle“. 223.

²⁾ Jdem, 224.

Въ такое время какъ наше необходимо громко предупредить, что нынѣшняя армія несознательно готовится своими вождями для этой ужасной операціи, которая, какъ это происходитъ на глазахъ у каждаго въ Россіи, равняется полному уничтоженію всего того хорошаго, что можетъ дать умѣренная мудростью своихъ вождей революція. Это естественный путь милиціи. Это форма вырожденія того древняго института, который призванъ для охраненія безопасности и цѣлости государства и который именуется арміей.

Другая опасность милиціонированія войска — это „масса“. Масса, какъ верхъ выраженія демократическаго принципа всеобщей воинской повинности; масса, какъ политическій факторъ угрожающаго свойства и масса, какъ стратегическое средство.

Масса, какъ демократическій принципъ, который такіе люди, какъ Жоресъ и группа ген. Дюваля, хотя бы довести до предѣла, приведеть къ полному вырожденію военной спеціальности и военныхъ спеціалистовъ. Война, какъ и всякое другое дѣло, ведется и совершенствуется въ своей технической части спеціалистами. Только они могутъ усовершенствовать военное дѣйствіе такъ, чтобы оно потребовало наименьшихъ усилій и жертвъ со стороны народа. Этому важному вопросу придется отвести особую главу. Здѣсь можно ограничиться этимъ краткимъ положеніемъ.

Масса, какъ угрожающій политическій факторъ, страшна тѣмъ, что она сама по себѣ вызываетъ войну. Вооруженный миръ вооруженнаго народа — мы всѣ еще недавно видѣли, что это такое. Напряженіе готовыхъ для удара націй было таково, что, казалось, лучше море крови, чѣмъ невыносимый гнетъ натянутыхъ отношеній. У народовъ, какъ и у отдѣльныхъ индивидуумовъ, оказались обыкновенные нервы, напряженіе которыхъ ускоряло неизбѣжность столкновенія. Какъ это далеко отъ вѣчнаго мира, о которомъ возвѣщаютъ всѣ творцы милицій!

Наконецъ, масса, какъ стратегическое средство, оказывается сильно подорванной. Есть много данныхъ, которыя указываютъ на неизбѣжность эволюціи въ сторону уменьшенія числительности бойцовъ съ одновременнымъ усиленіемъ машинности арміи и трансформированія техники веденія операцій, вызваннаго этими новыми факторами. Этимъ вопросамъ будутъ посвящены особая глава. Конечно, окончательный выводъ въ этой области можетъ сдѣлать только новый боевой опытъ, но уже теперь, чтобы хорошенько приготовиться къ послѣднему, нужна упорная теоретическая и практическая работа въ этомъ отношеніи.

Чтобы закончить о массѣ, какъ средствѣ стратегіи, необходимо, сверхъ того, подчеркнуть, что длительная война есть неизбѣжное слѣдствіе употребленія массъ на театрахъ

мировых столкновений. Прегнй здоровый, энергичный и рѣшительный Наполеоновскій маѣвръ, основанный на экономии силъ и времени, смѣнился нынѣ войною на изморь. Побѣдитель сдѣлался такою-же жертвою войны, какъ и побѣжденный.

Словомъ, нынѣшня я армія, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего милиціонированія, будетъ становиться все менѣе надежной опорой государственной власти, все менѣе и менѣе дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ командованія на театрѣ войны и все болѣе и болѣе вѣрнымъ орудіемъ внутренней политической борьбы классовъ, которую даже можетъ вызвать и ускорить.

Не вправѣ-ли мы эту эволюцію вооруженной силы называть ея упадкомъ?

Послѣ первой Русской революціи съ ея солдатскими бунтами преимущественно въ частяхъ войскъ съ пополненіями изъ рабочихъ, какъ-то во флотѣ и въ инженерныхъ батальонахъ Туркестана и Кіева съ его демагогическимъ Драгомировскимъ режимомъ, были склонны отнести всѣ эти явленія къ разряду случайностей. Какъ водится, были смѣщены командиры въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были перебиты возставшими бунтарями, были переименованы боевые суда, былъ перетасованъ составъ нижнихъ чиновъ бунтовавшихъ частей, но не было принято во вниманіе общихъ причинъ, свойственныхъ современной вооруженной системѣ. И если бы не строгій порядокъ службы, починъ коего былъ предписанъ къ исполненію Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, стоявшимъ во главѣ Петербургскаго, такъ сказать, поазного, образцоваго военного округа, едва-ли русская армія могла бы показать себя въ минувшей войнѣ на высотѣ неотъемлемаго у нея героизма.

Но все-же недостаточно вдумчивое отношеніе къ причинамъ бывшихъ въ неспокойное время революціи 1905 г. эксцессовъ не могло пройти безъ заслуженнаго наказанія. И эта кара наступила въ 1917 г., во время второй революціи, когда вся армія превратилась въ одинъ сплошной эксцессъ.

Нынѣ мы присутствуемъ при подобныхъ-же предупредительныхъ явленіяхъ почти во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Въ побѣдоносной французской арміи — „Березовка“, случай съ бѣгствомъ двухъ пѣхотныхъ дивизій у Шемень-де-Дамъ, а также подъемъ краснаго флага на судахъ флота въ Севастополѣ; въ германской арміи-возставшій въ концѣ войны флотъ, менѣе другихъ частей вооруженной силы пострадавшій, и крики полкамъ, оставшимся вѣрными своему боевому долгу, — „срыватели стачекъ“, солдатскіе совѣты въ оккупационныхъ войскахъ на Украинѣ въ 1918 г.; въ австро-венгерской арміи развалъ по русскому образцу въ уменьшенномъ размѣрѣ;

унтеръ-офицерская организація, ассоціація въ датской арміи, по образцу рабочихъ представляющая правительству свои ультимативныя экономическія требованія, а также пожеланіе о совершенномъ упраздненіи воинской повинности; солдатскіе совѣты въ норвежской арміи по русскому образцу; разложеніе одной пѣхотной дивизіи въ Румынской арміи (составленной изъ бывшихъ австрійскихъ частей въ 1919 г.) съ посылкою солдатской депутаціи къ Королю; солдатскія организаціи и манифестаціи политическаго характера въ новой республиканской австрійской арміи; эксцессы въ греческой арміи въ періодъ паденія режима Венизелоса, и, наконецъ, коммунистическая пропаганда во французской Рейнской арміи въ текущемъ году, вызвавшая поспѣшный выѣздъ на мѣста военнаго министра г-на Барту и ускоренный роспускъ по домамъ сначала семейныхъ, а затѣмъ и всего контингента 1919 г.

Странно, что никто не обращаетъ особаго вниманія на то обстоятельство, что въ арміяхъ различныхъ государствъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ (побѣдители и побѣжденные, воевавшія и невоевавшія, великія и малыя) происходятъ все одни и тѣ-же или однородные эксцессы. Странно, что все это называется „частными случаями“.

А сколько подобныхъ-же случаевъ замалчивается! Такъ естественно, что и войсковые начальники, съ истинно — солдатскою душою пекущіеся о дѣвственной чистотѣ репутаціи своихъ войскъ, не охотно идутъ на оглашеніе бывшихъ эксцессовъ. О томъ-же заботится и отвѣтственная политическая власть. Съ тѣмъ большей вдумчивостью необходимо относиться къ тому матеріалу, который уже вылился въ повременную печать. А всѣ перечисленные случаи изъ ихъ числа!

Въ этомъ случаѣ нужно сумѣть отъ частнаго случая перейти къ обобщенію, чтобы открыть руководящія закономѣрныя причины. Главная изъ нихъ заключается въ томъ, что, какъ мы видѣли выше, современная армія естественнымъ путемъ эволюціи постепенно превращается въ орудіе воинствующаго пролетаріата.

По случаю Новаго Года Зиновьевъ, предсѣдатель III-го интернационала, обратился, между прочимъ, со слѣдующими словами своей прокламаціи къ рабочимъ: „Коммунистическая партія посылаетъ свой братскій привѣтъ рабочимъ, которые борются за свободу. Она ихъ побуждаетъ овладѣть оружіемъ и повернуть его противъ притѣснителей.“

Усилія Жореса, генерала Дюваля съ его группою молодыхъ сотрудниковъ, всѣхъ защитниковъ идеи дальнѣйшаго милиціонированія арміи, а это — большинство военныхъ авторитетовъ и военныхъ властей, а также и всѣ почти представители политической власти, суть ни что иное, какъ стара-

тельная и систематическая подготовка для окончательнаго торжества громкаго призыва Зиновьева. Всѣ отмѣченныя группы работаютъ въ разной мѣрѣ своего кругозора и пониманія, въ различныхъ областяхъ дѣятельности, но всѣ неуклонно въ одномъ направленіи, конечную цѣль коего указываетъ Жоресъ, такъ какъ, нужно отдать ему полную дань, онъ логичнѣе всѣхъ и смѣлѣе всѣхъ въ своемъ неумолимомъ анализѣ.

Къ счастью въ этомъ вопросѣ одного умозрительнаго анализа и одной отвлеченной философіи недостаточно. Все зависитъ отъ того фактора, для оцѣнки котораго у Жореса нѣтъ ни опыта, ни данныхъ. Этотъ факторъ—будущая эволюція военнаго искусства. Въ его книгѣ, гдѣ такъ много мѣста отведено соціальной эволюціи, оставлено весьма немного страницъ собственно критикѣ прогресса военнаго дѣла. Это тѣмъ болѣе досадно, что со своимъ недостаточнымъ багажемъ по этой части авторъ рѣшается атаковать такого авторитета, какъ Наполеонъ, отрицая его значеніе для нашего времени и предлагая на его мѣсто поставить Тюренна. Нужно признать, что подобныя попытки составляютъ Ахиллесову пятю всего обширнаго труда Жореса, посвященнаго милиціи. Находясь всецѣло подъ вліяніемъ гипноза „массы“, Жоресъ естественно приходитъ къ выводу о постановкѣ въ ружье всего народа. Къ этому же идутъ и всѣ законодательства главныхъ государствъ Европы.

Такъ-ли это? Дѣйствительно-ли „масса“ — все въ военномъ дѣлѣ? Нѣтъ-ли противопоказаній относительно этого фактора, гипнотизирующаго современное поколѣніе? Дѣло послѣдующихъ главъ показать, что краснорѣчивыя противопоказанія уже обозначились въ военной практикѣ минувшихъ великихъ войнъ. Будущее, повидимому, будетъ принадлежать не „массѣ“ и не ея исчадію „милиціи“.

ГЛАВА II.

Кадры и милиція.

Родина современной военной системы, т. е., системы кадровъ, разворачиваемыхъ во время войны, — Франція въ эпоху Великой Революціи, когда угрожаемая коалиціей, она нашла въ себѣ энергію встать въ поголовное почти ополченіе; организаторъ этого ополченія Карно навѣкъ оставилъ за собой прозвище „Организатора побѣдъ“, но не въ его отечествѣ его идея нашла затѣмъ наиболѣе гостепріимный пріемъ.

Когда Пруссія, разгромленная въ 1806 году подъ Іеной, приговорена была побѣдителемъ къ сокращенію своей арміи до 40,000 человекъ, генераль Шарнгорстъ, тогдашній прусскій военный министръ, ввелъ въ дѣйствіе свою систему тайнаго разворачиванія этого столь ограниченнаго кадра путемъ призыва резервистовъ. Этотъ призывъ далъ въ 1813 году армію Блюхера, превосходившую 100,000 бойцовъ.

Какъ это ни странно, эта система послѣ того пребывала въ забвеніи вездѣ, кромѣ Пруссіи, которая при помощи нея вела успѣшно свои войны 1864, 1866 и 1870—71 г. г. Въ послѣднюю кампанію она побила Францію образцово усовершенствованнымъ аппаратомъ призыва и мобилизаціи по идеямъ Карно. Нѣмецкое „levée en masse“ дало то превосходство силъ и исправности ихъ функционированія, которое съ первыхъ-же дней войны всюду и вездѣ побивало французовъ, не смотря на ихъ геройство и самоотверженность.

Необходимо отмѣтить, что рожденная въ періодъ взрыва патріотизма во Франціи, эта система получила свой расцвѣтъ въ періодъ острыхъ патріотическихъ переживаній германской расы въ года завершенія ея политическаго объединенія. Только при такомъ патріотическомъ подъемѣ эта система можетъ быть доводима до своего крайняго развитія. На это надо смотрѣть, какъ на правило ея бытія.

Что-же дали французы и нѣмцы своему общему дитяти? Французы дали смѣлую новаторскую идею и сумѣли ея привести въ исполненіе при убожествѣ средствъ якобинской Франціи, нѣмцы придали этой идеѣ практическую жизненность путемъ продуманной системы и метода. Словомъ, какъ всегда, блескъ концепціи — французамъ, старательность исполненія — нѣмцамъ. Приложение этой системы за сто лѣтъ, въ разныя эпохи и войны, конечно, настолько разнится другъ

отъ друга, что общаго зачастую остается очень немного — лишь принципъ. Частности же примѣненія, все время развиваемыя и совершенствуемыя, настолько разнообразны, что заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться. Основанная на развалинахъ королевской арміи во Франціи, нынѣшняя „кадровая“ система арміи послѣ многочисленныхъ эволюцій на нашихъ глазахъ готова обрушиться также на обломкахъ существующаго соціального порядка, увлекая его силою своего паденія, какъ это уже и случилось въ Россіи. Общая причина этого — неразумное растяженіе „кадровъ“ въ желаніи поставить въ ружье возможно больше военнообязанныхъ.

Чтобы судить, до чего дошли въ этомъ отношеніи въ наше время, лучше всего обратиться къ цифрамъ. Сто лѣтъ назадъ для наиболѣе напряженнаго періода Наполеоновскихъ войнъ въ 1813—1814 годахъ обѣими сторонами было мобилизовано въ общей сложности не болѣе 1 милліона чело-вѣкъ; для подобной же борьбы въ 1914—18 г. г. европейскія арміи, развернувшись каждая не менѣе, какъ въ десять разъ, выставили въ общей сложности не менѣе 35—40 милліоновъ бойцовъ. Это былъ результатъ усовершенствованія „кадровой“ системы вооруженной силы, но это и причина ея неизбѣжной гибели и вырожденія—какъ фараоновы коровы, она должна сама себя пожрать.

Система, которая для затяжной войны, на многіе годы отнимаетъ отъ мирнаго труда (и, слѣдовательно, останавливаетъ его) почти поголовно всѣхъ трудящихся, которая парализуетъ промышленность, превращая ее въ отрасль войны, которая держитъ долгими годами подъ ружьемъ все молодое и сильное изъ мужского населенія, которая достигаетъ путемъ такихъ неимовѣрныхъ жертвъ лишь неполныхъ результатовъ, не дающихъ возможности провести грань между побѣжденными и побѣдителями, эта система должна быть признана отжившей, или, по крайней мѣрѣ, осужденной на вымираніе.

Вообще говоря, „кадровая“ система имѣетъ тѣмъ большее право на существованіе, чѣмъ интеллигентнѣе страна, такъ какъ только достаточно интеллигентный кадръ можетъ служить гарантіей прочности развернутой до предѣла арміи. Цифры, относящіяся къ русской и французской арміямъ, въ особенности поучительны въ этомъ отношеніи.

Россія, при своемъ населеніи въ 160 милліоновъ чело-вѣкъ, въ періодъ наибольшаго напряженія борьбы смогла мобилизовать 12 милліоновъ, т. е., около 8%, тогда какъ Франція, при населеніи въ 35 милліоновъ, поставила подъ ружье около 8 милліоновъ бойцовъ, что составитъ свыше 25%. Другими словами, съ населеніемъ въ 4½ раза меньшимъ Франція выставила армію лишь на ⅓ слабѣйшую, чѣмъ Россія, если сравнивать абсолютныя цифры, и въ 3 раза сильнѣйшую, если срав-

нивать цифры, относительныя къ общему количеству населенія.

При этомъ русская армія саморазложилась, тогда какъ французская осталась до конца прочно организованной. Первый залогъ и объясненіе такой прочности—это интеллигентность „кадровъ“.

Эта истина, столь очевидная изъ приведенныхъ сравнительныхъ цифръ, нуждается однако и въ иныхъ, не только статистическихъ доказательствахъ.

За сто лѣтъ существованія „кадровой“ системы армій съ нею произошло то, что случается обыкновенно, когда чѣмъ—нибудь увлекаются. Съ этою системою перешагнули чувство мѣры. Изъ робкихъ опытовъ начала XIX столѣтія сдѣлали смѣлые выводы о необыкновенной растяжимости „кадровъ“ и такъ какъ растягивали ихъ постепенно, не сразу, исподволь, но все смѣлѣе, то и не замѣтили, какъ переступили мѣру благоразумія.

Нынѣшняя армія состоитъ изъ „кадровъ“ и „переменнаго состава“ различнаго достоинства. Кадры—это офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты долгосрочной службы. Переменный составъ надо раздѣлить на двѣ главныя группы: интеллигентную и неинтеллигентную и каждую изъ нихъ—на подгруппы, въ зависимости не только отъ степени подготовки, полученной при прохожденіи военного стажа, но и отъ профессиональной спеціализаціи, которая не можетъ не накладывать на каждого своего адепта рѣшительнаго отпечатка, особенно, что касается характера, — главного двигателя въ жизни отдѣльныхъ людей и народовъ. Этотъ „характеръ“, вливаясь въ армію вмѣстѣ съ пополненіями, не можетъ, въ свою очередь, не измѣнять ея лица. Вливаніе подобнаго чуждаго арміи элемента, должно, конечно, производиться лишь по извѣстной системѣ, дабы не нарушить здороваго духа арміи прежде всего и ея подготовки потомъ.

Пренебреженіе этимъ правиломъ, увлеченіе возможностью безпредѣльно увеличивать численность армій и есть основная причина той угрозы, которая кроется въ современной вооруженной силѣ.

Другой причиной того же нужно назвать все болѣе и болѣе забываемое значеніе „профессиональности“ въ военномъ дѣлѣ. Введеніе всеобщей воинской повинности, когда каждый гражданинъ проходитъ черезъ воинскіе ряды, очень популяризировало военное дѣло, но и очень его, если можно такъ выразиться, опошвило: появились развязные главнокомандующіе, въ родѣ Керенскаго, посредственнаго адвоката, не имѣющаго о военномъ дѣлѣ никакихъ понятій, или въ родѣ Крыленко, опытнаго палача, прапорщика въ запасѣ, пріютившагося на время войны въ обозѣ или же въ родѣ большевика Антонова и другихъ героевъ самоувѣренности.

Конечно, все это каррикатуры, но каррикатуры вполне современные, подобно всем шаржамъ, отлично характеризующія свою эпоху. А эпоха эта знаменуется прежде всего забвеніемъ значенія „кадровъ“ и, что еще важнѣе, забвеніемъ тѣхъ законныхъ нормъ этихъ кадровъ, которыя нельзя преступать безъ опасности для благополучнаго существованія всей не только военной, но съ нею вмѣстѣ, и всей государственной системы.

Во всехъ профессіяхъ никто не отрицаетъ важности наличія „спеціалистовъ“. Никто не сомнѣвается, напримѣръ, что „квалифицированный рабочий“ — основа всякаго производства. И почему-то считается моднымъ, развивая теорію о милиціонной системѣ, низведеніе „квалифицированного“ труда въ военномъ дѣлѣ на степень совершенно ничтожную. По мнѣнію многихъ создателей военныхъ теорій съ пошибомъ на демагогичность, онъ достоинъ полного пренебреженія, какъ величина безконечно малая. Типичнымъ представителемъ такого мнѣнія о сущности военной организациі является взгляды бывшаго вице-президента комиссіи по реорганизациі французской арміи г. Беназе (Bénazet), приведенный въ одномъ изъ № № «Excelsior» за текущій годъ. Г. Беназе говоритъ: „Я твердо убѣжденъ, что годовичная военная служба¹⁾, подкрѣпленная серьезной военной подготовкою юношества, подсчетомъ всехъ нашихъ источниковъ производства,²⁾ и усовершенствованіе отраслей промышленности, которыя отвѣчаютъ одновременно нуждамъ мирнаго времени и надобностямъ вооруженія, могутъ обезпечить безопасность Франціи. . .

Силу страны создаютъ не люди въ казармахъ, но сверхдѣятельность всей промышленности, способная преобразоваться, въ случаѣ нападенія, въ военную промышленность“.

Не трудно замѣтить, что среди важнѣйшихъ элементовъ государственной обороны въ изреченіи чловѣка, не чуждаго военной организациі, „кадрамъ“ отведено то мѣсто, которое вообще приготоовлено имъ „людямъ въ казармахъ“.

Наша задача указать, что среди этихъ людей есть такіе, безъ которыхъ будетъ тщетнымъ трудомъ созданіе вооруженной силы какой-бы то ни было страны: это - спеціалисты военного дѣла, пожизненно ему преданные. Вообще говоря, безъ словъ ясно, всякій спеціалистъ важенъ постольку, поскольку онъ „интеллигентенъ“ въ своей области и въ своихъ предѣлахъ. Конечно, иная интеллигентность нужна для офицера генеральнаго штаба, иная—для фельдфебеля роты, но несом-

¹⁾ Курсивъ нашъ. А. Г.

²⁾ „Excelsior“. L'article de M. Marcel Pays, entrevue avec M. Bénazet (29).

нѣнно и въ томъ, и въ другомъ случаѣ она необходима въ достаточной для данной специальности степени.

Сверхъ интеллигентности каждый такой специалистъ вносить съ собою въ ряды арміи „духовныя“, крайне цѣнныя данныя, источникъ „этики“ вооруженной силы страны.

И эта „интеллигентность“, и эта „этичность“, при томъ, носятъ строго профессиональный отпечатокъ. Несомнѣнно, для воспріятія такихъ специальныхъ качествъ наиболѣе способными изъ населенія страны будутъ слои населенія и интеллигентные, и этичные, т. е., достаточно подготовленные къ воспріятію особенностей, необходимыхъ для кадровыхъ чиновъ.

Тутъ и кроется разгадка загадки, почему французская армія смогла безъ риска для своего бытія поставить во время послѣдней войны въ ружье 25% своего населенія, тогда какъ Россія, мобилизовавъ всего 8%, привела свое войско къ само-разложенію.

Въ первомъ случаѣ кадры были велики и интеллигентны, въ второмъ—слабы числомъ и качествомъ.

Какъ сказано, эта интеллигентность для разныхъ слоевъ кадровъ должна быть различна и не можетъ быть одинаковой. Дѣйствительно, если обратиться къ генеральному штабу, придется предъявить очень повышенныя и строгія требованія къ его интеллекту.

Постоянная научная и практическая работа, неустанная, творческая, преисполненная предвидѣнія, даже пророчества, лишь одна можетъ дать генеральному штабу чувство исполненнаго долга, а странѣ—чувство благодарности къ нему. Мозгъ генеральнаго штаба долженъ быть утонченно культурный, съ философской закваской, дающей возможность дѣлать выводы впередъ на основаніи строго логическихъ заключеній изъ настоящаго и прошлаго.

Сто лѣтъ работы германскаго и послѣдняя четверть вѣка труда французскаго генеральнаго штаба дали въ этомъ отношеніи блестящіе образцы. Работы Клаузевица, Бернгарди, фонъ-деръ-Гольца, Розенберга, Бонналя, Фоша и др. никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены на ряду съ писаніями Драгомирова, единственное имя въ русской арміи, которое могло-бы по популярности сравниться съ ними, давшими военной наукѣ дѣйствительно классическіе образцы обработки Наполеоновскаго опыта. Эти труды даже при отживаніи ихъ фактическаго багажа останутся навсегда образцами научнаго метода изслѣдованія, тогда какъ хлесткія произведенія фельетоннаго пера Драгомирова, въ большинствѣ глубоко ошибочныя по существу, должны послужить показательными образчиками того, какъ съ точки зрѣнія метода, не слѣдуетъ трактовать военные вопросы. Драгомировъ, яркій и даже талантливый представитель чисто русскаго стиля военной

литературы, стиля прибаутчаго, охотно хватающагося за смѣлый парадоксъ и кладущаго его въ основу своей логики. Этотъ стиль имѣеть свою исторію. Во времена Великаго Суворова ему оставался только этотъ путь для популяризаціи его геніальныхъ идей въ невѣжественной рядовой массѣ воинства. Безъ наслѣдованія этихъ идей и этого искусства нашлись наслѣдники суворовскаго, литературнаго стиля прибаутки. Эти наслѣдники были: Скобелевъ-дѣдъ, Иванъ Никитичъ, самородокъ — солдатъ, безъ всякаго образованія, времени Отечественной войны; Меньковъ — Севастопольской эпохи и М. И. Драгомировъ — нашихъ дней. Эти прибаутки украшали бѣдность идей и часто глубокую ихъ невѣрность (Драгомировская война противъ современнаго огня).

СOLIDная и талантливая подготовка идейной и практической основы какъ военной организаціи, такъ и способовъ веденія войны и боя, выполненная столь блестяще генеральными штабами, французскимъ и германскимъ, и должна быть главнѣйшею задачею всякаго генеральнаго штаба, какъ идейнаго кадра арміи, ея интеллекта. Такъ какъ вопросы воспитанія тѣсно связаны съ упомянутыми отдѣлами военныхъ знаній, то и основы военной этики также должны быть разработаны генеральнымъ штабомъ. Изъ этого краткаго перечня не трудно убѣдиться, что выполнение такого труда не только составляетъ пожизненную усидчивую работу, но, даже вѣрнѣе, послѣдовательныя, систематическія усилія нѣсколькихъ поколѣній, какъ это мы видѣли на примѣрѣ германской арміи.

Проведеніе всего этого знанія и опыта въ жизнь и сохраненіе его въ рядахъ арміи въ теченіе тѣхъ-же поколѣній требуетъ также не случайныхъ исполнителей, а постояннаго, проникнутаго единствомъ идей, взглядовъ и этики корпуса офицеровъ.

Поле дѣйствія всякаго кадра — это область интеллекта и этики. Перевѣсъ въ сторону интеллекта приходится на долю работы корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, тогда какъ этика — поле дѣйствія прочаго офицерства, конечно, не чуждаго и умственной работы. Но упомянутыхъ двухъ видовъ кадровъ недостаточно для равновѣсія всей системы вооруженной силы. Нужны еще профессиональные унтеръ-офицеры и профессионалы-солдаты. Ихъ спеціальность — исключительно этика. Они проводники въ толщу солдатской перемѣнной массы гѣхъ понятій о долгѣ прежде всего и, вообще, обо всемъ укладѣ понятій, необходимыхъ рядовому воину, безъ которыхъ немыслимо никакое воинство, претендующее на регулярность. Цѣль настоящихъ строкъ доказать исключительную важность унтеръ-офицеровъ и солдатъ-профессионаловъ. Въ наши дни это они образуютъ ячейки въ рядахъ

войскъ, которыя проводятъ въ рядовую массу мудрость опыта; это они даютъ устойчивость рядамъ при покушеніи со стороны вредной пропаганды современности; въ двухъ словахъ, это они превращаютъ слово въ дѣло; слово военнаго закона, слово военной мысли, слово приказа, или слово и волю начальника. Они—фундаментъ солдатской массы и ея руль.

Во введеніи удѣлено мѣсто нападкамъ на рутинерство „спеціалистовъ“. Здѣсь пришло время указать на полезную сторону рутины, а слѣдовательно и спеціалистовъ. „Рутиня“ или, если хотите, „Школа“ данной арміи, всегда твореніе „спеціалистовъ“, т. е., „кадровъ“. Для созданія ея они должны быть профессионалами; должны быть они таковыми и для поддержанія ея.

Но этимъ роль профессионаловъ не ограничивается. Хранители самаго дорогого-профессиональныхъ завѣтовъ и традицій, источника души арміи, ея духа, создатели ея знаній и науки, они въ то-же время являются воспитателями того стоицизма долга, безъ котораго невозможна никакая война или боевое дѣйствіе, стоицизмъ, какъ слѣдствіе привычки, которую не даромъ вѣковая мудрость считаетъ второю натурою.

Патріотическій порывъ въ эпохи острыхъ историческихъ народныхъ переживаній, религиозный фанатизмъ періодовъ рожденія новыхъ культовъ, фанатизмъ классовой розни во время революционныхъ взрывовъ — все это прекрасный цементъ для единства духа вооруженной массы, но нельзя строить организацію этого духа на столь случайномъ скоропреходящемъ фундаментѣ. Испытанія войны такъ серьезны и такъ тяжелы, превратности ея такъ иной разъ неумолимо грозны, что всѣ импульсы порыва любого вида фанатизма часто не выдерживаютъ ихъ искуса. Массовый аффектъ, лишь аффектъ,—не болѣе. Нельзя поддерживать духа арміи взрывами. Одинъ только стоицизмъ долга, одна профессиональная стойкость способны противостоять имъ, не уступая и не сгибаясь подъ тяжестью ударовъ военныхъ невзгодъ. Этотъ стоицизмъ, эта стойкость и есть дисциплина, живыми проводниками которой, слѣдовательно, служатъ все тѣ же профессионалы. Никто не станетъ отрицать значенія дисциплины въ арміи, никто потому не можетъ не оцѣнить значенія кадровыхъ чиновъ для ея воспитанія и поддержанія въ войскахъ.

Такіе сторонники милиціи вообще и въ особенности милиціонированія корпуса офицеровъ, какъ Жоресь, видятъ въ существующихъ командныхъ кадрахъ не болѣе, какъ „классъ“ или „касту“. Говоря отъ имени народныхъ массъ, пролетаріата, Жоресь, между прочимъ возглашаетъ: „Что они просятъ, что они имѣютъ право и обязанность просить, это, чтобы нація организовала свою вооруженную силу безъ всякой заботливости о классахъ и кастахъ, безъ всякой иной за-

боты, какъ только сама національная оборона“¹⁾. Далѣ онъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что многіе офицеры, даже между лучшими, даже между тѣми, которые силятся яснѣе понять наше время, имѣютъ только поверхностное сужденіе объ идейномъ движеніи, о сознательной драмѣ, которая развертывается въ пролетариатѣ. А между тѣмъ этимъ офицерамъ предстоитъ трудная задача“. „Въ день, когда національное существованіе будетъ поставлено на карту, они должны будутъ вести въ бой миллионы пролетаріевъ; какая слабость и какая жалость, если между ними и этими людьми окажется какъ-бы нравственный расколъ, неисправимая несогласованность совѣсти и мысли“²⁾. „Теперь, когда господствующее значеніе придано тому, что называется дѣйствующая армія, которая есть ни что иное, какъ казарменная армія, войско кажется образующимъ какъ-бы особый міръ, сферу блестящую и трескучую, имѣющую свои собственные законы, свой собственный путь и вслѣдствіе видимой концентраціи ея энергіи высочайшій блескъ“³⁾.

Какъ умы, сформировавшіеся подъ вліяніемъ монархическихъ привычекъ, не признаютъ иного величія власти, какъ сосредоточенной въ одной семьѣ или въ одномъ человѣкѣ, и которымъ суверенитетъ демократіи кажется, я не знаю, насколько ничтожнымъ, ограниченнымъ и болтливымъ, точно также образовавшіеся подъ вліяніемъ нашихъ военныхъ традицій, не признаютъ силы арміи, иной, какъ только въ видѣ института концентрированнаго, автономнаго, живущаго своею жизнью. И чѣмъ болѣе политическія и соціальныя необходимости открываютъ эту армію для всего народа, тѣмъ болѣе они стараются увѣряться, что главная сила арміи въ томъ, что существуютъ отъ стараго режима спеціализаціи и раздѣленія. Всѣ эти люди обманываются, по безапелляціонному мнѣнію Жореса. Мало того, что онъ договаривается до слѣдующаго положенія, вытекающаго изъ предшествовавшихъ: „Пришло время придти на помощь настоящей арміи, которая погибаетъ отъ внутренней болѣзни, задыхаясь въ паразитическихъ формахъ“⁴⁾.

Стараясь затѣмъ доказать, что военные вопросы рѣшаются безъ участія народа, хотя этому противорѣчитъ самая книга Жореса, ея авторъ утверждаетъ въ заключеніе: „Истина въ томъ, что нація не интересуется этими проблемами и что она позволяетъ такимъ образомъ профессионаламъ также не интересоваться ими и рѣшать ихъ произвольно, руководясь наиболѣе эгоистическими интересами касты или наи-

1) „L'Armée Nouvelle“. Стр. 5.

2) Idem, стр. 6.

3) Idem, стр. 38.

4) Idem, стр. 38.

болѣ узкими предразсудками, или наиболѣ лѣнивою рутиную¹⁾.

Вотъ обвиненіе кадрамъ и кадровой нынѣшней системѣ въ устахъ ея сильнѣйшаго противника слѣва. Къ чему они сводятся? Замкнутость касты профессионаловъ — вотъ что пугаетъ Жореса.

Но гдѣ-же эта замкнутость? Гдѣ эта аристократичность военного сословія? Гдѣ эта китайская стѣна? Изъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ Великой войнѣ армій, Русская, какъ вооруженная сила почти автократическаго государства, а въ особенности Германская, въ силу врожденнаго нѣмцамъ консерватизма и традиционализма, должны были-бы быть наиболѣе кастовыми арміями. И однако что-же мы видимъ? Въ Россіи сначала во главѣ Верховнаго Штаба, а затѣмъ въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго стоялъ генераль М. В. Алексѣевъ—самаго скромнаго происхожденія. Его преемникомъ по Верховному командованію былъ генераль Л. Г. Корниловъ, сынъ простаго сибирскаго казака и киргизки. Въ Германской арміи во главѣ Верховнаго Штаба былъ генераль Людендорфъ, сынъ скромнаго провинціальнаго торговца.

Пугаетъ Жореса „высочайшій блескъ“ военной касты. Гдѣ онъ, этотъ блескъ? Для блеска нужны прежде всего и послѣ всего деньги, а ихъ-то обыкновенно и недостаетъ военной кастѣ. Ея истинный блескъ — это безотвѣтное исполненіе своего долга, не взирая на матеріальную нужду и часто незнаніе личной жизни и удобствъ, исполненіе долга до конца, до положенія живота своего безъ предварительнаго обсужденія въ солдатскихъ комитетахъ, также столь любезныхъ Жоресу, цѣлесообразности такой жертвы. Профессионалы не стануть обсуждать между собой — нужна имъ „Березовка“ или не нужна, стоитъ за нее сражаться или не стоитъ.

Жоресь почему-то совершенно произвольно считаетъ, что кадровая армія — принадлежность монархическаго и автократическаго режима, тогда какъ, по его мнѣнію, только милиціонная армія является республиканскимъ типомъ вооруженной силы. Откуда этотъ выводъ, остаетъ тайною автора.

Римская республиканская армія была профессиональнымъ воинствомъ, тогда какъ русская или германская, монархическія по сравненію съ ней, были, конечно, милиціей.

Вообще форма вооруженной силы опредѣляется не формою правленія, а состояніемъ военного искусства и въ каждую данную эпоху во всѣхъ странахъ, находящихся на высотѣ культуры, бываетъ приблизительно одинаковой, независимо отъ того, какая система правительства въ нихъ имѣется. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что форма правительства часто

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“. Стр. 52.

не характеризуетъ системы правленія: британская монархія, на примѣръ, гораздо ближе къ идеалу республики, чѣмъ многія изъ государствъ, официально усвоившихъ себѣ эту послѣднюю форму. Важна не форма, а демократическая сущность современнаго государства, ея развитіе и устойчивость.

Съ этою именно сущностью нынѣшняя система вооруженной силы дѣйствительно находится въ тѣсномъ взаимодействіи, но эта сущность не исключаетъ спеціализаціи, а скорѣе требуетъ ея. Она требуетъ отъ всѣхъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности личнаго труда и личныхъ заслугъ, труда въ высшей степени изошреннаго, т. е., труда спеціалиста.

Въ нелюбви такихъ противниковъ военной спеціализаціи мы не встрѣчаемъ вѣскихъ доводовъ противъ нея. Мы находимъ только очень много темперамента и классовой ненависти, много чувства и раздраженія: отсюда фразы о какомъ-то высочайшемъ блескѣ военной касты, о ея замкнутости, о ея эгоизмѣ, какъ главномъ двигателѣ ея дѣятельности и пр. Выходитъ такъ, что въ классовой розни виновны вовсе не военные спеціалисты, а ихъ противники, которые справедливо угадываютъ въ кадровыхъ чинахъ арміи главныхъ противниковъ „момента горячо желаемой гражданской распри“. Пролетаріатъ, его массы предчувствуютъ это несочувствіе. Поэтому-то онѣ подчеркиваютъ олигархическій характеръ и духъ касты стараго корпуса офицеровъ. Онѣ приготавливаютъ новый типъ вождя.“¹⁾

И минувшая война помогла имъ въ этомъ стремленіи, такъ какъ ряды профессионаловъ порѣдѣли въ бояхъ въ первую голову, въ то время какъ офицеры изъ гражданскихъ пришли имъ на смѣну. Отдавая должное ихъ мужеству въ бояхъ, нельзя не указать на недостаточность ихъ военнаго воспитанія, именно не образованія, а воспитанія, которое дается лишь многими годами спеціализаціи. Только такимъ путемъ приобрѣтается то, что называется „врожденной“ дисциплиной, рождающей всю глубину „убѣжденія“, заражающаго войсковую массу переменнаго состава.

Справедливо замѣчаніе по этому поводу Людендорфа. Онъ пишетъ въ своихъ извѣстныхъ воспоминаніяхъ: „Дисциплина для офицера, какъ и для солдата, составляетъ по моему краеугольный камень всякой военной организаціи. И эта дисциплина можетъ приобрѣтаться только долгою службою“. И далѣе: „Корпусъ офицеровъ дѣйствительной службы остается, тогда какъ офицеры запаса, унтеръ-офицеры и солдаты мѣняются. Это онъ хранитель воинскаго духа“²⁾.

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, стр. 201.

²⁾ E. Ludendorff. „Souvenirs de la Guerre“, p. 45—46, t. I.

Нѣмцы нынѣ биты. Поэтому одна изъ труднѣйшихъ задачъ доказать, что нѣкоторыя вещи у нихъ въ арміи были хороши. Сдается, что ихъ военная организація, смогшая въ теченіе долгихъ четырехъ лѣтъ сопротивляться подавляющему превосходству силъ союзниковъ Согласія, заслуживаетъ внимательнаго изученія. Нѣмцы были побѣждены не вслѣдствіе недостатковъ своего военного устройства, а лишь по причинѣ дурной политики. И державы Согласія побѣдили не потому, что у нихъ организація была великолѣпна, а лишь потому, что, подъ прикрытіемъ морей русской крови, они имѣли время и возможность переорганизоваться заново, убѣдившись на печальномъ опытѣ въ ошибкахъ своихъ военныхъ системъ.

Если сравнивать два опыта организаціи, французскій и германскій, то придется отдать несомнѣнное преимущество второму, такъ какъ именно онъ удовлетворяетъ неперемѣнному условію всякаго научно-построеннаго изслѣдованія, изоляціи изучаемаго явленія. Въ то время какъ французская армія въ теченіе всей войны имѣла бокъ о бокъ съ собою сначала могучую поддержку русскихъ многомилліонныхъ массъ, а затѣмъ британскихъ и американскихъ, германская армія дралась, въ сущности, одна, все время подпирая своихъ готовыхъ развалиться союзниковъ. Вотъ почему именно ея опытъ долженъ быть принятъ къ руководству всѣми, кто, желая совершенствовать свою вооруженную силу, отдастъ должное не только политическимъ и социальнымъ факторамъ, какъ это дѣлаетъ Жоресъ, но и чисто военнымъ.

Какъ кажется, болѣе другихъ объ этомъ должны помнить французы. Они должны отрѣшиться отъ пристрастной антипатіи къ нѣмецкой школѣ, которая въ этомъ случаѣ есть ни что иное, какъ старательный выученикъ французской.

Поэтому особенно страннымъ дѣлается приводимый Жоресомъ выводъ генерала Ланглуа при сравненіи системъ французской и германской. Онъ пишетъ буквально слѣдующее: „У нашихъ сосѣдей главная сила зиждится на арміи первой линіи, едва усиленной резервами наиболѣе молодыхъ классовъ; во Франціи, напротивъ, мы разчитываемъ главнымъ образомъ на резервы“. Конецъ этой фразы особенно поучителенъ: „Мы не хотимъ здѣсь изучать эти двѣ концепціи; наша внушена нашимъ политическимъ и социальнымъ положеніемъ, мы должны пытаться извлечь изъ этого наилучшее“¹⁾).

Политика, вотъ что господствуетъ въ созданіи французской системы, и такой военный талантъ, какъ генераль Ланглуа не видитъ иного исхода, какъ приспособляться и приспособляться, очевидно, сознавая, какою цѣною для арміи будетъ куплена эта приспособляемость.

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, 18.

А между тѣмъ, какъ сказано, такъ называемая, германская система есть ни что иное, какъ система Наполеоновская, т. е., французская по природѣ и происхожденію. Какъ же это случилось, что французы не только открестились отъ своего дѣтища, но даже и нарекли ее, устами одного изъ своихъ крупнѣйшихъ военныхъ авторитетовъ, нѣмецкой системой?

Дѣло въ томъ, что Бонапартъ, унаслѣдовавъ отъ Карно, его военную организацію и вода ее въ бой, одновременно подвергъ ее радикальной организаціонной передѣлкѣ. Карно, также подавляемый политикой, озабоченный выкуриваніемъ изъ арміи роялистскаго духа, былъ занятъ уничтоженіемъ и одновременнымъ перерожденіемъ кадровъ. Это не могло не отозваться болѣзненно на всемъ огромномъ тѣлѣ арміи, а главное—на ея духовныхъ и дисциплинарныхъ качествахъ. Жоресь приводитъ рядъ краснорѣчивыхъ примѣровъ духовнаго развала арміи времени Карно, совершенно въ духѣ современныхъ эксцессовъ Красной арміи, а также нарождающихся время отъ времени безпорядковъ во всѣхъ прочихъ нынѣшнихъ европейскихъ арміяхъ. Бонапартъ сразу же по вступленіи во власть повернулъ въ обратномъ направленіи, т. е., въ сторону укрѣпленія кадровъ. Онъ всегда и всюду высказывалъ, что главное въ арміи—это кадры и послѣдовательно проводилъ въ жизнь этотъ взглядъ.

Наслѣдниками этого мудраго взгляда сдѣлались не родичи Наполеона, а нѣмцы. Они поняли ту простую истину, что въ вопросахъ военной организаціи мотивы военные должны господствовать надъ политическими. Не отрицая значенія послѣднихъ, никогда нельзя забывать о преобладающей роли первыхъ.

Было-бы несправедливо утверждать, что и до Наполеона никто не додумался во время революціи до необходимости упрочнить кадры. У Карно, идеалиста, восторженно-вѣровавшаго, что изъ революціоннаго пыла должна сама собою зародиться твердая дисциплина, были противники какъ разъ изъ крайняго лѣваго крыла Конвента, изъ числа Монтаньяровъ, т. е., людей со вкусами и склонностями не мечты и не болтовни идеалогіи, а прямаго дѣйствія. Они, устами Дюбуа-Крансе, члена военного комитета Конвента, предложили рядъ мѣръ по упрочненію кадровъ и по ихъ систематическому въ революціонномъ духѣ перерожденію. На этой почвѣ завязалась борьба между Карно и Дюбуа-Крансе, и изъ этой борьбы побѣдителемъ вышелъ послѣдній.¹⁾ И это было счастьемъ для Франціи. Здѣсь въ лицѣ Дюбуа-Крансе взяло верхъ то чувство мѣры и трезвой дѣйствительности, котора-

---

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, 204—206.

го такъ не хватало въ Россіи въ періодъ временныхъ правительствъ кн. Львова и Керенскаго.

Жоресъ въ своей книгѣ, неумолимо честной въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она рисуетъ основанную на строгомъ историческомъ изслѣдованіи бытовую правду, показываетъ, въ какой степени идеи Дюбуа-Крансе пришли во время. Къ 1794 году французская революціонная армія, представляя собою огромную массу, шла быстрыми шагами къ саморазвалу подобному тому, который испытала въ 1917 году русская армія, и по тѣмъ-же причинамъ: революціонная волна смыла довѣріе къ старымъ кадрамъ, а съ ними вмѣстѣ и дисциплину; при этомъ офиціальный организаторъ вооруженной силы не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ важности и спѣшности созданія новыхъ кадровъ. Все во французской арміи, какъ и въ русской сто двадцать пять лѣтъ спустя, медленно, но вѣрно скользило въ пропасть развала.

Карно разсчитываетъ, подобно русскому временному правительству, на дисциплинирующее дѣйствіе революціонно-патріотическаго порыва массъ.

Въ своемъ страстномъ порывѣ къ равенству Карно доходить въ своихъ представленіяхъ 1792 г. Национальному Собранію до слѣдующихъ заключеній: „Рѣшительно необходимо въ свободной странѣ, чтобы каждый гражданинъ былъ солдатомъ или чтобы никто имъ не былъ, . . . чтобы вскаій гражданинъ былъ-бы солдатомъ по долгу и никто-по ремеслу; . . . тогда исчезнетъ тотъ родъ раскола, который стараются посѣять между солдатами-гражданами и гражданами-солдатами“. 1) Это идеаль и всего труда Жореса. Ни въ мечтахъ его, ни въ мечтахъ Карно нѣтъ мѣста профессиональнымъ кадрамъ. Однако и Жоресъ, разбирая идеи Карно, не можетъ удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія: „Я не останавливаюсь въ рапортѣ Карно на нѣкоторыхъ идиллистическихъ чертахъ, которыя заставятъ улыбнуться трезвья головы“. 2)

Пока Карно поэтизировалъ, трезвья головы доносили изъ дѣйствующей арміи объ ужасномъ положеніи офицерскаго и команднаго вопроса. Выборное начало грозило полной деморализаціей арміи, совсѣмъ какъ впослѣдствіи въ Россіи: профессиональные офицеры постоянной службы были подавлены и лишены авторитета, а новые, избранные изъ рядовъ милиціи поголовнаго ополченія, оказались невѣжественными въ порученномъ имъ дѣлѣ и поэтому также безъ авторитета. 3) Въ обоихъ случаяхъ „поспѣшный выборъ, проистекающій изъ презрѣнной благосклонности войскъ къ

1) „L'Armée Nouvelle“, 157.

2) *Idem*, 159.

3) *Idem*, 163.

начальнику-развратителю, который съялъ-бы деньгами и льстилъ-бы противодисциплинарнымъ инстинктамъ“¹⁾ и игралъ свою разрушительную роль.

„Такъ, въ Западной арміи комиссары Конвента Гупильоде-Фонтенэ и Жаръ-Повилье, донося о недисциплинированности солдатъ, заключаютъ такъ письмо отъ 18 іюня 1793 г.: „Зло велико, мы искали его причину; мы полагаемъ, что нашли ее въ волокитѣ порядковъ, которые должны быть соблюдены, прежде чѣмъ наказать виновнаго, и въ зависимости офицера, въ которой законъ держитъ желашаго быть выбраннымъ передъ солдатомъ, который долженъ сдѣлать свой выборъ. То, что происходитъ передъ нашими глазами, такъ пагубно, что если не найдутъ средства сдѣлать офицера вполне независимымъ отъ солдата, нужно, чтобы вы отказались имѣть армію.“²⁾

Невѣжество начальниковъ и ихъ послабленія, распушенность войскъ и ихъ грабежи мирныхъ жителей; а также робость передъ противникомъ — вотъ, что явилось слѣдствиемъ ненормальныхъ соотношеній между массама и кадрами.

Для того, чтобы побороть зло, грозившее полнымъ разваломъ обороны государства, а также, чтобы слить во-едино организаціоннымъ путемъ старую королевскую армію, имѣвшую за собою знанія и опытъ, съ новою вооруженною силою-поголовнымъ ополченіемъ, созданнымъ въ 1793 году, Дюбуа-Крансе предложилъ законъ 1794 года о такъ называемомъ „амальгамированіи“ войскъ, т. е., о слитіи обоихъ названныхъ контингентовъ съ соблюденіемъ извѣстной пропорціи между составными частями. Такимъ способомъ достигалось ни что иное, какъ влитіе сильныхъ кадровъ въ милиціонную массу волонтеровъ поголовнаго ополченія. Этотъ законъ, вопреки мнѣнію Карно, былъ единогласно принятъ Конвентомъ³⁾ и послужилъ главною основою спасенія Франціи отъ развала по тому образцу, какъ это позднѣе случилось съ Россіей.

Во время дебатовъ по поводу этого закона Карно занялъ позицію защитника швейцарской милиціи въ ея чистомъ видѣ, идею которой стремится примѣнить и Жоресь.

Наполеону впоследствии не оставалось ничего иного, какъ упрочнить армейскіе кадры, созданные еще до него и влить въ нихъ путемъ побѣдъ недостававшіе имъ традиціи, духъ частей. Въ умно слѣпленное тѣло онъ вдунулъ духъ.

Итакъ вкратцѣ борьба за кадры въ время французской революціи характеризуется такъ: Карно добивался проведенія швейцарской милиціи въ ея чистомъ видѣ, т. е., почти безъ профессиональныхъ кадровъ; Дюбуа-Крансе спасъ эти кадры

¹⁾ Idem, 163.

²⁾ Idem, 191.

³⁾ Idem, 204 — 207.

и съ ними вмѣстѣ Францію отъ развала ея вооруженной силы; Наполеонъ еще болѣе упрочилъ эти кадры и на остріѣ своего меча разнесъ по всей Европѣ идеи Великой Французской Революціи.

Необходимо, при этомъ, отмѣтить, что сліяніе регулярной арміи съ волонтерами милиціи по системѣ Дюбуа-Крансе производилось такъ, что цѣльные батальоны первой соединялись съ цѣльными-же батальонами второй въ полубригады, замѣнившія прежніе полки. Такимъ способомъ достигалось то, что корпоративный духъ части оставался, по возможности, не распыленнымъ: ему дана была возможность сообщиться возникшей новой части.

Мало того, являясь сторонникомъ дифференціаціи въ военномъ устройствѣ (въ отличіе отъ рѣшительнаго унификатора Карно), Дюбуа-Крансе заботился въ своемъ проектѣ о томъ, чтобы избѣгать перемѣшиванія разносортныхъ частей вооруженной силы въ ея цѣломъ. Онъ предложилъ за спиною регулярной арміи, сформированной по его закону „амальгамы“, охарактеризованному выше, общею силою въ 150 тысячъ челоувѣкъ, держать еще второлінейную територіальную армію такой-же численности и за нею, въ свою очередь, 1,200,000 ополченія, причемъ територіальная армія должна была быть составлена исключительно изъ холостыхъ.

Къ сожалѣнію въ исторіи Великой арміи Наполеона остается мало изслѣдованнымъ вопросъ о вліяніи гибели кадровъ и несоотвѣтственнаго, при этомъ, роста милиціонной массы на крушеніе всего начинанія Императора. При изученіи кампаніи 1813 — 1815 г. г. этотъ фактъ всегда отмѣчается, но вскользь, въ ряду другихъ, можно сказать, на послѣднемъ мѣстѣ послѣ причинъ политическихъ, соціальныхъ, психологическихъ и пр. А между тѣмъ съ военной точки зрѣнія, при полномъ благополучіи для Наполеона всей прочей обстановки, его побѣда была-бы все равно немыслима изъ-за одного неблагополучія кадровой системы.

Воистинну можно сказать, что „масса“ погубила Наполеона!

На чемъ основанъ былъ конфликтъ Карно — Дюбуа-Крансе? Только на различной оцѣнкѣ политической внутренней опасности, которую несетъ съ собою въ своихъ рядахъ регулярная армія: Карно боялся ее, а Дюбуа-Крансе не боялся засилья военной касты.

Восторженный поклонникъ идей Карно въ ихъ чистомъ видѣ Жоресь приводитъ рядъ краснорѣчивыхъ доказательствъ того, насколько былъ правъ въ своемъ мнѣніи . . . Дюбуа-Крансе.

„Гренадеры Брюмера, пишетъ Жоресь, дѣйствовали не въ пользу касты. Возвышеніе генерала Бонапарта сдѣлалось возможнымъ вслѣдствіе долгихъ распрей, отъ которыхъ из-

немогали партіи и которымъ армія была чужда. Бонапарть самъ подчеркивалъ свое положеніе внѣ и выше арміи; его удача по меньшей мѣрѣ столь-же безпокоила его товарищей по оружію, какъ и революціонеровъ, остававшихся вѣрными республикѣ“.

„То-же въ драмѣ Коммуны, — конечно, не вліяніе арміи бросило Тьера и Версальское Собраніе на борьбу противъ республиканскаго и рабочаго Парижа: отъ арміи оставались только обломки. Командованіе, подорванное пораженіемъ, неспособностью, измѣною, не имѣло достаточно обаянія и авторитета, чтобы управлять событіями и чтобы объединить волю“.¹⁾

„Въ самомъ Буланжистскомъ кризисѣ не армія была причиною прямой опасности: это не отъ военныхъ организацій надвигалась постыдная и подлая опасность диктатуры и царизма. Генераль Буланже началъ не съ того, чтобы сдѣлать себѣ партію въ арміи, я хочу сказать между офицерами, чтобы давить затѣмъ на народную волю. Онъ не олицетворялъ, если можно такъ выразиться, корпоративнаго недовольства и домогательствъ касты... Въ дѣйствительности, это отъ толпы добился генераль Буланже власти, или по меньшей мѣрѣ той первичной популярности, которая представляетъ собою одинъ изъ элементовъ власти и которая не замедлила слиться съ реакціонной интригой. Ни вмѣшательство военныхъ, ни шаги генераловъ привели его въ Военное Министерство: это не военный заговоръ толкалъ его къ диктатурѣ. Много было начальниковъ, которые ему завидовали, за нимъ наблюдали и его ненавидили... Можно сказать въ общихъ чертахъ, что онъ гораздо меньше пытался дѣйствовать на демократію черезъ офицеровъ, чѣмъ на офицеровъ черезъ демократію... Ни въ самихъ военныхъ учрежденіяхъ, ни въ духѣ касты командованія былъ источникъ буланжистскихъ волненій: это порокъ демократіи, вдругъ павшей и сбившейся съ пути истиннаго“.²⁾

„Болѣе спеціально-военнымъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, былъ кризисъ націоналистскій³⁾. Но и на этотъ разъ не армія дала толчокъ, не она повела штурмъ... Она присутствовала пассивно и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тревогѣ... А главная масса офицеровъ предоставляла событія естественному ходу“⁴⁾. И здѣсь было ни что иное, какъ, по выраженію Жореса, „болѣзнь демократіи“.

Во время такой болѣзни, какъ учить исторія, армія дѣлалась нерѣдко въ рукахъ демократіи очень опаснымъ игролищемъ, отъ чего страдала прежде всего сама вооруженная сила, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе она была регулярна. На

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, 346.

²⁾ Idem, 348 — 350.

³⁾ Дрейфусаровскій.

⁴⁾ Idem, 351 — 352.

нашихъ глазахъ такіе и, при томъ, неоднократные опыты были продѣланы съ русской арміей.

Какъ извѣстно, революціонный переворотъ армія приняла съ большою серьезностью и въ сознаниіи своего долга, но затѣмъ давленіемъ извнѣ началось вливаніе въ нее демагогіи, этой истинной болѣзни демократіи, разныя партіи которой взапуски стремились въ кратчайшій срокъ овладѣть умомъ и сердцемъ арміи, т. е., столь имъ нужной физической силы. Отсюда пресловутый приказъ № 1, первая ласточка демагогіи, рѣчи депутатовъ думы и Керенскаго, старавшихся сладкими словами получить любовь солдатской массы цѣною распродажи команднаго авторитета въ розницу и оптомъ, отсюда крайняя демагогія большевиковъ, перехитрившихъ всѣхъ своихъ сотоварищей по политикѣ, такъ какъ ихъ демагогія была самая грубая и безудержная.

Но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ тѣхъ, что приводитъ Жоресъ, сама армія была лишь игральнымъ въ рукахъ политиковъ, съ стараніемъ, достойнымъ лучшей участи, стремившимся безсознательно по невѣжеству или по злой волѣ расшатать войска въ своихъ партійныхъ видахъ.

Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, изъ которыхъ, разумѣется, самые поучительные принадлежать противнику военной „касты“—Жоресу, явствуетъ одно—органическая удаленность этой касты отъ политики.

На этомъ, между прочимъ, былъ основанъ провалъ разсчета генерала Л. Г. Корнилова въ его столкновеніи съ Керенскимъ въ августовскіе дни 1917 г. Командный составъ, уже сильно подорванный въ своемъ авторитетѣ политикомъ Керенскаго, конечно, не организованный политически, не могъ откликнуться съ разсчетомъ на успѣхъ на призывъ патріота — своего Верховнаго Главнокомандующаго. Отдѣльныя попытки такихъ-же горячихъ патріотовъ, какъ Главнокомандующаго Юго-Западнымъ фронтомъ генерала Деникина съ близкими ему людьми, не привели ни къ чему иному, какъ къ болѣе быстрому разложенію командуемаго имъ фронта. Удивляться тутъ нечему: политическая борьба требуетъ долгой и продолжительной идейной и технической подготовки, организациіи, что хорошо извѣстно всѣмъ революціонерамъ и всѣмъ вообще людямъ практической политики. Если желаете поднять массу, одного призыва недостаточно.

То, что всѣмъ хорошимъ военнымъ кажется безусловнымъ плюсомъ кадровъ, то сторонникамъ милиціи представляется ихъ огромнымъ недостаткомъ.

„Въ конфликтахъ, предугадываемыхъ и въ тайнѣ желанныхъ“¹⁾, Жоресу нужны иные офицеры. И, конечно, когда онъ переходитъ къ обрисовкѣ нужнаго ему типа начальника,

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, 20.

онъ уже ссылается не на эти столь горячо „желанные конфликты“, а готовить свои идеальные кадры какъ-бы для будущей внѣшней борьбы, однако, безъ большой ясности.

Вновь повторимъ за Жоресомъ: „День, когда существованіе народа будетъ поставлено на карту, они (т. е., офицеры) должны будутъ вести въ бой миллионы пролетаріевъ; какая слабость и какая жалость, если между ними и этими людьми будетъ какъ-бы нравственный разводъ, неисправимое недоразумѣніе совѣсти и помысловъ. . . Мнѣ кажется, много офицеровъ, даже между лучшими, даже между тѣми, которые силятся понять наше время, имѣетъ лишь поверхностное сужденіе о движеніи идей, о драмѣ совѣсти, которая развертывается въ пролетаріатѣ“. ¹⁾

Отсюда естественное стремленіе пересоздать корпусъ офицеровъ на милиціонныхъ началахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы „драма совѣсти пролетаріата“ сдѣлалась его собственной совѣстью.

Это есть ни что иное, какъ желаніе организационнымъ путемъ ввести въ ряды кадровъ арміи то, чего не хватало Корнилову для его переворота, т. е., политику. Жоресъ твердо знаетъ, что только строго организационная подготовка можетъ привести къ желанному результату, до поры до времени тайному, секретному, старательно затушевываемому.

Если-бы Жоресъ дожидь до окончанія Великой Европейской войны и до періода старанія перейти отъ войны къ миру, онъ-бы имѣлъ чувство высокаго удовлетворенія, такъ какъ силою вещей, такъ сказать, по инерціи его идеи движутся къ своему осуществленію при посредствѣ перерожденія кадровъ путемъ пополненія ихъ офицерами гражданскихъ профессій, такъ называемыхъ, офицеровъ военнаго времени. Это практики его идеи. Но нарождаются уже и идеалисты, теоретики его мыслей и проектовъ, нарождаются въ самой военной средѣ, въ ея кадрахъ: такова именно группа генерала Дювала.

Мало того, пока идетъ эта зарождающаяся работа, официальная военная власть, увлекаемая однимъ миражемъ „массы“, ринулась также по маршруту, начертанному Жоресомъ, при чемъ, нужно отдать ей справедливость, эта власть не даетъ себѣ труда трезво взглянуть впередъ и спросить себя, чѣмъ-же весь этотъ бѣгъ къ невѣдомой цѣли закончится. Такимъ представителямъ власти рекомендуется перечитать Жореса: тамъ они найдутъ ясный и опредѣленный отвѣтъ, что все дѣло „въ конфликтахъ, предугадываемыхъ и въ тайнѣ желанныхъ“. ²⁾

¹⁾ „L'Armée Nouvelle“, 6.

²⁾ „L'Armée Nouvelle“, 20.

Столь ясно подчеркиваемое Жоресомъ расхождение „массы“ съ ихъ „кадрами“—несомнѣнный фактъ, иного разь съ тѣхъ поръ подтвержденный примѣрами войны, русской и германской революцій.

Для того, чтобы задѣлать эту брешь есть два исхода: или путь Жореса, т. е., милиціонированіе офицерскаго состава, или реорганизация милиціонной массы въ цѣляхъ ея приближенія къ „кадрамъ“.

Все послѣдующее изложеніе, посвященное изученію вопроса возможности извѣстнаго градуированія милиціонной массы въ видахъ осуществленія второго метода, будетъ рисовать ту новую стратегическую и тактическую среду, рожденную послѣдней войною, въ которой можно и должно провести этотъ именно методъ.

Пока же приходится установить, что все идетъ для осуществленія перваго приѣма, т. е., все стремится къ постепенному милиціонированію кадровъ.

Милиціонность нынѣшней системы и неизбѣжный переходъ къ милиціи будущаго не измѣняетъ цѣнности кадровыхъ чиновъ, какъ основы духа и организациіи вооруженной силы; даже, наоборотъ, усиливаетъ ихъ значеніе изъ-за меньшей стойкости всей системы. Эта милиціонность, естественный конецъ, логическое завершеніе столѣтней эволюціи кадровой системы, очень модная съ точки зрѣнія демократичности, принимается въ извѣстныхъ политическихъ кругахъ, какъ аксіома, не подлежащая критикѣ. А между тѣмъ она въ ней нуждается, какъ никакая иная, такъ какъ безопасность всей военной организациіи зависитъ отъ того, какъ понимается эта милиціонность. Если ее понимать такъ, какъ она понимается Беназе въ приведенной выше цитатѣ, то не стоитъ ни о чемъ беспокоиться, вводя годичную всинскую повинность: всѣ отбудутъ свое годовое „казарменное сидѣніе“, столь вредное для промышленности, которая и составляетъ главную дающую оборонительной силы страны, и личной составъ арміи на время войны обезпеченъ. Но если понимать эту милиціонность подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который проводился выше и который основанъ не только на механическихъ данныхъ, но и на психологическихъ, то придется очень и очень побезпокоиться, прежде чѣмъ вводить крайнее милиціонированіе войскъ безъ проведенія особыхъ мѣръ предосторожности.

Нужно установить, что психологія въ ряды солдатъ проникаетъ не только психическимъ путемъ, но и механическимъ, посредствомъ такого внутренняго организационнаго состава войскъ, при которомъ тѣ или иныя идеи, тѣ или иныя представленія и этическія понятія получаютъ вѣроятія своего развитія или, обратно, гибели. Какъ и во всемъ, идеи для проведенія въ жизнь нуждаются въ іерархіи, въ агентахъ. Эта іерархія—„кадры“ арміи. Они не только физической скелетъ

арміи, на которомъ держатся всѣ части ея большого тѣла и при посредствѣ котораго движутся всѣ его члены, но также и мозгъ, и нервы ея, руководящіе ея мыслью и ея волею.

„Рационалистическая логика безсильна противъ импульсовъ аффективныхъ, мистическихъ и массовыхъ, которые толкаютъ наши дѣйствія“,¹⁾ говоритъ д-ръ Густавъ Ле-Бонъ. Если это справедливо въ жизни отдѣльныхъ субъектовъ, это тѣмъ болѣе неоспоримо въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ массъ, народныхъ или войсковыхъ — безразлично. Все, что исходить изъ массы всегда носитъ печать темперамента и чувства, а не умового разсчета. Однако безъ послѣдняго не можетъ быть управленія массою и для этого-то и существуетъ „кадръ“ арміи. Если онъ не удовлетворяетъ требованію быть мозгомъ и волею массы, онъ будетъ увлеченъ темпераментомъ толпы и неминуемо будетъ сметенъ и смятъ ею. Возьмемъ примѣры, чтобы яснѣе и показателнѣе пояснить эту мысль. Въ предыдущей главѣ показано, какъ сознательно (большевики) или бессознательно (соціалъ-революціонеры и кадеты) разрушалась въ русской арміи іерархія командованія для подрыва духа войскъ. Понадобились долгіе восемь мѣсяцевъ, чтобы достичь этой цѣли: въ рядахъ былъ убитъ разумъ, интеллектъ и восторжествовалъ животный инстинктъ, естественная эманация морально подорванной толпы.

Драма германской арміи послѣ ея пораженія была ничуть не меньшей, чѣмъ драма русской, развалившейся безъ пораженія. Рядовая масса нѣмецкой арміи была также морально больна, флотъ находился въ состояніи полного разложенія, хотя менѣе прочихъ частей арміи пострадалъ во время войны, германскій солдатъ пошатнулся, но командный составъ не пострадалъ отъ руки своего нѣмецкаго „Керенскаго“ и приказа № 1 и по сіе время служить спасительнымъ якоремъ въ періодъ грозныхъ переживаній страны и арміи. Животный инстинктъ удерживается сохранившимся разсудочнымъ аппаратомъ вооруженной силы. Разъ умовая работа толпы ей чужда, нужно создать аппаратъ для этого, и этотъ аппаратъ-ея командный и вообще кадровый составъ. Въ германской арміи этотъ механизмъ остался благополучнымъ даже послѣ ея пораженія.

Исторія „Красной“ арміи показываетъ также, насколько большевики, разрушители команднаго состава русской арміи, цѣнятъ его значеніе. Всѣ ихъ усилія направлены на созданіе ядра, кадра „Краснаго“ войска въ видѣ корпуса офицеровъ изъ рабочихъ и изъ оппортунистовъ, готовыхъ за деньги служить кому и чему угодно, въ видѣ китайскихъ и латышскихъ войсковыхъ частей, въ видѣ коммунистическихъ частей, составленныхъ изъ убѣжденныхъ большевиковъ или изъ тѣсно

¹⁾ G. Le Bon. „Premières Conséquences de la Guerre“, p. 303.

съ ними связанныхъ матеріально и, наконецъ, въ видѣ матросовъ— „красы и гордости“ русской революціи. Всѣ эти элементы не распыляются случайно въ рядахъ „Красной“ арміи, а, напротивъ, сосредоточиваются сообразно своимъ свойствамъ въ расчетъ на наиболѣе сильное и продуктивное ихъ полезное воздѣйствіе на массу, всегда аморфную. Этими, и только этими, мѣрами большевикамъ удалось изъ анархически настроенныхъ бандъ бѣглыхъ съ фронта солдатъ въ короткій сравнительно срокъ создать сильную армію, которая и сама по себѣ представляетъ уже готовый кадръ для дальнѣйшаго развертыванія интернаціональнаго воинства изъ континентовъ любой національной смѣси. Такова оцѣнка „кадровъ“ у коммунистовъ.

Отрицательный примѣръ оцѣнки значенія организациі вообще, въ томъ числѣ, конечно, и кадровъ представляетъ собою дѣятельность генерала Деникина. Въ расцвѣтъ его успѣховъ, когда его армія была на близкихъ подступахъ къ Москвѣ, на вопросъ одного русскаго генерала: „Какими силами Вы командуете?“ Деникинъ отвѣтилъ совершенно смиренно: „Не знаю“ и добавилъ съ добродушіемъ: „Я не могу добиться точныхъ цифръ“. Именно подобное отношеніе къ вопросамъ военной организациі и погубило великое начинаніе, врученное ему. Тотъ-же вопросъ, заданный тѣмъ-же генераломъ одному изъ англійскихъ представителей при Деникинѣ получилъ совершенно точный отвѣтъ: „У Деникина 210 тысячъ противъ 200 тысячъ большевиковъ“.

При такомъ отношеніи къ вопросамъ военной организациі у Деникина все-же было много счастья, на которое онъ и полагался, пренебрегая трудомъ и вниманіемъ въ дѣлѣ созиданія арміи. Работа была „на авось“.

Но и въ арміи Деникина имѣлись организационныя особенности, достойныя быть отмѣченными: это офицерскія роты и даже полки. Создавшіеся сами собою, вѣлѣніемъ случая, они однако послужили какъ-бы безсознательнымъ орудіемъ судьбы, даннымъ Провидѣніемъ для упрочненія молодой Добровольческой арміи. Несоразмѣрно большое число офицеровъ нашло себѣ мѣсто въ рядахъ этихъ офицерскихъ частей на должностяхъ простыхъ солдатъ, сдѣлавъ изъ этихъ офицерскихъ ротъ и полковъ истинный якорь устойчивости, морали и дисциплины всей арміи и хранителя ея идеала.

Вообще, чѣмъ моложе и импровизованнѣе часть, тѣмъ должно быть приложено больше вниманія къ организациі всякаго вида кадровой силы. Приведенные примѣры достаточно краснорѣчиво говорятъ въ пользу этой мысли, столь несогласной съ цитированной выше фразой депутата Бензема. Послѣдняя опасна тѣмъ, что она покоится на непоколебимомъ фундаментѣ ходячаго моднаго общаго мѣста, сдѣлавшагося достояніемъ, такъ называемыхъ, широкихъ массъ, и.

потому носить характеръ деспотической истины. Сила такихъ уже популяризированныхъ идей замѣчена давно. Опытъ предостерегаетъ всѣхъ собирающихся съ ними бороться о большой трудности этой борьбы, такъ какъ для побѣды здѣсь недостаточно логики, нужно еще разрушить слѣпую вѣру въ правоту идеи, подорвать престижъ ея. И это могутъ сдѣлать не слова, а дѣла и факты отрицательнаго опыта приложенія такихъ ложныхъ идей. Вотъ почему, особенно, что касается массы, „нерѣдко въ исторіи истина усваивается только въ заревѣ гекатомбъ“.¹⁾ „Необходимость дорогостоющего опыта для утвержденія истины, въ доказательство правильности которой недостаточно одного разсудка, касается той темы, къ которой я возвращаюсь часто, а именно, что рациональная логика безсильна противъ импульсовъ аффективныхъ, мистическихъ и коллективныхъ, которые внушаютъ наши дѣйствія“.²⁾

Въ настоящее время мы переживаемъ богатѣйшій по полнотѣ и разнообразію боевой и военной опытъ. На нашихъ глазахъ произошли величайшія событія и назрѣваютъ еще болѣе важныя; мы видѣли быстрое крушеніе армій, казалось, несокрушимой мощи и не менѣе быстрое, почти чудесное созиданіе регулярной силы изъ безпорядочной вооруженной массы; передъ нами прошли примѣры глубокаго предвидѣнія въ дѣлѣ организаціи и случаи наивнаго невѣжества, собственными руками рушившаго то, что ему дано было счастливымъ случаемъ. Развѣ созданіе „Красной“ арміи не чудо организаціи, и саморазложеніе арміи Деникина не верхъ невѣдѣнія вождей, коимъ было ввѣрено дѣло ея устройства и упроченія?

Но теперь, когда больно пережиты какъ эти успѣхи, такъ и эти промахи организаціи, когда для нашего разсудка ясны ихъ причины, а наше чувство стремится къ исправленію испорченнаго всею силою возмущенія, пришелъ часъ для популяризаціи основныхъ идей военной организаціи не подъ привычнымъ, ошибочнымъ угломъ зрѣнія застарѣлой рутины, а на основаніи богатаго и исчерпывающаго опыта. „Только превращенныя въ чувство идеи вступаютъ въ область дѣйствія“.³⁾ Именно такой моментъ мы и переживаемъ. Всѣ животрепещущіе военные вопросы не только передуманы, но выстраданы и, слѣдовательно, перечувствованы.

„Новѣйшій цивилизованный человѣкъ находится въ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи періодовъ, когда старья

¹⁾ G. Le Bon, „Premières Conséquences“ p. 302 (36).

²⁾ Idem, 303 (36).

³⁾ G. Le Bon „Les Lois psychologiques de l'Evolution des peuples“.
143 (37).

идеи, куда завела его цивилизація, теряють свою власть новыя еще не сформировались, и споры терпимы,¹⁾ что далеко не всегда возможно, въ особенности, что касается натиска на складъ понятій, уже усвоенныхъ въ массахъ. Къ числу такихъ именно понятій относится и идея милиціонированія вооруженной силы, заходящая настолько далеко, что даже у специалистовъ выливается въ форму, если не отрипающую кадры, то во всякомъ случаѣ не придающую имъ того значенія, которое диктуется самою необходимостью для существованія вооруженной силы государства. Надо надѣяться, что саморазложеніе русской арміи, созиданіе интернаціональной Красной арміи и многочисленные эксцессы въ прочихъ европейскихъ арміяхъ во время войны и послѣ нея научили многому не только однихъ специалистовъ, но проникли и въ толщу народнаго сознанія. Безъ его перевоспитанія, при господствѣ нынѣ вездѣ и всюду общественаго мнѣнія, нечего и думать достигъ какихъ-бы то ни было положительныхъ результатовъ въ области военной организаціи.

Къ счастью въ новѣйшій періодъ цивилизаціи старыя идеи, которыя служили основою обычаевъ и (ходячаго) мнѣнія, почти разрушены и власть надъ душами сдѣлалась весьма слабою. Онѣ вступили въ тотъ фазисъ изнашиванія, когда старыя идеи переходятъ въ состояніе предразсудковъ.

До той поры, пока онѣ не замѣнены новою идеею, анархія царствуетъ въ умахъ. Лишь благодаря этой анархіи можетъ быть терпима критика. Писатели, мыслители и философы должны благословлять настоящую эпоху и спѣшить ее использовать, такъ какъ они ее больше не увидятъ. Это, быть можетъ, вѣкъ упадка, но это также одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ исторіи міра, когда выраженіе мысли остается свободнымъ. Онѣ не можетъ длиться долго.²⁾ Здѣсь подѣ стѣсненіемъ свободы обмѣна мнѣній разумѣются, конечно, не обычные оковы цензуры, но еще болѣе страшныя цѣпи общественныхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній массы, толпы. Что касается новыхъ идей, то „степень ихъ пользы оцѣнивается толпою только посредствомъ опыта“³⁾. Весьма часто—горькаго, какъ это случилось въ Россіи.

Переживъ въ Россіи сознательное разрушеніе „кадровъ“, поощряемое безсознательнымъ пособничествомъ невѣждъ, переживъ и не менѣе сознательное возсозданіе кадровъ уже въ иномъ духѣ, можно было наглядно убѣдиться, что все значеніе современной вооруженной силы въ ея кадрахъ, а не въ милиціонной массѣ. Буквально можно сказать: если

¹⁾ Idem; 155 (37).

²⁾ G. Le Bon, „Les Lois psychologiques de l'Evolution des peuples“ 156 (38).

³⁾ Idem, 158 (38).

хотите развалить армию, уничтожьте ее кадры и обратно, — обдумайте и родите кадры прежде, чѣмъ созидать войско современного типа.

Къ сожалѣнію эта простая истина не сознается съ достаточной отчетливостью въ тѣхъ случаяхъ, когда на очереди вопросъ о продолжительности военной службы подъ знаменами въ мирное время. Краснорѣчивымъ показателемъ этого заблужденія можетъ быть названо мнѣніе г. Беназе. Онъ говоритъ, какъ сказано, буквально слѣдующее: „Я твердо убѣжденъ, что годичная служба, подкрѣпленная серьезной военной подготовкой юношества, и т. д., и т. д. можетъ обезпечить безопасность Франціи“.

Нельзя упускать изъ виду, какъ дѣлаетъ этотъ депутатъ, что въ наше время армія состоитъ изъ двухъ совершенно несходныхъ между собою категорій людей: кадровыхъ и милиціонной массы. Въ понятіяхъ Беназе онѣ сливаются во-едино, при чемъ необходимое и достаточное для массы считается достаточнымъ и для специалистовъ.

Эти двѣ категоріи должны взаимно другъ друга уравновѣшивать въ общемъ армейскомъ организмѣ. Недостатки одной должны устраняться или ослабляться достоинствами другой. Разумѣется, и у той, и у другой имѣются и свои достоинства, и свои пороки. Въ двухъ словахъ — преимущества специалистовъ сводятся къ тѣмъ военнымъ добродѣтелямъ, безъ которыхъ невозможно существованіе арміи, ихъ-же недочеты — въ ненормальностяхъ отношеній къ гражданскому укладу страны; обратно, достоинства милиціонной массы арміи — въ ея нормальной и тѣсной связи съ народною толщею, а пороки съ военной точки зрѣнія — въ ея, къ сожалѣнію, естественномъ удаленіи отъ всего того, что касается войска, его духовныхъ особенностей и его техническихъ, организаціонныхъ и бытовыхъ основъ, столь необходимыхъ для войны и выношенныхъ многолѣтнимъ опытомъ.

Дѣйствительно, если для специалистовъ военное дѣло — ремесло и пожизненная профессія, для переменнаго состава оно — неприятный перерывъ ихъ постоянной дѣятельности; если личные интересы первыхъ тѣсно сплетены съ интересами арміи, для вторыхъ личный интересъ всегда не сходится съ интересами арміи и, такъ какъ родъ занятій опредѣляетъ родъ понятій и характеръ отношеній, то и психологическое несходство между обѣими группами военнослужащихъ также неизбѣжно: отсюда разность во взглядахъ на дисциплину, отсюда несхожденіе въ отношеніи къ особенностямъ быта, отсюда нерѣдко взаимное непониманіе, тяжело отражающееся на стройности всей работы армейскаго механизма. Военная специальность, какъ и всякая иная, требуетъ знаній и опыта. Если первыя пріобрѣтаются сравнительно просто и въ короткій срокъ, то для второго требуется время

и время. Знанія образуются, тогда какъ опытъ воспитываетъ; поле дѣйствія знанія-умъ, опыта-характеръ. Старая истина, что въ жизни характеръ важнѣе интеллектуальныхъ данныхъ, особенно въ военномъ дѣлѣ. Впрочемъ, и знанія, требующіяся нынѣ военнымъ искусствомъ, столь сложны, что въ высшихъ и среднихъ своихъ областяхъ, они отнимаютъ всю жизнь для своего усвоенія. Демонстрировать необходимыя идеи не трудно, но чрезвычайно сложно добиться ихъ усвоенія.

„Идеи могутъ получить воздѣйствіе на душу народа, лишь когда путемъ очень медленной обработки онѣ спускаются изъ неустойчивой области мысли въ устойчивую и бессознательную область чувствъ, гдѣ вырабатываются мотивы нашихъ дѣйствій. Онѣ становятся тогда элементами характера и могутъ воздѣйствовать на наше поведеніе. Характеръ отчасти образуется напластываніемъ бессознательныхъ идей“.¹⁾ Ясно, что для этого нужно время и немалое время, которымъ, что касается военной специальности, располагаютъ только одни „кадровые“, а не перемѣнный составъ.

Послѣдній вноситъ въ армію все разнообразіе мнѣній, вкусовъ, политическихъ взглядовъ, профессій, партійныхъ лозунговъ и, что самое важное, страстей, уровней образованія и воспитанія, племенъ и состояній, культурныхъ стремленій, національных чаяній и упованій, общественныхъ и національных достоинствъ и недостатковъ.

Все это должно въ арміи перерабатываться особымъ аппаратомъ, и этотъ аппаратъ—кадръ арміи со своею монолитностью въ отношеніи мышленія, психики, чисто профессиональной морали и взглядовъ. Подвижности, измѣнчивости и даже иногда капризности перемѣннаго состава онъ противопоставитъ рутину, школу, автоматизмъ, технику, любовь и преданность дѣлу, привычку и навыкъ, единство доктрины и морали, отчужденность отъ политики, часто наследственность профессій, что не рѣдкость въ военной каствѣ. И въ арміи естественно образуется та полезная равнодѣйствующая, которая необходима для производительной работы всего механизма въ рукахъ государственной власти.

Сохраненіе этой равнодѣйствующей въ арміи—труднѣйшая задача военной организаціи какъ въ мирное, такъ, въ особенности, въ военное время. Въ мирное время опасно естественное и согласованное съ духомъ времени желаніе увеличить численность войскъ съ попутнымъ ихъ демократизированіемъ. Во время войны, кромѣ этихъ причинъ дѣйствуютъ еще нѣсколько губительныхъ для этой равнодѣйствующей.

А именно: естественное убываніе изъ строя кадровыхъ чиновъ, отсутствіе вниманія къ необходимости сохраненія ихъ

¹⁾ G. Le Bon, „Les Lois psychologiques“, 145 (40).

и кадровых частей, неподготовка новых кадровых чиновъ-взамѣнъ убывающихъ, невниманіе къ вопросамъ воспитанія и обученія резервовъ, отсутствіе сколачиванія новыхъ частей и возстановливаемыхъ старыхъ и, наконецъ, натуральное утомленіе войною.

Что касается послѣдней изъ данныхъ, то она существуетъ не только для побѣжденныхъ, но и для побѣдителей. Въ запискахъ Кречмана о войнѣ 1870—71 г. г. и въ воспоминаніяхъ Газенкампа о кампаніи 1877—78 г. г. дается много разительныхъ примѣровъ этого утомленія побѣдителей, вслѣдствіе чего даже крупные военачальники, готовые поступиться своимъ долгомъ, чувствовали склонность къ скорѣйшему возвращенію на родину, не смотря ни на что. О массахъ и говорить нечего. Но если въ обѣ упомянутыя кампаніи, вслѣдствіе ихъ скоротечности, обнаружались такія стремленія къ концу войны, то что-же можно сказать про наше время? На нашихъ глазахъ побѣдители, накануне вѣрной уже побѣды, ясной для специалистовъ и еще неопредѣлившейся для профановъ, были готовы кончить войну кое-какъ, лишь-бы прекратить „бойню“. И откровенно говоря, можно-ли съ полной опредѣленностью утверждать, что война была доведена до ея рѣшительнаго конца, что побѣжденный лишень возможности диктовать свою волю побѣдителю? Отвѣтъ ясенъ. Ясна и причина—утомленіе войною и надломленность войска.

Высшій идеаль искусства военной организаци въ томъ и заключается, чтобы обезпечить самимъ механизмомъ войскового устройства непоколебимость „духа“ арміи не только во время мира, но и во время войны, хотя-бы даже и длительною. Разгадка этой трудной загадки—въ организаци „кадровъ“ и въ классификаціи переменнаго состава. Пользуясь этими обѣими мѣрами, можно конденсировать этотъ духъ, эту невѣсомую, казалось-бы, силу и направлять куда угодно по желанію руководящей руки, хотя-бы даже противъ желанія массы (Троцкій и красное воинство). Это совершенно, какъ съ электричествомъ. Теперь каждый ученикъ среднихъ классовъ знаетъ, что нужно сдѣлать, чтобы направить разсѣянное въ природѣ электричество по проволока для производнаго полезной работы. Онъ знаетъ, что для этого существуютъ особыя конденсирующія и распредѣляющія электричество машины. Такая машина въ арміи—ея „кадры“. Имъ грозитъ опасность не только во время войны, но и во время мира отъ увлеченія чрезмѣрнымъ разворачиваніемъ армій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ нужно, классифицируя переменный составъ, находить въ немъ тѣ интеллигентные слои, которые, соотвѣственно обработанные, могли-бы дать, послѣ молниеноснаго по своей поучительности опыта войны и во время самой кампаніи, новые контингенты всѣхъ сортовъ кадровъ.

нужныхъ для непоколебимаго существованія арміи и ея духа. Наполеонъ говорилъ: „Война быстро старить“. Это выраженіе касалось именно ея опыта и воспитываемой ею опытности.

Армія, гдѣ принято въ расчетъ это требованіе, можетъ спокойно взирать на свое будущее и не бояться потерь, неизбежныхъ въ бою. Иначе даже успѣхи въ сраженіяхъ могутъ обратиться въ Пирровы побѣды (Россія).

Словомъ, необходимо, чтобы пополненіе кадровъ во время войны было соображено такъ, чтобы „относительное“ превосходство духа было-бы всегда на нашей сторонѣ, а духъ — это кадры“.

Существуетъ очень распространенное, „ходячее“ и потому страшное своей неодолимостью мнѣніе, что, такъ называемое, военное школьное и внѣшкольное военное обученіе, и воспитаніе можетъ возмѣстить недостатки и недостатки кадровъ. Это сплошное заблужденіе. Подобное воспитаніе способно парализовать, и то отчасти, лишь въ слабой степени, нежелательныя съ военной точки зрѣнія данныя милиціонной массы, а не отсутствіе или неудовлетворительность кадровъ. Всѣ эти школьные батальоны, сокола, бойсь-коуты никогда не включаютъ въ свои ряды той массы юношества, которая одна способна обезпечить пользу этихъ организацій. Въ противномъ случаѣ они обращаются въ забаву болѣе или менѣе зажиточныхъ классовъ населенія, интересующихся спортомъ.

Главная масса трудящагося населенія никогда не будетъ въ состояніи удѣлить этому виду упражненій надлежащее время, такъ какъ этому противорѣчатъ бытовые требованія каждаго дня, отнимающаго среди этихъ классовъ все его время и всѣ его рабочія силы, не исключая и дѣтскихъ, для добыванія хлѣба насущнаго или для замѣны дома ушедшихъ на работу членовъ семьи.

Итакъ, спортъ—лишь суррогатъ специалистовъ, никоимъ образомъ не могушій ихъ замѣнить.

Недостатки кадровыхъ войскъ, какъ сказано, исходятъ изъ удаленности ихъ отъ общихъ бытовыхъ условій населенія страны, отъ ихъ обособленности, иногда чисто кастовой, какъ это наблюдалось, да и наблюдается по сію пору въ германской арміи. Эти недостатки приводятъ къ слѣдующему: къ цезаризму, къ преторіанству и къ наемничеству.

Недостатки милиціонной массы арміи, исходя изъ ея отдаленности отъ военной спеціальности и отъ многихъ положительныхъ особенностей ея быта, приводятъ нерѣдко ее къ политиканству, къ индивидуализму, къ эгоизму импульсовъ и, какъ слѣдствіе всего этого, къ недисциплинированности и саморазложенію.

Безъ особыхъ доказательствъ ясно, что цезаризмъ и преторіанство не страшны, разъ не существуетъ постоянныхъ или наемныхъ войскъ. Что-же касается наемничества, то мы его видимъ въ Красной арміи во всей его красѣ (и здѣсь не исключается опасность и цезаризма, и преторіанства), а также въ средѣ тѣхъ отдѣльныхъ военныхъ, которые среди бури революціонныхъ переживаній съ невѣроятной легкостью мѣняютъ свою политическую окраску, въ зависимости отъ того, кто можетъ въ данный моментъ оплачивать ихъ услуги. Вообще говоря, этому наемничеству не бываетъ мѣста въ нормальное время и въ нормальныхъ условіяхъ быта арміи.

Въ итогѣ о недостаткахъ, свойственныхъ кадрамъ, приходится признать, что они въ нашу эпоху или нежизненны (цезаризмъ и преторіанство), особенно въ нормальныхъ арміяхъ, или-же сводятся къ порокамъ той худшей части, безъ которой не можетъ, къ сожалѣнію, обойтись никакая среда.

Обращаясь къ недостаткамъ милиціонной массы, нужно признать, что они не только существуютъ въ настоящее время во всей силѣ, но и обѣщаютъ большое развитіе въ будущемъ. Если съ полною справедливостью приходится установить, что цезаризмъ и преторіанство въ наше время представляютъ историческій пережитокъ, а наемничество всюду, кромѣ Красной арміи, порокъ не массовый, чисто индивидуальныи, не страшный всему армейскому организму, то политиканство, индивидуализмъ, эгоизмъ, недисциплинированность, склонность къ саморазложенію и даже къ интернаціонализму, какъ идеалу, все это находится въ расцвѣтѣ развитія, обѣщающаго въ недалекомъ будущемъ сдѣлать главную народную массу, быть можетъ, способной и пригодной лишь къ гражданской войнѣ и къ бою, т. е., къ смутѣ.

Сверхъ отмѣченнаго, приходится также подчеркнуть, какъ слѣдствіе, и еще одну психологическую особенность, къ которой очень склонна современная милиціонная масса и отъ вліянія которой вполнѣ обезпечены кадры арміи, это-демагогія и тѣсно связанныи съ нею цинизмъ, которые способны даже замѣнить отсутствующій общій идеаль, что мы и видимъ въ Красной арміи, гдѣ именно демагогія и цинизмъ, доведенные до высшаго совершенства, сплачиваютъ во-едино разнокалиберную и разноплеменную массу, въ большинствѣ враждебную идеалу своихъ вождей.

Въ двухъ словахъ: недостатки кадровъ аннулированы современными условіями, силою вещей, тогда какъ именно они усиливаютъ пороки милиціонной массы.

Невольно припоминаются, при этомъ, слова Наполеона, сказанныя имъ князю Меттерниху въ разговорѣ объ организаціи тогдашней австрійской арміи: „У васъ забываютъ самое драгоценное въ арміи, это — кадры“. ¹⁾

¹⁾ „Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince Metternich“ p. 128.

Эту простую истину не мѣшаетъ сугубо помнить, имѣя въ виду современное политическое теченіе, которое совершенно сознательно ставитъ себѣ цѣлью приобщеніе арміи къ партійной борьбѣ при посредствѣ учреждений, въ родѣ печальной памяти комитетовъ въ русской, германской и австро-венгерской арміяхъ во время революціонныхъ переживаній. Эти комитеты, осужденные на упраздненіе даже такими организаціями, какъ красноармейскія, однако еще далеки отъ своей окончательной гибели. Свидѣтельствуемъ объ этомъ замѣтка Вѣнской „Arbeiter Zeitung“ отъ начала сентября 1920 г. Она говоритъ о центральной организаціи новаго синдиката „безъ прецедентовъ“. Если официальный органъ соціалъ-демократіи не публикуетъ полнаго отчета о томъ, что онъ называетъ историческимъ днемъ не только для рабочаго движенія въ Австріи, но для такового всего міра, не откажутся повѣрить, что статсъ-секретарь по военнымъ дѣламъ докторъ Дейтчъ, будто-бы, могъ санкціонировать это событіе своимъ присутствіемъ и привѣтствовать рѣчью новый синдикатъ солдатъ для установленія связи съ рабочими, организованными въ интересахъ республики.

„Этотъ синдикатъ, по выраженію военнаго министра, будетъ имѣть двойную задачу блюсти улучшеніе матеріальнаго положенія солдатъ и обезпечить ихъ моральный укладъ, который сдѣлаетъ бесполезной старую дисциплину, основанную на угѣсненіи“.

Фарисейскіе подходы (улучшеніе быта) — характеристика демагогіи.

Конецъ этой замѣтки, заимствованной изъ Бухарестской газеты „Le Progrès“, достоинъ особаго вниманія. Онъ гласитъ буквально слѣдующее.

„Послѣ рѣчи г. Бауера, привѣтствовавшаго присутствовавшихъ отъ центрального исполнительнаго комитета рабочихъ, депутатъ Рихтеръ, тотъ самый, который велъ переговоры съ Совѣтами въ Копенгагенѣ для установленія соглашенія, взялъ слово отъ имени правящаго комитета партіи соціалъ-демократовъ:¹⁾ — Это первая солдатская организація, которую вы основывали, и особенно характерно, что это случилось въ нашей странѣ, столь измученной, что именно здѣсь родилась мысль о томъ, что пролетаріи въ мундирахъ должны объединиться не только для улучшенія своего положенія, но и для болѣе широкой цѣли, — чтобы сдѣлать невозможнымъ военное ремесло. Все социалистическое движеніе въ самомъ дѣлѣ старается обезпечить сношенія между народами мирными путями. Мы надѣемся, что вашему примѣру послѣдуютъ всѣ солдаты цѣлаго міра и что они соединятся съ пролетаріатомъ, чтобы сдѣлать войны невозможными и сломать цѣпи капитализма“.

¹⁾ „Le Progrès“, 18 Septembre 1920, № 469 (Bucarest).

Въ этихъ знаменательныхъ словахъ сказывается планъ отнюдь не „мира всего міра“, на что, какъ на идеаль ссылается ихъ авторъ, а замѣна войнъ внѣшнихъ войною внутреннею, что русскіе большевики и продѣлали на практикѣ, достаточно печальной.

Эта эволюція является конечной для системы милиціонированія армій, начатой сто лѣтъ назадъ. Продолжать ее далѣе—значить готовить изъ армейской милиціонной массы орудіе партійной кровавой борьбы, которымъ не замедлят воспользоваться демагоги крайнихъ политическихъ партій, враждебныхъ современному государству.

Возможности для нихъ представляются необыкновенно богатыя. Для того, чтобы ихъ очертить вкратцѣ, достаточно отмѣтить слѣдующее. Веденіе войны нынѣ зависитъ отъ фабрики, слѣдовательно, отъ рабочаго. Если ему удастся въ видѣ ли синдикатовъ, подобныхъ австрійскимъ, въ видѣ ли иныхъ способовъ объединиться съ солдатомъ, послѣдній выйдетъ изъ повиновенія государству и подчинится рабочей организаціи, защищающей его эгоистическіе интересы именно съ цѣлью вывода изъ подчиненія правительственной власти съ конечной цѣлью подготовки классовой борьбы орудіемъ, приготовленнымъ самимъ современнымъ государствомъ.

Государство не только приготовило армію, внимательную къ голосу демагоговъ, но и создало ту систему вооруженной силы, которая держала въ теченіе долгихъ четырехъ съ лишнимъ лѣтъ войны подъ ружьемъ огромную массу въ 35—40 милліоновъ людей, оторванныхъ отъ своего обычнаго труда, отъ своей семьи, отъ мирнаго обихода, при полной неизвѣстности, возможно-ли будетъ и какъ скоро возобновить свой прежній трудъ. Шутка-ли сказать: 35—40 милліоновъ! Много-ли въ Европѣ великихъ державъ, имѣющихъ такое населеніе!

Психика всей этой массы подъ длительнымъ воздѣйствіемъ войны не могла остаться неприкосновенной. И когда святой подвигъ былъ оконченъ, когда лучшія душевныя эмоціи войны прошли, наступила очередь тѣхъ, которыя вызваны суровыми условіями личной жизни. Бѣда, когда эти условія объединяють во-едино не сотни и тысячи, а милліоны людей, при томъ всѣхъ европейскихъ расъ. Бѣда, когда это недовольство распространяется среди массы, извѣстнымъ образомъ перевоспитанной войною.

„Люди, которые въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ при-выкли къ грабежу, пожарамъ, убійству и къ презрѣнію всего того, что они привыкли уважать, не будутъ вести себя вновь такъ-же, какъ они вели себя до войны. Кривая преступности будетъ долго повышаться у авторовъ столькихъ правонарушеній.... Когда всѣ препоны, воздвигнутыя цивилизаціей, разрушены, очень трудно ихъ возстановить“¹⁾.

¹⁾ G. Le Bon. „Premières Conséquences“, p. 291 (47).

Бывшіе солдаты повсемѣстно принимаютъ живое участіе въ забастовочномъ движеніи, внося въ него ту привычку дѣйствовать въ коллективѣ, которую воспитала въ нихъ армія и, слѣдовательно, государство. Особенно опасно такое участіе для странъ съ сильно развитою промышленною жизнью, гдѣ массы живутъ наемнымъ трудомъ, нарушеннымъ войною. Еще недавно въ Англіи вспыхнула именно такая стачка бывшихъ солдатъ, въ количествѣ не менѣе милліона человекъ, оставшихся безъ мѣсть изъ-за войны. И творчество государства, желавшаго смягчить движеніе, не пошло далѣе организаціи общественныхъ работъ, т. е., полумѣры, еще никогда никого не удовлетворившей и бесполезно истощающей государственнй бюджетъ.

Всѣ эти явленія народнаго быта-продуктъ отжившей организаціи милиціоннаго, перемѣннаго состава армій.

Путь противодѣйствія этой нежелательной эволюціи — это путь усиленія и улучшенія кадровъ, какъ противовѣса массѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ это ни странно, даже наемныя арміи надежнѣе для государственной власти, чѣмъ милиціонная. Онѣ всегда исполняютъ приказъ нанимателя. Такова Британская армія. Она въ рукахъ своего правительства будетъ всегда надежнымъ орудіемъ борьбы въ періодъ, когда гражданская распря того потребуетъ.

Въ заключеніе нельзя не придти къ выводу, что если дальнѣйшее милиціонированіе массы приведетъ къ гражданской борьбѣ, то совершенствованіе кадровъ, въ связи съ усовершенствованіемъ оружія, закончится сокращеніемъ армій.

Малыя хорошія арміи будутъ побивать огромныя милиціи совершенно такъ-же, какъ персидскія полчища разгромялись небольшою, но отличной по качеству арміей Александра Македонскаго.

Когда это случится - предугадать нельзя, но быть увѣреннымъ въ этомъ можно.

ГЛАВА III.

Идеалы борьбы.

Прежнимъ наемнымъ (на Западѣ) или наборнымъ (въ Россіи) арміямъ вмѣсто идейной подготовки не нужно было ничего, кромѣ приказа о выступленіи. Остальное являлось само собою въ силу естественнаго у профессионаловъ стремленія примѣнить на практикѣ свое ремесло. Въ нынѣшнихъ народныхъ ополченіяхъ этотъ простой способъ непримѣнимъ: они могутъ драться и хорошо драться только за понятные имъ идеалы и дорогіе имъ принципы или близкія каждому изъ нихъ выгоды.

Въ противномъ случаѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній войны и неизбѣжныхъ во время нея разочарованій, деморализація современной арміи неотвратима. Лучшей иллюстраціей этой мысли можетъ служить примѣръ Русско-Японской войны, во время которой даже развитая часть русскаго общества раздѣлилась на два лагеря: сторонниковъ и противниковъ войны и даже побѣды; когда по мнѣнію однихъ было „чѣмъ лучше, тѣмъ лучше“, по мнѣнію другихъ — „чѣмъ хуже, тѣмъ было лучше“. Но идейной подготовки одной интеллигенціи для удачнаго веденія войны далеко недостаточно. Нужна еще современная обработка всей толщи народной массы, а для этого необходимо или продолжительное время, или сильный, хотя-бы и кратковременно — дѣйствующій импульсъ (оскорбленіе народнаго чувства, возбужденіе религіознаго экстаза во имя новаго идеала и т. п.). Когда эта обработка массы производится преднамѣренно, нужно единство идейной пропаганды, а также и не малое время.

Весьма поучительнымъ примѣромъ такой именно подготовки можетъ служить пропаганда только что минувшей войны въ Германію. Фонъ-деръ-Гольцъ задолго до войны проповѣдывалъ идею „Вооруженнаго народа“, языкомъ, доступнымъ для неспеціалистовъ; Бернгарди проводилъ мысль о необходимости и неизбѣжности огромнаго міроваго вооруженнаго конфликта во имя гегемоніи Германіи; Ревентловъ популяризировалъ тѣ-же идеи путемъ журналистики; Мольтке совершилъ спеціальныя путешествія по странамъ Европы, чтобы ознакомить европейцевъ съ идеями „Вооруженнаго народа“; наконецъ, самъ

Вильгельмъ, возглавляя все это начинаніе, создалъ цѣлый культъ грубой силы особаго германскаго бога, запряженнаго имъ специально для надобностей нѣмецкаго народа, обладающаго самыми крѣпкими въ мірѣ кулаками. Этой-же идеѣ служила философія съ Нитцше во главѣ, наука, профессура, школа, литература, промышленность, парламентъ, законодательство, ежедневная пресса. Такое сосредоточеніе усилій не могло не привести во время Великой Европейской войны къ поразительному идейному единству германскаго народа, которое уже не могло быть нарушено ни контръ-пропагандою союзниковъ Согласія, ни краснорѣчіемъ самихъ фактовъ. Заблужденія массъ въ ихъ сознаніи всегда приобрѣтаютъ значеніе неопровержимыхъ истинъ, не могущихъ быть разрушенными доводами логики, такъ какъ они гнѣздятся въ тайникахъ вѣры и чувства, всегда чуждыхъ и логикѣ, и разсудку.

Конечно, чѣмъ разсудочнѣе народъ, чѣмъ онъ медленнѣе поддается аффекту, чѣмъ его темпераментъ болѣе уравновѣшенъ, тѣмъ медленнѣе онъ подпадаетъ подъ вліяніе импульсивныхъ увлеченій и тѣмъ дѣйствительнѣе въ его средѣ пропаганда, основанная на разсудочныхъ данныхъ.

Именно съ подобнымъ положеніемъ мы столкнулись въ Англіи въ началѣ войны. По свидѣтельству Лорда Sydenham'a, въ 1914 году парламентъ и народъ никогда не санкціонировали-бы франко-англійскаго союза, такъ какъ не понимали значенія германской опасности¹⁾. Къ этому присоединилось, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, отвращеніе англичанъ къ воинской повинности и къ военной службѣ. Нужна была упорная пропаганда Баденъ-Пуэзля съ его бойскъ-коутами, парламентская авторитетная борьба лорда Китченера, наконецъ, вся работа Ллойдъ Джорджа, чтобы пересоздать общественное мнѣніе Англіи и популяризировать въ его средѣ и мысль о дѣйствительности германской угрозы, и идею о необходимости всеобщей воинской повинности. Только въ Англіи, странѣ древнѣйшей культуры и многовѣковой политической уравновѣшенности, пропаганда сравнительно незначительной длительности могла привести къ тому, что эти стимулы были быстро усвоены массами, достаточно организованными внутри для воспріятія велѣній, налагаемыхъ тяжелымъ долгомъ. Въ результатъ — многомилліонная британская сухопутная армія, невиданная въ ея исторіи, и гдѣ самая мысль о службѣ въ рядахъ войскъ была всегда отталкивающей.

Въ Россіи — обратное положеніе: была сильнѣйшая въ мірѣ армія, но не было обращено никакого вниманія на политическое воспитаніе народныхъ массъ со стороны правительства, и эта армія рассыпалась въ нѣсколько недѣль подъ

¹⁾ Радио изъ Лондона 12 декабря 1920 года (интервью въ „Evening Standart“).

вляніємъ обратной пропаганды враговъ современной государственности, игравшей на самой легкой струнѣ для толпы-упраздненіи задерживающихъ центровъ, освобожденіи отъ обязанностей, на несбыточныхъ обѣщаніяхъ о земномъ раѣ черезъ простѣйшія и понятнѣйшія для толпы способы, черезъ грабежъ и черезъ убійство, какъ средство для него; словомъ, игра на психологіи обычнаго домашняго вора.

Чтобы полнѣе уяснить себѣ, какъ Россія „дошла до жизни такой“, стоитъ углубиться въ этотъ вопросъ. Къ сожалѣнію въ данномъ случаѣ Россія—простое опытное поле, поучительное для всѣхъ.

Въ сущности, всѣ міровыя столкновенія народовъ были вызываемы или эгоизмомъ, или героизмомъ. Въ первомъ случаѣ двигала выгода, во второмъ — идеаль, причемъ „могущество идеи не доказываетъ ея рационалистической цѣнности. Многія религіозныя и политическія вѣрованія, хотябы и очень исполненные заблужденій, часто вздымали міръ“. ¹⁾ Не взирая на такую призрачность и ненадежность рационалистическаго фундамента народныхъ движеній во имя идеи, именно, они, помноженные на время, давали могущественныя толчки прогрессу. „Если вѣрно, что человѣчество ведется призраками, то необходимо признать, что изъ нѣдръ еврейскаго племени вышелъ одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ изъ тѣхъ, которые царили надъ міромъ“. ²⁾

„Представитель ученія, провозглашеннаго однимъ плотникомъ маленькаго селенія Галилеи, въ наши дни еще является могущественнѣйшимъ государемъ міра, единственнымъ, котораго постановленія признаются, какъ непогрѣшимыя и игу котораго, можно сказать, подчиняются триста милліоновъ душъ“. ³⁾ Таково вліяніе высокой идеи, казалось-бы, безъ всякаго матеріальнаго могущества, но помноженной на время. При этомъ необходимо подчеркнуть и высокіе способы борьбы, исключаютіе преступленія, но лишь исполненныя героизма и мученичества. Не въ предѣлахъ человѣческихъ силъ объяснить могущество такихъ способовъ борьбы, когда побѣждаетъ безоружный, какъ древній христіанинъ, самое могущественное государство міра, какъ Римъ, но фактъ на лицо. Именно эта борьба дала итоги на два почти тысячелѣтія впередъ, результаты которыхъ не видѣли никакія народныя движенія, возникавшія за тотъ-же періодъ времени даже изъ числа наиболѣе сильныхъ. Можно даже высказать положеніе, которое невозможно опровергнуть историческими примѣрами, если-бы даже у кого-либо и явилось такое же-

¹⁾ G. Le Bon, „Prem. Conséquences“, 18 (50).

²⁾ G. Le Bon, „Les premières Civilisations“, 624 (50).

³⁾ Idem, 624 (51).

ланіе. Положеніе это слѣдующее: чѣмъ чище и выше способности борьбы во имя высокаго идеала, тѣмъ вѣрнѣе побѣда его и тѣмъ длителнѣе его господство послѣ побѣды. И обратно — грязнѣйшіе и кровавѣйшіе способы борьбы годны только на разрушеніе какими-бы высокими лозунгами не прикрывались. Слѣдствіе этого положенія: промежуточные типы борьбы даютъ и промежуточные, неполные итоги.

. . . „Надо, чтобы сила власти была не только силой, надо чтобы въ ней была видима и правда. . . Толстой правъ, выражаясь на своемъ языкѣ: грабителей и убійцъ не побѣдятъ грабители и воры. . . Вспомнишь невольно слова. . . „бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятiяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля, и оттого сильны“. ¹⁾

Конечно, это не значить, что и жестокіе импульсы не способны вздымать народы. Очень часто такіа народныя движенія являются слѣдствіемъ ложныхъ идей. „Ложныя идеи — великіе разрушители исторiи“. ²⁾ Часто и длительность дѣйствiя такихъ идей, продолжительность ихъ власти надъ массою бываетъ весьма значительна. „Но не взирая на ихъ длительность, ложныя идеи не вѣчны, и вотъ почему, если легко лично подпасть подъ обаяніе иллюзiи и даже увлечь цѣлый народъ, то все-же невозможно исторiю увлечь на путь иллюзiй“. ³⁾

Атилла въ 5-мъ вѣкѣ, играя на грубыхъ инстинктахъ толпы, прошелъ всю Западную Европу, разгромляя въ ней римскую культуру. За нимъ шли массы съ вѣрою въ вождя и съ увѣренностью въ правотѣ своего дѣла. Иначе это движеніе, поистинѣ исполинское, не могло-бы быть такимъ захватывающимъ. Скажутъ — волна варваровъ. Конечно, но руководимая людьми, отнюдь не чуждыми той самой римской культурѣ, которую они ополчились разрушить. По крайней мѣрѣ таковы характеристики византійскихъ хроникъ самого Атиллы и его сподвижниковъ.

Что осталось отъ этого бѣшенанаго натиска толпы на все, что было выше ея? Кромѣ двухъ словъ „Бичъ Божiй“ — ничего. Но чтобы добиться такого результата, понадобилось цѣлое тысячелѣтіе, вплоть до эпохи Возрожденія, когда Европа изъ потемокъ дѣтскихъ исканiй и заблужденiй вновь нашла пути къ истинной культурѣ. Эти пути, какъ и слѣдовало ожидать, вели именно отъ тѣхъ конечныхъ этаповъ греко-римской культуры, надъ сокрушеніемъ которыхъ поработала толпа Атиллы и съ которыми западные Европейцы вновь связались путемъ Крестовыхъ походовъ. Изгнанная съ Византійскаго Востока турками (1453 г., ровно черезъ тысячу

¹⁾ Ф. Родичевъ, „Памяти Л. Н. Толстого“ („Общее Дѣло“ с. г. № 128).

²⁾ G. Le Bon, „Prem. Conséquences“, 330 (31).

³⁾ *Idem*, 327 (52).

лѣтъ послѣ смерти Атиллы) древняя культура, наслѣдница еще болѣе древнихъ Ассири-Вавилона и Египта, эмигрировала въ Италію, а отгуда въ остальную Западную Европу и этимъ начала работу ремонта въ разрушеніяхъ, причиненныхъ Атиловскимъ шкваломъ.

Эта работа была очень медленной, и не только въ культурно-просвѣтительной области, но и въ политической. „Грубая сила, добыча и грабежъ“, — провозглашенные Атиллою принципы общественаго бытія, — продолжали дѣлать свое дѣло. Именно подѣ ихъ вліяніемъ Европа оказывается раздробленной и въ состояніи вѣчной войны. Воистину, по пословицѣ, „что разрушилъ одинъ дуракъ, не исправятъ десять умныхъ“.

Феодальныя дразги, территоріальныя споры и династическіе интересы — вотъ пружины, руководившіе вооруженными столкновеніями эпохи до Возрожденія. Импульсы, какъ видно, личные, мелочныя, матеріалистическіе, эгоистическіе. Но и они дѣлали свое немаловажное дѣло: порядокъ, хотя-бы во имя самой примитивной безопасности, власть, хотя-бы какая-нибудь, но лишь-бы не анархія. Это было постепеннымъ переходомъ къ высшему порядку историческихъ импульсовъ, зародившихся одновременно съ идеями Возрожденія: борьба за государственность, за національность, за религію.

Это уже борьба за высшій порядокъ. Территорія феодальнаго барона, т. е., его замка съ окрестностями, замѣняется обширными землями расы, начинающей сознавать свои національныя и духовныя особенности. Словомъ, борьба за высшіе идеалы. Феодальныя ячейки сдѣлали свое дѣло и должны уступить мѣсто племеннымъ организмамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ монарховъ демократія городовъ впервые начала пробиваться къ власти. Это — эпоха зарожденія просвѣщенной демократіи, сильной своей культурой и трудоспособностью, а не огромными и тяжеловѣсными кулаками, въ качествѣ непреоборимаго аргумента. Этотъ аргументъ былъ въ то время еще не въ рукахъ демократіи.

Кончена-ли эта борьба за племя и его духовное и матеріальное благополучіе? Она подходитъ къ концу, но еще далеко не завершена относительно нѣкоторыхъ расъ, напримеръ, славянской. Однако, несмотря на незаконченность этой эволюціи во всемірной исторіи, уже появились и находятъся въ разной степеніи развитія и новые типы наступательной, народной энергіи. Это — империалистическія стремленія, приобрѣтеніе колоній и борьба за рынки. Всѣ подобныя движенія можно охарактеризовать однимъ выраженіемъ: расширение культуры высшими расами среди низшихъ.

Наконецъ, мощное развитіе этой борьбы за культуру не мѣшаетъ народженію новой, пока въ зачаточномъ состояніи,

борьбы за общечеловѣческіе идеалы, за личность, вооружившуюся противъ государства, за интернаціональ. Великій индивидуалистъ Толстой былъ теоретическимъ предтечею этого движенія.

И въ то время, когда въ Россіи авторитетный голосъ совѣтоваль непротивленіе злу, въ это время рупоръ Нитцше гудѣлъ — „слабago толкни“.

Такое странное раздвоеніе идеаловъ уже была борьба въ скрытомъ состояніи.

Нынѣ эта борьба ведется уже въ открытую, но съ тою особенностью, что „интернаціональ“ борется средствами Нитцше — „слабago толкни“.

Какъ смотрять на этотъ союзъ русскаго анархизма и нѣмецкаго этатизма, доведеннаго до крайней грубости? Маршалъ Фошъ, въ своей бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Daily Mail“ г. Wadge Price, выразился объ интернаціонализмѣ такъ. „Не будемъ терять драгоцѣнныхъ качествъ, свойственныхъ старымъ націямъ, какъ наши. Родина исполнена преданій, памятью о великихъ людяхъ, усвоеннымъ порядкомъ, національнымъ характеромъ. Люди жертвуютъ для народа; ихъ воодушевляетъ къ геройскимъ поступкамъ одинъ благородный идеаль. Но интернаціонализмъ-отрицаніе этого идеала и отказъ отъ этихъ завѣтовъ прошлаго. Это — организація чело-вѣчества по классамъ, а не по націямъ, и наиболѣе бѣдный классъ неизбежно объявитъ войну прочимъ“. Таково точное опредѣленіе нынѣшней борьбы маршаломъ Фошемъ. Что-же онъ предвидитъ и чего онъ желаетъ?

„Я хочу видѣть Англію, говоритъ Фошъ, сильной, какъ я желаю сознать сильной Францію. Онѣ образуютъ элементы порядка на свѣтѣ. Я желаю, чтобы всѣ націи, которыя показали себя достойными своей независимости, гордо подняли-бы голову и исполнились-бы взаимнаго уваженія. Мы наслѣдовали дѣдину національнаго идеала. Не промѣняемъ его на теоріи, дѣйствительность которыхъ остается еще доказать“.¹⁾

Маршалъ Фошъ, какъ всегда, начинается съ широко захваченаго высокаго моральнаго идеала. Но съ іюня мѣсяца 1920 г., когда эти слова были высказаны, воды утекло очень много. Одни сложили оружіе передъ неотвратимою, горькою дѣйствительностью, другіе, вмѣсто высоко поднятаго чела, склонили его надъ выработкой торговыхъ соглашеній съ интернаціоналомъ. Единаго моральнаго фронта, намѣченнаго Фошемъ, нѣтъ.

Но Фошъ въ своемъ заявленіи не касается другой стороны вопроса, оружія борьбы съ интернаціоналомъ, когда таковая все-же наступитъ, а это неизбежно. Отвѣчаетъ-ли со-

¹⁾ „Le Progres“, 4 Juillet 1920, № 409.

временная армія требованіямъ этой борьбы? Представляетъ-ли она надежный моральный монолитъ, который не дастъ трещинъ при столкновеніи съ интернаціоналомъ, который, вѣдь, борется только съ оружіемъ въ рукахъ, пропагандою и демагогіей? Вотъ вопросы, не затронутые въ бесѣдѣ маршала Фоша, а между тѣмъ въ нихъ все дѣло. Въ нихъ-же и объясненіе коммерческихъ компромиссовъ съ большевиками, расколовшими единый моральный фронтъ старыхъ культурныхъ націй, столь желаемый маршаломъ.

Чтобы яснѣе разобраться въ этомъ вопросѣ, лучше всего вновь обратиться къ „русской лабораторіи“.

Не важно съ практической стороны, что предпочителнѣе — матеріализмъ или идеализмъ, тѣмъ болѣе, что въ жизни они сплетаются между собою самымъ тѣснымъ и прихотливымъ образомъ. Важно лишь ихъ практическое дѣйствіе или, лучше сказать, ихъ взаимодействіе. Большевики, все разрушая и все ограбляя, прикрываются высокими лозунгами альтруизма, и это типично для тѣхъ, кто хочетъ знать пружины, двигающія массы. Иначе наступаетъ цинизмъ, всегда нетворческой и слѣдствіе его — анархія. Это несомнѣнная участь и русскаго большевизма. Когда выдвинутые большевиками фантомы идеала рухнутъ въ глазахъ прозрѣвшей толпы, наступитъ этотъ неизбежный конецъ большевистскаго рая. Но, какъ извѣстно, такое прозрѣніе массъ покупается всегда только цѣною кроваваго опыта и болѣзненныхъ страданій. Какъ въ тяжелой болѣзни, не исключаящей возможности смертельнаго исхода, кризисъ наступаетъ послѣ очень высокой температуры.

Какъ-жъ наступила эта болѣзнь великаго русскаго племени? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ русская литература, отраженіе русской дѣйствительности.

Послѣ патріотическаго подъема періода Русско-Турецкой войны, когда славянофильство окрылило русскую интеллигенцію, эта послѣдняя какъ-бы впала въ періодъ протрации, что касается области вопросовъ націоналистическаго, государственнаго бытія. Что тутъ повліяло? Политическая-ли неудача порыва, не окупившаго пролитой крови, внутреннія-ли нестроенія, экономическія-ли условія — сказать трудно. Вѣрнѣе, что всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя. Но фактъ на лицо вотъ уже въ теченіе свѣше сорока лѣтъ.

Конечно, эта апатія интеллигенціи не могла не отразиться въ литературѣ. Уже не говоря о томъ, что въ русскомъ обиходѣ исчезли произведенія, такъ называемаго, героическаго стиля, въ родѣ „Войны и Мира“, замолкла активная, ободряющая рѣчь, не слышно было голосовъ, вѣщавшихъ русскому народу о его грядущихъ подвигахъ во имя идеаловъ его тысячелѣтней исторіи. Все это, обратно, подвергалось осмѣянію, ироніи, а иной разъ и поруганію. Щед-

ринскому „пискарю“ настойчиво и насмѣшливо твердилось, что онъ пискаръ и больше ничего.

Вся литература получила характеръ какого-то „Плача Ярославны“. Это общій преобладающій тонъ, приданный ей господствующими красками. Но среди этого общаго тона можно отличить и разные оттѣнки. Ихъ, въ сущности, три: пророчество, идеализація и пошлость.

Само собою разумѣется, что не сразу обозначились такъ рѣзко, какъ объ этомъ говорится здѣсь, отмѣченные три раздѣла русской литературы. Кристаллизація происходила медленно, но неуклонно. Прослѣдимъ ее.

О пророчествѣ не приходится долго распространяться. Оно—удѣлъ единицъ съ геніальнымъ провидѣніемъ: Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ (желтая опасность), Толстой (война государству и государственности).

Идеализація, романтизмъ, обсахариваніе героя, къ счастью, не захватили широко. Некрасовъ съ его „мужичкомъ“ въ ковчѣгахъ, Григоровичъ съ его олеографіями изъ деревенскаго быта, Драгомировъ съ „солдатикомъ“ — все это „сахаръ“, не имѣющій ничего, или почти ничего общаго съ жизнью. Сюда-же приходится отнести и Тургенева, и Гончарова въ ихъ произведеніяхъ съ столь прославленными женскими типами не отъ міра сего. Оба старыхъ холостяка, устроившіе свою личную жизнь самымъ уродливымъ и неестественнымъ образомъ, при помощи своего изобразительнаго таланта дали жизнь типамъ, столь-же далекимъ отъ дѣйствительности, какъ и фантастическимъ, во всякомъ случаѣ совершенно исключительнымъ, музейнымъ. Толстой отлично сознавалъ этотъ недостатокъ психологіи произведеній Тургенева и Гончарова, прямыхъ наслѣдниковъ „Бѣдной Лизы“ Карамзина съ его романтикой XVIII вѣка.

Оба эти отдѣла русской литературы, „пророчество“ и „романтизмъ“, какъ сказано, лишь количественное ея меньшинство. Къ этому-же меньшинству примыкаетъ и русская философская литература, преисполненная мистики въ произведеніяхъ самостоятельныхъ. Вся она—не точная мысль, какъ на Западѣ, а мечта и чувство, преисполненная экстаза и вѣры въ мессіанство своей расы. Воистину это—философія чувства. Слабость-ли это русской философской мысли или ея сила, покажетъ будущее. Если считать, что разсудокъ и холодная логика служатъ фундаментомъ прогресса,—это слабость; если же придерживаться того, что чувство, мечта и порывъ двигаютъ вселенную, а разсудокъ состоитъ у нихъ на службѣ, — это несомнѣнная сила. Во всякомъ случаѣ къ „дѣйствию“ и къ „дерзновенію“ готовъ лишь тотъ народъ, который способенъ увлечься порывомъ во имя иной разъ даже и идей, которыя далеки отъ практичности. Рациональныя соображенія—только производныя отъ экстаза. Сначала стихія, а потомъ

раціональная постройка. Творить стихія, а раціональное начало только протоколируетъ, приводитъ въ порядокъ и въ систему. Отсюда ясно, гдѣ лежитъ активное начало, а гдѣ — пассивное благополучіе. Изъ двухъ схемъ, раціональной и чувственной, вторая заслуживаетъ вящаго вниманія при изученіи массовыхъ движеній. Ле-Бонъ идетъ даже дальше съ своей философской теоріей. „Одно изъ величайшихъ заблужденій новѣйшихъ раціоналистовъ, пишетъ онъ¹⁾, непониманіе, что весьма раціональнымъ истинамъ удается добиться признанія только подъ нераціональной формой“.

Всѣ высокая качества русскаго народа связаны съ этой причудливой психологіей: на этомъ основанъ его героизмъ въ борьбѣ за свое существованіе и за свое „я“ въ міровой культурѣ.

Въ сущности, и его „пророки“, и его „романтики“, и его „философы“ дѣлаютъ одно большое дѣло, — куютъ „идеаль“, къ которому стремятся вздымать родную, народную массу, часто, слишкомъ часто пассивную и терпѣливую, въ условіяхъ, гдѣ, казалось-бы, должны были быть превзойдены всѣ предѣлы возмущенія.

Эта-то черта русскаго племени и отразилась въ ея литературѣ подъ рубрикой „пошлости“. И необходимо установить, что за послѣднее время эта пошлость, подавляющая и господствующая, дала преобладающій тонъ русской литературѣ. Пошлость, вполне достойная предтеча „большевистскаго рая“, естественное его объясненіе, такъ какъ и онъ самъ есть ни что иное, какъ пошлость, доведенная до своего логическаго завершенія, т. е., цинизма. Анархія и большевистское самоуправство — лишь законныя дѣти цинизма.

Если „пророчество“, „романтику“ и „философію“ можно объединить подъ общимъ именемъ „русскаго идеализма“, то „пошлость“ — „русскій реализмъ“.

Возникъ онъ, разумѣется, не вчера, не какъ грибокъ послѣ дождя. Онъ имѣетъ свою давность вѣковъ. Предки настоящей „пошлости“: типы „Недоросля“ Фонъ-Визина (XVIII вѣкъ) и картинная галерея „Горя отъ Ума“ Грибоѣдова (XIX вѣкъ). Ей служатъ всѣ разновидности литературнаго творчества. Ея юмористъ Гоголь („Мертвыя Души“, „Ревизоръ“ и многое другое изъ его произведеній), ея злой сатирикъ Щедринъ и ея психологъ Достоевскій — тѣ три столпа, вокругъ которыхъ самымъ прихотливымъ образомъ извиваются произведения прочей пишущей братіи всѣхъ величинъ и жанровъ: Писемскій со своимъ „Взбаламученнымъ Моремъ“, которое вѣрнѣе было-бы назвать болотомъ, Чеховъ со всѣми своими произведениями, Гончаровъ съ „Обломовымъ“ и „Обыкновенной Исторіей“, Островскій со звѣриными по дикости нравами

¹⁾ „La Vie des Verités“, p. 16.

своихъ драмъ изъ жизни русскаго купечества, Купринъ со своими неподражаемыми картинками русской горестной дѣйствительности, Помяловскій съ его „Бурсою“, Данилевскій съ его повѣстями изъ быта сонной, разогрѣтой горячимъ солнцемъ до истомы, Украины, Чириковъ, Мережковскій съ его „Александромъ Первымъ“, Лермонтовъ съ его „Грушницкимъ“, наконецъ, Максимъ Горькій, настоящій „пророкъ“ грядущаго хама и „романтикъ“ въ способѣ трактовки его „пошлости“, — здѣсь дѣло идетъ уже объ опозитизированіи „пошлости“, т. е., нарощеніе „цинизма“, торжественнаго оправданія пошлости, „фатовская поза“ пошлости. Герои Горькаго, не скромные герои Гоголя и Чехова. Это не пассивная пошлость, неувѣренная въ себѣ, часто себя не уважающая, а пошлость — ликующая, съ апломбомъ и нахальствомъ, притязающая на господство, самодурствующая въ своемъ невѣжествѣ, пошлость пьянаго дикаря.

Это та пошлость, которая объясняетъ всѣ безобразія большевистскаго строя и быта: ихъ невѣжество, ихъ самоувѣренность, ихъ бахвальство, ихъ „награбленное грабь“, ихъ „чека“ и ихъ „кровь“, ихъ садизмъ. . . и ихъ вліяніе заразы и разрушительная сила. Хоть четверть часа, да наши!

Такова психологическая подкладка большевизма въ народной толщѣ.

Было-бы странно думать, чтобы русская интеллигенція, плоть отъ плоти и кровь отъ крови своего народа, не была бы больна его болѣзнию. Ея „пошлость“ съ неизбѣжной низменностью идеала, съ мелочностью интересовъ, съ ничтожествомъ характеровъ и съ поверхностью культуры, какъ причиною всего, начала пробивать себѣ путь въ жизнь уже давно, но разлилась широкимъ моремъ лишь въ нашъ русскій вѣкъ, предшествовавшій революціи. „Губернскій Олимпъ“ Гоголя благополучно дожилъ до ея тревожныхъ дней и, растерянный, слава Богу, скончался, наконецъ, но оставилъ вмѣсто себя наслѣдіе столь-же пошрое въ видѣ „Большевистскаго Олимпа“ и „Олимпа бѣженскаго“, своихъ достойныхъ преемниковъ.

Подвиги „Большевистскаго Олимпа“ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться еще разъ.

Жалкіе-же обломки „Губернскаго Олимпа“, разсѣявшись по всей Европѣ, на удивленіе ей, носятся безъ руля и безъ вѣтриль, бросаая отъ одного занятія къ другому. Недурно устроились „дамы просто пріятныя и пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ“, но и прочіе персонажи стараются по мѣрѣ силъ и способностей.

Вмѣстѣ съ потомками гоголевскихъ прокуроровъ и городничихъ и щедринскихъ помпадуровъ на бѣженскихъ пароходахъ пріѣхала въ Европу и ихъ достойнѣйшая родительница г-жа Простакова, неувядаемый типъ древнѣйшаго,

реалистическаго произведенія русской литературы. Типъ, времена Фонъ-Визина свѣже выпущенный изъ тюремнаго заключенія и сразу-же ринувшійся въ буйство самодурства, ничѣмъ не сдерживаемаго и поощряемаго невѣжествомъ и дикимъ материнскимъ инстинктомъ животной самки, сумѣвшей даже и изъ своей материнской привязанности сдѣлать анекдотъ.

Было-бы странно, если-бы разыгрывающіяся внутри Россіи событія не объяснялись и состояніемъ современной русской семьи. Если имѣть въ виду Простакову, многое станетъ не только понятнымъ и яснымъ среди дикостей большевизма и уродствъ тыла „бѣлыхъ“, но вполне естественнымъ.

Кажущаяся древность типа Простаковой не должна насъ смущать. Полтора столѣтія, отдѣляющія насъ отъ времени зафиксированія этого типа, срокъ совершенно ничтожный для культуры личности. Въ этотъ срокъ легко изъ необразованной семьи сдѣлать образованную, но отъ образования до культуры — дистанція огромнаго размѣра. Умственное развитие только ведетъ къ ней и, при томъ, посредствомъ многихъ поколѣній. То рафинированіе чувствъ и вкусовъ, понятій и нравственности, запросовъ и развитія личности, которое дается только культурой, завоевывается очень медленно и часто не завоевывается никакимъ образованіемъ. Вотъ почему г-жа Простакова дожила до нашихъ дней.

Чтобы избавить молодое поколѣніе отъ тлетворнаго вліянія Простаковой, императрица Екатерина Великая, по мысли Бецкаго, основала Смольный институтъ, который долженъ былъ будущихъ юныхъ матерей, въ интересахъ культуры ихъ потомства, совершенно отдѣлать отъ ихъ родныхъ семей. И хотя надъ этимъ планомъ Бецкаго достаточно иронизировали въ русской печати, трунившей надъ претензіей тепличнымъ способомъ создать новую породу людей, кто осмѣлится сказать, что онъ не осуществился? Такъ называемые люди сороковыхъ годовъ XIX ст., піонеры русской мысли и культуры, были въ значительной ихъ части дѣтьми смольнокъ Великой Екатерины. У этихъ смольнокъ впервые въ русскомъ широкомъ быту грубость г-жи Простаковой замѣнилась утонченностью нравовъ и манеръ, женственностью и даже нѣсколько наивной сантиментальностью, данью времени. Эта сантиментальность сдѣлалась привычной мишенью для ироніи по адресу „смольнокъ“, но, не взирая на эти выпадъ, „смольнка“ сдѣлалась именемъ безусловно историческимъ въ исторіи культуры русской женщины.

Несмотря на наличіе этого типа русской женщины, нѣжной, какъ старинная, пожелтѣлая литографія, повѣянная мечтою и грезою, не взирая на пришествіе въ русскую жизнь новой культурной женщины и, такъ называемой, „интеллигентски“ образованной и даже иной разъ ученой, но мало

женственной. Несмотря на присутствіе въ русской средѣ, слава Богу, достаточна могучаго слоя честной и просвѣщенной женщины — семьянки, этой истинной надежды Россіи, ея героиня, г-жа Простакова ни въ театрѣ, ни въ жизни не уступаетъ своего мѣста. Потомство русской женщины-матери въ лучшемъ смыслѣ этого слова понесло за послѣдніе годы горестныя потери. Это ея сыновья и внуки безтрепетно полегли на поляхъ Польши, Восточной Пруссіи, по кручамъ Карпатъ и по горамъ и долинамъ Малой Азіи. 2¹/₂ милліона убитыхъ и 10 милліоновъ раненыхъ—цифры достаточно краснорѣчивыя для подвига этихъ сыновей и внуковъ во время Великой Европейской войны. Это ея потомки взяли на себя непосильный подвигъ горсти героевъ Ледяного похода, это они повели отрезвленный русскій народъ, изъ Сибири, съ Кубани, Терека, Дона, Урала, по стужѣ Архангельскаго сѣвера, по Финскому побережью и по благодатнымъ Украинскимъ и Крымскимъ степямъ къ бѣлокаменной и златоглавой Матушкѣ-Москвѣ. Это они вздымались и падали въ неравной борьбѣ, не считая своей крови. Это они, изъ числа еще уцѣлѣвшихъ, не хотятъ продавать своей Родины и не теряютъ святой вѣры въ ея будущее счастье, величіе и силу. Въ нихъ, въ этихъ сыновьяхъ, внукахъ, вся надежда Россіи!

Но за эти бурные годы осталось неприкосновеннымъ потомство и г-жи Простаковой. Здравствуетъ и она сама. Она иногда немного эволюировала, получила внѣшній лоскъ, но сущность ея та-же: капризь до самодурства, грубость интимной мысли, первобытность материнскаго инстинкта, религіозность, похожая на идолопоклонство, погоня за внѣшностью, хамство. Въ крестьянскомъ быту съ такими женщинами справляются только однимъ пріемомъ: „за косу“. Характерно, что творецъ идеальныхъ женскихъ портретовъ Тургеневъ имѣлъ несчастье въ своей матери наблюдать всѣ черты описываемаго жестокаго типа русской женщины. Можно думать, что посредствомъ метода доказательствъ отъ противнаго, онъ пришелъ въ своей литературной практикѣ къ идеализаціи.

Во всякомъ случаѣ вліяніе г-жи Простаковой, взрожденной теремомъ и столь недавнимъ еще въ Россіи крѣпостнымъ правомъ, на семейный бытъ не могло пройти безъ губительнаго эффекта. Это ея дочери—„дамы просто пріятныя и пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ“; это ея сынъ—Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, какъ встарь, столь-же уважаемый, если не губернскимъ, то „Бѣженскимъ Олимпомъ“, превратившійся въ одесскаго и константинопольскаго спекулянта, часто съ мертвыми, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, душами; это ея потомство—„Губернскій Олимпъ“, разбѣжавшійся по свѣту и смѣшавшій его своими претензіями и безтактностями; это ея потомство—щедринскіе герои и помпадуры, оказавшіеся иной разъ за столомъ политическихъ совѣщаній, которыя часто

именно подъ ихъ вліяніемъ идутъ по стезѣ личныхъ счетовъ, эгоизма и безтактностей.

Море пошлости передъ и во время русской революціи не составляетъ исключенія среди переживаній подобнаго рода. Передъ Великой французской революціей море пошлости также затопило нравы французской буржуазіи, в послѣдствіи дѣлательницы переворота 1789 г. Эта буржуазія была осмѣяна Мольеромъ, понявшимъ убійственность насмѣшки со сцены. Русская, уже имѣвшая постарѣвшихъ Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя, еще ждетъ своего Мольера, столь-же плодовитаго и столь-же неугомоннаго. Ему будетъ раздолье въ царствѣ Простаковой.

Если г-жа Простакова послѣ кончины всѣхъ своихъ современниковъ продолжаетъ благополучно здравствовать со своими понятіями пещерныхъ вѣковъ въ средѣ русской интеллигенціи, что-же можно сказать о прочіихъ слояхъ русскаго народа? Не будетъ ошибкою предположить, что она тамъ господствуетъ. Вѣдь для процвѣтанія этого типа грубой, животной, эгоистической самки не нужно ничего, кромѣ темноты и невѣжества.

Это ея сыны сдѣлались апостолами новаго ученія, пространнаго въ обоихъ лагеряхъ русской дѣйствительности—и въ красномъ, и въ бѣломъ—„награбленное грабъ“. Разница примѣненія этого лозунга лишь въ томъ, что у бѣлыхъ это какъ ни какъ считается воровствомъ, а у красныхъ—добродѣтелю. Это дѣти г-жи Простаковой бросили фронтъ, чтобы провозгласить новый грабительскій принципъ подъ водительствомъ патентованныхъ нѣмецкихъ шпионовъ и, вмѣсто противника, предпочли избивать своихъ-же безоружныхъ сородичей, предавая огню и мечу родную землю. Безъ чувства долга и съ совѣстью, руководимой лишь соображеніемъ собственной выгоды, это они наполнили ряды Красной арміи, готовой, подобно ордамъ Атиллы, броситься всюду, гдѣ еще можно пограбить. Приказъ Троцкаго, побуждавшій красноармейцевъ на атаку Крыма, выдвигалъ лишь одинъ циническій стимуль-грабежъ. Этотъ документъ гласилъ буквально слѣдующее: „Помните, товарищи, что въ Крыму зашли всѣ капиталисты Россіи, всѣ богатства Россіи, принадлежащія народу—вамъ—въ Крыму. Возьмите эти богатства. Они—ваши. Двѣ недѣли народъ имѣетъ право отбирать награбленное. Впередъ! Туда, гдѣ васъ ждетъ справедливое вознагражденіе за всѣ лишенія и невзгоды“.

Что можетъ быть пошлѣе выдвигаемыхъ этихъ лозунговъ? Что можетъ быть безпредѣльнѣе того презрѣнія вождя къ своимъ „рабамъ“ и ихъ рабской психологіи, которая бьетъ въ глаза въ каждой строчкѣ, въ каждомъ словѣ этого чело-вѣческаго документа, увѣнчавшагося такимъ успѣхомъ и, слѣдовательно, разсчитаннаго правильно.

У „красных“ эти презрѣнныя стороны русской пошлости открыто возглашали, у „бѣлыхъ“ на нихъ закрывали глаза или смотрѣли сквозь пальцы; у тѣхъ и у другихъ ихъ культивировали.

Въ результатѣ получался „какой-то заколдованный кругъ, насыщенный однѣми рабскими душами“.

„О, какъ правъ былъ безсмертный Чеховъ, не поддавшійся близорукой шаблонно-радикальной литературной толчеѣ своего времени, аттестуя русскую интеллигенцію, какъ бессильно-жалкую обывательщину съ тряпичной душой.“

Большевизмъ полезень развѣ только тѣмъ, что трякнулъ эту залежалую тряпицу, ущемивъ ее своими цѣпкими клещами. Быть можетъ, теперешняя страда послужить урокомъ и для нашей интеллигенціи и выкуетъ ей на смѣну не жалкихъ фразеровъ, а людей стойкой морали и твердой воли, достойныхъ Россіи.

Въ трагическія минуты жизни родины много-ли оказалось такихъ, которыхъ не засталъ бы врасплохъ и не смутилъ бы обращенный къ нимъ прямо вопросъ: „скажи, наконецъ, во что ты вѣровалъ и вѣруешь“.

Только нѣсколько закаленныхъ ссылкой и каторгою остались кое-чему вѣрны и до конца преданы; главнымъ образомъ своему собственному безумію.

Напряженная страстность этого безумія оказалась разительной, и повальность заразы получилась именно благодаря низкой степени моральнаго уровня націи и, впереди всѣхъ, ея интеллигенціи“.¹⁾

Вмѣсто исповѣданія какихъ-либо высокихъ идеаловъ, казалось, у современнаго русскаго не осталось ничего, кромѣ стремленія къ стяжанію. И эта особенность народнаго характера не осталась не отмѣченной русской творческой мыслью. На этотъ разъ рѣчь уже не о литературномъ произведеніи, а о твореніи русскаго поэтическаго эпоса. „Сказка о золотой рыбкѣ“, которая, выловленная латаными сѣтями бѣднаго рыбака, умолила выпустить себя на свободу подъ условіемъ волшебнаго исполненія всѣхъ желаній рыбака, не представляетъ-ли собою притчу о современной дѣйствительности русскаго несчастья? Вѣрная своему слову золотая рыбка, какъ извѣстно, до той поры исполняла всѣ самыя фантастическія мечты рыбака и особенно его алчной супруги, пока пожеланія старухи не перешагнули всякіе предѣлы возможнаго и разумнаго. И вотъ въ одинъ прекрасный день рухнули сразу золотыя и хрустальныя палаты стяжательной четы, и старуха вновь увидала себя передъ разбитымъ корытомъ, какъ и въ тотъ день, когда золотая рыбка впервые затрепыхалась

¹⁾ Н. Карабчевскій, „Кому нужна была русская революція“ („Общее Дѣло“, № 264, 3 апр. 1921).

на пескъ морского побережья передъ убогою рыбацьею хатою.

Эгоизмъ импульсовъ, повидимому, съ давняго, даже незапамятнаго времени игралъ немалую роль въ русской жизни. Тотъ эгоизмъ, который способенъ принести въ жертву себѣ или кружковщинѣ даже общій, даже высшій интересъ.

Вотъ объясненіе низменности преобладающаго идеала въ жизни современнаго русскаго и его, нерѣдко, циничной позитивности.

Мы уже указали выше на горизонты необъятной широты, разворачиваемые старыми идеалистами русскаго народа, его пророками, философами и романтиками. Борьба, которая происходитъ передъ нашими глазами есть ни что иное, какъ поиски позитивистскихъ идеаловъ. Пока за позитивизмъ принимается эгоизмъ, грабежъ, разрушеніе и ихъ слѣдствіе—анархія. Но великое прошлое великаго народа — ручательство достаточное въ томъ, что великими страданіями и большой кровью рѣшеніе задачи въ концѣ концовъ найдено будетъ.

Современный русскій въ своей главной массѣ—человѣкъ практичный и умъ утилитарный. Его увлекаютъ не столько сантиментальныя симпатіи, сколько явная выгода всендневной жизни и прямой интересъ. Онъ хочетъ жить по современному и чувствовать себя даже въ глухомъ уголку своей родины, какъ можно чувствовать себя въ любомъ мѣстѣ культурныхъ странъ. Въ этомъ желаніи, конечно, если хотите, много узкаго эгоизма, но подобный эгоизмъ, опирающійся на темпераментъ движенія, обозначаетъ путь къ прогрессу.

Вотъ почему, между прочимъ, лозунги, выдвинутые Деникинымъ,—„Великая Единая и Недѣлимая Россія“,—не смотря на всю ихъ высоту и ширь, говорили мало уму и сердцу современной русской массы, въ особенности, когда она разсмотрѣла, что многіе шедшіе за этимъ священнымъ стягомъ только прикрывались имъ въ своихъ аппетитахъ циничной низости: ихъ желаніе простой и спѣшной наживы было, въ сущности, грубымъ исповѣданіемъ того-же, къ чему устремились и темныя массы толпы.

Масса въ Россіи слѣпо двинется за тѣмъ, кто поведетъ ее по пути государственнаго и экономическаго процвѣтанія и сумѣетъ добиться этого творческой работой, а не одними громкими фразами.

Имѣется-ли на это надежда? Да, имѣется. Тому доказательство—та-же русская литература и даже сама жизнь. Гоголевскій и Грибоѣдовскій „пошлякъ“, не сознающій своей пошлости, смѣнился Чеховскимъ „пошлякомъ“, уже довольнымъ собою, и „пошлякомъ“ Максима Горькаго, очень собою довольнымъ, даже самодовольнымъ въ своемъ кругломъ невѣжествѣ. Для обоихъ послѣднихъ типовъ московская встряска послѣдняго времени самая здоровая, но уже не ли-

тературная, а жизненная и, при томъ, кровавая критика. А всякая критика ведетъ къ прогрессу. Мы наканунѣ открытой борьбы съ „пошлостью“ въ Россіи. Лишь на этомъ пути дорога къ ея возрожденію.

Въ критикѣ явной или скрытой, дидактической или художественной по своей формѣ, въ критикѣ по преимуществу послѣдней, критикѣ въ образахъ и типахъ художественной русской литературы—все значеніе современной эволюціи русской литературы. Это—ея культурная работа момента. Это—и ея заслуга передъ поколѣніемъ. Нынѣшняя русская литература не знаетъ великихъ синтезовъ, дающихъ въ одномъ произведеніи сводку эпохи и базу для грядущей работы идей. Она не знаетъ ни „Войны и Мира“, ни „Братьевъ Карамазовыхъ“, ни тѣмъ болѣе „Фауста“, ни „Донъ-Кихота“, ни твореній Данте, звучащихъ на весь міръ и для всѣхъ временъ. Но ея работа, будучи болѣе скромной, является великой въ своей русской всеневности. Это—работа мелочнаго анализа и изученія, которая несомнѣнно въ грядущемъ приведетъ и къ тѣмъ обобщеніямъ, которыя необходимы для созиданія великихъ синтетическихъ произведеній. Сейчасъ, когда въ русской жизни совершается переломъ на демократизмъ, для всѣхъ пессимистовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что та-же литература даетъ бодрящіе признаки. Съ низовъ общественной лѣстницы началъ звучать голосъ русскаго таланта, который недостаточенъ для культурно-рафинированной среды, такъ какъ для нея онъ примитивно грубъ по формѣ и бѣденъ по идеямъ, но онъ цѣненъ, какъ свидѣтельство не угасающаго русскаго таланта, который и послѣ перестройки общественной лѣстницы обѣщаетъ и предвѣщаетъ свою работу. Значеніе такого таланта въ его симптоматичности (Максимъ Горькій), не болѣе, но оно бодряще. Въ немъ еще нѣтъ культуры, но онъ ведетъ къ ней. Онъ не нуженъ для образованнаго класса, но этотъ этапъ необходимъ для темной „массы“, которая только черезъ него сможетъ пройти къ культурѣ. Вотъ, между прочимъ, почему такіе, какъ Максимъ Горькій, должны справедливо почитаться идейными выразителями и пророками существующаго мозгового броженія низовъ русской массы текущаго революціоннаго момента.

Нынѣшняя русская литература построена не изъ глыбъ циклопическаго періода, но изъ малыхъ кирпичиковъ, которые честно, а это главное условіе истины, закладываютъ основаніе для большого зданія. Это ободряющее начало движется на смѣну тому пессимизму, который рождается подъ влияніемъ сознанія русской пошлости и сопровождающей ее низменности идеала современнаго русскаго и, нерѣдко, его циничной позитивности.

И въ русской литературѣ, и въ русской жизни все идетъ медленно, но вѣрно къ великому синтезу. Ручательствомъ тому

служить честность идейнаго движенія и не угасающее творчество, нисходящее до „дна“ русскаго общества.

Это—въ области теоретической. Подобной идейной эволюціи возможно будетъ предшествовать практика въ видѣ народнаго движенія, которое будетъ столь-же гнѣвнымъ, какъ и въ 1917 — 22 г. г., но направленнымъ уже не противъ своихъ русскихъ буржуевъ, а противъ буржуевъ Запада, которые рѣшатся на экономическій раздѣлъ Россіи, въ видѣ ли пресловутыхъ концессій, въ видѣ ли зонъ вліянія. Все это будетъ сметено, и въ этой бурѣ возродится тотъ русскій патриотизмъ, который Русь уже знавала въ не менѣ трудная, чѣмъ нынѣ, времена Великой Смуты начала XVIII-го вѣка, окончившейся призваніемъ на царство династіи Романовыхъ, создательницы русскаго могущества и яркаго періода русской культуры.

Если сама русская семья недостаточно готовила своихъ членовъ къ самоотверженному подвигу во имя патриотизма и любви къ своей родинѣ, то внѣшнія формы русской жизни работали въ этомъ отношеніи не лучше. Нужно признать, что собственность—надежнѣйшій проводникъ идеи объ отечествѣ. Такъ естественно отъ мысли о своемъ домѣ перейти къ представленію о родинѣ. Всѣ интернаціональныя стремленія современности гнѣзятся въ средѣ, лишенной собственности, между рабочими. Русская главная масса населенія, крестьяне, до послѣдняго времени были традиціонно лишены собственности, а, слѣдовательно, и всякихъ идей и представлений, связанныхъ съ нею, въ томъ числѣ и идеи объ отечествѣ.

Сверхъ того они не имѣли и другого воспитывающаго средства въ этомъ отношеніи — правовыхъ представлений. Сумбуръ низшей администраціи страны культивировалъ грубѣйшія формы права, граничившаго съ безправіемъ. Отсюда присловье — „въ бараній рогъ согну“ — сдѣлалось какъ-бы аксіомой наиболѣе распространеннаго метода административной мудрой распорядительности и энергіи. Отсюда пословица безнадежности народоний „отъ царя далеко, до Бога высоко“. Отсюда полная пессимизма поговорка „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“. Въ этомъ скептицизмѣ народной массы, выношенномъ вѣками, приходится искать корни того равнодушія къ судьбамъ своей родины, которое характеризуетъ современнаго русскаго въ самой гущѣ населенія. Этотъ скептицизмъ былъ тѣмъ болѣе безнадеженъ, что главная масса населенія, вслѣдствіе своего невѣжества, оставалась чужда достаточно уже богатой русской литературѣ и работѣ русской мысли во всѣхъ областяхъ знаній, а блестящая тысячелѣтняя исторія страны для нея оставалась бѣлымъ листомъ бумаги. Припоминается фактъ глубокаго трагизма, звучащій въ подслушанномъ случайно разговорѣ двухъ раненыхъ солдатъ, въ ванной комнатѣ одного изъ Харбинскихъ госпиталей тотчасъ

послѣ Мукденскаго пораженія. Эта ванная, устроенная въ бывшихъ конюшняхъ пограничной стражи, полотняною перегородкою дѣлилась на двѣ части: офицерскую съ одной ванной и солдатскую — съ двумя. Поэтому для офицера, бравшаго свою ванну, не пропадало ни одно слово двухъ солдатъ, купавшихся въ сосѣднемъ отдѣленіи.

„Что-жь, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — онъ (т. е., значить, японецъ) скоро и сюда придетъ?“ — „Знамо дѣло“, лаконично и равнодушно отвѣчаетъ другой. „А откель будешь?“ спрашиваетъ первый. „Мы здѣшніе, уссурійскіе переселенцы. Изъ Полтавской губерніи мы будемъ“, слѣдуетъ отвѣтъ. „Что-жь, теперь подъ японцемъ будете?“ вопрошаетъ первый голосъ. „Ничаго, и подъ японцемъ жить можно“, слѣдуетъ отвѣтъ привычнаго раба, готоваго съ невозмутимымъ равнодушіемъ перемѣнить своего господина.

Въ этихъ немногихъ словахъ вся драма русскихъ представленій объ отечествѣ и разгадка успѣха большевиковъ въ русской толщѣ. Этотъ успѣхъ вовсе не въ привлекательности теорій коммунизма, а въ томъ, что онъ не скупился на щедрыя обѣщанія. „Быть можетъ подъ нимъ жить будетъ можно“, думала Россійская масса и тупо шла туда, куда ее толкали. Если на Западѣ трудящіеся путемъ медленной социальной и капиталистической эволюціи пришли къ той грани, на которой правительства должны серьезно заняться рѣшеніемъ вопроса о реформѣ въ духѣ новыхъ представленій о коллективѣ, объ участи рабочихъ въ выгодахъ производства и пр., то въ Россіи народъ еще не только не подошелъ къ этой роковой чертѣ, но еще не дожиль до примитивнаго представленія объ единствѣ своей родины. „Единая, недѣлимая“ сдѣлается только тогда популярной, когда „на Руси будетъ жить хорошо“. ¹⁾ Только послѣ этого можно ожидать нарожденія въ Россіи среди ея массъ представленія о патриотизмѣ.

Подобное положеніе показываетъ, насколько далека Русь отъ новѣйшей эволюціи Запада, ведущей къ интернаціоналу. Въ ея предѣлахъ онъ — дитя долгой и естественной умственной и социальной работы, привить чисто искусственно на почвѣ общаго недовольства всѣмъ укладомъ жизни, на равнодушіи къ судьбамъ отечества („все равно подъ кѣмъ быть“), на утомленіи войною, на эгоизмѣ семьи.

Ударившись въ коммунизмъ, русская народная масса внутренно глубоко чужда ему и его идеаламъ. Не изживъ еще этапы, уже пройденные Западомъ, Россія не можетъ ничего дать движенію въ пользу борьбы съ капиталомъ и отрицанія современнаго государства. Русское равнодушіе къ идеѣ отечества совсѣмъ, какъ мы видѣли, иного происхожденія: оно

¹⁾ Некрасовъ.

еще не дожило до патриотических представлений, тогда какъ на Западъ начинаютъ ихъ уже изживать.

Несчастье большевистскихъ руководителей въ Россіи въ томъ и заключается, что они вынуждены производить свой опытъ въ странѣ, находящейся еще въ первичной стадіи развитія социальныхъ и экономическихъ представлений. Въмѣсто того, чтобы имѣть дѣло со страной съ сильно развитою промышленностью и съ прекрасно организованнымъ, многочисленнымъ и умственно-развитымъ рабочимъ классомъ, они должны имѣть дѣло съ полудикарями и со страной почти безъ всякой промышленности. Мало того, въ то время какъ вся страна жалеетъ одного, — обезпеченной собственности, большевистскіе руководители хотятъ ее силкомъ привести къ отрицанію этой столь горячо-желаемой собственности. Подобное расхождение взглядовъ и вкусовъ не можетъ не привести къ драмѣ для руководителей.

Матерія и идеаль всегда, сплетаясь между собою, ведутъ въ общемъ къ прогрессу. У каждаго племени беретъ верхъ то изъ началъ, которое ему ближе по сердцу. У англосакса и германца — матерія, поддерживаемая твердо начерченнымъ идеаломъ, у француза — гениально-простой и точный идеаль, выводящій на путь матеріальнаго прогресса и лишь у русскаго нашего времени — цинизмъ, бесплодный и безнадѣжный, способный родить лишь то, что онъ родилъ — анархію, при которой присутствуетъ весь міръ.

Стоитъ съ этимъ сопоставить свидѣтельство выдающагося германца генерала Бернгарди, еще до послѣдней войны.

Воздавъ должное патриотизму японцевъ, Бернгарди далѣе продолжаетъ: „Въ Россіи, напротивъ, выдвигали и всюду распространяли взглядъ, что патриотизмъ — пережитокъ прошлаго“¹⁾ и „война преступленіе и анахронизмъ“; что воинскіе подвиги не заслуживаютъ ни малѣйшаго уваженія, что армія главное препятствіе къ прогрессу и что военная служба позорное ремесло. Русская армія начала войну безъ всякаго воодушевленія, не понимая значенія и важности большаго столкновения расъ, „повинуясь необходимости, а не собственному порыву“.²⁾ Внутренно она была уже преисполнена революціонныхъ настроеній и равнодушія къ отечеству, безъ энергии, безъ инициативы, механической инструментъ въ рукахъ неинтеллигентныхъ начальниковъ. Вотъ почему она была постыдно разбита болѣе слабымъ противникомъ“.³⁾

„Большинство людей руководятся какимъ—нибудь идеаломъ, можно сказать, что они религіозны. Народъ безъ вѣ-

¹⁾ Цитата изъ труда Русскаго Генеральнаго Штаба.

²⁾ Цитата изъ труда Русскаго Генеральнаго Штаба о войнѣ 1904-5 гг.

³⁾ General von-Berngardt. „L'Allemagne et la prochaine guerre“ (paru en 1913.), 264(60).

ры быстро исчезнетъ изъ исторіи“. 1) Вотъ почему нельзя закрывать глазъ на грозящую Россіи опасность. Сознать ее безъ прикрасть, значить, сдѣлать самое трудное: начало побѣды надъ самимъ собою.

Бернгарди указываетъ средство для этого. И если отбросить въ сторону бряцаніе оружіемъ, свойственное германцу, то его мысль заслуживаетъ безусловнаго вниманія.

Начальная и средняя школы имѣютъ высокую цѣнность для военнаго воспитанія нашего народа. . . Однако я очень хорошо понимаю, что одна школа, какъ-бы высокъ ни былъ ея уровень, недостаточна для развитія способностей, которыя мы всѣми возможными способами должны пробудить въ нашемъ народѣ, имѣя въ виду рѣшеніе великихъ задачъ будущаго. Непосредственное вліяніе школы прекращается въ моментъ, когда молодое поколѣніе входитъ въ жизнь; ея вліяніе не можетъ къ тому же сказаться иначе, какъ мало по малу. Грядущія поколѣнія соберутъ урожай посѣва. Нужно, чтобы эта работа была пополнена другими воздѣйствіями, вліяющими не только на нынѣшнюю молодежь, но въ теченіе всей жизни. Здѣсь открываются два средства, способныхъ дѣйствовать на общественное мнѣніе, а также на умственное и нравственное воспитаніе народа, это пресса и пропаганда дѣломъ“. 2)

Подъ послѣдней Бернгарди разумѣть слѣдующее:

„Государственный человѣкъ, который ищетъ уроковъ исторіи, долженъ былъ-бы прежде всего убѣдиться въ той истинѣ, что успѣхъ крайне важенъ, чтобы пріобрѣсти вліяніе на массы и что нельзя сохранить это вліяніе иначе, какъ не переставая занимать воображеніе народа и умѣя привлекать его интересъ къ великимъ принципамъ и великимъ національнымъ цѣлямъ.

Такая политика представляетъ лучшую изъ школъ для воспитанія народа въ предвидѣніи великихъ военныхъ усилій. . .

Человѣкъ растеть вмѣстѣ съ облагораживаніемъ своихъ цѣлей“. 3)

Приведенная теорія подразумѣваетъ и единство цѣлей народной массы, а, слѣдовательно, и арміи, являющейся ея яркимъ выраженіемъ. Какой народъ можетъ поручиться за это единство нынѣ, когда съ пополненіемъ арміи въ нее вливается полная гамма партийныхъ красокъ? Ни одинъ не можетъ; потому что народныя, нынѣ переживаемые вездѣ взрывы, не зависятъ отъ высоты культуры страны, потому что въ

1) G. Le Bon, „Prem. Consèquences“, 127 (60).

2) General von-Berngardt. „L'Allemagne“, 264 (60).

3) G. v.-Berngardt. „L'Allemagne et la prochaine guerre“, p.p. 267—268 (60—61.)

эти періоди руководять не высшіе, а низшіе по развитію классы и потому, что тутъ дѣйствуютъ страсти, а не разсудокъ и разумъ.

„Конфликты, которые наполняютъ жизнь народовъ, имѣютъ своимъ происхожденіемъ причины, чуждыя разсудку, и никакой прогрессъ знаній не сможетъ смягчить ихъ кровавой жестокости. Интеллигентность растетъ вмѣстѣ съ накопленіемъ знаній, но со временъ первобытныхъ пещеръ чувства, иллюзіи и страсти остались неизмѣнными. Ненависть, любовь, честолюбіе, жадность и гордость не имѣютъ эпохъ“. ¹⁾

Если хотять, чтобы армія не сдѣлалась игрищемъ этихъ страстей, необходимо начать немедленную борьбу съ этою угрозою.

Какъ бороться съ этимъ зломъ? Бороться должно и исполнѣ возможно, какъ это будетъ видно далѣе. Средство — организація арміи, соотвѣтственно и рѣзко измѣненная по сравненію съ нынѣшней.

Въ сущности, если въ Россіи большевизмъ имѣетъ успѣхъ, то только потому, что экономическая задача тамъ оказалась рѣшенной изъ рукъ вонъ плохо, и если на Западѣ призывы Москвы остаются пока безъ достаточно широкаго отклика, то только потому, что пока прекрасная демократическо-экономическая система государствъ не поддается покушеніямъ коммунистовъ.

Нужно провести рѣзкую грань между большевизмомъ и коммунизмомъ, чтобы понять кажущіяся несообразности въ ихъ проявленіяхъ: союзы съ полудикими народами во имя принциповъ коммунизма, дѣтища высоко-культурной мысли и среды; компромиссы съ капиталистическими странами; оппортунизмъ во внутренней политикѣ и пр.

Судьбѣ угодно было, чтобы, при содѣйствіи германскаго правительства, первою базою движенія сдѣлалась Россія, страна недостаточно культурная и недостаточно промышленная, съ малочисленнымъ и неинтеллигентнымъ рабочимъ классомъ, съ массою населенія, неготовою къ воспріятіямъ коммунизма. И его руководители рѣшили задачу правильно: возьмемъ отъ этой страны то, что она дать можетъ, и взяли бунтъ, какъ разводку для будущей міровой коммунистической революціи. Тѣ-же задачи преслѣдуются и на азіатскомъ Востокѣ и будутъ въ ближайшемъ времени преслѣдоваться и на черномъ материкѣ. Все это, такъ сказать, приготовленіе грубой силы для сокрушенія мірового капитализма. И этотъ періодъ подготовляемой міровой революціи точнѣ всего слѣдовало-бы назвать большевистскимъ, подготовительнымъ для слѣдующаго коммунистическаго, возможнаго только въ странахъ съ высокоразвитою про-

¹⁾ G. Le Bon. „Les Lois psychologiques“, 2 (61).

мышленностью, техникою, экономикою и съ населеніемъ преимущественно рабочимъ или вообще синдикализированнымъ.

По этой схемѣ большевики готовятъ только бунтъ въ качествѣ средства для начала работы коммунистовъ. Большевикъ — это только бунтъ, коммунистъ — это уже революція.

Русскій простой народъ давно разобрался въ этихъ отъѣнкахъ, и въ его средѣ очень популярно положеніе: „за большевиковъ, но противъ коммунистовъ“. Эта фраза показываетъ, что народу все еще миль большевикъ, какъ возбудитель и организаторъ того гнѣва народнаго, который привелъ его къ бунту, до сей поры еще не изжитому, тогда какъ коммунизмъ рѣшительно отбрасывается той-же русской народной массой.

На западѣ положеніе совершенно обратное: пока нѣтъ еще желанія бунта, но огромнымъ слоямъ населенія все болѣе и болѣе симпатичны идеи борьбы съ капиталомъ при посредствѣ коммунистическихъ теорій. Здѣсь пока всѣ усилія направлены къ торжеству послѣднихъ эволюціоннымъ путемъ, и эта стадія развитія вопроса можетъ даже восторжествовать безъ революціи, если не случится какого-нибудь неразрѣшимаго экономическаго краха въ мировомъ масштабѣ, что, конечно, далеко не невозможно, имѣя въ виду неизжитыя по сей день послѣдствія войны.

Задача Москвы ускорить этотъ крахъ при посредствѣ поддержки войны, задача Запада избѣжать этого путемъ своей экономической политики. Оба противника идутъ на перегонки, при чемъ нельзя не признать, что задача Москвы куда легче и проще, чѣмъ задача культурнаго Запада. Передъ вторымъ — трудный путь созиданія, а передъ первымъ — широкая дорога къ разрушенію.

Отмѣченной схемѣ работы Москвы отвѣчаетъ и организація современнаго большевизма: для бунта — московскій совѣтъ народныхъ комиссаровъ, для мировой революціи — петроградскій III-й интернаціональ. Въ то время какъ совѣты куютъ оружіе, интернаціональ куетъ идеаль. Орудіе совѣтовъ — власть, орудіе интернаціонала — пропаганда. Оба представляютъ собою два стремени сѣдла, въ которомъ сидитъ новѣйшій Аттила.

Дѣйствительно-ли опасность для Запада такъ велика?

„Да, отвѣчаетъ Жоресъ, борьба съ каждымъ днемъ становится все отчетливѣе и антагонизмъ все непримиримѣе, по мѣрѣ того, какъ социалистическая мысль углубляется все болѣе въ пролетаріатъ. Съ каждымъ днемъ возрастаетъ число труженниковъ, которые не ограничиваются болѣе требованіемъ частичныхъ реформъ, палліативовъ противъ болѣстей, проистекающихъ изъ капиталистической системы,

но которые требуют и приготавливают окончательную реформу — замѣну капиталистической олигархіи соціальной коммуной. Все болѣе и болѣе именно этимъ высшимъ завершеніемъ, все болѣе сознаваемымъ и все сильнѣе желаемымъ, измѣряется цѣнность послѣдовательныхъ побѣдъ и частичныхъ результатовъ. Все болѣе и болѣе именно къ этой цѣли тянутся усилія рабочаго класса — политическія, синдикальныя и кооперативныя. Ими онъ воспитывается, организуется, возвышается въ видахъ побѣды надъ властью и собственностью.)¹⁾ Такимъ образомъ капитализму не позволено забывать ни одного мгновенія о всеобъемлющихъ и страшныхъ домогательствахъ платнаго труда. Такимъ образомъ, даже среди кажущагося спокойствія каждодневной жизни, даже среди долгихъ періодовъ техническаго сотрудничества, которые протягиваются между кризисами возстаній, общество осуждено на высокую степень напряженія. Въ каждомъ частичномъ домогательствѣ отзвукъ суммарныхъ достиженій, совершенно такъ, какъ нельзя тронуть въ одной точкѣ одной струны лиры, чудесно настроенной, безъ того, чтобы резонансъ не заставилъ задрожать всѣ струны, стонать и кричать всю лиру. Всѣ вопросы — ни что иное, какъ моменты одной великой проблемы, всѣ схватки — не болѣе, какъ эпизодъ одной великой битвы, и эта драматическая систематизація борьбы идетъ, возрастая, по мѣрѣ того, какъ соціалистическія идеи дѣлаютъ успѣхи въ умахъ.

Болѣе систематическая борьба дѣлается болѣе обширной. Оба борющіеся класса сосредоточиваютъ свои силы все въ болѣе значительныя группы: синдикаты хозяевъ, синдикаты рабочихъ объединяются, мѣстные и районныя группы соединяются въ національныя; національные союзы объединяются въ международныя. Мѣстные и частичныя забастовки предшествуютъ забастовкамъ болѣе общимъ, которыя кажутся пролетаріату, какъ-бы прелюдией воистину общихъ забастовокъ. Идея общихъ международныхъ забастовокъ для портовыхъ рабочихъ и для рудокоповъ уже проявляется. Локъ-ауты отвѣчаютъ забастовкамъ или ихъ упреждаютъ. Оппозиція двухъ классовъ одной и той-же націи дѣлается все болѣе и болѣе чувствительной и принимаетъ формы все болѣе и болѣе отчужденныя, а международная солидарность разныхъ подраздѣлений одного и того-же класса становится съ каждымъ днемъ яснѣе и дѣйствительнѣе. Или по крайней мѣрѣ въ этомъ направленіи двигаются всѣ силы. Это очевидное направленіе событий и идей.²⁾

Будетъ-ли эта борьба настолько бурной, что въ ея экстазѣ разрѣшится все существующее или она ограничится

¹⁾ Курсивъ пашъ. Авт.

²⁾ „L'Armée Nouvelle“, 411—413.

рамками мирной эволюціи? На этотъ вопросъ Жоресь отвѣчаетъ такъ: „Въ возрастающей обширной борьбѣ, все болѣе систематической, соотношенія классовъ не прекращаются. Обмѣнъ жизнедѣятельности продолжается, и поддерживается глубокая органическая общность. Существуетъ возможность великихъ превращеній безъ ломки и внутреннихъ революцій, которыя не были-бы ни разрушеніе, ни развалъ. Новое равновѣсіе подготавливается черезъ долгую серію страстныхъ битвъ, которыя ограничатъ капиталистическія и буржуазныя привилегіи, но которыя не сокрушатъ ни тѣхъ живыхъ силъ, которыя нынѣ находятся въ буржуазіи, ни автономности, ни оригинальности націй.“¹⁾

Съ той поры какъ были сказаны эти слова идеалиста (1907 г.), утекло много воды, и событія показали, что эти сладкія мечты едва-ли имѣютъ много вѣроятія на воплощеніе. Проще предвидѣть бурную и кровавую борьбу, для которой уже имѣются убѣжденные въ ея необходимости-вожди съ огромнымъ опытомъ, имѣются организованныя вооруженныя силы и запасъ мірового остраго недовольства. Не имѣется только одного: не видать въ туманной дали яснаго горизонта.

Если въ Россіи огромныя массы народа, въ силу примитивности своихъ представленій, еще не дожили до идеи отечества, то на западѣ онѣ начинаютъ переживать ту идею, которую Жоресь называетъ „L'idée brute de patrie“²⁾. Выраженіе „Коммунистическаго Манифеста“ Маркса и Энгельса въ 1847 г. — „Рабочіе не имѣютъ отечества“ —³⁾ начинается какъ будто становится дѣйствительностью.

Самъ Жоресь, этотъ, казалось-бы, убѣжденный сторонникъ мирной эволюціи современнаго государства въ сторону крайнихъ социалистическихъ идеаловъ, разумѣющихъ полное исчезновеніе идеи отечества, начинаетъ свою реформаторскую пропаганду и дѣятельность съ того, что въ задуманномъ имъ циклѣ литературныхъ работъ, посвященныхъ новой организаціи Франціи, онъ первый томъ посвящаетъ переустройству арміи. Очевидно, этотъ шагъ „эволюціи“ онъ считаетъ самымъ неотложнымъ. Но значить-ли это, что армія пролетаріата по мысли Жореса не назначается для разрушенія того государства, которое должно ее сформировать? Не означаетъ-ли это того предвидѣнія вооруженной борьбы наступающаго пролетаріата, въ которомъ никакъ нельзя отказать Жоресу? Это единственный пунктъ книги Жореса, гдѣ изложеніе становится туманнымъ и полнымъ полуфразъ и полунамековъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Тѣ, которые подъ именемъ социаль-

¹⁾ Idem, 413.

²⁾ Idem, 10.

³⁾ Idem, 436.

наго мира склонны видѣть разоруженіе,¹⁾ пониженіе социалистическаго идеала, тѣ, которые приглашаютъ пролетаріатъ сократить конечныя и отсрочить свои домогательства, чтобы вѣрнѣе достичь частныхъ реформъ, обманываются страннымъ образомъ“.²⁾ Въ этомъ отрывкѣ какъ будто-бы отрицается всякая постепеновщина, т. е., эволюція, о которой такъ много говорится въ иныхъ мѣстахъ у Жореса. Въ заключеніе онъ восклицаетъ: „Трудъ будетъ государемъ“.³⁾ Точно въ современномъ демократическомъ строѣ не онъ повелѣваетъ? Конечно, у Жореса разумѣется ручной трудъ. Но почему вертѣтъ какую-нибудь болванку у машины для челоуѣчества болѣе полезно, чѣмъ работать въ умственной области?

Сущность новѣйшей социальной борьбы, конечно, не въ завоеваніи надлежащаго мѣста труду. Оно уже завоевано усиліями французскихъ революцій, которыя, въ сущности, въ теченіе прошлаго столѣтія представляли одну общую революцію противъ привилегій и за трудъ.

Новая борьба, совершающаяся у насъ передъ глазами, есть борьба лишь „за собственность“ и болѣе равномѣрное ея распредѣленіе. Именно этотъ стимуль вздымаетъ массы въ Россіи (и тутъ цѣль уже достигнута путемъ насилія), этотъ-же стимуль будетъ достигаться и на Западѣ (и тоже путемъ насилія, такъ какъ челоуѣкъ безъ него не разстается съ собственностью). По мнѣнію Жореса, „періодъ демократіи чисто политической приближается къ концу; начинается періодъ социальной демократіи“.⁴⁾

Совершенно такъ-же, какъ во время Великой Французской революціи, длившейся почти столѣтіе, пароксизмы насилія смѣнялись періодами эволюціонной работы, тоже повторится и въ наше бурное время, но въ еще болѣе трагическихъ тонахъ. Это будутъ приливы и отливы, безпрестанно чередующіеся и другъ друга нерѣдко смывающіе. И они уже начались. Гражданская война въ Россіи, революціонныя вспышки въ Германіи, революціи коммунизма въ Венгріи, повсемѣстныя обширныя забастовки, войсковыя бунты и „недоразумѣнія“ въ арміяхъ разныхъ странъ, не утихающая война въ Малой Азій, возстанія въ Ирландіи, Египтѣ, Индіи, голодь въ Россіи, неудачныя экономическіе эксперименты почти всѣхъ правительствъ Европы.

Громъ уже гремитъ, молніи рѣжутъ черное небо, а „мужикъ все не перекрестится“, какъ ему рекомендуетъ русская пословица.

¹⁾ Курсивъ нашъ. Авт.

²⁾ „L'Armée Nouvelle“, 425

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Idem, 260.

Среди этой бури идей армія-народъ со всѣми его чаяніями, со всѣми его особенностями, со всѣми его заблужденіями не можетъ оставаться безучастной зрительницей. Когда придетъ роковой часъ бурнаго прилива и когда правительственная власть принуждена будетъ, чтобы не быть смытой партией, прибѣгнуть къ своей опорѣ — арміи, поздно будетъ спрашивать ее — „какъ вѣруешь“? Этотъ вопросъ необходимо рѣшить немедленно. Чтобы быть готовымъ къ минутѣ дѣйствія, нужны долгіе сроки размышленія.

Правда, съ идеями, по выраженію Императрицы Екатерины Великой, пушками не сражаются. И послѣ этого мудраго изреченія было-бы глупо проповѣдывать что-либо противоположное. Но еще во много разъ глупѣе готовить свои пушки на службу одной воинственной партіи, которая собирается вооруженнымъ путемъ навязать свои идеи массамъ по тому образцу, какъ это уже сдѣлано въ Россіи, гдѣ ничтожное меньшинство держитъ въ рукахъ большинство народа вопреки его волѣ. Правда, все это непрочно и должно въ одинъ прекрасный день рухнуть, какъ и всякая власть тирана, безразлично, будь она единоличная или коллективная, но бѣда въ томъ, что еще ранѣе рухнуло благосостояніе огромнаго, цвѣтущаго государства, и неслыханныя бѣдствія привели всю страну въ состояніе первобытнаго одичанія.

Въ предвидѣніи описанной бури идей Жоресы хотятъ овладѣть арміей въ интересахъ своей партіи. Они громко исповѣдуютъ слѣдующую схему, которой нельзя отказать ни въ ясности, ни въ трезвости: „Если, говорятъ они, изъ-за боязни сдѣлаться орудіемъ буржуазной политики, пролетаріатъ и соціальная демократія отказались-бы давать кадры для новой арміи (т. е., милиціи. А. Г.), логика требовала-бы, чтобы они уничтожили институтъ общеобязательной воинской повинности и чтобы они обратились или къ наемнымъ войскамъ, или къ африканскимъ контингентамъ, или къ гражданской буржуазной стражѣ со всею отвѣтственностью за репрессивныя вмѣшательства въ соціальные конфликты, — ужасная монополія вооруженной силы. Но весь инстинктъ, вся мысль рабочаго класса во всѣхъ странахъ идутъ въ обратномъ направленіи. Вездѣ рабочіе социалисты просятъ военной службы для всѣхъ“.

Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ цѣлая программа. Ставится вопросъ, милиція или наемники, и дается отвѣтъ — милиція, но съ нашими, т. е., пролетарскими кадрами; въ противномъ случаѣ не нужно намъ милиціи. Тутъ скрывается такая оцѣнка значенія кадровъ, которую едва-ли придумалъ бы даже профессиональ военный. Она гласитъ: если кадры будутъ не наши, мы, какъ бараны, пойдемъ туда, куда они насъ поведутъ даже вопреки своей волѣ, даже на „вооруженныя репрессіи, — ужасную монополию вооруженной силы“. От-

сюда до вывода — „возьмемъ респрессіи въ свои руки“ всего одинъ небольшой шагъ, уже сдѣланный въ Россіи.

Никто не можетъ ручаться, что онъ не будетъ сдѣланъ и внѣ ея. Вся современная военная система идетъ старательно по стезѣ, указанной ей Жоресами. Никто не думаетъ о томъ, куда заведетъ нынѣшнее военное законодательство, но всѣ послѣдовательно идутъ къ вооруженному внутреннему конфликту. Само государство готовитъ изъ своей арміи послушное оружіе для демагоговъ коммунистической партіи. Такая образцовая для всего міра армія, какъ французская, уже знаетъ попытки своихъ демагоговъ проникнуть въ ряды и въ мозги солдатъ (на Рейнѣ), и пусть ея руководители не переоцѣнивають удачи съ ликвидаціей такихъ случаевъ. Это не болѣе, какъ „случайность“ до той поры, пока не будетъ переоцѣнена вся дѣйствующая система и пока она систематически не передѣлана.

Замѣчательно, что почти законъ исторіи всѣмъ „образцовымъ“ арміямъ послѣ своихъ крупныхъ военныхъ успѣховъ переживать организационное пораженіе. Припомнимъ примѣры французской арміи послѣ Наполеоновскаго періода, русской послѣ побѣдъ начала XIX столѣтія, приведшихъ ее почти во всѣ столицы Европы, прусской послѣ эпохи Фридриха. Въ результатѣ были огромныя пораженія: Седанъ, Севастополь, Іена.

Причина этого — самонадѣянность. Отъ чего, Боже, сохрани въ тѣхъ конфликтахъ, которые назрѣвають внутри! Пора отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что партіи со всею гаммою своихъ пестрыхъ красокъ широкою волною вливаются въ современную армію. Внутри нея идетъ глухая работа мысли и чувства, лишь искусственно сдерживаемая внѣшними формами организациі. При такихъ условіяхъ даже взрывы внутри самой вооруженной массы вполне возможны, не говоря уже о томъ, что всякій внѣшній взрывъ въ толщѣ народа сейчасъ же детонируетъ и въ рядахъ воинства. Напрасно думать и надѣяться, что цивилизованный міръ чуждъ психологіи русской массы. Западъ удерживается отъ чего-либо подобнаго русской печальной дѣйствительности не вслѣдствіе утонченности своего умственнаго развитія, а только потому, что „экономическій кризисъ“ все еще удается канализировать безъ болѣзненныхъ трещинъ. Слѣдовательно, все видимое, относительное благополучіе Запада надо искать въ его „желудкѣ“. Но сколько времени продолжится неустойчивое равновѣсіе этого „желудочнаго вопроса“ никто не скажетъ.

ГЛАВА IV.

Полчища и демократія.

Въ вѣкъ, когда усиліями энергичнаго меньшинства европейскаго пролетаріата намѣчается борьба между націоналистическими и социальными стремленіями и когда со стороны этой кучки коммунистовъ уже твердо проводится принципъ не разговоровъ, а практики, организаціи и нападенія, нужно, чтобы и государство, къ которому обращены съ надеждою взоры большинства населенія, пассивнаго, какъ всегда, не оставалось тоже пассивнымъ. На новыя формы организаціи оно, не заставляя въ старыхъ, должно отвѣтить также новыми и энергичными формами. На наступленіе нельзя отвѣтить пассивною обороною, такъ какъ при этомъ пораженіе — лишь вопросъ времени.

Чтобы знать, что-же дѣлать, необходимо точно установить, что дѣлаетъ противникъ. Таково военное правило. Цѣль его — наладить классовую борьбу. Средство — разложеніе арміи, опоры государства. Каковы вѣроятія для достиженія этой цѣли? Въ чемъ залогъ увѣренности въ возможности разложенія арміи? И эти вѣроятія, и эта увѣренность не есть пустая мечта. Долгъ каждаго противника этой подтачивающей работы отчетливо ее сознать, для того, чтобы принять необходимыя мѣры.

Нѣкоторое время спустя послѣ большевистскаго переворота въ печати появились воспоминанія одного изъ соварищей Ленина по изгнанію въ Швейцаріи. Въ этихъ воспоминаніяхъ описывается, между прочимъ, одинъ спектакль въ эмигрантскомъ кружкѣ съ участіемъ любителей-юмористовъ. Одинъ изъ нихъ, загримированный Ленинымъ, коренастый и плечистый, выскочилъ на сцену и импровизировалъ зажигательную рѣчь-пародію на тему о томъ, что для прекращенія Европейской войны стоитъ только повернуть штыки войскъ противъ своего-же государства, и война моментально прекратится. При общемъ смѣхѣ присутствовавшихъ любитель-актеръ, подражая Ленину въ манерахъ, увѣрялъ почтеннѣйшую публику, что сдѣлать этотъ поворотъ ничего нѣтъ легче и проще. Недовѣрчивая публика этого спектакля могла въ послѣдствіи на опытѣ Россіи убѣдиться, что Ленинъ зналъ то, на чемъ настаивалъ. Отъ него не ускользнуло все, что изложено въ предшествовавшихъ главахъ. Не ускользнуло, конечно, потому, что въ этотъ періодъ времени Ленинъ былъ уже секретнымъ агентомъ большого германскаго штаба. Для послѣдняго не было тайною внутренней процессъ саморазложенія величайшей въ мірѣ арміи. Главною нѣмецкою квартирою Ленинъ въ это время и натаскивался для нанесенія довершительнаго удара войску своей родины. Людендорфъ

сознается въ своихъ мемуарахъ: „Наше правительство, посылая Ленина въ Россію, приняло на себя. большую отвѣтственность! Путешествіе оправдывалось съ военной точки зрѣнія; нужно было, чтобы Россія пала. Но наше правительство должно было принять мѣры, чтобы и Германія не пала въ свою очередь“. ¹⁾ Для германскаго перваго генераль-квартирмейстера не было сомнѣнія, что опасность пропаганды существуетъ для всякой современной арміи. Отъ его вниманія не укрылось и то обстоятельство, что нынѣшній „вооруженный народъ“ проявляетъ особое вниманіе ко всякимъ теоріямъ пацифизма, въ томъ числѣ и къ той, которая совѣтуетъ борьбу внѣшнюю замѣнить борьбою внутреннею.

Можно съ увѣренностью сказать, что, если націоналистическіе идеалы еще и не отжили своего вѣка, то имперіалистическіе отжили во всякомъ случаѣ. Примѣровъ справедливости этой мысли можно подобрать изъ практики нашихъ дней сколько угодно. Германское правительство, вызывая европейскую войну и преслѣдуя чисто имперіалистическія цѣли, при пониманіи народныхъ настроеній, употребляетъ обманъ, какъ средство для введенія въ заблужденіе общественнаго мнѣнія, увѣряя, что война — простая оборона отъ нападенія.

„Въ время настоящихъ потрясеній Россія не скрывала своихъ притязаній и, опредѣляя ихъ слишкомъ преждевременно, она возстановила противъ себя всѣ балканскіе народы, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли тѣ-же желанія. Это было одно изъ тѣхъ тяжкихъ психологическихъ заблужденій, которыми преисполнена война.

Нѣмцы избѣгли объявленія своихъ пожеланій, но они ихъ осуществили, занимая Константинополь и дѣлаясь такимъ образомъ хозяевами Дарданелль. Это былъ огромный козырь въ ихъ игрѣ и одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ, гдѣ ихъ дипломатія обнаружила свое превосходство. . .

Россія въ дѣйствительности не имѣетъ другого пути для связи съ прочимъ міромъ, какъ Черное море и Дарданеллы. Она вывозитъ по этому пути въ три раза болѣе товаровъ, чѣмъ сухопутьемъ. Рѣшительное закрытіе проливовъ обозначало-бы въ ея исторіи одно изъ полнѣйшихъ поражений.“ ²⁾

Конечно, сознавая это, временное правительство въ деклараціи Милюкова объявило себя сторонникомъ такой именно идеи и партизаномъ соглашенія въ пользу Россіи отъ апрѣля 1916 г. И нужно признать, что эта декларація, наряду съ неоднократными заявленіями Керенскаго о необходимости борьбы рука объ руку съ Согласіемъ, были:

¹⁾ Erich Ludendorff, „Souvenirs de Guerre 1914—1918“, t. II, p. 119.

²⁾ G. Le Bon, „Prem. Conséquences“, p. 249—250.

причинами сначала паденія популярности временнаго правительства въ глазахъ массъ и основою для торжества большевистскихъ главарей, клеймившихъ подобныя деклараціи и шаги именемъ имперіалистическихъ. Демагоги знали силу этого термина и отрицательное его воздѣйствіе на толпу.

На нашихъ глазахъ совершилось отпаденіе Египта отъ Великобританіи. Событіе, которое въ другія времена вызвало-бы вооруженную борьбу, въ текущую антиимперіалистическую эпоху проходитъ тихо и смиренно только потому, что британское правительство сознаетъ, что масса его не поддержитъ въ непримиримой политикѣ въ этомъ вопросѣ. А сама народная масса отнеслась къ отторженію одной изъ богатѣйшихъ провинцій, имѣющихъ, сверхъ того, огромное значеніе для связи Англии съ Индией, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

Въ Греціи имперіалистическіе планы Венизелоса обрушились отъ столкновенія съ общественнымъ мнѣніемъ, не желавшимъ никакихъ новыхъ жертвъ во имя имперіалистическихъ усилій. Этотъ примѣръ особенно разителенъ, такъ какъ онъ необъяснимъ тяжелымъ экономическимъ кризисомъ. Курсъ драхмы былъ небывало высокъ до переворота въ пользу Константина и упалъ, и будетъ продолжать падать послѣ него. Положеніе, повидимому, таково, что эллины не будутъ особенно огорчены, если имъ придется разстаться съ частью ихъ новыхъ территоріальныхъ приобрѣтеній и въ Азіи, и въ Европѣ. Это можетъ произойти такъ-же безболѣзненно, какъ отторженіе Египта отъ Англии. Таковъ духъ времени.

Во Франціи также была воркотня по поводу колониальныхъ увлеченій въ Азіи.

Причина всѣхъ этихъ уродствъ кроется въ слабости и даже часто безпомощности правительствъ послѣ Великой войны. Объясненіе подобнаго положенія будетъ дано въ слѣдствіи. Здѣсь-же можно ограничиться напоминаніемъ, что ни въ военной области, ни въ политической за слабыми вождями не идутъ. Не то, чтобы народы не сознавали великости патріотическаго подвига такихъ людей, какъ Венизелосъ, но что-то есть въ исполнительной работѣ даже и Венизелоса, что дискредитируетъ его усилія въ глазахъ массы, не могущей при этихъ условіяхъ дать порыва, необходимаго въ политикѣ наступленія.

Крушеніе начинаній Колчака и Деникина, между прочимъ, объясняется тѣмъ-же.

Если имперіалистическія идеи совершенно чужды современной народной массѣ, то и представленія націоналистическія также въ ней ослабѣваютъ. „Отвлеченныя права національности должны быть истолкованы въ соотношеніи съ другими, ихъ окружающими правами, совершенно такъ-же, какъ

поступаютъ со всякими прочими правами, такъ какъ иначе безразсудства, совершенныя во имя ихъ, превзойдутъ ихъ за-слуги".¹⁾ Такъ думаетъ масса въ своей значительной части. „Понятіе о національности, какъ-бы оно не было велико, имѣеть своихъ враговъ. Одинъ изъ нихъ и наиболѣе грозный — страстное желаніе мира всего міра. Наше новѣйшее „*Dona nobis pacem*“ не воркуетъ сладко, но гнѣвно кричитъ всенародно, и даже націонализмъ, наилучше оправданный, былъ-бы очень дурно принять, если-бы обнаружилъ себя жестокииъ и непримиримымъ¹⁾“. На основаніи этого крайняго взгляда, однако нынѣ весьма и весьма распространеннаго, „национальность, какъ религія, великая сила, но націонализмъ, примѣняемый ханжами, можетъ вызвать несчетныя несчастія. Онъ долженъ безпрестанно смягчаться чувствомъ чело-вѣчности и компромиссами, умѣренными, существующими фактами“,¹⁾ а среди этихъ фактовъ безспорно первое и главнѣющее мѣсто принадлежитъ социальнымъ вопросамъ и экономикѣ.

Согласно такому взгляду націонализмъ не въ силахъ, въ качествѣ идейнаго импульса, въ своихъ сравнительно ограниченныаъ рамкахъ справиться съ предстоящими передъ современными народами задачами въ ихъ цѣломъ видѣ, т. е., въ мировомъ масштабѣ. Не существуетъ въ наше время ни одной проблемы экономической или финансовой, политической или социальной, которая могла-бы быть разрѣшена въ сравнительно узкихъ націоналистическихъ рамкахъ. Съ этой точки зрѣнія націоналистическія концепціи являются слишкомъ частными, нерѣдко, поэтому, ошибочными и недолговѣчными. Всѣ, кто исповѣдуетъ подобный взглядъ, а такихъ, повторяемъ, массы, считаютъ націонализмъ, какъ-бы отживающей политической теоріей.

Можно подобрать сколько угодно примѣровъ, опровергающихъ этотъ взглядъ для нашей современности, но изъ политическихъ дѣятелей поступаетъ умно только тотъ, кто умѣетъ смотрѣть значительно впередъ своего времени. Истинная религія вѣка заключается въ одномъ изъ самыхъ краткихъ словъ на всѣхъ почти языкахъ. Это слово — миръ.

Современная демократія могла-бы вся объединиться во имя этого великаго лозунга, если-бы сознала, наконецъ, ясно, что лучшей путь къ его осуществленію ведетъ черезъ экономику.

Въ этой области, какъ ни въ какой другой, взаимная зависимость одного народа, а, слѣдовательно, и общность ихъ интересовъ, сказывается наиболѣе наглядно, такъ какъ она построена на интересахъ желудка.

¹⁾ „Sunday Times“, 27-VIII-1921, Spectator.

И нужно сознаться, что великія державы, и преимущественно наибольшія среди нихъ, державы міровыя, служатъ главнымъ препятствіемъ въ осуществленіи этого экономическаго согласія. Удивляться этому не приходится. Онѣ, занимая нерѣдко огромную площадь земного шара и обладая поэтому всѣми видами всевозможныхъ естественныхъ богатствъ, быстро усваиваютъ себѣ психологію купца-монополиста, полную эгоизма. Подобная психика для малыхъ государствъ уже потому неосуществима, что они дня прожить не могутъ безъ экономическаго содѣйствія извнѣ. Вся ихъ жизнь въ этой области, какъ, впрочемъ, вслѣдствіе этого и во всѣхъ остальныхъ, проходитъ въ поискахъ выгодныхъ соглашеній и внѣшнихъ поддержекъ, покупаемыхъ нерѣдко уступками въ сферѣ своихъ самыхъ насущныхъ интересовъ. Какъ это ни странно, при отживаніи націонализма, онъ въ видѣ сепаратистскихъ стремленій, причиняетъ огромныя затрудненія міровымъ державамъ, имѣющимъ пестрое подданство. Именно этотъ видъ націонализма способенъ, какъ никто, обуздать эгоизмъ великихъ державъ, который въ противномъ случаѣ представляетъ крупнѣйшую угрозу мирному процессу.

Другая, еще болѣе страшная угроза жаждѣ мира — это воинствующій большевизмъ, стремящійся вооружить и мобилизовать всѣ некультурныя, но притѣсненные расы для сокрушенія культурныхъ, капиталистическихъ странъ при помощи повсемѣстнаго возстанія пролетаріата.

Слѣдовательно, въ то время, какъ демократія міра жаждетъ мира всего міра, эгоизмъ большихъ государствъ съ одной стороны и отчаяніе пролетаріата въ союзѣ съ дикарями съ другой представляютъ вѣчную опасность пацифистскимъ стремленіямъ современности.

Будь единство въ лагерь противниковъ этого бурнаго стихійнаго натиска, можно было бы говорить о возможности мирной эволюціи. Но этому единству мѣшаетъ эгоистическій партикуляризмъ. Нѣтъ и не предвидится общаго фронта; поэтому нѣтъ надежды на мирный исходъ происходящей вездѣ глухой внутренней борьбы классовъ и упорныхъ вспышекъ притѣсненныхъ низшихъ племенъ.

Существуетъ разница въ міровоззрѣніи массы и ея вождей. Въ то время, когда масса какъ демократія, такъ и пролетаріата твердитъ одно слово — миръ, вожди демократіи, сознавая святость этого лозунга, хочешь-не хочешь, принуждены влачить войну, или вѣрнѣе вѣчную возню съ оружіемъ, а вожди пролетаріата, наиболѣе изъ нихъ рѣшительныя, открыто зовутъ къ войнѣ внутренней.

Массу демократіи удерживаетъ отъ войны желаніе сохранить уже приобрѣтенное, т. е., чувство самосохраненія; массу пролетаріата — лишь ужасы вооруженной борьбы; его вожди доводами, не лишенными логики, доказываютъ,

что только война дастъ необходимыя завоеванія пролетаріату. Слѣдовательно, послѣдній противится войнѣ въ главной своей массѣ, не взирая на выгоды, которыя ему обѣщаны его про- роками. Правда, опытъ Россіи здѣсь играетъ немалую охладительную роль: онъ лишнее краснорѣчивое доказательство, насколько дѣйствительность отличается отъ мечты.

Нынѣшняя армія, прямое отраженіе чаяній и сомнѣній на- родныхъ, также не чужда этихъ колебаній между долгомъ во имя идей государственныхъ и націоналистическихъ и инстинк- томъ во славу торжества соціальной борьбы ради классовыхъ интересовъ. Не чужда она и пацифизма въ самыхъ крайнихъ его формахъ, формахъ пораженческихъ. Въ однихъ случаяхъ активно, въ другихъ пассивно она вліяетъ на позицію своего правительства въ выборѣ той или иной политики. Въ Россіи такое давленіе арміи выразилось бурей, а во французскихъ войскахъ въ Одессѣ въ 1918 г. и въ греческихъ въ Смирнѣ— лишь болѣе или менѣе внушительнымъ рокотомъ, но резуль- татъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что не воля правительственной власти оказалась торжествующей. И хотя въ одномъ случаѣ говоритъ государственный разсудокъ, а въ другомъ эгоистическое чувство массы, на основаніи общихъ основъ психологіи торжествуетъ темпера- ментъ, а не умъ, часто даже простая угроза темперамента толпы. Въ итогѣ такихъ столкновеній—либо полное крушеніе государственной власти (въ Россіи), либо политическій пере- воротъ (въ Греціи), либо отступленіе правительства (во Фран- ции весною 1918 года въ русскомъ вопросѣ). Послѣдній ре- зультатъ компромисснаго характера наиболѣе распространен- ный. Онъ-то и служитъ, между прочими обстоятельствами со- временности, для развѣнчиванія авторитета государственной власти вообще.

Когда создается такое положеніе, что инстинктъ толпы начинаетъ претендовать на навязываніе своей воли, необхо- димо правительственной власти твердо помнить, что въ боль- шинствѣ случаевъ эта манифестація не есть изъявленіе на- родной воли и разсудка, а часто лишь капризъ меньшинства, нежеланіе переносить преходящія трудности во имя будущихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ благъ. Большинство всегда за правительство, которое найдетъ въ себѣ силы противостоять натиску энергичнаго меньшинства, но для этого нужно, чтобы власть сумѣла отъ словъ перейти къ дѣлу, если это потре- буется. Такова именно была роль правительства Клемансо во время возникновенія пораженческихъ теченій среди француз- ского народа, изнемогавшаго отъ тяготъ войны, таково же было значеніе политики Джіюлини въ Италіи послѣ слабости правительства Нитти, приведшаго къ организациі вооруженій въ имя коммунистическаго движенія. Вздохъ облегченія боль-

шинства всегда сопровождаетъ такіе шаги правительственной власти.

Ясно, что лишь сила можетъ дать правительству увѣренность въ себѣ въ такіе моменты критическихъ положеній и, слѣдовательно, лишь армія, какъ выразительница этой силы. Но для этого необходимо, чтобы она была аполитична, чего какъ разъ и нѣтъ въ современной вооруженной массѣ. Въ силу самыхъ основъ своей организаціи она причастна къ партийности. Это естественное слѣдствіе демократизаціи.

Пока господствовалъ принципъ аристократической, повѣлывала воля избранныхъ, средствомъ служила привилегія; съ водвореніемъ демократическаго принципа воля народа въ лучшемъ значеніи этого слова получила преобладаніе; средствомъ для этого служить особая организація массы, способомъ движенія сдѣлался только личный трудъ интеллигенціи, а не сословныя преимущества; война, этотъ лучший уравнитель социальныхъ состояній, двинула демократизацію по пути къ плебсократии, организація которой въ полномъ ходу и которая выдвигаетъ новый принципъ господствующаго труда, труда ручного. Этотъ трудъ, вслѣдствіе затяжнаго экономическаго кризиса, носящаго міровой характеръ, имѣетъ тѣмъ большую возможность диктовать свою волю, что демократія — буржуазія оказалась пока безсильной справиться съ устраненіемъ нужды и матеріальныхъ бѣдствій.

Чтобы закончить мысль, остается только спросить, можетъ-ли современная армія, на $\frac{9}{10}$ состоящая изъ людей ручного труда, оставаться безучастной зрительницей происходящей глухой борьбы? Борьбы, еще пока локализованной въ несчастной Россіи, но готовой вырваться оттуда и разлиться по всему культурному міру, пострадавшему отъ войны и не успѣвшему отъ нея оправиться?

Можно-ли рассчитывать на эту вооруженную массу въ столкновеніи съ вооружившейся во имя „соціала“ родственной ей массою?

Когда эта послѣдняя, сильная своимъ невѣжествомъ, руководимая демагогіей и подгоняемая жадностью, а быть можетъ, ожесточенная голодомъ и нуждою, бросится на улицу, что будутъ дѣлать ея-же сыновья въ рядахъ арміи? Станутъ-ли они на защиту существующей культуры или обратятъ свое оружіе противъ нея во имя торжества жерудка темной массы?

Вотъ роковые вопросы, надъ которыми въ наше время долженъ очень и очень задумываться военный организаторъ.

Передъ назрѣвающими грозными событіями правящій классъ европейскаго общества, буржуазія, мечется отъ одной полумѣры къ другой, отъ припадковъ рѣшительности къ продолжительнымъ періодамъ бездѣтельности. Не сознавая необходимости единенія демократіи разныхъ странъ, продол-

жая мѣрить современное политическое положеніе на старый масштаб національнаго соревнованія и соперничества, ведутъ между собою скрытую пріятными улыбками вражду. Эти демократіи запада напоминаютъ побѣдителей-союзниковъ, которые тотчасъ-же послѣ выиграннаго сраженія на полѣ боя, гдѣ еще не убраны трупы и поломанное въ борьбѣ оружіе, начали препирательство между собою. Въ горячкѣ соперничества вожди не замѣчаютъ приближенія общей имъ опасности со стороны и не видятъ, что и подчиненное имъ войско, недавно еще союзное и послушное ихъ волѣ, не раздѣляетъ ни ихъ честолюбія, ни ихъ горячности.

Такое положеніе не способствуетъ поддержанію авторитета вождей. Онъ неминуемо падаетъ, и находятся претенденты на него, готовые свалить старыхъ предводителей, чтобы занять ихъ мѣсто.

Таково аллегорическое изображеніе начавшейся уже повсемѣстно распри между буржуазіей и рабочими, людьми умственнаго и ручнаго труда.

Что-же видно въ этой борьбѣ? Какъ она ведется обѣими сторонами? Съ наступающей стороны — широчайшія обѣщанія, увлекательные лозунги, единеніе, какъ первѣйшее условіе побѣды. Со стороны обороны — нерѣшительность, растерянность, взаимныя распри и интриги, увлеченіе мелочными вопросами и побочными обстоятельствами. Пора одуматься! Иначе пораженіе неминуемо. Кромѣ того у наступающей стороны есть признаваемый всѣми штурмующими энергичный вождь; у обороны такого вождя нѣтъ и при создавшемся положеніи его и быть не можетъ. Все это напоминаетъ огромную, прекрасно снабженную крѣпость съ многочисленнымъ гарнизономъ, но безъ коменданта. Происходитъ анархія усилій въ оборонѣ, разрозненныхъ, часто мѣшающихъ одно другому. Взятіе такой крѣпости, конечно, лишь вопросъ времени.

Что дѣлаетъ главная масса населенія — крестьянство и аполитичные слои народа? Она пассивно присутствуетъ при происходящемъ, ожидая съ покорностью, кому-же, наконецъ, придется подчиниться. И подчинится она, конечно, сильному, т. е., тому, кто сумѣетъ не только обѣщать, но и дать ей экономическія блага, такъ какъ въ нихъ все дѣло.

У наступленія пока нѣтъ одного: настоящей власти, или, вѣрнѣе, у послѣдней не готовъ еще аппаратъ для управленія, хотя организація идетъ и подготовка такого аппарата въ полномъ ходу. (Эволюція такихъ образованій — комитетъ дѣйствія въ Англии, конгрессъ въ Турѣ, образованіе партійныхъ центровъ коммунизма въ Германіи, Италіи и др. странахъ).

Пропаганда ведется терпѣливо и неуклонно. Въ первыхъ числахъ ноября 1920 г. въ Лондонѣ былъ арестованъ курьеръ Ленина финляндецъ Вельгеймъ. Найденная при немъ

переписка обнаружила результаты этой пропаганды. Оказывается, что на деньги, отчасти присылаемые изъ Москвы, отчасти раздаваемые совѣтскими делегаціями въ Лондонѣ, покупается оружіе, пулеметы, составлены уже воинскіе уставы для будущей красной англійской арміи, устраиваются коммунистическія ячейки въ арміи и во флотѣ, разработаны планы защиты фабрикъ и рудниковъ, захвата банковъ и промышленныхъ предпріятій и пр. И все это по указаніямъ Ленина.

У обороны имѣется аппаратъ для управленія, вся государственная машина, есть и власть, вполне организованная, которую привыкли слушаться народныя массы, но у власти нѣтъ плана и, слѣдовательно, нѣтъ готоваго рѣшенія, къ которому слѣдуетъ стремиться. Нѣтъ, значить, воли!

Не видя творчества со стороны буржуазной власти, неспособной выйти изъ затрудненій экономического кризиса, измученная войною и еще болѣе истощенная лишеніями послѣ нея, рабочая масса, все болѣе и болѣе теряя терпѣніе, начала грубый и, быть можетъ, варварскій натискъ на буржуазный капиталъ.

Этотъ натискъ идетъ по двумъ путямъ: грабежъ (Россія) и высокіе налоги (Западная Европа). Хотя послѣдняя изъ мѣръ и проходитъ при участіи доброй воли самой буржуазіи, можно опасаться, что окончательный результатъ, полученный ею, можетъ совпасть съ тѣмъ, который получился въ Россіи. Другими словами, итоги и грабежа, и налоговъ будутъ общіе и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи. И революція, и эволюція могутъ слиться въ переломъ.

Одинъ весьма видный и авторитетный, политическій дѣятель Англійи, членъ парламента и близій къ нынѣшнему правительству, въ дружеской бесѣдѣ у камина, послѣ обѣда, когда люди невольно иной разъ, въ располагающей пріятной и уютной обстановкѣ, не отказываются отъ откровенности, обмолвился, что нынѣшніе налоги, достигая 60% дохода, могутъ вызвать въ Англійи полное уничтоженіе крупнаго землевладѣнія и крупной промышленности, если не будетъ найдено исхода въ видѣ товарообмѣна. При этомъ онъ считалъ, что подобное крушеніе ожидаетъ сыновей теперешнихъ владѣльцевъ капитала. Конечно, онъ сознавалъ, что подобное положеніе есть ни что иное, какъ крушеніе основъ процвѣтанія и устойчивости британскаго могущества.

За оттягиваніе кризиса до будущаго поколѣнія лишь математическія выкладки, но противъ этого психологическія и даже просто житейскія причины. Едва ли нетерпѣливыя массы согласятся ждать съ такимъ же спокойствіемъ, какъ члены англійскаго парламента. Они ждутъ крупнаго творчества въ экономической работѣ, такъ какъ высокія ставки на-

логовъ, безъ особыхъ доказательствъ ясно, лишь палліативъ, не могущій дать окончательнаго выхода изъ тупика экономического провала, куда, зажмуривъ глаза, стремится Европа.

Не найдя рѣшенія у правящей буржуазіи, рабочая масса, по которой больнѣе всего бьетъ кризисъ, возьметъ рѣшеніе въ свои руки. . . и тогда—революція, уже давно возвѣщаемая изъ Москвы.

Вслѣдствіе всего этого современное государство должно быть готово не только для борьбы внѣшней, но и для внутренней. Существующіе внѣшніе фронты послѣ утомленія только что минувшею войною едва-ли опасны; что-же касается возникающаго внутренняго фронта, то именно къ нему должно быть приковано преимущественное вниманіе и государственныхъ, и военныхъ вождей.

Армія, одинъ изъ рычаговъ государственной власти, должна быть готова для борьбы на оба фронта — внѣшній и внутренней. И эта готовность не можетъ ограничиваться лишь постановкою цѣли, но должна обезпечить „возможность“ такого дѣйствія. Внутренняя организація войска укажетъ, можно или нельзя рассчитывать на него при обѣихъ комбинаціяхъ: ясно, что для борьбы внутренней нужны свойства иныя, чѣмъ для внѣшней войны. Въ нынѣшней вооруженной силѣ можно найти всѣ необходимые элементы; нужно только сознательно ихъ классифицировать и дать имъ назначеніе соотвѣтственно ихъ свойствамъ.

Весь вопросъ въ качествѣ и количествѣ. Для внѣшней борьбы по опыту минувшей Великой войны масса все еще служить необходимымъ залогомъ побѣды. Будетъ-ли это такъ и въ слѣдующую войну, категорически сказать трудно. Имѣется нѣсколько вѣскихъ данныхъ, предвѣщающихъ реакцію въ сторону сокращенія современныхъ полчищъ. Объ этомъ рѣчь будетъ впереди. Но пока военному организатору къ разрушенію массы приходится подходить съ осторожностью. Поэтому массовыя арміи признаются пока необходимыми для внѣшней борьбы. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, не взирая на присутствіе внушительныхъ предупрежденій о непрочности современныхъ полчищъ (Россія), количеству все еще отдается предпочтеніе передъ качествомъ.

Не то — при борьбѣ на фронтѣ „внутреннемъ“. Здѣсь масса не имѣетъ никакого значенія. Отборъ и качество — вотъ необходимыя данныя для успѣха борьбы. Войска должны обладать иммунитетомъ отъ заразы внутри. Здѣсь важень не наборъ людей, а ихъ выборъ. Наборъ—это милиція, выборъ — это кадры.

Нельзя сказать, чтобы и милиція, каковую представляютъ изъ себя современные полчища, была орудіемъ безусловно

послушнымъ для внѣшней борьбы. Она требуетъ наличія многихъ условій, чтобы избѣжать крушенія своего хрупкаго организма.

Эти полчища могутъ драться только во имя общаго идеала не только справедливаго, но и всѣми ясно сознаваемаго (чего не было, на примѣръ, въ Русской арміи); даже во время борьбы именно такой они не пойдутъ на операціи, непонятныя массѣ или ей несимпатичныя (операція генер. д'Ансельма въ Одессѣ въ 1918 г., окончившаяся отозваніемъ войскъ во избѣжаніе ихъ саморазложенія); большае частію подобныя начинанія, доведенныя до конца, превращаются въ безплодныя авантюры только потому, что масса подводитъ своихъ ослѣпленныхъ вождей (предпріятіе Каппа-Леттовъ-Форбека въ Германіи); самая длительность операціи, по существу понятной и симпатичной массѣ, незримо и неустанно контролируется ею и можетъ подъ давленіемъ ея кассироваться съ крушеніемъ всего предпріятія (Венизѣлосъ); сегодня масса поетъ „осанна“ своему вождю, завтра она отворачивается отъ него (Венизѣлосъ). И хуже всего то, что при всѣхъ этихъ переживаніяхъ масса саморазлагается на составныя части. Ясно, что такія особенности современныхъ полчищъ требуютъ отъ вождей быстраго рѣшенія, чтобы избѣжать риска внутренней порчи вооруженной громады, а особенность современнаго военнаго искусства даетъ медленность полученія рѣшительнаго результата. Таковъ безысходный кругъ, отвѣтъ на который пока не найденъ въ минувшемъ боевомъ опытѣ.

Необходимо подчеркнуть, что принципъ нападенія, активности въ дѣйствіяхъ современныхъ полчищъ носить совершенно особенный характеръ. Германская активная политика до войны, сознательно готовясь къ атакѣ и правильно учитывая психологію нынѣшнихъ массъ, не жалѣла самой запутанной лжи, чтобы представить свою атаку необходимой обороной. Имперіалистической принципъ наступленія не обѣщала вождамъ германскаго народа чаемаго успѣха.

И, если нынѣ большевистскія полчища готовы служить этому принципу, то лишь потому, что ихъ наступленіе носить и будетъ носить и впредь характеръ „бѣгства отъ голода къ добычѣ“. Именно эта особенность міровой революціи составляетъ привлекательность для краснаго воинства.

Слѣдовательно, не борьба за расширеніе государствъ, а лишь за улучшеніе своихъ соціальныхъ условій можетъ только найти единодушный откликъ въ громадѣ полчищъ. Другими словами, „шкурные“ вопросы въ наше время заслонили всѣ другіе. И всѣ другіе приносятся имъ въ жертву.

Вотъ почему главная масса современныхъ полчищъ, вѣрное зеркало народнаго лица, такъ чутко относится къ этимъ „шкурнымъ“ вопросамъ и вотъ почему она не годится

для „внутренняго фронта“ и годится для „внѣшняго“ только со многими оговорками, приведенными выше.

Эти оговорки намѣренно подтверждены „интернаціональными“ примѣрами изъ жизни армій какъ побѣжденныхъ, такъ и побѣдительницъ. Чтобы закончить о массѣ нынѣшняго воинства, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Образованное изъ двухъ слагаемыхъ, кадровъ и милиціи, оно мѣняетъ свою окраску въ зависимости отъ величины каждаго изъ нихъ. Безъ доказательствъ ясно, что увеличеніе перваго слагаемаго улучшаетъ „качество“, а возрастаніе втораго лишь — „количество“. Отсюда видно также, насколько разнообразны могутъ быть свойства „полчищъ“ у разныхъ народовъ, въ разное время войны (убыль кадровъ и увеличеніе милиціонной массы) и въ эпохи разныхъ политическихъ господствующихъ вліяній. Иногда это воинство окрашено болѣе „кадровымъ“ цвѣтомъ, иногда „милиціоннымъ“.

Какъ мы видѣли выше, русская армія для своего разложенія потребовала предварительнаго полного аннулированія кадроваго вліянія, то-же случилось съ австро-венгерской арміей подъ давленіемъ военныхъ разочарованій, но не повторилось вполне съ германской вслѣдствіе того именно, что и по сей день кадровый составъ арміи сохраняетъ свое вліяніе не только въ дѣлахъ, касающихся войсковою организациі, но и въ политическихъ вопросахъ, естественно съ ней связанныхъ. Генералъ фонъ-Зеектъ въ своемъ новогоднемъ обращеніи къ Reichswehr'у имѣлъ право сказать: „Нужно, чтобы Reichswehr далъ бы начальниковъ, которые поведутъ народъ въ день опасности“.!) Это обращеніе сдѣлано къ войску, сплошь состоящему изъ кадровыхъ чиновъ постоянной службы, сформированному по настоянію союзниковъ Согласія. Таково дѣйствіе кадровой окраски надлежащей густоты.

Но лучшею стойкостью на „внутреннемъ“ фронтѣ отличаются, конечно, наемники. Они свободны отъ какихъ-бы то ни было политическихъ симпатій или антипатій.

Такія войска имѣются въ наше время только въ Соединеніи, въ Германіи, въ Англіи и въ Америкѣ. Китайцы, Латыши и коммунистическія части Совѣтской Россіи это — циничное выраженіе принципа аполитичности арміи, какъ условіе силы государственной власти. Этотъ циническій примѣръ дорогъ тѣмъ, что онъ показываетъ самодовлѣющее могущество правильной военной организациі и вѣрность высказанной мысли о достоинствахъ наемныхъ войскъ. Большевики намъ показываютъ своимъ начинаніемъ, что самое важное — это правильность принципиальнаго рѣшенія вопроса военной организациі.

!) „Le Matin“, 2.-I.-1921, № 13437.

Разъ это имѣется на лицо, даже вопросъ національности контингента не играетъ преобладающей роли.

Послѣднія мѣропріятія большевиковъ, очевидно, довольныхъ достигнутыми результатами, направлены на интенсификацію наемническаго элемента въ своихъ войскахъ. „Большевики открыто заявляли о необходимости полной переорганизациі Красной арміи къ веснѣ 1921 года, на основѣ образованія многочисленныхъ и поддающихся широкому развертыванію кадровъ красныхъ офицеровъ, коммунистовъ и вообще наемниковъ, долженствующихъ дать „надежную“ спайку „дѣйствительно сильной арміи“.¹⁾ Что это означаетъ? Это значить, что большевики удовлетворены своимъ опытомъ съ наемниками и готовятся поставить эту организацию на широкихъ началахъ, использовать неисчерпаемые людскіе резервы Россіи. Имъ это не будетъ трудно, такъ какъ въ бездомныхъ, голодныхъ, выбитыхъ изъ колеи и находящихся въ безнадежномъ состояніи людяхъ, ищущихъ вступленія въ Красную армію, какъ средства не только не умереть съ голоду, но даже, быть можетъ, обогатиться, недостатка не будетъ. Нынѣ вся Россія — готовый резервуаръ для пополненія такой наемной арміи, которой никогда не видала исторія. И эта армія будетъ претендовать на социальный переворотъ въ этой исторіи.

Возможно-ли это? Скажутъ, что въ исторіи не было огромныхъ наемныхъ полчищъ. Мы имѣемъ случай совершенно исключительный. Въ Россіи не существуетъ ничего, кромѣ раззоренія. У народа нѣтъ иной надежды исправить свое положеніе, какъ за счетъ „матеріаловъ“ чужого государства. Способы: концессіи и война, причѣмъ оба эти слова съ успѣхомъ могли-бы для ясности быть замѣнены однимъ — „Грабежъ“. Такъ какъ, надо надѣяться, въ концѣ концовъ заманиваемые большевиками концессіонеры поймутъ во время угрожающую имъ опасность ограбленія, то этотъ путь уже теперь нужно разсматривать, какъ неудачный. Остается другой: война. И на нее въ Россіи охотно пойдутъ многіе и многіе изъ числа вліятельныхъ: и убѣжденный, и поддѣльный коммунистъ ради міровой революціи и мірового грабежа, и патриотъ ради восстановления границъ и великодержавія родины, и бездомный, и голодный ради теплаго угла и куска хлѣба, аферистъ, спекулянтъ, авантюристъ и преступникъ ради личной выгоды, карьеристъ ради честолюбія, наконецъ, инородцы-латыши, башкиры, киргизы, буряты, кавказцы и прочіе азіаты, оставшіеся на культурномъ уровнѣ орды Батыя и Мамаю; да и русская молодежь, не учившаяся, одичавшая и сбитая съ толку — прекрасный матеріалъ для новыхъ орды современнаго „Атиллы“.

¹⁾ „Руль“, 18.-I.-1921, № 51, „Красноармейскій бунтъ“.

Не пойдеть на это лучшая часть интеллигенціи, уцѣлѣвшая отъ уничтоженія, но она за границей; не охотно пойдуть крестьяне, но ихъ возьмутъ силою, какъ брали до сихъ поръ, и, при томъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы не очень портить наемные кадры Красной арміи: Населеніе Россіи такъ велико, что этотъ кадръ одинъ превзойдетъ силу любой европейской арміи на контингентѣ.

Вотъ что означаетъ приведенная выше краткая газетная замѣтка. Ее полезно дополнить очеркомъ психологическаго состоянія красноармейца разныхъ слоевъ, для чего воспользоваться показаніями недавнихъ очевидцевъ.

„Въ теперешней Красной арміи имѣются люди, проведеншіе въ военной службѣ восемь лѣтъ своей жизни, тѣмъ болѣе служившихъ 7, 6 и 5 лѣтъ. Многіе изъ нихъ, быть можетъ, и большинство за это время совершенно выбиты изъ колеи, отвыкли отъ какой-либо работы, отучились отъ своихъ прежнихъ умѣній, измѣнились. Многіе потеряли своихъ близкихъ, родныхъ въ гражданской войнѣ, отъ эпидемій, отъ бѣдствій, во всякомъ случаѣ потеряли съ ними соприкосновеніе. Имъ вообще некуда идти изъ Красной арміи. У нихъ нѣтъ ни близкихъ, ни работы; а если-бы работа и нашлась, нѣтъ ни умѣнья, ни желанія взяться за нее. А сверхъ того въ походахъ, междоусобицахъ, казармахъ въ нихъ развились такіе привычки и вкусы, которые дѣлаютъ ихъ и вовсе неприемлимыми или неумѣщаемыми въ мирную жизнь. И для нормальной и культурной государственности жизненная задача этихъ людей была-бы задачей трудной, неразрѣшимой безъ тяжелыхъ болѣзненныхъ явленій и, можетъ быть, и потрясеній; при современныхъ условіяхъ Россіи имъ ничего не остается, какъ держаться за свое красноармейское положеніе; оставатся солдатами — таковъ ихъ удѣлъ. „То, что выше намѣчено, относится, хотя и въ разныхъ степеняхъ, и къ рядовому, и къ офицеру.“¹⁾ „Обращаясь спеціально къ солдатской массѣ, нужно отмѣтить два рѣзко выраженныхъ направленія: молодежь и красноармейцы-домохозяева, старопризывные и прежніе кадровые. Совѣтская власть особенное вниманіе обращаетъ на молодежь. Ихъ развлекаютъ даровыми спектаклями и концертами, стараются одѣть и дать все, что въ силахъ при существующихъ условіяхъ жизни. Въ коммунистическія ячейки, которыя имѣются въ каждой отдѣльной части, начиная съ роты, привлекаются по преимуществу молодые красноармейцы, и здѣсь они обрабатываются на коммунистическій ладъ. Усилія большевиковъ не проходятъ даромъ, и путемъ подачекъ и агитаціи они создали профессионала-воина, который, я-бы сказалъ, полюбилъ войну; въ деревню ему уже не хочется возвра-

¹⁾ „Рулъ“, 18-I-1921, № 51, „Красноармейскій бунтъ“.

щаться. Тамъ скучно : нѣтъ тѣхъ развлеченій, которыя даетъ городъ и фронтовая жизнь. Русскій народъ всегда отличался склонностью къ удали, ухарству и беззаботности. Этими качествами воспользовались большевики и дали имъ развернуться среди красноармейской молодежи. . . И красноармейская молодежь живетъ, не думая о будущемъ страны, заглушая въ себѣ моральныя чувства и религіозныя стремленія“.

„Совсѣмъ иное представляютъ семейные и старыхъ призывовъ красноармейцы. Этихъ служба тяготитъ. Ихъ заботы и думы о деревнѣ. Какъ-то тамъ? Не отняли-ли лошадей, или корову, не взяли-ли на учетъ послѣдній хлѣбъ? Среди этихъ красноармейцевъ мало сторонниковъ совѣтской власти“. ¹⁾ Но безъ особыхъ доказательствъ ясно, — не они составляютъ истинную силу Красной арміи, а профессионалы—воины изъ молодежи или изъ выбитыхъ изъ колеи.

„Красное офицерство также неодинаково въ своихъ взглядахъ и настроеніяхъ. Много среди нихъ франтоватыхъ спекулянтовъ, пользующихся своимъ служебнымъ положеніемъ для обдѣлыванія своихъ выгодныхъ дѣлишекъ. Интересы страны, партіи для нихъ пустой звукъ. Личная жизнь на первомъ планѣ. Они ничего не имѣютъ противъ совѣтскаго строя, разъ онъ имъ даетъ возможность весело и сносно жить. Но готовы при случаѣ поддѣлаться ко всякому другому режиму. . . Объ офицерахъ-коммунистахъ излишне говорить. Но есть и среди краснаго офицерства порядочные и патріотически-настроенные люди. Имъ по разнымъ причинамъ не удалось бѣжать изъ Россіи и они вынуждены служить совѣтской власти, но мысли и думы ихъ не съ нею“. ¹⁾ Для поясненія психологіи покладливости этой категоріи офицеровъ необходимо напомнить вновь вліяніе школы начальниковъ, о которой уже упоминалось и которая ознаменовала свое отношеніе къ офицеру русской арміи, лучше всего характеризовавшееся словомъ „хамство“. Талантливую дань этому въ свое время воздалъ и лично М. И. Драгомировъ.

„Чтобы вполнѣ оцѣнить приниженность, унаслѣдованную отъ старой арміи команднаго состава, надо вспомнить, что значительная часть офицерства — въ комъ можно было предполагать вѣрность себѣ, своему долгу, просто чувство достоинства, наконецъ, хотя-бы профессиональную непокладистость — была просто физически истреблена съ начала революціи и въ послѣдующихъ пароксизмахъ террора; другіе бѣжали къ Колчаку, Деникину, Врангелю и тамъ погибли или разсѣялись; третьи всякими правдами и неправдами уклонялись отъ Красной арміи, пока не были переловлены, частью погибли, частью постепенно разсосались въ ней, уже

¹⁾ „Руль“, 28—XII—1920, № 35, „Больной вопросъ“, Милицынъ,

приспособленной къ большевизму. Такимъ образомъ съ самаго начала въ Красную армію, въ ея штабы и управленія поступило или осталось большею частью то офицерство, которое (оставляя въ сторонѣ прямое предательство) имѣло въ себѣ меньше всего силы духовнаго сопротивленія. И тяжкая школа униженія, черезъ которую прошли эти люди, униженнаго приспособленія къ солдатской толпѣ, къ политическому комиссару, къ большевистскому начальству, приспособленія вопреки совѣсти, подъ дуломъ револьвера, подъ угрозой расправы съ родными и близкими, подъ страхомъ не воинской, а просто гражданской физиологической гибели своей и своихъ — окончательно должна была доканать этихъ людей. . . Рядовой офицеръ — главная воинская опора большевизма — застылъ въ безнадежной приниженности, въ неизлечимой надорванности совѣсти. . . Люди съ вытравленной душой, они во всѣхъ случаяхъ, вѣроятно, съ одинаковой аккуратностью исполняютъ свои техническія обязанности, — и во всякомъ случаѣ настолько, чтобы не попасть на замѣчаніе большевистскаго соглядатая“.

„А кругомъ нихъ и надъ ними вырастаетъ новое офицерство и генералитетъ изъ „фельдфебелей“, рабочихъ и другихъ ставленниковъ большевиковъ, изъ курсантовъ, учениковъ совѣтскихъ школъ, изъ активныхъ перебѣжчиковъ; отравой сказочно-неожиданнаго возвышенія, упоеніемъ подчасъ необузданной власти и соблазнами корысти — они накрѣпко связаны съ совѣтскимъ строемъ“. ¹⁾

Такъ получилось парадоксальное явленіе: длительная сверхсильная война утомила армію; утомленная армія вмѣсто того, чтобы вернуться домой, произвела революцію; революція привела къ разрушенію дома и продолженію войны и тѣмъ настолько оторвала часть арміи отъ мирной жизни, что заново приковала ее къ войнѣ“. ¹⁾

И для того, чтобы удержать армію въ качествѣ столь надежнаго въ своихъ рукахъ орудія, большевистскія власти не щадятъ усилій по упрочненію и увеличенію наемнаго, кадроваго элемента, зная, что перемѣнный составъ не дѣлаетъ войска.

Тѣмъ болѣе удивительны усилія французской демократіи распылить 15.000 офицеровъ, оказавшихся излишними по штатамъ мирнаго времени. Не зная, что съ ними дѣлать, ихъ отпустили сначала въ 2-лѣтніе отпуска въ надеждѣ, что они „устроятся“. Однако эти люди войны почти всѣ предпочли по истеченіи отпусковъ вновь надѣть форму. ²⁾ Казалось-бы слѣдовало использовать этотъ капиталъ народной

¹⁾ „Руль“, 18—1—1921, № 51, „Красноармейскій бунтъ“, Exsul-Viatus.

²⁾ „Le Matin“, 21—1—1921, № 13456, „Comment retenir le nombre des officiers“.

обороны, измѣнивъ штаты. Въдь эти офицеры стоятъ по крайней мѣрѣ 200.000 солдатъ. Но нѣтъ, рѣшено этотъ капиталъ уничтожить такъ или иначе. Конечно, это не будетъ трудно. Трудно было создать эту силу: для этого нужна была война.

Если Красная армія интересна для насъ, какъ войско, построенное на началахъ наемничества для цѣлей наступленія, то Британская армія, организованная на тѣхъ-же принципахъ, обращаетъ на себя вниманіе въ работѣ по оборонѣ „внутренняго“ фронта. Эта работа происходитъ безъ малѣйшихъ недоразумѣній. Британская армія въ Ирландіи сдаетъ великолѣпный экзаменъ незаражаемости. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ данный историческій моментъ она главная и, быть можетъ, единственная опора британскаго могущества. Дѣйствительно, чѣмъ держится это могущество, какъ не выгодною принадлежностію къ огромному и богатому организму? Какая выгода принадлежать къ нему теперь при налогахъ въ 60% и безъ надежды на улучшеніе положенія въ ближайшемъ будущемъ? Пожелаютъ-ли колоніи раздѣлять и далѣе всю безнадежность положенія метрополіи? Захотятъ ли онѣ, какъ это было передъ войной, пойти съ нею на испытанія? Разница обстановки передъ войною и послѣ нея та, что тогда было острое желаніе избавить отъ владычества нѣмецкаго фельдфебеля и все было исполнено лучшихъ надеждъ. Теперь никакой фельдфебель не грозитъ, а надеждъ на лучшее будущее нѣтъ. Австралія, Канада, Новая Зеландія, Южная Африка, Ирландія могутъ существовать сами болѣе безбѣдно, чѣмъ въ союзѣ со своею метрополіею, обремененною войною и долгами во имя негодныхъ „имперіалистическихъ“ стремленій, съ парламентомъ уже безъ прежняго авторитета, съ колеблющимся правительствомъ, съ историческими партіями, создательницами братскаго имперіализма безъ корней въ народныхъ массахъ. Примѣръ Египта у всѣхъ передъ глазами. Онъ ободряетъ надежды и скрытыя желанія колоній. Объ Индіи уже и говорить нечего: здѣсь работаютъ большевики. Вообще для британскихъ колоній, уже во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельныхъ, представляется соблазнительная возможность безъ хлопотъ, цѣною одной ноты, зажить не міровою, а своею провинціальною жизнью, исполненной довольства и спокойствія. Между тѣмъ все населеніе главнаго Британскаго острова состоитъ изъ рабочихъ, которые согласны терпѣть, какъ извѣстно, лишь крайне ничтожное время въ ожиданіи радикальнаго разрѣшенія отъ всѣхъ экономическихъ бѣдъ. Флотъ — тѣ-же рабочіе.

При этихъ условіяхъ въ Англіи совсѣмъ не исключается такое положеніе, при которомъ будетъ достаточно внутренняго толчка для крушенія всего ея могущества. Въ этихъ обстоятельствахъ работа ея наемной арміи въ Ирландіи заслу-

живають дѣйствительно восхищенія, и павшіе воины ея несомнѣнно заслужили честь королевскихъ похоронъ, коими ихъ почтили въ 1921 году въ Лондонѣ. Это только доказываетъ, что англичане сознаютъ подвигъ своей, столь непопулярной передъ войною арміи.

Итакъ, наемники въ Совдепіи, професіоналы постоянной службы въ Германіи, наемники въ Англіи. Всѣ съ успѣхомъ исполняютъ свое назначеніе. Какъ помирить эту дѣйствительность съ господствующей теоріей о солдатѣ — гражданинѣ, безраздѣльно господствовавшей до послѣдняго времени? Не теоріи создаютъ жизнь, а обратно, жизнь создаетъ теоріи. Лишь дѣйствительность даетъ имъ самое право на существованіе. Все равно, какъ въ юриспруденціи: сначала практика, а потомъ уже законъ. На нашихъ глазахъ бурная практика въ Россіи смела безъ остатка столѣтіями слагавшійся законъ, но исторія не знаетъ случая, когда законъ могъ-бы остановить бурную жизнь. Не непониманіе-ли этой истины служить, между прочимъ, причиною неудачъ современной Англіи, гдѣ культъ буквы закона такъ высокъ? Къ сожалѣнію для спокойствія челоуѣчества не жизнь идетъ за законодателемъ, а законодатель гоняется за жизнью. То-же происходитъ и со всевозможными теоріями. Они хороши лишь для популяризаціи уже назрѣвающихъ и существующихъ жизненныхъ явленій, для ихъ объясненій и болѣе энергичнаго проведенія въ практику.

„Я думаю, пишетъ Ле-Бонъ, что только умственная тупость толпы и узость мысли нѣкоторыхъ фанатиковъ могутъ еще оставаться при идеѣ, что важныя соціальныя измѣненія дѣлаются декретами. Единственная полезная роль законодательства давать законную санкцію измѣненіямъ, которыя нравами и мнѣніями окончательно приняты. Они слѣдуютъ за измѣненіями, но не предшествуютъ имъ“¹⁾.

Для военныхъ организаторовъ вопросъ о введеніи наемническаго принципа хотя-бы для части вооруженной силы есть не столько вопросъ военный, сколько политическій, а извѣстно, что въ этихъ вопросахъ нѣтъ болѣе сантиментальныхъ людей, чѣмъ военные. Отказаться отъ солдата-гражданина и перейти къ наймиту — значитъ отказаться отъ тѣхъ чувствъ и представленій, которыя имѣютъ за собою по крайней мѣрѣ столѣтнюю давность. Всѣ нынѣшніе военные выросли въ мысли, что ничего не можетъ быть хуже наемника и ничего нѣтъ лучшаго, какъ солдатъ-гражданинъ. И между тѣмъ современная жизнь начинаетъ все чаще и чаще показывать, что могутъ быть положенія, когда наемникъ бываетъ несравненно лучше солдата-гражданина. Въ первыхъ главахъ этой работы указывалось на совершенно закономѣрное со-

¹⁾ G. Le Bon, „Les Lois psychologiques“, p. 86.

отношеніе между политической и военной конъюнктурой. Форма военной организаціи должна отвѣчать политическимъ заданіямъ. Среди современныхъ едва-ли не важнѣйшая необходимость быть приготовленными къ гражданской борьбѣ, и вотъ для нея-то наемники во много разъ лучше и надежнѣе современныхъ солдатъ-гражданъ, среди которыхъ идеаль отечества начинаетъ стираться идеаломъ интернаціонала.

„Нынѣ... индивидуализмъ и свобода сталкиваются съ милитаризмомъ и этатизмомъ“¹⁾. При этихъ условіяхъ странно составлять войско для борьбы во имя государственности изъ элементовъ, неблагополучныхъ по части „индивидуализма“. А между тѣмъ почти всѣ новыя программы реформированія армій европейскаго материка послѣ войны, если не считать большевистскую и нѣмецкую, покоятся именно на этомъ зыбкомъ основаніи.

Но и при этихъ условіяхъ жизнь ломится въ дверь сама собою, силою вещей. Французы въ своихъ колоніальныхъ начинаніяхъ, равно какъ и въ всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ послѣ войны разсчитываютъ главнымъ образомъ на своихъ „черныхъ“, чуждыхъ пока какихъ-бы то ни было политическихъ антипатій къ „имперіализму“. Съ 25 Мая 1921 года французская армія состояла изъ черныхъ почти наполовину: 219 тысячъ челоуѣкъ изъ 494 тысячъ, причемъ изъ 301 тысячи „боевыхъ“ раіоновъ — $\frac{2}{3}$ черныхъ²⁾. Индійскія войска англичанъ играютъ такую-же роль въ соотвѣтствующихъ начинаніяхъ Великобританіи. И это есть ни что иное, какъ примѣненіе наемническаго принципа: способъ полученія аполитичной вооруженной силы.

Объ этомъ-же принципѣ придется вспомнить, если Лига Націй дѣйствительно когда-нибудь перейдетъ отъ словъ къ дѣлу. „Прежде чѣмъ думать создавать международные законы, нужно было-бы сначала открыть способъ образовывать достаточно сильную жандармерію для того, чтобы заставить ихъ уважать“, пишетъ Ле-Бонъ и добавляетъ: „Такое открытіе, быть можетъ, и не невозможно, но никто его еще не сдѣлалъ“³⁾.

Только наемники могутъ отвѣтить на такую задачу и только они. Ни одна современная армія не пригодна для такихъ предпріятій, какъ укрощеніе Кемала. Греческая армія, которая во время своего нахождения въ Одессѣ и въ Румыніи поражала дисциплинированностью, потеряла эти качества въ международно-полицейскомъ и импералистическомъ предпріятіи въ Малой Азіи, гдѣ подготовился и Константинистскій переворотъ. Разгадка этой загадки—въ свойствахъ современной вооруженной громады, имѣющей свое „общественное мнѣ-

1) G. Le Bon. „Prem. Conséquences“, p. 309.

2) Статья „генераль de-Lacroix“, — „Le Temps“, 8-I-1921, № 21708.

3) G. Le Bon. „Prem. Conséquences“, p. 323.

ніе“, которое не выражается гласно, но которое существует и раздражается неожиданными взрывами. И это общественное мнѣніе — ни что иное, какъ мнѣніе народной массы, нераздѣльную часть которой составляютъ нынѣшнія полчища.

Единственное государство, гдѣ не изжиты еще имперіалистическія стремленія,—это Японія, и поэтому въ ней имѣеть право на законное и безбѣдное существованіе нынѣшняя система вооруженной силы въ ея чистомъ видѣ. Тутъ армія не откажетъ никогда правительству ни при какихъ его начинаніяхъ.

Всѣ прочія арміи, чтобы сдѣлаться столь-же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ государственной власти, должны реформироваться въ сторону профессиональности, т. е., наемничества. Какъ это удобнѣе всего осуществить, объ этомъ будетъ сказано впереди. Пока-же можно вновь повторить, что текуція событія и сама жизнь уже даютъ намъ для этого образцы. Необходимо ихъ схватить, что называется, на лету и энергично, пока не поздно, осуществить.

Чтобы на это рѣшиться, придется совершить великій подвигъ: отказаться отъ предрасудка, имѣющаго столѣтнюю давность, о полной непригодности наемнаго солдата. Забываютъ при этомъ, что солдату-гражданину всего сто лѣтъ, тогда какъ солдату профессионалу-наемнику многія столѣтія. Онъ создатель величія Рима, онъ-же творецъ и британскаго могущества. Не прусскій гражданинъ служилъ Фридриху Великому въ его трудахъ по закладкѣ величія и могущества королевства Прусскаго, а наемникъ, часто международный авантюристъ, боявшійся палки своего капрала больше, чѣмъ пули. Фридрихъ Великій сознательно ковалъ себѣ свое послушное воинство, готовое вмѣстѣ со своимъ вождемъ, въ качествѣ его слѣплого орудія, далеко опередить жившее тогда поколѣніе прусскихъ гражданъ. Ленинъ теперь дѣлаетъ то-же самое со своею Красною арміей. Человѣкъ „безъ предрасудковъ“ въ этомъ отношеніи, „безъ школы“, а, слѣдовательно, безъ „рутины“, онъ имѣеть въ этомъ отношеніи большое преимущество передъ своими противниками.

„Корреспонденты итальянскихъ газетъ пишутъ, что, когда новость о событіяхъ въ Аѳинахъ дошла до греческой арміи въ Малой Азіи, солдаты сдѣлали большую демонстрацію съ криками: „да здравствуетъ нашъ король Константинъ!“ Среди офицеровъ произошло нѣкоторое возбужденіе, но они кончили тѣмъ, что присоединились къ этимъ крикамъ. Единственный полковникъ, объявившій себя за Венизелоса, угрожаемый солдатами, долженъ былъ съѣсть въ поѣздѣ, чтобы покинуть фронты и вернуться въ Смирну“. ¹⁾ Это не солда-

¹⁾ Radio de Rome, 13—I—1921.

ты-граждане привѣтствовали короля, а граждане, не желающіе быть солдатами.

Такое положеніе лишь краснорѣчивое подтвержденіе того, что сказано выше о шаткихъ чувствахъ нынѣшнихъ полчищъ. И это въ порядкѣ вещей въ нашъ демократическій вѣкъ.

И здѣсь, какъ и въ другихъ приведенныхъ примѣрахъ, въ войскахъ нашло свое отраженіе „общественное мнѣніе“; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны оно рѣшительно противъ нея, хотя-бы она преслѣдовала наиболѣе жизненныя цѣли, связанныя съ будущимъ страны. Въ данномъ случаѣ Венизелосъ палъ жертвою своего провидѣнія, превышающаго политическій горизонтъ его сородичей, а также и того рокового обстоятельства, что для достиженія имъ своихъ патріотическихъ цѣлей ему не хватало такого нейтральнаго аппарата для веденія войны, какой, на примѣръ, былъ у Фридриха Великаго и какой готовить себѣ Ленинъ въ видѣ усовершенствованной Красной арміи. Вообще съ военной точки зрѣнія демократизмъ интересенъ въ особенности по тому отраженію, которое онъ производитъ въ отношеніяхъ между массою и вождемъ. Если вождь важень въ политикѣ, такъ какъ уже давно извѣстно, что все лучшее въ этой области сдѣлано талантомъ отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей, то въ войскахъ вождь и его воля это все. Есть воля вождя въ наличіи, имѣется и армія, нѣтъ ея, нѣтъ и войска: оно обращается сначала въ „полчище“, а потомъ и въ „орду“.

Армія изъ солдатъ-гражданъ, набранныхъ по общей воинской повинности, — это учрежденіе по существу своему демократическое. Она можетъ существовать только въ странѣ съ демократическимъ устройствомъ. Только въ странѣ съ развитою и организованною общественностью это войско способно пережить всѣ тягости военного времени, не рискуя собственнымъ разваломъ еще до достиженія цѣли. Именно поэтому, между прочимъ, разсыпалась и русская армія и именно по этой причинѣ оказалась столь жизненной французская, поставившая въ ружье 25% населенія, тогда какъ русская мобилизовала едва 8%. Демократическая армія иногда сдаетъ прежде времени, какъ въ приведенномъ греческомъ примѣрѣ и сдаетъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, но она и поддержку свою духовную получаетъ также съ тыла, отъ того же общественнаго мнѣнія. Безъ этой поддержки она сражаться не можетъ.

Одинъ русскій генералъ, весьма неглупый, съ брезгливостью допрашивалъ всѣхъ: „Скажите, что значитъ выраженіе-общественное мнѣніе“? Этотъ генералъ не былъ на фронтѣ. Тогда другой тоже русскій генералъ, отбывшій на фронтъ всю войну и смуту, отвѣтилъ ему: „Это то, чего не хватало русской арміи для побѣды“. И дѣйствительно, духъ

современной, вооруженной громады куется общественным давлѣніемъ съ тылу: въ парламентахъ, въ печати, въ общественныхъ организаціяхъ, въ учебныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ, въ литературѣ, въ семьѣ. Все это неисповѣдимыми путями передается въ войска на фронтѣ. Вотъ почему неизяснимо велика заслуга такихъ кузнецовъ общественнаго мнѣнія во время войны, какъ Клемансо съ его борьбою съ пораженцами, и на вѣки проклята работа русскаго Штюрмера, о которомъ Людендорфъ, говоря о событіяхъ 1916 года, пишетъ въ своихъ запискахъ: „Штюрмеръ . . . былъ уже давно предсѣдателемъ совѣта. Начали говорить о возможности заключить миръ, использовавъ сотрудничество ¹⁾ послѣдняго“. ²⁾ Въ одномъ случаѣ — огненная энергія для установленія сотрудничества общественнаго мнѣнія съ арміей, въ другомъ — намѣчающееся сотрудничество съ противникомъ, при чемъ несомнѣнно отношеніе Штюрмера къ общественному мнѣнію было аналогично съ приведеннымъ взглядомъ одного русскаго генерала.

Въ Россіи общественное мнѣніе во время войны не пользовалось почетомъ и въ то-же время хотѣли использовать огромный армейскій аппаратъ, вся моральная сила котораго зиждилась на этомъ самомъ мнѣніи. Презирать эту силу отнюдь не значитъ ее упразднить. Она, конечно, существовала, жила своею жизнью, независимо отъ правящихъ круговъ, съ ними зачастую расходилась, хотя упорно и добивалась сотрудничества, пока, наконецъ, не разошлась совсѣмъ. И такъ какъ общественное мнѣніе ищетъ вождей, и такъ какъ правительственные вожди въ своемъ ослѣпленіи его упорно чуждались, оно нашло своихъ вождей, увлеченныхъ взрывомъ революціи и вскорѣ также снесенныхъ волною безпредѣльнаго народнаго гнѣва. Правильно сказалъ одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ вождей того времени: „Вы думаете, что это мы сдѣлали революцію. Это она насъ сдѣлала“. Точнѣе говоря „оно“, общественное мнѣніе, руководящая сила демократическаго строя.

Она, какъ и всякая сила въ рукахъ истинно-демократическихъ вождей, можетъ быть канализована и направлена на полезную работу, какъ это случилось во Франціи во время войны, и можетъ быть заброшена въ анархическомъ состояніи какъ въ Россіи, и тогда, прорвавшись наружу, она произведетъ только разрушеніе. Это своего рода „бѣлый уголь“ психологіи народныхъ массъ. Онъ любитъ опытныхъ кочегаровъ. Такимъ именно кочегаромъ и былъ Клемансо. Онъ дѣлалъ для фронта ту работу, отсутствіе которой въ тылу нечѣмъ замѣнить на фронтѣ. Не во власти военныхъ

¹⁾ Курсивъ нашъ. А. Г.

²⁾ Erich Ludendorff. „Souvenirs“ 1914 — 1918*, v. I, p. 437.

вождей, будь они недюжинныхъ ораторскихъ дарованій, восполнить этотъ пробѣлъ непосредственнымъ вліяніемъ на солдатскую массу. Эта масса духовно питается съ тылу. Послѣ революціоннаго переворота въ Россіи многіе вожди русской арміи пытались такою именно словесною пропагандою удержатъ отъ развала ввѣренныя имъ войска. Многіе изъ нихъ обнаружили при этомъ дѣйствительно рѣдкія дарованія живого слова. Многіе ворочали комитетамъ, какъ хотѣли. Но всѣ эти усилія выразились лишь въ болѣе позднемъ развалѣ ихъ частей. И объясняется это очень просто: надо было работать не на фронтѣ, а въ тылу. Надо было вліять на общественное мнѣніе и общественныя силы страны, а не на армію, которую вмѣсто втягиванія ея такимъ способомъ въ политику, слѣдовало оберечь отъ нея, насколько возможно.

Дѣло Керенскаго, который тогда былъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, если-бы онъ былъ на мѣстѣ, подобно Клемансо, и понималъ бы положеніе, заключалось не въ скачкѣ по фронту съ митинговыми, истеричными рѣчами подъ такіе-же истеричные крики, а нерѣдко и подъ дружный свистъ солдатской толпы, а въ работѣ въ тылу, во вліяніи на общественное мнѣніе страны. Послѣднее само передалось-бы въ армію. Недостатокъ вліянія политическаго вождя въ тылу не можетъ быть возмѣщенъ вліяніемъ въ арміи, такъ какъ и страна, и ея полчища одно и то-же.

Вся эта напряженная, но невѣрная работа Керенскаго, призывавшаго свои полчища на наступленіе, окончилась, какъ извѣстно, Тарнопольскимъ скандаломъ, бѣгствомъ превосходныхъ силъ передъ малочисленнымъ противникомъ.

Штурмеръ былъ противникомъ обществённости. Керенскій былъ выдвинутъ ею, но оба были замѣчательны непониманіемъ ея общественныхъ силъ, во главѣ которыхъ волею судебъ стояли. Поэтому оба они работали разными, противоположными путями, но въ одномъ направленіи. Между ними сходства, какъ это ни странно, гораздо болѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Слепота и непониманіе были общими и результатъ тоже — развалъ силъ Россіи.

Итакъ, передъ нами три вождя: Штурмеръ, Керенскій и Венизелось. Скажутъ послѣдній не можетъ итти въ тройку съ двумя первыми, онъ — знатокъ народной массы, онъ умѣлъ ею владѣть, онъ ее двигалъ на подвиги. И между тѣмъ онъ, какъ и Керенскій, не зналъ, что можно потребовать отъ современной арміи и чего нельзя. Онъ не зналъ, что нынѣшнія полчища совсѣмъ не послушное орудіе въ рукахъ своихъ начальниковъ, а послушное лишь условно, пока вожди творятъ волю массы. Въ этомъ отношеніи теперешнія войска, какъ и во всѣхъ прочихъ, раздѣляютъ психологію демократической громады.

„Чѣмъ болѣе распространяется и крѣпнеть демократическій духъ на основѣ возрастающаго умственнаго развитія массъ, чѣмъ болѣе многочисленны эти круги, тѣмъ сильнѣе ихъ критическое отношеніе къ всякому авторитету, тѣмъ менѣе общимъ признаніемъ пользуется даже крупная личность съ несомнѣнными заслугами“. На нашихъ глазахъ произошло крушеніе популярности лицъ даже такого высокаго достоинства, какъ Клемансо и Венизелось; Вильсонъ изъ распорядителя судьбами міра превратился въ очень непопулярнаго простаго гражданина родной страны; даже маршалъ Фошъ не избѣгъ шокирующаго прикосновенія части печати. Конечно, это тяжело для людей такого высокаго идеала и такой чистой репутаціи. Но будемъ-ли роптать на это? Развѣ лучше, когда авторитетъ переживаетъ себя и безвозбранно, какъ въ Россіи генераль М. И. Драгомировъ, не приноситъ въ теченіе десятилѣтій ничего, кромѣ вреда? „Демократія довѣряетъ своимъ вождямъ, но не довѣряетъ имъ слѣпо“, что было при почитаніи „героевъ“ прежде.

Оно сохранилось лишь въ Японіи въ явномъ противорѣчьи съ демократизмомъ. Прежде и еще недавно оно было и въ Россіи. „Бисмаркъ понималъ это; главное достоинство русскихъ, говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, что ими легко управлять. Въ этомъ замѣчаніи выражается мысль о русскомъ обществѣ, какъ о средѣ мертвой, неподвижной, гдѣ легко укрѣпляется слѣпая вѣра въ авторитетъ“. ¹⁾

Теперь это безвозвратно миновало. И для русскаго авторитета нужна демократическая организація выраженія общественнаго мнѣнія. Вождь только тотъ, кто владѣетъ этой организаціей и умѣетъ ее отправить на дѣйствіе во имя любезной ему идеи. Но это политика, которой не должно быть мѣста въ арміи. А между тѣмъ современныя полчища очень и очень къ ней склонны вслѣдствіе своего внутренняго устройства. Слѣдовательно, чтобы этого избѣжать исходъ одинъ — измѣнить организацію войскъ.

Вліяніе демократической системы на армію не ограничивается вышесказаннымъ. Необходимо указать еще на демагогію. Что касается русской арміи, то въ ея предѣлахъ эта черточка начала наблюдаться задолго до войны. Приказы М. Драгомирова, касающіеся отношеній офицеровъ и солдатъ, носили всѣ отличительныя особенности самой вредной демагогіи, рассчитанной на впечатлѣніе въ солдатской массѣ. И они дѣйствительно производили свое развращающее вліяніе. Авторъ ихъ, конечно, былъ далекъ отъ мысли, что онъ своими словами рубилъ дерево морали арміи подъ самый корень. Обратнo, онъ былъ увѣренъ въ противоположномъ дѣйствіи его хлесткихъ приказовъ. И у него, какъ у чело-

¹⁾ Проф. А. А. Исаевъ. „Вопросы социологіи“, стр. 133.

вѣка талантливаго и, при томъ, активнаго, конечно, нашлись подражатели и не талантливые, и иной разъ просто неумные, которые перещеголяли своего учителя въ грубостяхъ по адресу офицера. Чему-же удивляться въ періодъ революціи, когда офицеръ сдѣлался мишенью для оскорбленій, если его старшіе товарищи по арміи не щадили еще въ мирное время? Создалась особая школа хамства въ обращеніи съ офицеромъ. Послѣ революціи демагогическіе способы вліянія на массу расцвѣли, какъ никогда. Многіе начальники были грѣшны въ этомъ. Въ итогъ они могли-бы быть лучшими свидѣтелями, что эти способы, негодные нигдѣ, лишь губительны и для дѣла, и для самихъ демагоговъ. Это вѣрнѣйшій способъ разложить войска въ кратчайшій срокъ.

Но всѣ эти попытки слабыхъ военныхъ начальниковъ есть ни что иное, какъ неудачныя старанія найти новые способы воздѣйствія упадающей власти на солдатскія массы. Какъ и въ политической области, такъ и въ военной личное обаяніе вождя пало. Вѣрнѣе говоря, его труднѣе получить и еще труднѣе удержать. Массы оказались неблагодарны. И какъ прежде въ малыхъ арміяхъ, состоявшихъ изъ профессионаловъ-наемниковъ, вождь былъ все, такъ въ нынѣшнихъ полчищахъ онъ окончательно потерялъ самодовлѣющее значеніе. Онъ нынѣ лишь часть и выразитель системы. Вліяніе его также обуславливается его принадлежностью системѣ. Разрывъ съ нею или уклоненіе отъ нея — значитъ и гибель его авторитета. Только такимъ положеніемъ дѣла объясняются варварскія убійства такихъ вождей русской арміи, какъ Рузскій, Радко-Дмитріевъ, гр. Келлеръ и масса другихъ, а также потеря авторитета М. В. Алексѣевымъ, Калединымъ, Лещицкимъ и такимъ героемъ любви къ своей родинѣ, какъ Корниловъ. Таковъ роковой законъ демократизма.

Что нынѣшнія арміи по своей организациіи уже многіе десятки лѣтъ представляютъ собою демократическія образованія, построенныя на принципахъ равенства передъ закономъ и на службѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ сословныхъ перегородокъ, это является избитой истиной даже для такихъ армій, какъ германская. Сама численность полчищъ вызывала уравненіе. Невозможно было-бы даже и думать обезпечить современную армію офицерскимъ составомъ, преслѣдуя какія-то перегородки. Добиваться въ наше время какой-то демократизациі офицерскаго состава — это значитъ ломиться въ открытую дверь. Керенскій силился было что-то придумать для этого, но ни до чего путнаго не додумался и ограничился лишь приказомъ объ обязательности для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній самимъ подметать полы своихъ помещенийъ.

Къ сожалѣнію, этотъ, какъ и всѣ приведенные примѣры демократической работы въ Русской арміи, сводился къ популярничанью и демагогіи, что, въ сущности, одно и то-же.

Тѣмъ болѣе полезно посмотрѣть настоящую демократическую дѣятельность, направленную на пользу арміи. Этотъ образецъ намъ даетъ Франція. Во Франціи, какъ и вездѣ, въ началѣ войны, въ управленіи страны былъ введенъ автократическій режимъ. Вскорѣ однако тамъ отдали себѣ отчетъ въ томъ, что автократическая воля при всѣхъ ея, даже иной разъ выдающихся дарованіяхъ не въ силахъ использовать всѣ полезныя силы страны и еще менѣе — обезвредить губительныя вліянія. Почувствовалось, что ея, даже творческая иной разъ, фантазія оказывалась недостаточной для конденсирования всѣхъ силъ страны во всемъ ихъ разнообразіи. Наконецъ, было создано, что эта автократическая воля не справляется съ задачею необходимаго контроля. Талантливые люди французскаго правительства признали тотъ фактъ, что насколько нужно и необходимо умѣнье и искусство одареннаго человѣка использовать и направить производительныя силы страны, настолько-же обязательна въ предѣлахъ допустимаго извѣстная свобода выраженія послѣднихъ, ихъ самодѣятельность, безъ чего не можетъ быть работы отъ сердца, работы творческой. По справедливому мнѣнію Ле-Бона эта особенность современнаго демократическаго общества имѣетъ силу естественнаго закона. „Одинъ изъ величайшихъ уроковъ войны будетъ несомнѣнно тотъ, что онъ научилъ народы и ихъ вождей, если не въ окончательной формѣ, то по крайней мѣрѣ надолго, что извѣстные естественные законы господствуютъ надъ волею даже болѣе могущественныхъ деспотовъ“¹⁾.

Нужно-ли приводить примѣры глубокой вѣрности этихъ словъ, написанныхъ еще до всѣмъ извѣстныхъ катастрофъ единоличной воли въ ея неразумномъ отрицаніи коллективной воли демократическаго общества? Эти примѣры у всѣхъ передъ глазами. Ихъ драматизмъ усиливаетъ звукъ этихъ пророческихъ словъ до густыхъ раскатовъ тревожнаго набата. Имѣющіе уши да слышать!

Во Франціи этого набата не понадобилось. Тамъ нашлись люди предвидѣнія и чистой совѣсти, чтобы предупредить иначе неизбѣжную драму. Они поняли во время, что автократическая власть, необходимая въ началѣ войны во имя молниеноснаго, если можемъ такъ выразиться, объединенія силъ и воли страны, а также для устраненія злой воли общества, съ теченіемъ времени сама и помимо своего желанія, выродилась въ злую волю, мѣшавшую оборонѣ. Вслѣдствіе этого и свобода, и энергія выявленія общественныхъ силъ пала.

Этому сознанію, конечно, предшествовалъ критическій періодъ борьбы. Нужно было время для торжества этой идеи. „Эта общая неспособность понять силу естественныхъ зако-

¹⁾ G. Le Bon. „Premières Conséquences“, p. 97.

новъ кроется несомнѣнно въ томъ, что они воздѣйствуютъ только черезъ извѣстный промежутокъ времени, тогда какъ диктаторскія мѣропріятія даютъ представленіе о немедленномъ эффектѣ. Видимое близкое заслоняетъ невидимое отдаленное, но неминуемое¹⁾. Этотъ оптический обманъ былъ настолько силенъ, что общественное мнѣніе покорно примирялось даже съ безпорядками, даже съ злоупотребленіями, какъ съ неизбежнымъ слѣдствіемъ войны.

„Однако кончилось тѣмъ, что уткнулись въ ту точку, что автократическое правительство должно эволюировать и подчиниться парламентскимъ собраніямъ, столь долго избѣгаемымъ“.

Если судить по русскому примѣру, такая мѣра рисовалась крайне рискованной, такъ какъ должна была привести къ безконечной болтовнѣ и къ парализованію воли власти. Однако въ странѣ съ настоящей демократіей, т. е., такой, которая привыкла и умѣетъ работать и говорить такъ и ровно столько, сколько это нужно для дѣла, результаты получились блестящіе.

Интересно, поэтому прослѣдить самый процессъ эволюціи, такъ какъ намъ важнѣе знать не результаты, а способы, которыми они были достигнуты.

„Автократизмъ правительства кончилъ тѣмъ, что сдѣлался, въ особенности вслѣдствіе пріемовъ, которыми онъ осуществлялся подчиненными агентами, слишкомъ утѣснительнымъ, чтобы продолжаться.

Онъ не продолжился въ дѣйствительности и оказался смягченнымъ двумя разными пріемами.

Первымъ было вмѣшательство парламентскихъ комиссій. Вторымъ — замѣна настоящаго Совѣта Десяти, который образовали министры, новымъ министерствомъ, число членовъ коего было удвоено и заключало представителей всѣхъ партій отъ крайней лѣвой до крайней правой.

Между ними фигурировали прежніе предсѣдатели совѣта со всѣмъ своимъ престижемъ. Это созданіе, основанное на достаточно вѣрной психологіи, было личнымъ твореніемъ А. Бриана.

Въ новой фазѣ, куда вступило правительство, парламентскія комиссіи сыграли важную роль. Ихъ вліяніе уже сказывалось, но оно оставалось минимальнымъ до той поры, пока ихъ требованія не могли быть представлены передъ Палатами, т. е., передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нужно отдать справедливость Парламенту, что во время войны, за рѣдкими исключеніями, его позиція была великолѣпна и его дѣйствіе весьма полезно. Эта отличная позиція сильно поразила иностранцевъ.

---

¹⁾ Ibid, стр. 97.

Если вспомнить, что представляет собою настоящая Палата, писалъ „Journal de Genève“ 27 марта 1915 г., достигнутое ею кажется настоящимъ чудомъ. — Она родилась среди возбужденныхъ интригъ партій, въ часъ наихудшихъ внутреннихъ раздоровъ, которые только знавала третья республика. Она составилась изъ специалистовъ выборной борьбы, профессиональныхъ людей партій. Каждый имѣлъ ярлыкъ своей партіи. Многие были выбраны только за этотъ ярлыкъ. Палата 1914 г. показала себя какъ сборище, раздраемое ненавистью партій и личными счетами. Первые мѣсяцы ея существованія были отчаянные... Но вотъ сознание исторической необходимости и національное чувство, пробужденное опасностью, внушило ей единодушіе, единство, какого не обнаружила ни одна изъ ея предшественницъ, и потому вдвойнѣ поразительное, что рѣчь идетъ именно о ней. Пронесся категорическій императивъ Франціи“.) Такова сила и организациія общественнаго мнѣнія демократически-современной страны, лучшее наглядное поясненіе для того русскаго саркастическаго генерала, который недоумѣвалъ о томъ, что есть истина. . . то, бишь, общественное мнѣніе и, не заботясь объ отвѣтѣ, умывалъ себѣ руки, какъ Пилать.

„Парламентъ не ограничился пассивной ролью. При посредствѣ важныхъ комиссій онъ выполнилъ. . . очень полезную работу и смягчилъ автократизмъ правительства. Именно эти комиссіи сумѣли, на примѣръ, побѣдить рутину директоровъ артиллерійскаго департамента, упрявившагося въ отказѣ строить тяжелыя орудія и увеличивать производство снарядовъ вслѣдствіе убѣжденія, что война не можетъ долго продолжаться.

Такъ какъ печать была приведена къ молчанію цензурою, парламентскія комиссіи сдѣлались во время войны единственными возбудителями правительства. Благодаря имъ былъ пролитъ свѣтъ на невѣроятность нѣкоторыхъ сдѣлокъ . . ., на небрежность канцелярій, на несовершенство. . . оборудованій, на рутину въ администраціи, обязанную своимъ существованіемъ отсутствію ответственности и т. под.

Опытъ подтвердилъ, что многие изъ . . . службъ требовали очень внимательнаго присмотра. На примѣръ, несмотря на повторныя подтвержденія нѣкоторыхъ штабовъ, цѣлые полки, вслѣдствіе небрежности интендантства, были лишены теплой одежды въ декабрѣ 1915 г., тогда какъ магазины были полны ею. Чтобы обнаружить истину, члены одной парламентской комиссіи должны были отправиться лично на разные участки фронта, чтобы увидѣть, были-ли розданы или нѣтъ вещи. Оказалось, что нѣтъ. Результатомъ этого разслѣдованія былъ запросъ, который повлекъ отозваніе нѣ-

1) G. Le Bon. „Prem. Conséquences“, p. 98.

сколькихъ интендантовъ. Солдаты вслѣдствіе этого получили тогда одежду, которую безъ комиссіи они ожидали-бы еще долго.

Приведенные примѣры, къ которымъ легко можно было-бы прибавить много другихъ, показываютъ, что парламентскій режимъ, какъ-бы онъ жалокъ ни былъ, — необходимый коррективъ къ автократическому режиму, каковы-бы ни были обстоятельства, которыя его вызвали¹⁾

Этотъ анализъ полезно пояснить посмертными словами государственнаго и боеваго практика, видѣвшаго и дѣлавшаго войну и сверху, и съ низу. Онъ пишетъ: „Все мое поведеніе на войнѣ опредѣляется слѣдующимъ двойнымъ зрѣлищемъ: въ окопахъ — бесполезныя жертвы, въ Парижѣ — нѣтъ правительства.“²⁾ По его компетентному сужденію „удаленіе высшаго командованія отъ парламента и робость парламента передъ высшимъ командованіемъ (во время двухъ первыхъ лѣтъ войны) стоили „Франціи“ 300—400 тысячъ лишнихъ жертвъ и болѣе длительной кампаніи“.³⁾

Какъ это случилось, лучше всего пояснить его-же словами, которыя всякій непредубѣжденный участникъ войны съ настоящимъ боевымъ опытомъ можетъ принять какъ свои собственныя.

„Когда въ началѣ 1915 г., покинувъ свое пѣхотное отдѣленіе, я сѣлъ у зеленаго стола совѣта министровъ, власть не существовала. 4 августа 1914 г. я покинулъ правительство; шесть мѣсяцевъ спустя я нашель кабинетъ желаній невѣжественныхъ въ войнѣ, въ ея нуждахъ, ничего не знающій о нашихъ бесполезныхъ жертвахъ. Освѣдомить это правительство, такъ какъ я былъ его членомъ, быть (помимо его желанія) его комиссаромъ въ арміи, была миссія, которую я самъ себѣ начерталь. . . Съ паденіемъ кабинета Вивіани я вошелъ въ комиссію по дѣламъ арміи. Разслѣдованія этой комиссіи до ноября 1915 г. никогда не проникали въ армейскую зону. Я помню ослобненіе членовъ комиссіи, когда въ концѣ одного засѣданія, во время котораго я доложилъ пробѣлы организаціи нашей обороны и наступленій, полковникъ Дріанъ меня поддержаль своими мужественными словами, вѣщими по отношенію къ драмѣ Вердена: — „Въ началѣ военныхъ дѣйствій я былъ далекъ отъ того, чтобы сочувствовать вмѣшательству Парламента въ дѣла войны, но нынѣ я поняль, что Парламентъ и контроль комиссіи имѣли серьезное значеніе и помогли достигъ большихъ успѣховъ; я

¹⁾ Ibid, 98—100.

²⁾ Ibid, p. 100.

³⁾ Abel Ferry. „La Guerre vue d'en bas et vue d'en haut“ („Le Matin“, II - VI - 1920, № 13232).

это признаю и не скрываю, я, который не хотѣлъ на время войны ничего иного, какъ единого управленія, управленія главнокомандующаго. Организациія обороны нашихъ линій не обезпечена на многихъ пунктахъ. Я прошу, чтобы делегациія комиссіи по дѣламъ арміи отправилась-бы на мѣстности между Люневилемъ и Нанси, потому что, судя по сказанному мнѣ, этотъ раіонъ на милости внезапной атаки нѣмцевъ. Необходимо туда отправиться и посмотрѣть. Чего я не понялъ-бы три мѣсяца тому назадъ, я понялъ теперь“. ¹⁾

Настоянія комиссіи по дѣламъ арміи родились съ этого засѣданія, но она получила право контроля надъ арміями только . . . въ іюлѣ 1916 г., послѣ двухъ лѣтъ войны и послѣ, слѣдовательно, Верденскаго кризиса, предсказаннаго словами полковника Дріана.

„Клемансо употребилъ первый свое правительственное воздѣйствіе и использовалъ въ арміяхъ парламентскій контроль. Этотъ способъ не былъ бесполезенъ для окончательной побѣды. Въ продолженіе 1916 г. оппозиціія кабинета Бріана навалилась на вопросы высшаго командованія и пополненій. Оппозиціія молодая, дѣятельная, воодушевленная, составленная почти полностью изъ депутатовъ-офицеровъ резерва, образовавшаяся изъ людей всѣхъ партій, мало по малу внушила правительству и, черезъ него, высшему командованію взгляды офицерства арміи. Эти усилія обновили веденіе войны.“ ²⁾ И неудивительно, такъ какъ съ влітіемъ этихъ взглядовъ въ правящія сферы, въ нихъ вливался двухлѣтній кровавый опытъ интеллигентныхъ людей, могущихъ разобраться въ происходящемъ вокругъ нихъ.

Послѣдствія не замедлили сказаться. „Началась экономія людей, когда событія дали къ тому слишкомъ много основаній“. Это та экономія, до которой, напримѣръ, въ Россіи никогда не додумались, экономія, необходимая для предотвращенія саморазложенія арміи. Однако и во Франціи отмѣчаются недочеты, корни которыхъ въ органическомъ предубѣжденіи людей усвоенной военной доктрины противъ дѣйствительности. „Поражаешься, когда узнаешь, до какой степени Главная Квартира не сознавала природу боя, могущество огня пулеметовъ и пѣхоты, силу проволочнаго загражденія, необходимость тяжелой артиллеріи. Программы для скорострѣльной тяжелой артиллеріи, необходимой, незамѣнимой для прорыва фронта, даже частичнаго, были изданы главной квартирой только черезъ двадцать два мѣсяца войны, 30 мая 1916 г.! . . .

Парламентскія комиссіи упреждали военную политику правительства. Послѣднее, вообще говоря, слѣдовало за ними,

---

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

но съ восемнадцати мѣсячнымъ запозданіемъ . . . зачастую слишкомъ поздно, увы!“¹⁾

Воздавая должное блестящему по своей интеллигенціи корпусу офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, этотъ вѣщій голосъ съ того свѣта продолжаетъ о нихъ: „Вообще удаляясь отъ режима, котораго они видѣли пороки и не знали силы, офицеры генеральнаго штаба были специалистами Наполеоновской войны; они не вѣдали роли силъ экономическихъ, промышленныхъ и политическихъ, они не были специалистами войны національной и новѣйшей.“²⁾

Какъ-бы то ни было, усиліями организованной французской демократіи, настроенной патріотически и умѣющей не только болтать, но и дѣло дѣлать, кооперація общественныхъ силъ и командованія была налажена во имя спасенія Франціи. И долгъ справедливости требуетъ сказать, что безъ этой заслуги демократіи не было-бы побѣды.

Сознавалась необходимость такой постановки дѣла, сочетанія здоровой критики и исполненія и въ Россіи. „Жертва измѣны отовсюду, обманываемый своими совѣтниками, видя свои арміи безпрестанно побиваемыми, не зная, къ кому обратиться, Царь рѣшился созвать Думу. Хотя лишь тѣмъ Парламента, она быстро разоблачила измѣну и злоупотребленія, которыя подвели Россію къ самому краю пропасти. Военный министръ заключенъ въ тюрьму, одинъ изъ его протеже, который продавалъ всѣ планы генеральнаго штаба противнику, повѣшенъ, другіе осуждены на каторжныя работы. Хищенія были остановлены, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, и снабженіе боевыми припасами достигнуто.“³⁾ Но идти далѣе по тому-же пути помѣшали, конечно, тѣ люди, которые слишкомъ рисковали отъ наличія контроля“. „Разоблаченные скандалы были такъ, къ тому-же, велики, что предпочли распустить Думу, чтобы не слишкомъ пугать общественное мнѣніе.“³⁾ И это было начало революціи и поводъ для нея.

Послѣ нея русскіе парламентаріи не только вошли въ ближайшее общеніе съ арміей, но, можно сказать, ринулись на это сближеніе. Но какъ! Вотъ вопросъ, на которой лучше всего отвѣтить примѣрами изъ были.

Въ началѣ марта 1917 г. на ст. Замирье, близъ Несвижа, стоянки штаба 2-ой арміи, пріѣхалъ одинъ изъ видныхъ членовъ временнаго правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ, вполнѣдствіи Туркестанскій генераль-губернаторъ, Н. Н. Щепкинъ и собралъ митингъ изъ толпы солдатъ, болтавшихся на этой тыловой станціи: это были разныя рабочія команды,

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ G. Le Bon. „Prem. Conséquences“, p. 101.

люди тыловыхъ службъ, интендантскіе сторожа и солдаты, самовольно отлучившіеся съ позицій. Среди такой аудиторіи Н. Н. Щепкинъ, въ своей наивности, позволилъ себѣ высказать увѣренность, что съ пришествіемъ свободъ революціи, старая дисциплина въ арміи, „которою злоупотребляли“, также найдеть свой конецъ. Ничто не произвело такого радостнаго впечатлѣнія на собравшуюся толпу настоящихъ или будущихъ дезертировъ, какъ эти именно слова думца.

Не взирая на такую преступную демагогію, Щепкинъ, замаскированный почему-то купчикомъ, въ поддевки и въ сапогахъ бутылками, былъ въ послѣдствіи едва не избитъ солдатами на фронтѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ прервалъ митинговыя упражненія наивнаго парламентарія криками: „братцы, не слушайте его, это переодѣтый провокаторъ“. Въ послѣдствіи Щепкинъ жизнью своею заплатилъ за свои демагогическія, безумныя шутки въ Туркестанѣ. Съ толпою шутки плохи!

Такъ-же и за то-же сенатору по назначенію временнаго правительства Соколову окружавшая оратора толпа солдатъ 10 арміи съ такою силою нахлобучила на голову стальной шлемъ, что „ораторъ“, по солдатской терминологіи, повалился, какъ подкошенный и только случайно остался живъ.

О свисткахъ по адресу Керенскаго уже упоминалось, хотя въ свое время о нихъ старательно замалчивалось при помощи и любезномъ содѣйствіи цензуры.

А между тѣмъ въ предупреждающихъ голосахъ, и голосахъ авторитетныхъ, въ Россіи недостатка не было. На циркулярный запросъ военнаго министра начала революціи, можно-ли ввести политику въ армію, всѣ честные начальники отвѣтили категорическимъ и доказательнымъ „нѣтъ“. Не смотря на это, А. И. Гучковъ послушался совѣтовъ тѣхъ изъ генераловъ, которые ему отвѣтили дифирамбами его идеѣ. Одинъ изъ такихъ, начальникъ только что сформированной и скорѣе другихъ развалившейся дивизіи, генераль Ставровъ, писалъ о политикѣ въ арміи настолько восторженно, что его мнѣніе лучше всего было-бы изложить стихами. Къ сожалѣнію генераль стихомъ не владѣлъ.

Одинъ изъ начальниковъ штабовъ армій, вызванный въ половинѣ марта 1917 г. въ Петроградъ для инструктированія военнымъ министромъ, былъ приглашенъ, очевидно, для поученія, на засѣданіе думскаго комитета съ участіемъ генеральнаго штаба въ домѣ министра на Мойкѣ. Предсѣдательствовалъ никогда ничѣмъ не командовавшей, пресловутый генераль Поливановъ; среди присутствовавшихъ были: Л. Г. Корниловъ, уѣхавшій вначалѣ М. В. Родзянко, Шингаревъ, Масленниковъ и др.

Говорилась такая чушь о мѣрахъ необходимой демагогической пропаганды въ арміи, что свѣжій человекъ съ фронта, не зная хорошенько, располагалъ-ли онъ въ этомъ засѣ-

даніи правомъ голоса, рѣшили протестовать и въ выраженіяхъ, быть можетъ, нѣсколько горячихъ и негодующихъ, старался объяснить святымъ людямъ, что армія—это къ счастью еще не гарнизонъ Петроградскихъ бандъ, который, очевидно, держитъ въ рукахъ присутствующихъ, что армія еще прочна, что если съ ней не дѣлать глупостей, то ее можно предохранить отъ участи столичнаго гарнизона и т. д. Въ отвѣтъ на эти слова Поливановъ засуетился и поспѣшилъ закрыть засѣданіе, не обсуждая мнѣнія съ фронта. Послѣ засѣданія онъ „отечески“ старался успокоить расходившагося „безтактнаго“ генерала, при чемъ среди доводовъ увѣщанія былъ и такой: „не придавайте серьезнаго значенія тому, что здѣсь говорилось“. Нынѣ вполне ясно, серьезно все это было, или не серьезно.

Всѣ эти люди не знали, что творили и брались за дѣло, котораго не понимали и не знали. Свое святое невѣдѣніе они считали возможнымъ замѣнить демагогіей. Ею можно двинуть толпу только на разрушеніе. Если-же хотять получить отъ толпы героическія усилія, нужны иныя средства, гораздо болѣе трудныя.

Для поясненія этой мысли лучше всего также прибѣгнуть къ были.

Въ іюнѣ 1917 года, когда русскій фронтъ готовился къ боевымъ операціямъ съ цѣлью поддержки наступленія на Тарнопольскомъ направленіи, командующій одной изъ армій къ сѣверу отъ Полѣсья, т. е., участка пассивнаго, посѣтилъ одинъ гренадерскій полкъ съ цѣлью провѣрить настроеніе людей. Говоря съ ними, генераль имѣлъ неосторожность приказать вооруженнымъ солдатамъ покинуть строевое построеніе и окружить себя. Въ результатѣ на слова командующаго о необходимости продолженія борьбы изъ вооруженной „толпы“ раздался гулъ, требовавшій мира. Моментъ былъ критическій. Были замѣчены и сновавшіе среди солдатъ подстрекатели и зачинщики. Блѣдный отъ сдерживаемаго волненія, генераль грознымъ окрикомъ скомандовалъ: „Въ ружье!“ Повинуясь привычкѣ, машинально, хотя и медленно 4-тысячная толпа двинулась на мѣсто построенія, многіе люди озирались съ видомъ дикихъ звѣрей, загоняемыхъ укротителемъ въ клѣтку. По построеніи полка начался продолжительный объѣздъ и разговоры съ людьми, но уже разговоры, обращенные не ко всей массѣ, а къ отдѣльнымъ солдатамъ. Выбирались фізіономіи похуже. Діалоги были, примѣрно, такіе: „Такъ что-же. Воевать не хотите?“ Отвѣтъ: — Не хочу. „Что-жъ и нѣмца пустите къ себѣ въ избу?“ — За чѣмъ пускать. Не пуцу. „А если силой придетъ, гнать, небось, вѣдь будете?“ — Знамо дѣло буду, свое добро. „Значитъ обороняться будете?“ — Знамо будемъ и т. д. Послѣ нѣсколькихъ такихъ или подобныхъ (въ зависимости

отъ полученныхъ отвѣтовъ) діалоговъ съ людьми явно дурного вліянія, слѣдовали подобные-же вопросы, уже похожие на команду, обращенные ко всей ротѣ, которая гудѣла въ отвѣтъ то именно, что требовалось. Затѣмъ — то-же въ батальонахъ и, наконецъ, общее обращеніе къ полку. Для командующаго арміей эта бесѣда отеческимъ, спокойнымъ тономъ, длившаяся часа полтора, прерывавшаяся нѣсколькими рискованными положеніями, когда онъ натыкался на неожиданно-ловкій, порою нахальный рипость, который приходилось опрокидывать, или новымъ оборотомъ логики, или жестомъ, или шуткой и насмѣшкой, или даже рѣзкостью (она уже была возможна, авторитетъ власти черезъ превосходство интеллекта уже началъ возстанавливаться) былъ сущою пыткой. Но она получила свое вознагражденіе въ видѣ дружнаго и непредусмотрѣннаго уставомъ „ура“ всего полка вслѣдъ автомобилю отъѣзжавшаго генерала.

Въ чемъ-же разгадка удачи этого приѣма и неудачъ опытныхъ парламентскихъ ораторовъ? Она — въ замѣнѣ неорганизованной толпы толпою организованною, слѣдовательно, въ подмѣнѣ одной психологіи, психологіи дикаго звѣря, таковою звѣря укрощеннаго и привыкшаго къ повиновенію. Она также и въ томъ, что генераль понялъ, что рациональную логику въ толпу нужно переливать черезъ ея водырей, хотя-бы и тайныхъ, а не прямо въ массу. У массы своя логика, чуждая рационализму: логика чувствъ и симпатій или антипатій, логика воли. А послѣдняя знаетъ только силу въ качествѣ противодѣйствія.

Вотъ чего не понимали русскіе, думскіе „оратели“ и что понялъ не логикой, такъ какъ времени для разсужденій не было, а чутьемъ боевой генераль-практикъ.

Было-бы полезнѣе для дѣла, если-бы парламентскіе дѣятели остались и послѣ революціи при своемъ прямомъ дѣлѣ и, по примѣру французскихъ собратій, способствовали-бы не разложенію арміи, а ея скрѣпленію. Увлеченные болтовней на фронтѣ, въ условіяхъ для нихъ совершенно невиданныхъ, русскіе думцы оставили тылъ безъ своего вліянія и вниманія. Тамъ шла явная и открытая работа большевиковъ. Что добраго изъ этого могло получиться? Какъ сказано, духъ современныхъ полчищъ — это духъ народа, а этотъ послѣдній былъ преданъ на безконтрольное завѣдываніе Ленинскихъ агентовъ. Получилось то, что должно было случиться.

Работа демократіи германской занимала во время войны посредствующее мѣсто по сравненію съ работой двухъ крайнихъ типовъ демократіи, русской и французской. Идея войны, основательно подготовленная въ Германіи еще съ мирнаго времени, не нашла надлежащей опоры въ парламентѣ и общественномъ мнѣніи нѣмецкой демократіи. Руководимая канцлеромъ-чиновникомъ, не связаннымъ съ Рейх-

стагомъ органически, эта демократія, по мѣрѣ наростанія неудачъ и затяжки войны, все болѣе и болѣе превращалась въ аппаратъ исключительно критическій, не зная участія въ живомъ и отвѣтственномъ творествѣ, какъ это было съ французской демократіей.

Въ то время, когда послѣдняя въ 1917 году, въ самую роковую для всѣхъ воюющихъ эпоху, нашла въ себѣ силу и сильныхъ вождей, способныхъ побороть всѣ трудности, германская демократія оказалась какъ-бы скованной режимомъ, исключавшимъ ея самодѣятельность и разумѣвшимъ наличіе вождей Бисмарковского масштаба, которыхъ въ послѣднюю войну не оказалось.

Людендорфъ съ горечью сознавалъ тотъ досадный расколъ между слабой властью и парламентомъ безъ творческихъ силъ. Жалуясь въ своихъ воспоминаніяхъ на канцлера Гертинга, онъ уныло говоритъ, что послѣдній „имѣлъ положеніе чловѣка, чуждаго передъ самимъ парламентомъ“. ¹⁾ Этотъ „канцлеръ примиренія“ ²⁾ пришелъ къ власти почти одновременно съ такими темпераментными вождями французской и британской демократіи, какъ Ллойдъ-Джорджъ и, особенно, Клемансо. Разница характеровъ вождей не могла не сказаться и въ разницѣ результатовъ борющихся сторонъ.

Нѣмцы расплатились за неполное развитие своего демократическаго аппарата полною неудачею войны.

Между двумя примѣрами работы демократіи съ арміей, французскимъ и русскимъ, небезинтересно провести параллель.

Во Франціи за работу на армію взялись уже опытные, государственные и политическіе дѣятели, отбывшіе на фронтѣ въ должностяхъ маленькихъ офицеровъ, слѣдовательно, въ пеклѣ боя тяжелые, нерѣдко двухлѣтніе цензы (Абель Ферри). Въ Россіи — люди, не только не нюхавшіе пороху, но часто не имѣющіе никакого понятія объ армейской средѣ; въ лучшемъ случаѣ это были земскіе и городскіе дѣятели, работавшіе во время войны въ тыловыхъ санитарныхъ и иныхъ организаціяхъ, такъ называемые, по мѣткому ходячему выраженію въ войскахъ, „земгусары“; шифръ ихъ погонь „ВЗС“ читался въ арміи такъ: военно-обязанный завѣдомо скрывающійся.

Во Франціи парламентскіе борцы за армію, конечно, не могли заслужить ничего иного, кромѣ глубокаго уваженія. Въ Россіи самыя прозвища, данныя членамъ общественныхъ организацій, показываютъ отношеніе къ нимъ массы.

Не взирая на это, во Франціи мы видимъ осторожное и бережное отношеніе къ вопросамъ организаціи арміи, тогда какъ въ Россіи молодые люди изъ завѣдомо скрывающихся

¹⁾ E. Ludendorff, „Souvenirs“, v. II, p. 126.

²⁾ E. Ludendorff, „Souvenirs“, v. II, p. 140.

обнаружили на первых-же порахъ революціи развязность, которая могла соперничать только съ ихъ апломбомъ.

Во Франціи министръ А. Ферри началъ войну въ строю и отбылъ два ея года на должности младшаго офицера. Въ Россіи молодой человѣкъ призывного возраста, Керенскій, началъ свою кампанію въ должности верховнаго главнокомандующаго. Другой главноверхъ, Крыленко, не сумѣвшій уклониться отъ призыва, попалъ въ главнокомандующіе сразу изъ своего военного убѣжища въ какомъ-то обозѣ.

Сверхъ того такіе патріоты, какъ А. Ферри, нерѣдко кровью и жизнью своею запечатлѣли самоотверженно служеніе родинѣ послѣ подвиговъ военного и гражданскаго мужества; такіе-же герои, какъ Керенскій, закончили свои военные подвиги дезертирствомъ со своего поста въ самую критическую минуту.

Борьба французскихъ общественныхъ дѣятелей была направлена на введеніе усовершенствованій въ способы веденія войны. Въ Россіи все вниманіе ихъ было направлено на борьбу съ мнимой контръ-революціей среди команднаго состава, при чемъ признакомъ послѣдней? почиталось отвращеніе лучшихъ изъ начальниковъ къ демагогіи, которая систематически начала развращать солдатскія массы.

Отсюда высокой авторитетъ представителей французской демократіи въ арміи и полное отсутствіе авторитета русскихъ общественныхъ дѣятелей какъ среди офицеровъ, такъ и среди солдатъ, съ которыми они кокетничали. Помню одну характерную сцену, поясняющую эту мысль. Наканунѣ водворенія большевизма въ арміи корпусный командиръ одного изъ корпусовъ на Румынскомъ фронтѣ, желая повліять на солдатъ одного изъ комитетовъ, подозрительныхъ по своему настроенію, старался бесѣдою своею отвратить рѣшеніе этого комитета вынести резолюцію о желательности подчиненія главноверху Крыленко. Дѣло происходило уже черезъ мѣсяць послѣ дезертирства Керенскаго. На доводы генерала одинъ изъ солдатъ возразилъ: „Если могъ командовать Керенскій, почему не можетъ командовать Крыленко?“ — „Потому, отвѣтилъ при общемъ смѣхѣ корпусный командиръ, что одна глупость не должна вызывать еще большую другую. Если Керенскій бѣжалъ съ фронта, это не значитъ, что и мы можемъ бѣжать“.

Во Франціи честный трудъ представителей общественности привелъ къ торжеству демократической, производительной работы. Въ Россіи демагогія помогла торжеству солдатскихъ невѣжественныхъ массъ и привела къ власти плебсократіи, черни, толпы и улицы.

Во Франціи опытъ арміи черезъ общественность шель къ тылу и, вліяя на него, возвращался въ видѣ полезной работы страны на армію и, слѣдовательно, для побѣды. Въ

Россіи неопытность тыла вливалась черезъ русскую общественность въ армію для ея разложенія; кадеты это дѣлали по наивности, соціаль-революціонеры — по невѣжеству и большевики — по злой волѣ, но все это привело къ общему результату: нельзя, поэтому сказать, чтобы русская общественность дѣйствовала разрозненно. Нѣтъ, она, какъ и французская, работала дружно, но съ тою только разницею, что французы добивались упроченія своихъ армій, а русскіе, частью безсознательно, — ихъ развала.

Напрасны будутъ усилія государственныхъ дѣятелей наладить полезное дѣйствіе демократіи въ странахъ, гдѣ послѣдней не было отведено надлежащаго мѣста еще съ мирнаго времени. Перестроить въ краткій срокъ существующія соотношенія классовъ населенія и государственнаго аппарата невозможно. Свидѣтелемъ тому — положеніе въ Германіи въ концѣ войны. Людendorffъ ясно сознавалъ необходимость народнаго и общественнаго порыва для продолженія борьбы, обращался съ просьбами наладить его и къ канцлеру-чиновнику, и къ партіямъ, не привыкшимъ къ интенсивному сотрудничеству съ властью, лишенною связи съ толщею населенія; — ничего не удалось достигнуть. Обратнo, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ не было почти сухопутной арміи, простымъ призывомъ къ демократіи страны удалось сформировать ее какъ по волшебству. Выходитъ, что легче импровизировать многомилліонную армію въ странѣ съ правильно развитою демократическою системою, чѣмъ импровизировать послѣднюю въ минуту даже столь острой необходимости, когда самое существованіе государства ставится на карту. И это неудивительно: самое трудное — „убѣдить“ вообще, а массу — въ особенности, а безъ такого убѣжденія и основаннаго на немъ довѣрія къ власти, его добивающейся, какой-же демократизмъ?

Какія-же общія заключенія о взаимодѣйствіи полчищъ и государства?

Прежде организаціи современной арміи, построенной на демократическихъ началахъ, организуйте просто демократію страны.

Иначе „вооруженный народъ“ обращается въ вооруженную толпу, чернь: разложеніе демократіи равно разложенію войскъ.

Въ виду назрѣвающей міровой классовой борьбы нужно въ армію ввести независимые отъ политическихъ вліяній, наемные контингенты, которые, служа власти, поставленной демократіей, не будутъ орудіемъ анархіи и разрушенія существующаго строя.

Въ то-же время эти контингенты сохраняютъ и поддерживаютъ упадающую профессиональность, спеціализацію военнаго ремесла, безъ чего не можетъ существовать ни одна спеці-

альность; въ особенности, день ото дня все болѣе осложняющаяся, военная.

Демагогія должна быть замѣнена и въ арміи, и въ демократіи дисциплиной и дѣловой работой.

Имперіализмъ вѣкъ свой отжилъ, но наступленіе во имя грабежа и „соціала“ получаетъ все большее реальное значеніе. Тутъ-то понадобятся наемныя профессиональныя войска.

Понадобятся они также и для колоніальныхъ предприятий, гдѣ терпимы только они и волонтеры.

На внутренній фронтъ—наемники, на внѣшній — смѣшанныя части; на внутренній—качество, на внѣшній — пока масса.

Если Лига Націй сумѣетъ перейти отъ словъ къ дѣлу, то это случится только тогда, когда будетъ обезпечено дѣйствіе международной жандармеріи. Такая интернаціональная жандармерія можетъ быть только наемной.

Чтобы предотвратить проникновеніе въ современныя полчища партійной агитаціи и борьбы, нужно создать сдерживающія внутреннія въ арміи организаціи, и это будетъ ни что иное, какъ наемное ядро, чуждое политикѣ. Ложно понимаемый демократизмъ нынѣшней системы призываетъ (всѣ равны, все одинаково) долженъ быть замѣненъ строгимъ отборомъ и классификаціей: эгализацію замѣнить спеціализацію.

Дальнѣйшее ослабленіе кадровъ во имя милиціи, предпринимаемое ради ложнаго демократизма (роющаго самому себѣ могилу) и пацифизма (готовящаго свои собственныя похороны), должно быть не только остановлено, но сдѣлано нѣсколько шаговъ назадъ. Иначе гибель современной демократіи вслѣдствіе развала ея полчищъ подъ натискомъ пропаганды и орда современнаго „Атиллы“.

Путь для спасенія отъ грядущихъ бѣдствій — въ проведеніи принципа раздѣленія труда при организаціи арміи. Ради экономіи народныхъ силъ нужно стараться постепенно выдѣлить военную спеціальность такъ, какъ это существуетъ и считается естественнымъ и необходимымъ для другихъ спеціальностей. Конечно, это можетъ быть исполнено лишь постепенно, но уже нынѣ можно намѣтить то равновѣсіе между милиціей и наемниками (профессионалы то-жъ), которое въ будущемъ должно вывести военную организацію не только на путь столь желаемыхъ народами облегченій личной воинской повинности, но и сокращенія вооруженій вообще.

Словомъ, какъ XIX-й вѣкъ работалъ надъ слияніемъ арміи съ народомъ, такъ XX-е столѣтіе уже трудится надъ ихъ разобщеніемъ.

ГЛАВА V.

Власть земли.

Эволюція современного искусства, какъ и всякая эволюція, совершается настолько исподволь, что она рискуетъ не быть замѣченной теоріей. Медленное перемѣщеніе часто дѣлаетъ оптической эффектъ стоянія на мѣстѣ. „Земля“, „огонь“ и, въ послѣднее время, „техника“ являются тѣми факторами, которые объѣдаютъ въ ближайшее время, вопреки все еще господствующей теоріи, совершенно измѣнить основы веденія войны.

Почему-же отстаютъ теорія? По причинѣ чисто психологической; какая-же это теорія, если она не выдерживаетъ испытаній времени? На основаніи естественнаго закона примѣненія всякихъ вообще теоретическихъ истинъ сначала жизнь, а потомъ теорія, а не наоборотъ.

Могущество „земли“, какъ сильнаго боевого элемента, впервые обнаружилось въ борьбѣ за Севастополь. Дѣйствительно, русская армія, разбитая подъ Альмой, въ полномъ разстройствѣ уходитъ подъ защиту „беззащитнаго“ города, окапывается здѣсь, находитъ у себя талантливаго инженера Тотлебена и держитъ превосходную армію союзниковъ въ теченіе долгихъ 11 мѣсяцевъ въ состояніи неподвижности. Получилась крайне желательная для интересовъ Россіи локализация войны, подъемъ духа обороны и упадокъ духа осады. И все это достигалось при ничтожествѣ огневыхъ средствъ. „Землю“ во время этой осады и обороны побѣждали только „миною“, „кротовою войною“, которая, какъ извѣстно, развивается крайне медленно.

Усвоенъ-ли былъ этотъ урокъ исторіи? Конечно, онъ былъ изученъ съ надлежащимъ вниманіемъ. Сознавалось значеніе „новаго слова“ военного искусства, сказаннаго подъ Севастополемъ, но этотъ опытъ разсматривался, какъ примѣръ веденія крѣпостной войны, порывавшей со старинными Вобановскими правилами. Упускалось изъ виду, что ничего крѣпостнаго въ этомъ опытѣ не было, такъ какъ прежде всего не было никакой крѣпости при началѣ борьбы. Она получилась лишь потомъ. Слѣдовательно, опытъ былъ чисто

полевой, предвѣщавшей появленіе крѣпости на любой точкѣ театра войны.

Недооцѣнка Севастопольскаго урока вызвала недостатокъ вниманія въ русской арміи къ обученію самоокапыванію и слабое снабженіе войскъ шанцевымъ инструментомъ черезъ два десятка лѣтъ послѣ Севастополя, во время Русско-Турецкой войны; въ эту кампанію зачастую рыли землю манерками и даже ногтями. Замѣнили искусство сверхчеловѣческими усиліями. Расходовался героизмъ тамъ, гдѣ нужна была несложная техника. Все это, конечно, покупалось потоками даромъ пролитой крови.

Если Севастопольская война выдвинула на первый планъ могущество „земли“, то война въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ впервые и съ большою силою показала могущество „огня“, въ томъ числѣ ружейнаго. Отдаленность-ли театра войны; качество-ли войскъ, носившихъ нерегулярный характеръ, особенно по тѣмъ временамъ; общая-ли исключительность условій этой кампаніи, но и ея опытъ былъ принятъ съ большими оговорками.

Были затѣмъ уроки Франко-Прусской войны, весьма доказательные для могущества огня, но и они были объяснены побочными, привходящими причинами и обстоятельствомъ. На особенно краснорѣчивомъ случаѣ этой войны, боя 18 августа при атакахъ фермъ Пуань-дю-Журъ и Москву подъ Мецеми, стоитъ остановиться. Обѣ фермы были заняты слабымъ гарнизономъ французовъ, поливавшихъ гласисъ своей позиціи, шириною около 1000 шаговъ, вихремъ комбинированнаго ружейнаго, митральезнаго и артиллерійскаго огня. Обѣ эти огни разбились послѣдовательно двѣ атаки, сначала всего VII прусскаго корпуса (свыше 3 пѣхотныхъ и I кавалерійской дивизій), а затѣмъ и II корпуса, причемъ послѣдней атакой руководилъ не только командующій I арміей ген. Штейнмецъ, какъ было съ VII корпусомъ, но и самъ Мольтке, прибывшій на мѣсто боя. Всѣ эти силы, правда стѣсненныя въ узкомъ дефиле, были буквально не только смыты потокомъ французскаго огня, но обращены въ паническое бѣгство. При этомъ послѣ отбитія первой изъ атакъ три французскихъ батальона перешли въ контръ-атаку противъ бѣгущаго корпуса и довершили его панику. Каждая изъ атакъ потребовала для своего крушенія какихъ-нибудь полчаса времени, несмотря на то, что войска германцевъ были совершенно свѣжія, избалованныя предыдущими непрестанными успѣхами. Впослѣдствіи этотъ случай изучался лишь съ точки зрѣнія неумѣлаго направленія большихъ силъ въ атаку въ слишкомъ глубокихъ строяхъ и порядкахъ, дѣйствіе-же огня оставлялось какъ-бы безъ вниманія¹⁾. А

¹⁾ „La conduite de la Guerre. La Manoeuvre pour la Bataille. Maréchal" Foch, p. 459—465.

между тѣмъ является невольный рядъ вопросовъ: почему не нашлось въ атакующихъ войскахъ хотя-бы одного полка, чтобы прилично прикрыть бѣгство; откуда такая паника въ обстрѣленныхъ и привычныхъ къ бою частяхъ; въ чемъ причина ужаса, овладѣвшаго всею массою? Отвѣтъ ясенъ: въ силѣ „огня“.

Такъ-же избалованныя успѣхами русскія войска въ Русско-Турецкую войну 1877—78 г. г. были очень поражены, когда напоролись на умѣлое использование силы „огня и земли“ подъ Плевною. Отрѣшеніе отъ командованія одного начальника дивизіи не исправило общаго положенія, такъ какъ и все прочее высшее и низшее командованіе потерпѣло двукратную рѣшительную неудачу въ открытыхъ штурмахъ Плевны; „огонь“ обороны, защищенной „землею“, противъ которой не было еще тяжелой артиллеріи надлежащаго могущества, отбрасывалъ войска, воспитанныя на идеѣ шока холоднымъ оружіемъ. Слѣдовательно, и здѣсь причина крылась не въ промахахъ отдѣльныхъ начальниковъ, а въ недооцннкѣ „огня“ и „земли“.

Послѣ Англо-Бурской войны, когда тонкія лініи спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ-буровъ силою одного ружейнаго огня наносили такія потери регулярнымъ дивизіямъ англичанъ, что бритты, вообще чуждые быстрымъ впечатлѣніямъ, подвергались совершенной деморализаціи ранѣе штыковой атаки (войска ген. Буллера), объясняли подобную панику съ одной стороны рѣдкимъ искусствомъ стрѣльбы природныхъ охотниковъ за дикимъ звѣремъ, съ другой-низкимъ уровнемъ нравственныхъ силъ у англійскаго солдата-наемника, его плохимъ обученіемъ, недостаткомъ подготовки британскаго офицера, по преимуществу только спортсмена, но не профессиональнаго воина, и, наконецъ, недочетами командованія, чуждаго познаній въ технику современной войны. Словомъ, и этотъ случай военной исторіи склонны были разсматривать, какъ исключеніе.

Когда тотчасъ-же послѣ этой войны одна англійская военная миссія, состоявшая изъ участниковъ борьбы въ Южной Африкѣ, пріѣхала на маневры подъ Краснымъ Селомъ и увидѣла атаку пѣхотной бригады съ музыкой, барабаннымъ боемъ, распущенными знаменами и начальствующими лицами верхомъ, атаку, предназначенную для нанесенія рѣшительнаго удара, побѣдоносно завершающаго весь маневръ, англичане скептически качали головами и высказывали увѣренность, что такая атака нанесла-бы несомнѣнный ударъ, но не оборонѣ, а наступленію. Однако англичанамъ не вѣрили вплоть до собственнаго опыта Японской войны, да и то не вполне.

Это былъ расцвѣтъ теорій Драгомирова, настойчиво учившаго, что какова бы сила огня ни была, не онъ рѣшаетъ

дѣло, а штыкъ, какъ и въ доброе старое Суворовское время. На всѣ лады повторялось: „пуля-дура, штыкъ-молодецъ“. Смѣшивались во-едино два вопроса: вопросъ моральной тренировки солдата съ вопросомъ военно-технической подготовки арміи и команднаго состава. И все это заблужденіе послѣ столькихъ опытовъ исторіи!

Японскій опытъ генераль Драгомировъ истолковалъ, какъ наглядное подтвержденіе своей теоріи о штыкъ, такъ какъ и русскіе, и японцы весьма часто доводили дѣло до штыкового удара. Забывалось при этомъ одно маленькое обстоятельство: штыковая атака въ 99 случаяхъ изъ 100 потеряла характеръ рѣшенія дѣла, сохранивъ за собою лишь третьестепенное эпизодическое значеніе. Что значитъ булавочный уколъ атаки на фронтъ въ сто верстъ, гдѣ бой ведется исключительно „огнемъ“? Послѣдній въ эту войну впервые пріобрѣлъ характеръ не только подготовительнаго, но рѣшающаго средства. Кинжоусская позиція была очищена на 5—6 часовъ ранѣе, чѣмъ къ ней подошла атака пѣхоты, лишь подъ вліяніемъ одного огня, причинившаго панику гарнизону обороны. И это вовсе не исключеніе.

Впервые въ эту войну появилась въ полевой войнѣ широкаго масштаба и „позиція“, не просто позиція, а „позиція“ въ качествѣ стратегическаго термина, знаменующаго новую эволюцію военнаго искусства, „позиція“ — противовѣсъ „движенію“ и „маневру“. Объявился новый видъ войны — „позиціонной“, пришедшій на замѣну „маневренной“ — „Наполеонвской“.

Имѣя въ виду пассивныя качества русскаго главнокомандующаго генерала Куропаткина, новый видъ войны былъ встрѣченъ съ большимъ недовѣріемъ. Обще мнѣніе склонялось къ наименованію этого вида войны просто „Куропаткинскимъ“, не обобщая ее въ эволюцію. Считали, что она явилась результатомъ личнаго характера и творчества. Рассматривали этотъ опытъ, какъ чисто личный. Судили о немъ, какъ объ исключеніи изъ правила. Продолжали настаивать на жизненности принциповъ и правилъ „Наполеоновской“ маневренной войны, какъ единственно-разумный противовѣсъ „Куропаткинской“ стратегіи. Утверждали, что въ будущей войнѣ въ рукахъ болѣе талантливыхъ вождей „маневръ“, и только „маневръ“, будетъ рѣшать дѣло борьбы.

Таковы именно были выводы участника Русско-Японской войны, германскаго военнаго агента маіора барона фонъ Теттау, въ его книгѣ „Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи“. Отношеніе его къ „позиціи“ (слово, которое онъ писалъ не иначе, какъ курсивомъ, въ кавычкахъ или съ восклицательнымъ знакомъ) было исключительно ироническимъ. Не давая себѣ труда вникнуть въ вопросъ глубже,

онъ отдѣлялся отъ него Драгомировскимъ способомъ, т. е., насмѣшкою, шуткою или прибауткою.

Генераль Фошъ также разсматривалъ опытъ Манчжурской войны, какъ совершеннѣйшее исключеніе, частный случай, не годный для обобщеній.

Вотъ его слова, сказанныя въ 1905 г.: „Русско-Японская война доставила намъ свои уроки. Вслѣдствіе условій, которыя ее сопровождали, особенно въ началѣ, она глубоко отличается отъ европейской войны.

Русская армія образовалась и держалась на оконечности желѣзнодорожнаго пути, длиною около 10.000 километровъ. Съ другой стороны Японская армія сформировалась и принуждена была дѣйствовать по другую сторону моря, шириною 700 миль (Портъ Артуръ-Нагасаки). Театръ дѣйствій, — Корея-Манчжурія, — имѣлъ только плохіе пути и мало желѣзныхъ дорогъ. Война, вслѣдствіе этого, сохраняла характеръ болѣе медленный, чѣмъ въ европейскихъ странахъ съ болѣе интенсивною жизнью. Не взирая на высшее напряженіе, она не могла осуществить тѣхъ быстрыхъ стратегическихъ разворачиваній, тѣхъ быстрыхъ маршей, тѣхъ рѣшительныхъ атакъ, изъ которыхъ, какъ удары грома, разражаются первыя встрѣчи европейской борьбы.“¹⁾ Гадая о судьбахъ будущей войны, Фошъ заканчиваетъ свой выводъ объ опытѣ Японской войны слѣдующими словами: „Она будетъ маневренной или она не достигнетъ цѣли.“²⁾ Человѣкъ неумолимой логики, Фошъ, даже дѣлая ошибку относительно оцѣнки опыта Японской войны, все-же произноситъ знаменательныя слова: „или она не достигнетъ цѣли“. Въ этихъ словахъ не только пророчество, но, быть можетъ, и программа на будущее, къ которому мы еще вернемся въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Пока достаточно установить, что, не взирая на огромныя дарованія и выдающуюся личную теоретическую подготовку маршала Фоша, несмотря на исключительную выучку французской арміи къ маневру и на особыя традиціонныя способности французскаго солдата, генералиссимусу союзной арміи Согласія такъ и не удалось примѣнить на практикѣ маневръ Наполеоновскаго типа.

Одно изъ двухъ: или этотъ маневръ отжилъ свой вѣкъ и по техническимъ условіямъ неисполнимъ въ наше время, или техническія условія, обезпечивавшія производство подобнаго маневра, почему-либо не были примѣнены, или не могли быть примѣнены при условіяхъ минувшей Великой войны. Изъ послѣдующаго изложенія будетъ видно, что второе изъ предположеній въ дѣйствительности и имѣло мѣсто. Страте-

¹⁾ *Maréchal Foch. De la Conduite de la Guerre. La Manœuvre pour la Bataille. Préface pour la 2-me édition.*

²⁾ *Maréchal Foch. „Des principes de la Guerre“. Avant-propos de la deuxième édition.*

гическій ходъ, для котораго маршаломъ Фошемъ было приготовлено въ ноябрѣ 1918 г. все необходимое, былъ остановленъ требованіями моральнаго порядка, ожиданіемъ рокового сдвига въ состояніи нервовъ нѣкоторыхъ войсковыхъ соединеній и контингентовъ, наконецъ, условіями политическими, которыя, какъ извѣстно, всегда повелѣвали стратегіей и нерѣдко портили ея ходы.

Прежде чѣмъ братья за разрѣшеніе этого вопроса, необходимо установить точное понятіе о природѣ современной „позиціи“; не той позиціи, которая всегда была въ наличіи для надобностей военнаго искусства, а той, которая знаменуетъ собою его эпоху, его эволюцію.

Естественный консерватизмъ военной теоріи, который есть ни что иное, какъ чувство самосохраненія науки, какъ мы видѣли выше, долго и упрямо разсматривалъ позиціонную войну, какъ исключеніе изъ общаго правила. Продолжается это и понынѣ. А между тѣмъ, если обратиться только къ тѣмъ примѣрамъ бывшей практики, которые уже приведены, то бросается въ глаза одно обстоятельство: пришествіе ея въ жизнь независимо отъ того фактора, которымъ нынѣ объясняется ея законное появленіе въ качествѣ неизбежнаго зла отъ „огня“. Какой-же огонь былъ въ Севастопольскую войну? И между тѣмъ земляная война въ эту кампанію взяла всѣ силы обѣихъ сторонъ.

Появленіе настоящаго огня въ Сѣверо-Американскую войну лишь поддержало окопную тактику, а не выдвинуло ее впервые.

Послѣдующіе изъ приведенныхъ примѣровъ еще болѣе замѣчательны. Въ Франко-Прусскую войну 1870—71 г. г. позиціонность и линейность разворачиванія войскъ въ бою совершалось безъ всякихъ окопныхъ сооружений и не только подъ вліяніемъ дѣйствія огня, но главнымъ образомъ вслѣдствіе органическихъ особенностей войскъ.

Подъ Плевною то-же случилось не только подъ дѣйствіемъ обѣихъ причинъ, огня и земли, очень тогда слабыхъ, но благодаря свойствамъ армій. То-же, и въ еще большей степени, случилось и въ Русско-Японскую войну, при чемъ, какъ это ни странно, этотъ послѣдній примѣръ изучали всегда только съ точки зрѣнія личныхъ талантовъ Куропаткина, забывая, что и Японская сторона вела такую-же позиціонную войну, не взирая на то, что, и это необходимо подчеркнуть, въ эту кампанію не было еще неодолимыхъ для человѣческихъ силъ укрѣпленій и фортификаціонныхъ приспособленій, прежде всего не было ни колючей проволоки, ни бетона. И несмотря на это, огромная полчища обѣихъ сторонъ мѣсяцами стояли во взаимномъ созерцаніи и въ бездѣйствіи. Все время приготовляясь къ наступленію, они

часто на него не рѣшались вслѣдствіе неполноты оборудованія техники атаки, а въ сущности не было довѣрія къ своимъ полчищамъ и ихъ маневреннымъ способностямъ. Въдъ по окончаніи послѣдняго наступленія или обороны, за огромной убылью въ бою, войска всегда были новыя и неизвѣстныя. Приходилось ихъ учить, воспитывать, изучать. Въ значительной степени это касалось и начальниковъ. Конечно, вся эта процедура брала много времени, у команднаго состава подрывала вѣру въ свои массы, у массы, взаимно, въ своихъ начальниковъ. Слѣдовательно, причина позиціонности Русско-Японской войны вовсе не въ огнѣ и не въ окопѣ, точнѣ говоря, не только въ нихъ, но въ особенности въ моральной сторонѣ дѣла, той морали, которая свойственна современнымъ полчищамъ.

А какъ-же опытъ Севастополя? Тогда арміи были составлены изъ старыхъ солдатъ. Это правда, но и въ представленныхъ на театрѣ войны арміяхъ маневренныя способности по разнымъ причинамъ были тоже въ запусѣннѣи. Было то-же недовѣріе командованія къ солдату и обратно, которое усиливалось по мѣрѣ хода войны, по мѣрѣ разжиженія войскъ рекрутами, по мѣрѣ увеличенія цѣпи взаимныхъ неудачъ. Такие люди, какъ Тотлебенъ поняли во время, что спасеніе въ „землѣ“. Недаромъ адмиралъ Нахимовъ, въ отвѣтъ на привѣтъ Государя, присланной ему черезъ флигель-адъютанта, поручилъ сказать: „Всѣхъ насъ выдрать-съ надо“. Слѣдовательно, и здѣсь, еще до появленія „полчищъ“, причиною появленія позиціонной войны нужно считать моральныя основанія и безпорядки въ арміи. Представлялись случаи стряхнуть осаду маневромъ (Инкерманъ, Балаклава), но изъ него ничего не вышло опять-таки по тѣмъ-же моральнымъ причинамъ — безпорядку въ арміи, необученности и неинтеллигентности начальниковъ.

Съ появленіемъ милиціи во всѣхъ ея видахъ, въ Сѣверо-Американскую войну, въ Бурскую войну и во всѣ позднѣйшія кампаніи не только „огонь“ и „позиція“ вызывали отмираніе „маневра“, но въ особенности причины моральнаго порядка и отличительныя черты воспитанія и обученія войскъ и начальниковъ.

Если выдвинуть этотъ факторъ, то станеть совершенно яснымъ появленіе „позиціи“, или, вѣрнѣе, „позиціонности“ войны, въ столь различныя кампаніи какъ Севастопольская, Американская, Бурская, Японская и Великая Европейская. Господствующая причина имъ всѣмъ общая, что и слѣдовало ожидать, имѣя въ виду правила логики, которыя требуютъ, чтобы при одинаковости слѣдствій были одинаковы и причины, ихъ вызвавшія. Короче говоря, эта причина выражается такъ: милиціонность. Именно она влечетъ за собою и

порчу войскъ, и порчу начальниковъ съ точки зрѣнія способности къ маневру.

Въ послѣднюю войну маневренный періодъ войны превратился и выродился въ позиционность вовсе не подъ вліяніемъ страшной оборонительной техники, а наоборотъ, техника народилась подъ вліяніемъ спроса позиционной войны. Дѣйствительно, почему застыло контръ-наступленіе французовъ тотчасъ-же послѣ ихъ первой побѣды на Марнѣ и почему наступательнаго порыва ихъ хватило ровно на одинъ или на два перехода? Потому что войска не были способны къ дальнѣйшему движенію въ силу своихъ специально-современныхъ особенностей. Дойдя до позицій на Энѣ, французское командованіе, сознавая эту роковую черту своей арміи, должно было остановиться на цѣлыхъ 4 года въ позиционномъ бездѣйствіи. Остановка, вызванная, какъ извѣстно, расходомъ патроновъ, въ дальнѣйшемъ превратилась въ длительный перерывъ активной войны по причинѣ перерожденія арміи, перерожденія технического и моральнаго. Въ рукахъ начальниковъ вдругъ не оказалось аппарата для атаки.

Что превратило бой русскихъ съ нѣмцами подъ Лодзью въ 1914 году въ позиционное трехнедѣльное состязаніе? Вѣдь ни одна изъ сторонъ не имѣла въ своемъ распоряженіи ни страшной проволоки, ни машинъ позиционной войны 1915—16—17 и 18 г. г.? Только изнашивание полчищъ, законъ современной войсковой организаціи. Изнашивание, прежде всего моральное, а затѣмъ физическое.

Пока войска были излечены отъ своего изнашивания, пока были пополнены ихъ ряды, пока у начальниковъ явилась вѣра въ свои войска и въ ихъ готовность, а у послѣднихъ окрѣпло чувство вѣры въ успѣхъ своего дѣла и начальниковъ, „техника“ неустанно дѣлала свое дѣло и дала чудеса для обороны: многолинейныя позиціи, сотни рядовъ проволоки, бетонъ для окоповъ, новую пулеметную тактику, новую тактику огня артиллеріи, орудія, бьющія на десятки и даже сотни километровъ, усовершенствованія для минной войны, слушаивательные аппараты для позиционной борьбы и подрывныхъ работъ, аэропланы, летающіе сотнями для развѣдывательной службы вообще и для корректированія огня дальнобойной артиллеріи, дирижабли для ночной развѣдки и для дальнихъ воздушныхъ налетовъ, траншейные плуги для рытья окоповъ, новые методы артиллерійской борьбы, примѣненіе телеграфа, беспроводнаго и кабельнаго, телефона для управленія въ небывалыхъ размѣрахъ, употребленіе автомобильныхъ средствъ для службы связи и массовыхъ перевозокъ войскъ и снабженій, наконецъ, удушливые газы и пр., и пр., и пр. Достаточно этого бѣглаго перечня, чтобы показать, что наступленіе, остановленное вслѣдствіе естественной въ современныхъ пол-

чищахъ внутренней порчи и дезорганизаціи, не могло съ теченіемъ времени быть возобновлено примѣненіемъ простаго „Наполеоновскаго“ маневра.

Потребовались годы, чтобы придумать техническое оборудованіе атаки, способной побѣдить оборудованіе обороны. Владѣя всѣмъ ея арсеналомъ, плюсь танки и противогазы, черезъ четыре года сидѣнія въ окопахъ, полчища рѣшились выползти изъ нихъ и начать свой маневръ, очень не похожій на „Наполеоновскій“ ни по характеру своего производства, ни по послѣдствіямъ.

Прежде чѣмъ вернуться къ маневру на современный ладъ, необходимо остановиться на „позиціи“, войдя въ подробное разсмотрѣніе исторіи ея эволюціи.

Въ старину укрѣпленіе на полѣ сраженія или на театрѣ войны всегда занимало „точку“. На Бородинскомъ полѣ сраженія, на примѣръ, имѣлось на 3½ километрахъ двѣ такихъ „точки“: батарея Раевскаго и Баграціоновы флешы у деревни Семеновской. Между ними фортификаціонной связи не полагалось.

Съ теченіемъ времени, когда искусственнымъ сооруженіямъ начали предпочитать мѣстные предметы: деревни, рощи, отдѣльныя строенія, эти точки также еще не связывались между собою. На фронтѣ позиціи у С.-Прива 18 августа 1870 г., общемою длиною около 12 км., было пять такихъ важныхъ опорныхъ мѣстныхъ пунктовъ: д. С.-Прива, д. Гравелотъ и фермы Моску и Пуанъ-дю-Журъ.

Во вторую половину той-же войны 1870—71 г. г., когда на фронтѣ вышли съ французской стороны милиціонныя арміи, впервые встрѣчаются позиціи изъ связанныхъ между собою въ одинъ непрерывный фортификаціонный фронтъ искусственныхъ сооружений и мѣстныхъ предметовъ (позиція за р. Лизеной). Линейность позиціи, какъ видно, вызвана не измѣненіемъ силы огня, а лишь измѣненіемъ способностей войскъ. Активныя войска всегда пренебрегаютъ позиціей, пассивныя, милиціонныя, боясь активности, всѣ свои надежды возлагаютъ на нее.

Мало того, огромныя потери нынѣшнихъ боевъ быстро превращаютъ маневренныя войска въ милиціонныя съ ихъ приверженностью къ позиціонности. Такимъ способомъ въ послѣднюю Великую Европейскую войну эволюція позиціи закончилась тѣмъ, что весь фронтъ всѣхъ армій, независимо отъ длины его, превратился въ одну укрѣпленную линію. Не говоря уже о Западномъ фронтѣ въ 600 километровъ, даже такой, какъ Русскій, протяженіемъ 1600 километровъ, отъ Балтійскаго моря до Дуная, былъ одною сплошною позиціею. Кто-бы могъ повѣрить теоретику военнаго дѣла до этой кампаніи, если-бы онъ сталъ предсказывать такую будущность укрѣ-

пленному кордону? Кто-бы предсказалъ до войны, что въ такомъ положеніи, отгородившись инженерными средствами, всѣ арміи оставались-бы въ теченіе долгихъ трехъ-четырехъ лѣтъ, все время готовясь къ свободному маневру и тщетно пытаясь къ нему перейти? Какъ на Западно-Европейскомъ театрѣ войны наступленіе побѣдоносной французской арміи остановилось на Энѣ послѣ Марнскаго маневра не только вслѣдствіе огня, но и по причинѣ свойствъ войсковой массы, какъ нѣмцы послѣ своего Марнскаго пораженія не могли предпринять контръ-наступленія, не смотря на извѣстное имъ обѣдненіе французской арміи огнестрѣльными запасами, то-же вслѣдствіе неспособности своихъ полчищъ дать маневръ; такъ и на русскомъ театрѣ войны въ октябрѣ 1915 года оба противника развернулись на пассивномъ фронтѣ въ свѣше 1000 километровъ не вслѣдствіе дѣйствія огня, а по обстоятельствомъ внутренней войсковой организаціи. Дѣйствительно, какой-же огонь могли развить обороняющіяся русскія войска, если на армію въ 180,000 бойцовъ (напримѣръ, XII-я на Наревѣ и Бобрѣ) выдавалось въ день 2000 артиллерійскихъ снарядовъ? Чтобы отгнѣнить ничтожество этой цифры достаточно указать, что вслѣдствіи, какъ разъ въ октябрѣ того-же 1915 г., на дивизію отвѣтственнаго боевого участка отпускалось тѣ-же 2000 (38-я пѣхотная дивизія подъ Двинскомъ); въ это время снабженія уже начали налаживаться, но маневръ съ русской стороны все-же не могъ наладиться, и не по свойствамъ командованія „Куропаткинскаго“ типа, а просто потому, что милиціонная масса русскихъ войскъ въ этотъ періодъ времени не могла дать контръ-наступленія.

Итакъ, огонь милиціонировалъ войска посредствомъ огромныхъ потерь, а полчища милиціи, не способныя къ маневру, уцѣплялись за позицію, еще не укрѣпленную и не оборудованную, но уже превратившую боевые порядки обѣихъ сторонъ въ тонкіе кордоны на тысячу километровъ длиною.

Схема очень простая, которую, казалось-бы, не трудно было предугадать, но она, по странной случайности, осталась загадкою.

И между тѣмъ предупреждающіе голоса были. Они, конечно, принадлежали тѣмъ людямъ, которые умѣли смотрѣть далеко впередъ. Это были Наполеонъ и Мольтке. Первый въ своихъ комментаріяхъ къ походамъ Юлія Цезаря въ Галліи, при изученіи осады Алезіи, предугадалъ, что сомкнутое укрѣпленное мѣсто съ теченіемъ времени должно развернуться въ линію.

Второй, организуя оборону Германіи и гадая о средствахъ обезпеченія ея отъ вторженія при относительной малой глубинѣ ея территоріи, создалъ на обѣихъ угрожаемыхъ границахъ двѣ обширныхъ, фланговыхъ, укрѣпленныхъ позиціи, на западѣ - Рейнско-Пфальцскій районъ, на востокѣ - Восточно-Прусскій озерный, при чемъ обводъ послѣдняго, вы-

державшаго съ честью боевое испытаніе при отраженіи вторженія русскихъ въ 1914 г. въ періодъ Первой Марны, имѣлъ свыше 300 километровъ.

Слѣдовательно, оба, и Наполеонъ, и Мольтке, угадали линейный характеръ будущей инженерной обороны, а второй, сверхъ того, не только словомъ, но и дѣломъ — обширность будущихъ укрѣпленнѣхъ позицій.

Что касается фланговыхъ, укрѣпленныхъ позицій, то на нихъ стоитъ остановиться, имѣя въ виду ихъ будущность.

Идея такихъ позицій — не новость. Бюловская теорія начала XIX-го столѣтія предполагала обезпечить имъ широкое примѣненіе на театрѣ войны. Нѣмцы, какъ извѣстно, большіе любители формальной стратегіи, съ надеждою лепѣли это изобрѣтеніе своей методики. Но при первомъ-же серьезномъ боевомъ примѣненіи въ 1812 году этой идеѣ не повезло. Какъ извѣстно, по предложенію прусскаго генерала на русской службѣ Пфуля предполагалось занятіемъ Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, къ коему должна была стянуться русская I-я армія, предотвратить опасность глубокаго вторженія внутрь Россіи превосходныхъ силъ Наполеона. Но послѣдній, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Дриссу, выславъ противъ нея лишь корпусъ Макдональда, продолжалъ форсированно двигаться въ разрѣзъ двухъ русскихъ армій прямо къ Смоленску.

Усилиями невѣроятно трудныхъ маршей обѣихъ частей русской арміи удалось избѣжать этого разрѣзыванія и уничтоженія живой силы страны въ самомъ началѣ войны. Съ тѣхъ поръ и имя Пфуля, и самое понятіе фланговыхъ стратегическихъ позицій въ русской арміи сдѣлались синонимами ложнаго методизма въ стратегіи и въ командованіи. Если этотъ приговоръ былъ справедливъ относительно Пфуля, какъ носителя предвзятыхъ рѣшеній, не соответствующихъ обстановкѣ момента, то самая мысль о фланговой позиціи, примѣненной правильно, отнюдь такого приговора не заслуживала. А между тѣмъ даже въ „Войнѣ и Мирѣ“ насмѣшка надъ нею и надъ ея партизаномъ нашла свое выраженіе въ живой сценѣ военнаго совѣта въ Дриссѣ, гдѣ тупой нѣмецкій теоретикъ Пфуль на своемъ родномъ языкѣ старался втолковать плеядѣ русскихъ генераловъ-героевъ, выученниковъ Суворовской школы войны (къ сожалѣнію не оставившей заслуживающихъ довѣрія письменныхъ теорій), что нужно дѣлать и какъ себя вести, чтобы отечество спасти.

Для этихъ боевыхъ генераловъ, конечно, было ясно, что маленькій укрѣпленный лагерь полевого типа, удаленный на 150 километровъ къ сѣверу главнаго пути вторженія противника, не могъ повліять на его движенія. Съ другой стороны онъ не могъ помочь и I-й русской арміи, такъ какъ въ случаѣ ея активнаго дѣйствія на флангъ Наполеона

(что было дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ вслѣдствіе ея слабости), эта армія невольнo отрывалась отъ своего лагеря на ту-же дистанцію въ сто съ лишнимъ километровъ и, слѣдовательно, армія оставалась сама по себѣ, а лагерь-самъ по себѣ. Еще хуже получилось-бы положеніе при болѣе чѣмъ вѣроятномъ вынужденномъ отходѣ I-й арміи на свой укрѣпленный лагерь. Если-бы она вздумала при этомъ условіи искать въ немъ убѣжища, армія была-бы безъ труда обложена превосходными силами Наполеона и рано или поздно (скорѣе рано вслѣдствіе необезпеченности импровизированнаго лагеря всѣмъ необходимымъ) взята цѣликомъ. Если-бы, пренебрегая своей ловушкою, армія ушла-бы при отступленіи далѣе къ сѣверу, лагерь обратился-бы въ тотъ стратегическій нуль, который былъ естественно обезпеченъ ему при его сооруженіи. И это былъ-бы лучший исходъ, такъ какъ во всѣхъ прочихъ комбинаціяхъ онъ на вѣсахъ общей обстановки на театрѣ войны оцѣнивался отрицательною величиною: плѣнь I арміи или рискъ раздѣленія русскихъ силъ.

Примѣненіе болѣе обширнаго „укрѣпленнаго района“ въ Восточной Пруссіи во время Великой Европейской войны сыграло, обратно, весьма полезную роль для обороны и отраженія русскихъ вторженій.

Только, пользуясь невозможностью для русскихъ преодолѣть Восточный фронтъ этого района, Гинденбургъ и Людендорфъ смогли въ 1914 г. оставить противъ I-й арміи генерала Ренненкампа, атаковавшей съ востока, всего одну кавалерійскую дивизію и слабый гарнизонъ укрѣпленной позиціи, и, благодаря этому, сосредоточить противъ II-й арміи Самсонова всѣ прочія силы, равныя русскимъ числомъ на этомъ (южномъ) фронтѣ, но превосходившія ихъ маневренными данными. Операция для нѣмцевъ, по собственному признанію Людендорфа, носила очень рискованный характеръ, такъ какъ Ренненкампа, все-же, не лишень былъ возможности обойти укрѣпленный районъ съ сѣвера, перейдя рѣку Ангерраппъ, и атаковать нѣмцевъ, напавшихъ на Самсонова, въ ихъ тылъ. Однако для этого ему нужно было сдѣлать не менѣе 5—6 переходовъ, а этого времени оказалось достаточно для разбитія арміи Самсонова.

По полученіи вѣсти объ этомъ Ренненкампа также отошелъ изъ Восточной Пруссіи, спасенной не только искуснымъ маневромъ, но и приготовленной еще въ мирное время позиціей.

Тотчасъ-же послѣ своей побѣды въ августѣ 1914 г. нѣмецкое командованіе, сознавая неполноту укрѣпленій этого района, распорядилось расширить его къ сѣверу по р. Ангерраппъ.¹⁾

¹⁾ E. Ludendorff. „Souvenirs“, т. I, p. 91.

Впослѣдствіи, при вторичной попыткѣ уже X-й русской арміи вторгнуться въ Восточную Пруссію, ея укрѣпленный районъ оказался совсѣмъ для нея неприступнымъ. Съ другой стороны онъ послужилъ для нѣмцевъ удобнымъ, выдвинутымъ къ востоку исходнымъ наступательнымъ плацдармомъ въ 1915 г.

Весною этого года изъ этого плацдарма было предпринято нѣмцами наступленіе въ Праснышскомъ направленіи и, послѣ его неудачи, войска могли безопасно для себя укрыться за его обводомъ. Позднѣе объ тотъ-же обводъ разбилося наступленіе русской X-й арміи. А впослѣдствіи изъ этого-же плацдарма, при общемъ германскомъ наступленіи на Востокъ, обрушилась рѣшительная ихъ атака, направленная съ цѣлью отрѣзать русскимъ арміямъ, отходившимъ изъ Варшавскаго района (I-я и II-я), путь отступленія въ Россію. Лишь сопротивление XII-й русской арміи на Наревѣ и Бобрѣ, купленное цѣною огромныхъ усилий, лишило этотъ германскій маневръ, опять опирающійся на Восточно-Прусскій плацдармъ, его рѣшительнаго значенія.

Чтобы еще больше отгѣнить его силу и значеніе стоитъ привести и слѣдующій фактъ изъ русской стратегической практики все того-же 1915 года. Когда генераль М. В. Алексѣевъ принялъ командованіе Сѣверо-Западнымъ фронтомъ (отъ Балтійскаго моря до Галиціи исключительнo), примѣрно, въ серединѣ марта ст. ст., онъ объѣзжалъ арміи и дѣлился съ командованіемъ своимъ планомъ наступленія въ Познань. Особенностью этого плана было то обстоятельство, что Восточно-Прусскій укрѣпленный плацдармъ признавалось за лучшее не атаковать и считалось болѣе выгоднымъ, въ смыслѣ расхода живой силы, его обложить и наблюдать, такимъ образомъ прикрывая справа наступательную операцію. Ясно, что для обложенія укрѣпленнаго района съ длиною его восточнаго и южнаго обвода въ 300 километровъ должно было потребоваться огромное количество войскъ, само собою соотвѣтственно ослаблявшихъ русскій наступательный маневръ.

Фронтъ Верденъ—Туль—Эпиналь—Бельфоръ на восточной границѣ Франціи въ началѣ войны—другой примѣръ обширнаго укрѣпленнаго района, сыгравшаго рѣшительную роль въ ходѣ военныхъ событій и плановъ. Эти четыре крѣпости, удаленныя одна отъ другой на разстояніе меньше двухъ переходовъ, заставили нѣмцевъ избрать кружный путь для вторженія во Францію съ нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи. Хотя между этими крѣпостями и не было непрерывной позиціи, но самая взаимная близость ихъ исключала возможность проникновенія между ними: это не были четыре крѣпости, а укрѣпленный фронтъ изъ четырехъ крѣпостей.

Еще примѣръ, хотя и не получившій боевого значенія, но весьма характерный, такъ какъ былъ онъ вызванъ къ жизни боевою практикою и боевою дѣйствительностью. Когда русскіе, отступая подъ натискомъ нѣмцевъ въ 1915 г., дошли уже до Западной Двины, и приходилось подумать объ обезпеченіи Петрограда, а армія, пострадавшая отъ боевъ, лишилась маневренныхъ способностей, было приступлено къ созданію обширнѣйшаго укрѣпленнаго района: Кексгольмъ—Выборгъ—Нарва—оз. Пейпусъ—р. Великая—Псковъ—Островъ—р. Мста съ распространеніемъ его, если понадобится, и обстоятельства позволяютъ, далѣе на востокъ вплоть до Николаевской ж. д. Протяженіе такого въ дѣйствительности укрѣпленнаго фронта, который былъ готовъ осенью 1915 г., включая сюда и береговья батареи Бьерке, Ино, Кронштадта, Красной Горки, достигало 700 километровъ, а его южнаго участка, начиная съ Нарвы,—500 км! Этотъ районъ, усиленный бетонными сооружениями, былъ типичнымъ для эпохи миновавшей Великой Европейской войны.

Нѣмцы во время Брестъ-Литовскихъ переговоровъ по достоинству оцѣнили его оборонительное значеніе и, пользуясь предательской работой русскихъ большевистскихъ представителей на конференціи, первое, что поспѣшили себѣ выговорить, это занятіе Пскова, расположеннаго на фронтѣ упомянутаго укрѣпленнаго района.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы считать доказаннымъ огромное значеніе обширныхъ укрѣпленныхъ районовъ на современномъ театрѣ войны. Исходя изъ ихъ величины, правильнѣе всего было-бы назвать новый видъ опорныхъ на театрѣ войны пунктовъ „укрѣпленными географическими районами“. Вызванныя въ жизнь дальностью современнаго артиллерійскаго огня, эти районы получили затѣмъ свое оправданіе въ условіяхъ войны огромными войсковыми массами современности. Послѣднимъ свойственны такія разстоянія, о которыхъ арміи прошлыхъ временъ и думать не смѣли. То оперативное протяженіе, которое Дрисскій лагерь въ началѣ прошлаго вѣка сдѣлало нулевою стратегическою величиною, въ наше время является сравнительно ничтожною дистанціею, обычною для большихъ массъ.

Посмотримъ, къ чему свелось значеніе прежнихъ крѣпостей-точекъ. Изъ созданнаго Бріальмономъ укрѣпленнаго сердца Бельгіи атакѣ подвергся одинъ Льежъ. Послѣ геройской, но поневолѣ краткой обороны онъ палъ, не оправдавъ возлагавшихся на него ожиданій, какъ на крѣпость со всѣми усовершенствованіями современнаго инженернаго искусства. Поэтому ни Намюръ, ни Антверпенъ совсѣмъ не оборонялись и были оставлены своими гарнизонами безъ боя.

Такою-же участь постигла и богатая система Галиційскихъ крѣпостей: всѣ онѣ, также оборудованныя по Бриальмоновской системѣ, съ броневыми установками, были оставлены, не оправдавъ потраченныхъ на нихъ огромныхъ денегъ. Защищался лишь Перемышль и австрійцами, и русскими; и тѣми, и другими одинаково неуспѣшно.

Послѣ такого опыта 1914 и начала 1915 годовъ тѣмъ болѣе странно рѣшеніе русскаго командованія оборонять крѣпости Новогеоргіевскъ и Ковно послѣ оставленія Польши главными силами русской арміи въ концѣ 1915 года. Это повело къ напрасной гибели гарнизоновъ обѣихъ крѣпостей и къ соотвѣтственному уменьшенію живой силы дѣйствующей полевой арміи.

Понадобился этотъ повторный печальный опытъ о непригодности современной крѣпости-точки къ упорной оборонѣ, чтобы придти къ выводу о нецѣлесообразности обороны Брестъ-Литовска, который былъ оставленъ безъ боя.

А между тѣмъ еще путемъ занятій и учебныхъ упражненій мирнаго времени въ окрестностяхъ того-же Брестъ-Литовска были выработаны данныя, предсказывавшія опытъ войны. Во время большой полевой поѣздки Генеральнаго Штаба, посвященной вопросамъ крѣпостной войны, на основаніи перекрестнаго разбора данныхъ тактики и огневыхъ, въ связи съ могуществомъ инженерныхъ матеріаловъ, въ 1913 г. былъ выработанъ общій выводъ о томъ, что артиллерійская атака далеко опередила сопротивляемость инженернаго матеріала, что дальность артиллерійскаго огня позволяетъ нынѣ осуществлять могущественнѣйшія сосредоточенія его въ одну точку и что живая сила гарнизона не можетъ возмѣстить этотъ выводъ техники не въ пользу обороны крѣпости-точки.

Во время боевъ за Польскій, выдвинутый къ западу плацдармъ, на фронтѣ XII арміи находились тетъ-де-поны: Ломжа и Остроленка и на фронтѣ I-й арміи — Рожаны и Пултускъ, всѣ на р. Наревѣ. Командованіе XII-й арміи рѣшило не занимать своихъ тѣсныхъ тетъ-де-поновъ, тогда какъ I-я ихъ обороняла. Въ результатѣ I-я армія понесла свои тяжчайшія потери именно въ этихъ мышеловкахъ (въ частности XXI-й корпусъ при этомъ былъ почти уничтоженъ въ Рожанскомъ тетъ-де-понѣ) и, вынужденная къ преждевременному отходу, обнажила флангъ сосѣдней продолжавшей еще держаться на Наревѣ XII арміи.

Изъ крѣпостей Европейскихъ театровъ оборона Вердена и Осовца кажется какъ-бы исключеніемъ изъ сдѣланнаго вывода о непригодности въ современныхъ условіяхъ войны крѣпостей-точекъ. Но это исключеніе станетъ понятнымъ, если принять въ расчетъ, что обѣ названныя крѣ-

пости были ни чѣмъ инымъ, какъ долговременно укрѣпленными участками общаго фронта арміи.

Такую-же роль въ 1914 г. сыгралъ и Ивангородъ, крѣпость, упраздненная еще въ мирное время, но усиленная полевымъ способомъ.

Съ точки зрѣнія высказаннаго основного взгляда являлось цѣлесообразнымъ очищеніе крѣпости Либавы и непонятнымъ созданіе такой-же морской крѣпости Императора Петра Великаго (Ревеля), особенно что касается его сухопутнаго фронта, не имѣвшаго достаточной глубины.

Чтобы рѣзче пояснить, до какой степени слабо сознавалась истина о совершившемся уже фактѣ отмиранія крѣпости — точки, достаточно сказать, что въ силу Высочайше утвержденнаго положенія о такой малюсенькой крѣпостцѣ, какъ Осовецъ, предусматривалась оборона ея при круговомъ обложеніи. Это положеніе, за неисполненіе котораго коменданту грозилъ военный судъ, было отмѣнено лишь въ первыхъ числахъ августа 1915 г. по настояніямъ командованія XII арміи, возбужденнымъ еще въ маѣ того-же года. Эта отмѣна пришла ровно за день или за два до отхода арміи съ фронта р. Бобра, на коей находится Осовецъ.

Стратегическая задача Осовца кончалась вмѣстѣ съ уходомъ арміи. Если-бы гарнизону крѣпостцы было поручено продолжать дальнѣйшую оборону, онъ, конечно, исполнилъ-бы ее такъ-же доблестно, какъ и до той поры. Но на него была-бы возложена ненужная съ точки зрѣнія стратегіи „героическая“ задача, а армія лишилась-бы гарнизона, силою корпусъ, который, покинувъ свои верки, продолжалъ въ послѣдствіи активно сражаться въ рядахъ арміи.

Участь другой маленькой крѣпостцы, Мобежа, на границѣ Франціи и Бельгіи, поучительна противоположнымъ рѣшеніемъ вопроса. Послѣ отхода французской арміи отъ Бельгійской границы стратегическая задача Мобежа—прикрытіе лѣваго фланга этой арміи при ея нахожденіи на названной границѣ, была исполнена. Оставлять безъ измѣненія дальнѣйшую оборону этой устарѣлой крѣпостцы послѣ паденія ея великаго сосѣда, Льежа, было ни чѣмъ инымъ, какъ безразсуднымъ крѣпостнымъ формализмомъ и рутинерствомъ: разъ крѣпость,—значитъ, должна обороняться во что-бы то ни стало. Если бельгійскія крѣпости, построенныя по всѣмъ правиламъ Бріальмоновской фортификаціи, съ броневыми оборудованіями, не могли оказать германцамъ длительного сопротивленія и пали подъ натискомъ сравнительно небольшихъ силъ, отряженныхъ для ихъ атаки, что могла дать на вѣсы общаго стратегическаго положенія даже упорная оборона такого лиллипута фортификаціи, какъ Мобежъ?

Такою обороною во что-бы то ни стало могло-бы оправдать лишь одно боевое обстоятельство: моральное и материальное разстройство тогдашняго лѣваго крыла союзнаго командованія. Но и при этомъ заданіи, имѣя въ виду выясненные выше недостатки крѣпостей-точекъ на современномъ театрѣ войны и въ нынѣшнихъ условіяхъ боя, задача не могла быть рѣшена данными для ея рѣшенія средствами. Выгоднѣе были сильные аррьергарды и массы конницы, а не крѣпостца-лиллипутъ, не опирающаяся на армію.

А между тѣмъ въ итогѣ комендантъ Мобежа былъ судимъ за свою капитуляцію и оправданъ несомнѣнно вслѣдствіе взвѣшиванія изложенныхъ выше обстоятельствъ. Какъ извѣстно, маршалъ Жоффриъ былъ главнымъ свидѣтелемъ оправданія, и его показаніе было исполнено благородства.

Задача крѣпостей — давать опору маневру арміи. Эта задача не по силамъ крѣпостямъ-точкамъ въ обстановкѣ нынѣшнихъ массъ. Онѣ сами нуждаются въ опорѣ арміи. Дѣйствительную опору маневру массъ могутъ дать только „географическіе укрѣпленные раіоны“, въ родѣ Восточно-Прускаго. Общій выводъ — не одинъ огонь служитъ причиною изживанія крѣпостей-точекъ, но и „полчища“ современности, и главнымъ образомъ они.

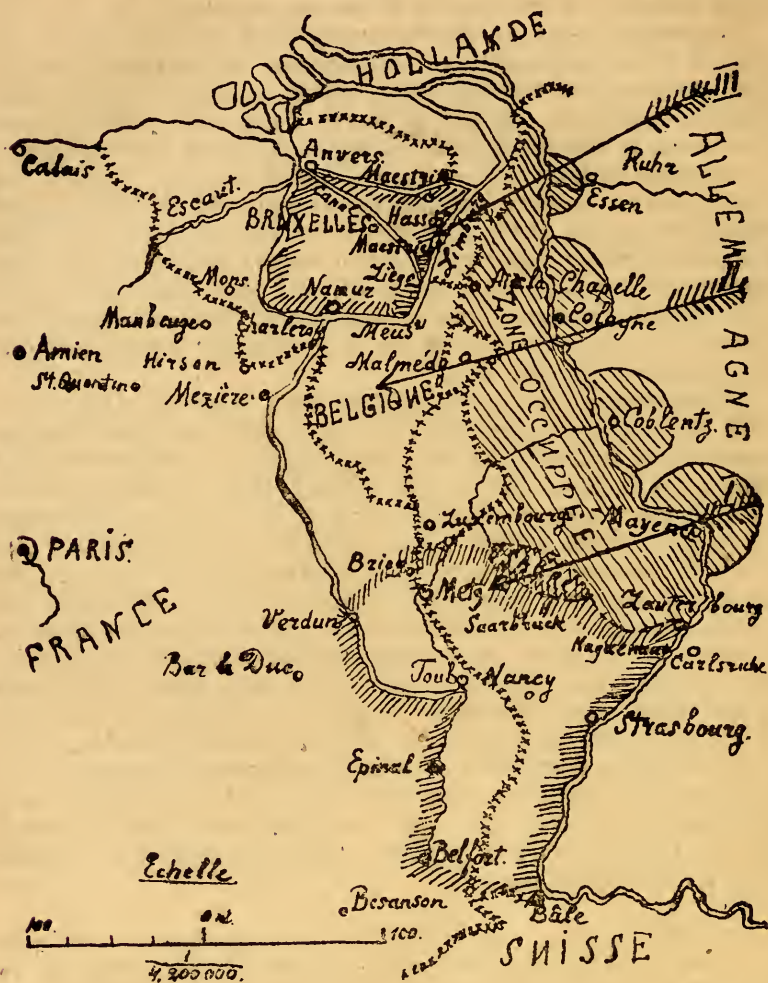
Современная крѣпость должна быть настолько обширна, чтобы быть въ соотвѣтствіи съ тою массою, которая на нее опирается и чтобы, въ случаѣ нужды, даже дать послѣдней надежное убѣжище въ своемъ обводѣ. Укрѣпленный географическій раіонъ долженъ поэтому быть выбираемъ съ такимъ расчетомъ, чтобы внутри своего периметра включать по возможности лобовые средствъ, необходимыхъ для веденія современной войны: заводовъ, фабрикъ, естественныхъ богатствъ ископаемыми, продовольственныхъ средствъ. Какъ въ бывшее время все это въ тогдашнихъ крѣпостяхъ заготовлялось ижживеніемъ инженернаго вѣдомства внутри крѣпостной ограды, такъ нынѣ подобная задача по плечу только всей государственной, хозяйственно-экономической системѣ. Ясно, что и выборъ мѣста для географическаго укрѣпленнаго раіона будетъ зависѣть не только отъ оцѣнки стратегическихъ направленій, имѣющихъ то или иное значеніе для обороны данной страны, но и отъ условій промышленности — добывающей и обрабатывающей.

Чтобы сильнѣе подкрѣпить эти мысли, полезно, не ограничиваясь простымъ утвержденіемъ, продемонстрировать ее на примѣрѣ такого выдающагося значенія, какъ операци на Западно-Европейскомъ театрѣ войны въ послѣднюю кампанію въ періодъ до 1-й Марны включительно.

По полученіи окончательныхъ свѣдѣній о нарушеніи нѣмцами нейтралитета Бельгіи и паденіи Льежа французско

главнокомандование 21 августа окончательно остановилось на следующем решении.

„Главное усилие направить через Люксембургъ и Бельгійскій Люксембургъ, угрожая такимъ способомъ сообщеніямъ силъ германцевъ, которыя переправлялись черезъ Маасъ между Намюромъ и голландской границей“. 1)

1) Joffre. „La Préparation de la Guerre et la Conduite des Opérations par le Maréchal Joffre“, p. 37.

Съ этою цѣлью французская армія была развернута на фронтѣ отъ Рейна на высотѣ кр. Туля до Гирсона (въ направленіи на Мобежъ), пять армій въ порядкѣ номеровъ справа налѣво, имѣя на своемъ лѣвомъ крылѣ конницу для связи съ Британской арміей, направленной на Монсъ (между Мобежемъ и Намюромъ). Правый флангъ общаго разворачиванія естественно опирался на фронтъ крѣпостей Бельфоръ-Эпиналь-Тулъ-Верденъ, въ районѣ которыхъ развернулись 1-я и 2-я арміи.

Но, — свидѣтельствуеъ маршалъ Жоффри, — „ожидаемое наступленіе не удалось. И однако не превосходство числа нашъ раздавило. Различныя мѣры, которыя были приняты . . . , въ дѣйствительности позволяли намъ завязать сраженіе не только съ замѣтнымъ въ общемъ численнымъ равенствомъ передъ нѣмцами, но даже съ тѣмъ-же подраздѣленіемъ силъ, какъ у германцевъ, а именно :

1) 3 арміи — между Рейномъ и Верденъ-Мець (включительно).

2) 3 арміи — къ сѣверу отъ линіи Верденъ-Мець.

Но лѣвый флангъ союзниковъ включалъ, передъ лицомъ лучшихъ единицъ германской арміи, элементы пестрые и неравной цѣнности (армія англійская, армія бельгійская и т. под.).

И, съ другой стороны, одной изъ главныхъ причинъ неудачи наступленія было то, что нашъ боевой аппаратъ не далъ того дѣйствія, которое вправѣ были отъ него ожидать.

Были многочисленныя случаи упадка духа въ нашихъ большихъ соединеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, пораженныя внезапною или, плохо ввязавшись въ дѣло, быстро сдали и отошли, подставляя сосѣднія части подъ тяжелыя потери.

Это былъ періодъ, — заканчиваетъ маршалъ, — наиболѣе тяжкій въ моей жизни¹⁾.“ Далѣе Жоффри продолжаетъ: „Сраженіе на границѣ было проиграно. 2-я и 1-я французскія арміи своимъ начальнымъ дѣйствіемъ спасли Нанси и прикрыли наше правое крыло на Вогезахъ. Но 3-я, 4-я и 5-я французскія арміи должны были уступить. 4-я армія исполняетъ съ успѣхомъ атаку на Маасъ противъ 4-й

---

¹⁾ Idem, 39—41.

германской арміи, дебушировавшей изъ Седана, и успѣваетъ отбросить ее за рѣку. Но далѣе къ сѣверу 1-я германская армія, свободная въ своихъ движеніяхъ, катится форсированными маршами черезъ Бельгію. Бельгійская армія—въ Антверпенѣ. Англійская армія отступаетъ. Треть германскимъ арміямъ праваго крыла путь открытъ¹⁾». Въ этихъ послѣднихъ словахъ маршала объясненіе тѣхъ двухъ причинъ неудачи, о коихъ онъ говорилъ ранѣе (слабое качество войскъ и начальниковъ лѣваго французскаго крыла). Послѣ ознакомленія съ ними объ причины сливаются въ одну: слабая „организация“ лѣваго крыла. Случаи упадка духа войскъ и начальниковъ—лишь слѣдствіе, а не причина. 5-я французская армія, какъ лѣвофланговая, къ которой почти исключительно относятся горькіе намеки маршала, на дѣлѣ оказалась въ очень трудномъ положеніи, угрожаемая совершившимся уже обходомъ слѣва трехъ германскихъ армій. Въ этой обстановкѣ одного мужества войскъ и начальниковъ уже не было достаточно для предотвращенія несчастья. Жоффрѣ, сознавая это, говоритъ далѣе: „Нужно, прежде всего, приступить къ новой перегруппировкѣ нашихъ силъ, преслѣдуя стратегическій маневръ съ цѣлью избѣжать охвата и, въ мѣрѣ возможности, вновь возстановить охватывающую форму“.²⁾ Для этого онъ предполагалъ „усилить все расположеніе на лѣвомъ крылѣ“.²⁾ Съ этою цѣлью общій фронтъ армій былъ отъ Вердена отваленъ назадъ—на линію Верденъ-С. Кантенъ-Амьень, съ сосредоточеніемъ въ лѣвофланговый районъ вызванной изъ резерва 6-й арміи ген. Манури, находившейся до того въ районѣ Баръ-ле-Дюка, а также всей Британской арміи.

Итакъ, все дѣло въ „организаци“ лѣваго фланга французской атаки: сюда именно были сосредоточены худшія войска, тогда какъ у нѣмцевъ здѣсь были лучшія. Общій резервъ (раيونъ Баръ-ле-Дюка) былъ, при томъ, за правымъ флангомъ атаки. Слѣдовательно, не было того равенства въ-ростѣй, о которомъ говорилось выше въ приведенной цитатѣ. Если-же имѣть въ виду еще выигрышъ времени и выгоду направлений, захваченную нѣмцами, то станетъ яснымъ, что сраженіе на границѣ не могло окончиться побѣдою даже при безупречномъ поведеніи войскъ и начальниковъ.

Въ то время, когда французы только собирались двинуться на сообщенія нѣмцевъ, послѣдніе уже выиграли флангъ союзниковъ и растрепали двѣ ихъ арміи, бельгійскую и британскую.

Остается задать вопросъ, что было-бы, если-бы въ распоряженіи бельгійской арміи, вообще слабой въ маневриро-

¹⁾ Idem, 43.

²⁾ Idem, 44.

ваніи, находился „укрѣпленный районъ“ современнаго типа, примѣрно, съ обводомъ: Шарлеруа—Намюръ—Льежъ—Маастрихтъ—р. Маасъ до голландской границы — Антверпенъ или меньшаго въ сторону сѣвера периметра, въ зависимости отъ силы арміи?

Думается, что опора лѣваго фланга союзниковъ очень окрѣпла-бы, и ихъ маневръ на границѣ удался-бы. Но для этого требовалось, чтобы фасы названнаго укрѣпленнаго района были-бы защищены не только въ имѣвшихся уже крѣпостяхъ-точкахъ, но и въ промежуткахъ.

Когда въ дальнѣйшемъ ходѣ отступательнаго маневра французской арміи выяснилась невозможность собраться съ силами на линіи Верденъ—Амьенъ для новаго перехода въ контръ-наступленіе, армія, какъ извѣстно, отошла на Марну, опираясь лѣвымъ флангомъ на Парижскій-укрѣпленный лагерь. И этотъ послѣдній, не смотря на полное свое несоотвѣтствіе современности, сыгралъ ту роль, которую могъ-бы съ успѣхомъ исполнить и Бельгійскій укрѣпленный районъ, если-бы онъ былъ устроенъ какъ слѣдуетъ. Къ Парижу удалось, наконецъ, перевезти б-ю армію, и она, вмѣстѣ съ территоріальными формироваціями крѣпости, рѣшила Марнскую побѣду посредствомъ маневра, опиравашагося на Парижъ, энергію его коменданта (Галіени) и богатые его импровизированныя средства (перевозка войскъ на такси и пр.).

При иныхъ условіяхъ, съ увѣренностью можно сказать новыя формироваціи Парижскаго гарнизона не могли-бы превратиться въ маневренныя части. Но дѣйствуя на короткѣ, опираясь на крѣпость, онѣ сдѣлали чудо Марны. Такое дополненіе „крѣпкаго“ мѣста было необходимо для этихъ милиціонныхъ полчищъ: здѣсь слово войска не у мѣста. Свойства этихъ частей требовали укрѣпленной опоры. И объясняется это отнюдь не только матеріальными, но въ особенности моральными, психологическими данными. И касается это наблюденіе не только территоріальныхъ, но и дѣйствующихъ современныхъ войскъ, разжиженныхъ при мобилизаціи резервистами и, слѣдовательно, съ ослабленнымъ воздѣйствіемъ кадровъ. Самъ Жоффръ въ вышеприведенномъ его заключеніи о неудачѣ сраженія на границѣ признаетъ это, когда говоритъ, что „одной изъ главныхъ причинъ неудачи наступленія было то, что нашъ боевой аппаратъ не далъ того дѣйствія, которое вправѣ были отъ него ожидать. Были многочисленные случаи уцѣдка духа въ нашихъ высшихъ соединеніяхъ“¹⁾, изъ которыхъ многія слишкомъ быстро сдавали.

Въ этомъ не должно было быть ничего неожиданнаго даже для такой арміи, какъ французская. Это законъ совре-

¹⁾ Idem, 41.

менныхъ полчищъ. Послѣ влитія пополненій въ ихъ кадры мирнаго времени непремѣннымъ результатомъ этой операціи является „пониженіе маневренныхъ способностей и духа“ войскъ. На многихъ начальниковъ это явленіе начала войны производило настолько удручающее впечатлѣніе, что и сами они испытывали кратковременную потерю духовнаго равновѣсія. Съ теченіемъ времени въ рукахъ энергичныхъ и опытныхъ въ воспитаніи войскъ начальниковъ не требовалось очень много времени, чтобы слить пополненія съ кадрами, не только по формѣ одежды, но и по духу. Но критическій періодъ каждая армія должна была пережить и въ дѣйствительности его переживала. Горе той изъ нихъ, которая недостаточно лелѣяла свою кадровую организацію мирнаго времени: такая армія не переживетъ переходнаго послѣ-мобилизаціоннаго періода, и пораженіе ея, по причинамъ духовнаго порядка, лишь вопросъ времени.

Не только въ этой поддержкѣ слабыхъ еще духомъ и организаціей „полчищъ“ польза укрѣпленныхъ географическихъ раіоновъ. Они даютъ экономію силы, очень выгодную для слабой стороны или для стороны, стремящейся къ активности и маневру. Гинденбургъ въ Восточной Пруссіи былъ и слабымъ, и активнымъ, при чемъ взялъ инициативу дѣйствій ему удалось только благодаря наличію заранѣе подготовленной мѣстности.

Оборона такой небольшой по территоріи страны, какъ Бельгія, должна быть основана вся на фортификаціонной подготовкѣ ея границы. Это и сознавалось со временъ Бріальмона, но одно было упущено: негодность крѣпостей-точекъ и необходимость замѣны ихъ географическимъ укрѣпленнымъ раіономъ. Выгоднѣйшій—Шарлеруа—Намюръ—Льежъ—Маастрихтъ—р. Маасъ до голландской границы—Антверпенъ—Брюссель—Шарлеруа съ обводомъ, при общей ея длинѣ ок. 400 км., прикрытымъ естественнымъ воднымъ рвомъ.

Небольшая бельгійская армія, имѣя для обороны около 150 км. наиболѣе угрожаемаго фаса, обращеннаго на востокъ и юго-востокъ, нашла-бы здѣсь поле дѣйствій, наиболѣе подходящее для ея милиціонныхъ качествъ, и оказала-бы своимъ союзникамъ такую помощь, которая, несомнѣнно, исключала-бы для нѣмцевъ возможность глубокаго вторженія во Францію и Бельгію и разореніе ихъ. Такая укрѣпленная фланговая позиція относительно главнаго операціоннаго направленія нѣмцевъ на Парижъ доставила-бы имъ огромныя непріятности и, можно думать, просто не позволила-бы, конечно, подпирая соотвѣтственный маневръ арміи, вторженіе внутрь Франціи. А это означало-бы пораженіе Германіи въ 1914, а не въ 1918 году, отсутствіе длительной войны и экономического кризиса въ Европѣ и, слѣдовательно, отсутствіе большевистскаго въ ней движенія.

Все изложенное — не проповѣдь пассивности, не теорія безнадежнаго закапыванія въ землю, а утверженіе боевой дѣйствительности, которую очень часто тенденціозно забывали и которой, затѣмъ, на дѣлѣ платили слишкомъ щедрюю дань на практикѣ. Несомнѣнно, если-бы еще въ мирное время отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что нынѣшняя масса очень нуждается въ содѣйствіи фортификаціи, этому содѣйствію сумѣли-бы придать активную форму, не умерщвлявшю маневра на цѣлые годы, того маневра, безъ котораго рѣшеніе войны будетъ всегда недостаточнымъ, неполнымъ.

Классическій примѣръ активности при пользованіи фортификаціей — Полтава Петра Великаго. Этотъ примѣръ тѣмъ для насъ интересенъ, что примѣненіе укрѣпленій было вызвано здѣсь тѣмъ-же обстоятельствомъ, которое повелительно подымаетъ свой голосъ и теперь. У Петра I-го войско даже послѣ девяти лѣтъ войны, къ 1709 г., не могло избавиться отъ милиціонности и не въ состояніи было въ открытомъ полѣ сойтись, какъ равный съ равнымъ, съ закаленными въ бояхъ и въ высшей степени способными къ маневру скандинавами Карла XII.

Поле сраженія подъ Полтавою представляло собою открытую поляну между двумя лѣсными пространствами съ общимъ направлениемъ съ сѣвера на югъ. По сѣверную сторону восточнаго изъ лѣсныхъ пространствъ находился русскій укрѣпленный лагерь фронтомъ на западъ, имѣя за собою р. Ворсклу и передъ собою опушку западнаго лѣса; по южную сторону восточнаго лѣса также на р. Ворсклѣ стоялъ городъ Полтава съ осажденнымъ въ немъ русскимъ гарнизономъ; армія Карла XII была въ ближайшихъ окрестностяхъ города. Такова была общая картина мѣстности.

Въ ожиданіи рѣшительнаго боя Петръ Великій занялся фортификаціоннымъ его усовершенствованіемъ, имѣя въ виду отмѣченныя выше свойства своей арміи, т. е., ея малыя маневренныя способности.

Сѣверную окраину поляны, между двумя лѣсными полосами, Царь перегородилъ линіей редутовъ и отъ середины этого фронта, по перпендикуляру къ ней, въ направленіи на югъ построилъ другую линію редутовъ.

Во время атаки шведовъ ихъ главные силы, направленные по полянѣ (тогда дѣйствія въ лѣсахъ не отвѣчали требованіямъ тактики), были разстроены сначала перпендикуляромъ изъ редутовъ, фронтальными редутами и, обстрѣленные справа русскими изъ лагеря, въ полномъ безпорядкѣ отошли къ опушкѣ западнаго лѣса, что находился противъ лагеря. Въ это время Карлъ XII былъ раненъ въ ногу. Несомый на качалкѣ, онъ повелъ свои потрепанныя уже части на свѣжія главные силы Петра, обезпеченныя къ тому-же лагеремъ,

и былъ разбитъ на голову съ общимъ переходомъ русскихъ въ энергичную контръ-атаку. На Полтавскомъ полѣ сраженія было много фортификаціи и очень мало пассивности. Вѣрное доказательство, что не всегда инженерное искусство является синонимомъ бездѣятельности на театрѣ войны и въ бою.

Не взирая на древность Полтавскаго примѣра, его принципиальная сторона не потускнѣла отъ времени. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не огонь вызвалъ примѣненіе фортификаціи, а качество войскъ.

Царь подѣ Полтавою своими „фортеціями“ не только подкрѣпилъ слабыя маневренныя свойства своей арміи, но ограничилъ боевую обстановку и упростилъ ее до высшаго предѣла. Число возможныхъ случайностей въ бою было сведено къ минимуму, а это и есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ фортификаціонной подготовки поля сраженія.

Той-же цѣли достигло сооруженіе на театрѣ войны крѣпостного фронта Верденъ-Туль-Эпиналь-Бельфоръ. Вторженіе нѣмцевъ на этомъ участкѣ границы исключалось самымъ фактомъ наличія линіи этихъ крѣпостей. Слѣдовательно, обстановка для французскаго командованія упрощалась до такой степени, что передъ нимъ оставалось всего двѣ задачи для рѣшенія: вторженіе нѣмцевъ черезъ Люксембургъ или черезъ Бельгію. Всѣ силы и были сосредоточены на сѣверо-восточную границу Франціи.

Эта задача свелась-бы къ одной первой, если-бы былъ созданъ укрѣпленный Бельгійскій плацдармъ современнаго типа.

Слѣдуетъ особо отмѣтить одно свойство такихъ плацдармовъ: это — экономія живой силы, которую они даютъ въ результатѣ ихъ примѣненія. Другими словами, такимъ „фортификаціоннымъ“ путемъ сохраняется сила, свободная для маневра.

Если прослѣдить прогрессивное возрастаніе длины фронтовъ, то мы убѣдимся, что она была:

подъ Бородинымъ въ 1812 г. —	3 1/2 километра для	
каждой изъ армій,		
подъ С.-Прива въ 1870 году —	12 „ для	
каждой изъ армій,		
подъ Мукденомъ въ 1905 году —	30 „ „	
каждой изъ армій,		
на Румынскомъ фронтѣ въ 1917 г. —	100 „ „	
каждой изъ армій. ¹⁾		

Выводы: 1) За сто лѣтъ длина фронта арміи (при-мѣрно, той-же силы) возрасла въ 30 разъ.

¹⁾ Грубо можно принять силу и составъ армій одинаковыми, почему для сравненія и избраны армейскія соединенія.

2) То-же, но за послѣднее полустолѣтіе — почти въ 10 разъ.

3) Средняя длина фронта арміи въ войну 1904—5 г. г.— 30 км.

4) Средняя длина фронта арміи въ минувшую войну — 100 км., т. е., втрое большая, чѣмъ въ Русско-Японскую кампанію.

Все это вызвано: 1) милиціонированіемъ армій, 2) огнемъ, 3) „землей“ и 4) техникой.

Невозможно сомнѣваться въ томъ, что въ будущую войну, когда техника используетъ вполнѣ опытъ минувшей кампаніи, длина фронта на армію еще возрастетъ, по крайней мѣрѣ удвоится или утроится. Другими словами, на армію придется грубо считать 200—300 км.¹⁾

Что это значить? Это означаетъ, что, напримѣръ, для пассивной обороны нынѣшней французской границы длиною около 300 км., изъ коихъ половина прикрыта Рейномъ, достаточно 1—2 арміи нормальнаго состава, разумѣется, при соответственномъ использованіи фортификаціонныхъ и техническихъ средствъ, а также при гармоничномъ согласованіи этого разворачиванія съ Бельгійской арміей и съ ея укрѣпленнымъ райономъ.

Излишекъ вооруженной силы, которую уже не придется, при этомъ, держать въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было до послѣдней войны, сберегается для маневра, направленіе котораго совершенно опредѣленно,—между Рейномъ и Бельгійской границей.

Спрашивается, не есть-ли это дѣйствительно практической первый шагъ къ столь желанному народами сокращенію вооруженій?

Въ будущую войну, съ увѣренностью можно сказать, не понадобятся тѣ огромныя полчища, которыя были выведены въ прошлую. Въ 1914—18 г. г. случилось это, между прочимъ, именно вслѣдствіе полнаго отсутствія инженернаго оборудованія театровъ войны, которое могло-бы считаться современнымъ. Арміи создавали себѣ опору „земли“ случайно, безъ системы, гдѣ оказывались вслѣдствіе предыдущихъ боевъ. Именно такимъ образомъ простояли четыре года французскія арміи, именно такъ окопались и русскія

¹⁾ Уплотненіе Западнаго, Французскаго фронта было значительно больше, чѣмъ Русскаго. Здѣсь взяты нормы только послѣдняго. Причины тому слѣдующія: общія условія сравненія требуютъ сличенія схожихъ по типу данныхъ, а не исключительныхъ, каковыми являются данныя французскаго фронта. Дѣйствительно, уплотненіе здѣсь было вызвано не только боевыми необходимостями, но и политическими, исключавшими всякій рискъ. Здѣсь на многіе годы съ обѣихъ сторонъ арміи были обречены на сплошное бездѣйствіе. Уплотненіе французскаго фронта поучительно не для веденія полевой войны, предметъ настоящаго изслѣдованія, а для позиціоннаго сидѣнія, какъ одной изъ формъ вырожденія такой войны. Весь настоящій трудъ направленъ противъ подобнаго вырожденія, бросившаго Европу въ объятія тѣхъ ужасовъ и ненормальностей, которые она теперь переживаетъ.

на невѣроятно длинномъ, чисто-кордонномъ фронтѣ въ 1600 км., лишившемъ огромныя вооруженныя силы Россіи ихъ маневренныхъ способностей. Не то было-бы, если-бы и здѣсь были созданы географическіе укрѣпленные районы, фланкировавшіе одинъ другому въ стратегическомъ отношеніи. Борьба 1915 г. за обладаніе Польшею и Литвою вѣроятно носила-бы совсѣмъ иной характеръ и увѣнчалась-бы другими результатами, чѣмъ это было въ дѣйствительности, если-бы такъ называемое Царство Польское образовывало-бы такой укрѣпленный районъ, какимъ, на примѣръ, владѣли нѣмцы въ Восточной Пруссіи, но, конечно, укрѣпленный болѣе по современному. Послѣднему мѣшало только одно обстоятельство: предрасудокъ, возбранявшій передъ величіемъ маневра возвеличивать фортификацію. Этотъ предрасудокъ былъ страшенъ не только самъ по себѣ, какъ и всякая предвзятая идея, но и потому, что эта предвзятость невольно останавливала изученіе совершившейся уже эволюціи инженернаго искусства и, главное, ея вліянія вообще на стратегическую и тактическую операцію. „Прикладныя“ послѣдствія этой идейной слѣпоты и привели къ затяжкѣ Великой войны съ войсками, расположенными кордономъ на тысячи километровъ (русскій фронтъ — 1600 км., французскій — 600 к., Салоникскій — 250 к., всего — 2550 км.), на случайныхъ, въ большинствѣ неудобныхъ и неестественныхъ позиціяхъ. Не проще-ли было имѣть ихъ удобными, естественными и не случайными? Только такія позиціи даютъ экономію живой силы, необходимой для маневра и, слѣдовательно, для рѣшенія войны.

Нужна борьба и съ этой предвзятостью идей, и съ людьми, которые проводятъ ее упрямо въ жизнь. Предвзятость идей — это самозащита лѣнивой теоріи, желающей успокоиться на пріобрѣтенномъ; люди, которые ей служатъ, — рутинеры науки. Во всѣхъ областяхъ знаній идетъ эта ретроградная работа, но не въ одной она не оплачивается такъ дорого, какъ въ военной, гдѣ только кровь, даромъ пролитая, ее искупааетъ.

Какъ слагаются подобные предрасудки? У людей боевой практики — подъ неотразимымъ вліяніемъ кроваваго опыта, у людей науки — какъ слѣдствіе долголѣтней привычки къ твердо усвоенному знанію.

Когда въ войну 1877—78 г. г., во время атаки двухъ редутовъ Горнаго Дубняка подъ Плевною, русскій гвардейскій корпусъ, штурмовавшій почти цѣликомъ слабый гарнизонъ этихъ турецкихъ укрѣпленій, понесъ огромныя потери и только цѣною этихъ непоимѣрныхъ жертвъ достигъ цѣли, генераль Гурко и его начальникъ штаба генераль Нагловскій были такъ поражены этимъ обстоятельствомъ, что вынесли

изъ боя преувеличенное представленіе о могуществѣ „редута“, какъ формы укрѣпленія.

Впослѣдствіи, когда тѣ-же войска зазимовали, въ декабрь мѣсяцъ на вершинахъ Балканъ, на труднодоступныхъ позиціяхъ Шандорника, Арабъ-Конака и Баба-горы, генераль Гурко приказалъ рыть на этихъ вершинахъ редуты. Напрасно одинъ изъ его подчиненныхъ — генераль Дандевиль доказывалъ ему, что выгоднѣе простые стрѣлковые окопы, дающіе болѣе длинную линію огня для тѣхъ-же силъ и требующіе менѣе труда для постройки. Напрасно онъ доказывалъ, что неприступныя горы не — равнины Горнаго Дубняка, что на этихъ высяхъ, раздѣленныхъ долинами, заваленными непроходимыми снѣжными заносами, не нужно искусственныхъ сооружений для увеличенія неприступности позиціи, генералу Дандевиллю, какъ и другимъ, было настойчиво указано строить редуты, которые такъ и не пришлось оборонять, но которые послужили отличными пристрѣлочными пунктами для турецкой дальнобойной артиллеріи и для ея сосредоточеннаго огня. Такова сила боевого внушенія. Когда опытъ прочувствованъ, логика безсильна его побороть. „Раціональная логика не сможетъ ни понять, ни выяснить, ни судить дѣйствія, продиктованная логикою чувствъ.“¹⁾

Но и у раціональной логики имѣется свой безысходный тупикъ, куда, обратно, не можетъ проникнуть живая жизнь, ея опытъ, иной разъ сильно прочувствованный и пережитой. Это ученый педантизмъ.

Въ 1911 г. въ Инженерномъ замкѣ въ Петроградѣ былъ устроенъ словесный диспутъ между защитниками тогдашней фортификаціи и новаторами, требовавшими нововведеній по опыту Русско-Японской войны. Первые принадлежали къ профессурѣ Николаевской военно-Инженерной академіи, вторые преимущественно къ молодежи Генеральнаго Штаба, имѣвшей опытъ послѣдней кампаніи. Во главѣ профессуры сталъ генераль Величко, бывшій начальникъ инженеровъ арміи ген. Куропаткина. Онъ, какъ и ген. Гурко четверть вѣка назадъ, продолжалъ настаивать на преимуществахъ сомкнутаго стараго форта. Тщетно ему указывали на новый типъ „разложеннаго форта“ (по нѣмецкой терминологіи „feste“), тщетно указывали, что сомкнутый фортъ лишь собиратель непріятельскаго артиллерійскаго огня, что могущество послѣдняго дѣлаетъ проблематичной самую возможность оборонить такой фортъ, ученый педантъ оставался при твердо усвоенной теоріи, недоступной дуновенію свѣжаго вѣтра съ поля боя. Оружіе педанта въ такихъ случаяхъ сводится обыкновенно къ ироніи надъ своими противниками, по его мнѣнію, диллантами. Во время этого диспута, между прочими вопросами,

) G. Le-Bon. „Les Opinions et les Croyances“, p. 88.

пренія коснулись и бронированія крѣпостныхъ оборонительныхъ сооруженій, при чемъ часто обращались къ популярной въ Россіи книгѣ французскаго инженера Піаронъ-де-Мондезиръ „La fortification cuirassée“; говорилось объ оригинальной карьерѣ этого талантливаго челоука, который для торжества своей идеи долженъ былъ бросить военную службу, натолкнувшись на сопротивленіе такой-же рутины, какъ и въ рассказываемомъ случаѣ, перейти на заводъ, черезъ могущественную промышленность вновь повліять на враждебное ему министерство и такимъ кружнымъ путемъ добиться торжества своей идеи. Нападая на упомянутую книгу, Величко назвалъ ее заводскою рекламою, а не научною работою. Его оппоненту ничего не оставалось, какъ отвѣтить, что эта реклама, вся построенная на наукѣ и на огромномъ опытѣ, сама жизнь, тогда какъ многіе профессорскіе труды являются научными только вслѣдствіе стоящаго на нихъ штемпеля ученаго учрежденія. Жизнь отъ нихъ такъ-же далека, какъ отъ устарѣлаго закона. Эти труды, какъ и такой законъ, запечатлѣваютъ прошлый опытъ и замерзаютъ на этой точкѣ въ ожиданіи сюрпризовъ новой войны.

Въ военной литературѣ нѣмцевъ, испытавшихъ на себѣ всю грозную силу танковъ, существуетъ довольно распространенный взглядъ о невозможности позиціонной войны въ будущемъ. Согласно этой теоріи, выношенной слишкомъ большою впечатлительностью, танки способны слизнуть любую укрѣпленную линію. По свойственной нѣмцамъ склонности, часто лишь по внѣшнимъ признакамъ, строить шаблоны стратегіи и тактики, они, устами нѣкоторыхъ своихъ молодыхъ авторитетовъ (напримѣръ, кап. Пфейферъ) предсказываютъ полное крушеніе фортификаціи.

Такъ-ли это?

Думается, что не такъ. Чтобы сдѣлать атаку танка не дѣйствительной, имѣется уже нынѣ достаточно средствъ: артиллерія и ея прицѣльный огонь, который, благодаря тѣмъ-же танкамъ, вооруженнымъ пушкою, сдѣлается болѣе часто примѣняемымъ, чѣмъ это было раньше; пѣхота и ея огонь бронебойными пулями; сами танки съ ихъ пушками и пулеметами; разныя искусственные препятствія (минныя поля, рвы, заболочиваніе мѣстности, затопленія и пр.); наконецъ, существующія мѣстныя препятствія (широкія рѣки, высокія горы, болотистые лѣса). Фактъ извѣстный, что въ Великую войну итальянская армія совсѣмъ не цѣнила танковъ и именно потому, что театромъ ея дѣйствій были Альпы и ихъ предгорья, гдѣ танкамъ двигаться было невозможно.

Въ грядущемъ прогрессъ техники неминуемо вызоветъ изобрѣтеніе новыхъ могучихъ средствъ для борьбы съ танками. Вотъ почему приходится считать, что могущество позиціонной борьбы едва-ли будетъ поколеблено танкомъ въ

такой степени, какъ это думаютъ нѣкоторые германскіе военные теоретики, вынесшіе свой выводъ непосредственно съ поля сраженія, гдѣ они на себѣ испытали дѣйствіе танка, а, главное, внезапность его массоваго употребленія.

Будущее танка велико, но еще неизвѣстно, гдѣ оно болѣе значительно, на полѣ маневреннаго сраженія или въ борьбѣ на укрѣпленной позиціи. Въ послѣднемъ случаѣ танки будутъ встрѣчены во всеоружіи крѣпостной оборонительной техники, тогда какъ въ первомъ случаѣ средствъ отпора танкамъ будетъ меньше и качественно они будутъ поневолѣ слабѣе.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію вопроса о совершенно современной организаціи инженерной обороны и подготовкѣ театра войны въ фортификаціонномъ отношеніи, лучше всего обратиться къ частному случаю и на этомъ примѣрѣ изучить вопросъ.

Франція, та счастливая страна, которая при общей длинѣ своей границы въ 40.000 км. должна обдумать и привести въ исполненіе оборону всего только 350 км., на участкѣ отъ Швейцарской границы до границы Люксембурга. Конечно, послѣ заключенія военнаго соглашенія съ Бельгіей всѣ французскіе планы обороны должны разсматриваться не иначе, какъ въ связи съ предположеніями бельгійскаго штаба. При этой комбинаціи граница для защиты удлинняется еще на 200 км. Слѣдовательно, всего для франко-бельгійской обороны нужно обезпечить 550 км. границы, изъ которыхъ 200 км. отъ швейцарской границы до Лаутербурга прикрыты уже Рейномъ и лишь 350 км., отъ Лаутербурга до Маесейкъ (на сѣверѣ бельгійскаго Лимбурга), ни чѣмъ не обезпечены. Гдѣ пролегаютъ главнѣйшія направленія германской атаки? Ихъ всего три.

„На лѣвомъ нѣмецкомъ флангѣ (370 км.) атака приводитъ къ Вогезамъ и къ укрѣпленному району Мецъ-Тювилль. Очевидно, районъ, снабженный столь могущественными средствами обороны, неблагоприятенъ для развитія наступательнаго маневра.

„Въ центрѣ Арденны и затѣмъ линія Мааса представляютъ тѣмъ болѣе серьезныя неудобства, что здѣсь возможны контръ-атаки съ фланговъ.

„На правомъ германскомъ флангѣ наступленіе можетъ развиваться въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ оборонительная линія Арденнъ обходится прохожденіемъ черезъ Голландскій Лимбургъ. Между Маесейкъ и Маестрихтъ Маасъ проходима во многихъ мѣстахъ, равнина — безъ естественныхъ преградъ; поэтому атакующій можетъ пытаться обойти лѣвое бельгійское крыло вторженіемъ черезъ голландскую территорію, какъ онъ прошелъ черезъ Лимбургъ въ 1918 году, во время германскаго отступленія. Нѣмцы попытаются

тогда снова поскорѣе достигъ побережья, чтобы предупредить вѣроятную высадку британскихъ силъ. Нельзя забывать, что нѣмцы имѣютъ въ районѣ Кельна чрезвычайно развитую желѣзнодорожную сѣть.“¹⁾

Изъ этого очерка трехъ направлений возможной нѣмецкой атаки ясно, что важнѣйшее — третье черезъ Рейнскую провинцію, гдѣ нѣмцы будутъ владѣть мостами на Рейнѣ, черезъ Лимбургъ въ сѣверную Бельгію.

„Очевидно, что бельгійское высшее командованіе должно изучить оборону всей территоріи цѣликомъ, другими словами, боевыя позиціи и опорные пункты должны быть близкими къ границѣ. Такъ какъ нельзя преслѣдовать задачу приведенія въ оборонительное состояніе границы въ 170 км., нужно ограничиться организаціей пунктовъ сопротивленія и оборонительныхъ стратегическихъ районовъ.“²⁾

По этому мнѣнію районъ въ 170 км. является чрезмѣрнымъ, тогда какъ, если судить по тѣмъ даннымъ, которыя были приведены относительно современной эволюціи укрѣпленныхъ мѣстъ въ сторону ихъ сильнаго растяженія по площади, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если районъ сѣверной Бельгіи обратится весь цѣликомъ въ укрѣпленный районъ.

„Этому способствуютъ и внутреннія особенности этой мѣстности. Районъ Льежа, угольный бассейнъ котораго столь важенъ, долженъ быть особенно прикрытъ. Но не можетъ быть и рѣчи, по мнѣнію техниковъ, о возстановленіи разрушенныхъ фортовъ, такъ какъ новѣйшіе форты не могутъ сопротивляться новѣйшей тяжелой артиллеріи. Но главной нѣмецкой атаки нужно опасаться на сѣверѣ, между Льежемъ, Маестрихтомъ и Маесейкомъ. Быть можетъ, эта атака распространится даже черезъ Голландію, чтобы попытаться обойти лѣвое крыло союзниковъ, имѣя цѣлью вторженія въ долину Кампины. Съ этой точки зрѣнія каналъ Кампины, который правительство предполагаетъ прорыть въ кратчайшій срокъ и который, связывая Антверпенъ съ Льежемъ, образуетъ серьезное препятствіе и важное средство обороны. Форты сѣвернаго сектора Антверпена, которые не были разрушены нѣмецкой тяжелой артиллеріей, могли-бы соответственно, въ случаѣ приведенія ихъ въ порядокъ, образовать солидный опорный пунктъ“³⁾.

Изъ этой характеристики мѣстныхъ условій ясно, что „географическій укрѣпленный районъ“ съ обводомъ Льежъ—Маестрихтъ—Маесейкъ—Антверпенъ—Брюссель—Шарлеруа—Намюръ, на важность котораго уже указывалось ранѣе, въ то-же время можетъ считаться и наиболѣе подготовлен-

¹⁾ „La défense du territoire belge“, Georges Detry, „Le Temps“, 9 Fevrier 1921.

²⁾ Idem.

³⁾ „Les opérations de l'Armée belge“, par Général Malletterre, „Le Temps“, 13 Fevrier 1921, № 21744.

нымъ въ фортификаціонномъ отношеніи. Старыя укрѣпленія здѣсь можно реформировать на новый ладъ, придавъ имъ форму линейную вмѣсто прежней формы точки: хорошо известна трудность разрушенія линіи и легкость сосредоточенія огня по точкѣ, естественному конденсатору непріятельской артиллеріи.

Является вопросъ о гарнизонѣ для намѣчаемой обширной крѣпости, имѣющей 170 км. по длинѣ угрожаемаго фронта, который возрастаетъ, если къ нему добавить еще и горжевой (Антверпенъ—Шарлеруа—Намюрь), до 300 км.

Бельгійская мобилизованная армія во время минувшей войны не превосходила 180.000 человѣкъ, изъ коихъ 80.000—въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Несомнѣнно для обороны предлагаемаго географическаго района въ первое время его существованія не потребуется болѣе такого-же количества войскъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ условій послѣдней войны, что бельгійская армія будетъ въ состояніи не только обнаружить свое геройство, но и дѣйствительнымъ образомъ оборонить суверенитетъ своей страны противъ значительно превосходящихъ ея силъ.

Въ настоящее время съ французской стороны раздаются голоса объ увеличеніи тяжести воинской повинности для Бельгіи въ интересахъ общей франко-бельгійской обороны. Эти голоса считаютъ, что армія въ 180.000 не соотвѣтствовала общей численности населенія страны (болѣе 7 милліоновъ въ 1914 г.) и что сила арміи могла-бы быть значительно усилена исключительно для обороны укрѣпленнаго района и доведена до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ человѣкъ для операцій вообще¹⁾.

Проектируемый географическій укрѣпленный для Бельгіи районъ избавить ее отъ новыхъ тяжестей воинской повинности и въ то-же время дастъ ей и ея союзнику, Франціи, болѣе дѣйствительныя гарантіи, чѣмъ огромная проектируемая, неизбѣжно сильно-милиціонная армія, не способная въ первое время своего существованія ни къ какимъ полевымъ дѣйствіямъ и ни къ какой маневренной войнѣ.

Разумѣется это не значить, что Бельгія имѣетъ нравственное право немедленно упразднить у себя весь призывной аппаратъ, существующій для постановки въ ружье максимальныхъ резервовъ населенія. Этотъ аппаратъ можетъ пригодиться на случай неудачи маневренной войны и общей ея затяжки по отрицательному образцу Великой Европейской войны, веденной на взаимный изморъ обоими противниками. Но здѣсь стратегія, строго говоря, уже не при чемъ. Стратегія существуетъ для скорѣйшаго и рѣшительнѣйшаго завершенія вооруженной борьбы. Разъ это условіе не соблюдено, остается состязаніе на жизненность обѣихъ сторонъ.

¹⁾ Idem.

На первый планъ выступаютъ требованія экономическія, интеллектуальныя и моральныя даннаго народа, его изобрѣтательность, его богатство, прочность его правительственнаго устройства. Все, что угодно, но не стратегія.

Важнѣйшій урокъ послѣдней для Бельгійской арміи—это созданіе для нея географическаго укрѣпленнаго района, который позволить держать для обороны страны и для исполненія союзныхъ обязательствъ лишь ограниченныя силы, не вызывая, быть можетъ, необходимости общаго призыва всего способнаго носить оружіе.

Нельзя забывать при этомъ, что бельгійскіе контингенты могутъ быть увеличены Британской арміей, имѣющей возможность произвести свободную высадку прямо въ укрѣпленный районъ, пользуясь его обезпеченной связью съ моремъ черезъ Антверпень. „Франція въ дѣйствительности будетъ имѣть корпусовъ болѣе, чѣмъ ей самой нужно для обороны ея восточной границы; она сможетъ протянуть руку помощи Бельгіи. Поступая такъ, она защититъ и себя, такъ какъ обезпечитъ свою территорію противъ новаго вторженія и устранить угрозу новыхъ опустошеній. Бельгія, со своей стороны, безусловно выиграетъ отъ коопераціи франко-бельгійскихъ силъ, къ которымъ несомнѣнно присоединятся британскія силы, такъ какъ она сможетъ защищаться на своей границѣ и даже впереди нея; она избѣжитъ такимъ образомъ печальной участи, которая въ теченіе вѣковъ дѣлала изъ ея территоріи поле сраженія для Западной Европы. Она избѣгнетъ такимъ способомъ ужасовъ вторженій“¹⁾.

Таковы безспорныя преимущества созданія „Бельгійскаго укрѣпленнаго района“. Ихъ нужно признать со стратегической точки зрѣнія чрезвычайно важными, важными настолько, что иминевозможно пренебречь.

Они усиливаются въ своемъ значеніи, если прикоснуться къ политической сторонѣ вопроса. Дѣйствительно, „обѣ страны сохраняютъ, въ силу заключеннаго соглашенія, свой полный суверенитетъ и свою безусловную независимость. Каждая страна свободна устраивать свою военную организацію, какъ ей угодно. Она лишь обязана быть въ состояніи выполнить миссію, которая ей поручена въ силу конвенціи. Нужно, чтобы каждая изъ обѣихъ странъ была въ состояніи стать лицомъ къ лицу, безъ колебаній передъ своими обязательствами. Именно эта необходимость обезпечить дѣйствительность предвидѣнныхъ заранѣе средствъ обороны, которая должна господствовать въ обѣихъ странахъ при ихъ военной реорганизаціи, обязательна послѣ этой Великой войны“. И среди другихъ мѣръ, которыя должны способствовать осуществленію приведеннаго пожеланія наиболѣе дѣйствительная — созданіе укрѣпленнаго района въ Сѣверной Бельгіи.

¹⁾ Ibid.

Къ этому вынуждаетъ также и неизбѣжно милиціонный составъ Бельгійской арміи, не могущей содержать въ мирное время кадры силы достаточной, чтобы обезпечить массу войскъ военного времени отъ этого милиціонированія. А такая армія, въ особенности въ первое время войны, очень и очень нуждается въ поддержкѣ укрѣпленій, лишь-бы они были вполне современными.

Такимъ прочнымъ оплотомъ можетъ быть защищенъ лѣвый флангъ Франко-Бельгійскаго фронта.

Правый его флангъ, какъ сказано, на протяженіи отъ Швейцарской границы до Лаутербурга прикрытъ Рейномъ, на участкѣ-же Лаутербургъ-Мець, длиною всего около 150—200 км., имѣеть укрѣпленную группу Мець-Верденъ-Тіонвилль, которая безъ труда можетъ быть развита на востокъ до Рейна, чтобы вмѣстѣ съ послѣднимъ образовать укрѣпленный географическій районъ: Швейцарская граница — Лаутербургъ — Мець — Верденъ, имѣющій по фронту около 350—400 км.

Очень важно включить въ этотъ укрѣпленный районъ Брие, какъ рудный и промышленный и, хотя-бы временно, на время оккупации, районъ Саррский, какъ угольный. Неустрашимая, повидимому, невыгода мѣстонахожденія ихъ — слишкомъ большая близость къ наружному обводу района.

Открытымъ подступомъ во Францію и Бельгію останется лишь короткій участокъ вдоль Люксембурга и Бельгійскаго Люксембурга, общимъ протяженіемъ около 150 км., при томъ съ флангами, обезпеченными двумя укрѣпленными районами, изъ которыхъ сѣверный, Бельгійскій, потребуетъ не болѣе одной слабой арміи для своей пассивной обороны, а южный, Французскій, одной сильной. Прочія силы Французской и Бельгійской армій сохраняются для маневра, значительно упрощаемаго благодаря фортификаціонной подготовкѣ театра войны. Въ то время, когда у обороны останется разнообразіе маневра для рипоста наступленія (комбинація фронтальныхъ и фланговыхъ контръ-атакъ, — изъ укрѣпленныхъ районовъ), у вторгающагося противника не будетъ въ распоряженіи ничего, кромѣ столь излюбленныхъ Людендорфомъ фронтальныхъ прорывовъ, которые будутъ тѣмъ вѣрнѣе аннулированы, чѣмъ глубже продвинутся въ треугольный мѣшокъ прорыва атакующія войска. Достаточно отмѣтить, что открытый участокъ Франко-Бельгійскаго фронта не будетъ длиннѣе общаго фронта двухъ смежныхъ прорывовъ Людендорфа весною 1918 г.: на Амьень и на Шато - Тьери (Шемень-де-Дамъ). Можно предположить, что и итоги попытки прорыва на немъ не могутъ быть иными, чѣмъ въ 1918 г.

Переходъ въ наступленіе франко-бельгійцевъ будетъ обезпеченъ инженерною подготовкою театра войны.

Имѣя въ виду, что соотвѣтственная подготовка въ фортификаціонномъ отношеніи германскаго противолежащаго театру войны будетъ гораздо труднѣе, такъ какъ не вдалекѣ за фронтомъ будетъ находиться Рейнъ съ разрушенными на немъ старыми укрѣпленными мѣстами.

Мѣшаегь этому также и 15-лѣтняя оккупация лѣвобережныхъ Рейнскихъ областей французами, обезпеченная къ тому-же важнымъ въ цѣляхъ активной обороны занятіемъ четырехъ обширныхъ тетъ-де-поновъ, Рурскаго, Кельнскаго, Кобленцкаго и Майнцскаго. Эта оккупация, какъ извѣстно, въ случаѣ неисполненія нѣмцами своихъ финансово-экономическихъ обязательствъ, можетъ быть и продлена.

Во всякомъ случаѣ передъ французами и бельгійцами имѣется полная возможность за этотъ длинный срокъ вполне подготовить свои границы въ инженерномъ отношеніи, въ то время какъ ихъ противники смогутъ только приступить къ началу своихъ соотвѣтствующихъ работъ.

Если-бы нѣмцамъ съ теченіемъ очень большого промежутка времени удалось противопоставить франко-бельгійскимъ плацдармамъ свои, является сильное сомнѣніе въ возможности производства наступленія, маневра съ какой-бы то ни было стороны. И здѣсь слова маршала Фоша о войнѣ — „она будетъ маневренной или она не достигнетъ цѣли“ — пріобрѣтаютъ уже вѣщее значеніе.

Какъ въ Севастопольскую войну „земля“ побѣждала „огонь“, такъ въ минувшую Великую Европейскую войну „огонь“ побѣдилъ „землю“. Какимъ образомъ этотъ вопросъ повернется въ будущую кампанію, предвидѣть трудно. Прежде всего это вопросъ техники. Одно только можно предугадать, — постройка новыхъ разрушительныхъ машинъ требуетъ преодолѣнія большихъ трудностей, чѣмъ совершенствованіе закрытій. Мало того, какъ показалъ опытъ прошлой войны, даже обыкновенный полевой окопъ, извѣстнымъ образомъ использованный и расположенный, не потерялъ своей обороноспособности даже противъ тяжелой современной артиллеріи. Что-же будетъ, если все могущество техники и изобрѣтательности придетъ на помощь инженеру? Въ эпоху, предшествовавшую послѣдней войнѣ, интересъ техники къ инженерной оборонѣ былъ ничтоженъ. Усилія такихъ дѣятелей, какъ Бріальмонъ и Піаронъ-де-Мондезиръ, нужно считать единичными. Происходило это прежде всего отъ отсутствія заданій со стороны военной власти. Господствовавшая проповѣдь „маневра“ почему-то исключала интересъ къ инженерной оборонѣ. вмѣстѣ со слабымъ интересомъ къ ней сюда притекали и ограниченныя сравнительно средства, которыя, какъ извѣстно, не въ силахъ поощрить изобрѣтательность и промышленность. И то, и другое требуется

въ высшихъ степеняхъ напряженія, если имѣть въ виду необходимость осуществленія столь сложныхъ плановъ инженерной обороны.

Общая цѣль этихъ плановъ должна сводиться къ слѣдующему:

1) Сокращеніе фронтовъ обороны, требующихъ расхода живой силы арміи.

2) Сокращеніе, упрощеніе и большая опредѣленность задачъ государственной обороны.

3) И наконецъ, какъ болѣе или менѣе отдаленный идеаль, сокращеніе живой силы, т. е., арміи.

Чтобы достигъ эти цѣли военная техника уже теперь владѣетъ могучими средствами, которыя несомнѣнно усилятся и умножатся приливомъ изобрѣтательности въ область пассивной обороны.

Нынѣ приходится серьезно подумать о созданіи „географическихъ укрѣпленныхъ раіоновъ“, построенныхъ на основаніи слѣдующихъ принциповъ.

Какъ въ періодъ передъ Великой войной вошло въ жизнь новое понятіе о „разложенномъ фортѣ“ (фесте), такъ теперь должно обратиться къ сооруженію „разложенной крѣпости“, превратившейся въ обширный раіонъ.

Этотъ раіонъ, въ свою очередь, будетъ состоять изъ позицій, участковъ и группъ, а эти послѣднія — изъ оборонительныхъ сооружений, предназначенныхъ для артиллерійской, пулеметной, ружейной и бомбометной обороны, а также сооружений для тыловыхъ службъ, жилья-убѣжищъ, сообщеній и связи.

Постройки для боевыхъ цѣлей, какъ по своимъ формамъ, такъ и по взаимному расположенію должны образоваться только съ однимъ требованіемъ тактической обстановки вообще и съ тактическимъ характеромъ мѣстности въ особенности.

Все должно быть сдѣлано для максимальнаго дѣйствія огня всѣхъ видовъ и для облегченія маневра войскъ, какъ внутри раіоновъ и ихъ частей, такъ и для внѣшнихъ активныхъ дѣйствій, опираясь на нихъ.

Бронированіе и бетонированіе, конечно, должно найти здѣсь широчайшее примѣненіе, но и предположенія о полево́мъ усиленіи позицій не должны быть забыты и разработаны еще въ проектахъ мирнаго времени.

Что касается путей сообщеній, то среди нихъ внутри географическихъ укрѣпленныхъ раіоновъ должны получить большое развитіе подземныя желѣзныя дороги по образцу парижскаго метрополитена. Это особенно важно въ виду, какъ неизбѣжнаго развитія дѣйствій и наблюденія воздушныхъ силъ, такъ и огромнаго усиленія артиллерійскаго могущества и силы воздушнаго боя, которые въ будущихъ вооруженныхъ кон-

фликтахъ сумѣють умертвить всякое надземное сообщеніе въ степени еще большей, чѣмъ это имѣло мѣсто подь Верденомъ и о чемъ наглядно свидѣтельствуегь монументъ на мѣстѣ траншеи заживо погребенныхъ.

Такъ какъ эти подземные пути должны имѣть выходы среди разныхъ укрѣпленій района и такъ какъ должно предвидѣть возможное овладѣніе нѣкоторыми изъ нихъ противникомъ, слѣдуетъ также предусмотрѣть неизбѣжность подземной минной борьбы въ небывалыхъ размѣрахъ за пути, а также необходимость такого расположенія послѣднихъ, чтобы проникновеніе вдоль путей противника было-бы строго ограничено возможно меньшими предѣлами. Отсюда, какъ слѣдствіе, развитіе всѣхъ путей на отдѣльныя группы, не сообщающіяся между собою и зачастую расположенныя въ разныхъ плоскостяхъ.

Этотъ видъ подземныхъ сообщений, разумѣется, долженъ быть использованъ мѣстнымъ населеніемъ еще съ мирнаго времени для его нуждъ. Слѣдовательно, неоспоримая выгода этого оборонительнаго сооруженія, въ изытаніе изъ общаго правила, заключается въ томъ, что оно, имѣя экономическія преимущества, будетъ постепенно окупаться приносимую пользою и коммерческою эксплоатаціею.

Не меньшую пользу принесутъ и цементно-бетонные заводы, которые необходимо открыть еще съ мирнаго времени внутри географическихъ укрѣпленныхъ районовъ, такъ какъ крайне необходимо предотвратить истребленіе дерева для оборудованія окоповъ и фортификаціонныхъ сооруженій путемъ замѣны его, по возможности, бетонными брусьями и пластинами разныхъ формъ. При этомъ, конечно, выиграетъ и прочность, и оборонительная сила сооруженій. Не трудно предвидѣть, что такое наличіе бетонныхъ заводовъ будетъ имѣть огромное вліяніе на распространеніе бетонныхъ сооруженій и среди жителей даннаго района. Это въ свою очередь должно сократить расходъ дерева и улучшить вообще жилищныя условія населенія, одновременно удешевивъ стоимость построекъ и сокративъ скорость ихъ сооруженія.

Географическіе укрѣпленные районы дадутъ внутри своихъ обводовъ пріютъ для воздухоплавательныхъ базъ. Нетрудно предвидѣть, что сотни аппаратовъ минувшей войны въ будущую кампанію замѣнятся многими тысячами и даже десятками тысячъ. Для такой воздушной стаи нужны очень сложныя оборудованія, какъ для ихъ жизни, такъ и для возможности взлетовъ массою въ очень короткій промежутокъ времени. Къ тому-же пункты сосредоточенія частей этой воздушной арміи должны быть обязательно обезпечены отъ налетовъ непріятельской силы. Надземные ангары не являются для такого случая надежнымъ убѣжищемъ. И здѣсь, какъ въ отношеніи путей сообщенія, мы натываемся на необходимость

предвидѣть устройство подземныхъ ангаровъ. Выходы изъ нихъ будутъ имѣть форму аппарелей достаточной ширины. Такое рѣшеніе вопроса тѣмъ болѣе цѣнно, что въ мирное время устраняетъ необходимость отнятія отъ жителей съ цѣлью обороны значительныхъ культурныхъ площадей, которыя такимъ способомъ не будутъ отобраны у производительнаго труда. Естественное мѣстоположеніе для такихъ воздушныхъ базъ — это овраги и горные хребтики незначительной высоты; такъ какъ здѣсь подобные ангары не потребуютъ аппарелей, конечно, затрудняющихъ вывозъ аппаратовъ, особенно большой тяжести; для гидроплановъ лучшая мѣстность, необходимая такой базѣ, — обрывистые, рѣчные и морскіе берега съ выходами прямо на воду.

Наконецъ, войска, предназначенныя для дѣйствій въ этихъ районахъ, должны съ мирнаго времени получить полное знакомство съ ними и совершенно освоиться съ предстоящими сложными задачами.

Надъ этими вопросами стоитъ поработать. Они диктуются самою жизнью и боевою дѣйствительностью.

Послѣдняя требуетъ нарочитаго вниманія и подготовки въ умѣнїи вести позиціонную войну. И это не только на сушѣ, но и на морѣ. Дѣйствительно, вслѣдствіе развитія искусства постановки обширныхъ минныхъ полей морскіе укрѣпленные районы, особенно, что касается внутреннихъ водъ, фактически получаютъ нынѣ всѣ отличительныя особенности позиціонности. Укрывшійся за минными полями флотъ можетъ вести свою работу почти какъ въ мирное время. Для атаки такого флота нужны огромныя усилія по прорыву морской позиціи. Маневренный бой встрѣчается и въ морѣ, какъ и на сушѣ, все рѣже и рѣже. Совершенно какъ на сухопутѣ, подобный бой нерѣдко не доводится до конца и оканчивается уходомъ за свою минную позицію. Какъ это ни печально съ точки зрѣнія чистаго военнаго искусства, блестящія страницы котораго всѣ связаны съ веденіемъ энергичнаго маневра, но таковъ рокъ исторіи. Куда онъ приведетъ въ окончательномъ итогѣ, сказать трудно, но съ нимъ, какъ съ реальною величиною, пора, наконецъ, начать считаться. Кто знаетъ? Быть можетъ эта эволюція военнаго искусства есть ни что иное, какъ историческій путь къ уменьшенію страховой преміи государства за внѣшнюю безопасность.

Во всякомъ случаѣ для всѣхъ малыхъ по территоріи государствъ подобная эволюція весьма выгодна ради экономіи живой силы,¹⁾ а для странъ съ небольшимъ приростомъ

¹⁾ Для такихъ странъ, какъ Данія, Голландія, Швейцарія, Турція въ ея Европейскихъ владѣніяхъ, Бельгія, даже Люксембургъ созданіе у себя географическихъ укрѣпленныхъ лагерей — единственное и, при томъ, дѣйствительное средство защиты своего суверенитета отъ покушеній извнѣ.

населенія, не обезпечивающимъ образованія „массовой“ арміи, это единственный выходъ для рѣшенія вопроса самостоятельной обороны своихъ границъ даже безъ поддержки великихъ союзниковъ (Франція).

Подъ обѣ эти категоріи подойдутъ всѣ государства Европы, кромѣ Россіи. Но для послѣдней предлагаемая схема инженерной подготовки совсѣмъ не невозможность, какъ показываетъ опытъ сооруженія огромнаго укрѣпленнаго раіона для обороны Петрограда въ 1915 г. И для нея, какъ и для прочихъ, это единственная система, дающая возможность сузить крайнее многообразіе ея стратегическихъ задачъ для внѣшней защиты.

Въ заключеніе должно поставить вопросъ, какова будущность фортификаціи въ грядущей войнѣ, если въ минувшей, до которой на нее не обращали почти никакого вниманія, она вынудила противниковъ къ 4-лѣтнему сидѣнію въ окопахъ, раскинувшихся на случайныхъ мѣстахъ и безъ всякой системы?

Для перехода въ наступленіе въ 1918 г. потребовалось все напряженіе современной техники, переустройство и перереорганизация армій. Только тогда, послѣ 4 лѣтъ неудачныхъ попытокъ, можно было въ послѣдніе 4 мѣсяца войны развить наступленіе, однако безъ полной увѣренности, что оно не рисковало застыть на новыхъ позиціяхъ, если-бы не моральное саморазложеніе германской арміи.

Что-же будетъ, когда войнѣ будутъ предшествовать десятилѣтія упорной работы по инженерной подготовкѣ театровъ войны? Фантазія рисуется самыя необузданныя перспективы. Ненужность огромныхъ полчищъ, которая выяснится даже путемъ практики мирнаго времени; сокращеніе живой вооруженной силы; развитіе въ ней спеціальностей, — поэтому усиленіе профессиональнаго военнаго въ ней элемента; и наконецъ, какъ завершеніе всего, безцѣльность войны, какъ средства политики для навязыванія своей воли противнику даже во много разъ слабѣйшему числомъ.

Однако можетъ быть и иной, менѣе отрадный исходъ намѣчаемой эволюціи. Если, какъ было это до Великой войны, попрежнему не придадутъ надлежащаго значенія фортификаціонному элементу во время войны и если по прежнему къ нему отнесутся съ полупрезрѣніемъ, государства продолжать милиціонированіе армій, расширяя рамки вооруженнаго народа, и въ военное время вновь неожиданно для себя столкнутся съ требованіемъ инженерной дѣйствительности, но уже, благодаря прогрессу техники, въ размѣрахъ значительно болѣе серьезныхъ чѣмъ въ минувшую войну. Желаніе упорно использовать „массу“ будетъ такимъ-же, какъ и въ прошлую кампанію, и война, затянувшись до безпредѣльности, приведетъ къ тому взаимному разоренію

противниковъ, гдѣ не будетъ побѣдителя и гдѣ исходъ одинъ: одичаніе борющихся, какъ это случилось нынѣ съ Россіей.

Который изъ двухъ путей выгоднѣе избрать, отвѣтъ ясенъ.

Послѣ войны, которая вся прошла въ поискахъ средствъ борьбы съ неодолимой „позиціей“, пора вполне „официально“ признать ея современное могущество и имѣть ее не только въ качествѣ сильнаго противника, но и въ видѣ такого-же помощника и союзника, при томъ, облегчающаго активныя дѣйствія, а не упраздняющаго ихъ, какъ это было въ прошлую войну.

Опытъ послѣдней былъ едва-ли не самымъ поучительнымъ именно во всѣхъ вопросахъ „позиціи“. Надо его широко использовать.

ГЛАВА VI.

Успѣхи огня.

Высшій выразитель огня, разумѣется, артиллерія. Въ минувшую Великую войну сказалась ея полная побѣда надъ закрытіями всякаго вида и обозначилась побѣда надъ всякими разстояніями. И то, и другое, при могуществѣ современной техники, конечно, будетъ продолжать развиваться.

Ближайшее послѣдствіе этой эволюціи военнаго искусства, въ связи съ небывалымъ примѣненіемъ фортификаціи, парализованіе важнѣйшаго рычага побѣды, принципа „движенія“ и, какъ слѣдствія его, „маневра“.

Чтобы показать нагляднѣе успѣхи огня въ Великую войну, лучше всего воспользоваться статистическими данными.

Французская армія начала кампанію съ 3.840 легкими полевыми орудіями и 300 тяжелыми, изъ которыхъ лишь треть скорострѣльныхъ, а окончила войну съ 5.000 легкими и 5.000 тяжелыми. Слѣдовательно, въ началѣ соотношеніе легкой артиллеріи къ тяжелой равнялось $1/13$, а въ концѣ борьбы — $1/1$. Къ этимъ цифрамъ нужно добавить численность Британской артиллеріи — 3.600 легкихъ и 3.200 тяжелыхъ орудій. Всего, слѣдовательно, у франко-британцевъ было 8.600 легкихъ и 8.200 тяжелыхъ орудій, т. е., половина на половину тѣхъ и другихъ.

Германская армія начала кампанію съ 5.400 полевыми орудіями, изъ которыхъ, при томъ, $1/4$ гаубиць калибра 105 см., и, сверхъ того, 2.000 тяжелыхъ орудій. Если прибавить къ тяжелымъ орудіямъ полевые гаубицы, что вполнѣ естественно, то станетъ ясно, что уже въ началѣ войны у нѣмцевъ было то соотношеніе легкой и тяжелой артиллеріи, котораго союзники достигли только въ концѣ кампаніи (легкая — 2 и тяжелая — 1, 7, т. е., почти $1/1$). Доказательство, что нѣмцы обнаружили при завязкѣ войны болѣе реальное пониманіе боевой необходимости, чѣмъ французы, у которыхъ, однако, были такія артиллерійскія имена, какъ Ланглау, создатель школы современной артиллеріи и воспитатель нынѣшней артиллерійской доктрины.

Къ концу войны у нѣмцевъ было 12.500 полевыхъ орудій, изъ которыхъ гаубиць уже не $1/4$, а $1/3$ и 7,860 тяжелыхъ орудій, не считая 110 батарей исключительнаго могущества и тракторной морской артиллеріи. Слѣдовательно, соотношеніе между легкой и тяжелой артиллеріей, считая въ ея числѣ полевые гаубицы и даже откинувъ упомянутыя 110 батарей, выразилось перевѣсомъ въ пользу тяжелой (какъ I къ I, 25).

Послѣ приведенныхъ цифръ и соотношеній между легкой и тяжелой артиллеріей нужно-ли доказывать, что эволюція въ пользу тяжелой артиллеріи будетъ неуклонно продолжаться?

Интересно разсмотрѣть соотношеніе между пѣхотой и артиллеріей. Передъ послѣднею войною оно было 1 орудіе на 1.000 человекъ. Къ концу войны на 1 орудіе приходилось всего 500 человекъ.

Уплотненіе артиллерійскаго фронта во время войны достигло того, что 1 легкое орудіе приходилось на каждые 15—25 метровъ, тяжелое — на 25—30 метровъ и траншейное — на 25—30 метровъ.¹⁾

Какъ кажется, ни дальнѣйшее увеличеніе количества артиллеріи и относительно пѣхоты, ни большее уплотненіе артиллерійскаго фронта едва ли возможно. Въ противномъ случаѣ походныя колонны должны обратиться въ сплошной обозъ, а позиціи и боевыя разворачиванія—въ сплошныя батареи, что и невозможно, и нежелательно съ точки зрѣнія того маневра, къ которому, не взирая на современныя трудности, все-же нужно стремиться.

Вѣрнѣе предположить, что дальнѣйшая эволюція артиллерійской техники позволить, увеличивши скорострѣльность пушки до скорострѣльности пулемета, уменьшить число жерлъ на позиціи, соотвѣтственно увеличивши ея боевой запасъ. По всей вѣроятности рядомъ съ будущимъ орудіемъ поставятъ ящикъ съ снарядною лентою или съ кокоромъ особаго устройства для автоматической при посредствѣ мотора подачи въ жерло орудія снарядовъ. Какъ нынѣшняя артиллерія неудержимо разворачивалась по фронту въ интересахъ увеличенія огневого его могущества, такъ будущая станетъ эшелонироваться въ глубину своими парками съ моторной двигательной силой.

Въ „Excelsior“²⁾ уже помещень снимокъ съ новаго 155 см. американскаго орудія на автомобильномъ лафетѣ съ тракторной цѣпью на четырехъ парахъ колесныхъ ходовъ, преодолевающего безъ всякаго труда искусственный холмъ съ покатостями въ 45°. Безъ сомнѣнія на подобныя установки будутъ положены въ послѣдствіи и тяжелыя орудія наибольшихъ калибровъ, а о легкихъ полевыхъ и говорить нечего. Вѣкъ конской тяги надо считать оканчивающимся, и фуражный голодъ, неизбѣжный спутникъ операцій только что минувшей войны, будетъ въ послѣдствіи замѣненъ бензиновымъ голодомъ. Безъ огромныхъ запасовъ бензина и безъ обезпеченной возможности пополненія его складовъ нельзя будетъ и думать вести современную войну.

¹⁾ Всѣ цифры взяты изъ труда Comm. Bouvard „Les Leçons de la Guerre“ avec préface du Maréchal Pétin.

²⁾ „Excelsior“ 8 Janvier 1921, № 3680.

Вообще матеріальная часть артиллеріи будущаго обѣщаетъ быть настолько громоздкой, сложной и деликатной, что число орудій въ батареяхъ должно быть уменьшено. Столѣтъ тому назадъ это число равнялось двѣнадцати, потомъ оно было уменьшено до восьми, передъ послѣдней войной дошло до шести, во время войны упало до четырехъ и, несомнѣнно, съ введеніемъ въ артиллерію полевой арміи большого калибра, какъ главнаго, длинныхъ орудій, какъ наиболѣе дальнобойныхъ и моторныхъ двигателей съ ихъ сложностью, число орудій въ батареѣ упадетъ до двухъ и, быть можетъ, даже до одного.

Въ былыя времена большое число орудій въ батареѣ объяснялось желаніемъ обезпечить непрерывность огня, не взирая на медленность заряжанія: когда послѣднее орудіе выпускало свой выстрѣлъ, первое какъ разъ успѣвало изготовиться къ нему. Въ наше время быстраго заряжанія, обѣщающаго сдѣлаться еще болѣе быстрымъ при посредствѣ механическаго дѣйствія, это соображеніе уже не играетъ никакой роли: остаются лишь тактическія и административныя требованія. Непрерывность огня для тактики вполнѣ обезпечена и двухъ орудійной батареей, и лишь такая батарея съ административной точки зрѣнія въ грядущемъ не будетъ обладать чрезмѣрно тяжелой матеріальной частью. Сверхъ того осложненіе послѣдней потребуетъ высокой интеллигентности личнаго состава батареи: близъ орудій найдутъ свое мѣсто артиллеристы-техники, инженеры, квалифицированные рабочіе-механики, шоферы, хорошо знающіе двигатели внутренняго сгоранія, слесаря, мастера и т. под.

При этихъ условіяхъ сохраненіе въ батареѣ двухъ орудій, а не одного, объясняется естественнымъ стремленіемъ всю эту роскошь оборудованія и обезпеченности личнымъ составомъ, въ интересахъ удешевленія содержанія, разложить на пару орудій, вмѣсто одного. Къ тому-же вынуждаетъ и возможность отказа дѣйствія сложной матеріальной части въ одномъ изъ орудій, слѣдовательно, забота объ обезпеченіи непрерывности огня, основное тактическое требованіе, продолжающее жить и повелѣвать.

Нарисованная картина будущаго артиллеріи многимъ и многимъ можетъ показаться преувеличенной. Почему-то, не взирая на то, что мы живемъ въ вѣкъ техники и ея чудеса, широкія перспективы въ области ея пракческаго боевого приложенія встрѣчали и встрѣчаютъ консервативный отпоръ даже лучшихъ умовъ и авторитетовъ.

Такъ, послѣ Русско-Японской войны, во время одной изъ полевыхъ поѣздокъ въ окрестностяхъ Краснаго Села, когда пишушій эти строки, слѣдуя стремя съ стремянемъ съ однимъ изъ выдающихся русскихъ артиллеристовъ-полковникомъ Смысловскимъ, выдвинувшимся вполнѣ въ время Великой войны, началъ развивать перспективы будущаго

артиллеріи именно въ приведенныхъ тутъ краскахъ, онъ слышалъ отъ своего собесѣдника возраженіе, что это невозможно, такъ какъ такая артиллерія потребуетъ специальной постройки дорогъ. Что осталось отъ этого возраженія выдающагося спеціалиста нынѣ, когда мы присутствовали не только при постройкѣ и примѣненіи подобныхъ дорогъ, но и при движеніи моторныхъ установокъ безъ дорогъ, по мѣстности, изрытой воронками отъ снарядовъ всѣхъ калибровъ подъ ураганнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи?

Въ нашъ вѣкъ не существуетъ необузданной фантазіи, не могущей видѣть своего воплощенія въ дѣйствительность.

До послѣдней войны дальность артиллерійскаго выстрѣла, значительно превосходившую не только дистанцію видимости простымъ глазомъ, но даже и упрощеннымъ оптическимъ полевымъ приборомъ, считали излишней роскошью, невольнымъ, хотя и ненужнымъ слѣдствіемъ отличныхъ баллистическихъ качествъ современнаго орудія.

А между тѣмъ даже и въ практикѣ болѣе или менѣе отдаленныхъ войнъ были случаи, наводившіе на мысль о необходимости пушекъ, бьющихъ на дистанціи, далеко превосходящія видимость простымъ глазомъ. Во время мѣсячнаго стоянія на гребняхъ и вершинахъ Балканъ, на позиціяхъ у Шандорника въ войну 1877—78 г. г. войскъ генерала Гурко русскій фронтъ отъ турецкаго отдѣлялся широкою горною долиною, заваленною глубочайшими снѣгами, исключавшими всякую почти возможность сближенія обоихъ противниковъ. Бой, поневолѣ, носилъ по преимуществу артиллерійскій характеръ. И здѣсь-то сказалось превосходство турецкой дальнобойной артиллеріи надъ русской: въ то время какъ первая безъ труда сосредоточивала значительное число батарей на каждой точкѣ русскаго фронта, вторая могла вести этотъ бой только простымъ, фронтальнымъ огнемъ своихъ батарей, едва достигавшихъ своими снарядами турецкихъ позицій, — о сосредоточеніи огня не могло быть и рѣчи. Послѣ этого опыта одинъ изъ тогдашнихъ выдающихся офицеровъ русскаго генеральнаго штаба полковникъ Пузыревскій, участникъ этихъ боевъ, всѣмъ противникамъ дальнобойной артиллеріи любилъ повторять, ссылаясь на рассказанный случай: „Мы дорого-бы дали, если-бы наши орудія били на двадцать пять верстъ, тѣмъ болѣе, что и прозрачность горнаго воздуха, и удобныя командующія точки позволяли видѣть на эту дистанцію“.

Тогда подобные взгляды признавались химерическими. Нынѣ орудіе, бьющее на поль-перехода, т. е., на десятковъ верстъ, вещь совершенно нормальная. Никто не только не тяготится этою дальностью, но, наоборотъ, всѣ усилія новѣйшей техники направлены на увеличеніе дальнобойности. Парижъ

уже обстрѣливался орудіемъ, отстоявшимъ отъ него на дистанцію свыше 100 км. Принципъ Деламаръ-Мазе (Delamare-Maze) позволяетъ увеличить дальность существующаго французскаго 75-ти мил. орудія до дальности пѣхотнаго перехода (25 км.). Тотъ-же принципъ, приложенный къ специально построенному большому орудію, можетъ дать ему дальность выстрѣла, превосходящую 250 км. Таково творчество современной волшебной техники. Нужно-ли это для тактики? Конечно, нужно: во-первыхъ, потому, что мы уже живемъ въ вѣкъ соответствующихъ ей запросовъ, а во-вторыхъ, и потому, что исторія еще не знаетъ случая, когда техническое изобрѣтеніе, предназначенное для войны, оставалось-бы неиспользованнымъ. Нерѣдко случалось наоборотъ: изобрѣтеніе самое мирное превращалось въ орудіе боя (танки), но никогда придуманное для истребленія не пропадало втунѣ безъ своего прямого примѣненія.

Какая-же практика ожидаетъ столь дальнобойныя орудія? Выше уже намѣчены перспективы необычайнаго развитія фортификаціи нарожденіемъ новаго вида крѣпостей — „Географическихъ укрѣпленныхъ раіоновъ“. Глубина ихъ естественно будетъ достигать сотни и даже болѣе километровъ, въ ихъ сердцѣ будутъ сосредоточены жизненные въ военномъ и промышленномъ отношеніи центры страны и, слѣдовательно, для пораженія этихъ центровъ будутъ нужны орудія дальняго боя, при чемъ особенно важна возможность собиранія въ одной поражаемой точкѣ значительнаго числа такихъ могущественныхъ орудій. Одной авіаціи для такого огневого нападенія будетъ далеко недостаточно потому, что подобному нападенію должна предшествовать не только побѣда въ воздухѣ, но и владѣніе этимъ воздухомъ болѣе или менѣе длительное время.

Сверхъ того наличие въ арміи такихъ дальнобойныхъ орудій дастъ возможность сократить число послѣднихъ вообще на фронтѣ, такъ какъ огонь такихъ пушекъ, разбросанныхъ даже на огромныя разстоянія можетъ быть собранъ въ точку, избранную для пораженія.

Другая данная будущей артиллеріи, подлежащая особому изученію, — это ея скорострѣльность. Для достиженія послѣдней, несомнѣнно, будетъ введено автоматическое заряжаніе, какъ это уже имѣется въ ручномъ оружій и въ пулеметахъ. При скорости заряжанія нынѣшней полевой пушки, достигающей 20 выстрѣловъ въ минуту, ураганный огонь батареи можетъ получить весьма значительную интенсивность. Но съ уменьшеніемъ числа орудій въ батареѣ, съ доведеніемъ его, быть можетъ, до двухъ, съ уменьшеніемъ, болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, количества батарей на фронтѣ, придется позаботиться о введеніи автоматическаго заряжанія, какъ пути для интенсификаціи скорости стрѣльбы.

Къ тому-же вынудятъ и особенности будущаго артиллерійскаго боя на сушѣ, который все болѣе и болѣе по характеру своего веденія, силою вещей, приближается къ бою на морѣ. Какъ извѣстно, морскія цѣли быстро появляются и быстро исчезаютъ. Въ морскомъ сраженіи важно, разъ захвативши цѣль, быстрымъ выпусканіемъ возможно большаго числа снарядовъ въ наименьшую единицу времени достичь числѣннѣйшаго пораженія цѣли. Поэтому огонь морской артиллеріи носитъ характеръ струи воды изъ помпы: густымъ снопомъ снарядовъ тамъ стараются поразить цѣль, быстро исчезающую благодаря значительнымъ скоростямъ движенія.

Подобная-же боевая необходимость нарождается и на сухомъ пути. При стрѣльбѣ на огромныя разстоянія, когда не только глазъ стрѣляющаго, но даже оптическіе приборы не могутъ уловить цѣли, послѣдняя будетъ находиться подъ наблюденіемъ воздушной развѣдки, связанной съ батареей беспроводнымъ телеграфомъ. Ясно, что такое наблюденіе въ сферѣ непріятельскаго расположенія не можетъ происходить въ условіяхъ спокойной полигонной стрѣльбы, что развѣдывательные аппараты будутъ атакваться, что они будутъ обстрѣливаться; поэтому они заинтересованы въ быстромъ использованіи ихъ развѣдывательной работы. Вотъ почему стрѣльба такой батареи будетъ носить характеръ шквала огня въ кратчайшій срокъ и вотъ почему нужна скорострѣльность, основанная на автоматическомъ заряданіи.

Разъ цѣль захвачена и захвачена съ такимъ трудомъ (быть можетъ усиліями воздушнаго боя), стрѣляющій заинтересованъ въ томъ, чтобы не только достичь ее своимъ выстрѣломъ (дальнобойность) и не только въ томъ, чтобы забросать ее снопомъ своихъ снарядовъ (скорострѣльность), но особенно въ томъ, чтобы разрушить цѣль окончательно съ затратою, по возможности, наименьшаго числа снарядовъ. Для этого послѣдніе должны быть большого могущества. Будущее артиллеріи—въ снарядахъ страшной разрушительной силы.

Подобные снаряды уже не новость даже по опыту минувшей войны. Но въ теченіе ея они оставались все еще исключительнымъ видомъ среди прочихъ средствъ пораженія. Часто они играли роль не столько поражающую, сколько устрашающую морально. Въ будущую кампанію, въ этомъ сомнѣваться не приходится, такіе снаряды сдѣлаются обычными. Сверхъ того въ прошлую войну снаряды большого калибра примѣнялись лишь для короткихъ гаубицъ и мортиръ съ ихъ малой мѣткостью и небольшою дальностью, тогда какъ въ будущую кампанію нужно быть готовымъ увидѣть подобные снаряды примѣненными въ длиннымъ дальнотбойнымъ пушкамъ, передвигающимся не только по рельсамъ, но при посредствѣ тракторныхъ приспособленій.

Для пораженія важныхъ центровъ непріятельской страны будетъ недостаточно одной артиллеріи, какъ-бы она ни была дальнобойна и могущественна. Летательныя машины понесутъ, какъ и въ минувшую Великую войну, сильныя бомбы всюду, куда не достигнетъ выстрѣлъ пушки. Эти тонкостѣнные бомбы, наибольшая изъ которыхъ со 100 килограммами взрывчатого вещества въ 1918 г. разрушила въ Парижѣ цѣлый домъ на улицѣ Жоффруа-Мари (Geoffroy-Marie), уже достигали огромныхъ размѣровъ, почти въ ростъ человѣка. Въ 1920 г. уже была изготовлена бомба въ полтора роста человѣка съ 920 килограммами взрывчатого вещества, способнаго разрушить цѣлый кварталъ города. Нѣтъ никакихъ основаній считать, что такія бомбы не достигнутъ вѣса цѣлой тонны, т. е., свыше 2 000 килограммовъ. Налетъ летательныхъ аппаратовъ, снабженныхъ подобными снарядами, будетъ въ состояніи разрушить цѣлый городъ, важный въ военномъ или въ политическомъ отношеніи.

Рядомъ съ этими исполинскими разрушительными средствами, само собою разумѣется, будетъ работать полная гамма всѣхъ видовъ артиллерійскихъ орудій во имя всего разнообразія боевыхъ артиллерійскихъ задачъ. Ни унификація снаряда, къ которой стремилась русская артиллерія передъ Японскою войною изъ желанія упростить снабженія (хозяйственное удобство), ни унификація орудія, къ которой стремилась французская артиллерія передъ Великою войною, желавшая, такимъ образомъ, объединить необъединимое, т. е., тактическія задачи, нынѣ не должны имѣть мѣста. Придется разъ навсегда примириться съ крайнимъ разнообразіемъ тактическихъ заданій и со сложностью вопросовъ снабженій. Въ Великую войну у нѣмцевъ было не менѣе 150 моделей орудій. И впродъ артиллерія будетъ крайне разнообразнаго состава, способнаго рѣшать всѣ задачи современнаго боя, все болѣе и болѣе, въ свою очередь осложняющагося.

Вопросы снабженій нынѣшней артиллеріи пріобрѣтаютъ не только важный, но часто и рѣшающій характеръ, отъ которыхъ нерѣдко зависитъ исходъ современныхъ сраженій. Контръ-наступление французской арміи во время Первой Марны застыло, между прочимъ, вслѣдствіе недостатка снарядовъ. Русскія арміи въ началѣ 1915 г. не могли выйти въ долины Венгріи и должны были остановиться въ бесплодныхъ атакахъ Карпатскихъ проходовъ изъ-за нехватки снарядовъ. Польша и почти вся Литва были очищены русскими въ томъ-же году по той-же причинѣ. Наступленіе, начатое русской арміей въ началѣ 1916 г. для поддержки западнаго фронта союзниковъ, остановилось по причинѣ неудовлетворительности организациі артиллерійскихъ снабженій. Съ другой стороны обиліе снарядовъ въ Германской арміи позволило ей осу-

шествить въ 1915 г. широкое наступленіе въ Россіи на фронтѣ свыше 1.000 км., при чемъ, по единогласному свидѣтельству плѣнныхъ нѣмцевъ, ихъ пѣхота атаковала „лежа“ т. е., не двигаясь съ мѣста и выжидая момента полного торжества своей артиллеріи для безпрепятственного занятія позицій, уже очищенныхъ подъ вліяніемъ шкваловъ огня артиллеріи.

Подобныя тактическія положенія не новость. Ихъ можно было наблюдать и во время Русско-Японской войны. Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ случаевъ авторомъ этихъ строкъ былъ уже описанъ; именно: огневая атака японцами Кинджоу, позиціи, пересѣкавшей перешеекъ Ляодунскаго полуострова съ Портъ-Артуромъ. Подъ вліяніемъ сосредоточеннаго артиллерійскаго огня 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, гарнизонъ этой позиціи, долженъ былъ ее оставить, и японцы заняли Кинджоу, не зная и не предполагая этого, лишь шесть часовъ спустя послѣ ухода русскихъ¹⁾.

Приблизительно такъ-же пали и форты Льежа. „Они пали послѣдовательно подъ огромными снарядами, которые разрушили башни и бетонныя закрытія. Вечеромъ 15 августа, въ 17 ч. 30 м. фортъ Лонсенъ, гдѣ находился генераль Леманъ, былъ разрушенъ и обозначилъ конецъ драмы.“²⁾

Геройская оборона форта Во подъ Верденомъ, когда защитники, изгнанные съ поверхности земли всѣми видами огня, продолжали оборону подъ землею, въ казематированныхъ сооруженіяхъ форта, лишь исключеніе, подтверждающее правило. Тактически фортъ все равно пересталъ существовать. Остался лишь святой подвигъ его защитниковъ. Безъ него, конечно, не можетъ быть настоящей обороны, но послѣдняя не можетъ основываться только на немъ въ наше время развитія техники.

Оборона Осовца — также свидѣтельство такого-же подвига. Въ крѣпости старательно наносились на карту всѣ попадающіе въ нее снаряды съ обозначеніемъ воронокъ въ соответствующихъ масштабахъ. Къ концу осады вся площадь крѣпости на этомъ планѣ представляла сплошное черное поле отъ покрывавшихъ его нанесенныхъ тушью воронокъ, начиная отъ причиненныхъ попаданіемъ снарядовъ Бертъ до болѣе мелкихъ. Въ крѣпости буквально не было живого мѣста: всѣ бетонныя сооруженія, кромѣ убѣжища коменданта, уцѣлѣвшаго случайно, были разрушены, всѣ дома въ развалинахъ, улицы перерывы попаданіями снаря-

¹⁾ Официальная исторія войны 1904—5 г. г. Изд. Русск. Генер. Штаба.

²⁾ Général Mallette. „Liège“ („Le Temps“, 13 Fevrier 1921; № 21744).

Ludendorff [т. I, 420 (57)] приписываетъ паденіе форта попаданію лишь одного снаряда.

довъ Берть до такой степени, что для поддержанія сообщеній вдоль нихъ были построены настоящіе мосты на сваяхъ и съ перилами; лѣсъ, прилегавшій къ городку, находившійся на пути полета снарядовъ, лишился всѣхъ своихъ сучьевъ и уцѣлѣвшія деревья представляли собою голыя мачты.

Несмотря на все это Осовецъ далъ не только героическій примѣръ, но до послѣдняго дня обороны продолжалъ выполнять свою важную тактическую задачу: закупориваніе болотисто — лѣсного дефиле, выводившаго нѣмцевъ, въ случаѣ овладѣнія имъ, на пути сообщеній русскихъ армій, защищавшихъ Царство Польское.

Однако оба эти примѣра, Во и Осовецъ, не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила. Ихъ паденіе, конечно, былъ вопросъ расхода тяжелыхъ снарядовъ, выпущенныхъ въ возможно большемъ числѣ въ кратчайшій промежутокъ времени, чего по какимъ-то случайнымъ причинамъ атакующею стороною сдѣлано не было.

Общее правило-это Мобежъ, получившій въ короткое время весь тотъ ураганъ снарядовъ тяжелой артиллеріи, который только что освободился у нѣмцевъ послѣ артиллерійской атаки Бельгійскихъ крѣпостей.

Организація артиллерійскихъ снабженій въ будущую войну должна носить характеръ системы, соображенной въ подробностяхъ еще въ мирное время въ планахъ мобилизаціи. Подача снарядовъ отъ заводовъ, ихъ производящихъ, до полей сраженій будетъ совершаться желѣзнодорожными поѣздами, которые будутъ двигаться по графикамъ надлежащей интенсивности, обеспечивающей веденіе операцій въ наиболѣе напряженной формѣ. На участкахъ безъ желѣзныхъ дорогъ на помощь придетъ заранѣе соображенный автомобильный транспортъ, двигающійся съ точностью поѣздовъ.

Исправность такого подвоза снарядовъ отъ завода къ орудію не можетъ быть обеспечена безъ устройства цѣлаго ряда складовъ снарядовъ разной емкости и значенія. „Географическіе укрѣпленные раіоны“ явятся естественнымъ плацдармами для подобныхъ складовъ, построенныхъ частью еще въ мирное время, блиндированныхъ металломъ или бетономъ, съ подъѣздными къ нимъ путями.

Отъ налаженности всей этой системы подвоза будутъ зависѣть судьбы сраженій.

Чтобы закончить картину развитія современной артиллеріи, необходимо установить еще двѣ данныхъ большаго значенія: обслуживаніе батарей ихъ собственными авіаціонными средствами для наблюденія и бронированіе стрѣляющихъ офицеровъ. Что касается первой изъ данныхъ, то она не представляетъ ничего новаго послѣ опыта послѣдней войны. Можно предвидѣть только ея развитіе и совершенствованіе.

Бронированіе-же въ танкахъ командныхъ артиллерійскихъ пунктовъ тяжелыхъ батарей огромной дальности важно не только въ интересахъ сохраненія цѣнныхъ офицеровъ, мозга огня, но и для предохраненія аппаратовъ управленія стрѣльбою, которые несомнѣнно эволюціонируютъ въ сторону большого технического осложненія, на подобіе такихъ-же приспособленій во флотѣ. Эти командные артиллерійскіе танки будутъ напоминать корабельныя бронированныя рубки.

Вообще будущее артиллеріи сухопутной арміи начиаеть все болѣе и болѣе походить на настоящее этой артиллеріи на морѣ.

Поль столѣтія тому назадъ на морѣ господствовали сто-пушечные корабли, нынѣ—корабли, вооруженные десяткомъ 12—14 дюймовыхъ орудій, но очень дальнобойныхъ и очень скорострѣльныхъ. Къ тому-же идетъ и сухопутная артиллерія. Какъ и на морѣ, на сушѣ орудія малаго боя общають съ теченіемъ времени сдѣлаться лишь придаточнымъ вооруженіемъ, необходимымъ для рѣшенія лишь частныхъ, второстепенныхъ задачъ. Какъ и на морѣ, огневую силу фронта будутъ считать не общимъ числомъ всѣхъ орудій, а лишь количествомъ тяжелыхъ дальнобойныхъ скорострѣльныхъ.

Хотя суша со всѣми ея складками и пересѣченностью-не гладкое море, ничто не помѣшаетъ подобной эволюціи, такъ какъ даже самая богатая фантазія не въ силахъ сейчасъ нарисовать будущее дѣйствіе грядущихъ типовъ могущественной артиллеріи, снабженной воздушнымъ наблюденіемъ, для котораго, какъ извѣстно, даже и пересѣченная мѣстность является не болѣе, какъ гладкимъ планомъ. Мало того, авіаціи легче работать на сушѣ, чѣмъ на морѣ. Слѣдовательно, въ этомъ, очень однако важномъ отношеніи, стрѣльба могущественной артиллеріи на сушѣ будетъ даже проще, чѣмъ на морѣ.

Конечно, это господство тяжелого орудія водворится лишь путемъ болѣе или менѣе продолжительной эволюціи, успѣхъ которой будетъ всецѣло зависѣть отъ техническихъ совершенствъ этихъ пушекъ и отъ попутныхъ измѣненій тактическихъ формъ будущаго боя. Объ эти данныя требуютъ особаго вниманія къ себѣ, если желаютъ избѣжать большихъ и неожиданныхъ сюрпризовъ въ будущую войну.

Наличіе огромныхъ орудій, разсѣянныхъ иногда на большой площади, часто по одиночкѣ, вызоветъ вопросъ о трудности сосредоточенія огня. Для него понадобится топографическое и, даже быть можетъ, геодезическое опредѣленіе мѣста стоянія орудій, дабы путемъ координатъ явилась возможность пристрѣлочныя данныя одной батарее передавать другимъ, заинтересованнымъ въ этихъ цифрахъ. Это

вопросъ въ минувшую войну уже поднимался, и, въ частности, былъ осуществленъ во 2-й русской арміи (Барановичское направленіе) въ зиму 1916—17 г. г. Къ сожалѣнію революція, затѣмъ и развалъ войскъ остановили работу въ этомъ направленіи и помѣшали ея распространенію среди артиллеріи прочихъ армій.

Въ ожиданіи эпохи, когда тяжелое и дальнобойное орудіе на сушѣ получить такое-же значеніе, какое оно имѣетъ уже теперь на морѣ, гдѣ сила корабля измѣряется только числомъ такихъ пушекъ, гдѣ прочая артиллерія все болѣе и болѣе отмираетъ и гдѣ смѣшно говорить объ абордажныхъ или противобордажныхъ средствахъ, столь могущественныхъ въ былыхъ флотахъ, намъ пока приходится предусматривать употребленіе всѣхъ сортовъ орудій, а не только пушекъ-левіафановъ. Они нужны для того абордажа на сушѣ, который здѣсь все еще не отжилъ свой вѣкъ, но который, какъ общее правило, уже невозможенъ безъ покровительства артиллеріи всѣхъ калибровъ.

Мало того, рѣшительное средство прежнихъ войнъ, атака пѣхоты все болѣе и болѣе становится средствомъ вспомогательнымъ и второстепеннымъ, составляющимъ эпизодъ боя, заканчивающій его по времени, но не рѣшительный уже по одному тому, что рѣшеніе еще ранѣе было подготовлено боемъ артиллеріи. Разъ подобная подготовка сдѣлана, не трудно предвидѣть рѣшеніе, которое часто наступаетъ даже и безъ вмѣшательства пѣхоты, какъ мы это видѣли на опытѣ Кинджоусскаго боя и въ практикѣ германской пѣхоты 1915 г. въ Россіи, когда нѣмецкіе пѣхотинцы иронизировали, называя свою атаку атакою „лежа на брюхѣ“.

Обратно, нельзя строить расчетовъ современнаго боя на удачѣ пѣхотной атаки безъ участія артиллеріи. Такія попытки были, особенно съ русской стороны. Въ 12-й арміи, командуемой генераломъ Радко-Димитріевымъ и дѣйствовавшей подъ Ригой, гдѣ обѣ стороны отгородились недолимыми даже для тяжелой артиллеріи укрѣпленіями, съ примѣненіемъ большого количества желѣзныхъ скрѣпленій, былъ разработанъ съ большимъ искусствомъ планъ внезапной атаки пѣхоты безъ подготовки артиллеріи и со вступленіемъ послѣдней въ дѣло уже по выполненіи пѣхотнаго штурма. Конечно, все дѣлалось ночью съ большимъ количествомъ приспособленій для преодоленія проволочныхъ препятствій и съ тщательнымъ обученіемъ войскъ обращенію съ ними. Было принято въ расчетъ и выбываніе изъ строя командъ піонеровъ, и необходимость ихъ постоянного пополненія, дабы обезпечить преемственность ихъ работы. Результаты какъ-бы оправдали этотъ трудъ. Штурмующія войска взяли нѣкоторыя позиціи. . . , но для того, чтобы остановиться на слѣдующихъ.

Слѣдовательно, цѣною огромнаго труда достигался результатъ далеко не рѣшительный.

Этотъ опытъ былъ продѣланъ на практикѣ позиціонной войны. Не лучше обстоитъ дѣло и въ полевой. Вся разница только въ томъ, что въ первомъ случаѣ рѣшающую роль въ оборонѣ играетъ фортификація, а во второмъ—огонь, въ обоихъ-же случаяхъ отрицательныя качества современнаго солдата, котораго никоимъ образомъ нельзя назвать „воиномъ“, чего никогда нельзя забывать.

Огонь артиллеріи, съ которымъ приходится встрѣтиться въ бою, можно подвести подъ два вида: сосредоточенный и заградительный. Первый предназначенъ для производства разрушеній, откуда важность собиранія въ избранную точку произвольно большого числа выстрѣловъ возможно мущественнаго калибра; второй имѣетъ своей цѣлью сопровождать атакующую пѣхоту или ей препятствовать при штурмѣ въ случаѣ оборонительномъ. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, важна дальнобойность и большой калибръ, а такъ же скорострѣльность, во второмъ тоже дальнобойность и, особенно, скорострѣльность. Всѣ боевыя задачи артиллеріи на сушѣ могутъ быть рѣшены при стрѣльбѣ однимъ изъ этихъ способовъ.

Дѣйствительно, если нужно разрушить или только „нейтрализовать“ то или другое сооруженіе, штабъ или батарею, прибѣгнуть къ сосредоточенному огню; если требуется создать непреодолимую для атакующей пѣхоты артиллерійскую завѣсу, если нужно отрѣзать зарвавшуюся пѣхоту отъ ея исходныхъ позицій, если необходимо поддержать атакующую пѣхоту, употребявъ заградительный огонь, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ артиллерійская завѣса будетъ передвижная, слѣдующая съ пѣхотой, „катящаяся“.

Послѣднею войною создана еще разновидность артиллерійскаго огня, уже отживающая вслѣдствіе примѣненія танковъ, — это стрѣльба для разрушенія проволочныхъ препятствій съ наблюденіемъ каждаго отдѣльнаго выстрѣла. Эта стрѣльба производилась легкой артиллеріей снарядами съ замедлителями взрыва на твердомъ грунтѣ и полевыми обыкновенными гранатами на грунтѣ, гдѣ снаряды могли зарываться. Первая разновидность снаряда разрушала проволоку, взрываясь послѣ рикошета на воздухѣ, вторая — при паденіи. Особенно хороши были результаты пораженій гранатъ съ замедлителемъ. Однако этотъ видъ разрушительной работы артиллеріи, имѣвшій тотъ недостатокъ, что предупреждалъ оборону о мѣстѣ атаки и что требовалъ долгихъ часовъ для своего завершенія, едва-ли не отжилъ свой вѣкъ нынѣ, когда танки безъ всякаго предупрежденія сокрушаютъ проволоку непосредственно по мѣрѣ хода атаки.

Другой видъ артиллерійскаго огня, который въ ближайшемъ будущемъ долженъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, это огонь, сопровождающій пѣхотную атаку. Въ сущности, это одна изъ разновидностей заградительнаго огня. Крупный его недостатокъ заключался въ томъ, что лишь только пѣхота выдвигалась на достаточно большую дистанцію, естественно терялась связь сопровождающихъ атаку батарей съ атакующей пѣхотой, и тогда оборона получала полную возможность безнаказанно отбросить нападеніе. Для предотвращенія этого, разумѣется, принимались соотвѣтствующія мѣры, которыя проще и вѣрнѣе было-бы назвать полумѣрами. Главная изъ нихъ — выдвигеніе вмѣстѣ съ пѣхотою и артиллерійскихъ наблюдателей, а также вспомогательная работа по наблюденію съ аэроплановъ. Но и то, и другое оказывалось почти одинаково мало надежнымъ среди неизбѣжныхъ случайностей боя: наблюдатели гибли вмѣстѣ съ пѣхотою, а аэропланы по разнымъ причинамъ технического свойства отказывали въ дѣйстви. Старинное средство связи артиллеріи со своею пѣхотою при атакѣ путемъ выдвигенія первой впередъ непосредственно за второй было невыполнимо: это равнялось уничтоженію артиллеріи и, при томъ, безъ всякой пользы для дѣла. Сверхъ того выдвигеніе современной батареи всегда знаменуетъ перерывъ огня въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Техника стрѣльбы по сравненію съ практикой прошлаго такъ осложнилась, что ея манипуляціи исключаютъ мгновенность открытія огня при переѣздѣ на новую позицію, а эта мгновенность необходима для цѣлей поддержки атаки.

Этотъ недостатокъ современной артиллеріи послужилъ ближайшей причиной неудачи русской атаки подъ Тарнополемъ, гдѣ руководителями ея это обстоятельство не было принято во вниманіе¹⁾.

Эта-же особенность сдѣлалась главною причиною отбитія атакъ нѣмцевъ въ 1918 г. на французскомъ фронтѣ. Фошъ использовалъ ее для начала своей побѣды. Онъ перенесъ съ

---

¹⁾ Неправильно приписывать ея неудачу одному развалу русской арміи, что дѣлаютъ охотно руководители атаки и вотъ почему: 1) Корниловъ послѣ прорыва подъ Тарнополемъ все еще продвигался впередъ на Станиславовъ, т. е., въ районъ, прилежащемъ съ юга къ Тарнополю, а его войска были тоже русскія; 2) бои послѣ Тарнополя продолжались тѣми-же русскими войсками еще около полутора мѣсяцевъ и часто съ успѣхомъ (Марешести, Окна и др.), при чемъ послѣдняя удачная атака русскихъ у Сольки имѣла мѣсто 23 августа; 3) начальникъ штаба XI-й арміи, атаковавшей подъ Тарнополемъ, въ канунъ краха получилъ частное письмо отъ другого генерала, слѣдившаго за боями изъ далека и отдавашаго себѣ отчетъ въ томъ, что подъ Тарнополемъ не подумали объ организаціи поддержки артиллеріи атакующей пѣхоты послѣ первой удачи штурма; въ этомъ письмѣ предсказывалась неизбѣжность краха и совѣтывалось скорѣе предупредить его соотвѣтствующею работою артиллеріи. Къ сожалѣнію первое исполнить уже не удалось, а второе было уже неизбѣжно независимо отъ морали войскъ, только въ силу одной техники дѣла.

эту цѣлью главную оборону на вторую оборонительную линію, куда дѣйствіе артиллерійскаго сопровождающаго огня не распространялось и гдѣ, вслѣдствіе этого, атака напарывалась на максимумъ огневой обороны при минимумѣ своего огня.

Техникѣ будущаго придется подумать, какъ выйти изъ этого затрудненія для атакующаго. Необходимо въ грядущемъ выдвигеніе вслѣдъ за пѣхотною атакою не только артиллерійскихъ наблюдателей, но самыхъ орудій. Танки, снабженные таковыми, уже сыграли подобную роль при переходѣ въ наступленіе французской арміи въ 1918 г. Очевидно, идя по этому пути, техника и рѣшить поставленную задачу. Другими словами, мы находимся наканунѣ созданія подвижной, бронированной, автомобильной, полевой артиллеріи, гдѣ орудіе будетъ находиться внутри танка. Повторяемъ, очень можетъ быть, что это канунъ полного упраздненія конской тяги въ артиллеріи.

Опытъ войны выяснилъ съ неотразимой ясностью еще одно обстоятельство, которое касается личнаго состава артиллеріи. А именно: живучесть этого личнаго состава. Это очень важно, имѣя во виду трудность подготовки артиллеристовъ, солдатъ и офицеровъ, трудность, которая съ теченіемъ времени общается и еще возрасти. Къ концу 4-хъ лѣтней войны въ артиллеріи образовались солдаты со складомъ понятій истинныхъ профессионаловъ-воиновъ. И неудивительно: многіе изъ нихъ состояли на службѣ по семи и шести лѣтъ, и какихъ лѣтъ!

Въ будущую войну нужно ожидать повторенія того-же: „количество“ въ теченіе борьбы будетъ постепенно замѣняться „качествомъ“. На послѣднее необходимо обратить вниманіе еще съ мирнаго времени: введеніе въ штаты артиллеріи возможно большаго числа солдатъ долгосрочной службы съ лихвою окупится во время войны, которая, какъ оказывается, къ счастью щадитъ артиллеристовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію эволюціи другого огневого рода оружія, пѣхоты, полезно разсмотрѣть характеръ постепенной эволюціи атаки вообще.

Атака слагается изъ самодѣйствія движенія, огня и удара холоднымъ оружіемъ. Движеніе даетъ сближеніе и маневръ, огонь даетъ поддержку движенію, ударъ холоднымъ оружіемъ долженъ по теоріи давать окончательное рѣшеніе. Но послѣднее только по теоріи, той теоріи, которую невозбранно развивалъ въ русской арміи М. Драгомировъ, участникъ въ своей личной практикѣ всего двухъ, правда славныхъ, боевъ (переправа черезъ Дунай 15 іюля 1877 г. и начало обороны Шипки). Во время этихъ боевыхъ дѣйствій Драгомирову не привелось видѣть ни одной шты-

ковой атаки, но это не помѣшало ему всю свою жизнь твердить вслѣдъ за Суворовымъ— „пуля-дура, штыкъ-молодецъ“. Это неустанное повтореніе принесло русской арміи неисчислимый вредъ не только потому, что вливало въ войска ложное, но авторитетное представленіе о боевой дѣйствительности, но и потому, что создавало въ мирное время особую школу храбрецовъ на бумагѣ и на словахъ, у которой интересъ къ изученію огневой прогрессирующей тактики былъ по меньшей мѣрѣ притупленъ. Глава этой школы любилъ повторять по поводу скорострѣльнаго и митральезнаго огня одну изъ своихъ излюбленныхъ прибаутокъ: „Зачѣмъ, убивъ человѣка одной пулей, посылать въ него въ догонку еще шестьсотъ?“ И эта шутка пользовалась репутаціей серьезнаго и неотразимаго довода въ пользу ненужности магазиннаго ружья и пулемета. Вслѣдствіе этого первое было введено въ русской арміи со значительнымъ запозданіемъ по сравненію съ другими арміями, а второй получилъ права гражданства только во время Русско-Японской войны, когда „макаки“ показали „кое-какимъ“ (тоже прибаутка Драгомирова, въ сущности, по своему личному адресу), что значить пулеметь.

Пренебреженіемъ къ усовершенствованному огнестрѣльному оружію и къ изученію огневой тактики вообще не исчерпывался вредъ школы, которую по справедливости слѣдуетъ наречь „Драгомировской“.

Она создала и воспитала въ массѣ начальствующихъ лицъ понятіе о преувеличенномъ значеніи шока въ современномъ бою, что послужило, въ свою очередь, причиною безполезныхъ колоссальныхъ гекатомбъ во время Великой Европейской войны, тѣхъ гекатомбъ, которыя постепенно привели русскую армію къ ея обезкровленію.

Особенно разительные примѣры такого долбленія безъ всякаго результата: атаки на Карпатахъ въ началѣ 1915 г., атаки гвардіи противъ Моцаржова близъ Ломжи въ томъ-же году и атаки гвардіи на Стоходѣ въ исходѣ 1916 г. Что касается атакъ въ лобъ у Моцаржова, то онѣ являютъ собою тѣмъ болѣе разительный примѣръ, что здѣсь со стороны долины р. Бобра было вполне возможно огневое фланкированіе нѣмецкихъ позицій и даже обходъ пѣхотою. Пишущій эти строки 6—7 іюня 1915 г. лично во главѣ партіи офицеровъ генеральнаго штаба произвелъ развѣдку этой долины, рѣки Бобра и ея праваго (непріятельскаго) берега и могъ убѣдиться въ полной возможности атаки Моцаржовской позиціи со стороны ея лѣваго фланга, при чемъ, какъ выяснила рекогносцировка, вопреки существовавшаго мнѣнія о непроходимости Бобрскихъ болотъ, на нихъ почти безпрепятственно могъ-бы развернуться и атаковать цѣлый армейскій

корпусъ, для поддержки котораго на тѣхъ-же болотахъ было найдено тридцать позицій для такого-же количества батарей.

Но у русскаго командованія была такая вѣра въ чудо-дѣйственное значеніе шока, что ему казалось, что для успѣха любовныхъ атакъ не нужно было ничего, кромѣ упрямыхъ повторныхъ строгихъ приказовъ атаковать, атаковать и атаковать. Что-же дѣлали въ это время войска. Они изъ кожи лѣзли, чтобы исполнить приказы и угрозы съ тыла, но дойдя до непріятельской проволоки, несли бесполезныя огромныя потери, приступали къ обычнымъ донесеніямъ: „рѣжемъ проволоку“. Что значила эта, столь привычная на войнѣ графаретная фраза? Она прикрывала прямое неповиновеніе, вызванное неодолимыми трудностями. Извѣстный авторъ классическаго психологическаго труда о шокѣ¹⁾ Арданъ-дю-Пикъ по этому поводу уже свѣше полустолѣтія тому назадъ сказалъ: „Никогда не приказывайте ничего кромѣ исполнимаго, говорить дисциплина, такъ какъ неисполнимое превращается въ неповиновеніе“.

Что говорить о шокѣ другая школа, не Драгомировская. Ея лучшимъ и талантливѣйшимъ представителемъ является Арданъ-дю-Пикъ, взятый въ плѣнъ русскими подѣ Севастополемъ именно потому, что во главѣ горсти храбрцевъ довелъ порывъ атаки до конца и ворвался въ русское укрѣпленіе, въ то время какъ вся масса атакующихъ французовъ отхлынула назадъ. Этотъ человекъ имѣетъ право говорить о шокѣ съ непререкаемымъ авторитетомъ... и онъ не вѣрить въ него, какъ въ рѣшающее средство, и сморщить на него лишь, какъ на назначительный сравнительно, частный, иной разъ возможный эпизодъ боя. Этотъ выводъ сдѣланъ имъ не только для нашего времени усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, но и для древне-классической эпохи съ господствомъ исключительно холоднаго оружія. На основаніи тщательнаго и подробнаго обслѣдованія ряда извѣстныхъ сраженія древности: Фарсала, Каннъ и др., Арданъ-дю-Пикъ утверждаетъ, что съча въ этихъ рѣшительныхъ столкновеніяхъ начиналась лишь послѣ того, какъ одна изъ сторонъ не выдерживала гнета сближенія на длину меча или пика. До этого психологическаго момента потери обѣихъ сторонъ были всегда примѣрно равны и совершенно ничтожны: онѣ вызывались исключительно схожденіемъ немногихъ особо доблестныхъ мелкихъ частей или даже отдѣльныхъ людей съ душою героевъ. Эти герои и были первыми жертвами подобныхъ столкновеній, отнюдь не дѣлавшихъ общаго правила. Самъ авторъ этихъ выводовъ не былъ-ли такимъ именно героемъ? Ему и книги въ руки.

¹⁾ Colonel Ardant du Picq: „Etudes sur le Combat, combat antique et combat moderne“, 1914, page 308.

Переходя постепенно къ нашему времени, онъ утверждаетъ, что усовершенствованіе техники вообще и оружія въ особенности не вызвало усовершенствованія „человѣка“, который по прежнему „можетъ перенести лишь опредѣленное количество ужасовъ“¹⁾. Если-же отъ „человѣка“ перейти къ „воину“, то окажется, что послѣдній становится въ силу социальныхъ условій все хуже и хуже. Юлій Цезарь считалъ свой 9-й легионъ еще недостаточно втянутымъ только потому, что воины, его составлявшіе, находились на службѣ „всего“ 9 лѣтъ¹⁾. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ русской арміи рекруты обучались по 4 года или, вѣрнѣе, не только обучались но, главнымъ образомъ, воспитывались. Въ наши дни 4-лѣтній срокъ службы считается недопустимо длиннымъ, а 9-лѣтніе солдаты Красной арміи должны разсматриваться, какъ исключительное въ Европѣ воинство ветерановъ.

Такова эволюція „человѣка“ и „война“. Тѣмъ болѣе необъяснимы преувеличенныя упованія на дѣйствіе шока и массы въ наши дни среди многихъ авторитетныхъ военныхъ драгомировскаго типа.

Что касается дѣйствія собственно „массы“, то выводы Арданъ-дю-Пика также не лишены интереса, оригинальности и вѣрности. Онъ утверждаетъ, что даже и въ классической древности масса не давала импульса атакѣ. Задніе ряды дѣйствовали не напоромъ на колеблющіеся передніе, а обратно изъ переднихъ въ задніе передавалась паника въ преувеличенномъ размѣрѣ. Отсюда абсурдность построенія фаланги во много десятковъ шеренгъ; отсюда цѣлесообразность расчлененнаго порядка легиона, въ которомъ наиболѣе испытанные воины, способные сопротивляться тыловой паникѣ ставились въ заднія когорты и манипулы, отсюда постоянныя побѣды римскаго боевого порядка надъ греческою фалангою, не сообразованною съ психологическими особенностями „человѣка“.

Переходя къ наполеоновской эпохѣ, Арданъ-дю-Пикъ беретъ знаменитую атаку Макдональда подъ Ваграмомъ, какъ примѣръ для доказательства вѣрности своего вывода о непригодности массы для приданія порыва штурму. Онъ пишетъ: „Изъ 22,000 человѣкъ едва 3—1,500 достигли позиціи, однимъ словомъ пришли; и конечно позиція, однимъ словомъ пришли; и, конечно, позиція была взята не ими, но матеріальнымъ и моральнымъ дѣйствіемъ 100-пушечной батареи, кавалеріи и пр., и пр. 19,000 было выведено изъ строя? Нѣтъ,—7 изъ 22, треть, огромная пропорція, могли быть поражены. 12,000 въ дѣйствительности недостававшихъ, что съ ними сдѣлалось? Они падали, ложились на пути, притво-

¹⁾ Ardant du Pick, page 94.

рялись ранеными, чтобы не идти до конца. Въ массѣ такой беспорядочной, какъ колонна развернутыхъ батальоновъ, гдѣ наблюденіе, трудное уже въ колоннахъ на полныхъ интервалахъ, невозможно, ничего нѣтъ легче, какъ этотъ сортъ примѣненія къ мѣстности при посредствѣ пассивности. Вещь обычная¹⁾. Эта вещь случается во всѣхъ войскахъ, двигающихся впередъ подь огнемъ, въ какомъ-бы то ни было порядкѣ, и число людей, такъ падающихъ, добровольно, уступающихъ малѣйшему смущенію тѣмъ больше... чѣмъ наблюденіе начальниковъ и товарищей труднѣе¹⁾.” „Человѣкъ въ бою нашихъ дней, это человѣкъ, едва умѣющій плавать, неожиданно брошенный въ воду“²⁾.

Если таково мнѣніе о „воинѣ“ болѣе полувѣка тому назадъ, когда существовали еще длинные сроки службы, то что-же сказать о „человѣкѣ“ нашего времени?

Общіе выводы Арданъ-дю-Пика, сдѣланные свыше полустолѣтія тому назадъ, когда нарѣзное оружіе въ видѣ штуцера и карабина, появилось въ количествѣ не болѣе 20—30 штукъ на баталіонъ, выводы, правильность которыхъ подтверждена всѣми послѣдними войнами и которые невозможно оспаривать, сводятся къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) дѣйствіе шокоть-безконечно рѣдко (безконечно въ математическомъ смыслѣ)

2) огонь—единственное почти средство пѣхоты,

3) разрѣженные боевые порядки-единственный строй пѣхоты въ бою,

4) но для упрочненія дисциплины въ послѣдней требуются особыя организационныя мѣры, о чемъ рѣчь будетъ впереди,

5) наконецъ, атака въ штыки-это рѣшимость дойти до удара, имѣющая огромное моральное значеніе, но не приводящая обыкновенно къ удару.

Какъ рисуется бой пѣхоты нашего времени или близкой къ намъ эпохи? „Одинъ прусскій офицеръ, который дѣлалъ кампанію въ строю, который видѣлъ все вблизи, намъ говорилъ слѣдующее: „Изучая бои 1866 г., чтобы изъ нихъ извлечь общій ихъ характеръ, поражаешься однимъ явленіемъ, которое обнаруживается во всемъ: это необыкновенное разворачиваніе фронта за счетъ глубины. Фронтъ или вытягивается въ одну длинную и тонкую линію, или раздѣляется на отдѣльныя части, которыя сражаются каждая за свой страхъ. Вездѣ обнаруживается тенденція растягивать

¹⁾ Ardant du Pick, p. 159—160.

²⁾ Idem, p. 112.

фланги, чтобы охватить непріятеля. Нѣтъ болѣе стремленія сохранить первоначальный боевой порядокъ ; разныя части перемѣшиваются между собою, часто перемѣшиваются боемъ, но часто еще и ранѣе начала боя. Отряды и крупныя подраздѣленія корпусовъ составляются способами самыми разнообразными и на основаніи разнообразныхъ принциповъ. Бой ведется исключительно ротными колоннами, рѣдко полубаталіонными. Тактика этихъ колоннъ состоитъ въ выбрасываніи сильныхъ роевъ стрѣлковъ ; мало по малу сами поддержки подчиняются общему стремленію и разворачиваются; и вотъ вся первая линія разсыпана и представляетъ собою подобіе лавы иррегулярной конницы. Вторая линія, которая оставалась вначалѣ въ сомкнутыхъ порядкахъ, ищетъ въ свою очередь, и при томъ возможно быстрѣе, выхода на высоту линіи, прежде всего, чтобы принять участіе въ бою, а также и потому, что огромное количество ядеръ и гранатъ, которыя были предназначены для послѣдней, пролетаютъ надъ ея головами и достигаютъ нея; она страдаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ она компактнѣе и переноситъ это съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что у нея нѣтъ лихорадочной дѣятельности боя, которая заставляетъ забывать опасность. Масса ротъ второй линіи вынуждена сама собою войти въ первую и, такъ какъ обыкновенно въ сторону фланговъ находится болѣе свободнаго мѣста, сюда присоединяется большущество. Очень часто самъ резервъ присоединяется къ общему влеченію ; вскорѣ его не остается болѣе или, что остается, то слишкомъ слабо, чтобы выполнять роль резерва. Въ дѣйствительности весь бой первыхъ двухъ линій не болѣе, какъ серія боевъ, которые нѣкоторое количество ротныхъ командировъ ведутъ противъ непріятеля, находящагося передъ ихъ фронтомъ. Штабъ-офицеры не могутъ болѣе слѣдовать верхомъ за всѣми своими частями, продвигающимися впередъ и преодолѣваемыми всѣ мѣстныя препятствія. Они вынуждены спѣшиваться и слѣдовать пѣшкомъ съ первой попавшейся ротою своего полка или своего батальона, вслѣдствіе невозможности командовать всею совокупностью своей части; чтобы дѣлать тѣмъ не менѣе что-нибудь, они командуютъ ею; она отъ этого командуется не лучше. Сами генералы часто низводятся къ тому-же!“

Приводя это типичное описаніе пѣхотнаго боя, полковникъ Арданъ — дю — Пикъ заканчиваетъ слѣдующими словами : „И факты, конечно, должны были происходить именно такъ“. ¹⁾ „Должны были“ еще не значитъ, что такъ и было. На дѣлѣ „было“ еще и многое, о чемъ принята молчать, особенно у побѣдоносной стороны“. Оно, по вѣрному замѣчанію Арданъ-дю-Пика ²⁾ осталось лишь въ памяти тѣхъ,

¹⁾ Ardant du Pick, p. p. 293—294.

²⁾ Idem, стр. XI.

которые умѣютъ помнить, потому что они умѣютъ наблюдать, и эти никогда не говорили.“

Приведенное описаніе, открыто признающее разрѣженные боевые порядки въ пѣхотѣ, какъ единственно практичныя, въ эпоху, когда еще не была окончена борьба между сторонниками этихъ порядковъ и упорными защитниками сомкнутыхъ строевъ, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ упрямцевъ все еще могли имѣть болѣе или менѣе значительное примѣненіе въ бою, конечно, поэтому очень цѣнно. Нынѣ эта борьба закончена: цѣпи побѣдили колонны. Но въ то-же время передъ глазами специалистовъ предсталъ рядъ вопросовъ прикладного характера. Центръ ихъ тяжести въ моральной сторонѣ дѣла.

Если въ Ваграмской колоннѣ Макдональда до непріятельской позиціи дошла едва 1/7 часть, при условіи что лишь 1/3 атаковавшей массы выбыла изъ строя на законномъ основаніи, то и въ новѣйшихъ боевыхъ порядкахъ, состоящихъ изъ цѣпей, гдѣ наблюденіе за подчиненными нисколько не легче, чѣмъ въ сомкнутыхъ густыхъ колоннахъ, эти досадныя пропорціи будутъ отнюдь не меньше. Припомнимъ разсказанный въ 1-й главѣ случай, когда во время ночного дѣла одного изъ русскихъ полковъ вокругъ ротныхъ командировъ осталось изъ полныхъ почти ротъ, недавно укомплектованныхъ, всего по 10 - 15 человекъ (унтеръ-офицеровъ). Остальные собрались изъ мрака ночи къ своимъ ротамъ только съ началомъ общаго отхода. Это вопросъ дисциплины. Очевидно, старая дисциплина не отвѣчаетъ потребностямъ новаго боя, разъ подобные случаи добровольнаго уклоненія отъ боя оставались безъ послѣдствій. Нужны новые пути для поддержанія дисциплины. Этихъ путей можетъ быть только два: увеличеніе суровости наказаній, взявши за образецъ дисциплину римскаго легіона, гдѣ смертная казнь широко примѣнялась къ людямъ, способнымъ подъ вліяніемъ малодушія забывать свой долгъ, и организація пѣхоты, дающая возможность начальникамъ имѣти болѣе дѣйствительное наблюденіе за своими подчиненными въ бою; для послѣдней цѣли необходимо введеніе болѣе мелкихъ единицъ, подчиненныхъ офицерамъ.

Въ сущности новаго въ обѣихъ этихъ мѣрахъ ничего нѣтъ. Нужно вспомнить хорошо забытое старое, выношенное многими вѣками боеваго опыта. Вообще современная система полчищъ изъ солдатъ-гражданъ отличается такимъ забвеніемъ заѣзженныхъ въ старину истинъ, требующихъ нынѣ новыхъ правъ на гражданство. Такое положеніе создано подъ вліяніемъ мысли, которую почему-то сочли за святую истину, имѣющую силу аксіомы: гражданинъ-солдатъ состоитъ только изъ однихъ добродѣтелей. Считалось, что преступный элементъ среди этихъ гражданъ лишь исключеніе. Придавая этому послѣднему положенію дѣйствитель-

ное значеніе, существующее и нынѣ, нельзя забывать, что въ страшномъ военномъ дѣлѣ, имѣются моменты, когда не быть „героемъ“ равносильно преступленію. Это особый видъ преступности, неизвѣстный общему праву и, къ сожалѣнію, невѣдомый также и современному военному праву, хотя хорошо въ свое время установленный древнимъ Римомъ. Его необходимо воскресить. По этому поводу Ардант-дю-Пикъ говоритъ: „Мы имѣемъ такіе мотивы для награжденій и медалей, которые заставили-бы римскаго солдата быть прогнаннымъ сквозь розги“¹⁾.

Корень такихъ „преступленій“ противъ героизма въ „малодушіи“, т. е., въ недостаткѣ личной воли для перенесенія ужасовъ боя. Чтобы эту волю поставить на мѣсто, нужно молниеносное средство, способное замѣнить волю слабого субъекта чужою волею извнѣ. По сильному впечатлѣнію, ведущему къ упадку духа, нужно также ударить сильно. Для этого требуется не только строгая, но, не постыдимся сказать прямо, жестокая дисциплина. Почему не прикрываются фиговымъ листикомъ гунманности, когда рѣчь идетъ о морѣ, гдѣ такая суровость почитается естественной, и конфузятся такъ ставить вопросъ ребромъ на сушѣ?

Правда, подобная дисциплина въ нынѣшнихъ арміяхъ полумилиціоннаго характера можетъ быть принята бунтомъ, но если эти арміи переформировать усиленіемъ профессиональнаго въ нихъ элемента, этотъ послѣдній, въ силу своей спеціализаціи, способный понять необходимость какой—угодно суровости, проведетъ ее и въ понятія переменнаго состава.

Схема болѣе современнаго пѣхотнаго боя, не лишенная, притомъ, нѣкоторыхъ реалистическихъ штришковъ, принадлежитъ перу одного французскаго ротнаго командира капитана Лафарга, тяжело раненаго во время лихой атаки у Невиль — С. Вааста въ маѣ 1916 г., когда позиціи нѣмцевъ на описываемомъ капитаномъ участкѣ были прорваны, хотя, впрочемъ и безъ рѣшительнаго общаго результата. Трудъ Лафарга былъ приказомъ по арміямъ рекомендованъ, какъ повѣствованіе „въ примѣръ даже храбрѣйшимъ“. И дѣйствительно, на него надо смотрѣть, какъ на впечатлѣнія исключительнаго героя. Это не рассказъ посредственнаго воина, „золотой“ середины, т. е. большинства.

Вотъ это описаніе въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

„Дѣйствіе первой линіи. — Напряженная артиллерійская подготовка, громовыми раскатами потрясающая весь видимый горизонтъ, внезапно обрывается и трагическая тишина нависаетъ надъ полемъ битвы... И вотъ внезапно вырастаютъ изъ земли безчисленные, выравненные въ нитку

---

¹⁾ Ardant du Pick, p. 117.

ряды пѣхоты, увѣнчанные грознымъ блескомъ тысячи штыковъ. Навстрѣчу имъ мгновенно освѣщается линія непріятельскихъ окоповъ, бѣшенный огонь разливается по всему полю, покрываемый безжалостнымъ трескомъ пулеметовъ. Волны атакующихъ рѣдѣютъ, цѣлыя части падаютъ, скошенные огнемъ, нѣкоторыя залегаютъ безъ движенія, тогда какъ другія, лучше управляемая, стремятся впередъ, наперекоръ всему, при чемъ кое-кто имѣетъ счастье найти передъ собой участки, окончательно разрушенные артиллеріей. Наконецъ, войска атаки врываются въ передовые окопы, и наступаетъ рукопашный бой. Въ эту минуту вступаетъ въ дѣло вторая волна“.

Прервемъ интересную цитату для нѣкоторыхъ замѣчаній. Съ 1916 г. техника атаки артиллерійскаго нападенія во время движенія впередъ пѣхоты. „Залегающія безъ движенія части“ — это тѣ, которыя способны замѣнить „бѣгство впередъ“ „бѣгствомъ назадъ“. Вопросъ психологіи. Эти части уже занялись этимъ вопросомъ, и самый фактъ такого занятія предрѣшаетъ уже отвѣтъ не въ пользу героизма. „Рукопашный бой“, о которомъ упоминаетъ авторъ, фигурируетъ лишь разъ въ его очеркѣ и то только въ формѣ простого „упоминанія“. Не чувствуется „личнаго впечатлѣнія“ очевидно, чего, конечно, и не было. Въ противномъ случаѣ неизгладимость сцены нашла-бы для себя нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ. Во всякомъ случаѣ это не „массовый“ штыковой бой. Это только результатъ отчаянія героизма обороны который уже не въ силахъ измѣнить рѣшенія боя.

Говоря объ атакѣ второй волны, Лафаргъ пишетъ: „Врываясь въ ослабленные промежутки, она разбиваетъ сопротивление защитниковъ траншеи на отдѣльные очаги и окончательно ихъ затопляетъ... Здѣсь уже закипаетъ беспорядочный бой отдѣльныхъ, смѣшанныхъ кучекъ обстрѣливаемыхъ со всѣхъ сторонъ; вотъ второй окопъ тоже частью захваченъ, въ прорывы врываются волны нападающихъ, распространяясь въ стороны въ то время, какъ отдѣльныя партіи противника яростно защищаются, зацѣпившись за опорные пункты.“

Къ этому времени первая линія окончательно теряетъ какой-либо порядокъ, груды труповъ покрываютъ пройденное пространство, здѣсь цѣлыми рядами скошенными безжалостнымъ пулеметнымъ огнемъ, тамъ, увѣнчивая захваченный брустверь, наполняя окопъ, или сжимая въ послѣднихъ объятіяхъ поверженнаго врага; многочисленные раненые медленно бредутъ назадъ, одиночные люди стремятся въ тылъ подъ самыми разнообразными предлогами, наконецъ, цѣлыя части окапываются на захваченныхъ участкахъ, такъ какъ начальники ихъ предпочитаютъ ограничиться достигнутымъ и уклониться отъ дальнѣйшаго боя.

Внѣ этого безпорядка отдѣльныя партіи (остатки былыхъ многочисленныхъ ротъ), исполненныя геройскаго духа и предводимыя пылкими начальниками, врываются все дальше въ непріятельское расположеніе . . . Встрѣчаемые лишь одиночными выстрѣлами и изумленные безжизненностью поля сраженія, они прорываются, наконецъ, до открытаго поля. Позади еще кое-гдѣ кипитъ истребительный бой, но за ними никто не пошелъ, — виднѣются лишь раненые и бѣглецы потихоньку отходящіе назадъ. Тогда одиночныя и разрозненныя кучки сознаютъ свою слабость и осматриваются; окружающая тишина и пустынность, возможность противодѣйствія противника-все это заставляетъ опасаться засады и скоро останавливаетъ ихъ порывъ. Особенно тяжелая и убійственная борьба разгорается у узловъ сопротивленія . . . Достигнутый здѣсь успѣхъ — очень малъ по сравненію съ ужасными потерями . . . Порывъ первой линіи атаки остановленъ перекрестнымъ огнемъ неподавленныхъ еще узловъ сопротивленія; къ тому же она состоитъ только изъ нѣсколькихъ кучекъ настоящихъ бойцовъ, достаточныхъ лишь для обозначенія границъ захваченнаго участка и множества отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ единицъ, разбросанныхъ по всему пройденному пространству. Весь бой длился не болѣе часу¹⁾.

Начиная съ атаки второй линіи да и дальнѣйшихъ, рассчитывать на войска, уцѣпившіяся за первую, уже не приходится. Изъ приведенной картины боя участника ясно, что потери ранеными и „оробѣвшими“ совершенно разстроили численный составъ людей первой атаковавшей волны. Лафаргъ не приводитъ, да и не можетъ привести цифръ, которыя сумѣлъ высчитать относительно Ваграмской колонны Арданъ-дю-Пикъ, но съ увѣренностью можно сказать, что относительно число „оробѣвшихъ“ въ современномъ бою уже потому не меньше, что неопытность солдатъ — дилетантовъ и ихъ необстрѣляемость гораздо больше, чѣмъ въ Наполеоновскія времена. Подъ Ваграмомъ же „оробѣвшихъ“ было свѣше половины. Въ наше время, когда по прежнимъ понятіямъ, армія состоитъ изъ рекрутъ, назади при атакѣ останется навѣрное значительно больше половины. „Вещь общеизвѣстная, говоритъ Арданъ-дю-Пикъ, что рекруты на войнѣ таютъ, какъ снѣгъ“²⁾. Далѣе, обращаясь къ бою, онъ рисуетъ слѣдующую справедливую картину: „Капитанъ наступаетъ съ 90 человекъ въ строю. Входятъ въ сферу артиллерійскаго огня. По дорогѣ 25 остается назади; въ сферѣ ружейнаго огня: 35 исчезаютъ еще, и, если овладѣваютъ позиціей, капитанъ очень счастливъ, если имѣетъ 30 человекъ; если часъ спустя производится раздача двойной порціи вина, капитанъ вновь находитъ свои

1) „Иностранныя Наставленія для боя“, изданіе Русской Ставки, 1916 год., IV выпускъ.

2) Арданъ-дю-Пикъ, стр. 347.

90 человекъ, кромѣ восьми, десяти выведенныхъ изъ строя“¹⁾. Въ этой картинѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго.

Спрашивается, стоитъ-ли организовать огромныя арміи такихъ рекрутъ, тратиться на ихъ обученіе и содержаніе, чтобы имѣть въ бою въ самую нужную минуту лишь треть или того менѣе? Не лучше-ли подумать объ иномъ устройствѣ вооруженной силы, не гоняясь за числомъ, а лишь за качествомъ? Это качество можетъ дать только профессиональ въ силу твердо усвоенныхъ понятій, въ силу своей, сдѣлавшейся нераздѣльной со всѣмъ его существомъ, психологіи, его вторымъ „я“. Извиняясь за нѣкоторую грубость сравненія, можно установить въ такой психологіи нѣчто „собачье“ по вѣрности и преданности. Психологія цѣпного пса, и ее нужно имѣть въ виду при военной организаціи.

Кромѣ этого необходимаго арміи, особенно пѣхотѣ, типа воина. ей не менѣе, если не болѣе, надобенъ и другой, тотъ, который такъ втянулся въ военное дѣло, такъ къ нему привыкъ, что не понимаетъ жизни внѣ его. Это—ремесленникъ войны, котораго не испугаешь никакой опасностью. Онъ къ ней, если не привыкъ, то считаетъ ее неизбѣжной частью своего существованія. Въ сущности,—это люди, которымъ все равно „кому“ служить, для нихъ важенъ вопросъ не „кому“, а „чему“. Они сдѣланы для войны и арміи, это ланцкнехты нашего времени. Это они, бывшіе офицеры старой русской арміи наполнили ряды „Краснаго“ воинства Ленина, составляя не только его силу, но и его слабость. О послѣдней даютъ понятіе слѣдующія слова одной изъ рѣчей Ленина: „Солдатъ не хочетъ снова стать землепашцемъ. Вотъ кто самый страшный нашъ врагъ. Онъ привыкъ къ грабежу и убійству; онъ привыкъ считаться лишь съ собственнымъ желаніемъ. Эта солдатская анархія, упавъ на благодарную почву глухой крестьянской злобы, способна уничтожить нашу республику“¹⁾.

Ну, развѣ это не психологія ланцкнехтовъ? И не взирая на отрицательныя ея стороны (въ гражданскомъ отношеніи), эта психологія драгоцѣнна для арміи (въ военномъ отношеніи): эти люди незамѣнимы въ опасности, они ея не боятся, или, вѣрнѣе, не позволяютъ себѣ бояться. Правда, и здѣсь придется вспомнить о дисциплинѣ, чуждой сантиментальности и придется о ней вспомнить съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что именно подобные люди способны безпрекословно переносить какія-угодно дисциплинарныя суровости. Дайте ихъ имъ и они дадутъ отличнаго воина по ремеслу. Это подобный сортъ людей, изгоевъ современнаго уклада мирной жизни, доставляетъ добровольческіе и волонтерныя

¹⁾ Idem, стр 348.

²⁾ „Общее Дѣло“, 13 апрѣля 1921 г., № 272.

контингенты, къ которымъ все чаще и чаще, хочешь не хочешь, вынуждена обращаться современная военная организація, силою вещей обязанная считаться, какъ съ господствующимъ нежеланіемъ массъ становиться въ ряды, такъ и съ повелительной необходимостью беречь рабочія силы страны въ періодъ возсозданія экономическихъ условій мирной жизни.

Въ Англіи и Америкѣ уже давно имѣется институтъ волонтеровъ, нынѣ онъ введенъ въ Германіи и въ Россіи, а послѣднее время и во Франціи, гдѣ въ минувшемъ мартѣ 1921 года объявленъ новый законъ о рекрутированіи волонтеровъ. На эту дорогу выводятъ прежде всего экономическія требованія современной жизни, когда отъ рабочаго требуется трудъ невѣроятнаго напряженія, которое можно сравнить только съ напряженіемъ войны, а также, когда и военные мотивы, повелительно требуютъ усиленія профессиональности въ рядахъ войскъ.

Дѣйствія пѣхоты въ современномъ бою день ото дня становятся все труднѣе и труднѣе. Раздаются пророческіе голоса даже о невозможности въ будущемъ бою какого-бы то ни было наступленія пѣхотинца.

„Что день грядущій намъ готовить“, сказать определенно нельзя, а потому приходится подумать пока о другомъ. А именно, что еще нужно не упустить изъ виду, чтобы сдѣлать пѣхотную атаку, дѣйствительно столь трудную, все-же возможную? Конечно, главное въ этомъ вопросѣ это данныя психологическія. Среди нихъ необходимо въ первую очередь обратить вниманіе на самолюбіе, соревнованіе и страхъ начальства. Всѣ эти три данныя играютъ огромную роль въ механикѣ подавленія въ себѣ чувства страха въ бою. Въ видѣ лучшаго доказательства справедливости высказаннаго можетъ служить довольно рѣдкій примѣръ пѣхотной атаки, въ которой привелось участвовать и автору этихъ строкъ. Это атака д. Чжантаньхенань 20 января 1905 г. во время Русско-Японской войны.

Отходъ 2-й русской арміи отъ Сандепу, послѣ неудачныхъ атакъ этого селенія, прикрывала 5-я стрѣлковая бригада, которая по выполненіи своей задачи также вслѣдъ за прочими частями отошла на правый берегъ р. Хунь-хе въ с. Чжантань. По распоряженію свыше на лѣвомъ берегу рѣки, противъ Чжантаня должно было сохранить за собою въ видѣ тетъ-де-пона дер. Чжантаньхенань, и эта задача была возложена на 1-ю стрѣлковую бригаду. По невыясненной причинѣ послѣдняя, отходя отъ Сандепу, не исполнила эту свою задачу. Поэтому ей пришлось добывать обладанія Чжантаньхенанемъ боемъ.

Для этой цѣли ею было исполнено двѣ упорныхъ ночныхъ атаки, изъ которыхъ одна увѣнчалась было успѣхомъ, но японцы настойчивыми штурмами сумѣли вернуть себѣ обладаніе деревней.

Приходилось подумать о новой попыткѣ болѣе значительными силами. Въ 5 часовъ утра 20 января командовавшій 5-й бригадою полковникъ Юденичъ, вполсѣдствіи извѣстный главнокомандующій Кавказской арміей и герой Эрзерума, былъ вызванъ срочно къ начальнику 1-й стрѣлковой бригады ген. Домбровскому, на котораго была возложена новая повторная атака, и здѣсь принялъ приказаніе быстро собрать части 5-й бригады и, вмѣстѣ съ 1-й, атаковать Чжантаньхенань, составляя правую колонну, въ то время какъ 1-я бригада должна была образовать лѣвую. Согласно письменной диспозиціи, скрѣпленной начальникомъ штаба подполковникомъ Корниловымъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ во время Великой войны и однимъ изъ создателей Добровольческой арміи, атакѣ предшествовала полчасовая артиллерійская подготовка 65 орудій, въ томъ числѣ 18 полевыхъ мортирь. Для атаки было подтянуто 16 пулеметовъ, изъ которыхъ половина Максима и половина тяжелыхъ ѣздящихъ, на лафетахъ въ родѣ артиллерійскихъ, нынѣ совершенно вышедшихъ изъ употребленія. Каждая изъ этихъ половинокъ образовывала роту.

Мѣстность представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Открытая плоская равнина въ излучинѣ р. Хунь-хе, на серединѣ хорды которой находится д. Чжантаньхенань, въ вершинѣ которой стоитъ Чжантань, исходный пунктъ для 5-й бригады, и въ пересѣченіи хорды съ излучиною рѣки — д. Чжанчжуандза, исходный пунктъ атаки 1-й бригады. Въ распоряженіи послѣдней былъ удобный закрытый подступъ, заросшій оврагъ, выводившій къ правому флангу противника, тогда какъ передъ 5-й бригадой для атаки ея развѣтывалась равнина открытая и гладкая, какъ столъ, шириною около 1 1/2 версты. Артиллерія стояла на правомъ берегу рѣки, вдоль ея излучины и прекрасно пристрѣлялась къ Чжантаньхенаню въ предшествовавшіе четыре дня позиціоннаго артиллерійскаго боя. Полевые мортиры, съ предѣльной дальностью всего въ 2 версты, стояли за крутостью рѣки на лучшей своей дистанціи. Крутости береговъ р. Хунь-хе образовывали прекрасное укрытіе для предварительнаго сосредоточенія атакующихъ колоннъ. Утро было ярко солнечное. Воздухъ прозраченъ настолько, насколько это случается только въ Манчжуріи, славящейся этимъ. Видимость была превосходная. Не взирая на порядочное разстояніе, казалось, каждое деревцо Чжантаньхенаня можно было отчетливо разглядѣть.

Дальнѣйшій разсказъ будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, атакѣ правой колонны (5-й бригады), начальникомъ штаба которой пишущему это привелось быть и, слѣдовательно, участвовать именно въ ея штурмѣ; да эта атака представляетъ и наибольшій интересъ, такъ какъ она была сдѣлана при отсутствіи удобнаго подступа, по мѣстности ровной и открытой, какъ столъ.

Всѣ атакующія части были отборными частями. Еще въ мирное время онѣ содержались въ составѣ почти мобилизаціонной готовности и приняли въ свои ряды передъ отправленіемъ на театръ войны всего по 20 человекъ на роту, чтобы довести численность послѣдней до полного штата въ 200 человекъ. Комплектовались эти стрѣлковыя полки людьми по выбору со всей Россіи, и не успѣли они еще понести значительныхъ потерь, которыя измѣнили-бы ихъ качество путемъ вливанія новыхъ менѣе доброкачественныхъ пополненій.

Командовались эти части не менѣе отборными начальниками, тогда въ большинствѣ неизвѣстными штабъ-офицерами, но на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣдствіи выпалъ жребій стать народными героями, какъ Корниловъ и Юденичъ, на долю другихъ — сдѣлаться выдающимися военачальниками, какъ полковникъ Бѣлковичъ, въ послѣдствіи командующій 7-й арміей во время Великой войны, командовавший 17 стрѣлковымъ полкомъ во время атаки, на долю нѣкоторыхъ сдѣлаться начальниками съ именами въ рядахъ арміи, какъ полковникъ Янушевскій, командиръ одного изъ полковъ 1-й стрѣлковой бригады, подполковникъ Прясловъ, командиръ 1-й батареи 5-го стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона и полк. Мунтяновъ, командиръ батареи 1 арт. дивизіона. Даже странно, что такое количество выдающихся начальниковъ случайно сосредоточилось на такомъ маленькомъ участкѣ боя. Несомнѣнно это обстоятельство имѣло свое вліяніе на исходъ его.

Начальникомъ всей атаки былъ старый и испытанный боевой генералъ Домбровскій, носившій бѣлый крестъ еще за подвигъ своихъ юныхъ лѣтъ. Въ дальнѣйшемъ описаніи для нашей цѣли преобладающій интересъ представить не „геометрической чертежъ“ атаки, а ея „психологическая основа“. Вотъ почему впечатлѣніямъ будетъ отведено мѣста больше, чѣмъ фактамъ. Во всякомъ случаѣ послѣдніе будутъ играть подчиненную роль.

Генералъ Юденичъ, тотчасъ по возвращеніи отъ ген. Домбровскаго, отдалъ словесныя распоряженія о сосредоточеніи съ позицій за крутою берега р. Хунь-хе въ вершинѣ ея излучины 17, 19 и 20 полковъ, поручивъ занятіе своихъ основныхъ позицій 18 полку, передъ тѣмъ уже понесшему

довольно значительныя потери при атакѣ Сандепу. Самъ-же со своимъ штабомъ сѣлъ верхомъ и въ яркое солнечное утро переѣхалъ также къ этой излучинѣ. Тутъ мы всѣ забрались на крышу фанзы, находившейся на краю нашего праваго берега и стали изучать мѣстность. Она была скучно однообразна: ровное поле, изрѣзанное гаоляновыми грядами съ тычками въ четверть аршина, оставшимися отъ прошлогодней жатвы. Движеніе по такому гофрированному полю было не особенно удобно, такъ какъ гаоляновые пеньки тверды, а грядки заставляють дѣлать неестественные, неровные шаги.

На горизонтѣ виднѣлись заросли садовъ д. Чжантаньхенань, цѣли нашей атаки. Утренніе дымки трубъ клубились въ прозрачномъ воздухѣ. Картина была мирная. Ни выстрѣла.

Вскорѣ прибыла къ намъ ѣздящая пулеметная рота, и я поѣхалъ на тотъ берегъ, чтобы поставить ее на позицію. Для размѣщенія пулеметовъ былъ избранъ небольшой полуразрушенный выселокъ, обнесенный, какъ всегда въ Китаѣ, землянымъ валомъ. Этотъ выселокъ, находившійся внутри входящей дуги рѣки, вблизи отъ ея лѣваго берега, давалъ возможность вести отсюда дальній пулеметный огонь для поддержки двигающейся въ атаку пѣхоты. Правѣ выселка долженъ былъ наступать 20 полкъ, лѣвѣ — 17-й, имѣя за собою 19-й въ резервѣ атакующей колонны. Пулеметы, дѣйствуя въ интервалѣ между обоими головными полками, не рисковали быть слишкомъ скоро закрытыми ими. Въ прикрытіе къ пулеметамъ была назначена одна полурота.

Между тѣмъ предназначенныя для штурма части сосредоточились на льду рѣки и начали разворачиваться въ боевой порядокъ. Вотъ цѣпями въ нѣсколько линій двинулись головные полки; дружно выкатываясь на равнину противоположнаго берега. Вотъ заговорила наша артиллерія. Задымилась д. Чжантаньхенань уже не мирными клубами. Юденичъ со штабомъ, переѣхавъ черезъ ледъ, спѣшившись и оставивъ лошадей и ординарцевъ за крутостью лѣваго берега, продвинулся также къ одной стѣнкѣ, оставшейся отъ какой-то разрушенной постройки. Пока штабъ, размѣстившись за этою стѣнкою, предался мирному занятію, уголяя плитками шоколада утренній голодь, Юденичъ, стоя рядомъ со стѣнкою, открыто продолжалъ свои наблюденія въ бинокль и простымъ глазомъ. Противникъ не заставилъ себя долго ждать: заговорили и его орудія, пулеметы и ружья. На небѣ появились и медленно таяли бѣлыя облачки рвущейся шрапнели. Дѣло загоралось.

Наши атакующія цѣпи, не останавливаясь и не ожидая окончанія предусмотрѣнной диспозиціей получасовой артил-

лерійской подготовки, безъ особаго на этотъ счетъ приказанія, продолжали стремиться впередъ, не прибѣгая ни къ передышкамъ, ни къ примѣненію къ мѣстности. Какъ это случилось, никто не объяснить. Вышло само собою и вышло къ лучшему, такъ какъ пѣхота во время своего движенія не испытывала перерыва въ прикрывающемъ атаку артиллерійскомъ огнѣ.

Вотъ мимо штабной стѣнки выкатывается на верхъ береговой крутости бригаднаго резерва. Полкъ сильно разомкнутъ, но съ видимаго намъ праваго его фланга бросается въ глаза стройность его наступленія. Волна льется внушительно. Невольно бросается въ глаза молодецкая поза одного офицера съ обнаженной шашкою внушительнымъ баскомъ командующаго своимъ людямъ движеніе впередъ. Бросается эта фигура въ глаза не только своей нѣкоторой театральностью, но и потому, что для многихъ посвященныхъ въ дѣло очевидцевъ ночного боя четыре дня тому назадъ этотъ офицеръ былъ отмѣченъ, какъ позорно покинувшій свой постъ. Въ свое время Юденичъ подѣлился со мною этимъ печальнымъ своимъ наблюденіемъ слѣдующими словами: „Не ожидалъ отъ № № такой штуки. А на словахъ такой шумный молодецъ!“ То было подъ покровомъ ночи. Теперь при яркомъ свѣтѣ сияющаго утра молодецъ былъ снова шуменъ и наряденъ, особенно на глазахъ близко находящагося начальства. Эта натура не исключеніе, и ее нужно имѣть въ виду въ дѣлѣ атаки. Подобный типъ воина, лишенный истинныхъ понятій о чести, которая у нихъ замѣняется „гоноромъ“ и его спутникомъ - тщеславіемъ, съ волею настолько слабую, что она нуждается постоянно въ посторонней поддержкѣ, долженъ быть всегда на глазахъ, и тогда онъ способенъ иной разъ даже на героизмъ.

Всѣ эти заключенія были, разумѣется чужды во время хода атаки; тогда просто ударило по чувству противорѣчіе въ поведеніи одного и того же человѣка ночью и днемъ, безъ посторонняго наблюденія и на глазахъ начальства.

Между тѣмъ атака развивалась своимъ чередомъ. „Ну, теперь и нашъ чередъ!“ раздался возбужденно-веселый голосъ Юденича, и мы выкатились за своимъ начальникомъ изъ-за нашей стѣнки. Восемь офицеровъ штаба съ офицерами ординарцами шли за мною широкою разомкнутою цѣпью. Впереди бодро шагала, широко размахивая по своему обыквенію руками, Юденичъ. Началось то движеніе впередъ, которое очень удачно Арданъ-дю-Пикъ окрестилъ „бѣгствомъ впередъ“. Шагалося съ трудомъ по мелко-гофрированному полю съ острыми и твердыми галяновыми тычками: приходилось идти все время не ровными, шагами а переступая черезъ разное количество грядокъ. Казалось, большая часть вниманія уходила на эту работу, которую хотѣлось окончить какъ можно

скорѣе, достигнувъ цѣли. Каждый двигался, какъ автоматъ, ощущенія пріобрѣли характеръ какой-то подсознательности. Не взирая на то, что ясное голубое небо покрылось слоємъ все прибывающихъ, бѣлыхъ клубковъ шрапнели, а все поле поминутно то тамъ, то здѣсь всплескивало черными высокими взрывами гранатъ, въ просторѣчїи „шимозъ“, столь нелюбимыхъ нами, звука канонады какъ-то не было слышно, но она должна было быть очень сильна при дѣйствии съ обѣихъ сторонъ около 100 орудій, не говоря уже о оружейной и пулеметной перестрѣлки. Должно быть слышать этотъ гулъ — удѣлъ позиціоннаго сидѣнья. Не обращалось также вниманіе на свистъ пуль. Приковывали вннманіе лишь бѣлые дымки въ небѣ и черные на землѣ.

Вправо и влѣво отъ насъ быстро двигались впередъ сплошныя цѣпи нашихъ стрѣлковъ съ офицерами во главѣ. Рѣдкая тема для идеальной батальной картины: офицеры съ обнаженными шашками впереди, а за ними стремительныя цѣпи. Ни одного залеганія, никѣгого примѣненія къ мѣстности, одно быстрое, безостановочное движеніе. Но при этомъ одна особенность: по уставу при атакѣ требовался „бой къ атакѣ“, исполняемый стрѣлковыми горнами, но его не послѣдовало, хотя никто объ этомъ приказанія не отдавалъ.

Опасность едва-ли сознавалась. Мы проходили мимо раненыхъ и убитыхъ спокойно и съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, но мысль о близости такой-же участи для каждаго изъ насъ была странно далека. Вотъ падаетъ на нашихъ глазахъ пожилой капитанъ. „Куда ранены“? бодро и весело спрашиваетъ на ходу Юденичъ. „Должно быть шрапнелью“, не менѣе бодро отвѣчаетъ капитанъ, держась за поясницу и еще, повидимому, не чувствуя боли и страданія.

Въ нашемъ стремительномъ движеніи мы приближаемся къ самой деревнѣ Чжантаньхенань. Проходимъ сквозь мелкую заросль, окружающую ее. На нашихъ глазахъ прутья кустарниковъ падаютъ скошенные пулями, посылаемыми стойкимъ противникомъ намъ въ упоръ. Вотъ мы уже въ самомъ селеніи, переходимъ черезъ пересѣкающей его оврагъ, служившій подступомъ для нашихъ товарищей 1-й бригады, вотъ мы въ японскомъ окопѣ ихъ прежней второй линіи обороны. Но противника мы тамъ и не видѣли, не видѣли даже ни одного раненаго или убитаго, подобрана одна фуражка и пачка забытыхъ въ фанзѣ документовъ на неудобочитаемомъ языкѣ.

Залегаяемъ въ окопѣ, стрѣлки начинаютъ перебрасывать его насыпъ на противоположную сторону, свободные отъ дѣла спѣшать, размѣстившись поудобнѣе, соснуть, чтобы наверстать усталость и утомленіе нервнаго напряженія.

А послѣднее было, повидимому, очень велико, не взирая на отмѣченную выше притупленность всей чувствительности. Вотъ типичный случай для него характеристики.

Еще на пути къ театру войны, въ Пензѣ, я встрѣтилъ одного стараго боевого генерала, только что пробѣжавшаго изъ Казани въ Пензу вмѣстѣ съ однимъ прапорщикомъ, призваннымъ изъ запаса въ нашу 5-ю бригаду. Всю дорогу этотъ офицеръ военного времени жаловался на горькую судьбу свою, вынуждавшую его бросить трудъ мирнаго времени и свою гражданскую семью, совершенно необезпеченной. „Плохой будетъ для Васъ вояка этотъ прапорщикъ М.“, закончилъ свой рассказъ генераль.

По овладѣніи Чжантаньхенанемъ, когда мы уже застѣли въ японскомъ окопѣ, и противникъ щедро поливалъ насъ шимозами, подготавливая свою контръ-атаку, ко мнѣ подошелъ полк. Бѣльковичъ и высказалъ свое полное восхищеніе поведеніемъ въ бою прапорщика М. котораго, раненый въ руку, за убедиюемъ всѣхъ офицеровъ двухъ ротъ полка, принялъ надъ ними по своей инициативѣ командованіе и довелъ ихъ до атаки селенія. Теперь этотъ офицеръ попросился на перевязочный пунктъ перевязаться и, главное, по его словамъ, отдохнуть нервами. „Будь это другой, не пустилъ-бы“, заключилъ Бѣльковичъ, „но этого молодца отпустилъ, пусть передохнетъ“.

Вернушійся съ перевязочнаго пункта часъ спустя стрѣлокъ принесъ печальное извѣстіе, что прап. М. лишился разсудка: сидитъ въ фанзѣ на канѣ, безмысленно и неудержимо жутко смѣется. Таковъ былъ результатъ потрясенія при атакѣ, столь при томъ кратковременной.

Впослѣдствіи оказалось, что этотъ нервный шокъ случился на почвѣ расшатаннаго въ молодости организма одной тяжелой болѣзью. Вообще во время войны замѣчались врачами, что душевныя заболѣванія это удѣлъ алкоголиковъ и сифилитиковъ, т. е., людей, у которыхъ весь организмъ уже трансформировался подъ влияніемъ болѣзненнаго глубокаго перерожденія.

Приведенный случай лишь иллюстрація силы тѣхъ переживаній, которыя пѣхотинцу приходится одолѣть при временномъ штурмѣ. Вопросъ, что-же будетъ въ грядущемъ, когда техника разрушенія еще шагнетъ впередъ? Атака Чжантаньхенаня длилась всего четверть часа. Что пришлось преодолѣть французскимъ пѣхотинцамъ при штурмѣ Невиль-С. Вааста, описанномъ кап. Лафаргомъ, штурма, длившагося уже цѣлый часъ?

Нельзя забывать, что Чжантаньхенань это рѣдчайшее исключеніе, обязанное своимъ существованіемъ блестящей дисциплинѣ отборныхъ частей въ ихъ кадровомъ составѣ и

подъ начальствомъ вождей, многіе изъ которыхъ впоследствии приобрѣли историческую извѣстность.

А нормы дѣйствій пѣхоты въ бою нужно приноравливать къ случаю „золотой“ середины, т. е., для солдата только по названію, для начальника нерѣдко также изъ гражданъ по повинности, при условіи, когда дерущіеся рядомъ не знаютъ другъ друга даже по имени. Гдѣ-же поле для игры соревнованія, самолюбія и контроля начальства, на важность которыхъ было указано передъ описаніемъ случая подъ Чжантаньхенанемъ, гдѣ въ дѣйствительности успѣхъ атаки съ психологической точки зрѣнія былъ основанъ на наличіи всѣхъ трехъ отмѣченныхъ данныхъ?

Что-же дѣлать? Какія мѣры принять, чтобы ослабить вредную сторону организациі современной пѣхоты? Ихъ двѣ: усилить кадры профессионаловъ и уменьшить численность пѣхотныхъ мелкихъ единицъ, находящихся въ рукахъ офицеровъ, т. е., ротъ и ихъ подраздѣлений. Эти мѣры дадутъ: болѣе прочный духъ, поле для самолюбія и соревнованія и облегчатъ наблюденіе за слабѣющими людьми, нуждающимися въ поддержкѣ чужой воли.

Четверть часа стремительной атаки Чжантаньхенаня обошлись въ 500—600 человекъ, выбывшихъ изъ строя 5-й бригады. Такъ какъ ея приблизительная численность въ атаковавшихъ частяхъ была 3.500—4.000 человекъ, то общая убыль равнялась, примѣрно, 7%, т. е., той цифрѣ, которую Арданъ-дю-Пикъ избралъ за естественную норму законной убыли для колонны Макдональда подъ Ваграмомъ. Отсюда заключеніе, почти вѣрное, — подъ Чжантаньхенанемъ не было „незаконной“ убыли: все бѣжало, но только впередъ.

Что касается численности роты, то остается припомнить хорошо забытое, глубоко вѣрное съ психологической точки зрѣнія (а она при атакѣ повелѣваетъ) мнѣніе Арданъ-дю-Пика, который говорилъ: „Тонкія линіи невозможны безъ опредѣленнаго порядка, какъ только при посредствѣ суровой дисциплины и взаимной солидарности, которыя наши люди не могутъ почерпнуть иначе, какъ изъ понятій о чести, а понятіе о чести существуетъ только между людьми, хорошо знающими другъ друга, имѣющими духъ части, роты.

Я говорю: роты, откуда необходимость такой организациі, которая дѣлаетъ возможной солидарность, создавая такимъ образомъ настоящую индивидуальность роты.

Ясно, въ самомъ дѣлѣ, что единство боя основано на единствѣ группы людей, которая, въ дѣйствіи, можетъ повиноваться непосредственно командованію одного. При разсыпаніи и шумѣ боя нашихъ дней, эта единица самое большее 100 человекъ, это - рота¹⁾. „Дѣйствительно, рота въ 250—200

¹⁾ Арданъ-дю-Пикъ, стр. 340.

человѣкъ минувшей Великой войны при разсыпаніи занимаетъ $\frac{1}{3}$ версты (км.) т. е., протяженіе, не доступное наблюденію и воздѣйствию ротнаго командира. Возразятъ, что такая рота болѣе способна переносить потери боя. Заблужденіе: она ихъ увеличиваетъ „незаконно“ убывшими съ поля сраженія, и только. Припомнимъ случай съ однимъ полкомъ подъ Лодзью, когда онъ отказался отъ пополненій, не вѣря въ ихъ психологію, припомнимъ случай, рассказанный Лафаргомъ, все это съ мѣста боя, и увѣруемъ въ святую истину, провозглашенную Арданъ-дю-Пикомъ полвѣка назадъ. Но что значитъ этотъ срокъ для законовъ психологіи? Техника мѣняется быстро. Психологія никогда.

Но „не борются людьми противъ техники“¹⁾, говоритъ боевой офицеръ французской арміи. Какъ-же рисуется пѣхотная атака будущей войны при дальнѣйшемъ неизбѣжномъ стремительномъ развитіи техники? Вотъ картина, принадлежащая фантазіи того-же офицера. За исходную данную этой фантазіи приходится взять воздушную борьбу²⁾.

„Восходящее поступательное движеніе, которое должно наступить въ вольной авіаціи во время мира, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть свое важное отраженіе въ развитіи военного воздухоплаванія. . . Съ начала войны воздухоплавательная армія вмѣшается со всѣмъ своимъ могуществомъ, благодаря быстротѣ сосредоточенія, и воздушныя сраженія завяжутся одни изъ первыхъ. . . Авіація ввела въ воинскую борьбу третье измѣреніе. Оно призвано особенно возрастать.

Воздушное сраженіе будетъ имѣть множество этажей отъ земной поверхности, надъ которой воздухоплавательные бронированные аппараты, летая низко, будутъ бросать ихъ снаряды до высей въ 10.000 метровъ, гдѣ будутъ парить монопланы большихъ тузовъ авіаціи, проходя черезъ всѣ посредствующія выси, гдѣ будутъ двигаться многомѣстные аэропланы, все болѣе и болѣе гибкія и лучше вооруженныя бомбометныя машины съ ихъ снарядами, достигающими тонны, и наблюдатели, нацѣливающіе свои усовершенствованные телефотографическіе аппараты.

Чтобы избѣжать видимости и пораженія, роды войскъ, которыя отстанутся на землѣ, будутъ вынуждены все болѣе и болѣе закапываться. Другое послѣдствіе третьяго измѣренія. Существованіе на поверхности земли сдѣлается все болѣе и болѣе тяжелымъ.

Съ будущимъ развитіемъ воздухоплавательныхъ средствъ и дѣйствительности ихъ работы, если одинъ изъ противниковъ, въ данный моментъ и въ данномъ пунктѣ, осуществитъ безусловное господство въ воздухѣ, другой окажется буквально вынужденъ къ неподвижности, къ полной бездѣятельности. . .

¹⁾ Арданъ-дю-Пикъ, стр 340.

²⁾ Les Lecons militaires de la guerre. Par le Comm. B-té Bouvard, préface du Maréchal Pétin, page 152.

Господство въ воздухѣ, господство въ морѣ. Воюющіе будутъ стараться имѣть могущественные воздушные флоты, какъ они всегда стремились имѣть морскіе. „При обзорѣ будущей эволюціи артиллеріи уже отмѣчено возможное усмотреніе сухопутной стрѣльбы по пути техники, уже усвоенной на морѣ. Теперь съ другого конца логика приводитъ къ подобному-же выводу о будущемъ господствѣ на сушѣ принциповъ морской войны и боя. Первые бои произойдутъ въ воздухѣ. И небо побѣжденнаго будетъ предоставлено для предпріятій побѣдителя съ неисчислимыми послѣдствіями неограниченнаго поступательнаго вторженія въ тылы, нарушающаго мобилизацію и сосредоточеніе, атакующаго промышленныя центры, поражающаго духъ населенія, воображеніе котораго преувеличить дѣйствительные результаты“¹⁾.

Для побѣдителя въ воздухѣ будетъ открыто поле для пѣхотной атаки, для побѣжденнаго-поприще для позиціонной борьбы. Послѣдняя будетъ тѣмъ легче, что „географическіе укрѣпленные раіоны“ уже съ мирнаго времени дадутъ готовые остовы этой борьбы, которые потребуютъ только своего развитія полевыми средствами, въ зависимости отъ дѣйствительной тактической обстановки.

Слѣдовательно, позиціонная война обезпечена съ первыхъ-же выстрѣловъ будущей кампаніи, разумѣется, если она вспыхнетъ не завтра и если противники успѣютъ приготовить по всѣмъ правиламъ современности. При такихъ условіяхъ пѣхотная атака заранѣе укрѣпленной позиціи будетъ имѣть мѣсто на первыхъ-же порахъ войны. Конечно, этотъ случай атаки труднѣйшій. Кто готовъ къ нему, готовъ ко всѣмъ прочимъ случаямъ. На немъ и остановимся.

„Въ этомъ особомъ случаѣ безъ сомнѣнія найдутъ и правила для дѣйствій, принятыя и въ открытомъ полѣ, но достаточно измененныя для того, чтобы нѣсколько строкъ не были-бы необходимы“...

„Въ теченіи атакъ... первый актъ будетъ всегда прорывъ съ цѣлью окончательнаго занятія мѣстности, заранѣе укрѣпленной и сильно обороняемой. На этой мѣстности будетъ нѣсколько послѣдовательныхъ линій обороны, передъ которыми будетъ много препятствій для движенія состоящихъ почти исключительно изъ проволочныхъ сѣтей и старательно скрытыхъ, чтобы сдѣлать болѣе труднымъ ихъ разрушеніе артиллеріей.

Огонь артиллеріи достигнетъ максимума напряженія, благодаря распредѣленію орудій на основаніи тщательной развѣдки, обезпечивающей страшное фланкированіе и не оставляющей никакихъ непоражаемыхъ пространствъ.

Артиллерія снабженная всѣми средствами наблюденія, въ хорошей связи съ своей пѣхотой, укрытая, многочислен-

¹⁾ Bouvard, page 152—154.

ная, будетъ въ состояніи, по данному предупрежденію, раз-
разиться наиболее точнымъ огнемъ.

Укрытие обороняющихся будетъ очень усовершенство-
вано, благодаря бетонируванію, бронированію, глубокимъ
убѣжищамъ, которыя позволяютъ по крайней мѣрѣ частично
избѣгнуть дѣйствія подготовки и не обнаруживать до послѣд-
няго момента еще уцѣлѣвшихъ органовъ защиты.

Понятно, что въ такихъ условіяхъ задача атаки имѣетъ
своей основой вѣроятный подсчетъ сопротивляемости для
опредѣленія средствъ, необходимыхъ для ея сокрушенія. И
поймутъ преобладающее значеніе артиллеріи, оружія даль-
няго и могучаго пораженія.

Все, что можно сказать въ данный моментъ: „артил-
лерія побѣждаетъ, а пѣхота занимаетъ“ — формула, которая
можетъ показаться чрезмѣрной, но которая появилась въ
нужное время, въ видѣ необходимой реакціи противъ слиш-
комъ укоренившихся прежнихъ заблужденій и чтобы лучше
подчеркнуть, что „не сражаются людьми противъ матеріаль-
ной части“.

Артиллерія, конечно, никогда не предоставитъ своей
пѣхотѣ мѣстности, вполне очищенной. Она устроитъ необ-
ходимые проходы въ проволоку, она разрушитъ, разстроитъ,
нейтрализуетъ органы обороны такимъ образомъ, чтобы
пѣхотинецъ могъ-бы закончить работу своими собственными
средствами безъ тяжелаго отвращенія, которымъ отмѣчались
въ опредѣленные моменты слишкомъ безразсудно-жестокихъ
операций.

Но штурмъ, тяжелая задача, будетъ всегда неиз-
бѣженъ.

Онъ будетъ здѣсь, вслѣдствіе втянутости войскъ въ
работы своего сектора, единственнымъ въ своемъ родѣ
дѣйствіемъ атаки, предшествуемымъ иногда подготовкою
много болѣе напряженною, мозговою и матеріальной, чѣмъ
штурмъ въ открытомъ полѣ. (Чжантаньхенанъ можетъ
считаться таковымъ. Ав.).

Пѣхота должна будетъ знать въ совершенствѣ мѣст-
ность, на которой она будетъ призвана дѣйствовать, какъ
позади своихъ линій, такъ и впереди, къ противнику.

Это будетъ возможно, благодаря одновременному
занятію сектора, которое сроднитъ командные кадры и сами
войска со всѣми его особенностями, благодаря, что касается
мѣстности, подлежащей отнятію отъ противника, многочи-
сленнымъ наблюденіямъ, изученію, углубленному фотогра-
фіями съ аэроплановъ, картами, рельефными планами, устроен-
ными уже задолго и находящимися на виду.

Самый маневръ каждой части, представляющій особая
трудности въ такъ оборудованной зонѣ, будетъ разученъ
заранѣе и при необходимости повторенъ на избранной въ тылу

мѣстности, воспроизводящей позицію, намѣченную для атаки и занятія...

Когда часъ придетъ, часъ „Н“, который ничѣмъ не долженъ быть обнаруженъ внимательному противнику, пѣхота быстро выйдетъ изъ окоповъ, чтобы преодолѣть однимъ прыжкомъ зону, на которой, лишь только онъ узнаетъ о „начатой атакѣ“, противникъ направитъ всѣ средства заградительнаго огня, имѣя въ виду сломить рѣшеніе атакующаго и его разложить...

Атакующія войска „прижмутся“ къ „катыщему заградительному огню“, который артиллерія начинаетъ непосредственно отъ исходной параллели. Эта необходимость была такъ хорошо усвоена исполнителями, что въ нѣкоторыхъ атакахъ видѣли части пѣхоты идущими въ „бахрамѣ“ заградительнаго огня; ихъ выборъ былъ сдѣланъ безъ колебанія между рискомъ получить свой снарядъ и опасностью найти на мѣстѣ неумолимые пулеметы.

Мы увидимъ далѣе, изучая танки, что по тѣмъ же причинамъ, когда на послѣдніе будетъ возложена обязанность расчищать дорогу, пѣхотинцы должны двигаться непосредственно сзади нихъ.

Этотъ бѣгъ сзади катыщагося заградительнаго огня имѣетъ однако лишь относительную быстроту.

Пѣхотинцы, обремененные штурмовымъ снаряженіемъ, которое состоитъ въ изобильномъ запасѣ патроновъ, разной матеріальной части, продовольствія, не могутъ быть очень ловки и сверхъ того они вынуждены двигаться по трудной мѣстности, пересѣченной окопами и рывтинами или превращенной артиллеріей въ то, что называлось „поле воновокъ“.

Скорость движенія не превзойдетъ такимъ образомъ 100 метровъ въ 1—2 минуты для того, чтобы впослѣдствіи замѣтно уменьшиться и еще. (Эта скорость вдвое меньшая, чѣмъ при атакѣ Чжантаньхенаня Авт.).

Такое замедленіе обязательно не только для сбереганія силъ пѣхотинца, но еще, чтобы позволить поддержать порядокъ и чтобы не пресѣчь необходимое согласованіе дѣйствій артиллеріи и пѣхоты...

Въ теченіе атаки въ Шампани въ сентябрѣ 1915 г., было замѣчено, что къ продолжительному дѣйствію остались единственно способными полки, въ которыхъ начальство сумѣло предвидѣть мѣры поддержанія порядка и предупрежденія преждевременнаго слянія заднихъ линій съ передними... Эта задача наступленія пѣхоты въ „порядкѣ“ столь-же важна, какъ и непрерывное сопровожденіе артиллеріи. Онѣ ставятся для разрѣшенія одновременно.“¹⁾

¹⁾ Bouvard, page 68—75.

На примѣрѣ Чжантаньхенаня мы уже видѣли, что значить „порядокъ“ при пѣхотной атакѣ и какіе онъ даетъ результаты. Здѣсь придется добавить только одно: мѣръ импровизированныхъ передъ атакой, не будетъ достаточно: нужны мѣры коренныя, организаціонныя и среди нихъ главнѣйшая-влитіе въ ряды возможно большаго количества профессионаловъ. Съ увеличеніемъ ужасовъ боя, которые въ будущую войну превзойдутъ все, что уже пережито въ прошломъ, потребуются не только крѣпкіе, но тренированные нервы, управляемые головою со складомъ понятій, сложившимся долгими годами. Конечно, нечего думать всю атакующую часть составить изъ такихъ головъ, но именно на нихъ должно основать всю атаку.

Безъ этой мѣры не обойтись, если не хотятъ, чтобы самая атака совершенно исчезла съ поля сраженія.

Составить-же атакующую колонну сплошь изъ нынѣшнихъ солдатъ-мирныхъ гражданъ столь-же странно, какъ сформировать монастырскую братію изъ полка лихихъ гусаръ. У послѣднихъ много своихъ достоинствъ, но ихъ недостатки изъ монастыря быстро сдѣлаютъ казарму; то-же и у мирныхъ гражданъ: ихъ достоинства незамѣнимы, но ихъ недостатки не годятся для атаки и для военного поля. Въ нынѣшнее время должно быть обращено сугубое вниманіе военнаго организатора на возможное ослабленіе пагубнаго вліянія этихъ недостатковъ. Путь одинъ-кадры.

„Въ грядущемъ атака пѣхоты, столь необходимая, однако, для полученія окончательнаго результата, будетъ невообразимо трудна.

Однако „пѣхота“ остается „пѣхотой“.

Это смыслъ ея силы, то, что даетъ ей эту способность „проскальзыванія“, неуловимую, пользующуюся малѣйшими масками, проникающую въ складки мѣстности, чтобы собраться тамъ въ нужный моментъ и тамъ незримо держаться, позади своего страшнаго пулемета, притаившагося въ углубленіи почвы.

Когда траншея, проволочная сѣть, скорострѣльное оружіе, болѣе многочисленная артиллерія, принесли важныя ограниченія возможности движенія „пѣхоты“, механика дала рѣшеніе въ видѣ „боевой колесницы“ (танка).

Но и здѣсь, чтобы сохранить эту характерную „проскальзывающую“ способность, общее мнѣніе быстро обратилось къ наименьшей изъ „колесницъ“. И уже сверхъ достигнутыхъ результатовъ-экипажъ изъ двухъ человѣкъ-развѣ не подумываютъ объ индивидуальномъ танкѣ, о „блиндиро-

ванномъ пѣхотинцѣ¹⁾, снабженномъ автоматическимъ оружіемъ и управляемомъ двигателемъ-лилипутомъ...

Мельчайшія колесницы распространятся по полю сраженія, трудно уязвимаыя по причинѣ ихъ многочисленности.

Такимъ образомъ, боевыя машины будутъ болѣе многочисленны, чѣмъ грозны-легкія колесницы скорѣе, чѣмъ мастодонты, подводки скорѣе, чѣмъ броненосцы (вновь возвратъ къ морю на сушѣ. Авт.) — и ихъ могущество будетъ проистекать изъ согласованія ихъ индивидуальныхъ дѣйствій, какъ ихъ безопасность — изъ ихъ разсѣиванія.

Не исчезновеніе ли это пѣхоты, какъ таковой? Это скорѣе частичное ея преобразование; безъ сомнѣнія не завтра, но въ будущемъ, всю необходимость котораго нужно предусматривать, если взвѣсить успѣхи механики, осуществленные въ нѣсколько лѣтъ войны¹⁾.

При подробномъ изученіи разныхъ типовъ и эпохъ пѣхотной атаки при силѣ современнаго огня остался открытымъ вопросъ о штыковомъ боѣ, его возможности и значенія въ суммѣ прочихъ усилій пѣхоты. Необходимость этимъ вопросомъ покончить разъ навсегда ранѣе, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ, такъ какъ неправильное представленіе именно объ этомъ вопросѣ шока среди высшихъ представителей военной власти влекло къ крупнѣйшимъ разочарованіямъ и къ крупнѣйшимъ неудачамъ: начальники теряли увѣренность въ войскахъ, войска пріобрѣтали недовѣріе, а иногда и презрѣніе къ своимъ начальникамъ, дисциплина расшатывалась, и все это вело къ крушенію операций, построенныхъ на преувеличенномъ представленіи о роли шока.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ-типовъ ясно, что отъ штыкового удара ничего не зависѣло въ рѣшеніи разныхъ атакъ.

Капитанъ Лафаргъ, этотъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ, описывающій съ большою искренностью переживанія атаки, заканчиваетъ ихъ лаконической фразой „и наступаетъ рукопашный бой“, безъ впечатлѣній, безъ живаго слова, если не участника такого дѣйствія, то хотя-бы его очевидца: можно ручаться, что такое слово нашлось-бы, если-бы капитанъ Лафаргъ видѣлъ этотъ бой. Но такъ какъ этого слова не нашлось, мы вправѣ заключить, что, помѣщая вышеприведенную фразу, онъ отдалъ лишь дань общему мѣсту.

Арданъ-дю-Пикъ, также въ свое время отличившійся при атакѣ, ворвавшійся въ самое нутро русскаго укрѣпленія подъ Севастополемъ во главѣ кучки смѣльчаковъ, не знаетъ,

¹⁾ Bouvard, 83—84.

что такое рукопашный бой и посвящает особую книгу отрицанию его.

Значить-ли это, что рукопашки никогда не бываетъ? Чтобы отвѣтить на эту мысль, лучше всего также, по усвоенной привычкѣ, обратиться къ достовѣрному случаю.

Въ ночь съ 21 на 22 февраля (ст. ст.) 1905 г., во время Мукденскаго сраженія 18 стрѣлковый полкъ подь командою полковника Юденича оборонялъ въ весьма слабомъ составѣ (едва нѣсколько сотъ человѣкъ) редутъ, сооруженный впереди д. Янсытунъ, находившейся верстѣ около 5 прямо къ западу отъ г. Мукдена.

Передь разсвѣтомъ къ редуту приблизилась японская пѣхота и стала обтекать его къ сторонѣ горки, съ очевиднымъ намѣреніемъ ворваться черезъ нее внутрь укрѣпленія. Защитники открыли частый огонь по атакующему. Не надѣясь на его дѣйствіе ночью, Юденичъ собралъ свою полковую горсточку и самъ вывелъ ее черезъ горку навстрѣчу японцамъ.

Произошла штыковая, весьма краткая схватка, во время которой Юденичъ, наряду съ прочими стрѣлками, работаль также винтовкою со штыкомъ.

„Въ полусумракѣ ничего не видно, рассказываль мнѣ въ самый день атаки, уже въ госпиталѣ, раненый полк. Юденичъ, какъ отличить своихъ отъ чужихъ? Ноги бѣлыя, въ гамашахъ, скачетъ и прыгаетъ-значить японецъ, коли его; ноги черныя и валить медленно-значить свой. И удивительно, какъ легко входитъ штыкъ въ человѣка. Кажется достаточно всадить въ него на вершокъ, и человѣкъ опускается какъ мѣшокъ. А вѣдь всѣ были одѣты по зимнему. При чемъ же тутъ наше обученіе наноситъ удары отъ сердца, съ разбѣга и всаживать штыкъ въ чучело по шейку?“

Послѣ первой схватки японцы отбѣжали на нѣкоторую дистанцію и затѣмъ, вдругъ, неожиданно для русскихъ, быстро остановившись, метнули въ нихъ ручными гранатами. Стрѣлки вновь настigli японцевъ, повторилась схватка, еще болѣе скоротечная. Тутъ Юденичъ былъ тяжело раненъ „ружейною пулею“ въ шею и грудь, а японцы вновь откатились и, еще разъ метнувъ снопомъ гранатъ, окончательно отошли.

Въ маленькомъ эпизодѣ маленькое рѣшеніе, благодаря огромному героизму участниковъ. Сдается, что это и есть истинное примѣненіе штыкового удара въ бою, его поле дѣятельности.

Въ описанномъ случаѣ мы видѣли, какъ охотно японцы прибѣгали къ дѣйствію ручными гранатами. Именно онѣ явились на смѣну штыка въ новѣйшемъ бою.

Это оружіе получить широкое примѣненіе при окончательномъ овладѣніи уже полуразрушенныхъ, но все еще

державшихся опорныхъ пунктовъ позиціи. О борьбѣ за эти пункты кап. Лафаргъ говоритъ въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ.

„Особенно тяжелая и убійственная борьба разгорается у узловъ сопротивленія. Правда, захвачены ряды окоповъ и отдѣльныя постройки частью растаяли въ безконечныхъ отдѣльныхъ бояхъ за каждый ходъ сообщенія, за каждую развалину. Достигнутый здѣсь успѣхъ-очень малъ по сравненію съ ужасными потерями... Узлы сопротивленія подобны фильтру; въ нихъ можно вливать батальоны и полки — наружу выйдетъ лишь нѣсколько капель.

Порывъ линіи атаки остановленъ перекрестнымъ огнемъ неподавленныхъ еще узловъ сопротивленія; къ тому-же она состоитъ изъ нѣсколькихъ кучекъ настоящихъ бойцовъ, достаточныхъ лишь для обозначенія границъ захваченнаго участка“.

Ничто не можетъ быть болѣе полезнымъ пѣхотѣ въ этотъ періодъ, какъ „свои“ орудія, могущія дѣйствовать по опорнымъ пунктамъ прицѣльнымъ огнемъ.

Но для того, чтобы проникнуть въ эту страшную зону атаки, эти пушки должны быть бронированы, т. е., установлены на танкахъ.

По выполненіи ихъ работы пѣхота можетъ для окончательной чистки убѣжищъ обратиться къ дѣйствию ручныхъ гранатъ, штыковъ и даже газа.

Такова картина пѣхотнаго шока въ современномъ значеніи этого понятія.

Изъ боевой дѣятельности пѣхоты естественно вытекаетъ и ея организація.

Основываясь на только что описанныхъ особенностяхъ боя, можно придти къ слѣдующимъ главнымъ принципамъ, которые должны быть положены въ основу этой организаціи.

1) Числительность части, участвующей въ бою, не играетъ для нея самой преобладающей роли; главное — качество (усиліе профессиональнаго ядра).

2) Въ цѣляхъ успѣшности контроля въ бою необходимо уменьшить числительность роты, примѣрно, на половину противъ существующей.

3) Развѣтіе техники и вторженіе техническихъ средствъ въ процедуру пѣхотнаго боя (танки, пулеметы, сложная фортификація, бомбометы, телефоны); нужна организація, допускающая широкую спеціализацію внутри самой пѣхоты.

4) Огромныя потери пѣхоты въ бою требуютъ такой организаціи ея резервовъ и пополненій, которая предохраняла-бы отдѣльныя войсковыя части отъ полнаго ихъ умиранія, физическаго и моральнаго.

Казалось-бы всѣмъ этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяетъ такое устройство пѣхотнаго полка: въ полку три нумерныхъ батальона по четыре роты въ каждомъ, по 120 чел. въ ротѣ, изъ которыхъ возможно значительное число солдатъ и унтеръ-офицеровъ постоянной или продолжительной службы (это вопросъ денегъ); четвертый батальонъ „технической“ изъ пяти ротъ-роты боевыхъ колесницъ, пулеметной, связи, саперъ и бомбометчиковъ (они-же и подрывники), роты развѣдчиковъ. Само собою разумѣется, что технической батальонъ полка имѣетъ только учебно-административное значеніе и въ бою будетъ распылаться соотвѣтственно тактическимъ заданіямъ между ротами.

Можно сказать, что будущее пѣхоты лежитъ въ работѣ и развитіи этого технического батальона. Только бой и будущая война можетъ начертать рамки этой дѣятельности, которая, возможно, будетъ совершаться за счетъ значенія и числительности номерныхъ батальоновъ, но уже въ мирное время крайне важно создать въ полку органъ, который обезпечилъ-бы развитіе новаго вида пѣхоты.

Примѣрное количество технического оборудованія каждой изъ ротъ этого батальона можетъ быть для начала слѣдующимъ; въ полку боевыхъ колесницъ 24 пулеметныхъ танка (по два на каждую нумерную роту полка) и 8 орудейныхъ (по два на номерной батальонъ и сверхъ того два). Въ пулеметной ротѣ — 24 пулемета (по два на нумерную роту), въ ротѣ связи — не менѣе какъ на 50 км. проводочной связи съ соотвѣтствующимъ количествомъ станцій и нумераторовъ, въ бомбометной командѣ саперной роты — необходимый наборъ бомбометовъ, начиная съ 6-дюймовыхъ, въ развѣдочной ротѣ достаточное количество велосипедовъ, мотоцикловъ, наслушивательныхъ аппаратовъ, прожекторовъ (для освѣщенія), и лошадей (для конной команды). Числительность каждой изъ 5 техническихъ ротъ полка можетъ быть такая-же, какъ и роты строевыхъ.

Слѣдовательно, общая числительность полка будетъ около 2.000 чел.

Если къ этому добавить нестроевую роту санитаровъ-общій составъ полка будетъ около 2.250 чел.

• При наличіи въ полку достаточно сильнаго кадра профессионаловъ, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ не представляется никакой надобности держать подъ знаменами перемѣнный составъ болѣе одного года, т. е., ровно столько, сколько нужно для основательнаго прохожденія курса обученія. Что касается самаго главнаго, воспитанія, то таковое требуетъ многихъ и многихъ лѣтъ, во всякомъ случаѣ такого срока службы, который въ наше время немыслимъ прежде всего по условіямъ экономическимъ. Проводниками воспи-

танія въ массу современнаго воинства сдѣлаются профессионалы. Слѣдовательно, въ этой области нужно главное усиленіе не въ сферѣ педагогики, а въ сферѣ организациі. Всякій, кому приходилось стллкаться на практикѣ съ интенсивнымъ обученіемъ, напримѣръ, запасныхъ, отлично знаетъ, что въ четыре недѣли удастся достигать такихъ результатовъ, что даже не профанъ, подойдя къ строю такихъ резервистовъ, едва-ли отличить ихъ отъ заправскихъ солдатъ. Четыре недѣли растянутыя на годъ дадутъ все, что нужно для переменнаго состава, конечно, при условіи сборовъ ихъ впоследствии во время состоянія въ запасѣ для повторительныхъ курсовъ.

Эта мѣра, такъ благодѣтельная для экономической жизни и для организациі труда страны, недоступна только для государствъ, гдѣ приростъ населенія идетъ на убыль и гдѣ поэтому ежегодный контингентъ новобранцевъ не можетъ обезпечить пополненія существующіе кадры дѣйствующей арміи, въ свою очередь сообразующимися съ политическими заданіями момента.

Проектированная организациа пѣхотнаго полка должна разсматриваться не какъ окончательная, не какъ законченная, а лишь, какъ такая, которая даетъ возможность пѣхотнымъ частямъ свободно эволюціонировать въ сторону „машинизаци“, совершенно неизбежное будущее пѣхоты. Конечно, танки будутъ играть въ этомъ процессѣ рѣшающую роль.

„Вообще флотилии, эскадры танковъ будутъ заключать въ себѣ разныя модели, отвѣчающія всегда установленнымъ потребностямъ: грубый прорывъ большими, хорошо прикрытыми машинами, обладающими могущественными орудіями настильнаго и навѣснаго огня, сокрушая или преодолевая пассивныя препятствія, благодаря своему вѣсу и своимъ размѣрамъ; это будетъ воистину артиллерія сопровожденія, атакующая бронированныя сооруженія, оставшіяся непревращенными артиллерійской подготовкой.

Гибкое и маневренное дѣйствіе легкихъ машинъ, многочисленныхъ, неуловимыхъ и которыя, поспѣшая за машинами для прорыва, покончатъ съ разсѣяннымъ сопротивленіемъ на мѣстности, гдѣ, будь то артиллерія или тяжелые танки, оно не будетъ уничтожено. Эти легкіе танки составятъ нераздѣльную часть пѣхоты.

Весьма возможно, также, что появится новый факторъ: бой танковъ противъ танковъ и что этотъ бой получить все возрастающую важность по мѣрѣ того, какъ умножатся новыя машины. Тяжелыя боевыя колесницы будутъ играть въ немъ главную роль, благодаря превосходству своего блиндированія и вооруженія.

Ихъ уязвимость составить безъ сомнѣнія серьезное стѣсненіе, которое ограничить ихъ дѣйствія въ ночные часы и въ туманѣ. Въ употребленіе дымовыхъ завѣсъ, произведенныхъ артиллеріей или самими танками, можетъ быть будетъ способна когда — нибудь уничтожить эту зависимость.

Чтобы закончить, напрашивается еще одинъ вопросъ.

Вся пѣхота въ будущемъ не будетъ-ли въ танкахъ? Не придется-ли увидѣть индивидуальныхъ черепахъ, приводимыхъ въ движеніе чрезвычайно легкимъ двигателемъ?

Можетъ быть.

Но что, какъ-то, во всякомъ случаѣ должно быть первымъ шагомъ эволюціи въ этомъ смыслѣ, это постановка подъ блиндажъ автоматическаго коллективнаго оружія.

Позднѣе возможно, что появится комбинація танка-подвижнаго прикрытія, въ которомъ пѣхотинецъ будетъ укрываться въ тяжелые моменты, чтобы затѣмъ оттуда выходить для развѣдки, для боя, для открытія пути прикрывающимъ машинамаъ-великанамъ и возвращаться въ свою подвижную крѣпость¹⁾.

Изъ этого видно, что проектированная организація пѣхотнаго полка отвѣчаетъ всего только скромной ступени эволюціи — неотложному частичному забронированію въ танкѣ автоматическаго коллективнаго оружія полка, батальона и роты. Слѣдовательно, это только первый шагъ по пути машинной неизбежной эволюціи пѣхоты, которая несомнѣнно будетъ совершаться за счетъ строевыхъ нетехническихъ ротъ полка.

Въ будущемъ можно ожидать постановки на танки и прочихъ пулеметовъ, почему получится уже двѣ танковыхъ роты на полкъ, а въ послѣдствіи и удвоенія числа послѣднихъ съ упраздненіемъ одного вооруженнаго простыми винтовками батальона. Въ такомъ случаѣ въ полку получится два винтовочныхъ батальона, одинъ танковый и одинъ техническій, куда соберутся всѣ прочія роты техническихъ службъ (саперы, бомбометчики, связи, развѣдка).

Въ бою танковые батальоны, конечно, будутъ вливаться въ обыкновенные.

При осуществленіи этой реформы, болѣе чѣмъ возможной, количество людей въ строевыхъ ружейныхъ ротахъ полка будетъ всего 1.000—1.500. Если принять въ расчетъ, что пѣхота до сей поры представляла главную массу армій и что въ концѣ Великой войны пѣхотный полкъ составлялъ общую строевую силу въ 3.000—4.000 человекъ, полкъ будущего не достигнетъ и половины полка прежнихъ временъ, а это значитъ, что и армія нормальнаго состава также для выполненія тѣхъ-же задачъ сократится вдвое. Другими сло-

---

¹⁾ Bouvard, 99—101.

вами проводимый нами принцип „качества“ за счет „количества“, принцип, который мы выдвинули тотчас-же послѣ Японской войны, получает свое краснорѣчивое доказательство въ самой сущности и техники новаго боя.

Въ практикѣ минувшей войны, положимъ въ исключительной обстановкѣ позиціонной борьбы на французскомъ фронтѣ въ 1918 г., уже установленъ фактъ такого взаимнаго соотношенія между артиллеристами и пѣхотинцами, что оно равнялось — $\frac{3}{4}$ (620 тыс. а 800 тыс.)¹⁾. Въ будущемъ эта пропорція можетъ сдѣлаться привычной и въ обычной полевой войнѣ.

Вообще сила современныхъ полчищъ будетъ не въ массѣ нагнанныхъ и въ большинствѣ бесполезныхъ людей, лишь увеличивающихъ потери, главнымъ образомъ „отсталыми“, а въ умѣлой организаціи, быстротѣ подачи пополненій и въ техникѣ. Графически каждую идеально организованную воинскую часть слѣдуетъ представить себѣ прямоугольникомъ съ очень маленькимъ основаніемъ, обращеннымъ въ сторону противника, и съ весьма длинной высотой, направленной къ тылу страны. Малое основаніе это строевая и боевая часть полка, а остальная площадь прямоугольника-его резервы. Подробности устройства послѣднихъ мы оставимъ до заключительной главы, здѣсь-же ограничимся лишь указаніемъ, что удлинять основаніе за счетъ высоты прямоугольника — это дурная организація, преждевременно изнашивающая резервы безъ всякой, притомъ, пользы для боевой части полка. Она влечетъ за собою то, что испытала на себѣ Русская армія въ концѣ Великой войны.

Тактической единицей въ наше время является дивизія, какъ часть способная вести самостоятельный бой въ современномъ сраженіи, благодаря владѣнію всѣмъ разнообразіемъ средствъ для этого.

Идеальный ея составъ: три полка вышеуказаннаго состава, составляющіе пѣхотную бригаду подъ начальствомъ бригаднаго командира, и артиллерійская бригада подъ начальствомъ своего генерала.

Имѣя въ виду лишь существующія въ настоящее время орудія, артиллерійская бригада должна состоять изъ трехъ дивизионовъ, каждый по три батареи—въ 4 орудія: одинъ—дальнобойный, одинъ — гаубичный и одинъ — легкой скорострѣльный. Для техники представляется скорѣйшая необходимость бронирования въ танкъ этихъ дивизионовъ въ порядкѣ, обратномъ приведенному. Дѣйствительно, скорострѣльные орудія нужны для сопровожденія пѣхоты

---

¹⁾ Général Malleterre, — „La Mobilisation Nationale!“ — „Le Temps“, 5. II. 1922, № 22099.

въ атаку въ первую очередь, — это они образуютъ впереди своей пѣхоты катящійся огневой барьеръ; затѣмъ для могущественнаго разрушенія второй укрѣпленной линіи противника очень будутъ полезны гаубицы, могущія слѣдовать за пѣхотою въ самый адъ боя; въ послѣднюю очередь понадобится бронированіе дальнобойныхъ орудій, которыя уже въ силу своей дальнобойности не нуждаются въ частой перемѣнѣ позицій, — лишь-бы на линіи пѣхоты были артиллеристы — наблюдатели и связь съ ними была-бы обезпечена.

Для подобной задачи наблюденія, имѣющей первостепенную важность, необходимо и артиллерійскаго развѣдчика посадить въ танкъ, снабженный новѣйшими приборами беспроволочнаго телеграфа и иными для поддержанія связи своими батареями; для той-же цѣли нужны въ придачу къ этимъ танкамъ — наблюдателямъ также танки-курьеры для сообщенія по полю атаки и съ тыломъ; подобная курьерская машина найдетъ свое мѣсто не только въ артиллеріи, но и въ пѣхотѣ, и въ штабахъ для цѣлей управленія боемъ. Сами начальствующія лица, чтобы быть среди войскъ, сядутъ въ танкъ-командный постъ: вѣрнѣе этотъ постъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ танковъ въ зависимости отъ величины штаба. И вотъ снова и снова напрашивается само собою сравненіе съ моремъ: не есть-ли такой командный танкъ точное подобіе бронированной рубки корабля?

Предлагаемыя мѣры означаютъ-ли ослабленіе пѣхоты? Конечно нѣтъ, но уменьшеніе ея численности и увеличеніе ея машинности. Мало того, это не только не ослабленіе, а усиленіе.

Опытъ войны даетъ примѣры головокружительнаго могущества машины. Въ ночь 27—28 ноября ст. ст. въ бою 38 пѣхотн. дивизіи въ Иллухтскомъ лѣсу подъ Двинскомъ два батальона 152 пѣх. Владикавказскаго полка дрогнули, остались на позиціи только два фланкировавшихъ подступы пулемета, и они отбили атаку двухъ-же батальоновъ нѣмцевъ: два пулемета оказались побѣдителями двухъ батальоновъ, и это ночью.

Казалерію прежде называли оружіемъ момента, нынѣ ее можно нарѣчь оружіемъ упущенныхъ моментовъ.

Дѣйствительно, во что обратилось-бы пораженіе Куропаткина подъ Мукденомъ, если-бы у японцевъ была ни одна кавалерійская дивизія на полѣ сраженія, а конная масса, вполнѣ отвѣчающая размѣрамъ современныхъ полчищъ и нынѣшнихъ полей сраженій? Можно съ увѣренностью сказать, что среди паники отступленія вторая и третья русскія арміи перестали-бы существовать и только одна первая, отходившая на лѣвомъ русскомъ флангѣ въ горахъ, отступила-бы болѣе или менѣе благополучно. Ясно, что такое дѣйствіе японской конницы рѣшило-бы и вопросъ мира еще въ

февраль, а не въ октябрѣ 1905 г. и, надо полагать, съ полнымъ очищеніемъ Маньчжуріи русскими.

„Во время непрерывнаго отступленія послѣ неудачъ бельгийцевъ въ 1914 г., среди офицеровъ, которые двигались тогда въ арьергардахъ войскъ, иногда разстроенныхъ самою быстротою отступленія, усталостью безсонныхъ ночей и дней безъ ѣды, сколько думало съ ужасомъ объ обстоятельствахъ внезапнаго появленія въ промежуткахъ... колоннъ нѣсколькихъ рѣшительныхъ эскадроновъ или взводовъ.

Отдѣльныя порубленные или разсѣяныя кучки, брошенные запряжки, закупоривающія дороги, утомленные люди, подверженные длительной тревогѣ, всѣ условія, способствующія рожденію безпорядка и паники, чего должна была искать германская кавалерія, если-бы она осмѣлилась бросить свою саблю на вѣсы.

Чего-бы она ни достигла въ 1918 г., во время натиска на Амьень и Шато—Тъери, если-бы она устремила свои сабли, пулеметы и блиндируемые автомобили на противника въ отступленіи?“¹⁾

Что было-бы, если-бы въ 1914 г., послѣ полного разбитія австро-венгерской арміи русскими юго-западными арміями, была-бы брошена за отступавшимъ вся масса превосходной конницы, которою русские владѣли въ этотъ періодъ войны. Можетъ быть тогда-же Австро-Венгрія была-бы выведена изъ строя воюющихъ державъ.

Что было-бы, если-бы при вторженіи русскихъ въ Восточную Пруссію русская конница была-бы хорошо командуема. По всей вѣроятности Людендорфу уже нечего было-бы ѣхать возстановливать положеніе?

Что было-бы, если-бы уже послѣ прибытія въ Восточную Пруссію генераловъ Гинденбурга и Людендорфа русская лучшая въ Европѣ конница была-бы использована какъ слѣдуетъ. Благоприятные моменты для этого были: первый, когда противъ 24 пѣхотныхъ и нѣсколькихъ кавалерійскихъ дивизій Ренненкампфа нѣмцы оставили слабенькій заслонъ изъ двухъ конныхъ бригадъ, сосредоточивая всѣ свои остальные силы противъ арміи Самсонова на югѣ, второй, когда уже во время хода удачной операціи нѣмцевъ противъ второй русской арміи образовался тотъ безпорядокъ въ управленіи и недостатокъ связи между войсками и командованіемъ, на которые указываетъ самъ Людендорфъ.

Въ первомъ случаѣ, конечно, слабая ширма нѣмцевъ была-бы опрокинута и Ренненкампфъ вышелъ-бы въ тылъ нѣмецкой арміи, сосредоточивавшейся въ значительномъ, какъ оказывается, безпорядкѣ противъ Самсонова. Побѣда нѣмцевъ обратилась-бы въ ихъ пораженіе.

¹⁾ Bouvard, 160.

Чтобы уяснить второй случай, лучше всего привести нѣсколько строкъ самаго Людендорфа. „Все не шло къ тому-же такъ хорошо, какъ можно было ожидать . . . Всѣ войсковыя соединенія сильно пострадали и бой сильно уменьшилъ ихъ числительность. Передача приказаній . . . наталкивалась на затрудненія. Мы тревожились разъѣздами конницы противника. Спрашивалось, позволить-ли намъ противникъ осуществить наши предположенія.

Мы были особенно стѣснены гражданскими бѣженцами, которые находились позади группы Шольца (крайняя западная. Авт.) Ихъ были тысячи, пѣшихъ и на повозкахъ, и они запружали дороги. Они пребывали перемѣшанными съ войсками. Внезапный отходъ армейской группы могъ-бы имѣть наилучшія послѣдствія для бѣженцевъ и для войскъ. Но мы ничего не могли подѣлать. Нѣсколькихъ жандармовъ было недостаточно для канализаціи этихъ толпъ. Вынуждены были предоставить ихъ самимъ себѣ. Много пугающихъ призраковъ осталось въ моей памяти“¹⁾.

Остается представить себѣ, что было-бы, если-бы противъ этого раіона крайняго праваго фланга нѣмцевъ появились находившіяся здѣсь-же, въ составѣ II-й арміи русскія 4-я, 6-я и 15-я кавалерійскія дивизіи и что было-бы, если-бы здѣсь была русская болѣе значительная конная масса, вполнѣ отвѣчающая размѣрамъ и размаху современныхъ колоссальныхъ столкновеній?

Что было-бы, если-бы Брусиловъ, кавалерійскій генералъ, послѣ своего извѣстнаго прорыва въ 1916 г., такъ тщательно и искусно подготовленнаго ему его штабомъ, и въ особенности инспекторомъ артиллеріи генераломъ Ханжинымъ, рѣшился-бы бросить массу своей превосходной конницы въ образовавшійся проломъ? Говорять, это единственный вопросъ, въ которомъ Брусиловъ не послушался своихъ помощниковъ во время производства операціи прорыва.

Помню прорывъ нѣмцевъ IX-й арміи на фронтъ русской У-й у Немгловскаго лѣса 22 февраля (7 марта) 1915 г. Объ этомъ фактѣ Людендорфъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (160 стр.) говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „IX-я армія только что имѣла спокойный періодъ. Въ началѣ марта она вздумала получить успѣхъ къ сѣверу отъ Пилицы, и цѣною огромныхъ затрудненій она исполнила мѣстную атаку, которую вскорѣ должна была покинуть„.

Конечно, нѣмцы не были ориентированы въ положеніи противника послѣ ихъ прорыва. Если-бы они знали произведенный ими эффектъ, съ увѣренностью можно сказать, нѣмцы не отказались-бы отъ своей цѣли.

¹⁾ Ludendorff, „Souvenir“, I, 70.

Дѣло въ томъ, что въ моментъ прорыва въ У-й русской арміи не было ни единого солдата въ резервѣ, такъ какъ всѣ свободныя силы были отправлены подъ Праснышъ на правый берегъ Вислы, гдѣ въ это время разыгрывалось извѣстное большое сраженіе.

IX-я армія прорвала фронтъ У-й на участкѣ Пилица — Немгловскій лѣсъ, занятомъ необстрѣлянной ополченской бригадою и сразу-же безъ всякаго труда углубились на 2 километра, пройдя навзвозъ всѣ укрѣпленныя линіи русскихъ.

Затребовавъ резервы изъ сосѣдней, стоявшей правѣ II-й русской арміи и въ ожиданіи ихъ прибытія не ранѣе утра слѣдующаго дня, командующій У-й арміей генераль Чуринъ, взявъ меня съ собою, какъ своего генераль-квартирмейстера, послѣ полудня. поѣхалъ въ качествѣ послѣдней поддержки войскамъ на мѣсто боя. По дорогѣ нашъ автомобиль уже въ разстояніи 25 км. отъ фронта началъ встрѣчать бѣглецовъ, уже побросавшихъ свое оружіе и частью мирно расположенныхъ по сторонамъ дороги для варки картошки, собранной, тутъ-же на мѣстѣ.

Видъ этихъ разбредшихся людей былъ гнусный. Но и по приѣздѣ на мѣсто боя наши впечатлѣнія были не отрадными: мѣстное начальство совершенно потеряло голову, предоставило событіямъ течъ ихъ естественнымъ ходомъ, было даже не въ курсѣ этого послѣдняго и въ довершеніе всего не заняло того самаго Немгловскаго лѣса, который фланкировала прорвавшихся нѣмцевъ и который сыгралъ такую рѣшительную роль въ благополучномъ разрѣшеніи всего кризиса.

По пути на мѣсто меня внутренне больше всего беспокоилъ вопросъ о томъ, гдѣ находится въ настоящій моментъ 9-я германская кавалерійская дивизія. Было ясно, что, брось нѣмцы въ прорывъ эту дивизію, не только командующій арміей, но и весь штабъ арміи были-бы легкой добычей нѣмецкой конницы; мало того, ставился-бы вопросъ о возможности очищенія Варшавы, такъ какъ я не представляю себѣ и теперь, что могла-бы предпринять II-я армія, стоявшая лѣвѣе насъ и совмѣстно съ нами прикрывавшая Варшаву со стороны лѣваго берега Вислы. Несомнѣнно къ тому-же она должна была быть атакована вслѣдъ за симъ и со стороны своего фронта. Для успѣшнаго ея контръ-маневра, требовавшаго предварительнаго отхода нѣсколько назадъ, плацдармъ былъ слишкомъ тѣсенъ.

Таковъ могъ быть эффектъ атаки 9-й германской кавалерійской дивизіи, но къ нашему счастью она оказалась въ окопахъ рядомъ съ мѣстомъ прорыва, какъ разъ противъ Немгловскаго лѣса. Спрашивается, что было-бы, если-бы у нѣмцевъ была цѣлая масса конницы, собранная сюда въ виду проектировавшагося прорыва?

Несомнѣнно нарисованныя возможности сбылись-бы съ большею точностью.

Вмѣсто этого, какъ извѣстно, послѣ однако упорныхъ двухнедѣльныхъ боевъ, къ 5/18 марта всѣ атаки нѣмцевъ были отбиты, если выразаться словами Людендорфа, но только относительно русскихъ войскъ, „тоже цѣною огромныхъ трудностей“.

Помню и другой, быть можетъ, и еще болѣе серьезный случай. Въ ночь 27 іюля/9 августа 1915 г. фронтъ русской XII-й арміи на знаменитыхъ Червоноборскихъ позиціяхъ былъ прорванъ на участкѣ длиною въ 10 верстъ. Нѣмцы успѣли сразу углубиться въ русское расположеніе на переходъ (20 км.). Меня, какъ генераль-квартирмейстера арміи, разбудили ради этого нерадостнаго извѣстія въ 2 ч. ночи. Тотчасъ поспѣшилъ на телеграфъ, связался съ I-й арміей и выпросилъ у нея имѣвшійся тамъ общій резервъ, 27-й корпусъ съ просьбою направить его на Островъ, во флангъ прорыва. Корпусу предстояло сдѣлать трудный ночной форсированный маршъ съ лѣваго, южнаго берега р. Зап. Буга на сѣверный. Въ районѣ Чижева и Острова на возможномъ пути наступленія нѣмцевъ вѣсть о ихъ прорывѣ, какъ это всегда бываетъ, разнеслась съ быстротою базарной молвы, и вызвала въ Мазовецкѣ общую панику тыла.

Сидя безвыходно на телеграфной станціи, чтобы, пользуясь налаженной попутной проволочной связью, слѣдить шагъ за шагомъ за маршемъ 27 корпуса, я съ понятнымъ напряженіемъ наблюдалъ медленный успѣхъ движенія ночью и вплоть до 2 часовъ дня 28 числа, пока корпусъ не успѣлъ выйти въ угрожаемый районъ и этимъ исправилъ положеніе.

Что было-бы, если-бы у нѣмцевъ находилась здѣсь конница и въ особенности конная масса внушительной силы? Было-бы пораженіе на голову XII-й арміи и исполненіе плана нѣмцевъ отрѣзать путь отхода въ Россію армій (II, I и IV) оборонявшихъ Варшавскій плацдармъ. Слѣдствіемъ этого, въ свою очередь, была-бы полная катастрофа на всемъ Русскомъ фронтѣ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно и они, полагаю, въ необходимой мѣрѣ краснорѣчивы, чтобы вывести заключеніе, что роль конницы не отжила всего вѣка даже на современномъ полѣ сраженія съ ужасами его огня. Конечно кавалеріи будетъ нечего дѣлать на полѣ усѣянномъ танками, какъ это было изображено въ одной изъ вышеприведенныхъ картинъ новѣйшаго боя, но отъ этого идеала машиннаго сраженія до дѣйствительности на практикѣ, безконечно разнообразной какъ всегда, дистанціи огромнаго размѣра.

„Профанъ воображаетъ слишкомъ легко, что война ни что иное, какъ арифметическое дѣйствіе съ данными ве-

личинами. Въ дѣйствительности она все, что угодно, кромѣ этого. Это борьба огромныхъ неизвѣстныхъ силъ физическаго и нравственнаго порядка, борьба тѣмъ болѣе тяжелая, чѣмъ чувствуютъ себя самихъ слабѣе. Это сотрудничество съ людьми измѣняющейся силы характера и съ крайне разнообразными идеями¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда силы людей поколеблены, а для такихъ положеній новѣйшій бой имѣетъ сколько угодно средствъ, значеніе конницы незамѣнимо. Она можетъ придать въ подобныхъ случаяхъ пораженію характеръ катастрофы. Она и никто, какъ она, можетъ способствовать рожденію стихійной паники, и это независимо отъ шока, который въ конной атакѣ лишь немногимъ болѣе вѣроятенъ, чѣмъ въ пѣшей.

Вотъ разсказъ очевидца объ одной изъ новѣйшихъ конныхъ атакъ, случившихся при отступленіи арміи Деникина отъ Ростова къ Кубани. Дѣло было 2 марта (ст. ст.) 1920 г.

„Прямо передъ (станцией) Пластуновской выстроился кубанскій корпусъ Топоркова, который, получивъ задачу, пошелъ на рысяхъ, огибая станицу, къ югу. Большевики, видимо, хотѣли отрѣзать войска отъ переправы черезъ рѣчку, раздѣляющую Пластуновскую на двѣ части, а потому конница быстро проходила черезъ станицу и сворачивала къ востоку отъ нея.

Здѣсь предполагался рѣшительный бой. На огромной холмистой равнинѣ расположились войска. Въ центрѣ, на высококомъ бугрѣ съѣхались представители командованія. Съ этого бугра все кругомъ было видно, какъ на ладони. Здѣсь же расположилась . . . батарея изъ двухъ орудій. Большевики уже подходили къ окраинѣ станицы . . .

Части заволновались, стали перестраиваться. Сейчасъ будетъ конная атака. Передовые посты и дозоры уже ушли отъ разсыпавшихся лавой большевиковъ къ своимъ частямъ. Уже лавы противника выскакивали изъ-за станицы на равнину и рассыпались по ней; уже простымъ глазомъ видны были отдѣльные всадники. . .

Стоявшій неподалеку отъ бугра одинъ изъ полковъ развернулся въ лаву и пошелъ въ атаку. Махая сверкавшими шапками, стрѣляя на ходу изъ винтовокъ, мчались казаки къ противнику. Вотъ — вотъ сойдутся, вотъ — вотъ начнется рукопашная схватка. Но что это? Изъ-за окраины станицы показалась другая цѣпь всадниковъ: большевики бросили въ атаку второй полкъ. Другой казачій полкъ выдѣлился изъ общей массы и лавой пошелъ на поддержку. Уже третій и четвертый полки съ обѣихъ сторонъ разсыпались по равнинѣ. Все поле уже было покрыто маневрировавшей конницей. То казаки нажимали на большевиковъ, то большевики на казаковъ. До рубки дѣло пока не доходило²⁾.

¹⁾ Ludendorff, 72, 1.

²⁾ Курсивъ нашъ. Авт.

Ожесточенная ружейная перестрѣлка, орудійные выстрѣлы, крики „ура“ — все смѣшалось въ одинъ сплошной гулъ. Нервы были напряжены до послѣдней степени. Чувствовалось, однако, что въ этотъ рѣшительный моментъ въ атаку пошли безъ подъема, безъ вѣры въ успѣхъ.

Дѣйствительно, проходитъ нѣсколько минутъ, казаки не выдерживаютъ и я вижу, какъ постепенно они приотнавливаются лошадей. А большевики несутся карьеромъ¹⁾. Разумѣется, какъ дальше и описываетъ очевидецъ, настоящая рубка началась послѣ атаки, при преслѣдованіи.

Такова психологія коннаго шока.

Всѣ приведенные примѣры громко свидѣтельствуютъ о томъ, что конница не отжила своего вѣка. Для ея полезной дѣятельности открывается поле въ первый періодъ войны непозиціонной, въ случаяхъ критическаго положенія одной изъ сторонъ, вообще во время моральныхъ неустоекъ, при использованіи полнаго прорыва всей непріятельской укрѣпленной полдосы и, наконецъ, какъ показалъ русскій опытъ, въ теченіе гражданской войны, когда конницѣ принадлежала рѣшающая роль.

Но соотвѣтственно съ возрастаніемъ современныхъ полчищъ должны разростись и конныя массы. Наступилъ періодъ конныхъ армій въ кавалерійскомъ дѣлѣ. Это и понятно. Только нападеніе такой массы можетъ быть прочувствовано огромнымъ полчищемъ современности. Въ противномъ случаѣ будетъ булавочный уколъ, ради достиженія эффекта котораго не стоитъ тратиться на содержаніе дорогаго рода войска.

---

¹⁾ Гражданская война на Югѣ Россіи. Въ Станѣ Бѣлыхъ. (Отъ Орла до Новороссійска). Г. Н. Раковскій. Константинополь. 1920. Стр. 156—158.

Цѣнность техники.

Каждая новая война начинается обыкновенно тѣмъ, что одна изъ сторонъ, а часто и обѣ вмѣстѣ, убѣждаются въ недооцѣнку ими въ мирное время тѣхъ или другихъ технических усовершенствованій. Начинается спѣшное наверстываніе потеряннаго времени, не менѣе торопливое заготовленіе недостающаго технического матеріала, переплачиваніе денегъ при этихъ работахъ, суетливое обученіе личнаго состава обращенію съ этимъ техническимъ матеріаломъ, ознакомленіе команднаго состава съ тактическимъ использованіемъ всего этого новаго аппарата. Конечно, такая спѣшка не можетъ не отражаться отрицательно на результатахъ войны и боя.

Такая недооцѣнка въ минувшую войну случилась въ рядѣ вопросовъ во всѣхъ воюющихъ арміяхъ. Въ русской — по части значенія тяжелой артиллеріи, по части ожидаемаго во время войны расхода огнестрѣльныхъ припасовъ, по части авіаціи, по части работы желѣзныхъ дорогъ, не отвѣчавшихъ условіямъ современныхъ войсковыхъ перебросокъ, вызываемыхъ необходимостью сосредоточенія. Во французской — по части тяжелой артиллеріи, по части расхода огнестрѣльныхъ припасовъ, и по части матеріаловъ, необходимыхъ для оборудованія позицій. Въ британской — по всѣмъ отмѣченнымъ вопросамъ плюсъ невниманіе къ даннымъ пополненія живой силы. Въ германской — по части пулеметовъ и методовъ артиллерійской стрѣльбы и наблюденія.

Такая недооцѣнка неудивительна при непрерывномъ бѣгѣ технического прогресса. Наличіе въ каждой арміи сильной консервативной инерціи неуклонно способствуетъ этой недооцѣнкѣ. Вездѣ всегда имѣются вліятельные военные писатели, упрямо встрѣчающіе всякое техническое усовершенствованіе, какъ абсурдъ и невозможность. Въ России такую именно роль въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ игралъ М. Драгомировъ. При появленіи пулеметовъ, вѣрнѣе говоря при ихъ возрожденіи послѣ ихъ неудачнаго рожденія во Французской арміи времени Франко-Прусской войны, Драгомировъ, любилъ повторять и словесно, и письменно свой парадоксъ о 600 пуляхъ, и имѣлъ продолжительный успѣхъ, пока, наконецъ, японскіе пулеметы не показали русскимъ, что значить это оружіе въ современномъ бою.

Подобный скептицизмъ, всегда находящій поддержку въ инертной строевой средѣ, охотно хватающейся за парадоксы въ родѣ приведеннаго, чтобы обезпечить себѣ „спокойное и мирное житіе“, далекое отъ хлопотливаго новаторства, приносить огромный вредъ дѣлу боевой готовности арміи къ войнѣ будущаго. Необходимо особое чутье къ боевой дѣйствительности грядущихъ вооруженныхъ столкновений. Необходимо, путемъ литературной работы и посредствомъ войсковыхъ упражненій, воспитывать въ армейскихъ массахъ это чутье и внимательное отношеніе къ прогрессу техники.

Наполеонъ часто повторялъ, что тактика мѣняется каждое десятилѣтіе. Секретъ этого срока въ совершенствованіи техники въ теченіе того же промежутка времени. Если не добиться отъ команднаго состава напряженнаго вниманія къ области техники, это значитъ обречь армію на отсталость и пораженія въ будущую войну. Дѣйствительно, каждый офицеръ постояннаго состава служить въ среднемъ 30 лѣтъ; слѣдовательно, за этотъ долгій срокъ техника успѣетъ сдѣлать по крайней мѣрѣ три крупныхъ прыжка, которые вызовутъ соотвѣтственное измѣненіе тактики. Что будетъ, если офицеръ не слѣдилъ за этой эволюціей, если онъ ограничился свѣдѣніями, почерпнутыми на школьной скамьѣ? Будетъ то, что ко времени полученія имъ высшихъ назначеній въ арміи онъ окажется неспособнымъ руководить ни обученіемъ, ни боемъ порученныхъ ему большихъ войсковыхъ соединеній. Здѣсь-то и начинается игра на солдатскомъ горбѣ, который долженъ возмѣститъ недостатокъ свѣдѣній у начальства.

А между тѣмъ этотъ горбъ въ новѣйшихъ массовыхъ арміяхъ съ солдатами, привыкшими разсуждать и умѣющими видѣть, дѣлается все менѣе и мѣне терпѣливымъ. Не писанное, но существующее „общественное мнѣніе“ въ арміи рано или поздно скажется и скажется ея разваломъ, что и испытала на себѣ русская армія и отъ чего не застрахована ни одна изъ прочихъ европейскихъ. Большее развитіе солдата только способствуетъ подобному развалу.

Послѣдняя война указала тѣ пути, по которымъ пойдетъ техническое совершенствованіе средствъ борьбы; это: авіація, танки, тяжелая дальнобойная моторная артиллерія, автоматическое ручное оружіе, средства химической борьбы, автомобильный транспортъ, беспроводный телеграфъ и телефонъ, примѣненіе электричества въ подземной войнѣ (наслушивательные аппараты и пр.).

Сверхъ того та-же война показала необходимость милитаризаціи цѣлага ряда важнѣйшихъ отраслей промышленности и труда государства: каменноугольной, нефтяной, желѣзодѣлательной, химической, электротехнической, судостроительной, изготовленія и ремонта подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ.

На всѣ прочіе виды добывающей промышленности страны война наложила свою руку учетомъ и контролемъ производства и его распредѣленія. Питаніе и снабженіе населенія всѣмъ для него необходимымъ въ условіяхъ современной борьбы не можетъ оставаться внѣ глаза высшей въ государствѣ власти. Отъ этого зависитъ постоянство и упорство состязанія съ противникомъ.

Нынѣ фронтъ не можетъ разсчитывать на побѣду безъ побѣды въ своемъ собственномъ тылу. А эта послѣдняя тѣмъ труднѣе, что въ наше время напряженія всѣхъ силъ государства только максимумъ усилій можетъ обезпечить хорошую организацію тыла: не должно пропадать ничего и необходимо напряженіе всего генія страны для созданія новыхъ средствъ борьбы. Здѣсь мы подходимъ къ интенсификаціи работы ученыхъ силъ въ области новыхъ открытій и изобрѣтеній и къ усиленнымъ экспериментальнымъ трудамъ заводской промышленности.

Изъ краткаго перечня требованій новѣйшей войны ясно, что при борьбѣ съ цивилизованной страной въ наши времена можетъ разсчитывать на побѣду только государство съ болѣе развитой, чѣмъ у противника культурою. Исключеніе допустимо только въ случаѣ моральнаго разложенія болѣе цивилизованнаго противника: въ такомъ случаѣ можетъ побить и дикарь. Какъ мы видѣли выше, данныхъ для подобнаго моральнаго упадка въ современныхъ полчищахъ болѣе, чѣмъ достаточно, но, готовясь къ войнѣ, разумѣется, не на это нужно разсчитывать, а на обратное.

Высоко-культурный Римъ былъ разрушенъ дикарями именно вслѣдствіе упадка духа: тутъ, конечно, и никакое усовершенствованное оружіе не поможетъ. Но прежде чѣмъ это удалось варварамъ, много ихъ скопищъ было погублено римскими легіонами со всеоружіемъ ихъ техники. Старѣющая умовая сила долго не давала торжества надъ собою физической грубой и некультурной силѣ.

Нарисованная картина вліянія промышленнаго развитія страны на ея оборону показываетъ, какъ плотно армія и ея органы должны сростись съ органами экономической дѣятельности государства. Еще съ мирнаго времени должна быть налажена эта взаимная связь, гдѣ бюрократическій аппаратъ арміи и вообще правительства неминуемо войдетъ въ тѣсную соработу съ частной предпринимательской инициативой. Въ то время, когда правительственные органы будутъ налаживать статистику существующаго производства и давать наряды, въ это самое время частный промышленный починъ, поощряемый иногда правительствомъ, отвѣтитъ выдвигаемымъ имъ требованіямъ и потребностямъ. Зачастую, конечно, и именно въ случаяхъ вмѣшательства талантливаго частнаго

творчества, промышленная инициатива возьметъ верхъ надъ казенной и поведетъ ее за собою. Послѣдней останется только выбирать. Разумѣется это случай наиболѣе желательный, но онъ возможенъ только въ странѣ съ интенсивно развитою промышленностью, могущею располагать талантливыми, хорошо оплачиваемыми творческими силами и имѣющею возможность тратить большія средства для торжества идеи того или иного технического усовершенствованія. Во время подобной идейной борьбы обыкновенно проходитъ нѣкоторое время работы себѣ въ убытокъ, и вотъ для такого періода нужны средства, и значительныя.

Разсказанная выше карьера Піаронъ-де-Мондезиръ была основана именно на такомъ могуществѣ французской желѣзодѣлательной промышленности. Только пользуясь этимъ могуществомъ, этотъ инженеръ сумѣлъ добиться торжества своей идеи о необходимости введенія бронированія въ современную крѣпость.

Разсчитывать на то, что официальные техническіе органы, разныя артиллерійскія и инженерныя ученія комиссіи, могутъ двигать дѣло войсковой техники впередъ своими собственными силами, великое заблужденіе. Эти комиссіи, созданныя для изученія и критики разныхъ предложеній заводскаго производства, очень часто только и ограничиваются этою критикою, которая тѣмъ болѣе легка, что у каждаго новаго изобрѣтенія можно, конечно, найти свои недостатки. Въ розыскахъ этихъ недостатковъ эти комиссіи нерѣдко забываютъ обратить вниманіе на пользу новаго изобрѣтенія. Подобный исходъ для нихъ тѣмъ болѣе естествененъ, что комиссіи рѣдко состояются изъ людей боевой практики и непосредственнаго боеваго опыта: все это ученые теоретики.

Одинъ типичный случай въ русской арміи пояснить эту мысль. Въ началѣ 1916 г., когда русская артиллерія еще не умѣла разрушать своимъ огнемъ проволочныхъ препятствій и, даже мало того, не была еще обучена обращенію съ легкими французскими гранатами съ земедлителями взрыва, специально придуманными для этого, когда русскіе артиллеристы считали поэтому эти рикошетирующие снаряды никуда негодными, многіе пѣхотные начальники принуждены были придумывать свои способы разрушенія своего самаго страшнаго врага, проволоки. Пробовали подрываніе мелинитовыми шашками, укрѣпленными на подносимыхъ въ ручную шестахъ, испытывали стрѣльбу изъ пулеметовъ для этой цѣли, примѣняли забрасываніе проволочныхъ загражденій снопами обыкновенныхъ ручныхъ гранатъ, — все это не давало желательныхъ результатовъ. Въ это именно время капитанъ Новицкій изобрѣлъ новую тяжелую ручную гранату, снаряженную цѣлымъ килограммомъ тротила. Взрывъ ея по

эффекту равнялся взрыву тяжелого шестидюймового орудія. Ея бросокъ былъ возможенъ на 15—20 шаговъ. При метаніи этихъ гранатъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ попереchnикѣ проволочнаго загражденія обыкновенной ширины легло или, вѣрнѣе, повисло при помощи особыхъ шнурковъ со свинцовыми грузиками, захлестывавшихъ вокругъ проволоки три-четыре гранаты были достаточны для полученія чистаго прохода.

Войска быстро оцѣнили практичность этого изобрѣтенія и съ любовью и охотою стали учиться его примѣненію. Одновременно технической комитетъ главнаго артиллерійскаго управления забраковалъ эту гранату, забраковалъ ради ея тяжести и еще какихъ-то другихъ обнаруженныхъ недостатковъ. Изобрѣтатель нашелся: пріѣхалъ прямо на позиціи подъ Двинскъ, гдѣ въ это время шла все время ожесточенная борьба и обратился за отзывомъ о его гранатѣ къ одному изъ начальниковъ дивизій на бойкомъ участкѣ. Генералъ, встрѣтившійся съ изобрѣтителемъ впервые, но хорошо знакомый съ его изобрѣтеніемъ, которое привыкъ цѣнить, написалъ тотчасъ-же подробно-мотивированный рапортъ съ наилучшимъ отзывомъ о гранатѣ, и она была рекомендована войскамъ.

Къ сожалѣнію не всегда дѣло устраивается такъ просто. Нерѣдко въ комиссіяхъ погибаютъ новыя предложенія техники, достойныя вниманія, но, быть можетъ, нуждающіяся въ детальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ. Только сильная промышленность способна не допустить гибели такихъ новшествъ.

Извѣстно, что среди прочихъ воевавшихъ великихъ армій германская появилась на театрѣ войны въ первый ея періодъ съ наилучшимъ и наиболѣе современнымъ техническимъ оборудованіемъ: это было результатомъ работы не ея техническихъ комиссій, а итогомъ самостоятельной творческой дѣятельности заводовъ Круппа.

Подобная работа промышленности возможна лишь при осуществленіи идеи объединенія разныхъ важнѣйшихъ ея отдѣловъ и спеціальностей въ союзы, обеспеченные большими капиталами и, слѣдовательно, большимъ могуществомъ и вліяніемъ. „Стандардизація“, послѣднее слово техники такихъ объединеній, ведущее не только къ могуществу капитала, но, что еще важнѣе, къ совершенствованію и нормированію производства въ широко-государственномъ масштабѣ, можетъ сыграть и навѣрное сыграетъ огромную роль въ подготовкѣ техническаго матеріала для арміи, во время послѣдней войны столь рѣшительно двинувшейся по пути машинности.

Стандардизація дастъ не только достаточный, но и качественно совершенный матеріалъ. Въ наше время кустар-

ные способы удовлетворенія техническихъ нуждъ нынѣшнихъ полчищъ должны быть откинута, если не хотятъ отстать отъ лихорадочно быстрого бѣга машиннаго совершенства.

Только промышленность дѣйствительно могущественная можетъ выдержать напряженіе того состязанія на скорость, количество и качество военного матеріала, которое мы видѣли во время прошлой войны и безъ побѣды въ области котораго не могло быть заработано конечнаго военного успѣха. Французская армія послѣ неудачнаго начала войны могла придти къ побѣдѣ только путемъ могучаго напряженія своей промышленности, гдѣ работа капитала, инициативы, знаній и многовѣковой культуры соперничали между собою; британская армія, послѣ своего почти полнаго уничтоженія (особенно моральнаго) въ сраженіи подъ Шарлеруа, смогла возродиться и даже развернуться, а американская армія создаться изъ ничего только подъ могущественнымъ покровомъ національной промышленности; одною изъ главнѣйшихъ причинъ моральнаго развала столь въ свое время сильной арміи, какъ русская, было безсиліе промышленности въ странѣ, не могшей справиться съ задачами, выдвинутыми современною борьбою: отсюда тактика солдатскаго горба, отсюда уничтоженіе кадровъ арміи, отсюда ея развалъ безъ пораженія извнѣ. Послѣдній кризисъ случился въ ближайшей связи съ рабочимъ кризисомъ, отъ котораго естественно зависитъ вся промышленность.

Страна, гдѣ соціальныя и экономическія отношенія носятъ нормальный характеръ, гдѣ рабочій вопросъ не составляетъ болячки времени, можетъ быть спокойна за благополучіе своей промышленности, а, слѣдовательно, и за успѣшность своихъ оборонительныхъ начинаній. Позволительно спросить, много-ли такихъ странъ въ Европѣ послѣ окончанія Великой войны? А тѣ страны, гдѣ этотъ вопросъ отосудительно благополучень, могутъ-ли онѣ быть спокойны за будущее, имѣя въ виду тѣсную взаимную экономическую зависимость между государствами Европы?

Вообще съ машинностью войны и съ усиленнымъ техническимъ оборудованіемъ всего войсковаго механизма рабочіе вольются въ военную организацію могучимъ потокомъ, внося въ нее всю остроту политическихъ переживаній рабочей среды современности. Надъ этимъ вопросомъ, въ интересахъ аполитичности арміи, придется очень и очень подумать.

Прежде всего интересно опредѣлить размѣры потока рабочихъ въ армію, вызываемаго механизацией современнаго военного дѣла. Здѣсь цифры не могутъ быть точными, но даже и приближенныя достаточно краснорѣчивы. Спе-

ціалізація во всѣхъ родахъ войскъ въ теченіе минувшей войны дошла до чрезвычайныхъ размѣровъ. Дѣйствительно, если брать Западный (французскій) фронтъ, гдѣ позиціонная борьба, а съ нею и техника достигли крайняго напряженія и упорства, мы увидимъ, что въ пѣхотѣ утвердились слѣдующія спеціальности: пулеметчики, команды и люди, вооруженныя ружьями-пулеметами, гренадеры, команды для дѣйствія изъ бомбометовъ, пушкари для траншейныхъ орудій, развѣдчики, телефонисты, наслушиватели; на очереди нынѣ танковыя пѣхотныя части. Въ результатѣ, если въ 1914 году ружьями была вооружена половина пѣхотинцевъ, то къ концу войны, въ 1918 году, только $\frac{1}{10}$ часть¹⁾.

Конница, низведенная позиціонною борьбою на степень траншейнаго рода оружія, имѣла къ 1918 году почти тѣ-же спеціальности и тѣ-же обязанности, какъ и пѣхота; на очереди, по всей вѣроятности, включеніе въ ея составъ, если не танковыхъ, то во всякомъ случаѣ броневыхъ частей, обладающихъ достаточной быстротою передвиженія для того, чтобы сопровождать свою кавалерію на походѣ. Артиллерія во время войны рѣшительно двинулась по пути крайне разнообразной спеціализаціи: отъ легкихъ орудій, составявшихъ какъ мы видѣли выше, ея главное вооруженіе передъ кампаніей, преобладаніе постепенно перешло къ большому калибру и тяжелому орудію, причемъ и этотъ послѣдній видъ артиллеріи получилъ большое разнообразіе; грядущее, въ тяжелой дальнобойной моторной артиллеріи съ методами стрѣльбы, требующими утонченныхъ научныхъ приѣмовъ. Спеціализація инженерныхъ частей была также весьма разнообразна: саперы, минеры для траншейной войны, минеры рѣчные, телеграфныя части, понтоны, желѣзнодорожныя части и, притомъ, всѣ эти войска для крѣпостной службы; будущее инженерныхъ войскъ въ эпоху, когда пѣхота и кавалерія приняли на себя значительную часть работъ, въ былое время исполнявшихся инженерами, — въ спеціализаціи и развитіи тѣхъ техническихъ службъ, которыя недоступны для двухъ главныхъ родовъ войскъ, главнымъ образомъ службы сообщеній и связи съ крайнимъ развитіемъ автомобильнаго транспорта; въ прочихъ, традиціонныхъ спеціальностяхъ къ инженернымъ войскамъ перейдетъ только руководство работами. Что-же касается войскъ сообщеній, то эта инженерная, или вѣрнѣе техническая спеціальность должна въ наше время получить среди прочихъ техническихъ службъ настолько широкую автономію и спеціализацію, что кто знаетъ не выведель-ли это ее на путь образованія новаго рода оружія? Важнѣйшая задача его будетъ реализа-

¹⁾ „La Revu de Deux Mondes“ Janvier 1920, — „L' armée, qu' il nous faut“.

ція движенія и маневра, составляющихъ секретъ побѣды и новой военной организаціи, которая откажется отъ массы черезъ скорость. Наконецъ, въ Великую войну народился новый, пятый родъ оружія, — воздухоплаватели съ обозначившею уже обширною спеціализаціей: части наблюдательныя, боевыя, связи, корректирующія огонь, бомбометательныя, сопровождающія пѣхоту при атакѣ, даже снабжающія боевыми припасами и продовольствіемъ войска, отрѣзанныя отъ базы заградительнымъ огнемъ, причемъ наблюдательныя — изъ управляемыхъ воздушныхъ кораблей и аэроплановъ.

Достаточно этого длиннаго списка спеціальностей, порожденныхъ новѣйшею войною и имѣющихъ склонность возрасти вполслѣдствіи, чтобы придти къ заключенію, что исправная работа столь сложнаго техническаго аппарата требуетъ во многихъ своихъ частяхъ высокой интеллигентности даже у рядовыхъ работниковъ, а, главное, большой опытности, которую принятые краткіе сроки службы не въ состояніи обезпечить. Исхода два: пополнять техническія войсковыя части и службы рабочими-спеціалистами, или-же ввести для этихъ службъ особые удлинненные сроки службы съ цѣлью образованія спеціалистовъ. Первая мѣра вольетъ въ самыя отвѣтственныя службы арміи политику и экономику современности и такимъ способомъ будетъ способствовать ослабленію кадровъ, особенно важныхъ для благополучія всей системы вооруженной силы страны; вторая мѣра, чтобы не сдѣлаться полумѣрою, должна быть доведена до точки, т. е. до введенія постоянной службы, если не для всѣхъ, то для большей части подобныхъ спеціалистовъ. Конечно, вторая мѣра-прежде всего вопросъ денегъ, такъ какъ для проведенія ее нужно оплачивать солдатъ-спеціалистовъ по современному рабочему тарифу. Въ противномъ случаѣ спеціалисты, усовершенствовавшись въ своихъ знаніяхъ, уйдутъ въ промышленность.

Не взирая на большіе расходы, передъ ними останавливаться, однако, нельзя, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ равновѣсіе всей вооруженной силы.

Въ дѣйствительности обѣ мѣры комплектованія техническихъ службъ должны найти свое примѣненіе, но при этомъ важно установить пропорцію между обоими контингентами, рабочими — профессионалами и солдатами — профессионалами. Большинство должно принадлежать въ мирное время послѣднимъ. Слѣдовательно, въ зависимости отъ денежныхъ средствъ соотношеніе $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ могутъ отвѣчать этому требованію. Въ то время, когда солдаты-профессионалы составляютъ кадры техническихъ войсковыхъ соединеній, рабочіе — профессионалы образуютъ переменный ихъ составъ. Такимъ способомъ рабочій классъ не будетъ лишень возможности проходить черезъ ряды войскъ съ цѣлью полученія необходимой воен-

ной тренировки наравнѣ со всѣми прочими классами населенія страны. Какія цифры можетъ дать такая организація? Можетъ быть потребныя средства погубятъ ее въ самомъ проектѣ?

Если взять за основу грубыхъ, конечно, цифровыхъ подсчетовъ, главный родъ войскъ, пѣхоту, опираясь на схему ея организаціи, предложенную въ предыдущей главѣ и еще ни въ одномъ государствѣ не осуществленную, то окажется, что обсуждаемая мѣра коснется только танковой роты технического батальона пѣхотнаго полка. Эта рота лишь 1/16 часть полка и, слѣдовательно, 1/16 часть всей пѣхоты въ строевомъ ея составѣ. Если въ данномъ государствѣ имѣется 100 полковъ по 2.250 человекъ въ каждомъ (согласно вышеприведеннаго проекта штата вмѣстѣ со всѣми командами полка), то общая численность пѣхоты будетъ 225.000 человекъ, изъ которыхъ всего 14.062 людей командъ танковъ. Если взять наиболѣе невыгодную для бюджета пропорцію между рабочими-профессионалами и солдатами-профессионалами этихъ частей, т. е., 1/4, то окажется, что вторыхъ, особенно дорого стоящихъ государству, будетъ всего 10.545 человекъ, цифра совершенно ничтожная сравнительно съ тою выгодой, которую она можетъ дать. Эти люди въ своихъ полкахъ составляютъ поистинѣ тотъ кадръ солдатскаго духа, о необходимости котораго такъ настойчиво твердилось въ предыдущихъ главахъ.

Прочіе роды оружія, разумѣется, увеличить приведенныя цифры, особенно артиллерія, инженеры и воздухоплавание, но эти спеціальности, въ отличіе отъ пѣхоты, сильны не своею людскою массою, а исключительно техникою, почему на итоги они вліяютъ мало.

Во всякомъ случаѣ можно утверждать, даже не путая изложенія слишкомъ детальными цифровыми подсчетами, что послѣ ихъ приобщенія къ цифрамъ, выведеннымъ для пѣхоты, итогъ дорого-стоящихъ солдатъ-специалистовъ не выйдетъ изъ предѣловъ десятковъ тысячъ, т. е., изъ тѣхъ рамокъ бюджета, которыя по плечу даже небольшимъ державамъ, главнымъ образомъ имѣвшіяся въ виду при вышеприведенныхъ вычисленіяхъ.

Для великихъ державъ зтотъ итогъ можетъ возрасти до сотни тысячъ человекъ, безцѣнныхъ для монолитности духа всей арміи.

Къ проектируемой мѣрѣ необходимо обратиться еще и потому, что она диктуется экономическими особенностями современной войны, требующими всего напряженія промышленности, существовавшей до кампаніи, плюсь дальнѣйшее ея развитіе подъ вліяніемъ техническихъ велѣній военной обстановки. При этихъ условіяхъ сомнительно, чтобы рабочий классъ могъ-бы въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ влиться въ армію; въ особенности это касается квали-

фишированных рабочихъ. Поэтому нынѣшнія полчища должны еще въ мирное время создать въ своей собственной средѣ своихъ квалифицированныхъ рабочихъ изъ солдатъ-профессионаловъ.

Предположительно невозможно даже съ грубымъ приближеніемъ опредѣлить, сколько рабочихъ во время войны будетъ приковано къ своимъ станкамъ безъ возможности вступить въ ряды дѣйствующихъ войскъ. Еще съ мирнаго времени здѣсь нужны точные цифровые расчеты, основанные на нарядахъ военного министерства, разработанныхъ на всей совокупности матеріальныхъ и техническихъ потребностей арміи. Отправныхъ для этого данныхъ минувшая война дала много, остается работа нѣкотораго воображенія для того, чтобы ихъ помножить на время въ условіяхъ будущей, по преимуществу, машинной борьбы, въ которой приметъ участіе весь народъ и весь государственный организмъ. Будущая война будетъ главными своими силами вестись не на фронтѣ а въ мастерскихъ и на заводахъ. Отъ успѣха состязанія именно здѣсь будетъ зависѣть успѣхъ фронтоваго столкновения. Тутъ будетъ рѣшаться основной вопросъ современной стратегіи, можетъ-ли данная армія рассчитывать на право „движенія“ (именно движенія, а не маневра) или-же она обрѣчена на пассивную оборону, т. е., на предрѣшенное пораженіе. То, что въ прежнія времена для армій составляло обычное состояніе, движеніе впередъ или назадъ, то въ наше время покупается не иначе, какъ напряженнымъ трудомъ всей націи въ тылу дѣйствующихъ войскъ.

Французы не могли использовать побѣды подъ Марной исключительно потому, что эта побѣда была куплена дорогою цѣною расхода всѣхъ полевыхъ снарядовъ, заготовленныхъ, по ошибочнымъ предварительнымъ расчетамъ мирнаго времени, для веденія всей кампаніи. Въ концѣ концовъ получились чисто пассивные результаты этого маневреннаго сраженія: остановка дальнѣйшаго внѣдренія противника во Францію и относительное обезпеченіе Парижа, очень относительное. Нѣмцы-же остановились тамъ, гдѣ имъ было угодно и наиболѣе выгодно, сохранивъ за собою обладаніе всѣми командующими на фронтѣ высотами:

Въ Веврѣ — Монсекъ, Лупмонъ, Ле Канъ, Ле Ромень, Ле Эпаржъ;

Передъ Верденомъ — Ле Жюмель д'Орнь, Монфоконъ, Вокуа;

Въ Шампани — Моронвилье, Бримонъ, Ножанъ-л'Аббесъ;

Къ сѣверу отъ р. Энъ — Шемень де Дамъ, высоты, стившіе въ послѣдствіи столь много крови и неудачъ;

Къ сѣверу отъ р. Уазы-Ла Петигъ Сюисъ;

Къ сѣверу отъ р. Соммы-плато Комбръ ;
На порогѣ Фландріи-гребень Вими и Нотръ-Дамъ
де-Лореть¹⁾.

Всего этого не случилось-бы, если-бы французская армія, снабженная какъ слѣдуетъ съ тыла, получила-бы чила-бы право на непрерывность „движенія“ Эту возможность не могутъ обезпечить никакія человѣческія жертвы, хотя-бы онѣ измѣрялись миллионами.

Примѣръ тому русская армія. Въ каждый данный моментъ подъ ружьемъ въ ней состояло не менѣе 12 миллионъ, но на фронтѣ никогда не бывало болѣе 4—5 миллионъ, иключительно изъ-за недостатка всѣхъ видовъ боевыхъ снабженій. Будь у нея эти снабженія, можно съ увѣренностью сказать, что война окончилась-бы еще въ началѣ 1916 г., такъ какъ 12 миллионъ не ртуть, а бойцовъ, брошенные противъ Германіи и Австро-Венгріи не могли не сломить ихъ сопротивленія въ тотъ періодъ времени, когда они прочно увязли подъ Верденомъ.

Вмѣсто этого, русская армія, лишенная боевыхъ запасовъ въ достаточномъ количествѣ, вѣрная своимъ союзникамъ, во исполненіе общихъ союзныхъ плановъ, старалась гекатомбами замѣнить технику и безуспѣшно.

Для подкрѣпленія этого стоитъ только вновь припомнить хотя-бы два примѣра: Карпаты 1915 г. и весеннее наступленіе 1916 г., предпріятое ради выручки Вердена.

Этотъ русскій примѣръ цѣненъ и еще въ одномъ отношеніи. Онъ указываетъ на то, что нельзя безнаказанно и безпланно отнимать во время войны отъ народнаго труда многіе миллионы рабочихъ рукъ и головъ. Это всегда ведетъ въ наше время или къ пораженію, или къ разложенію, что именно и случилось съ русской арміей.

Слѣпота русскаго высшаго командованія въ этомъ, столь важномъ вопросѣ объяснялась навыками, вытекавшими изъ привычки къ методамъ, чуждымъ современности. Послѣдняя указываетъ, что въ нашъ вѣкъ фабричныя способы оборудованія тыла должны исключить натуральное его хозяйство. Русская фабрика оказалась неподготовленной для бурной работы войны. Вмѣсто этого, путемъ сгона огромнаго количества людей и возложенія на самую армія заботу объ удовлетвореніи ихъ текущихъ хозяйственныхъ и техническихъ нуждъ, старались отыгаться на кустарныхъ способахъ заготовокъ.

Вслѣдствіе этого вышеприведенныя цифры боеваго состава на фронтахъ Россіи на практикѣ уменьшались по крайней мѣрѣ вдвое. Такъ, на Румынскомъ фронтѣ, гдѣ числи-

¹⁾ „L' Aeronautique (Hier—Demain). Par le C-r. Orthlieb, 208.

лось къ 9 октября 800.000 русскихъ и 130 тыс. румынъ, въ дѣйствительности подъ ружьемъ, что касается русскихъ армій, было всего 380.000. Все остальное отвлекалось обслуживаніемъ собственнаго тыла и было поэтому разсыяно въ обширномъ районѣ до Одессы, Николаева и Вознесенска включительно. На прочихъ фронтахъ положеніе было не лучше. Слѣдовательно, если принять во вниманіе эту картину хозяйственнаго оборудованія тыла, на русскомъ собственномъ боевомъ фронтѣ, не взирая на мобилизацію 12 миллионновъ человекъ, не было никогда болѣе 2—2 1/2 мил. т. е., русскіе никогда не могли достигъ единственнаго условія, которое могло имъ дать побѣду, превосходства силъ. Въмѣсто этого глубокіе государственные людскіе резервы расходовались относительно малыми пакетами: гекатомбы получались колоссальныя, но превосходство силъ обнаруживалось на сторонѣ русскихъ лишь на томъ свѣтѣ.

Для того, чтобы этого не случилось съ любой изъ армій въ будущемъ, огромномъ, мировомъ вооруженномъ столкновеніи, исходъ только одинъ, — промышленности производить, а военной власти уже съ мирнаго времени дать ей свои заданія. Странѣ, которая не готова къ этому, нечего и думать вмѣшиваться въ конфликтъ между культурными государствами: ея удѣлъ — не выходить изъ колоніальныхъ предпріятій и, притомъ, такихъ, гдѣ не встрѣтятся конкуренціи болѣе сильныхъ своимъ промышленнымъ аппаратомъ, который нынѣ дѣлается вѣрнѣйшимъ мѣриломъ готовности къ войнѣ.

Вещь давно установленная, что напряженіе войны всегда вызываетъ усиленную работу изобрѣтательности. Умъ, талантъ и народныя силы подъ давленіемъ грозной необходимости начинаютъ работать повышеннымъ темпомъ и даютъ въ результатъ новыя техническія усовершенствованія. Наука, промышленность и интеллектуальныя силы, — все устремляется къ одной цѣли, и отъ такого сосредоточенія, разумѣется, не получается ничего, кромѣ пользы. Отсюда богатая, хотя и нѣсколько заѣзженная тема о необходимости войны для культурнаго развитія и для прогресса. Сторонники этой темы упускаютъ изъ виду только одно соображеніе: не лучше-ли придти къ тѣмъ-же совершенствамъ болѣе медленнымъ мирнымъ путемъ, безъ кровопусканія, безъ варварства, безъ болѣзненныхъ страданій войны?

Но какъ-бы то ни было и минувшая война способствовала „прогрессу“ разныхъ отраслей человѣческой дѣятельности, а именно:

- 1) интенсификаціи промышленности,
- 2) созданію массоваго воздухоплаванія,

3) усовершенствованію и расширенію области примѣненія танковъ,

4) автомобильнымъ перевозкамъ войскъ и грузовъ.

Что касается интенсификаціи промышленнаго производства, гдѣ отнынѣ не должна теряться ни одна минута времени, ни единая пара рабочихъ рукъ, ни малѣйшая единица сырого матеріала, то о ней, въ цѣляхъ настоящаго труда сказано достаточно. Остается только коснуться трехъ остальныхъ созданій войны, воздухоплаванія, и танковъ, и моторнаго транспорта.

Въ минувшую войну во французской арміи, начавшей военныя дѣйствія съ 300 воздушныхъ аппаратовъ, число ихъ было въ концѣ доведено до 3.300, причѣмъ множество новыхъ моделей зарождалось и часто даже вырождалось во время самыхъ операцій.

Новый родъ оружія въ будущемъ столкновеніи несомнѣнно призванъ сыграть рѣшительную роль. Только побѣда въ воздухѣ можетъ обезпечить арміи право на поступательное „движеніе“. Эта побѣда дастся упорнымъ и искуснымъ воздушнымъ боемъ, веденнымъ въ широкомъ масштабѣ въ смыслѣ времени и пространства. Въ этомъ столкновеніи примутъ участіе всѣ разновидности воздухоплавательныхъ аппаратовъ, сведенныхъ въ болѣе или менѣе значительныя организаціонныя единицы, — эскадрильи, эскадры, дивизіи.

Результатъ этого воздушнаго сраженія рѣшить вопросъ о дальнѣйшей участи полевой арміи, должна-ли она перейти къ оборонѣ и, слѣдовательно, къ закапыванію въ землю со стремленіемъ къ позиціонности борьбы, если, конечно, противникъ не успѣетъ предупредить таковую своей активностью, или-же она будетъ въ состояніи двигаться и маневрировать, т. е. дѣлать то, что можетъ въ итогѣ дать рѣшительную побѣду.

Если въ минувшую войну число самолетовъ возрасло въ 10 разъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что къ будущему большому столкновенію оно не возрастетъ по крайней мѣрѣ еще во столько-же разъ, т. е., будетъ равняться для армій великой страны, примѣрно, 30.000 аппаратамъ, а можетъ быть и превзойдетъ это количество.

При этихъ условіяхъ вопросъ обезпеченія личнымъ составомъ воздухоплавательныхъ войскъ является вопросомъ не легко разрѣшимымъ.

Однихъ средствъ военнаго вѣдомства будетъ во всякомъ случаѣ недостаточно. Нужна вольная авіація, развиваемая во имя потребностей мирнаго времени и мирнаго населенія, чтобы воспитать необходимые кадры профессионаловъ-пилотовъ и вообще людей привычныхъ къ этому способу передвиженія, изъ состава которыхъ въ военное время мож-

но было бы получить летчиковъ, наблюдателей, бомбометчиковъ, пулеметчиковъ, фотографовъ и механиковъ.

Этотъ контингентъ дать арміи то пополненіе военного времени, которое ей будетъ необходимо для замѣны перваго эшелона военныхъ воздухоплателей, который выгодыѣ всего имѣть изъ солдатъ-профессионаловъ лишь съ небольшимъ сравнительно переменнымъ кадромъ, черезъ который въ мирное время будутъ пропущены авіаторы вольнаго воздухоплаванія.

Огромныя преимущества для воспитанія вольной авіаціи еще съ мирнаго времени и для мирныхъ потребностей приобрѣтають государства съ большой территоріей, такъ какъ только надъ большими пространствами полетъ даетъ выигрышь времени и затратъ по сравненію съ другими, земными способами передвиженія, скорыми поѣздами и автомобилями. Надъ большими площадями воздухоплаваніе можетъ получить и несомнѣнно получить утилитарное значеніе потребностей каждаго дня культурной страны, тогда какъ въ странѣ съ малой территоріей она не выйдетъ изъ сферы спорта, т. е. роскоши, не вызываемой и не оправдываемой текущими требованіями жизни, ея буднями.

Сходную эволюцію должны совершить также танки.

„Генералъ Этьенъ, который завѣдывалъ во время войны французскими формированіями танковъ, заявилъ корреспонденту „Суаръ“ въ Спа, относительно совершенствованія будущиъ боевыхъ колесницъ, что нынѣшнія средства ничто иное, какъ „Лепетъ“. Завтра, сказалъ онъ, боевыя колесницы составятъ авангардъ каждой хорошо оборудованной арміи. Мы будемъ имѣть не только легкія машины, болѣе быстрыя и лучше вооруженныя, но колесницы прорыва, много болѣе могущественныя. Ни окопы, ни блокаузы, ни какой иной видъ защиты не будетъ въ состояніи имъ сопротивляться. Это въ то-же время время безполезность, окончательное исчезновеніе кавалеріи“¹⁾.

Будетъ-ли это обозначать „окончательное“ исчезновеніе кавалеріи или не будетъ, это вопросъ, который требуетъ особаго изученія. Приведенные выше примѣры какъ-будто свидѣтельствуютъ о противномъ. Ниже будутъ даны и случаи иного порядка, вызывающіе сомнѣніе въ правильности заключенія генерала Этьенъ, но рисуемая имъ перспективы будущаго боевыхъ колесницъ заслуживаютъ самага серьезнаго вниманія.

Въ теченіе Великой войны во французской арміи количество танковъ отъ 0 возрасло до 4.600. Въ будущемъ столкновеніи ихъ выдвинутся десятки и десятки тысячъ.

---

¹⁾ Radio, Lion. 16 8/920.

Всю эту массу машинъ нужно будетъ обезпечить личнымъ составомъ и, лучше всего, по той-же системѣ смѣшенія солдатъ-профессіоналовъ съ рабочими-профессіоналами, шоферами, механиками и пр.

Но содержаніе на средства арміи еще въ мирное время десятковъ тысячъ танковъ является организаціонной невозможностью, какъ съ точки зрѣнія личнаго состава, такъ и имѣя въ виду непомерно-непроизводительные расходы по поддержанію въ порядкѣ технического имущества, требующаго умѣлаго и тщательнаго ухода и хорошаго помѣщенія. Вотъ почему становятся интересными опыты послѣдняго времени съ примѣненіемъ для военныхъ цѣлей тракторовъ, употребляемыхъ для земледѣльческихъ работъ. Повидимому этотъ вопросъ близокъ къ своему разрѣшенію и недалеко то время, когда такой тракторъ послѣ небольшой передѣлки можетъ превратиться въ боевую колесницу или въ машину для передвиженія тяжелыхъ орудій и прочихъ военныхъ тяжестей.

Фронтъ самаго большого сраженія Наполеона, „Битвы Народовъ“ подъ Лейпцигомъ не занималъ болѣе двухъ десятковъ километровъ. Все маневрированіе на полѣ сраженія исполнялось пѣшкомъ.

Современныя сраженія захватываютъ нѣсколько сотенъ верстъ (рѣшительное сраженіе во Франціи въ 1918 г.) и даже до тысячи (февральское наступленіе русской арміи въ 1916 г.). Успѣшный маневръ на такомъ полѣ боя можетъ быть исполненъ не иначе, какъ при помощи механической тяги. Такъ какъ желѣзныя дороги по своимъ направленіямъ не всегда, или вѣрнѣе очень рѣдко, отвѣчаютъ требованіямъ маневренныхъ потребностей, то автомобильный транспортъ въ минувшую войну уже сыгралъ весьма рѣшительную роль, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что этотъ опытъ повторится въ еще болѣе грандіозномъ масштабѣ.

Въ наше время это средство дѣлается рѣшительнымъ оружіемъ побѣды, и какъ въ старину говорили „побѣда въ ногахъ“, такъ теперь придется перефразировать это изреченіе: „побѣда въ моторѣ“.

Во французской арміи, при числительности ея около 8 мил. человекъ и при общей длинѣ ея фронта ок. 600 км., количество грузовыхъ автомобилей съ 6—7 тысячъ въ 1914 г. возрасло до 100,000 въ 1918 г. ¹⁾

Во время Верденской операціи, когда въ распоряженіи французовъ осталась лишь одна желѣзнодорожная линія слабой провозоспособности, грузовой автомобильный транспортъ, налаженный вдоль, такъ называемой, „Священной Дороги“ съ точностью часоваго механизма сыгралъ рѣшительную роль

¹⁾ C-t Bouvard, 251.

въ вопросъ перетягиванія перевѣса силы и снабженій на сторону французовъ.

Въ періодъ операціи на Соммѣ такую-же роль сыграла артерія Амьенъ—Пруаръ, обслуживавшая сразу двѣ арміи исключительно благодаря твердо налаженной регулярности движенія по ней и интенсификаціи циркуляціи и нагруженности автомобилей.

Въ драматическій моментъ прорыва германцами фронта англичанъ въ мартѣ 1918 г., когда британская армія неудержимо стремилась мимо Амьена къ портамъ, и когда вслѣдствіе этого между нею и французами образовался прорывъ, когда самые объекты дальнѣйшихъ операціи обоихъ союзниковъ стали несходными (англичане — порты, французы — Парижъ) и когда Фошъ въ неподобной находчивости дипломата и великаго солдата помирилъ ихъ указаніемъ общей точки приложенія союзной силы, Амьена, для прикрытія послѣдняго было брошено три французскихъ дивизіи, изъ которыхъ двѣ, 34-я и 15-я, посредствомъ автомобильной перевозки. Это было начало заплатыванія прорыва и поворотъ обороны въ пользу союзниковъ.

Трехъ приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства той истины, что безъ автомобильнаго транспорта, невозможно успѣшное маневрированіе войскъ на современномъ полѣ сраженія, гдѣ требуются переброски на сотни верстъ и, притомъ, въ самый короткій срокъ.

Во что выльется организація автотяги въ будущемъ вооруженномъ столкновеніи, предвидѣть нетрудно. Она возрастетъ въ нѣсколько разъ по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. Если нынѣшнія полчища дошли до точки въ смыслѣ увеличенія своей числительности и переступили предѣлы благоразумія, какъ въ этомъ отношеніи, такъ, попутно, и въ качественномъ, то автомобильный транспортъ находится только въ зародышѣ. Опыты послѣдней войны лишь робкіе ученическіе шаги по пути къ будущему. Уменьшеніе живой силы арміи, что неминуемо рано или поздно совершится, и притомъ не подъ давленіемъ только пацифистовъ, но при убѣжденномъ содѣйствіи военныхъ, пекущихся о сохраненіи оборонительныхъ силъ страны, автотранспортъ не уменьшится, а возрастетъ. Его задача въ арміяхъ меньшей числительности увеличить скорость за счетъ массы.

Если представить себѣ, что этотъ транспортъ возросъ всего только въ три раза въ той-же французской арміи, то это составитъ уже 300 т. машинъ, для которыхъ, слѣдовательно, потребуется 200 тыс. шоферовъ и 300 тыс. ихъ помощниковъ, что составитъ въ общей сложности 600 тыс. армію технически подготовленнаго матеріала. Вопросъ осложнится еще необходимостью имѣть не менѣе огромный личный составъ спеціальныхъ мастерскихъ и депо для автома-

шинь, а также рабочій составъ ремонта путей. Согнать съ вѣтру всѣ эти сотни тысячъ людей въ одну изъ отвѣтственныхѣйшихъ службъ армейскаго механизма, отъ которой будутъ завистъ победы и пораженія, не значитъ еще разрѣшить сложный вопросъ военной организаціи. Важна не одна техника, нужна и мораль. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.

Что касается техники, то, разумѣется, дѣло специалистовъ проектировать организацію авточастей съ раздѣленіемъ ихъ на тѣ или другія единицы. Но дѣло специалистовъ также не забыть о психологіи. Въ организаціи именно этихъ частей нужно ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно контингенты наиболѣе подходящіе для пополненія авточастей, шоферы, рабочіе-металлисты, механики, представляютъ собою слои населенія наиболѣе зараженные политиканскою болѣзью вѣка: фактъ извѣстный, что парижскій шоферъ и коммунистъ — два слова почти синонимы.

Выше нарисована картина стратегической дѣятельности автомобильнаго транспорта въ будущемъ: побѣда въ морѣ. Можно-ли эту область военной и боевой службы оставлять въ положеніи „на авось“ въ вопросѣ политической надежности? Несомнѣнно нельзя.

Слѣдовательно и здѣсь, какъ и въ иныхъ отдѣлахъ военной организаціи, слѣдуетъ позаботиться еще съ мирнаго времени о созданіи кадровъ независимыхъ отъ рабочихъ слоевъ. Эти кадры будутъ состоять изъ солдатъ-профессіоналовъ. Но въ данномъ случаѣ придется натолкнуться на трудность почти непреодолимую, это на огромную массу личнаго состава, требующаго очень сильныхъ кадровъ и, слѣдовательно, огромныхъ расходовъ. Сдается и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выгоднѣе поступиться числомъ, чѣмъ качествомъ, хотя въ нашъ вѣкъ особой „массовой психологіи“ организаціи почти всегда поступаютъ наоборотъ.

Здѣсь невольно приходитъ на память случай подачи автотранспорта для дезертировъ двухъ французскихъ дивизій при ихъ отходѣ отъ Шемень-де-Дамъ въ маѣ 1917 г. Случай, который полезно избѣжать путемъ внутренней организаціи автомобильныхъ частей.

Въ связи съ необходимостью рѣшенія роковаго вопроса нынѣшней массы, число или качество, интересно установить цифры продуктивности работы автотранспорта. Въ минувшую войну для Франціи онѣ были слѣдующія: въ 1914 г. 6—7 тыс. машинъ перевезли 14,000 человѣкъ и 18,000 тоннъ груза, въ августѣ 1918 г. — 950,000 бойцовъ, 456,000 раненыхъ и 1,040,000 тоннъ груза переправлено на 100,000 машинахъ¹⁾; слѣдовательно, что касается перевозки людей,

¹⁾ Cf. Bouvard, 231.

то была достигнута колоссальная цифра 1.406.000; другими словами, была перевезена четверть боевой части всей французской армии, и это при условии, что треть приведенной цифры относится на раненых, требующих совѣмъ иного, болѣе щедраго расхода пространства, чѣмъ здоровые люди, бойцы.

Эти цифры показываютъ достаточность такой организациі по практикѣ прошлой войны. При этой организациі не было-бы трудно рѣшить и вопросъ кадровъ. Но все говорить за то, что въ грядущемъ автотранспортъ возрастетъ, не взирая на уменьшеніе армій и вопросъ кадровъ страшно осложнится. Въ самомъ дѣлѣ, какъ создать сильный кадръ для воинскаго конгломерата, достигающаго, быть можетъ, миллионной числительности (если взять наши прежнія цифры — 300 тыс. шоферовъ, 300 тыс. ихъ помощниковъ, 200 тыс. механиковъ и служащихъ депо и мастерскихъ, 200 тыс. дорожныхъ рабочихъ и инженеровъ) съ полнымъ обезпеченіемъ качества всей массы.

Исходъ одинъ: разбить весь автотранспортъ на двѣ категоріи, первую — боевую и вторую — тыловую. Всѣ оперативныя перевозки должны совершаться первой и всѣ хозяйственныя — второй. Боевая часть должна быть снабжена безусловно надежнымъ кадромъ, тыловая лишь въ мѣрѣ возможности.¹⁾

Надъ практическимъ осуществленіемъ этого вопроса организациі автотранспорта придется очень и очень подумать, имѣя особенно въ виду, что отъ него зависитъ успѣхъ „маневра“ будущаго, т. е., побѣда. Какъ въ прошлую войну рѣшающимъ факторомъ современной тактики была артиллерія, такъ въ будущее вооруженное столкновение авіація и автотранспортъ придадутъ тогдашней тактикѣ окраску эпохи: отъ нихъ будетъ зависѣть главное рѣшеніе. Летательныя машины дадутъ завязку боя, а автотранспортъ-его развязку.

До двухъ послѣднихъ войнъ, Русско-Японской и Великой Европейской, не могли никогда осуществитъ желѣзнодорожныя и пароходныя перевозки въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онѣ прошли передъ нашими глазами нынѣ.

Въ Русско-Японскую войну русскіе по линіи слабой провозоспособности и огромной длины-свыше 10.000 км.—успѣли перевезти болѣе 1.000.000 человекъ (не считая гру-

---

¹⁾ Такое эшелонированіе автотранспорта какъ бы противорѣчить практикѣ минувшей войны, когда для успѣха и гибкости операціи перевозокъ признавалась вредной какаѣ бы то ни было спеціализація автомашинъ. Однако это противорѣчіе — только кажущееся. Предлагаемая организациія не столько спеціализируетъ части транспорта, сколько сортируетъ его личный составъ.

зовъ). Въ тотъ-же срокъ японцы осуществили подобную-же перевозку моремъ, которымъ они, предварительно, завладѣли.

Со времени неудачи плана перевозки французской арміи въ началѣ XIX вѣка изъ Булонскаго лагеря въ Англію считалось почти военной аксіомой, что такія массовыя переброски войскъ моремъ неисполнимы. Японцы первые разрушили эту „нерушимую“ истину.

Рушить нерушимыя истины-лучшій путь къ побѣдѣ, и мы должны быть готовы къ чудесамъ будущаго по части желѣзнодорожнаго и морскаго транспорта.

Дѣйствительно, даже цифры минувшей войны по этой части таковы, что воображеніе съ трудомъ можетъ слѣдовать за ними¹⁾.

Во время Верденской операціи 90 дивизій, т. е., 1.500.000 человекъ было перевезено 3.592 поѣздами.

Сомма потребовала уже 6.768 поѣздовъ.

Но головокружительныя усилія сдѣлала французская желѣзнодорожная администрація во время операцій 1918 г. Такъ, въ послѣднюю треть марта этого года, послѣ прорыва фронта англичанъ 21 марта, потребовалось 1.376 поѣздовъ исключительно людскихъ, причемъ былъ день, когда прошло 172 поѣзда.

Въ общемъ съ марта по ноябрь 1918 г. было сформировано 17.000 людскихъ поѣздовъ, причемъ максимумъ суточного движенія достигъ 5 мая, — 198 поѣздовъ.

Если къ этой цифрѣ добавить и грузовые составы, то общая цифра поѣздовъ достигнетъ 50.000, при наибольшемъ суточномъ напряженіи въ 424 поѣзда.

Послѣдняя война совершенно разрушила легенду о неисполнимости массовыхъ морскихъ перевозокъ. Обратно, она показала, что никакія разстоянія отнынѣ не могутъ служить препятствіемъ для ихъ исполненія.

Не говоря уже о миллионaxъ англійскихъ солдатъ, перевезенныхъ черезъ Ла-Маншъ, необходимо имѣть всегда передъ глазами американскую массовую перевозку, осуществленную, не взирая на подводную войну, веденную германцами.

Напряженіе этой перевозки достигало невѣроятныхъ размѣровъ.

Такъ, въ іюнѣ было переправлено въ Европу 170.000 человекъ, а въ іюль — 140.000²⁾. Доставка именно этого транспорта дало огромное преимущество союзникамъ въ запасѣ свѣжей живой силы къ поворотному пункту кампаніи. Всего-же по ноябрь 1918 г. было перевезено черезъ океанъ 2.000.000 американскихъ континентовъ.

¹⁾ C.-t. Bouvard, 249—250.

²⁾ R. Recouly, La Bataille de Foch, 63.

Если желѣзнодорожныя массовыя перевозки не требуютъ никакихъ иныхъ данныхъ для ихъ успѣха, кромѣ блистательно налаженной службы движенія, то выигрышъ въ морскихъ транспортахъ дается только той сторонѣ, которая сумѣетъ сохранить за собою или приобрести обладаніе моремъ, а также обезпечить себя отъ минныхъ полей противника. Борьба съ ними весьма трудна и требуетъ постоянной и скучной, какъ и всякая позиціонная война, работы флота.

Въ заключеніе слѣдуетъ привести и отрицательный случай работы желѣзныхъ дорогъ, имѣвшій всеевропейскія послѣдствія. Свою директиву о наступленіи весною 1916 г. для вырочки Вердена генераль Алексѣевъ начиналъ съ неопреоборимаго положенія, гласившаго о томъ, что русская желѣзнодорожная сѣть не можетъ обслужить свою армію въ потребности сосредоточенія ея силъ для производства дѣйствительно рѣшительнаго маневра. Поэтому принималось рѣшеніе начать наступленіе по всему фронту въ расчетъ, что на томъ или иномъ пунктѣ, очевидно, случайно, можетъ сказаться общее превосходство силъ русской многомилліонной массы. Тактика „Солдатскаго горба“. Упускалось изъ виду, что, какъ это мы уже видѣли выше, въ дѣйствительности подобнаго превосходства въ „боевыхъ“ линіяхъ, вслѣдствіе дурной русской организациі, не существовало. Естественный удѣлъ всей операциі была неудача.

Другой фактъ. Когда для сосредоточенія 115 пѣх. дивизіи изъ Гапсаля въ Ревель потребовался подвижной составъ и когда самъ ген. Алексѣевъ, который былъ озабоченъ успѣхомъ этой важной перевозки, обратился лично къ начальнику военныхъ сообщений Верховной Ставки генералу Ронжину, то послѣдній отозвался невозможностью исполнить эту перевозку и предложилъ произвести передвиженіе походнымъ порядкомъ, какъ во времена Севастополя. Это было также въ томъ-же злополучномъ для русскихъ желѣзныхъ дорогъ 1916 году.

Что остается сказать по этому поводу. Ничего, какъ констатировать, что вести европейскую войну въ этихъ условіяхъ желѣзнодорожнаго транспорта нельзя. При этомъ невозможно не вспомнить кипучую дѣятельность министра путей сообщеній времени Японской войны князя Хилкова, который даже такую отдаленную отъ промышленныхъ районовъ линію, какъ Сибирская, съ ея одною колеею, сумѣлъ привести въ состояніе полной годности для потребностей арміи, висѣвшей на ея концѣ.

Теперь, когда передъ нашими глазами прошла вся панорама военной „техники“ и ея виды на будущее, для насъ

ясно ея подавляющее могущество, передь которымъ неминуемо должна спасовать „масса“.

Чтобы все-же не быть голословными въ этотъ важномъ заключеніи, обратимся къ частному примѣру и попробуемъ на разборѣ этого случая установить справедливость выдвинутаго заключенія.

Этотъ частный случай, нами уже отчасти изученный, — оборона восточной франко-бельгійской границы.

Дѣйствительно, гдѣ мѣсто для массы, если фланги арміи будутъ уперты въ два географическиххъ укрѣпленныхъ района, бельгійскій и южный французскій, если впереди этой арміи откроеть бой авіаціонная армія, отъ исхода сраженія которой будетъ зависѣть право на дальнѣйшее движеніе впередь земной арміи, если позади послѣдней будетъ сосредоточень огромный транспортъ автомашинъ, готовыхъ быстро перебросить живую силу, ея кулакъ, туда, гдѣ воздушный бой откроеть для нея ворота и гдѣ будетъ рѣшаться исходъ столкновенія? Припомнимъ, при этомъ, что фронтъ, оставшійся свободнымъ, для наступающей арміи не превосходитъ благодаря географическимъ укрѣпленнымъ районамъ, 150 съ небольшимъ километровъ.

Сама армія будетъ организована въ своей внутренности совершенно иначе, чѣмъ это мы видимъ теперь: благодаря забронированію значительной части пѣхотинцевъ въ малыхъ танкахъ, она будетъ отличатся значительной живучестью, которой не имѣла пѣхота прошлой войны. Вслѣдствіе этого не потребуются гекатомбы тамъ, гдѣ получить успѣхъ иначе нельзя было въ Великую войну. И во всякомъ случаѣ исчезнетъ тактика „Солдатскаго Горба“, никогда не приводившаго къ побѣдѣ.

Но арміи понадобятся глубокіе „государственные“ людскіе резервы для ея пополненій, обезпечивающихъ ей возможность веденія не только скоротечной, но длительной войны. Послѣдняя можетъ наступить, какъ результатъ проиграннаго начальнаго воздушнаго сраженія одной изъ сторонъ, крушенія плана эксплуатаціи воздушной побѣды для стороны, одержавшей верхъ, и случая, благоприятнаго для побитой стороны, обезпечившаго ей необходимое время и пространство для занятія пассивно-оборонительнаго положенія по всему фронту, какъ это было въ минувшую войну.

Понадобятся эти резервы и для побѣдоносной стороны, успѣвшей осуществить эксплуатацію своего воздушнаго рѣшительнаго успѣха и сумѣвшей развить его въ земномъ бою. Но здѣсь они будутъ нужны, главнымъ образомъ, для расширенія фронта въ виду ввода войскъ въ середину не-

приятельской страны. Въ этомъ случаѣ, вопреки мнѣнію ген. Этьена, приведенному выше, найдеть богатое поле дѣйствія и изгой позиціонной войны, кавалерія: это тотъ именно случай, когда на подобіе наполеоновской конницы 1806 г., ей представятся богатые случаи для внезапныхъ налетовъ на наиболѣе отдаленные районы непріятельской страны.

Въ минувшую Великую войну такой случай также представлялся. Это на Балканахъ и въ Венгріи послѣ побѣды подъ Салониками. Генераль Гамбетта съ грустью зарегистрировалъ этотъ упущенный случай въ своей книгѣ.

Въ условіяхъ широко очерченной картины, гдѣ же мѣсто для огромныхъ полчищъ въ рѣшительный моментъ кампаніи? „Масса“ отживаетъ свой вѣкъ, но тѣмъ болѣе получаетъ значеніе „качество“ и его усовершенствованіе.

Въ этой эволюціи нѣтъ ничего неожиданнаго. Армія слѣдуетъ общей эволюціи.

„Дѣйствующія научныя представленія о вселенной, къ тому-же, немногочисленны, такъ какъ они сводятся къ двумъ: теорія механическая и теорія энергетическая.

Первая, которая относится къ временамъ Декарта и служила основаніемъ расчетовъ Лапласа, усматриваетъ въ природѣ два основныхъ элемента: атомъ и движеніе. Масса атома неизмѣнна въ природѣ. Комбинаціи его движенія — причина всѣхъ явленій.

Около второй половины минувшаго столѣтія открыли, или считали, что открыли, другое неизмѣняемое, энергію, которая, казалось, могла стать на первое мѣсто для пониманія феноменовъ. Изъ изученія ея проистекаетъ теорія, называемая энергетической.“¹⁾

Въ военномъ дѣлѣ за послѣднее столѣтіе все время упорно помнили о двухъ вещахъ, массѣ и движеніи, причемъ оказались лицомъ къ лицу передъ фактомъ, когда первая исключила вторую, и забыли объ энергіи, которая есть ни что иное, какъ качество арміи, въ то время какъ количество это, конечно, масса. Уменьшите „массу“, улучшите „качество“ и вы воскресите „движеніе“; „техника“ позволить все это осуществить на практикѣ.

Впродъ превосходство силъ будетъ измѣряться не милліонами поставленныхъ подъ ружье людей, а превосходствомъ техники и организациіи.

А послѣдняя потребуетъ, чтобы въ арміи не было-бы „плюшкинской“ кучи „гражданскихъ“ солдатъ, а было-бы возможно болѣе „военныхъ“ солдатъ.

Удѣлъ варварскаго способа веденія войны, основывая всѣ расчеты исключительно на массѣ, на ордѣ, надѣяться на побѣду людскимъ „наводненіемъ“. Такая война, какъ

¹⁾ D-r Gustave Le Bon. „La Vu des Verités“. стр. 254—255.

это будетъ доказано ниже, совсѣмъ не исключается и въ наши дни, но подобная бойня лишь частный случай, печальный для цивилизованныхъ націй, ведущій къ ихъ одичанію и къ разоренію Европы.

Цивилизація должна защищаться ей свойственными средствами, дающими ей непрерываемое превосходство надъ варварами, т. е., техникой и организаціей.

Было-бы смѣшно думать, что армада деревянныхъ кораблей, неся на своемъ борту огромные экипажи древности можетъ побѣдить небольшую эскадру современныхъ дредноутовъ, снабженныхъ всѣми видами вспомогательныхъ службъ, требуемыхъ послѣднимъ словомъ морской техники.

Такъ нынѣ и на сухомъ пути, гдѣ совершенствованіе идетъ по верстовымъ столбамъ, уже пройденнымъ морской эволюціей.

Побѣда дикой, превосходной числомъ массы надъ техникой цивилизаціи возможна только при моральномъ разложеніи живой силы, обслуживающей эту технику. Нужны организаторскіе приемы, чтобы предотвратить самую возможность такого разложенія.

Древній Римъ погибъ именно отъ невозможности предотвратить такое разложеніе своихъ легионовъ, а эта невозможность объяснялась наплывомъ въ ихъ ряды элементовъ, чуждыхъ интересамъ Рима и его армій.

Цѣнность техники въ возможности уменьшить армию безъ ущерба для обороны страны. Но это исполнимо только при условіи строгаго отбора и подбора въ дѣлѣ организаціи. Въ противномъ случаѣ техника можетъ повернуться противъ организатора, т. е., современнаго государства.

ГЛАВА VIII.

Маневръ будущаго.

Прошлая неподвижная война, приучившая къ полной инерции, внесла нѣкоторую путаницу въ понятія о „маневрѣ“. Безнадежное сидѣнье на позиціи стали противопоставлять „движенію“ и послѣднее, въ какой бы формѣ оно на вылилось, стали смѣшивать съ „маневромъ“. Движеніе начали именовать „маневренной войной“, а въ просторѣчи, для краткости, просто „маневромъ“. А между тѣмъ эти термины со всѣмъ не синонимы.

„Движеніе“ — это то неосцнимое свойство, состояніе арміи, безъ котораго не можетъ быть „маневренной войны“, а безъ послѣдней не бываетъ „маневра“, т. е., того рѣшительнаго шага, который даетъ окончательную побѣду для всей войны или ея фазиса. Но движеніе возможно и безъ маневра, и именно подобное движеніе преобладало въ Великой войну.

Смѣшиваютъ также „маневръ“ съ простымъ „передвиженіемъ“ во имя производства той или иной перегруппировки силъ. Такое передвиженіе нужно именовать „эволюціей“. Большою частью поле ея примѣненія-тылъ-арміи, гдѣ и производятся обычно переброски резервовъ. Маневръ же-это передвиженіе впереди фронта, нерѣдко, вѣрнѣе почти всегда, съ боемъ для выхода на направленіе, губительное для противника.

При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду именно такую формулировку понятій, основныхъ въ данномъ вопросѣ.

Вопросъ „губительности“ маневра въ эту войну остался подъ большимъ сомнѣніемъ. Великая война знаетъ очень мало примѣровъ, когда маневръ былъ губителенъ для противника, понесшаго неудачу.

Съ испоконъ вѣковъ рѣшительные маневры, приводившіе къ разгрому, сводились къ двумъ типамъ: прорывъ и обходъ.

Въ началѣ Великой войны оба типа были, казалось, окончательно скомпрометированы: прорывъ — неодолимостью современнаго фронта, обходъ — длиною его съ упоромъ фланговъ въ море и въ нейтральныя государства.

Среди прочихъ качествъ силы нынѣшняго фронта, неодолимость, длина и обезпеченность фланговъ, именно длина

является главнымъ врагомъ рѣшительнаго маневра, безразлично, будь то прорывъ или обходъ.

Эта длинная и упругая линия, лишь гнущаяся подъ ударами наилучше соображенныхъ, подготовленныхъ и исполненныхъ прорывныхъ операций и загибающаяся на небольшую относительно длину подъ нажимомъ обхода, или прорыва, обыкновенно сохраняется въ полной неприкосновенности на $\frac{2}{10}$ своего протяженія во время нанесенія атакующимъ, такъ называемыхъ, громовыхъ ударовъ, раскаты которыхъ раздавались по всему міру и которые стоили атакѣ неисчислимыхъ жертвъ. Упругая линейка гнулась, подавалась назадъ въ пунктѣ нажима и была готова, какъ гуттаперчевый хлысть, вновь разогнуться, часто чтобы больно ударить того, кто его согнулъ. Не будь у современнаго фронта его колоссальной длины, подобная нечувствительность къ ударамъ атаки была-бы очевидно невозможна.

Въ своей инструкціи 1916 г. „Наставленіе для веденія боя крупныхъ боевыхъ соединений“ маршалъ Жоффръ говоритъ въ заключеніе: „Противникъ будетъ окончательно разбитъ и разсѣянъ лишь тогда, когда“ и т. д. Вотъ именно этого состоянія полного разгрома по всему фронту побитаго противника теперь добиться труднѣе всего и, можно сказать, въ прошлую войну такихъ случаевъ было очень и очень немного.

Въ сущности вся разница въ тактикѣ Фоша и Людендорфа только въ томъ и заключается, что первый сознавалъ настоятельную необходимость толкать гуттаперчевый фронтъ обороны противника по возможности на большемъ протяженіи и по возможности одновременно. Тогда какъ второй громовымъ ударомъ рвалъ фронтъ въ одной точкѣ и, когда образованный прорывомъ мѣшокъ залатывали, послѣ значительнаго перерыва, необходимаго для подготовки новаго удара, наносилъ его съ новымъ неуспѣхомъ въ новомъ мѣстѣ: гуттаперчевый пруть автоматически разгибался и билъ того, кто его нажималъ.

Въ прежнія времена короткихъ боевыхъ фронтовъ было иначе. Ударъ на рѣшительномъ пунктѣ сраженія быстро передавался всему боевому порядку. Часто конница на концахъ своихъ сабель разносила разгромъ по цѣлому полю сраженія, и побѣжденный, охваченный паникой, теряя разсудокъ и спокойствіе, попросту бѣжалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Нынѣ о неудачѣ на томъ или другомъ, сосѣднемъ пунктѣ сраженія узнають не сами войсковыя массы и не путемъ непосредственныхъ личныхъ впечатлѣній, а старшіе войсковые начальники черезъ посредство телеграфа. Конечно, они никогда не упускають возможности принять всѣ мѣры по смяг-

ченію впечатлѣнія неудачи на вѣрнныя имъ войсковыя массы. Въ результатъ упругій хлысть гнется, но не ломается.

Одно изъ немногихъ полевыхъ маневренныхъ сраженій минувшей войны, 1-я Марна, было рѣшено рѣдко удачно соображеннымъ ударомъ во флангъ нѣмцевъ, и между тѣмъ эта атака смяла только армію ф.-Клука и отчасти ф.-Бюлова, т. е. крайнее правое крыло германцевъ, не передавъ почти никакого разстройства по прочему фронту: нѣмцы не только отошли въ порядкѣ, но отступая, заняли превосходную оборонительную линію, сохранивъ обладаніе всѣми командующими высотами и лишивъ французскую армію этихъ важныхъ точекъ на всѣ четыре года войны.

Тутъ сказалось въ полной мѣрѣ безсиліе тогдашнихъ средствъ войны наносить всеокрушающіе удары. И, конечно, причину подобной слабости средствъ нужно искать въ невозможности использовать важныя техническія данныя тогда частью лишь въ зародышѣ (воздухоплаваніе и автотранспортъ), частью даже еще въ состояніи, недоступномъ и мечтѣ (танки).

Потребовалось все напряженіе техники въ теченіе всей войны, чтобы достигъ того положенія, когда побѣдоносная сторона получила возможность „движенія“. Но справедливость требуетъ признанія, что до рѣшительнаго „маневра“ такъ и не дошло. И едва-ли въ этомъ можно винить кого-нибудь: виноваты несовершенства эпохи, и не одни техническія, но и организаціонныя.

А между тѣмъ до той поры, пока не рѣшена задача быстрого и головокружительнаго по своимъ результатамъ маневра, разносящаго пораженіе по всему фронту побитаго противника, нельзя считать себя избавленнымъ отъ ужаснаго бича современной войны, ея затяжнаго характера съ разрушеніемъ и подрывомъ нормальныхъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, въ окончательномъ итогѣ обратнымъ контръ-дѣйствіемъ, обрушивающихся на самую воюющія армію и подтачивающихъ ихъ организаціонную прочность.

Послѣдняя война носила всѣ отличительныя особенности осадной. Какъ извѣстно, однимъ изъ слѣдствій послѣдней обычная моральная подавленность и, притомъ, не только осажденнаго, что понятно съ перваго взгляда, но и осаждающаго. И тотъ, и другой, одинъ, послѣ ужасовъ лишений, подъ вліяніемъ томительнаго ожиданія своей неизбѣжной участи, сдачи, а другой подъ гнетомъ тоже нудной пассивности и осадной скуки, начинаютъ обычно нравственно разлагаться. Особенно, конечно, это касается, осажденнаго.

Такъ и въ нынѣшней войнѣ; ея неизбѣжное слѣдствіе, революціонное движеніе, есть ни что иное, какъ моральный упадокъ осажденнаго. Побѣдитель въ минувшую войну

взявъ верхъ не только военнымъ дѣйствиємъ, но и этимъ гражданскимъ. Побѣда была не только удѣломъ „разгрома“, но и „измора“.

Это не наполеоновская стратегія, гдѣ быстрота всегда сочеталась съ сокрушительною силою удара, гдѣ судьбы государствъ рѣшались въ теченіе большаго боя, гдѣ время было сбережено съ поразительной экономіей и гдѣ поэтому минимальнымъ величинамъ пространства и времени соотвѣтствовали максимальные результаты при наименьшей затратѣ силъ и, слѣдовательно, при минимальномъ утомленіи родины. Нынѣшнее обратное положеніе требуетъ тѣмъ болѣе внимательнаго изученія, что послѣдствія такой „осады“ въ государственномъ масштабѣ еще недостаточно осознаны и, вслѣдствіе этого, грозятъ въ будущемъ неприятными неожиданностями.

Предполагая вернуться къ этому вопросу впослѣдствіи, пока уяснимъ себѣ съ наибольшей отчетливостью, что условія государственнаго благополучія въ широкомъ значеніи этого слова требуютъ возрожденія наполеоновской экономіи силъ, т. е., замѣны войны „изморомъ“ войною „разгрома“. Возможно-ли это? Вотъ вопросъ.

Обходъ или прорывъ всегда рѣшали дѣло на полѣ сраженія. Если сравнивать оба эти средства въ исторической перспективѣ, можно придти къ выводамъ, не лишеннымъ интереса.

Первое, что поражаетъ при этомъ, это количественное превосходство на сторонѣ обхода. Съ нимъ въ исторіи встрѣчаешься чаще, чѣмъ съ прорывомъ.

Начиная съ временъ классическаго Канна и переходя къ нашей эпохѣ, мы видимъ обходы, обходы и обходы: Бауценъ, Ватерлоо, Садова, Вертъ, Марсъ-ла-Туръ, С. — Прива, Седанъ, Филиппополь, Ляоянъ, Мукденъ, Лодзь, Марна.

Прорывы куда рѣже: Регенбургъ-Абенсбергъ, Аустерлицъ, Ваграмъ, Фридландъ, Бородино.

Даже изъ этого случайнаго перечня, приходящаго на память, ясно, кому дается этотъ прорывной маневръ. Нуженъ мастеръ своего дѣла, даже великій мастеръ. Такова качественная оцѣнка проыва.

Но она этимъ не ограничивается. На примѣрѣ Ваграма, разобранномъ выше, было видно, что многія, такъ называемыя, прорывныя операціи были таковыми только въ теоріи и въ диспозиціи для боя. На дѣлѣ-же часто, очень часто все сводилось къ лобовому удару.

Подъ Ваграмомъ Наполеонъ раздолбилъ центръ австрійцевъ не колонною-великаномъ Макдональда, расплывшейся ранѣе, чѣмъ она дошла до цѣли, а огромною батареєю въ сотню орудій.

Примѣрно то-же повторилось и подъ Бородинымъ. Но разница была въ томъ, что противъ разрушеннаго центра русскихъ императоръ не рѣшилъ бросить свой резервъ, свою гвардію,

Въ итогѣ ни подъ Ваграмомъ, ни подъ Бородинымъ фактическаго прорыва не состоялось, и все свелось къ лобовому удару; здѣсь невольно приходятъ на память мнѣнія Арданъ-дю-Пика: онъ не вѣрилъ въ возможность шока, а безъ него немислимъ и прорывъ съ полнымъ, а не призрачнымъ разрушеніемъ центра противника, такимъ разгромомъ, отъ котораго нѣтъ спасенія,

Въ то время какъ обходъ нерѣдко дѣйствовалъ даже одною угрозою, прорывъ нуждался всегда въ крайне кровавомъ бою для того, чтобы сказаться иногда ничтожными результатами.

Слѣдовательно, обходъ встрѣчался чаще въ исторіи и производство его было легче чѣмъ прорывъ.

Но послѣдняя война перевернула и эти понятія, какъ и многія другія. Въ эту кампанію обходъ былъ гораздо рѣже, чѣмъ прорывъ, и производство его было гораздо труднѣе. Если не считать короткаго начальнаго періода войны и не менѣе скоротечнаго конечнаго ея періода, то, быть можетъ, проще было-бы выразиться такъ: обходъ былъ невозможенъ, а прорывъ невообразимо труденъ.

Дѣйствительно, обходъ на Марнѣ, какъ уже отмѣчено выше, не привелъ къ результатамъ, рѣшающимъ для войны, другіе обходы начала прошлой войны были, быть можетъ, болѣе обходительными (русскіе въ Галиціи), но и они не были приговоромъ побѣждающей десницы надъ арміей противника и тѣмъ менѣе надъ его державою.

Въ концѣ концовъ обѣ враждующія стороны оказались въ равномъ положеніи: въ невозможности нанести рѣшительный ударъ. Обходъ былъ немислимъ, такъ какъ фланги уперлись или въ море, или въ территорію нейтральнаго государства, а прорывъ казался до времени задачей нерѣшаемой по соображеніямъ техническаго свойства.

Началась работа изобрѣтательности и технической подготовки войскъ, особенно артиллеріи, а затѣмъ и кровавые, но неудачные или наполовину удачные, опыты: Сомма и Шемень-де-Дамъ для французовъ, Верденъ, Амьень, Шемень-де-Дамъ и Тарнополь для нѣмцевъ; атака Риги, затѣмъ всѣмъ русскимъ фронтомъ весною 1916 г. прорывъ Брусилова, Тарнополь для русскихъ.

Наконецъ, цѣною четырехъ лѣтъ войны, цѣною экономическаго истощенія всѣхъ воюющихъ сторонъ, побѣдителей въ томъ числѣ, путемъ опытовъ, стоившихъ многихъ сотенъ тысячъ жизней, были получены тѣ выводы военной техники и творчества, которые и дали одной изъ сторонъ побѣду.

Но и при этихъ условіяхъ побѣда была такая, что сама „счастливая“ сторона присвоила себѣ званіе „побѣдителя и жертвы“.

Для достиженія такихъ ли результатовъ служить военное искусство?

И хотя Наполеонъ въ концѣ своей карьеры пришелъ къ подобному же итогу, но это было паденіе; начало же его дѣятельности отмѣчено тѣмъ положеніемъ, которое лучше всего характеризуется поговоркою „время — деньги“. Путемъ усилій „необходимыхъ и достаточныхъ“ въ этотъ періодъ онъ достигалъ „наибольшихъ“ результатовъ. Тогда побѣдитель былъ дѣйствительно торжествующей стороною, а жертвою оставался побѣжденный.

Войны 1870—71 г. и 1877—78 г. г. были послѣдними европейскими кампаніями, въ теченіе которыхъ маневръ производился стариннымъ, испытаннымъ вѣками средствомъ, — солдатскими ногами.

Послѣ этого опыта началось въ Германіи по инициативѣ Мольтке изученіе оперативнаго значенія желѣзныхъ дорогъ. Медленно, шагъ за шагомъ, нѣмцы первые въ Европѣ сознали, что будущая война потребуетъ особыхъ средствъ для маневрированія огромныхъ войсковыхъ массъ и справедливо увидѣли въ рельсовой сѣти могучаго союзника для командованія, которое захотѣло-бы на современномъ обширномъ полѣ сраженія осуществить ту „быстроту“, которая служитъ лучшей гарантіей побѣды.

Въ подготовкѣ къ послѣдней Великой войнѣ эта идея вылилась уже въ совершенно опредѣленную форму: количество магистралей, ведущихъ къ границамъ было строго сообразно съ планомъ войны, ихъ провозоспособность тоже, ихъ администрированіе было сгруппировано соотвѣтствующимъ образомъ, дабы не нарушать въ военное время единство власти на той или иной группѣ рельсовыхъ путей и такимъ способомъ избѣгать вредной импровизаціи.

Типичный случай наблюдалъ въ 1913 г. пишущій эти строки. Подъѣзжая къ Берлину вечеромъ, ему вздумалось зайти въ вагонъ-ресторанъ и спросить себѣ чашку чая. На столикѣ оказалось меню, отпечатанное въ краскахъ. Случайно перевернувъ эту большую карту, онъ узрѣлъ на оборотѣ ея схему магистралей, предназначенныхъ для войскъ вторженія черезъ Бельгію, съ продолженіемъ германскихъ линій черезъ всю эту маленькую сосѣднюю страну и вплоть до Парижа и промышленныхъ портовъ и городовъ сѣверной Франціи: все это, конечно, подъ видомъ графика прямыхъ безпересадочныхъ желѣзнодорожныхъ маршрутовъ, обеспеченныхъ даннымъ обществомъ. Составителемъ наглядной по своей рѣзкости схемы, конечно, не преслѣдовалось никакой иной цѣли, какъ удоб-

ство пассажировъ. Не его вина, если такимъ образомъ вскрылась сама собою прекрасная организація путей германскимъ генеральнымъ штабомъ.

Этотъ трудъ оправдался съ началомъ войны, такъ какъ по этой именно сѣти влилось въ Бельгію три арміи германцевъ для рѣшительнаго обхода лѣваго фланга союзниковъ. Проигрышъ пограничнаго сраженія былъ предрѣшенъ еще расчетами мирнаго времени, сдѣланными германскимъ генеральнымъ штабомъ для своей желѣзнодорожной сѣти: въ рѣшительную минуту на рѣшительномъ пунктѣ превосходство силъ оказалось на сторонѣ нѣмцевъ.

Этому маневру противопоставлялся французскій контрманевръ, наступленіе съ линіи Мецъ-Верденъ черезъ бельгійскій Люксембургъ въ направленіе къ Рейну, съ цѣлью выйти на пути сообщенія вышеупомянутой обходной группы противника. Но не говоря уже о томъ, что сосредоточеніе силъ не отвѣчало этой рѣшительной задачѣ (лишь двѣ арміи, 4-я и 5-я изъ пяти), ей не отвѣчало также и состояніе, и развитіе желѣзнодорожной сѣти, такъ какъ путь войскъ лежалъ черезъ Арденскій лѣсной, бѣдный рельсовыми магистральями раіонъ. Слѣдовательно, недостаточно было неудачи Бельгійской и Британской армій и крушенія обороны крѣпости Мобежъ для начала неизбежнаго отхода французской арміи отъ границы вплоть до самаго Парижа. Даже и безъ этихъ неудачъ подобный отходъ предрѣшался несоотвѣтствіемъ желѣзнодорожной сѣти поставленной стратегической задачѣ. „Желѣзнодорожный маневръ“ не былъ подготовленъ съ тою тщательностью и предусмотрительностью, которыхъ требуетъ современная война. „Армія цѣнна своею массою и своею скоростью“, говорилъ Наполеонъ. Здѣсь не было ни того, ни, въ особенности, другого.

На приведенный примѣръ приходится взглянуть, какъ на типичный, какъ на общее правило для начального періода нынѣшнихъ грандіозныхъ столкновеній. Дѣйствительно, еще съ мирнаго времени изученіемъ политической, стратегической и технической обстановки обѣ стороны приходятъ къ рѣшенію совершенно опредѣленныхъ тактическихъ задачъ въ пограничномъ бою обѣихъ сторонъ. Если географическіе укрѣпленные раіоны получаютъ жизнь, обстановка упростится еще болѣе, число частныхъ случаевъ еще сузится, количество возможныхъ задачъ уменьшится до минимума, быть можетъ, часто до одной. Угадывать будетъ нечего, мѣста для нерѣшимости не будетъ; останется только энергія исполненія, отъ которой будетъ зависѣть исходъ боя на границѣ. А энергія эта зависитъ прежде всего отъ быстроты передвиженій удар-

ной массы, и эту быстроту въ начальный періодъ войны можетъ обезпечить только желѣзнодорожная сѣть, хорошо соображенная по направлѣніямъ и по способности интенсифицировать движеніе.

Если вновь обратиться къ приведенному примѣру, то нельзя не отдать справедливости обоимъ планамъ сторонъ: оба они были хороши. Но для нѣмецкаго плана желѣзнодорожная задача была еще въ мирное время рѣшена правильно, а для французскаго наоборотъ, и эта именно причина послужила основаніемъ для неудачи французской идеи.

Въ дальнѣйшемъ развитіи кампаніи, пока она не потеряла активнаго, полеваго характера на французскомъ театрѣ, желѣзнодорожный маневръ, не подготовленный соответствующимъ образомъ еще въ мирное время, продолжалъ быть камнемъ преткновенія для дѣйствій французской арміи.

Послѣ неудачи столкновенія на границѣ французское командованіе, упорно преслѣдуя активную задачу, создало планъ быстрого сосредоточенія резервной 6-й арміи генерала Манури на лѣвомъ крылѣ для дѣйствія во флангъ нѣмцамъ. Для боя намѣчалась новая линія сосредоточенія арміи непосредственно позади прежней Верденъ—Мезьеръ—Гирсонъ. Эта линія Верденъ—Краонъ—Лаонъ—Ла Феръ—С. Кантенъ—Верманъ—Сомма—Гамъ—Бре¹⁾ имѣла тѣ выгоды, что находилась отъ старой въ самой отдаленной точкѣ, всего въ двухъ переходахъ, была достаточно удалена отъ Парижа и имѣла за собою удобную, параллельно своему фронту рокировочную линію желѣзной дороги, по коей сосредоточеніе 6-й арміи изъ района Баръ-де-Дюка могло-бы быть исполнено удобно.

Однако продолжающіяся неустойки въ Британской арміи, дѣйствовавшей на крайнемъ лѣвомъ крылѣ, заставили подумать о дальнѣйшемъ отходѣ въ направленіи на Парижъ. И вотъ въ этотъ-то моментъ французское командованіе встрѣтилось лицомъ къ лицу съ досадной непродуманностью своей желѣзнодорожной сѣти: вплоть до самой столицы больше не было въ наличіи ни одной рокировочной параллельной фронту магистрали. Этимъ предрѣшался отходъ армій вплоть до Парижа съ отдачею безъ боя полосы мѣстности въ 100 км. шириною и съ оставленіемъ въ распоряженіи противника на четыре долгихъ года войны промышленнаго богатѣйшаго района сѣверной Франціи. Послѣдствія этого досаднаго обстоятельства извѣстны. Франціи, не располагая фабриками и заводами сѣвера, пришлось на пречъ невѣроятныя усилія, совершить чудо, чтобы удержаться на высотѣ новыхъ техническихъ требованій, выдвинутыхъ войною.

¹⁾ «La préparation de la guerre et la conduite des opérations» par le Maréchal Joffre, 45.

Таковыми были послѣдствія несовершенства и непродуманности въ устройствѣ французской желѣзнодорожной сѣти.

Только благодаря Марнѣ и ея счастливому исходу эти послѣдствія не увѣнчались болѣе крупной драмой, но и подѣ Марной выручили желѣзные дороги.

Вся 6-я армія успѣваетъ сосредоточиться къ Парижу для удара по правому флангу нѣмцевъ только благодаря безотказному дѣйствию желѣзныхъ дорогъ, причемъ 7-й армейскій корпусъ и 63-я пѣхотная дивизія совершили пробѣгъ изъ Эльзаса, 17-й корпусъ пріѣхалъ изъ состава III-й арміи, т. е., изъ района Вердена, а 45-я пѣхотная дивизія — изъ сѣверной Африки.

Строго говоря, это не былъ желѣзнодорожный маневръ (такой въ Марнскомъ бою былъ исполненъ на Парижскихъ такси), а „желѣзнодорожная эволюція“ позади фронта, но она была произведена безукоризненно.

Однако это была дѣтская игра по сравненію съ желѣзнодорожными эволюціями французской сѣти во время рѣшительныхъ боевъ 1918 г., когда циркуляція поѣздовъ, считая только перевозку бойцовъ, доходила иногда до 8 въ часъ. и до 18, если сюда присоединить движеніе грузовъ и эвакуацію раненыхъ¹⁾.

Очевидно, къ этому времени французская сѣть получила оборудованіе, достаточное для производства не однихъ тыловыхъ эволюцій, но и маневра, если-бы къ нему представился случай, но позиционность исключила эту возможность.

Германская сѣть, оказавшаяся съ самаго начала кампаніи на высотѣ маневренныхъ требованій, не теряла своихъ способностей въ теченіе всей войны. Только благодаря этой особенности германской предвоенной подготовки, нѣмцамъ удалось въ теченіе долгихъ четырехъ лѣтъ вести войну, главная особенность которой были дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, требовавшія искусственныхъ и быстрыхъ желѣзнодорожныхъ перебросокъ.

Сосредоточиваясь по противу французовъ, то противу русскихъ, то противу сербовъ, итальянцевъ или румынъ, австро-германцы такимъ маневреннымъ способомъ, не имѣя превосходства силъ, ухитрялись въ рѣшительномъ пунктѣ быть сильнѣе противника. И такъ длилось не недѣли и не мѣсяцы, а годы.

Это безусловная заслуга германской желѣзнодорожной сѣти и лишее краснорѣчивое доказательство того, что основа нынѣшней стратеги — это расчеты, построенные на желѣзнодорожныхъ перевозкахъ, такъ какъ только онѣ могутъ дать арміи необходимую „массу“ въ точкѣ удара и обезпечить ей наибольшую „скорость“, т. е., энергію операцій, другими словами, побѣду.

¹⁾ C.-t. Bouvard, 250.

Самой напряженной перевозкой была таковая 1915 г., когда германскія силы перебрасывались съ французскаго фронта на русскій для развитія наступленія съ цѣлью вывода изъ строя русской арміи. Тогда требовалось всего 6 сутокъ для переброски армейскаго корпуса со всѣми его грузами изъ Франціи въ Россію и, такъ какъ въ распоряженіи австро-германцевъ было достаточное количество параллельныхъ желѣзнодорожныхъ магистралей, то такое-же время требовалось и для перевозки арміи изъ 4—5 корпусовъ. Имѣя въ виду, что для транспортировки корпуса нужно не менѣе 100 поѣздовъ, можно установить цифру напряженія подобной перевозки: она равнялась 1 поѣзду, отправляемому каждый часъ въ одномъ направленіи. Нельзя не признать это напряженіе огромнымъ, особенно если принять въ расчетъ, что перевозка шла въ перекрестъ и въ перемежку съ обычнымъ движеніемъ въ странѣ воинскимъ, пассажирскимъ и товаро-грузовымъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что только исправная, соображенная еще въ мирное время стратегическая работа германскихъ желѣзныхъ дорогъ позволила нѣмцамъ такъ долго держаться противъ превосходныхъ силъ державъ Согласія: желѣзнодорожный маневръ начала кампаніи далъ имъ обладаніе промышленной сѣверной Франціей, а желѣзнодорожные маневры по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ позволяли имъ неоднократно наносить своимъ противникамъ очередные удары, оглушавшіе ихъ надолго и надолго-же затягивавшіе войну. Вообще необходимо подчеркнуть, что рельсовые пути въ новѣйшей войнѣ дадутъ маневру по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ особое развитіе.

Къ сожалѣнію русскія желѣзныя дороги не были совершенно приспособлены для маневренной дѣятельности, и эта именно причина служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ объясненій, почему численное подавляющее превосходство русскихъ армій надъ своими противниками никогда не могло сказаться даже, если-бы были устранены всѣ прочіе недостатки, связанные съ неумѣлой организаціей арміи. Отсюда безпомощная оперативная директива генерала М. В. Алексѣева въ 1916 г., отсюда недостаточное развитіе успѣха Брусиловскаго прорыва въ томъ-же году.

По нынѣшнимъ временамъ нельзя воевать, не владѣя маневренной желѣзнодорожной сѣтью, а эта дѣятельность рельсовыхъ сообщений требуетъ работы еще мирнаго времени. Предстоящія стратегическія и тактическія задачи должны быть свѣрены съ направленіемъ, числомъ и провозоспособностью желѣзнодорожныхъ магистралей, Эта свѣрка должна привести не къ подгонкѣ стратегическихъ задачъ къ существующей желѣзнодорожной сѣти, какъ это наблюдалось постоянно въ Россіи, а наоборотъ сѣти къ военнымъ задачамъ.

Никогда нельзя упускать изъ виду, что судьба важнѣйшаго во время войны столкновенія, обычно предрѣшающаго весь дальнѣйшій ходъ кампаніи, перваго пограничнаго сраженія, всецѣло зависитъ отъ желѣзнодорожнаго маневра, а всѣ послѣдующіе бои тѣсно связаны съ желѣзнодорожными эволюціями. Только этимъ путемъ, даже не имѣя абсолютнаго превосходства на театрѣ войны, можно воевать, рассчитывая на сосредоточеніе превосходныхъ силъ въ рѣшительную минуту на рѣшительномъ пунктѣ: только при этомъ условіи можно въ наше время обезпечить „внезапность“, мать побѣды и только при немъ возможно смѣло уменьшить численность арміи въ пользу ея качества, не рискуя благополучіемъ государственной обороны.

Слѣдствія первыхъ пограничныхъ генеральныхъ сраженій на всѣхъ театрахъ послѣдней войны съ полною очевидностью выяснили одно: невозможность дальнѣйшаго поступательнаго движенія ни для одной изъ сторонъ. Въ результатѣ получилась чetyрехлѣтняя позиціонная война. Начали готовить техническія средства для прорыва неприятельскаго фронта и почти забыли объ обходѣ фланга противника при посредствѣ „десантной операціи“. А между тѣмъ, чѣмъ это не обходъ?

Правда, онъ требуетъ серьезныхъ условій для своего успѣха, но средства современнаго боеваго и транспортнаго флота такъ могущественны, что многое, казавшееся неисполнимымъ въ былыя времена даже для такихъ привыкшихъ дерзать и умѣвшихъ исполнять свои дерзанія военачальниковъ, какъ Наполеонъ (Булонь), нынѣ уже доступно и не гению, а просто грамотному технику. Многомилліонныя войсковыя перевозки въ Японскую и Великую войны черезъ обширныя моря и даже океаны—яркое свидѣтельство справедливости сказаннаго.

Почему ни разу, даже въ ограниченномъ видѣ не была испробована десантная операція со стороны союзниковъ у береговъ Бельгій? Вѣроятно потому, что этому мѣшали минныя поля, для очистки которыхъ требовалось предварительно дать генеральное морское сраженіе въ случаѣ выхода германскаго флота изъ своего убѣжища. Но почему-же было и не дать такого боя, особенно имѣя въ виду, что британскій флотъ, вѣрный своимъ традиціямъ, долженъ былъ не избѣгать, а искать подобнаго столкновенія?

Мало того, почему было не использовать для цѣлей десантной операціи той побѣды, которую заработали англичане въ Ютландскомъ бою, гдѣ раны нѣмцевъ были весьма серьезны и требовали много времени для своего врачеванія?

Какъ это ни странно, среди прочихъ союзныхъ державъ, чаще другихъ пыталась прибѣгнуть къ десанту, какъ бое-

вому, средству, страна съ наименѣе развитою береговою линією и бѣдиѣе другихъ средствами боевого и транспортнаго флота. Это была Россія.

За время минувшей войны было предположено и частью исполнено три десантныхъ операціи. Сначала была задумана обширная операція для цѣлой арміи (седьмой) изъ Одессы на Балканскій полуостровъ. Этотъ планъ, вызванный неожиданнымъ выступленіемъ Турціи, уже былъ начать своимъ исполненіемъ, но въ это время въ Галиціи обнаружился недостатокъ силъ вслѣдствіе извѣстнаго Дунаецкаго удара Макензена въ 1915 г. и седьмая, десантная армія была оттянута туда.

Затѣмъ во время побѣдоноснаго наступленія генерала Юденича въ Малой Азіи прибѣгли къ небольшой десантной операціи для облегченія овладѣнія Трапезундомъ. Этотъ десантъ былъ сформированъ въ Крыму, и успѣшно высадившись въ пунктѣ назначенія, исполнилъ свою задачу.

Наконецъ, лѣтомъ 1916 г. была задумана десантная операція въ довольно большомъ размѣрѣ въ Рижскомъ заливѣ, съ цѣлью выигрыша крайняго лѣваго фланга нѣмцевъ, какъ разъ въ періодъ времени, когда ихъ вниманіе было приковано къ югу вслѣдствіе ожидаемаго выступленія Румыніи.

Предполагалась высадка на западномъ берегу залива съ-вернѣе Роена, у Мельсиля и затѣмъ быстрое наступленіе въ направленіи на г. Туккумъ, куда направлялся одновременно главный ударъ и со стороны оборонявшей Ригу 12-й арміи ген. Радко-Дмитріева. Эта армія должна была перейти въ наступленіе и по прочему своему фронту.

Обстановка въ заливѣ была такова. Проливы были обезпечены минными полями, причемъ главный изъ нихъ, проходившій между материкомъ и островомъ Эзелемъ, проливъ Ирбенскій былъ заминированъ съ особою тщательностью. Германскій флотъ блокировалъ этотъ проходъ. Русскій флотъ главными своими силами держался въ Финскомъ заливѣ, имѣя въ Рижскомъ заливѣ минную флотилію съ эскадреннымъ броненосцемъ „Слава“, случайно оказавшемся въ заливѣ въ началѣ войны и запертомъ въ немъ вслѣдствіе мелководности Моонзундскаго пролива.

По имѣвшимся свѣдѣніямъ побережья, намѣченное для высадки, охранялось слабыми силами 1-й германской кавалерійской дивизіи съ незначительными пѣхотными частями ландштурма; вдоль побережья находилось нѣсколько батарей разнаго калибра и были устроены проволочныя загражденія.

Для десанта было предназначено около трехъ дивизій пѣхоты (11 полковъ), одна бригада конницы, соотвѣтствующая артиллерія и богатые инженерныя средства, среди коихъ нужно отмѣтить средства связи, допускавшія всѣ виды

таковой, начиная съ радіо и кончая кабелемъ. Весь десантный корпусъ, носившій названіе „Балтійскаго сухопутнаго отряда“ и имѣвшій характеръ временной сводной войсковой части, сформированной съ опредѣленной цѣлью, считалъ въ своихъ рядахъ 50,000 человекъ.

Для прикрытія десанта вводилась въ Рижскій заливъ часть боеваго флота Финскаго залива.

Формированіе корпуса и снабженіе его всѣмъ техническимъ оборудованіемъ началось 5 іюля и окончилось ровно черезъ мѣсяць, 5 августа. Оставалось сколотить импровизованную часть, подучить ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (посадки, связь, стрѣльба артиллеріи сухопутной и морской, послѣдней по цѣлямъ сухопутья и пр.). Это было исполнено въ 9 дней, и 14 августа былъ отданъ приказъ о посадкахъ на транспорты, къ чему и было приступлено.

Нѣмцы знали о готовящейся операціи въ самомъ ея началѣ и въ знакъ этого уже 5 іюля атаковали аэропланами Ревельскій рейдъ. Это не могло бы, вѣроятно, повредить успѣху операціи, такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, они не располагали значительными резервами на побережьѣ.

Посадки производились въ четырехъ пунктахъ: въ Ревель (главныя), въ Гельсингфорсъ, въ Ригъ и на островѣ Моонѣ, причемъ наиболѣе слабая въ качественномъ отношеніи пѣхотная дивизія за время подготовительнаго періода успѣла исполнить предварительную перевозку изъ Гельсингфорса въ Ревель. Это было испытаніе и для нея, и для транспортнаго флота, и для начальствующихъ лицъ морскихъ и сухопутныхъ.

Испытаніе не оставляло желать ничего лучшаго.

Среди прочихъ предварительныхъ приготовленій, отличавшихся большой сложностью и полнотой, слѣдуетъ отмѣтить заранѣе заготовленный полный инженерный матеріалъ въ совершенно обработанномъ видѣ для сооруженія укрѣпленнаго плацдарма у Роена на случай неучасти атаки Туккума: въ этотъ плацдармъ корпусъ могъ-бы отойти въ случаѣ необходимости обратной своей посадки. На сооруженіе этого лагеря требовалось не болѣе сутокъ или двухъ времени, причемъ уже въ первые сутки онъ долженъ былъ представить солидную оборонительную силу.

Этотъ срокъ былъ достаточенъ, такъ какъ для достиженія Туккума требовалось сдѣлать также два перехода.

Къ сожалѣнію посадка была пріостановлена распоряженіемъ Верховной Ставки, такъ какъ въ эти дни Румынія выступила на сторонѣ державъ Согласія и войска „Балтійскаго сухопутнаго отряда“ потребовались для боевъ въ Валахіи и въ Добруджѣ. Отрядъ былъ вслѣдствіе этого расформированъ, и опытъ тщательно подготовленнаго „десантнаго маневра“ остался безъ боеваго испытанія.

Крупнымъ недостаткомъ организаціи этой десантной операціи было нехватка транспортныхъ средствъ. Вся перевозка должна была быть исполнена поэтому только въ 4 рейса, причемъ въ первые два перевозились всѣ войска и все необходимое для сооруженія плацдарма.

Этотъ недостатокъ для державы съ лучшимъ развитіемъ морскаго транспорта, конечно, могъ-бы и не повториться: одновременность выброса на берегъ всего десанта представляеть слишкомъ крупныя выгоды, чтобы отъ нихъ можно было отказаться ради экономіи тоннажа.

Во всякомъ случаѣ „десантный маневръ“ — одинъ изъ практичныхъ выходовъ изъ нежелательнаго вынужденнаго бездѣйствія и неподвижности позиціонной войны. Отнынѣ изученіе десантной операціи должно сдѣлаться обязательнымъ и для арміи, и для флота, и не только теоретически, но и практически.

Что касается практики, то описанный опытъ далъ доказательства многихъ неожиданностей для обѣихъ сторонъ, флота и сухопутныхъ войскъ, на почвѣ взаимной неосвѣдомленности въ особенностяхъ войны на морѣ и на сушѣ.

Такъ, морская артиллерія, привыкшая стрѣлять по скороисчезающимъ движущимся цѣлямъ, не умѣла вести огонь для разрушенія проволочныхъ береговыхъ загражденій, требовавшихъ медленнаго огня съ наблюденіемъ каждаго выстрѣла. Первые опыты крейсера „Авроры“ были очень неудачными. Были и другіе случаи, показывавшіе необходимость взаимнаго ознакомленія арміи и флота еще съ мирнаго времени для исполненія общей имъ десантной задачи.

Всего этого можно избѣжать только постоянной практикой мирнаго времени, и несомѣнно требованія современной тактики повелительно указываютъ на необходимость подобной работы. У „десантнаго маневра“, какъ средства обхода нынѣшнихъ позицій, упирающихся своими флагами въ море, огромная будущность.

И желѣзнодорожныя магистрали, и морскія операціи нехороши тѣмъ, что ихъ возможныя направленія всегда заранѣе извѣстны и, слѣдовательно, внезапность ихъ производства почти всегда исключается. Поэтому получаетъ особое значеніе автотранспортъ, какъ прямое дополненіе и къ желѣзнодорожному, и къ десантному маневрамъ: марши по грунтовымъ дорогамъ, какъ мы видѣли, не соотвѣтствуютъ уже масштабу современной войны и боя; за ними остается значеніе средства, пригоднаго для производства операцій узкѣмѣстнаго характера. Образцомъ такой именно операціи была переброска одной дивизіи 7-й арміи генерала Фоша съ лѣваго фланга этой арміи въ ея центръ для контръ-удара по нѣ-

мецкому боевому порядку, удачно развивавшему свое наступление въ районѣ С. Гондскихъ болотъ въ время Марнского сраженія. Дѣйствіе этого маневра, исполненного ногами солдатъ было очень полезно, но это не былъ рѣшительный ударъ для всего сраженія: тутъ однѣхъ ногъ было уже недостаточно; понадобились и рельсовые пути, и парижскіе такси.

Въ предшествовавшей главѣ мы видѣли возможное напряженіе автомобильнаго движенія для перевозокъ войскъ и ихъ грузовъ. Въ будущемъ интенсификація его, конечно, только возрастетъ.

Здѣсь остается лишь добавить, что однимъ изъ могучихъ средствъ такого напряженія должна послужить внутренняя организація этого транспорта. Для того, чтобы съ одной стороны не пропадала даромъ ни одна тонна грузоподъемной силы автомобилей, не будучи использованной, а съ другой стороны, чтобы упразднить всякую работу импровизаціи въ производствѣ погрузокъ и, слѣдовательно, потерю времени, необходимо сообразить организаціонныя подраздѣленія автомобильнаго транспорта такъ, чтобы его части своей грузоподъемностью соотвѣтствовали частямъ войсковыхъ единицъ и эшелонамъ разнаго рода воинскихъ регулярныхъ грузовъ, т е., чтобы, скажемъ, было-бы заранѣе извѣстно, какая автомобильная единица и какихъ машинъ нужна для перевозки роты, баталіона, полка, бригады, дивизіи и пр.

На автомобили пересядутъ войска тамъ, гдѣ не будетъ желѣзнодорожной линіи, совпадающей съ нужнымъ оперативнымъ направлениемъ, тамъ, гдѣ рельсовая сѣть недостаточно густа и гдѣ она недостаточно провозоспособна („Священная дорога“ подъ Верденомъ), гдѣ вообще нѣтъ желѣзнодорожныхъ путей, гдѣ потребуется напряженіе движенія войскъ, какъ въ смыслѣ скорости, такъ и въ отношеніи густоты. Вообще говоря, послѣднее, какъ уже и показали опытъ минувшей войны, невозможно безъ участія автомобильнаго транспорта, разъ борьба ведется между арміями одинаково европейски оборудованными технически.

На автомобили сядутъ также войска и для производства сосредоточенія передъ десантной операціей. Въ этомъ случаѣ, требующемъ по возможности постройки всего расчета успѣха на внезапности, автотранспортъ получить особое значеніе.

На автомобили будутъ погружены войсковыя части, хотя-бы передовыя, для захвата важныхъ пунктовъ побережья послѣ удачнаго десанта: тутъ быстрота получаетъ рѣшающій характеръ. Въ рассказанномъ выше случаѣ проектированной высадки въ Рижскомъ заливѣ у Мельсиля-Роена можно было-бы дорого дать, чтобы успѣть совершить движеніе на Туккумъ не двумя переходами, какъ это допускали ноги сол-

дата, а однимъ на автотранспортахъ. Рискъ операціи сократился-бы на весьма значительную величину, успѣхъ получилъ бы столько-же лишнихъ шансовъ.

Наконецъ, только благодаря автомобилямъ можно развить преслѣдованіе послѣ одержанной побѣды, преслѣдованіе въ современномъ огромномъ масштабѣ. Законъ военной исторіи учить, что побѣжденный, не взирая на утомленіе предшествовавшаго боя, обычно развиваетъ головокружительную скорость ночныхъ отступательныхъ маршей: 50—60 километровъ, другими словами, двойной, тройной переходъ являются въ подобныхъ передвиженіяхъ нормальной мѣрой. Побѣдитель обыкновенно очень остро чувствуетъ нѣкоторый упадокъ силъ и, главное, войсковая масса не видитъ передъ собою того повелительнаго импульса, который гонить побитаго.

Вотъ въ этотъ-то моментъ автотранспортъ и явится драгоценнымъ подспорьемъ.

Между сражающимися противниками желѣзныя дороги всегда разрушены. Кромѣ того отступающій старательно уничтожаетъ рельсовые пути и трудно возстановливаемые желѣзнодорожные мосты, чтобы замедлить преслѣдованіе. Въ этой обстановкѣ желѣзнодорожный маневръ неисполнимъ. Останутся только автомобильныя перевозки для исполненія маневровъ, предназначенныхъ для того, чтобы развить побѣду; здѣсь нужна большая скорость на значительныхъ разстояніяхъ, свойственныхъ современному театру войны.

„Движеніе“, „огонь“ и „позиція“ включали до послѣдняго времени всю сущность тактики. Максимумъ движенія давала конница, огня — артиллерія, позиціи — пѣхота (дулеметы). Конечно, ни движеніе, ни позиція безъ огня немислимы.

Послѣдняя война ввела въ бой новый существенный элементъ — „воздухъ“. Въ тактикѣ появилось третье измѣненіе.

Прошрое воздухоплаванія было уже достаточно рѣшительно въ бою. Думается, что будущее безпредѣльно велико. Въ частности никакаго маневръ не будетъ исполнимъ въ грядущемъ безъ обладанія воздухомъ, и, обратно, при наличіи этого обладанія никакая сила не будетъ въ состояніи противостоять маневру стороны, добившейся воздушнаго господства.

Изъ этого краткаго опредѣленія уже можно сдѣлать выводъ о томъ, что въ маневрѣ будущаго воздушныя операціи займутъ во всякомъ случаѣ мѣсто, столь видное и почетное, что едва-ли не отъ ихъ исхода будетъ зависѣть общая участь всего боя.

Дѣйствительно, вся развѣдка передъ началомъ столкновенія зависить отъ воздухоплавательныхъ частей, все артиллерійское наблюденіе связано также въ успѣхомъ ихъ работы, ихъ боевое участіе съ сраженіи занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто и, наконецъ, энергичное преслѣдованіе не-

мыслимо въ наши дни безъ ихъ первенствующаго дѣйствія. Положительно нѣтъ ни одной отрасли боя, гдѣ-бы можно было обойтись безъ участія воздухоплавания. Что-же касается маневра, то побѣда здѣсь всецѣло зависитъ отъ предварительной побѣды въ воздухѣ. Право на „движеніе“ получитъ лишь сторона-обладательница такой побѣды, въ то время какъ противнику не останется ничего иного, какъ стараться выиграть время для возможности закопаться въ землю въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Воздушная побѣда, такимъ образомъ, предрѣшаетъ общую: она даетъ неоспоримыя выгоды „огню“, она выдаетъ паспортъ на „движеніе“ и она-же является страшнѣйшимъ врагомъ „позиціи“ и сильнѣйшимъ средствомъ „преслѣдованія“. Слѣдовательно, воздухоплаваніе носитъ въ себѣ квинтэссенцію активности въ современномъ бою, столь необходимой данной для успѣха всякаго маневра.

Уже въ минувшую кампанію воздухоплавательныя части для массоваго дѣйствія сводились въ отряды, дивизионы, эскадрильи и эскадры. Въ будущую кампанію натолкнемся на разработанную тактику массоваго боя воздушной арміи, флота. Непремѣнной рѣшающей частностью подобнаго боя будетъ, конечно, „воздушный маневръ“.

Въ немъ, какъ и въ земномъ маневрѣ, встрѣтимся съ обоими вѣковыми приѣмами рѣшающаго удара, прорывомъ и обходомъ; въ немъ въ степени гораздо большей, чѣмъ на землѣ, обходъ будетъ проще, чѣмъ прорывъ; но въ немъ появится и новый приѣмъ — это „выигрышъ высоты“, который будетъ самымъ страшнымъ орудіемъ пораженія воздушной арміи, такъ какъ это орудіе принадлежитъ только ей, оно ея специальная сила.

Можно сказать, что исходы воздушныхъ сраженій будутъ зависѣть отъ исхода этого маневра въ третьемъ измѣреніи, въ высотѣ. Подобный маневръ сыграетъ рѣшающую роль, тогда какъ на долю прорыва и обхода, маневровъ въ плоскости, останется только вспомогательное значеніе.

Для того-же, чтобы выиграть высоту для цѣлой воздушной арміи придется весь расчетъ строить на способности ея удержатъ за собою преобладающую среднюю скорость, какъ для движенія въ плоскости, такъ и для выигрышанія высоты. Имѣя въ виду разницу въ скоростяхъ разныхъ воздухоплавательныхъ машинъ, имѣющихъ разнообразное назначеніе, потребуется сложная маневренная практика для воздушныхъ силъ, дабы онѣ могли сражаться, не нарушая единства всей массы опредѣленнаго назначенія. По всей вѣроятности и здѣсь придется искать историческихъ прецедентовъ въ морской практикѣ.

Двигаться такая воздушная армия будетъ, какъ это уже было показано выше, въ нѣсколько этажей, въ зависимости отъ назначенія и свойствъ разныхъ отрядовъ, причемъ верхніе монопланы будутъ парить на огромной высотѣ въ 10,000 метровъ.

Въ глубину вся эта масса будетъ эшелонирована также въ зависимости отъ тактическихъ особенностей тѣхъ или иныхъ частей.

Для обезпеченія „увѣренности“ и „безопасности“ движенія и активнаго дѣйствія всей массы по Фошевскому правилу (*sûreté et sécurité*) она будетъ прикрыта авангардами и прочими прикрывающими отрядами и аппаратами, имѣющими также свои эшелоны, причемъ подобное обезпеченіе будетъ необходимо не только въ одной плоскости движенія, но въ нѣсколькихъ, въ зависимости отъ принятаго массовою построенія, а также внизу и, въ особенности, вверху отъ главнаго ядра воздушной арміи.

Ясно, что для взлета такой массы потребуется тщательная подготовка большихъ и многочисленныхъ аэродромовъ, естественный районъ которыхъ „географическіе укрѣпленные районы“, достаточно обширные для этой цѣли.

Въ воздушномъ маневрѣ не исключается, конечно, согласованное маневрированіе двухъ и болѣе массъ, взлетѣвшихъ въ разныхъ районахъ и имѣющихъ общій объектъ пораженія. Подобная комбинація только облегчаетъ общую воздушную операцію и маневрѣ.

Таковы, доступныя воображенію перспективы воздушнаго маневра.

Выше обрисованы тѣ элементы, отъ которыхъ зависятъ современный маневрѣ и возможность его быстрого производства: желѣзнодорожныя и автомобильныя перевозки, десантныя и воздушныя операціи, и все это въ крайне напряженномъ видѣ.

Для фантазіи трудная задача нарисовать картину будущаго маневра въ этихъ новыхъ условіяхъ, а между тѣмъ это совершенно необходимо для того, чтобы увидѣть, хотя бы на воображаемомъ примѣрѣ, взаимодействіе всѣхъ перечисленныхъ элементовъ важныхъ для успѣха рѣшительнаго боя нынѣшней войны.

Поэтому остается взять одинъ изъ бывшихъ, хорошо извѣстныхъ боевъ Великой войны и, соответственно дополнивъ его, на немъ представить желательную идеальную картину.

Возьмемъ для этого опытъ сраженія на Марнѣ въ сентябрѣ 1914 г.

Какъ извѣстно, разворачиваніе французской арміи къ концу этого побѣдоноснаго для нея сраженія было таково, начиная съ праваго фланга къ лѣвому, что арміи стояли по порядку своихъ № №, причемъ у швейцарской границы была 1-я армія, въ районѣ Вердена-Меца въ центрѣ общаго стратегическаго фронта и на правомъ флангѣ войскъ, приминавшихъ непосредственное участіе въ бою — 3-я; исключеніе въ этомъ порядкѣ разворачиванія представляла собою только что образованная 7-я французская армія ген. Фоша, составлявшая центръ войскъ, ведшихъ бой и находившаяся между 4-й и 5-й.

Германскія арміи были развернуты также въ порядкѣ своихъ № № и тоже справа налѣво.

Британская армія послѣ своего пораженія у Шарлеруа отошла къ сѣверу отъ Парижа и представляла собою очень слабую въ моральномъ и въ числительномъ отношеніи боевую единицу.

Ударомъ 6-й арміи, частью подвезенной къ мѣсту боя на р. Уркъ на парижскихъ извозничьихъ автомобиляхъ, первый историческій примѣръ автомобильнаго маневра, а также согласованною атакою Британской и 5-й армій, удалось сокрушить лишь крайнее правое крыло германцевъ, ихъ 1-ю армію и частью сосѣдную вторую. Расширить разгромъ далѣе по направленію къ ихъ лѣвому крылу не удалось. Этому помѣшалъ не недостатокъ доброй воли, а отсутствіе техническихъ средствъ и приемовъ.

Что было-бы, если-бы уже во время Марнскаго боя эти приемы и эти средства не были неожиданными?

Какъ извѣстно Марнскій маневръ готовился уже давно, тотчасъ-же послѣ проигрыша пограничнаго столкновения. Казалось-бы съ этого-же времени слѣдовало-бы считать и тотъ срокъ, который былъ необходимъ для полнаго сосредоточенія силъ, достаточныхъ для выигрыша генеральнаго сраженія. Общій планъ его началъ выработываться въ началѣ двадцатыхъ чиселъ августа и окончательно вылился въ опредѣленную форму маневра лѣвымъ крыломъ къ 25 августа¹⁾. Сначала, какъ извѣстно, остановились на линіи разворачиванія для боя на линіи Верденъ-Лаонъ-С. Кантенъ, а затѣмъ отнесли ее къ Парижу, на Марну. Слѣдовательно, до начала сраженія оставалось 13 дней, т. е., почти двѣ недѣли на предварительныя передвиженія для перегруппировокъ войскъ, если считать до начальнаго дня боя (6 сентября) и болѣе того, если считать до его заключительнаго дня, къ которому могли прибыть послѣдніе резервы для расширенія зоны пораженія нѣмцевъ. Срокъ, совершенно достаточный для пе-

¹⁾ Joffre, 44

ребросокъ силъ изъ наиболѣе отдаленныхъ раіоновъ французскаго фронта.

Съ другой стороны со времени начала военныхъ дѣйствій прошло къ началу сраженія уже около мѣсяца времени. Срокъ, который позволилъ всѣ пассивныя участки фронта путемъ фортификаціоннаго усиленія, превратить въ неприступную крѣпость, не нуждающуюся въ сильномъ гарнизонѣ и способную оказать продолжительное сопротивление даже превосходящимъ ихъ числомъ силамъ германцевъ. Такимъ „укрѣпленнымъ географическимъ раіономъ“ могъ естественно сдѣлаться раіонъ четырехъ крѣпостей Бельфоръ-Эпиналь-Туль-Верденъ, для обороны котораго, при этихъ условіяхъ, не требовалось болѣе одной арміи. Другая изъ находившихся здѣсь (напр. 1-я) могла освободиться для направленія къ Парижу къ боямъ на р. Уркъ съ цѣлью расширения германскаго разгрома. Время для этого было вполне достаточное.

Для этой перевозки понадобились-бы и желѣзнодорожныя эволюціи и автомобильный маневръ въ обширныхъ размѣрахъ.

Но на этомъ не можетъ остановиться фантазія. Она должна работать до конца.

Представимъ себѣ, что англичане послушали-бы своего военнаго прозорливца маршала Китченера ранѣе, еще до объявленія войны, и прибѣгли-бы къ всеобщей воинской повинности для организациі своей вооруженной силы еще въ мирное время. При этомъ условіи у нихъ ко времени сраженія на Марнѣ имѣла полную возможность образоваться вторая армія.

Если даже оставить неизмѣнной данную о пораженіи англичанъ подъ Шарлеруа, появленіе новой британской арміи, по производствѣ ею „десантнаго маневра“ гдѣ — нибудь въ раіонѣ пролива и „желѣзнодорожнаго и автомобильнаго маневра“ уже на территоріи Франціи съ общимъ направленіемъ на правый флангъ нѣмцевъ въ періодъ сраженія на Марнѣ, могло превратить побѣду союзниковъ въ полный и окончательный разгромъ нѣмцевъ съ оставленіемъ ими территоріи Франціи. Дѣйствительно, что нѣмцы могли противопоставить четыремъ обходнымъ арміямъ союзниковъ (1-я, 5-я, 6-я и британская)? Ничего, кромѣ побитыхъ 1-й и 2-й?

Если-бы, къ тому-же, воздушныя силы имѣли уже то развитіе, которое оказалось необходимымъ для современной войны, если-бы онѣ могли обезпечить массовое дѣйствіе, то операція преслѣдованія могла-бы развиваться въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которые обычно вызываютъ панику у отступающаго.

Это не критика сраженія на Марнѣ, представляющаго собою высочайшій образецъ маневреннаго боя, а лишь игра фантазіи, необходимая для конкретнаго поясненія всего того, что выше сказано о будущемъ маневра. Фантазія внѣ рамокъ дѣйствительнаго случая была-бы не столь убѣдительна и не столь показательна.

Что-же можно усмотрѣть на этомъ передѣланномъ примѣрѣ Марнскаго сраженія?

Прежде всего расширение, его напряженіе и ускореніе передвиженій войскъ, принимающихъ участіе въ бою, долженствовавшемъ увѣнчать побѣду.

Словомъ, по Наполеоновскому принципу, крайняя энергія движеній какъ залогъ возможности на рѣшительномъ пунктѣ въ рѣшительную минуту, неожиданно для противника сосредоточить превосходныя силы: „Les gros bataillons ont toujours raison“.

Для того, чтобы воскресить основательно забытую въ теченіе минувшей долгой позиціонной войны быстроту движенія, а съ нею и энергію ударовъ путь одинъ: черезъ все могущество современной техники. Побѣда не „въ ногахъ солдата“, какъ то было въ старину, а въ техникѣ. Для нея нужны силы, превосходящія обыкновенныя физическія силы человѣка, нужны силы интеллекта, мозга, а это опять таки техника. Въ ней и только въ ней разгадка загадки о скорости современныхъ маршей и о сокрушительности ударовъ, отъ которыхъ уже нельзя оправиться.

При налаженности и совершенствѣ техники въ указанныхъ размѣрахъ „масса“ утрачиваетъ свое значеніе передъ „качествомъ“ системы, такъ какъ только оно предотвращаетъ кордонность войны и обезпечиваетъ „les gros bataillons“.

Мало того, „масса“ и исключительная о ней забота вызвала не только кордонную войну 1915—1918 г. г., но и отучила войска отъ маневрированія. Войска привыкли сидѣть въ окопахъ и не привыкли двигаться. У нихъ за сложностью спеціально-окопной науки, просто не оставалось ни времени, ни возможности заняться нелегкимъ отдѣломъ обученія маневру въ полевомъ масштабѣ. Были прижиты навыки очень вредныя для поля.

Такъ, во французскихъ войскахъ дѣйствовавшихъ въ 1918 г. на югѣ Россіи и въ Румыніи раздѣленіе боеваго порядка примѣнялось по правиламъ окопной войны: секторы и пр., хотя никакихъ укрѣпленныхъ позицій въ данномъ районѣ дѣйствій не имѣлось. Такова сила шаблона въ поведеніи и обученіи войскъ.

Не имѣли необходимой полевой маневренной практики въ современномъ значеніи этого слова, начальники, особенно большихъ массъ. Маневры такихъ массъ въ мирное время

очень рѣдки, каждому изъ начальниковъ не хватаетъ самаго главнаго, повторности въ ихъ маневренной практикѣ.

Выдвинувшіеся во время кампаніи начальники всю свою карьеру сдѣлали въ окопахъ. Значитъ, ни современныя войска, ни современные начальники не на высотѣ нынѣшняго маневра, сущность котораго не „масса“, а „скорость“ движенія при помощи техники.

Наполеоновская быстрота маневра возродится только черезъ современный транспортъ, а воздушныя силы будутъ разносить по нынѣшнему необъятному полю сраженія, подобно наполеоновской конницѣ, разгромъ, пораженіе и панику.

ГЛАВА IX.

Гражданская война.

Народная война, т. е. участие въ регулярныхъ военныхъ дѣйствіяхъ народной массы, не принадлежащей къ составу вооруженныхъ силъ страны, подъ вліяніемъ условий, выдвинутыхъ общей воинской повинностью, сдѣлалась невѣроятной. Дѣйствительно, можетъ-ли населеніе, отдавшее все годное для войны въ ряды арміи, найти въ себѣ силы и элементы, способные, въ случаѣ крайности, съ оружіемъ въ рукахъ стать на защиту своей родины по образцу того ополченія, которое Гамбеттѣ удалось образовать во Франціи въ 1870-71 г. г. Если передъ послѣдней войною этотъ вопросъ оставался открытымъ и насчетъ него можно было быть двухъ мнѣній, то теперь, когда выяснилась вся утомительность современной вооруженной борьбы при ея необыкновенной длительности, при вызываемомъ ею напряженіи всего экономическаго аппарата страны, при растратѣ всѣхъ естественныхъ богатствъ государства доведенной до возможнаго предѣла, на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Обезкровленное, обѣднѣвшее, обезлюдѣвшее, усталое государство не сможетъ дать ни партизанъ, ни франъ-тиреровъ во имя борьбы параллельной съ дѣйствующей арміей и по одному съ нею направленію. Самые идеалы внѣшней борьбы, начатой государствомъ, путемъ пораженій, испытанныхъ регулярной арміей, начинаютъ вянуть и терять свое значеніе боевыхъ стимуловъ для народной массы. Она извѣривается въ нихъ и начинаетъ искать новыхъ во имя спасенія положенія.

Этотъ моментъ наиболѣе благоприятенъ для вождей оппозиціоннаго направленія, жаждущимъ придти къ вліянію или даже къ власти. Именно такъ, какъ извѣстно, началась патріотическая кипучая дѣятельность Гамбетты, именно такимъ-же образомъ приступило къ своей работѣ и русское временное правительство. Если поль-вѣрка тому назадъ Гамбетта могъ сравнительно легко найти многочисленныя молодыя силы среди населенія способныя для борьбы, если онъ могъ при этомъ, опереться на огненный патріотизмъ главной массы населенія Франціи и найти нетронутыя войною богатства страны, то въ наше время вѣроятія такого народнаго подъема возможны только во имя идей, противополож-

ныхъ тѣмъ, ради которыхъ была начата внѣшняя война, идей бурнаго протеста, часто идей разрушительныхъ, предпринятыхъ для осуществленія борьбы классовъ. Если Гамбетта, также огненный протестантъ, могъ довольствоваться провозглашеніемъ ниспроверженія существовавшего императорскаго режима, какъ единственнаго виновника французской катастрофы, то въ наше время народоправства и демократіи такимъ виновникомъ можетъ явиться только правящій классъ населенія и представляющія его политическія партіи. Понятно поэтому направленіе народнаго гнѣва именно противъ нихъ, а не противъ личностей, или вѣрнѣе говоря не только противъ личностей политическаго значенія и вліянія.

На этой почвѣ народная война вполне возможна и въ наше время. Но это означаетъ гражданскую войну. Въ странахъ цивилизованныхъ по современному только подобная разновидность народной войны осуществима. Все прочее — утопія.

Въ Россіи, еще незадолго передъ Великой войной, подъ вліяніемъ славныхъ преданій 1812 г. было много сторонниковъ возможности партизанской борьбы одновременно съ дѣйствіями регулярной силы. Культивировался планъ возникновенія такихъ операцій въ лѣсисто-болотистомъ районѣ Полѣсья, разрѣзавшемъ надвое фронтъ противника, вторгнушагося въ предѣлы Россіи. Имена Фигнера, Сеславина, кн. Вадбольскаго, Василисы—Старостики, со своими отрядами и бандами, работавшими на сообщеніяхъ французской арміи въ 1812 г., были на устахъ такихъ сторонниковъ партизанщины. Забывалось при этомъ нѣсколько данныхъ современной обстановки, рѣзко отличныхъ отъ александровской эпохи: тогда не было поголовной воинской повинности; тогда помѣстный классъ, владѣя полной властью на мѣстахъ, могъ дать необходимые кадры и осмысленный порывъ и организацію движенію; въ то время война была скоротечна и не успѣвала разрушить благосостоянія страны до его основаній. Но и при этихъ условіяхъ, роль народной войны въ кампанію 1812 г. приходится считать сильно преувеличенной изъ — за желанія, впрочемъ, совершенно почтеннаго, старательно оттѣнить важность народнаго порыва въ исполинской борьбѣ.

Въ дѣйствительности партизаны сыграли роль гораздо менѣе значительную, чѣмъ принято думать. Они вошли въ дѣло уже тогда, когда въ сущности исходъ борьбы былъ предрѣшенъ, когда армія Наполеона уже бѣжала по Смоленской дорогѣ безъ оглядки и когда приходилось, часто голыми руками, забирать полузамерзшихъ плѣнныхъ въ любомъ количествѣ. Практически работа партизанъ была невелика, но, конечно, она была неизмѣримо велика психологи-

чески: отечеству, противнику и всему свѣту она говорила о чувствахъ всего поруганнаго русскаго народа и создавала соотвѣтствующія настроенія по отношенію къ Россіи, настроенія опасливыя, увѣренныя или уважительныя, въ зависимости отъ того, исходили-ли они отъ враговъ, своихъ или нейтральныхъ.

Это было тѣмъ болѣе важно, что, къ сожалѣнію, даже и въ отечественную войну, въ эту эпоху высокаго патриотическаго подъема, не всегда все обстояло благополучно по этой части. Это станетъ особенно яснымъ, если припомнить „Богучаровскихъ мужиковъ“ въ „Войнѣ и Мирѣ“, тѣхъ мужиковъ, которые въ пришествіи Наполеона склонны были увидѣть, по своему невѣжеству, близкое исполненіе своихъ затаенныхъ желаній о личной свободѣ. Классическое „и подь нимъ жить можно“, какъ видно, имѣетъ по крайней мѣрѣ столѣтнюю давность.

Наполеонъ, знатокъ психологіи массъ, отлично понималъ трудность операціи подъема народнаго духа во имя партизанской борьбы или *levée en masse* послѣ утомительной внѣшней войны, взявшей отъ народа всѣ его силы и всѣ его соки. Когда въ 1814 г., подь влияніемъ близкой угрозы Парижу, одинъ изъ маршаловъ предложилъ императору объявить *levée en masse* во имя спасенія отечества, Наполеонъ рѣшительно отвергъ этотъ планъ, нежизненный и неисполнимый: пролилось уже слишкомъ много крови, израсходовалось слишкомъ много средствъ на веденіе непрерывной почти тридцати-пятилѣтней войны, чтобы найти и новый духъ, и обновленныя силы для возобновленія народной борьбы.

Революціонные идеалы, вздымавшіе массы въ первую половину этихъ исполинскихъ народныхъ движеній потускнѣли, имперіалистическій порывъ второй половины потухъ въ горестныхъ разочарованіяхъ послѣдняго времени, а новыхъ агрессивныхъ идей не было, не народилось. Въмѣсто нихъ, подь влияніемъ аболіи массъ, обнаружилось одно стихійное желаніе покоя цѣною какихъ-бы то ни было жертвъ.

Наполеонъ понималъ, и высказалъ это, что для организаціи народной войны въ этотъ періодъ у него не было необходимыхъ для нея „кадровъ“: дворянство и духовенство, въ свое время сумѣвшіе поднять Вандею, были аннулированы революціей, а революціонные вожди эволюціонировали и никакъ не замѣнены.

Обязанный своей удивительною карьерой точности и практичности расчетовъ, императоръ безъ дальнихъ размышленій отказался безъ утопій, которую ему предлагалъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ его сотрудниковъ.

Тѣмъ болѣе удивительно заблужденіе Людендорфа въ томъ-же вопросѣ. Когда въ 1918 г. онъ почувствовалъ начало моральнаго разложенія въ рядахъ арміи, правильно

приписывая его отраженію такого-же процесса въ тылу, внутри Германіи, Людендорфъ задался цѣлью организовать подъемъ духа населенія страны. Съ этою цѣлью онъ усилилъ свои настоянія, начатыя еще значительно ранѣе, о томъ, чтобы государственный канцлеръ принялъ соотвѣтствующія мѣры. На основѣ подобнаго подъема Людендорфъ мечталъ устроить всенародное ополченіе. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ, между прочимъ, съ досадою пишетъ: „Послѣ столькихъ писаній и настояній должно-ли было верховное командованіе надѣяться, что правительство сдѣлаетъ *levée en masse*? Были-ли надежды на успѣхъ? Долгъ командованія былъ не терять болѣе времени, оставаясь въ бездѣйствіи и тратя пустыя слова...“ И затѣмъ Людендорфъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Нужно было-бы продолжать борьбу, какъ-бы она трудна ни была; можетъ быть возможно было-бы правительства и народы (Четвернаго союза. Авт.) привести къ героическимъ рѣшеніямъ, если-бы увидѣли, наконецъ, что было поставлено на карту Германіей въ этой борьбѣ. Именно съ этой точки зрѣнія я не могъ покинуть надежды увидѣть страну въ новомъ порывѣ... Въ этомъ не было ничего утопическаго“, утверждаетъ Людендорфъ¹⁾, и въ этомъ своемъ утвержденіи рѣзко расходится со своимъ учителемъ Наполеономъ.

Конечно, онъ не могъ не сознавать, что его мечта получила осужденіе на практикѣ и не могъ не чувствовать необходимости объяснить это расхожденіе. Вотъ его объясненіе.

„Я думаю еще и теперь, что призывъ къ странѣ не отозвался-бы въ ней. Не взирая на четыре года войны, не было еще установлено достаточной ясности въ понятіяхъ о природѣ этой войны;... правительство и народъ не понимали еще ужасной серьезности положенія; противникъ не разоблачилъ еще своихъ намѣреній насъ уничтожить“²⁾. Въ этой исповѣди Людендорфа все станеть болѣе понятнымъ и болѣе связаннымъ съ дѣйствительностью, если слова „не взирая“ замѣнить словомъ „вслѣдствіе“ и если „еще“ замѣнить выраженіемъ „уже“. И правда, драма войны во всей своей серьезности уже развернулась къ четвертому году войны; массы уже поняли, что война бьетъ по каждому человеку воюющихъ сторонъ, по каждому самому скромному уголку ихъ странъ; для всѣхъ и каждого уже стало ясно, что продлить вооруженную борьбу еще долѣе, — это значитъ привести къ тому положенію, которое знаменуется общею міровою катастрофой сначала экономической, а затѣмъ и всякой другой. Странно, что Людендорфъ, такой знатокъ войны, упускалъ изъ виду то, что массы сознавали своимъ инстинктомъ. Еще болѣе странно, что онъ, специалистъ воен-

¹⁾ Стр. 343—344.

²⁾ 356—357, Курсивъ нашъ. Авт.

енной науки, забыль про то, что еще никогда народная война не обеспечивала конечной побѣды при начавшемся уже моральномъ разложеніи регулярной силы, постепенно, къ тому-же превратившейся, что констатируетъ и самъ Людендорфъ, въ милицію или полумилицію.

Блуждая въ своихъ противорѣчивыхъ упованіяхъ на народную войну, Людендорфъ съ горестью произноситъ слѣдующій смертный приговоръ своимъ надеждамъ: „Моральный упадокъ народа и арміи не могъ болѣе быть скрывается передъ ними“ (созниками Согласія. Авт.) „Условія были иныя, чѣмъ въ 1870-71 г.¹⁾“. Однако, ссылаясь на обратившую въ свое время вниманіе статью Вальтера Ратенау въ „Vossische Zeitung“ о „levée en masse“ Людендорфъ, упрямо вмѣстѣ съ авторомъ этой статьи, вновь возвращается къ своимъ несбыточнымъ иллюзіямъ и пишетъ: „Еще была сила и энергія въ народѣ; нужно было помочь имъ обнаружиться. Были же люди, которые вмѣстѣ со мною думали, что, несмотря на все сдѣланное имъ, германскій народъ можетъ дать больше. Досадно, что не выявили этихъ идей ранѣе.“¹⁾

Никакой народъ послѣ утомительной современной длительной войны, разочаровавшись въ ея идеалахъ, не можетъ дать больше того, что онъ уже далъ, такъ какъ нынѣшняя массовая армія, доведенная до высшаго своего разворачиванія, и есть такое всенародное ополченіе (levée en masse), о которомъ и думать не смѣлъ самъ его создатель Лазарь Карно. Разъ это ополченіе потеряло вѣру въ свое дѣло, разъ его жертвы превосходятъ предѣлы терпимаго, возможнаго и переносимаго и разъ превзойдены границы напряженія производительныхъ силъ страны, откуда взять энергію для новой борьбы во имя стараго идеала? Это наиболѣе благоприятный моментъ для выступленія на арену активной дѣятельности Лениныхъ и К-о уже во имя новыхъ, демагогическихъ идеаловъ, для которыхъ удобнѣйшій путь ведетъ черезъ разрушеніе, для коихъ конечныя цѣли не нуждаются въ связи ихъ съ реальной существующей дѣйствительностью, и которымъ, поэтому, нѣтъ никакого дѣла до послѣдней. Это тотъ психологическій моментъ, когда современная, такъ называемая, регулярная армія, путемъ войны лишенная своихъ кадровъ мирнаго времени, снабженная черезъ войну кадрами, своимъ прошедшимъ ей враждебными, и укомплектованная „массою“, утомленною борьбою на фронтѣ, жадною до всякихъ обѣщаній о прекращеніи „бойни“ во имя ненавистныхъ и наскучившихъ идеаловъ, готова пойти за всякимъ, кто броситъ въ нее наиболѣе заманчивые лозунги съ ничѣмъ не оправдываемыми обѣщаніями о легкости ихъ осуществленія. Чѣмъ проще и примитивнѣе по грубости бу-

¹⁾ 362.

детъ такая лещь толпѣ (а въ это время армія психологически мало чѣмъ отличается отъ толпы), тѣмъ вѣрнѣе обезпечень ей успѣхъ. Въ этотъ моментъ армія напоминаетъ то неустойчивое соединеніе кислорода и водорода, которое даетъ при взрывѣ гремучій газъ. Колба, сдерживавшая оба газа, должна разлетѣться вдребезги. Именно такъ погибла русская армія. Именно такъ, если только будутъ подходящія политическія обстоятельства, погибнуть и всѣ остальные масовыя арміи.

Но при своей гибели онѣ оставляютъ ячейки для организациі народной войны, и этотъ типъ народной войны, вызванный къ жизни современной военной системой, нужно считать самымъ нормальнымъ для нашей тревожной эпохи, когда черезъ гибель регулярной силы и часто черезъ крушение всей государственной организациі, вспыхиваетъ искра народнаго гнѣва, ищущаго военной своей сплоченности въ рядахъ новаго ополченія типа Красной арміи.

Откуда берется новая энергія для новой борьбы? Откуда берутся для нея силы, когда, казалось-бы внѣшняя война взяла ихъ всѣ полностью? Вотъ вопросы, отвѣты на которые нужно искать въ психологической сторонѣ дѣла.

Поэтому обратимся къ изученію того перерожденія нравственности массъ и индивидуумовъ, которое совершается войною. Тогда сомнѣнія, рождаемыя этими двумя вопросами быстро разсѣиваются, и все становится яснымъ. Неопровержимо, что война рождаетъ много новыхъ моральныхъ цѣнностей.

„Безъ сомнѣнія, она развиваетъ нѣкоторыя качества, оставшіяся неиспользованными въ мирное время: храбрость, сопротивленіе передъ опасностью, безраздѣльную преданность общему интересу и проч.

Но ясно также, что она совершенно опрокидываетъ старую шкалу цѣнностей. Все, что пользовалось уваженіемъ, прекращаетъ имъ пользоваться. Убивать и разрушать становится повелительной необходимостью, и солдатъ тѣмъ болѣе цѣненъ, чѣмъ онъ больше убиваетъ и разрушаетъ.

Такіе необходимыя въ результатѣ призываютъ къ жизни жестокіе инстинкты первобытныхъ временъ, для подавленія которыхъ такъ много труда потратила цивилизациа. Чужая жизнь, нѣкогда уважаемая, кажется пустякомъ человѣку, обязанному убивать каждый день, чтобы не быть убитымъ самому. Древнія войны имѣли послѣдствія менѣе губительныя, чѣмъ современныя. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ отнимали только ничтожное количество бойцовъ и, вслѣдствіе трудности сообщеній, ограничивали свое раззореніе лишь наименьшей частью странъ вторженія. Остальная часть націи не страдала отъ него и часто даже не вѣдала о немъ.

Кромѣ того эти войны были гораздо менѣ смертоносны, чѣмъ новѣйшая борьба. Конечно, случалось жителямъ побѣжденнаго города быть вырѣзанными поголовно, но дѣти, женщины, а также памятники, избѣгали гибели вообще, съ окончаніемъ варварства.

Въ современныхъ столкновеніяхъ ничто не щадится, ни ни дѣти въ колыбели, ни старцы на краю могилы, ни старинные храмы, которые были уважаемы тысячелѣтіями воинскихъ бурь.

Согласно своихъ философскихъ теорій германцы считали себя въ правѣ все разрушать. Одинъ изъ ихъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ Гекель объявилъ начисто, что... принципы братства, свободы и равенства должны быть замѣщены закономъ, который управляетъ животнымъ царствомъ, т. е., неумолимою борьбою, не оставляющей права жизни, какъ только сильнымъ.

Съ такими теоріями, все что составляло нѣкогда моральный багажъ цивилизаціи, человѣчность, покровительство слабымъ, уваженіе къ слову и къ договорамъ теряетъ свое обаяніе.“¹⁾

„Однако погибаетъ не только нравственность въ отношеніяхъ между народами, но также... и между гражданами каждаго народа. Броня морали болѣе или менѣе поколеблена вездѣ. Мы присутствуемъ нынѣ при настоящемъ упадкѣ нравственности.“²⁾

Доказывая положенія настоящей главы, было-бы напраснымъ трудомъ приводить примѣры, столь многочисленныя однако, изъ русской печальной дѣйствительности. Не взирая на ихъ разительное краснорѣчіе, они потеряли свою силу убѣдительности по двумъ причинамъ: вслѣдствіе того, что они „примелькались“, и потому также, что русскую нынѣшнюю жизнь принято считать исключеніемъ изъ правила среди культурнаго міра.

Гораздо убѣдительнѣе будутъ примѣры западно-европейской жизни, которая теперь проходитъ подготовительный свой стажъ на пути къ тѣмъ-же окончательнымъ выводамъ, крайнее осуществленіе которыхъ уже узнала Россія.

Д-ръ Ле-Бонъ приводитъ рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ изъ жизни въ Германіи и во Франціи послѣ войны.³⁾ Что касается первой, то, опираясь на свидѣтельство одного виднаго журнала, онъ указываетъ прежде всего на небрежность въ службѣ разныхъ общественныхъ учреждений. Въ

¹⁾ Le Bon, „La Psychologie des Temps Nouveaux“, 38—39.

²⁾ Idem, 39—40.

³⁾ Idem, 40—41.

странѣ, гдѣ аккуратность была возведена въ правило ежедневной жизни, все въ силу какой-то болѣзненной воли стало вершиться кое-какъ: поѣзда, почта, телефоны и проч. потеряли точность своей работы.

Въ то-же время безнравственность возрасла въ ужающихъ размѣрахъ. Воровство вошло въ обыкновеніе. Въ вагонахъ, въ ресторанахъ, въ гостинницахъ вещи пассажировъ и посѣтителей не обезпечены отъ похищенія. Преступность увеличилась въ фантастическихъ размѣрахъ. Лишенія и голодъ вызвали замѣтное возрастаніе убійствъ съ цѣлью ограбленія, часто сопровождаемыхъ признаками садизма. Словомъ, событія послѣдней войны оставили въ обыденной жизни глубокой слѣдъ въ видѣ кореннаго нарушенія всѣхъ общепринятыхъ до войны основъ законности и порядка.

Такая эпидемія безнравственности въ массахъ народныхъ не можетъ не отразится на событіяхъ болѣе широкаго государственнаго значенія. Въ наше время бурныхъ и страстныхъ переживаній послѣ войны, когда всевозможные интересы народовъ и классовъ одного и того-же народа находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи, когда международные трибуналы всевозможныхъ названій не могутъ справиться съ противорѣчьями текущей жизни міра, напоръ слоевъ населенія, наиболѣе развращенныхъ и активныхъ, представляетъ собою силу, которую нужно имѣть въ виду и съ которой необходимо считаться.

Явленія того-же порядка наблюдаются и во Франціи. Хищенія желѣзнодорожныхъ службъ, согласно цифровыхъ данныхъ министерства общественныхъ работъ, дошли до небывалыхъ размѣровъ. Въ то-же время производительность труда по авторитетному свидѣтельству Нобльмера, главы администраціи ж.-д. линіи Парижъ-Лионъ-Средиземное море, упала свыше, чѣмъ на 40%. То-же показаніе говоритъ о плохихъ гражданахъ, которые систематически организуютъ уменьшеніе производства, потому что они видятъ въ этомъ продолженіе революціи.⁽¹⁾

„Общее пониженіе нравственности поразительно также въ коммерческомъ мірѣ. Пришлось устроить особый трибуналъ для преслѣдованія барышниковъ, желавшихъ осущестлять невѣроятныя прибыли. Одинъ журналъ опубликовалъ общую цифру мошенниковъ и спекулянтовъ, подвергшихся преслѣдованію и наказанныхъ въ 1919 г. Она въ одномъ только городѣ Парижѣ достигаетъ 3736.

Это пониженіе нравственности обыкновенно слѣдуетъ... за большими соціальными переворотами, особенно войнами, исполненными крушенія моральныхъ цѣнностей.

¹⁾ Idem, 40.

„Но еще и другія причины нынѣшней деморализаціи заслуживаютъ быть отмѣченными. Среди наиболѣе активныхъ нужно особо отмѣтить необыкновенное увеличеніе заработной платы. . . Благодаря этому огромному подъему заработной платы всѣ покупочныя возможности вдругъ перемѣстились въ руки рабочихъ. Но такъ какъ количество товаровъ было ограниченнымъ, получился огромный подъемъ цѣнъ и, какъ слѣдствіе этого быстрое уменьшеніе возможности пріобрѣтенія валюты. Вслѣдствіе всѣхъ этого другіе классы, испытывая обѣдненіе, атаковали правительства требованіями, и пришлось увеличить всѣ заработныя платы и оклады“.²⁾

Одновременное сокращеніе рабочаго дня до восьми часовъ вызвало страшное уменьшеніе производства въ тотъ именно моментъ, когда всѣ промышленныя предпріятія вынуждены были начать уплату утроенныхъ и учетверенныхъ окладовъ заработной платы рабочимъ и прочему личному составу. Съ цѣлью увеличить работу предпріятія увеличили рабочую силу съ рискомъ огромныхъ дефицитовъ, съ непомѣрнымъ возрастаніемъ стоимости фабрикатовъ и ихъ доставки на мѣста сбыта, особенно имѣя въ виду и разстройство всего транспорта вслѣдствіе общаго экономическаго кризиса.

Государство, чтобы выйти изъ минутныхъ затрудненій стало все чаще и чаще прибѣгать къ усиленію выпуска бумажныхъ денегъ и, слѣдовательно, къ ихъ обезцѣнванію на иностранномъ рынкѣ. А это въ свою очередь вызвало обезцѣненіе вывоза, основы богатства каждой страны, и непомѣрное вздорожаніе ввоза необходимыхъ предметовъ, т. е. уплату постоянной контрибуціи странамъ-поставщикамъ.

„Но это были только чисто матеріальные результаты. Ихъ отраженіе на пониженіи нравственности обнаружилось много болѣе грознымъ.

Въ то время какъ возрастала заработная плата, вкусъ къ роскоши и отвращеніе къ труду увеличивались въ огромной пропорціи . . .

Это былъ бѣгъ къ обогащенію, начиная небольшими коммерсантами и до болѣе крупныхъ; бѣгъ тѣмъ болѣе опасный, что по мѣрѣ того, какъ цѣны за предметы возрастали, рабочіе требовали новыхъ увеличеній платы, которая не дѣлала ничего иного, какъ увеличивала еще цѣну товаровъ и прибылей посредниковъ.

По мѣрѣ того, какъ распространялся вкусъ къ роскоши, вкусъ къ труду исчезалъ съ каждымъ днемъ . . .

Интересно установить, что аналогичное пониженіе нравственности, подъ вліяніемъ внезапнаго избытка богатствъ,

²⁾ Idem, 41—42.

наблюдалось, когда, при старой монархіи, система Лоу наводнила Парижъ потопомъ банковскихъ билетовъ . . . Въ результатъ было общее пониженіе нравственности и напряженное стремленіе дѣлать состояніе безъ труда. Тогда, какъ и теперь, каждый выпускъ банковскихъ билетовъ соотвѣтствовалъ новому уменьшенію труда и новой жаждѣ утѣхъ“¹⁾.

На этой нездоровой почвѣ всеобщей лѣности и вкуса къ роскоши и неумѣренности появились современный классъ „новыхъ богачей“, оплата ручнаго труда по тарифу болѣе дорогому, чѣмъ трудъ мозговой, недостаточность производства и его дороговизна, вѣдущія, въ свою очередь, къ страшному вздорожанію продуктовъ питанія. Это послѣднее вздорожаніе обѣщаетъ сдѣлаться еще болѣе значительнымъ послѣ того, какъ будетъ приведено въ исполненіе (если только это случится) предложеніе Альбера Тома на конференціи труда при Лигѣ Націй въ Женевѣ о восьмичасовомъ трудѣ для сельскихъ рабочихъ. Тогда и сельскій трудъ будетъ вовлеченъ социалистами въ ту струю неисходной переменяющейся борьбы за оплату, которая до сей поры вызвала къ жизни только одно условіе: вздорожаніе быта, идущее впереди платы за трудъ.

Для вождей социализма этотъ выводъ разумѣется не составляетъ секрета, но онъ не доступенъ пониманію массъ, и этимъ подобные демагоги пользуются весьма умѣло, желая вовлечь въ борьбу не только рабочихъ фабрики, но и полевыхъ. Разжигаются аппетиты. Во всѣхъ классахъ требовательность превосходитъ трудъ. Нравственные устои колеблются. Громко провозглашается переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Такъ какъ старые навыки морали потеряли свое обаяніе на душу толпы, простая честность сдѣлалась исключительною добродѣтелью.

Государство одно сохраняетъ нѣкоторый престижъ, такъ какъ оно имѣетъ за собою власть; но эта власть съ каждымъ днемъ все болѣе колеблется. Матеріальныя силы, не владѣя моральными элементами для своей опоры, никогда не держатся очень долго.

Если нынѣшнее ослабленіе нравственности будетъ продолжаться углубляться, вскорѣ обнаружится, во что обратится общество лишенное этой опоры, управляемое единственно аппетитами и не терпящее болѣе стѣсненій“²⁾.

Основное слѣдствіе войны — созданіе массы недовольныхъ при ограниченномъ количествѣ удовлетворенныхъ: это лишь новые богачи. Недовольные дѣлятся на двѣ половины организованные (рабочіе) и неорганизованные (всѣ прочіе).

¹⁾ Jdem, 43, 44, 45.

²⁾ Jdem, 43, 44, 45, 46.

Къ организаціи главной массы второй категоріи, крестьянъ, какъ мы видѣли выше, уже приступлено путемъ попытки введенія для нихъ тѣхъ-же трудовыхъ нормъ, какъ и для рабочихъ. Если это удастся провести, то останется необъединенной лишь интеллигенція. Примѣръ Россіи ясно говоритъ, къ чему ведетъ такая неорганизованность. Она приводитъ естественнымъ путемъ къ ее подчиненной роли въ тѣхъ бурныхъ внутреннихъ событіяхъ, которыя стараются вызвать наиболѣе активные вожди и партіи социализма. Поэтому-то вездѣ, какъ это случилось и въ Россіи, интеллигенція въ этихъ событіяхъ будетъ играть пассивную, служебную роль. Она будетъ лишь орудіемъ въ рукахъ рабочаго пролетаріата.

Недовольными не ограничивается контингентъ опасной массы, рожденной войною. Не менѣе грозны также массы людей развращенныхъ, какъ самую войною, такъ еще въ большей степени условіями каждодневнаго существованія послѣ нея.

Вслѣдствіе огромнаго наличія этихъ двухъ категорій недовольныхъ и развращенныхъ „никогда, пишетъ одинъ швейцарскій журналъ, не присутствовали при такомъ развитіи соперничающихъ домогательствъ и непримиримаго эгоизма: эгоизма національнаго, эгоизма классоваго и эгоизма личнаго“¹⁾).

Вождямъ внутреннихъ потрясеній эти три сорта эгоизма какъ нельзя болѣе на руку. Национальный имъ нуженъ для поддержанія не утихающей внѣшней войны и для разжиганія международныхъ трений, какъ вѣрнѣйшій залогъ для продленія того порядка вещей, который лучше всего обезпечиваетъ безпорядокъ. Классовый и личный имъ необходимъ для того чтобы, пользуясь ими, создать свою будущую дружину для веденія наступленія на существующее государство съ оружіемъ-ли въ рукахъ или иными средствами, „словомъ, дѣломъ или помышленіемъ“.

„Можно судить о ихъ настоящемъ состояніи умовъ по слѣдующей программѣ конгресса (французскихъ) желѣзно-рожниковъ, представленныхъ однимъ изъ вліятельныхъ его членовъ . . . Мы должны, прежде всего, быть разрушительными организмомъ. Разрушайте, мы возстановимъ потомъ... Диктатура пролетаріата вдохновляется идеями освободительнаго коммунизма, т. е. прямого дѣйствія²⁾“. Собраніе, на которомъ былъ сдѣланъ этотъ докладъ, разошлось при крикахъ: „Да здравствуетъ социальная революція“.

Это открытая проповѣдь классовой ненависти, той ненависти, доступъ которой въ ряды современной арміи совѣтъ не закрыть. Обратно, она чрезвычайно къ ней чувствительна.

¹⁾ Idem, 198.

²⁾ Idem, 182.

Приведенныхъ примѣровъ, думается, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, что вспышка народной войны въ наше время возможна только въ формѣ „протеста“, и этотъ протестъ противъ не только существующихъ правительствъ, но и противъ нынѣшняго общества, найдетъ въ себѣ новыя силы для борьбы, не взирая на утомленіе внѣшнею войною, вѣрнѣе именно вслѣдствіе этого утомленія. Натянутые нервы народной толщи просятъ исхода въ легкой работѣ раздраженія, въ разрушеніи.

Вотъ когда современная полумилиціонная армія окажется ненадежной въ рукахъ власти. Не чуждая никакимъ дуновениямъ народнымъ, она не будетъ чужда и тѣмъ, которыя будутъ звать ее по пути вандализма и варварства. Въ этомъ отношеніи уроки недавняго прошлаго, данные русской, австрійской, венгерской, германской и отчасти итальянской арміями весьма поучительны. Они указываютъ, какъ регулярное войско неожиданно для своихъ вождей, точно по мановенію волшебной палочки, можетъ въ одинъ прекрасный день превратиться въ Красную армію, готовую служить борьбѣ классовъ.

„Если Красныя арміи придуть къ опредѣленному называнію странѣ социалистическаго евангелія съ его разрушеніемъ, это будетъ торжествомъ морально низшихъ силъ надъ высшими, фатальнымъ возвратомъ къ состоянію варварства, въ которое Римская имперія впала послѣ германскаго вторженія и Россія находится теперь.“¹⁾

Нынѣшнее положеніе отличается отъ тогдашняго положенія Рима въ невыгодную сторону тѣмъ, что вторженіе теперь будетъ извнутри, что враждебная сила вкраплена въ самую толщу не только народа, но и арміи, и что борьба съ нимъ поэтому будетъ неизмѣримо труднѣе, тѣмъ во времена Римской имперіи.

Отлично сознавая, какой сильный для нихъ союзникъ вырастаетъ въ самыхъ рядахъ войска, „вездѣ рабочіе, социалисты, просятъ общеобязательной военной службы“²⁾. Гораздо труднѣе себѣ дать отчетъ въ томъ, почему ихъ помощниками въ этой области служатъ всѣ правительства и военныя власти, отъ которыхъ зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса о будущемъ вооруженной силы. Вѣрнѣе всего предположить, что для правительствъ въ нынѣдѣйствующей военной системѣ дороже всего демократическій принципъ, а для военныхъ вождей гипнозъ массы. Ни правительства, ни военные вожди не сознаютъ, что полчища, дитя демократизма, готовы его предать и, что масса, ими обезпечиваемая, не есть сила, но упадокъ силы.

¹⁾ Idem, 34.

²⁾ Jean Jaurès — „L'Armée Nouvelle“, 357.

Народная война прежнихъ временъ зарождалась и развивалась по глухимъ урочищамъ и труднодоступнымъ мѣстамъ. Здѣсь собиралось народное ополченіе, отсюда оно нацѣливалось свой ударъ и сюда-же укрывалось въ случаѣ неудачи или необходимости приготовить новый.

Именно такъ шуаны Вандеи подняли свое возстаніе, пользуясь тогдашней сравнительной дикостью своего края. Именно такимъ способомъ испанцы поднялись противъ Наполеона: горы и дикія урочища ихъ родины оказались самыми опасными противниками французскихъ маршаловъ. Именно такъ разгорѣлось и русское возстаніе противъ императора французовъ: раззоренная мѣстность вдоль большой Смоленской дороги была излюбленнымъ и наиболѣе удобнымъ театромъ ихъ подвиговъ. Французскіе франтъ-тиреры 1871 г. также укрывались по лѣснымъ и горнымъ урочищамъ, чтобы оттуда чинить свои внезапныя нападенія.

Не то въ наше время. Нынѣшняя народная война протеста противъ существующаго строя будетъ вестись, если можно такъ выразиться, по большимъ дорогамъ и по бойкимъ мѣстамъ.

По окончаніи конспиративной партійной подготовки, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ одинъ прекрасный день стануть всѣ желѣзныя дороги, забастуютъ всѣ фабрики и заводы, начнется въ парализованной странѣ формированіе живой силы революціоннаго пролетаріата. Къ общему удивленію зазѣвавшагося административнаго аппарата стараго режима вдругъ окажется, что желѣзнодорожные сторожа и мастера вышли на линію вооруженными, что всѣ станціонныя части и зданія охраняются ими, что на мостахъ бодрствуютъ пролетарскіе часовые, что входы на фабрики и заводы охраняются ихъ караулами, хорошо знакомыми, какъ съ правилами караульной службы, такъ и съ дѣйствіемъ оружіемъ.

Въ этотъ критическій періодъ обнаружится, сверхъ того, что пропаганда въ воинскихъ частяхъ уже сдѣлала свое дѣло. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ будутъ случаи неповиновенія, въ другихъ — отказъ дѣйствовать противъ своихъ, въ третьихъ — дезертирство въ ряды возставшихъ. Въ зависимости отъ серьезности возстанія и основательности предварительной его подготовки будетъ большее или меньшее количество поголовно взбунтовавшихся воинскихъ частей.

Изъ этого краткаго очерка природы возникновенія современной малой войны ясно, что ея наиболѣе типичная и наиболѣе распространенная форма — это война гражданская. Масса обученныхъ военному дѣлу придадутъ ей характеръ нѣкоторой регулярности даже въ тотъ ея періодъ, когда инсургенты еще не успѣли сформироваться въ полной мѣрѣ. Все это неизбѣжные плоды системы „вооруженнаго народа“.

Эта регулярность по формамъ дѣйствія, однако, не будетъ носить того же характера въ отношеніи психологіи массъ, принимающихъ участіе въ гражданской распрѣ. Психологія возставшей стороны, основанная на глубокомъ недовольствѣ, лучше всего характеризуется однимъ словомъ „гнѣвъ“, а это такое состояніе, которое не подразумѣваетъ ни равновѣсія мыслей, ни равновѣсія чувствъ, ни равновѣсія поступковъ. Если принять, притомъ въ расчетъ, что болѣзненное настроеніе массъ воспитанное недавно внѣшнею войною, очерченное выше, будетъ въ полной мѣрѣ на лицо, станетъ ясной неизбѣжность жестокости нравовъ борющейся стороны, жестокости, которая часто, очень часто будетъ доходить до полной дикости, первобытности. Въ этихъ прискорбныхъ случаяхъ культура будетъ не причемъ: заговоритъ громкимъ голосомъ темпераментъ и чувство, которые, какъ извѣстно, не имѣютъ эпохъ. Слѣдовательно, напрасны будутъ надежды и расчеты на многовѣковую цивилизацію западноевропейскихъ расъ. Онѣ въ этой борьбѣ должны пройти тѣ-же этапы, какъ и менѣе культурная Россія. Въ гораздо большей степени слѣдуетъ рассчитывать не на культурный уровень народа, а на прирожденное, свойственное ему племенное, кровное равновѣсіе темперамента. Чѣмъ оно больше, тѣмъ лучше. И въ этомъ отношеніи такія расы, какъ англо-саксонскія, имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ всѣми другими. Но и въ этихъ странахъ, какъ и во всѣхъ прочихъ, во время гражданской вооруженной борьбы неминуемо должны разыгратъ страсти въ благодарной для этого средѣ недовольныхъ, раздраженныхъ, обездоленныхъ, голодныхъ; преступныхъ элементовъ, рожденныхъ длительной войною, садистовъ-ею воспитанныхъ и пр. Полоса безысходнаго горя, лишеній и эпидемія безнравственности плохой фундаментъ для психологическаго равновѣсія массъ.

Въ то-же самое время это обширнѣйшее поле дѣйствія для всякаго рода демагоговъ. Посредствомъ широкихъ и заманчивыхъ обѣщаній они могутъ съ массою дѣлать все, что угодно, особенно при безмолвномъ согласіи закрывать глаза на возмутительные эксцессы толпы.

Но главнѣйшій залогъ успѣха ихъ работы это разложене регулярной арміи, на что также они могутъ вполне рассчитывать, особенно по окончаніи Мировой войны.

Дѣйствительно, во время послѣдней всѣ европейскія арміи претерпѣли глубокія внутреннія организаціонныя измѣненія и еще болѣе крупныя психологическія.

Война нанесла чувствительныя потери кадрамъ мирнаго времени, состоявшимъ изъ профессионаловъ. Послѣ войны многіе изъ уцѣлѣвшихъ кадровыхъ офицеровъ, въ особенности изъ числа старшихъ чиновъ, утомленные длительной че-

тырехлѣтней борьбой, лишеніями и нервной работой, уже не въ силахъ продолжать дѣйствительной службы и, гдѣ по собственному желанію, гдѣ на основаніи закона о предѣльномъ возрастѣ, покидаютъ ряды.

Съ другой стороны, въ войскахъ осталось на службѣ много офицеровъ военного времени, по своимъ прежнимъ профессіямъ не имѣвшимъ ничего общаго въ воинской средѣ. Но взирая на то, что ихъ патріотическій и военный подвигъ во время кампаніи долженъ быть засвидѣтельствованъ съ должнымъ почтеніемъ, все-же приходится установить, что въ условіяхъ воинскаго уклада жизни мирнаго времени они являются новичками, не избавленными отъ нѣкоторой неувѣренности въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. Жизнь часто складывается изъ мелочей, дисциплина вся основана на нихъ, — неудивительно, если эти новички въ подобныхъ мелочахъ рискуютъ иной разъ сдѣлать неосторожности, очень досадныя съ точки зрѣнія установившихся въ военной средѣ понятій. Подходя къ этимъ мелочамъ лишь разсудочнымъ путемъ, они, помимо своего желанія, могутъ иной разъ наносить весьма чувствительные удары. Кромѣ логики, здѣсь нужно еще чувство и чутье, воспитанное профессиональною средою.

Въ недостаткѣ подобнаго чутья бываютъ иногда виновны и старые военные. Теорія генерала М. И. Драгомирова о томъ, что солдатъ долженъ разбираться въ томъ, что есть важнаго и неважнаго въ его обязанностяхъ и соотвѣтственно градуировать свою исполнительность, въ сущности ошибка малоопытнаго строеваго начальника и строеваго офицера.

Если въ такіе промахи впадаютъ маститые генералы старой школы, то во сколько-же разъ подобныхъ вѣроятій больше для новичковъ арміи, однако имѣющихъ за собою нерѣдко немалый и почтенный боевой опытъ? Этотъ послѣдній даетъ имъ несомнѣнный авторитетъ въ глазахъ другихъ и сообщаетъ естественную увѣренность имъ самимъ.

Однако они должны твердо помнить слова генерала Г. А. Леера, который, въ противность мнѣнію М. И. Драгомирова, говорилъ, что въ мирное время слѣдуетъ учить не только тому, что дѣлается въ бою, а и тому, что полезно для боя. Имѣется рядъ навыковъ и обычаевъ практики военнаго ремесла, часто кажущихся постороннему глазу ничтожными, а между тѣмъ они совершенно необходимы для воспитанія извѣстныхъ сторонъ характера воинскихъ соединеній и отдѣльныхъ чиновъ. Сюда относятся въ первую голову муштра и автоматизмъ.

Что касается послѣдняго, то его право на существованіе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо твердое усвоеніе, достаточно доказано. Даже такіе убѣжденные противники

современной военной системы, какъ Жоресь, не возражаютъ противъ него. Единственно противъ чего онъ возстаеъ это противъ посвященія этому слишкомъ долгихъ сроковъ.

Онъ говоритъ: „Пусть не налегаютъ на то, что продолжительными упражненіями, настойчивостью и повтореніемъ нужно создавать въ солдатѣ автоматизмъ“¹⁾. Не взирая на то, что Драгомировъ отдавалъ должное настойчивымъ повтореніямъ въ дѣлѣ насажденія благодѣтельнаго, по его мнѣнію, автоматизма, въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ, при переходѣ изъ области общихъ идей въ область прикладную, онъ страннымъ образомъ сходилсѣ съ Жоресомъ, который по этому поводу писалъ: „Прежде всего, маневры, сознательно освобожденные отъ всего искусственнаго и всего перегружающаго и доведенные до ихъ истинной цѣли, т. е. до усвоенія движеній необходимыхъ въ бою“.

„Впрочемъ, имѣются въ навыкахъ степени и безконечные оттънки, приводящіе отъ быстрой легкости движеній къ чистому механизму. Можно спросить, дѣйствительно-ли жизнь солдата заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ разновидностяхъ рефлексовъ и дѣйствительно-ли абсолютный автоматизмъ ему поможетъ много въ безконечномъ разнообразіи и въ случайностяхъ боя? Лишь-бы онъ умѣлъ обращаться съ оружіемъ, съ ружьемъ и штыкомъ, свободно и какъ-бы инстинктивно, и слава Богу: но этотъ сортъ увѣренности въ наиболѣе простыхъ движеніяхъ легко пріобрѣтается въ нѣсколько мѣсяцевъ“²⁾.

Переходя затѣмъ далѣе къ выводамъ разныхъ военныхъ авторитетовъ, Морица Саксонскаго, Генерала Моранъ и др., Жоресь дѣлаеъ такое общее заключеніе: „Я наблюдаю, что всѣ согласны въ осужденіи чистаго формализма и педантическихъ осложненій въ воспитаніи солдата. Всѣ добиваются простыхъ дѣйствій, отвѣчающихъ точной цѣли. Всѣ въ то-же время утверждаютъ, что невозможно разсчитывать на какой-бы то ни было механизмъ, чтобы рѣшать вопросы жизни и смерти, которые измѣняющаяся драма боя будетъ ставить безъ конца передъ стражающимся“³⁾.

Въ этомъ мнѣніи не хватаетъ только одного поясненія. Авторитеты, на которые ссылаеъ Жоресь, въ особенности первый, жили въ вѣкъ, когда въ военной средѣ никто не сомнѣвалсѣ въ пользѣ автоматизма и когда для многихъ въ этихъ кругахъ нужно было вновь доказывать необходимость сознательности въ солдатѣ. Но и эти авторитеты никогда не отрицали важности автоматизма для усвоенія. Послѣднее наступаетъ только тогда, когда знаніе изъ области сознанія пе-

¹⁾ L'Armée Nouvelle, 22—26.

²⁾ Idem, 23.

³⁾ Idem, 24.

реходить въ сферу чувства и импульсовъ, а для послѣднихъ, для всякаго ясно, автоматизмъ, выработанный долгою привычкою, лучшая школа.

Во времена Морица Саксонскаго на этомъ была основана самая сущность военнаго воспитанія и военной организаци. Въ наше время пришла пора доказывать необходимость сохранить послѣдніе остатки автоматизма въ арміи, крушеніе которыхъ неминуемо приведетъ и къ крушенію всей военной системы.

Между тѣмъ Жоресъ въ своемъ ослѣпленіи продолжаетъ утверждать: „Ремесленные рефлексы недостаточны для совершенія чуда. Въ высшемъ и страстномъ сомнамбулизмѣ разрѣженнаго боевого порядка, двигающагося неудержимо, если на каждомъ шагу что-нибудь изъ стараго существа дѣйствуетъ на существо новое, это не механическое воспоминаніе вчерашнихъ и позавчерашнихъ жестовъ. Нѣтъ. Если что-нибудь изъ прошлаго поддерживаетъ и одушевляетъ человека столь потрясеннаго, это чудный примѣръ храбрости, подаваемый офицерами, которыхъ онъ узнаетъ еще въ этомъ видѣ тумана, прорѣзаемаго молніями и которымъ человѣческое величіе ихъ роли вождей позволяетъ исполнять сознательно дѣйствія, которыя кажутся возможными только для героизма почти несознательнаго“¹⁾. Здѣсь позволительно остановиться для того, чтобы спросить: а развѣ офицеры не тѣ-же люди? Развѣ они не подвержены тѣмъ-же переживаніямъ, что и солдаты, и развѣ они не нуждаются въ той поддержкѣ, которую сама природа въ видѣ-ли привычки, въ видѣ-ли ея разновидности автоматизма даетъ людямъ для того, чтобы они могли-бы въ случаяхъ высокой опасности не терять способности дѣлать то, что нужно и слѣдуетъ для общаго блага, а не для спасенія своей шкуры?

Конечно, сила идеи великая сила для подвига, но ея недостаточно, какъ на это надѣется Жоресъ. Въ то время, когда стрѣлки подъ командою Юденича въ бою подъ Чжантаньхенанемъ ринулись въ безостановочную атаку, они шли толкаемые подсознательнымъ автоматизмомъ, а не идеей. Они были движимы инстинктивнымъ, а не умовымъ импульсомъ.

Вотъ и другой подобный-же примѣръ. Въ бою у Гурь-Кальваріи подъ Варшавою 28 сентября 1914 г., когда одинъ полкъ, во время общаго обратнаго перехода по понтонному мосту съ лѣваго берега Вислы на правый, выходилъ на крутость побережья, онъ былъ встрѣченъ своимъ корпуснымъ командиромъ генераль-адъютантомъ В. Н. Даниловымъ. Не обращая вниманія на сыпавшіеся тяжелые снаряды германцевъ, полкъ, проходя мимо своего корпуснаго командира и отвѣ-

¹⁾ Idem, 25.

чая на его привѣтствіе, проходилъ подравниваясь и старательно, по тогдашнему уставу, отбивая ногу. Когда старикъ генераль, до слезъ растроганный, приказаль ускорить шагъ, полкъ продѣлаль это только по командѣ: „Ча-ще“, но не переставая отбивать шагъ по парадному. Что было причиною такой выдержки людей? Конечно, только привычный автоматизмъ, столь драгоцѣнный въ бою, потому что онъ, и никто и ничто въ такой мѣрѣ, какъ онъ, не можетъ поддерживать дисциплины въ тяжелыя переживанія боя.

Поэтому всякому военному, знающему бой, гораздо легче согласиться съ генераломъ Боналемъ, чѣмъ съ Жоресомъ. Бональ, касаясь вопроса о продолжительности военной службы, между прочимъ, писалъ:

„Послѣ трехъ съ половиной мѣсяцевъ напряженного труда молодые люди готовы для дѣйствій въ составѣ роты. Они знаютъ все, что могутъ усвоить рядовые, но ихъ военные рефлексы не вполне сформированы и нѣсколько мѣсяцевъ работы въ составѣ войсковыхъ соединеній и индивидуальной еще необходимы, чтобы достичь результата, важнѣйшаго среди другихъ¹⁾, который именуется автоматизмомъ военной дѣятельности²⁾.“

Послѣ Великой войны, съ перерожденіемъ кадровъ, этому автоматизму, воспитателю суровой стихійности въ исполненіи своего боеваго долга, не считаясь ни съ какой физической опасностью, удѣляется все менѣе и менѣе мѣста въ рядахъ армій. Какъ и въ прочихъ явленіяхъ современной жизни, вниманіе къ правиламъ массовой психологии ослабѣваетъ въ пользу индивидуальной. А это такая метода, которая значительно облегчаетъ въ рядахъ войскъ пропаганду вредную для единства арміи. Въ случаѣ возникновенія гражданской войны пропагаторамъ будетъ нетрудно найти въ войскахъ подходящій для нихъ элементъ.

Здѣсь умѣстно будетъ перейти къ одной, крайне неблагоприятной въ наше время темѣ, — это муштра и ея значеніе для поддержанія того автоматизма, о которомъ была рѣчь выше. Драгомировъ, едва-ли не первый апостоль индивидуализма въ русской арміи (и это его несомнѣнная культурная заслуга), былъ также первымъ изъ разрушителей той муштры, которая дала Россіи бронзоваго солдата времени Отечественной и Севастопольской войнъ. Неудивительно, если Драгомировъ, сокрушая злоупотребленія муштры, въ пылу борьбы перешель границы разумнаго въ этомъ отношеніи, но достойно удивленія, что и въ наше время, когда начинается уже злоупотребленіе индивидуализмомъ въ формѣ крайней распушенности внѣшней дисциплины, которая требуетъ постоянной тренировки, находятся военные являющі-

¹⁾ L' Armée Nouvelle 23.

²⁾ Курсивъ нашъ. Авт.

еся принципиальными противниками такого натаскивания людей. Эти военные забывают, что муштра дает не только мирные, но и боевые результаты. Разказанный случай боя у Гуры-Кальварии объясняется только тѣмъ, что въ полку, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто, муштра культивировалась вслѣдствіе вѣковыхъ традицій части.

Существуетъ мнѣніе, что нынѣшніе краткіе сроки службы лишаютъ возможности посвящать особое время муштрѣ. Вопреки ему опытъ показываетъ, что, чѣмъ короче служба, тѣмъ должна быть напряженнѣе муштра, но, конечно, для нея особыхъ часовъ занятій нѣтъ надобности удѣлять. Весь бытъ солдата долженъ носить характеръ муштры ежечасной, ежеминутной. Англичане, люди спорта, хорошо это понимаютъ и въ послѣднюю войну у нихъ требовалась мелочная регламентация траншейнаго быта: ежедневное бритье людей, опрятность, обрядность во всемъ. Обрядъ-отдѣлъ муштры, его нельзя упустать при воспитаніи. Иначе армія не можетъ быть прочна, такъ какъ въ ней никогда не будетъ ни внутренняго порядка, ни того автоматизма, о которомъ выше говорилось..

Причиною ея непрочности служатъ также и та партійность, которая широкою волною влилась въ нее во время минувшей войны. Не говоря уже о несчастной русской арміи, погибшей отъ партійности, имѣются предупредительные признаки того, что и всѣ прочія не застрахованы отъ подобной-же перспективы. Въ британскомъ парламентѣ засѣдаютъ полковники-коммунисты, а французскій капитанъ Садуль сдѣлался однимъ изъ комиссаровъ Московскаго совѣта. Во французскихъ войскахъ на Рейнѣ въ 1921 г. уже въ массовомъ видѣ была установлена и засвидѣтельствована военнымъ министромъ г. Барту коммунистическая пропаганда, а еще ранѣе въ 1919 г. такая же пропаганда была обнаружена и на корабляхъ французскаго флота въ Севастополѣ. Венгерская армія шагнула по пути политиканства въ 1918 г. почти также далеко, какъ и русская, а австрійская современная республиканская скорѣе учрежденіе политическое и партійное, чѣмъ военное и государственное. Этотъ послѣдній примѣръ, не взирая на свою миниатюрность, тѣмъ поучительнѣе, что онъ служитъ показателемъ, во что въ концѣ концовъ должна выродиться современная армія съ ея милиціонностью. Эта миниатюра, въ силу ничтожества своей величины, не страшна своимъ вооруженнымъ политиканствомъ и партійностью. Нельзя будетъ того-же сказать объ арміяхъ великихъ державъ, которыя эволюционировали бы по тому-же направленію..

Въ этомъ случаѣ примѣръ русской арміи долженъ наводиться у всѣхъ передъ очами. Скажутъ, что въ прочіихъ европейскихъ арміяхъ не предвидится революціи, развала кадровъ и дикихъ элементовъ. На это можно возразить, что

зато на Западѣ имѣются такія вещи, которыхъ не было въ Россіи: рабочей борьбы съ ея могущественной организаціей, организованной классовою вражды и подготовленнаго коммунизма, не большевизма, а именно истиннаго коммунизма. Если къ этому добавить, что русская армія развалилась въ тотъ періодъ времени, когда ея запасы ломились отъ преизбытка и когда ея солдатъ объѣдался до отвала и что подобное изобиліе можетъ не оказаться на лицо на Западѣ скорѣе, чѣмъ въ Россіи, станетъ ясно, что это сравненіе не всегда работаетъ на пользу идеи о незаражаемости Европы, еще далеко не справившейся со своимъ экономическимъ кризисомъ.

Индустриализація современныхъ полчищъ, введеніе въ ихъ ряды, и притомъ на самые отвѣтственные посты (къ машинамъ) заводскихъ и фабричныхъ на Западѣ больше, чѣмъ въ Россіи, обезпечиваетъ связь арміи съ рабочею средою со всѣми ея нервными переживаніями послѣдняго времени.

Возникновеніе гражданской войны съ разсчетомъ на ея успѣхъ, можетъ начаться въ условіяхъ настоящаго времени только съ попутнымъ разложеніемъ регулярной арміи. Иначе, какъ революція 1905 г. въ Россіи, возстаніе будетъ неизбежно подавлено огромною вооруженною массою нынѣшнихъ полчищъ, находящихся въ рукахъ правительствъ. Вотъ почему всѣ усилія политическихъ партій, сторонницъ прямаго дѣйствія, на первомъ мѣстѣ ихъ программъ ставятъ разложеніе существующихъ армій, а если возможно, и полное ихъ упраздненіе посредствомъ введенія милиціи. То, что не удавалось имъ въ теченіе долгаго мирнаго времени передъ послѣднею войною, то помогло сдѣлать всеевропейское лоббище, первою жертвою котораго сдѣлались профессиональные кадры армій, отличавшихъ ихъ отъ воинства полумилиціоннаго типа.

Теперь легче, чѣмъ передъ войною, пропагандѣ внѣдириться въ толщу войскъ. Описывая такую работу въ рядахъ русскихъ войскъ на крайнемъ русскомъ сѣверѣ во время ихъ борьбы съ большевиками, одинъ изъ участниковъ этихъ операций говоритъ: „Разложеніе нашихъ частей велось по строго разработанной системѣ скрыто образуемыхъ въ нихъ коммунистическихъ ячеекъ, находившихся въ непрерывной связи съ большевиками“¹⁾.

Въ печати уже были указанія на попытки ввести коммунистическія ячейки въ Британской арміи. Итальянская армія также имѣла дѣло съ попытками подобнаго-же рода. Выходить, что всѣ великія арміи испытали такія покушенія

¹⁾ С. Добровольскій, „Борьба за Возрожденіе Россіи въ Сѣверной Области“. — Архивъ Русской Резолюціи, издаваемый І. В. Гессеномъ. Берлинъ 1921. стр. 45.

на ихъ моральную цѣлость. Положимъ, всѣ эти опыты враговъ „милитаризма“, которыхъ было-бы справедливѣе называть сторонниками обращенія оружія извнѣ внутрь страны, противъ несимпатичныхъ имъ классовъ, потерпѣли пока неудачу. Но нельзя забывать, что первые опыты бывають всегда неудачны и, что эти начальныя промахи служатъ лучшей школою для послѣдующихъ успѣховъ, для которыхъ сама современная военная организація даетъ прекрасную почву. Политическія партіи, которыя работаютъ надъ этимъ, доказали свою послѣдовательность и умѣнье пользоваться слабыми мѣстами своихъ противниковъ, а къ числу послѣднихъ, едва-ли не на первомъ мѣстѣ, принадлежитъ аппаратъ нынѣшней арміи. Эти партіи нѣкоторое время тому назадъ пришли къ выводу, что нечего тратить слова тамъ, гдѣ нужна физическая сила въ качествѣ аргумента для доказательства жизненности своихъ идей. Въ области словъ, и это они признають, „буржуи“ съ ихъ старою культурою всегда сильнѣе „пролетаріевъ“. Вотъ почему послѣдніе уклоняются отъ парламентскаго турнира, который имъ предлагаютъ первые и предпочитаютъ, внѣдрившись въ армію, прибѣгнуть къ своему самому сильному аргументу, кулаку. Имъ не нужно господства въ силу своего права, всѣмъ предварительно доказаннаго, они предпочитаютъ господствовать на основѣ физической силы. Сила есть право, этотъ нѣмецкій лозунгъ и ихъ лозунгъ. Вотъ гдѣ нужно искать признаки интимнаго сродства русскихъ большевикомъ съ нѣмецкими империалистами и вотъ чѣмъ объясняется ихъ взаимное кокетство.

Выше указывалось естественное послѣ затяжной войны возрастаніе хищническихъ элементовъ и теорій въ толщѣ населенія. Ясно, что для воспріятія такихъ-же хищническихъ лозунговъ еще никогда не было такого благопріятнаго періода исторіи. Съ нимъ могутъ соревновать быть можетъ только такія мрачныя эпохи, какъ время Тридцатилѣтней войны, Русской Великой Смуты начала XVII вѣка и подобныя-же имъ бури народныя. Мы знаемъ по русскому современному опыту, опыту Второй Русской Великой Смуты (названіе безусловно болѣе приличествующее, чѣмъ слово „революція“, всему тому, что творится сейчасъ въ Россіи), въ какой степени это повальное хищничество захватило не только „красную“, но и „бѣлую“ сторону. Хищничество готовитъ гражданскую войну (и это разсчетъ ленинцевъ), но и гражданская война всегда приводитъ къ хищничеству (и это паденіе колчаковцевъ, деникинцевъ и др.). Даже такая гражданская борьба, какъ Вандейская, обвѣянная нѣкоторымъ флеромъ романтизма, по свидѣтельствамъ послѣдняго времени была не лишена того же хищничества.¹⁾ Въ гражданской войнѣ въ прихо-

¹⁾ „Souvenirs de la Com-sse de la Bouèrè. La Guerre de Vendée“ (1793—1796).

тливомъ сплетеніи работаютъ всегда параллельно и идеализмъ самой высокой марки, и грабежъ самаго низкаго разбора. Хвала вождямъ, если они сумѣютъ увлечь массу въ сторону идеала и побѣдить хищническія страсти. Тутъ нуженъ чисто-религіозный порывъ, здѣсь поле благородной дѣятельности „святыхъ воиновъ Кромвеля“, но тутъ-же и „повѣсить негодяя“ Тилли.

Религія устремляетъ духъ, карающая жестокая десница уничтожаетъ плевелы „своего“ лагеря и такимъ образомъ очищаетъ его: молніеносное водвореніе дисциплины въ средѣ, гдѣ революціоннымъ путемъ опрокинуть уголовный кодексъ.

Бѣда, если вожди, какъ это случилось въ совѣтской Россіи, пойдутъ въ поводу у преступнаго элемента толпы. Еще больше бѣды, если вожди, какъ это наблюдается въ Россіи, сами преступный и продажный элементъ. Тогда у нихъ, вмѣсто религіи, ничего не остается для владѣнія массами, какъ демагогія. Вѣшать и уничтожать начинаютъ не „своихъ“ негодяевъ, которые, вмѣсто этого, проходятъ къ власти, а „слабыхъ“, „слабаго толкни“. Въ результатѣ догматическое насиліе, бунтъ, а не революція, анархія и общій развалъ, а въ концѣ концовъ неизбѣжная, неминуемая, какъ стихія, гибель вождей и ихъ идей, отъ руки тѣхъ самыхъ толпъ, которыя были развращены ихъ же усилями.

Неудача войны или просто ея непомѣрная затяжка неизбежно вызываетъ въ наше время саморазложеніе регулярной арміи, а послѣднее въ свою очередь образованіе бандитизма. Оба эти явленія идутъ рука объ руку, И это естественно, если припомнить картину психологіи массъ, нарастающей подъ вліяніемъ тревожныхъ и тлетворныхъ явленій внѣшней войны. Народная толща неотвратимо этически портится, ея дурные элементы поднимаютъ голову, пагубныя страсти получаютъ всѣ возможности развитія и все, что имѣется въ странѣ преступнаго, получаетъ возможность своего разцвѣта.

Существующія теоріи о томъ, что война вздымаетъ духъ народный, что она вызываетъ взлетъ творчества во всѣхъ областяхъ и, что такимъ образомъ она является однимъ изъ лучшихъ и быстрѣйшихъ способовъ прогресса, отнюдь не исключаютъ сказаннаго объ отрицательныхъ сторонахъ войны. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ опасности энергія человечества проявляется всегда съ особою интенсивностью, а энергія это все въ процессѣ прогресса. Эдиссонъ говоритъ, что гений это 1% хотѣнія и 99% потѣнія. И хотѣніе, и потѣніе обнаруживаются, какъ никогда, подъ вліяніемъ угрозы самому существованію націи. Однако, когда превзойдены предѣлы „терпѣнія“ народнаго, начинается реакція, тѣмъ болѣе страш-

ная и тѣмъ болѣе быстрая, чѣмъ сильнѣе было напряженіе страны во время войны.

На почвѣ этой губительной психологіи разрушается духъ регулярной арміи и крушится тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе она путемъ превращеній во время войны изъ регулярной постепенно обратилась въ милицію. Начинается усиленное дезертирство, невозвращеніе отпускныхъ и командированныхъ въ тылъ, укрывательство въ тылу подъ всѣми предлогами, которыми зачастую потакаютъ сами тыловыя власти, по невѣжеству-ли, по слабости, сердобольности или по разнаго рода протекціи. Одновременно приступаетъ къ усиленію своей работы пропаганда пораженческихъ партій, усвоившихъ себѣ лозунгъ — „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“: ихъ объектъ въ первую очередь всѣ тыловыя учрежденія арміи и отдѣльные люди, находящіеся въ тылу. Когда, наконецъ, регулярная армія, уступая этому психологическому натиску съ тыла, качнется, тогда та же пропаганда старается изъ людей, отвыкшихъ отъ правильнаго труда, приученныхъ къ продолжительному дармоѣдству въ окопахъ, гдѣ даже опасность подъ вліяніемъ новѣйшей техники уменьшена до незначительныхъ размѣровъ, составлять ячейки для образованія впоследствии вооруженной силы, послушной въ рукахъ демагоговъ. Эти ячейки лишь предтечи Красной арміи, истиннаго дитяти современной милиціонной системы съ ея несмѣтными по численности и ничтожными по качеству полчищами. Такъ „товарищъ-дезертиръ“ становится баловнемъ судьбы и основателемъ новаго, чисто современнаго вида воинства, готоваго ко всякаго рода революціоннымъ или инымъ переворотамъ. По такой именно схемѣ готовится гражданская война современности. Примѣры подобнаго превращенія внѣшней войны во внутреннюю и арміи регулярной въ Красную прошли на нашихъ глазахъ въ Россіи, Венгріи и Германіи. Разная степень успѣшности этихъ превращеній не уменьшаетъ равной степени поучительности такихъ примѣровъ.

Слѣдовательно, современныя полчища прекрасно готовятъ населеніе къ гражданской распрѣ, а крайнимъ партіямъ куютъ наиболѣе для нихъ подходящее оружіе. Ленинское „повернуть оружіе противъ государства“, какъ это и показываютъ многочисленныя опыты нашего времени, вполне возможно, и за Ленинымъ лишь остается часть перваго разоблачителя этой возможности при особенностяхъ арміи нашихъ дней милиціонныхъ и пропитанныхъ партійными ячейками.

Въ Красную армію на первыхъ порахъ ея возникновенія пойдутъ дезертиры для наживы, недовольные лишеніями войны, обездоленные ею, авантюристы, честолюбцы, не брезгающіе средствами, партійные работники, мечтающіе о разрушеніи современнаго строя, преступники уголовного и граж-

данскаго типа, офицеры, считающіе себя обиженными или со слишкомъ гибкими понятіями о чести и долгѣ и вообще всякая гольтьба. Ясно, что у подбора такихъ элементовъ не можетъ быть общаго высокаго идеала, въ качествѣ спайки. Замѣнять его будетъ стремленіе къ наживѣ и къ стяжанію всякаго вида. Не можетъ быть и истинной дисциплины, такъ какъ таковая всегда разумѣетъ высокіе нравственные стимулы: ее замѣнить жестокость, даже звѣрство. Ради наживы масса красноармейскаго сброда охотно примирится съ этимъ, но будетъ вымѣщать на населеніи всѣ тѣ жестокости, которыя ей самой приходится переносить.

Въ нарисованномъ очеркѣ моральнаго багажа Красной арміи не найдемъ мѣста релігіознымъ порывамъ „святыхъ воиновъ кроваваго Кремвеля“, не найдемъ и патріотическаго экстаза солдатъ французской революціи. И тѣ, и другіе во имя своихъ идеаловъ готовы были переносить и въ дѣйствительности переносили жестокія лишенія. Голодные и оборванные солдаты арміи французской революціи пѣниемъ Марсельезы вокругъ бивачныхъ костровъ утоляли свой голодъ. Красноармеецъ утоляетъ его, заставляя голодать мирное населеніе.

У Кромвеля для главной массы его воинства была суровая релігія съ чисто монашескими обѣтами, и это было болѣе, чѣмъ достаточно для водворенія среди нея дисциплины; кровь предназначалась только для преступныхъ авантюристовъ, которые тогда, какъ и нынѣ, имѣли вкусъ къ гражданской войнѣ и льнули къ арміи.

У Красной арміи кровь, главнымъ образомъ, для невинныхъ жертвъ, не имѣющихъ физической силы для самозащиты, для главной-же массы — демагогія ласковая къ преступной и насильнической красноармейской массѣ. Ясно, что при такомъ нравственномъ содержаніи, послѣдняя чрезвычайно благопріятна для измѣнъ всякаго сорта и, что для предотвращенія ихъ, ей необходимъ институтъ сыска въ качествѣ главнѣйшаго и даже почти единственнаго стимула ея дисциплины. Сыскъ въ качествѣ главнѣйшаго и даже почти единственнаго стимула ея дисциплины. Сыскъ внѣдряется въ войска всегда, когда политика и партія находятъ свое мѣсто въ воинскихъ рядахъ. Свидѣтельство тому французская армія временъ миниистерства генерала Андре, тотчасъ послѣ Дрейрусаровскаго процесса, та-же армія въ началѣ Великой революціи и русская армія послѣ февральскаго переворота въ 1917 году, такъ какъ комиссары русскаго временнаго правительства или комиссары французской революціонной арміи были тѣми-же агентами сыска.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ послѣдній былъ только однимъ изъ стимуловъ дисциплины, тогда какъ въ Красной арміи онъ единственный, и въ этомъ ея драма и угроза ея

существованію. Никогда и нигдѣ никакой режимъ или учрежденіе не могутъ строить благополучія своего существованія на полицейскомъ принципѣ абдуль-гамидовскаго типа: шпионство, доносъ, сыскъ и дразги лучшее средство не поддерживать, а развалить дисциплину, предварительно развративъ массу. Однако, не надолго страсть стяжанія, терроръ и сыскъ могутъ сковать достаточно прочное или, вѣрнѣе говоря, послушное Красное воинство, способное служить опорой сформировавшей его власти.

Вообще говоря, современные полчища, обнаруживъ много трещинъ въ своихъ чисто военныхъ качествахъ, представляютъ собою прекрасный матеріалъ въ рукахъ демагоговъ. Не рискуя властью въ чрезмѣрное преувеличеніе, можно сказать, что они лучше подготовлены для внутренней политической борьбы, чѣмъ для надежной обороны государства. Нынѣшнія полчища на всѣхъ парахъ стремятся въ лапы демагоговъ, желающихъ при посредствѣ вооруженной борьбы классовъ достичь намѣченнаго переворота.

Кромѣ того они недурное орудіе также и для достиженія всякаго рода партикуляристскихъ политическихъ стремленій. Свидѣтельство тому, хотя-бы Фіумское начинаніе Д' Аннунціо, борьба Кемаля-паши, предпріятіе Венизелоса въ періодъ Великой войны, авантюра генерала Желиговскаго въ Вильнѣ, курляндскія формированія ф.-деръ-Гольца, вооруженная дѣятельность Петлюры, выступленіе морской бригады Эрхардта въ Берлинѣ во время реставраціонной попытки, вооруженная работа ирландскихъ синъ-фейнеровъ, быстрое формирование такихъ армій, какъ грузинская, азербейджанская, эстонская, латвійская, дѣятельность одновременно и противокочаковская, и противобольшевистская атамана Семенова, Зеленя арміи и пр.

Приведеннаго десятка примѣровъ достаточно, чтобы съ фактами въ рукахъ доказать ту простую истину, что въ существующей массовой вооруженной силѣ живетъ столько же политическихъ идеаловъ, сколько ихъ находится въ толщѣ народной. Партиная и политическая борьба, поэтому, безъ особаго труда можетъ быть перенесена въ ряды воинства.

На ряду съ другими въ нихъ, разумѣется, найдутъ свой пріютъ и идеалы патриотическіе и государственные, но только на ряду съ прочими. Хорошо, если существующее государство не окружено еще несчастіями настолько, чтобы не обнаружить своей моральной слабости передъ массами, всегда поклоняющимися только силѣ, но бѣда, если такое нравственное равновѣсіе покачнулось, — партикуляристскія стремленія придутъ первыми, чтобы разрушить единство дисциплины въ арміи. Таковы неопровержимые законы милиціонности: она всегда партийна.

Здѣсь будетъ умѣстно вновь поднять голосъ противъ того возраженія, которое авторъ уже чувствуетъ въ качествѣ отвѣта на его примѣры изъ практики послѣдняго времени. Это возраженіе несомнѣнно будетъ очень просто: къ чему эти примѣры, разъ они ни что иное, какъ частные случаи и исключенія?

Снова, и снова приходится напомнить, что случаи, имѣвшія мѣсто въ русской арміи во время первой революціи 1905 г. рассматривались тоже, какъ частные случаи, и у всѣхъ передъ глазами, что получилось отъ такого отношенія къ предупрежденіямъ, прозвучавшимъ, какъ первая угроза. Когда частныхъ случаевъ такъ много, когда всѣ они похожи другъ на друга, какъ родные братья, когда они берутся изъ практики разныхъ народовъ, они перестаютъ быть исключеніями, и пора постараться перейти отъ частной къ общей имъ всѣмъ причинѣ. Это милиціонность.

Для благоразумныхъ угрозы спасительны, лишь для самоувѣренныхъ онѣ губительны.

На почвѣ партикуляристскихъ теченій, свойственныхъ современной пестрой въ психологическомъ отношеніи вооруженной массѣ, получается среда очень благодарная для развитія авантюризма и для работы авантюристовъ.

Тутъ богатое поле дѣятельности для неудовлетворенныхъ честолюбіемъ профессиональныхъ военныхъ; здѣсь убѣжище для начала „новой жизни“ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ прошлое нуждается въ забвеніи; въ этой средѣ, какъ ни въ какой другой, могутъ найти свою карьеру неудачники всѣхъ профессій, недоучки, вырожденцы, садисты всякаго рода насилія; здѣсь открывається путь къ власти и быстрому обогащенію для всѣхъ тѣхъ, которые при нормальныхъ условіяхъ жизни осуждены были-бы на забвеніе и жалкое прозябаніе. Лозунгомъ всей этой толпы служить слово „держай“, и въ немъ ихъ сила и значеніе. Значеніе не только ради ихъ личныхъ интересовъ того соціального переворота, которому они служатъ. Отсюда становится понятной и объяснимой ихъ головокружительныя карьеры, казалось-бы до нелѣпости неожиданныя.

Выше было доказано, что въ періоды послѣ тяжелыхъ внѣшнихъ войнъ образуется среда весьма благопріятная для народженія всякаго рода хищниковъ и хищническихъ аппетитовъ, насильниковъ и насильническихъ инстинктовъ. Однако, было-бы несправедливо все валить на войну. Иной разъ внимательному наблюдателю становится ясно, что еще до грозныхъ раскатовъ боя среди того или другого народа начинается культивироваться насиліе, какъ идеальный стимуль. Не то-ли мы видѣли въ Германіи въ видѣ произве-

деи Ницше и въ Россіи въ твореніяхъ Максима Горькаго съ его дерзновеннымъ босячествомъ ?

Выходитъ, что самая идея бродить въ народѣ уже давно, что война-ли, революція-ли только выявляютъ ее и что въ этихъ случаяхъ, какъ въ прочихъ соціальныхъ явленіяхъ, нѣтъ сюрпризовъ для тѣхъ, кто внимательно наблюдаетъ и „частные случаи“ не считаетъ „исключеніями“, а, наоборотъ, признаками общихъ явленій, гнѣздящимися въ современной средѣ.

Это послѣднее правило особенно важно въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда, какъ это наблюдается съ полчищами, частные случаи становятся навязчивыми.

Демагоги работаютъ на гражданскую войну, но и гражданская война рождаетъ демагоговъ и авантюристовъ. Пестрота корпуса офицеровъ регулярной арміи въ концѣ внѣшней войны облегчаетъ этотъ процессъ. Среди офицеровъ военного времени, военныхъ по боевой своей подготовкѣ и глубоко штатскихъ по прочимъ отдѣламъ своего міровоззрѣнія, часто тѣсно связанныхъ съ политической партіей въ теченіе всей своей жизни до вступленія въ ряды войскъ, партикуляристскія формировація могутъ найти богатѣйшій матеріалъ для пополненія команднаго состава. Самымъ неподходящимъ для этого элементомъ будетъ слой профессиональныхъ офицеровъ мирнаго времени. Жоресъ глубоко правъ и обнаруживаетъ удивительное для невоеннаго проникновеніе, доказывая цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ примѣровъ органическую аполитичность военныхъ по ремеслу.

Зато среди офицеровъ военного времени и даже среди солдатъ съ большимъ боевымъ опытомъ партикуляристскія формировація находятъ необходимый имъ командный составъ, разнообразіе котораго, конечно, неминуемо.

Что касается начальниковъ изъ солдатъ, то на этомъ вопросѣ въ виду важности его не мѣшаетъ остановиться. Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ горечью и съ удивленіемъ останавливается на обнаружившемся во время революціоннаго развала германскихъ войскъ въ осенніе дни 1918 г. разлада между офицерскимъ и унтеръ-офицерскимъ составами. Онъ не находитъ этому объясненія и потому удивляется. Мало того, Людендорфъ старается объяснить подобное явленіе, искусственно и искусной пропагандой. Ея, конечно, было-бы недостаточно, если-бы для нея не было подходящей благодарной почвы. На примѣръ возмущенія германскаго флота почва эта уже выяснена съ надлежащей опредѣленностью, а именно неудовлетворенныя честолюбія и разрушенныя надежды и ожиданія унтеръ-офицеровъ, получившихъ огромный боевой опытъ и, несмотря на это, обходимыхъ зеленою молодежью, которая только на основаніи полученныхъ аттестатовъ и существующихъ соци-

альныхъ перегородокъ безъ всякаго труда получала офицерскіе эполеты. На этой почвѣ зародилась та роковая ревность, которая морально разлучила офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и которая послѣднихъ толкнула въ сторону революціи. Они въ дисциплину внесли революцію, но за то и въ революцію внесли дисциплину.

Во французской арміи, гдѣ перегородка между офицерами и унтеръ-офицерами была менѣе значительна и гдѣ для послѣднихъ даже и въ мирное время не была закрыта дорога къ офицерскимъ чинамъ, этого внутренняго разрыва въ командномъ составѣ не случилось, и это была одна изъ причинъ солидности французской арміи во время войны.

Въ то время какъ профессиональный корпусъ германскихъ унтеръ-офицеровъ въ теченіе всей войны послужилъ главнѣйшей спайкой солдатскихъ, столько разъ смѣнившихся кадровъ, у французовъ не было соответствующаго института, проведеннаго съ такою послѣдовательностью. Но за то у французовъ не было и той непроходимой между офицерами и унтеръ-офицерами перегородки, которая въ Германіи изъ унтеръ-офицеровъ, опоры арміи, сдѣлала опору революціи и военнаго бунта. Людендорфъ этого не понялъ потому, что онъ, какъ и многіе современные военные, не уясняетъ демократической сущности нынѣшней перемѣнной вооруженной силы. Этотъ демократизмъ ея долженъ проводиться до конца, или система должна дать трещины, что и случилось въ Германіи подъ вліяніемъ тяжкихъ испытаній конца 1918 г.

Когда волею судебъ полчища обратятся въ революціонное воинство, когда раскаты гражданской войны раздадутся по пространству у того или иного государства, унтеръ-офицерскій корпусъ, столь важный въ нынѣшнихъ рядахъ окажется на сторонѣ возстанія, если только военный организаторъ еще съ мирнаго времени не сумѣлъ быть справедливымъ относительно него. Это вопросъ кардинальный, отъ разрѣшенія котораго зависитъ вся устойчивость не только огромныхъ полчищъ современности, но и тѣхъ новыхъ образований, появленіе которыхъ въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ предвидитъ настоящій трудъ.

Безъ словъ ясно, что и прочіе профессиональные солдаты во всѣхъ отношеніяхъ подходятъ подъ тѣ требованія жизни, которыя отмѣчены только что.

Велико разнообразіе вождей патрикляристскихъ вооруженныхъ выступленій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бѣгло возстановить въ памяти списокъ такихъ случайныхъ вождей. Д'Аннунціо — извѣстный поэтъ, Махно — двойной убійца, брато и женоубійца, уголовный каторжникъ, Брусилловъ — главнокомандующій и генераль-адютантъ Императора Николая II, Буденный и Думенко — вахмистра.

Галлеръ — австрійскій полковникъ, Антоновъ — политическій ссыльный и революціонеръ, Петлюра — сельскій учитель, Кемаль-паша — турецкій генералъ, Сорокинъ — изъ фельдшеровъ сдѣлавшійся главковерхомъ, Желиговскій — польскій генералъ, основавшій самостоятельную Вильну, Бела-Кунъ — австрійскій дезертиръ, Булакъ-Булатовичъ — русскій штабсъ-ротмистръ, Крыленко — обозный прапорщикъ, Семеновъ — царскій казачій офицеръ, полумонголъ, полурусскій, Троцкій — политическій эмигрантъ и революціонеръ, Григорьевъ, гроза Одессы — царскій офицеръ, Керенскій — адвокатъ, Бермонтъ — военный капельмейстеръ, Раковскій — революціонеръ и штатскій, Сытинъ — царскій генералъ съ замараннымъ личнымъ прошлымъ, Подтелковъ — глава Донскихъ большевиковъ и бывший гвардейскій урядникъ, Муравьевъ — полицейскій приставъ, Рошаль — медикъ, Голубовъ — казачій офицеръ, Фрунзе — старый революціонеръ и штатскій челоуѣкъ, Венизелось — министръ и государственнй челоуѣкъ и патриотъ и т. д., и т. д. Изъ этого случайнаго перечня ясно, что подобные вожди пополняются не всегда изъ рядовъ арміи, вѣрнѣе говоря, важнѣйшіе или популярнѣйшіе изъ нихъ. Троцкій, Бела-Кунъ, Петлюра, Крыленко, Махно, д'Аннуціо, Венизелось, Раковскій, или штатскіе, или военные только по призыву и по имени, а не по карьерѣ. Уже по одному этому легко составить себѣ понятіе о степенн податливости современныхъ полчищъ всякаго рода пропагандѣ и партикуляризму. Челоуѣкъ, который имѣетъ своимъ лозунгомъ „дерзай“, при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ всегда можетъ расчитывать увлечь за собою часть нынѣшней, такъ называемой, регулярной силы.

Первое, что поражаетъ при просмотрѣ этого длиннаго перечня фамилій, это пестрота профессій и предварительной передъ военной дѣятельностью подготовки.

Старые революціонеры (Раковскій, Троцкій), придворные и явные куртизаны (Брусилловъ), дезертиры (Бела-Кунъ), сельскіе учителя (Петлюра), фельдшера (Сорокинъ), капельмейстеры (Бермонтъ), обозные (Крыленко), генералы оппозиционисты (Сытинъ), полицейскіе (Муревьевъ), офицеры (Семеновъ, Григорьевъ), министры (Венизелось), поэты (Д. Аннуціо), каторжники (Махно), адвокаты (Керенскій), врачи (Рошаль), вахмистра (Буденный, Думенко), — всѣ могутъ расчитывать въ одинъ прекрасный и удобный для ихъ дѣятельности день стать во главѣ современнаго полчища или его болѣе или менѣе значительной части. Все основано на политичности современнаго войска, на склонности его къ воспріятію любой пропаганды, на партійности его, на наличіи внутри рядовъ подходящихъ ячеекъ и идей.

Это такая почва, на которой легко произрастаетъ всякаго рода измѣна, предательство и политиканство.

Оставляя въ сторонѣ тѣхъ изъ перечисленныхъ выше вождей, которые работали надъ увлеченіемъ массы за своими партикуляристскими логунгами въ силу своихъ убѣжденій, обратимся къ тѣмъ изъ нихъ, которые перекрашивались въ соответственные модные цвѣта, не останавливаясь даже передъ разложеніемъ государственной вооруженной силы.

Типичными представителями такихъ главарей являются Брусилловъ, Голубовъ и Сытинъ.

Учитель верховой ѣзды до чина генераль-маіора включительно, самъ великолѣпный наѣздникъ, Брусилловъ заслужилъ этимъ благосклонность Великаго Князя Николая Николаевича, постоянного покровителя коннаго спорта въ арміи. Никогда ни чѣмъ предварительно не командуя, Брусилловъ получилъ вторую гвардейскую кавалерійскую дивизию. Черезъ короткій срокъ онъ уже командовалъ корпусомъ, причемъ передъ отъѣздомъ къ новому мѣсту служенія во время прощальнаго обѣда въ присутствіи Великаго Князя Николая Николаевича на глазахъ многихъ присутствующихъ поцѣловалъ руку у своего августѣйшаго покровителя въ знакъ признательности за назаслуженныя милости. Война была также благосклонна къ Брусиллову, человѣку „случая“: знаменитый его прорывъ 1916 г., обязанный своимъ успѣхомъ серьезному, талантливому и скромному его начальнику артиллеріи генералу М. В. Ханжину, прославилъ не этого выдающагося артиллерійскаго генерала, а Брусиллова, который не сумѣлъ даже эксплуатировать безъ лишняго труда доставшуюся ему побѣду и не справился съ задачею массоваго кавалерійскаго преслѣдованія, не взирая на свою кавалерійскую спеціальность. Однаго, искусная реклама свила вокругъ имени Брусиллова побѣдный ореолъ. Съ началомъ революціи Брусилловъ, не ожидая соответствующаго приказа по арміи, поспѣшилъ снять со своихъ погонъ генераль-адъютантскіе вензеля и душою привязался къ Керенскому, который полюбилъ его почти такъ-же, какъ и Великій Князь Николай Николаевичъ, — результатъ назначеніе Верховнымъ Главнокомандующимъ. Къ этому времени относится мнѣніе старательно распространяемое женою Брусиллова, на которой онъ женился всего пять лѣтъ передъ тѣмъ, что „Алексѣй Алексѣевичъ уже свыше двадцати лѣтъ социаль-демократъ“.

Съ большевистскимъ переворотомъ любовь Брусиллова перенеслась соответственно на Троцкаго, который, думается, одинъ изъ всѣхъ покровителей этого генерала-куртизана по профессіи, не заблуждается на счетъ его сущности, но пользуется имъ, какъ фирмою безъ внутренняго содержанія. Отсюда удаленіе Брусиллова отъ отвѣтственныхъ командныхъ постовъ въ Красной арміи. Гуттаперчевая эластичность совѣсти подобныхъ вождей весьма удобное качество для тѣхъ періодовъ болѣзненныхъ переживаній, которымъ подѣляемъ политическихъ переѣздовъ подвержены нынѣшнія пол-

чища. Это качество — поле для измѣны и для лакейства¹⁾.

„Но кто былъ Голубовъ и что совершилъ онъ?“

„Донской казакъ, бывший питомецъ Донскаго корпуса и Михайловскаго артиллерійскаго училища, онъ молодымъ офицеромъ Донской артиллеріи рано бросилъ службу и возвратился на такую же службу лишь въ дни войны.

„Авантюристъ въ чистомъ видѣ, храбрый, даже отчаянный, пьяный, разнузданный, совершенно безпринципный, душевно неопрятный, — онъ прикоснулся къ яду социальнахъ ученій въ періодъ своего дополнительнаго образованія въ зрѣломъ возрастѣ въ училищѣ шкиперовъ. Дальше мы видимъ Голубова студентомъ Томскаго университета, но во главѣ студентовъ не „революціоннаго крыла“²⁾. Это былъ тотъ самый Голубовъ, который избилъ въ тѣ дни редактора мѣстной томской газеты за неодобрительное отношеніе къ дѣламъ, гдѣ былъ замѣшанъ и Голубовъ.

Мятежная его душа не знала покоя. Ординарный разумъ его не смогъ разобраться въ плохомъ и хорошемъ, не смогъ все это совмѣстить, и Голубовъ давно уже началъ жить не разумомъ, а только мятежнымъ сердцемъ.

Дослужившись, въ конечномъ результатѣ до штабъ-офицерскаго чина, онъ съ первыхъ-же дней „Великой безкровной Россійской революціи“ опредѣлилъ себя въ Атаманы Войска Донскаго и съ этой мыслью уже не разставался.

Гнусное поведеніе Голубова въ 1917 году вынудило даже атамана Каледина арестовать его въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дабы положить предѣлъ его пагубной дѣятельности, но³⁾ вскорѣ все-же ему была возвращена свобода.

„Между тѣмъ Голубовъ понималъ, что путь къ трону въ годину лихолѣтья прокладываетъ только вооруженная

---

¹⁾ Схожій типъ представляетъ собою „правая рука“ Троцкаго генерала Балтійскій, но только по сравненію съ Брусиловымъ, онъ конечно, всегда плавалъ болѣе мелко. Слишкомъ искательный и угодливый передъ бывшимъ военнымъ министромъ ген. Сухомлиновымъ, онъ былъ за это съ началомъ революціи отставленъ отъ активной службы. Съ пришествіемъ большевиковъ онъ, не долго думая, предложилъ свою помощь Троцкому, съ которымъ сдѣлался неразлученъ. На его активъ съ той поры числятся „Брестскій договоръ“, положившій начало расчлененію Россіи и этою цѣною начало личной карьеры Балтійскаго, и разстрѣлъ 54.000 офицеровъ старой арміи, бывшихъ товарищей по оружію этого генерала.

Тѣмъ болѣе странно читать на страницахъ „Exceisior“ (10 іюня 1922 г. № 4191) отзывъ о Балтійскомъ, какъ о „русскомъ Мольтке и мозгѣ Троцкаго. Его цѣль, якобы пренебрегая предразсудками русской военной среды, сберечь неприкосновенность границъ Россіи (это послѣ Бреста) и армія (это послѣ уничтоженія ея офицерскаго кадра).

²⁾ Генералъ Денисовъ. Записки. Гражданская война на югѣ Россіи № 32.

³⁾ Idem, стр. 32.

сила и потому приступилъ къ набору вѣрной себѣ дивизіи изъ 2, 10, 27, 44 донскихъ казачьихъ полковъ“.¹⁾

Подборъ частей былъ сдѣланъ очень искусно, въ частности относительно 10 полка и полковъ его территориальнаго звена, 27 и 44. Комплектованные казаками изъ рабочаго Донецкаго района, эти части, окруженные чуждымъ имъ населеніемъ, въ то-же время въ силу этого отличались особой „казачьей“ сплоченностью. Знакомые съ дѣтства съ вождельніями шахтеровъ и рудокоповъ, онѣ не нуждались въ дополнительной своей революціонной обработкѣ.

„Все это учель Голубовъ, — и не ошибся“.²⁾ Во главѣ своихъ казаковъ онъ ворвался на засѣданіе Донскаго Круга, лично сорвалъ погоны съ Донскаго Атамана ген. Назарова, арестовалъ его и предсѣдателя Круга, дерзкимъ окрикомъ разогналъ послѣдній и овладѣлъ властью въ качествѣ „революціоннаго атамана“.

„Голубовъ торжествовалъ и его счастьемъ вторило „ура“ пьяной черни, которая уже хозяйничала въ городѣ. Обыски, разстрѣлы, доносы, предательства, пьянство, аресты, разгулъ, разбой, грабежи, пожары и пр. прелести большевистскаго рая были наградой „осиному гнѣзду“, какъ давно называли Новочеркасскъ Керенскій, Ленинъ и послушные агенты“.³⁾

Въ ночь съ 17 на 18 февраля 1918 г. былъ разстрѣлянъ выборный атаманъ ген. Назаровъ.

„Подлые убійцы передъ разстрѣломъ приказали Атаману Назарову повернуться спиной къ нимъ.

Солдатъ встрѣчаетъ смерть не спиной, а лицомъ, — отвѣтилъ спокойно атаманъ и перекрестившись, сложилъ руки и скомандовалъ: — Слушай команду: разъ, два, три“.⁴⁾ Такъ умеръ профессиональный воинъ отъ руки авантюриста современныхъ полчищъ.

Наконецъ, третій, но менѣе поучительный, типъ офицера, ищущаго карьеры среди смуть и бѣдствій гражданской распри. Это Сытинъ (Павель), жизнь котораго можно отмѣтить слѣдующими типичными чертами. Съ внѣшностью и съ содержаніемъ Гоголевскаго героя-шулера, знаменитаго Ноздрева, въ молодости исключенный изъ генеральнаго штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это „въ наказаніе“ въ артиллерію (точно этотъ родъ оружія могъ терпѣть шулеровъ?) во время Великой войны добрался до должности начальника дивизіи, причемъ при назначеніи на такую разыгрался слѣдующій эпизодъ. Коман-

¹⁾ Idem, стр. 33.

²⁾ Idem, стр. 34.

³⁾ Idem, стр. 36.

⁴⁾ Idem, стр. 37.

диръ корпуса въ составъ котораго входила дивизія, въ послѣднюю минуту передъ этимъ назначеніемъ, сдѣланнымъ по настояніямъ тогда командовавшаго IX арміей генерала Черемисова, случайно освѣдомился объ упомянутомъ „пятнѣ“ на репутаціи Сытина и просилъ Черемисова стмѣнить назначеніе, послѣдній рѣшительно отказалъ въ просьбѣ, хотя и сказалъ при этомъ, что и ему кое-что, какъ-будто-бы извѣстно по поводу „пятна“.

Въ дальнѣйшемъ, какъ и слѣдовало ожидать, это сальное пятно расплылось. Тотчасъ-же по прибытіи къ дивизіи, одной изъ лучшихъ во всей Русской арміи, обязанной этимъ своему прежнему начальнику генералу Ваденшерна, Сытинъ вмѣстѣ со своей, всюду сопровождавшей его, любовницей занялся демагогическимъ развращеніемъ своей части. Фактически командованія не было никакого.

Когда случился большевистскій переворотъ въ Петроградѣ, Сытинъ, хотя это нисколько не требовалось отъ корректнаго строеваго начальника, послалъ телеграмму съ выраженіемъ строгаго порицанія большевикамъ и своей преданности правительству Керенскаго. Но черезъ нѣсколько дней, когда, сверхъ общаго ожиданія, обнаружилось полное банкротство послѣдняго и вырисовалось возможное окончательное торжество большевиковъ, Сытинъ отправилъ телеграмму съ выраженіемъ своей преданности совѣтамъ. При этомъ изъ солдатскихъ комитетовъ онъ не выѣзжалъ, ведя въ нихъ соответствующую пропаганду или, вѣрнѣе, стараясь подыграть къ сквернѣйшимъ солдатскимъ элементамъ, въ то время начинавшимъ подымать голову. Послѣ уничтоженія Ставки и водзоренія на развалинахъ ея пресловутаго новаго Главковерха обознаго прапорщика Крыленко, онъ отправилъ къ нему своего довѣреннаго тайнаго посла одного своего офицера, Зарембу, который привезъ отъ Крыленко предписаніе „устранить корпуснаго командира и начальника штаба корпуса“. Это и было верхомъ желаній честолюбца Сытина, мечтавшаго о постѣ корпуснаго командира. Но тутъ произошелъ неожиданный эпизодъ. Солдатскій комитетъ, за которымъ онъ такъ ухаживалъ, назначилъ на эту должность солдата, приставивъ къ послѣднему Сытина въ качествѣ начальника штаба корпуса. Такимъ образомъ, честолюбіе было больно уязвлено назначеніемъ на низшую должность.

Вскорѣ, однако, взбунтовавъ два корпуса, Сытинъ сдѣлался какъ бы начальникомъ штаба маленькой арміи и объявилъ походъ на Яссы, гдѣ въ то время размѣщалась Королевская главная квартира и штабъ русскаго командованія. Этотъ походъ потерпѣлъ полное фіаско, благодаря принятымъ энергичнымъ мѣрамъ, и Сытинъ на нѣсколькихъ десяткахъ автомобилей со своими приверженцами, членами боль-

шевистскихъ комитетовъ и денежными кассами, уѣхаль къ австрійцамъ, а затѣмъ черезъ ихъ расположеніе къ большевикамъ.

Вскорѣ онъ появился въ Кремлѣ на представленіи Троцкому во главѣ группы такихъ-же, какъ онъ перебѣжчиковъ. Здѣсь имъ всѣмъ пришлось выслушать извѣстный комплиментъ Троцкаго: „Не могу обезпечить Вамъ личной безопасности, но могу гарантировать вѣрную смерть въ случаѣ измѣны“.

Отмѣтивши словомъ „измѣна“ свой мѣткій діагнозъ, Троцкій, однако, послалъ Сытина въ Кіевъ въ составѣ делегации для заключенія перемирія съ украинскимъ правительствомъ гетмана. Здѣсь Сытинъ былъ не въ духѣ и встрѣчаясь со своими бывшими сослуживцами, въ интимныхъ разговорахъ, увѣрялъ, что большевистскому дѣлу скоро капутъ, причемъ пробоваль вновь конвертироваться.

Однако, большевики удержались у власти, удержался у Сытинъ. Это онъ командоваль протівъ Деникина, когда послѣдній двигался побѣдоносно къ Орлу, и не его вина—если бѣлые катились безудержно впередъ. Со свойственнымъ Сытину чисто ноздревскимъ хвастовствомъ онъ, не унывая, повторяль: „Держись Деникинъ, Антонъ, посмотримъ кто кого“.

Какъ-бы то ни было новая измѣна была не за горами. Теперь Сытинъ за границей, въ Германіи, гдѣ во всякомъ случаѣ можетъ продолжать свои ноздревскіе подвиги въ ожиданіи крушенія большевистской власти, близость котораго показываетъ самый фактъ присутствія Сытина среди эмиграціи.

Мы дали три типа офицеровъ, перекрашивающихся подъ влияніемъ событій гражданской войны, въ поискахъ своей личной карьеры, которая, по ихъ мнѣнію, должна не погибнуть одна среди общаго крушенія: Брусиловъ-куртизанъ, Голубовъ-авантюристъ-демагогъ и Сытинъ-Ноздревъ по психикѣ и по профессіи, измѣнникъ въ семьѣ, въ карточной игрѣ, на службѣ, въ полигической дѣятельности, измѣнникъ временному правительству, измѣнникъ большевикамъ, измѣнникъ въ прошломъ, измѣнникъ въ будущемъ.

Сытинъ, какъ типъ гражданской войны, особенно поучителенъ своей распространенностью; его главный стимуль—дерзай ради личной выгоды.

Между этими тремя крайними типами находится много разновидностей военныхъ вождей гражданской распри, гдѣ честные, идейные люди тонуть въ окружающей грязи. Для того, чтобы обезпечить ихъ наличіе въ военной организациіи, нужны тоже идейныя мѣры, основанныя на провозглашеніи и, не только провозглашеніи, но, что самое главное, проведеніи въ жизнь высокихъ и строгихъ идеаловъ. Это удалось Оливеру Кромвелю съ его пуританами, но не уда-

лось ни Деникнну, ни Ленину. У Деникина былъ идеаль, но не было строгости, у Ленина есть строгость, но нѣтъ любезнаго главной массѣ идеала, который замѣняется демагогіей. А послѣдняя смертный грѣхъ полчищъ гражданской смуты.

Нужно-же признать, наконецъ, что кровавая демагогія одинъ изъ печальныхъ тайниковъ этихъ полчищъ и что было-бы большой неосторожностью не назвать ее настоящимъ именемъ, имѣя въ виду „конфликты предвидимые и въ тайнѣ желаемые нѣкоторыми“.

Въ безумной погонѣ за „массою“, какъ главнѣйшимъ основаніемъ внѣшней безопасности государства во всѣхъ странахъ, въ одинъ съ большимъ, въ другихъ съ меньшимъ успѣхомъ, культивируется военный спортъ, въ качествѣ средства тренировки тѣхъ элементовъ населенія, которые или не вошли въ ряды арміи, или еще слишкомъ молоды для этого, или, уже покинувъ войска, рискуютъ потерять необходимые физическіе и моральные навыки.

Хорошая сторона этой мѣры — это безусловное оздоровленіе населенія и воспитаніе въ его средѣ привычки къ массовой дисциплинѣ. Никто не станетъ отрицать этого. Нельзя отрицать и того, что тренированный такимъ образомъ контингентъ будетъ наилучшимъ для пополненія арміи, но нельзя забывать при этомъ, что палка о двухъ концахъ: тренированная и организованная военнымъ спортомъ молодежь съ одинаковымъ успѣхомъ, въ случаѣ наличія соответственныхъ политическихъ теченій, можетъ встать и на защиту государства, и для разрушенія его. Весь вопросъ въ томъ, у какихъ вождей во власти окажется эта энергичная, полная силъ масса, у дѣйствительныхъ политическихъ руководителей страны съ ихъ понятной совѣстливостью и съ ихъ сознаніемъ ответственности, или у главарей со всѣмъ очарованіемъ заманчивыхъ обѣщаній безъ намека на какія-бы то ни было опасенія ответственности. Первые напоминаютъ непрестанно о суровомъ долгѣ, вторые играютъ только на обѣщаніи правъ. Вопросъ въ томъ, кому легче достанется побѣда.

Во Франціи въ послѣднюю войну борьба обѣихъ категорій вождей велась не на жизнь, а на смерть, и къ счастью для человѣчества, благодаря наличію въ рядахъ правительства многихъ одаренныхъ и талантливыхъ, честныхъ и энергичныхъ, искреннихъ и горячихъ, и вслѣдствіе этого увлекающихъ за собою, вождей, они оказались побѣдителями.

Это будетъ не всегда, и объ этомъ нужно помнить всегда.

Выше уже была разъяснена съ достаточной ясностью и подробностью важность общественныхъ организацій для современной внѣшней вооруженной борьбы. Здѣсь необхо-

димо подчеркнуть, что внутренней, гражданской войны должна предшествовать систематическая и упорная борьба за влияние в среде обществённости. Безъ овладѣнія ею нечего и думать овладѣть страной и захватить власть.

На нашихъ глазахъ водворенію большевиковъ у правительственнаго центра предшествовала именно такая побѣда во всевозможнаго рода мѣстныхъ совѣтахъ при попустительствѣ временнаго правительства. Это было не только при Керенскомъ, но и при князѣ Львовѣ, который, согласно свидѣтельства одного изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, Милюкова, съ полнымъ, сознательнымъ и наивнымъ благодушіемъ наблюдалъ подобное перерожденіе совѣтовъ¹⁾. Крушеніе спартакистскихъ штурмовъ въ Германіи нужно приписать, между прочимъ, и тому, что ихъ началу не предшествовала подобная-же работа и что тогдашнее правительство не отличалось такимъ прекрасодушіемъ, какимъ зарекомендовали себя правительства Керенскаго и кн. Львова.

Нынѣшняя гражданская война должна начинаться за спиною регулярной арміи, въ ея тылу, переноситься затѣмъ въ ея ряды и только послѣ этого выходить на открытый бой съ нею. Въ противномъ случаѣ пораженіе возставшей стороны неминуемо. Въ этомъ нужно искать объясненіе побѣдъ красной арміи въ Россіи и пораженій Деникина и Колчака.

Эта тыловая работа ведется не всегда по плану и подъ руководствомъ стороны, поднявшей возстаніе. Сама гражданская война, вызываетъ такое, чисто стихійное пониженіе нравственности воюющихъ массъ, что разложеніе тыла, на руку противнику, совершается часто безъ его вѣдома, собственными преступными руками. Ленинъ зналъ, что говорилъ, когда заканчивая свою борьбу съ Колчакомъ и предполагая обратиться противъ Деникина, находившагося уже у воротъ Москвы, настойчиво повторялъ: „Мы возьмемъ Деникина, какъ и Колчака, съ тыла“. И дѣйствительно, въ тылу у Добровольческой арміи вскорѣ вспыхнуло возстаніе Махно, причѣмъ это возстаніе вовсе не было дѣломъ рукъ Ленина, а скорѣе невольнымъ твореніемъ безудержной администраціи Добровольческой арміи. Обратнo, большевики, по приходѣ въ районъ дѣятельности бандъ Махно, занялись ихъ сокращеніемъ и подавленіемъ бунта.

Увѣнчавшемуся быстрымъ и рѣшительнымъ успѣхомъ возстанію Петлюры противъ гетмана Скоропадскаго въ 1919 г. предшествовала очень удачная работа по овладѣнію общественными организаціями Украины, особенно желѣзнодорожными и телеграфными. Скоропадскій оказался безъ связи со страной и атакованнымъ со всѣхъ сторонъ.

¹⁾ Милюковъ. — Исторія русской революціи.

Въ виду такой важности захвата тыла у противника становится ясной огромная роль искусной пропаганды и агитаціи. Она должна быть поставлена на солидныхъ и широкихъ основаніяхъ. „Бѣглая агитація ни къ чему“, справедливо утверждаетъ въ одной изъ своихъ рѣчей Троцкій¹⁾. Ему и книги въ руки въ этомъ вопросѣ.

Легкое поле для агитаціи даетъ, питаемая внѣшнюю войною, нужда и нарушеніе нормальныхъ условій существованія и быта. Война питаетъ нужду, нужда питаетъ народную войну. Поэтому регулярная армія, въ случаѣ затяжки внѣшней борьбы, должна быть въ наше время всегда готова къ народной войнѣ въ тылу. Вслѣдствіе такого положенія можетъ получиться кругооборотъ: внѣшняя война вызоветъ внутреннюю, а послѣдняя вновь выльется во внѣшнюю, что мы и видѣли уже въ Россіи и отчасти въ Греціи и Венгріи. Это ничто иное, какъ вѣчная война апокалипсическаго типа.

Теперь, какъ кажется, можно считать доказаннымъ то странное положеніе, когда война внѣшняя, отбирая всѣ силы страны, лишается необходимаго порыва для своего продолженія и когда въ то-же время внутри истерзаннаго войною населенія, нарождаются и получаютъ право и возможность развитія новыя силы протеста и бунта. Ясенъ также и составъ этихъ силъ и ихъ психика, разновидности ихъ вождей и ихъ причудливая этика.

Конечное, такое положеніе нельзя нарекать только революціей. Это имя слишкомъ слабо. Правильнѣе назвать это катастрофой.

Одна смѣлая, широкая и рѣшительная социально-экономическая политика можетъ предотвратить такой міровой обвалъ.

Ослабленіе націоналистическихъ импульсовъ и усиленіе классовыхъ и интернаціональныхъ, большевистская борьба противъ національности и поэтому противъ патриотизма, вкрапленіе въ самые ряды милиціонныхъ полчищъ современной политической борьбы, экономическія затрудненія въ міровомъ масштабѣ, влекуція такое положеніе, когда образовались народы-богатѣи и народы-бѣдняки, когда имущественная глухая борьба классовъ довоеннаго времени превратилась въ глухую такую-же борьбу народовъ и когда, какъ прежде классы населенія, такъ теперь народы не могутъ выйти изъ затрудненій по причинѣ полного сплетенія ихъ взаимныхъ интересовъ и отсутствія иной разъ желанія, иной разъ умѣнія идти на обоюдныя уступки, — все это до крайности обострило опасность переживаемаго момента.

¹⁾ „Въ Советской Россіи“, Рѣчь Троцкаго, журналъ „Зарницы“, 6 ноября 1921 г., № 26, стр. 24.

„Опасность вокруг насъ, воскликнулъ А. Брианъ въ своей извѣстной рѣчи на Вашингтонской конференціи, надъ нашими головами. Мы ее чувствуемъ блуждающей вездѣ“. ¹⁾

Голосу военныхъ спеціалистовъ долгъ совѣсти диктуеть необходимость предупредить міръ, что она бродитъ и въ рядахъ арміи и готовить послѣднюю къ гражданской войнѣ. Такая война неизбѣжна, разъ народы не найдутъ выхода изъ соціально — экономическаго тупика, обрисованнаго выше. На почвѣ непримиренныхъ международныхъ соціально-экономическихъ интересовъ можетъ и должна возникнуть жестокая борьба классовъ. До войны сдерживающимъ началомъ въ ней-было государство, послѣ войны оно можетъ потерять свой авторитетъ, если не сумѣетъ наладить международной коопераціи. И тогда полное раздолье коммунизму, на что и надѣются Ленинъ и К-о.

До послѣдней войны интересы народовъ уже были достаточно тѣсно сплетены, особенно въ области экономики. Но эта взаимная зависимость во всей своей широтѣ сказала только во время кампаніи, безъ чего оказалась невозможной побѣда, и, главнымъ образомъ, послѣ войны, когда становится все болѣе и болѣе яснымъ, что безъ международной коопераціи невозможенъ миръ, особенно внѣтренній.

Подъ вліяніемъ подобныхъ переживаній патріотизмъ, какъ главная спайка государства, нерѣдко начинаетъ тускнѣть въ представленіяхъ нѣкоторыхъ политическихъ партій и вмѣстѣ съ ними у нѣкоторыхъ оппортунистически настроенныхъ современныхъ вѣнныхъ, наличие которыхъ въ нынѣшнихъ полчищахъ, часто еще въ скрытомъ видѣ, можно считать уже доказаннымъ.

Патріотизмъ, какъ и всякая политическая сила, нуждается съ организаціи. Эта организація въ исторической періодъ уже много разъ эволюировала. Патріотизмъ прежняго цезаристскаго типа, подразумѣвавшего полное невмѣшательство народной массы въ управленіе своими историческими судьбами, въ наши дни смѣнился патріотически осмысленнымъ порывомъ всей народной толщи. Послѣдняя, прежде чѣмъ дать соотвѣтствующее дѣйственное настроеніе, должна знать, что и почему именно творится отъ ея имени и за ея счетъ и страхъ. Разница патріотическихъ настроеній Франціи и Германіи во время послѣдней войны въ томъ и заключалась, что у нѣмцевъ они были характера цезаристскаго, тогда какъ у французовъ строго демократическаго. База первыхъ поэтому оказалась слишкомъ узкой, чтобы имѣть быть устойчивой. Отсюда жалобы Людендорфа на то, что германскіе чиновники, съ канцлеромъ во главѣ, дѣлали слиш-

¹⁾ Le Matin, 23. XI. 1921, № 13762.

комъ мало, чтобы поддержать народный порывъ (точно это было во власти и въ возможностяхъ чиновниковъ?) и отсюда-же, опиравшійся на широкую базу французской демократіи, диктаторскій образъ дѣйствій Клемансо.

Въ настоящій моментъ коммунисты воспитываютъ въ массахъ новый видъ патріотизма классового, основаннаго на полномъ презрѣніи государства. База этого ученія—воспитанная войною анархическія представленія о морали и взлелѣянная ею-же экономическія бѣдствія. Этотъ видъ воспитанія народа тѣмъ легче, что весь аппаратъ демократіи въ распоряженіи новыхъ бойцовъ за новыя идеи. Другой вопросъ, съ какимъ вниманіемъ этотъ аппаратъ пойдетъ за новаторами и вообще, пойдетъ-ли онъ за ними. Это вопросъ причинъ внѣшнихъ, независимыхъ отъ него. Но фактъ остается фактомъ.

Типы народной войны строго отвѣчаютъ типамъ народнаго движенія, охарактеризованнымъ выше. Цезаристскій періодъ можно назвать временемъ мало благоприятнымъ для возгоранія народной войны: здѣсь она будетъ или ничтожна по своему развитію (1812 г.) или ее просто будетъ немыслимо организовать. Демократическій періодъ характеризуется возможностью большихъ народныхъ возстаній, если только силы страны не истощены уже призывами (Гамбетта) и, обратно, если такое истощеніе уже послѣдовало (Германія въ 1918 г.). Въ послѣднемъ случаѣ возстаніе народное возможно только противъ своего-же государства, возстаніе гнѣва народнаго противъ своей власти и своей демократіи, возстаніе анархическаго типа, предтеча того новаго періода, о пришествіи котораго черезъ всеобщее разрушеніе и анархію мечтаютъ коммунисты.

Придетъ онъ или не придетъ, — рѣшеніе этого роковаго вопроса зависитъ отъ того, какую форму приметъ и какое содержаніе усвоить вооруженная сила страны.

Въ цезаристскій періодъ народная война не знала ничего, кромѣ партизановъ, въ демократическій — она знавала цѣлыя импровизованныя арміи (Гамбетта), въ анархическій — ея формы выльются въ банды, какъ это и было въ Россіи, пока изъ этихъ бандъ и шаекъ не сформировалась постепенно Красная армія.

Слѣдуетъ отмѣтить особенность нынѣшнихъ полчищъ. Насколько регулярная армія въ наше время способна терять свою организаціонную солидность и даже, подъ вліяніемъ политическихъ и соціальныхъ обстоятельствъ, рискуетъ нерѣдко своей цѣлостью, настолько-же и народная война способна обрегуляриваться.

Сама регулярная армія будетъ питать Красную тѣми элементами, которые часто оставляютъ желать многого съ этической точки зрѣнія и не оставляютъ нерѣдко желать ни-

чего лучшаго съ точки зрѣнія технической. Сама интеллигенція страны, поставленная въ невозможныя матеріальныя условія существованія, будетъ пополнять кадры Красной арміи, которая такимъ способомъ мало по малу изъ сборища бандъ дезертировъ, живущихъ грабежомъ и насиліемъ и работающихъ только ради грабежа, обращается въ регулярную силу.

Въ концѣ концовъ Красная армія можетъ просто поглотить регулярную, существовавшую до возникновенія гражданской, что и случилось на нашихъ глазахъ въ Россіи. Въ Венгріи этотъ процессъ былъ еще поучительнѣе и оригинальнѣе. Здѣсь регулярная армія превратилась въ одинъ прекрасный день въ красную, а затѣмъ вновь переродилась въ регулярную прежняго типа. И все это на протяженіи времени менѣе года.

Не прошло послѣ этого еще двухъ лѣтъ, какъ та-же Венгерская армія, узнавая случайныхъ авантюристическихъ красныхъ главарей, уже участвуетъ въ реставраціонной монархической попыткѣ.

Такова подвижность современной военной системы и такова ея чуткость къ разнымъ политическимъ вѣяніямъ и крайностямъ. Нынѣшняя армія богатое и благодарное поле для демагоги.

Если Красное воинство обнаружило способность принимать регулярныя формы, то въ то-же время, подобно всякой регулярной арміи современности, оно обнаруживаетъ не меньшую склонность къ своей индустриализаціи. Конечно, вслѣдствіе неизбежнаго для анархіи разрушенія промышленности страны это условіе будетъ соблюсти гораздо труднѣе, чѣмъ усвоить внѣшнія формы регулярнаго устройства войскъ, но это все-же не исключается, въ особенности въ странахъ съ богато-оборудованной промышленностью. Какъ показываетъ опытъ Россіи, не взирая на всѣ невообразимыя затрудненія для фабрикъ и заводовъ, они все-же смогли въ крайне необходимой мѣрѣ, въ теченіе довольно долгаго времени справляться съ нарядами, даваемыми имъ для цѣлей обороны.

Эта склонность нынѣшней народной войны принимать по возможности регулярныя формы во всѣхъ отношеніяхъ иногда носить даже комическій характеръ. Такъ при отходѣ къ Новороссійску генерала Деникина послѣ понесеннаго имъ послѣдняго пораженія, когда многочисленные его дезертиры образовали въ Кавказскихъ горахъ такъ называемую Зеленую армію, вооружившуюся во имя „нейтралитета“ и „мира“, было установлено старательное копированіе этими дезертирами всѣхъ порядковъ регулярной силы: у нихъ были штабы, оперативныя отдѣленія, управленія снабженіями, словомъ, вся техника регулярнаго войска.

Причину и объясненіе этого явленія нужно искать въ популяризаціи военнаго искусства въ массахъ населенія при посредствѣ всеобщей воинской повинности и послѣдней большой войны. Такая вульгаризація военныхъ знаній очень увеличиваетъ вѣроятія для возникновенія гражданской войны; главари крайнихъ партій, ищущихъ прямого дѣйствія, имѣютъ возможность, благодаря популяризированной военной техники, рассчитывать на успѣхъ своей политической тактики.

Приведенныхъ факторъ, думается, достаточно для вывода о томъ, что сама регулярная армія, построенная на началахъ всеобщей воинской повинности, является лучшей школой для воспитанія элементовъ нужныхъ гражданской войнѣ. Она даетъ ей ту технику и тѣ знанія, которыя необходимы главарямъ возстанія, начатаго во имя того или иного политическаго идеала.

Переходя къ организаціи и тактикѣ гражданской войны, должно на первомъ мѣстѣ отмѣтить „раіонность“ ея и прикрѣпленіе къ мѣстности. Первые ея фазисы, наиболѣе отвѣтственные моменты организаціи, построены на сочувствіи мѣстнаго населенія и на богатствѣ мѣстныхъ средствъ. Выборъ раіона казачьихъ областей для начала формированія Добровольческой арміи показываетъ правильный взглядъ генерала М. В. Алексѣева на этотъ предметъ. Казаки были тотъ прочный элементъ, который менѣе другихъ въ Россіи былъ подверженъ большевизму и въ то-же время области Донская, Терская и, особенно, Кубанская изобиловали запасами всякаго рода. Не вина инициатора формированія, если впоследствии вслѣдствіе ненужныхъ рѣзокостей, были испорчены отношенія съ казаками, и поэтому Добровольческая армія морально лишилась своего богатаго плацдарма.

Точно также такой-же удобный плацдармъ и по тѣмъ-же причинамъ представляетъ собою Украина, и именно вслѣдствіе этого на ней гражданская война, хотя уже свыше четырехъ лѣтъ, не прекращается ни на одинъ день. Къ сожалѣнію и здѣсь не было достаточно широкой и грамотной организаціи, чтобы обезпечить ей полный успѣхъ.

Именно въ силу „раіонности“ гражданской войны, въ начальный, организаціонный ея періодъ, и важны захваты пунктовъ и путей, особенно желѣзнодорожныхъ, и, среди другихъ узловъ, конечно, столицъ, какъ нервныхъ центровъ страны, откуда распространяется по всему пространству государства власть.

Въ этомъ отношеніи принципы веденія операцій гражданской войны противоположны принципамъ веденія войны внѣшней. Послѣдняя требуетъ разбитія живой силы врага, а затѣмъ уже овладѣнія столицей и мѣстностью. Въ борьбѣ внутренней рассчитывать разбить регулярную армію въ

первый періодъ возстанія не приходится. Поэтому лучше овладѣвать пунктами, затрудняющими или даже совершенно парализующими сообщенія и управленіе у противника.

Въ этомъ отношеніи дѣйствія русскихъ и венгерскихъ большевиковъ заслуживаютъ вниманія. Они начались съ захвата столицъ. Тогда какъ въ Германіи и въ Италіи при подобныхъ-же вспыскахъ руководители мятежа пренебрегли этимъ условіемъ или были лишены всякой возможности ихъ осуществить, и возстанія были потушены въ короткій срокъ.

Какъ и во многомъ въ жизни, занятіе столицъ во время гражданской войны даетъ и свои выгоды, но можетъ послужить и къ невыгодѣ. Послѣднее неминуемо въ тѣхъ случаяхъ, когда молодое воинство, уже подготовленное условіями гражданской борьбы къ извѣстному моральному упадку, не найдетъ въ себѣ духовныхъ данныхъ противостоять ему. Въ такомъ случаѣ столица сдѣлается для него „Капудей“. Возможность веселой жизни, быстраго обогащенія, соприкосновеніе съ слоями населенія, не чуждыми крайнихъ политическихъ тенденцій въ лицѣ-ли интеллигенціи, въ лицѣ-ли рабочихъ, — все это можетъ разрушить дисциплину въ войскахъ. Подобный печальный исходъ тѣмъ болѣе возможенъ, что во время гражданской войны въ дѣлѣ участвуютъ нерѣдко импровизированныя воинскія части, сформированныя во время борьбы: они, не успѣвъ окрѣпнуть, подъ влияніемъ огромныхъ столицъ, могутъ преждевременно разложиться,

Вообще „раіонность“ гражданской войны передъ вождями ея ставитъ одновременно, казалось-бы, два противорѣчивыхъ основныхъ требованія, отъ удачнаго рѣшенія которыхъ въ равной степени зависитъ успѣшный исходъ борьбы. Послѣдній безусловно кроется въ томъ, сумѣютъ-ли вожди отдать себѣ ясный отчетъ въ этихъ двухъ исключаящихъ другъ друга условіяхъ и смогутъ-ли они найти среднюю примиряющую линію. Эти требованія: 1) необходимость удержанія обширныхъ территорій и важныхъ пунктовъ и 2) необходимость сосредоточенія главныхъ силъ для нанесенія рѣшительнаго удара.

Несоблюденіе перваго изъ условій вызоветъ то нежелательное явленіе, что мѣстное населеніе рано или поздно отшатнется отъ той стороны, которая не сумѣетъ обезпечить его безопасности. Отшатнется, вслѣдствіе-ли разочарованія, вслѣдствіе-ли боязни другой стороны, но непременно отшатнется. Населеніе во время гражданской войны любитъ, какъ женщина, опираться на сильную руку. Но и армія, поддерживающая народное движеніе, также можетъ бороться, только опираясь на полное сочувствіе населенія и его явную помощь. Если армія заставитъ населеніе расплачиваться за свое сочувствіе цѣною слишкомъ большихъ страданій, то

„любовь“ между населеніемъ и арміей, какъ въ несчастномъ бракѣ по взаимной склонности, быстро пройдетъ и можетъ даже постепенно превратиться въ ненависть. Это то, что случилось съ Деникинымъ въ концѣ 1919 г., а между тѣмъ лѣтомъ того-же года, волею судьбы, онъ находился во главѣ могучаго народнаго порыва, родившаго ему, какъ по мановенію волшебнаго жезла, сильную армію въ 200.000 человекъ. Но онъ такъ часто выручалъ и затѣмъ вновь предавалъ мирное населеніе занятыхъ мѣстностей, что оно окончательно извѣрилось въ немъ.

Для рѣшенія обѣихъ основныхъ задачъ, отмѣченныхъ выше, Деникинъ растянулъ свою армію по всему фронту отъ Волги и Царицына черезъ Орель до польской границы у Проскурова на общемъ протяженіи около 2000 километровъ, и пытался частями все той-же арміи обезпечить и огромную область своей тыловой территоріи, равную соединенной площади Франціи и Германіи. Задача, конечно, нерѣшаемая тѣми силами, которыя имѣлись у Деникина. Ясно, что при упрямой попыткѣ рѣшить ее все-же такимъ именно образомъ, получилось то положеніе, когда въ моментъ наиболѣе критической борьбы, осенью 1919 г., на главномъ направленіи у Орла оказалось всего 6.000 человекъ изъ 200.000. Деникинъ былъ въ это время вездѣ равно слабъ.

Чтобы избѣжать подобнаго положенія, исходъ одинъ: по возможности не тратить армію, хотя-бы импровизированную, что свойственно гражданской войнѣ, на обезпеченіе „раіоновъ“ и создать для этой цѣли новый видъ вооруженной силы, имѣющей свое спеціальное назначеніе и прибѣгающей къ своей особой тактикѣ.

Обыкновенно въ населеніи можно отдѣлать два рѣзко отличныхъ элемента: одинъ, способный на активную борьбу и годный для пополненія арміи и другой, пригодный только на пассивное сопротивление для защиты своихъ очаговъ. Нужно умѣть ихъ использовать въ предѣлахъ ихъ способностей. Великое заблужденіе Деникина было въ томъ, что онъ не дѣлалъ разницы между этими категоріями населенія и, настаивая на „отбываніи всеобщей воинской повинности“ согласно законоположеніямъ, существовавшимъ въ Россіи не только до войны, но и до революціи, испытывалъ и выражалъ великую досаду на населеніе, когда оно, случалось, не отвѣчало его призывамъ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было желательно канцеляріямъ штаба, ничего не забывшаго и ничему не научившагося.

Было напрасной иллюзіей надѣяться, что всѣ имѣвшіеся въ занятыхъ территоріяхъ офицеры и всѣ люди призывныхъ возрастовъ откликнутся съ одинаковой готовностью идти-ли въ армію для дальнихъ предпріятій или-же для веденія мѣстной, раіонной войны. Было много не только среди

офицеровъ и мирныхъ жителей, но и между военнымъ по наслѣдственнымъ преданіямъ населеніемъ казачихъ областей такихъ, которые готовы были-бы на мѣстную борьбу, но не двинулись-бы въ дальній походъ. Быть можетъ это съ перваго взгляда покажется мало почтеннымъ, но такова природа гражданской войны, и военному организатору ея необходимо съ нею считаться. Противъ природы переть вообще не рекомендуется: это неразумная борьба со стихіями, не обѣщающая ничего, кромѣ конечной неудачи.

А между тѣмъ помощь и содѣйствіе пассивныхъ слоевъ населенія совсѣмъ не такой пустякъ, чтобы имъ пренебречь. Кто эти пассивные люди? Это большею частью главы семействъ, у которыхъ не хватаетъ духу бросить на произволъ неумолимаго случая гражданской бойни свои семьи; это люди, не рѣшающіеся покинуть на волю судьбы все свое состояніе, скопленное нерѣдко трудами всей своей жизни; это тѣ, которые еще не рѣшаются увѣрять въ окончательный успѣхъ движенія и которые, поэтому, осторожничаютъ; это мѣстные люди, ставящіе мѣстный интересъ превыше всего; это люди, не знавшіе въ теченіе всей своей жизни бранной борьбы и неожиданно поставленные лицомъ къ лицу съ нею, — естественно ихъ замѣшательство; это также и временно утомленные борьбою и ея переживаніями; наконецъ, это и тѣ, которые, пользуясь смутю и ненормальностями жизни въ періодъ гражданской войны, блюдутъ свой узко-эгоистическій интересъ, шкурники и спекулянты. Изъ этого краткаго и, конечно, далеко не полнаго перечня ясно, что въ средѣ пассивнаго населенія можно и должно найти круги, пригодные для „мѣстной“, „районной“ борьбы и работы рука объ руку съ регулярной силой во имя тѣхъ-же конечныхъ цѣлей. Эти здоровые тыловые элементы съ готовностью возьмутся и за оружіе для защиты своихъ очаговъ и семей, и за дѣло обузданія темныхъ дѣльцовъ тыла. Изъ этихъ-то здоровыхъ элементовъ и долженъ быть созданъ особый видъ вооруженной силы, котораго не знаетъ нормальная война и который свойствененъ только гражданской.

Это партизаны, банды, партіи, мѣстные отряды обороны и охраны.

Насколько трудна организациа партизанъ для регулярной войны, веденной арміей, набранной по всеобщей воинской повинности, лучше всего показываетъ опытъ Россіи. Во время Великой войны была устроена повсемѣстная на русскомъ фронтѣ партизанская организациа. Она достигла лишь одного: непроезводительной и часто безконтрольной траты казенныхъ денегъ офицерами, которые менѣе всего думали о партизанщинѣ и болѣе всего о возможности занять независимое положеніе въ тылу подъ опекою самой

Ставки. Какія партизанскія дѣйствія въ тылу противника были возможны, когда фронтъ представлялъ собою сплошную укрѣпленную полосу?

Не то въ гражданской войнѣ. Здѣсь партизанина, какъ показаль опытъ все той-же Россіи, дѣйствительно вполне возможенъ. На Украинѣ многие партизаны дерутся съ Совѣтской властью вотъ уже четыре года, и многие изъ нихъ составили себѣ имена. Всѣ эти Махно, Антоновы, Струки, Григорьевы, Пшенники, Гуленки-Гулый, Заболотные, Емельяновы, Соколовскіе и др., наводняющіе своими шайками и партіями Украину и Поволжье, столь-же пестраго происхожденія, какъ и ихъ люди. Тутъ и бывшіе офицеры, большею частью изъ уроженцевъ мѣсть ихъ операцій, и священники, и простые мужики, и убѣжденные политическіе бойцы, и бывшіе каторжане, и тѣ лихіе русскіе удалыцы, которыми такъ славна русская исторія, особенно въ періоды смуты, и сельскіе учителя, и образованные, и полудикіе, и просто совсѣмъ дикіе. Тутъ всѣмъ раздолье и всѣмъ есть работа. Нечего среди всего этого народа искать единства политическихъ платформъ: ихъ единый лозунгъ „держай“ во имя защиты очаговъ угнетеннаго народа. Въ этомъ ихъ сила, на этомъ основана поддержка ихъ населеніемъ, въ этомъ ихъ безопасность и неуязвимость.

Для стороны власти, ведущей гражданскую войну, будетъ большимъ промахомъ не сумѣть воспользоваться помощью такого боеваго элемента, какъ партизаны, организовашіеся внутреннимъ народнымъ порывомъ и въ силу создавшейся обстановки. Это не партизаны канцелярій Ставки, это созданіе повелительной вседневной потребности, сумѣвшей чисто стихійнымъ способомъ укомплектовать личный составъ по отбору, наиболѣе отвѣчающему условіямъ на мѣстахъ. Невниманіе къ этимъ партизанамъ и не только неуменіе, но и нежеланіе использовать ихъ работу, обнаружилъ Деникинъ при своемъ появленіи на Украинѣ и за это горько поплатился. Это тѣмъ болѣе досадно, что оправданіе такой позиціи желаніемъ соблюсти политику „бѣлыхъ перчатокъ“ проводилась именно въ партизанской области, тогда какъ о ней забывалось во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся тыла. Было-бы лучше, если-бы дѣло обстояло наоборотъ.

Красные въ партизанскомъ вопросѣ были куда дальновиднѣе, и вслѣдствіе именно этого они обязаны наличію у себя многихъ лучшихъ своихъ воинскихъ частей, зародившихся первоначально въ видѣ бандъ и затѣмъ постепенно принявшихъ регулярныя формы. Это обрегулярированіе бандъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Начинается оно не рѣдко уже въ силу одного соприкосновенія съ регулярными войсками. Ихъ вожди, всегда люди съ характеромъ и съ умѣниемъ подчинять себѣ свой буйный составъ, при близкомъ

совѣдствѣ и дружной работѣ бокъ о бокъ съ регулярными частями, конечно, быстро соображаютъ преимущества организованной дисциплины. Поэтому они являются первыми и наиболѣе подходящими пособниками обрегулярованія бандъ. Небезызвѣстная въ Красной арміи кавалерійская дивизія Катовскаго именно такого происхожденія.

Славная исторія императорской русской арміи знаетъ многочисленныя случаи сліянія бандъ съ работою регулярной арміи. Вся исторія Кавказской войны, борьба на Кавказскомъ театрѣ войны въ 1877—78 с. г., а также побѣдоносная работа русскаго солдата въ Туркестанѣ изобилуетъ примѣрами такого рода. Одинъ изъ многихъ—карьериста нѣкоего Худай-Бергена, киргизскаго разбойника, который во главѣ своей шайки сталъ на сторону русскихъ при ихъ продвиженіи въ глубь Туркестана, кончилъ тѣмъ, что получилъ чинъ маіора, орденъ св. Станислава съ мечами на шею и сдѣлался, вмѣстѣ со своими людьми, лойальнѣйшимъ русскимъ гражданиномъ.

Если русская армія не пренебрегала сотрудничествомъ такихъ бандъ во время регулярной войны, то что-же можно сказать относительно войны гражданской? Здѣсь такое сотрудничество является обязательнымъ и неизбѣжнымъ. И въ этомъ отношеніи попытки генерала Врангеля завязать сношенія съ самыми могущественнымъ атаманомъ Украины Махно заслуживаютъ всяческаго вниманія, независимо отъ ихъ неудачи, для которой были свои особыя причины.

Въ гражданской войнѣ роль такихъ бандъ, образовавшихся стихійно, огромна. Эти банды естественный подборъ людей, умѣющихъ и желающихъ „дерзать“, это активнѣйшій по духу элементъ борьбы, это природный кадръ ея, это конденсаторы народнаго возстанія, которыми пренебрегать невозможно и вступать въ борьбу съ которыми, какъ это дѣлалъ Деникинъ, неразумно.

Партизанскія банды, въ особенности если онѣ равномерно покрываютъ всю площадь страны, какъ это и имѣется въ наличіи на Украинѣ, могутъ и должны образовывать естественный остовъ народной войны. Онѣ-же придаютъ ей и необходимую активность, ограниченную, впрочемъ, территориально, така какъ даже и эти активныя ячейки не способны на дальнія предпріятія, выходящія за предѣлы любезной и родной имъ земли.

Совершенно пассивную роль въ гражданской войнѣ играютъ отряды обороны, которые образовываетъ само население для собственной самообороны противъ „злыхъ людей“, которыми такъ изобилуетъ время гражданской войны.

По смѣлости, по способности „дерзать“ люди этихъ отрядовъ, по сравненію съ людьми партизанскихъ бандъ, конечно, представляются людьми втораго сорта. Ихъ предпримчивость будетъ еще болѣе ограничена территориально и ни

когда не будет выходить за предѣлы своего села или самыхъ ближайшихъ его окрестностей. Но за то люди такихъ отрядовъ обороны будутъ выше партизанъ по своему цизмизму. И въ этомъ отношеніи они представляютъ также незамѣнимый кадръ для гражданскаго собранія страны, подвергшейся разрушительному вихрю гражданской войны.

Во всякомъ случаѣ попытка замѣнить такіе отряды самообороны искусственно созданными, какъ это было при Деникинѣ, бригадами государственной стражи, совершенно неудовлетворительна именно тѣмъ, что созданныя части были чужды населенію, а имъ въ такой-же степени чужды интересы населенія. До какой степени доходила послѣдняя изъ отчужденностей лучше всего показываетъ та кличка, которую иногда давали новымъ войскамъ, бригады государственной стражи.

Не пользуясь довѣріемъ населенія, тѣмъ довѣріемъ, которое составляетъ основу веденія народной войны, эти бригады послужили лишь инвалиднымъ убѣжищемъ всего утомленнаго въ дѣйствующей арміи и, слѣдовательно, деморализованнаго. Тамъ, гдѣ нужна была крѣпость духа и долга, туда посылали людей ихъ уже не имѣющихъ.

Вообще, какъ важнѣйшій принципъ гражданской войны, всякій внутренній порывъ, исходящій изъ толщи народной, долженъ быть всегда поддержанъ и взлелѣянъ. Гасить его или стараться замѣнить канцелярскимъ творчествомъ штабовъ, — это значитъ не понимать сущности гражданской борьбы. Регулярные штабы часто боятся нерегулярныхъ формъ войны народной и стараются „обуздать“ этотъ „безпорядокъ“ путемъ созданія такихъ искусственныхъ организацій, какъ Деникинская государственная стража. Расчетъ штабовъ основанъ на надеждѣ, что эти организаціи спасутъ отъ разложенія недисциплинированныя силы страны. А результатъ обыкновенно бываетъ обратный: разлагаются, не успѣвъ окрѣпнуть, искусственно-солданныя чиновничьи организаціи, а народная борьба идетъ своимъ стихійнымъ темпомъ,

Остаиваемое мнѣніе не означаетъ пассивнаго невмѣшательства регулярной военной власти въ народную войну. Это вмѣшательство крайне полезно и нужно, но оно не должно носить характера самодурства, не считающагося съ дѣйствительностью и лишь руководствующагося своимъ хотѣніемъ. Такое самодурство будетъ безпощадно сметено событіями, какъ и всякая недостаточно умная практика.

Въ чемъ-же должно выражаться вмѣшательство военной власти въ народную войну?

Прежде всего военная власть въ силу причинъ чисто стихійныхъ должна откинуть всякую мысль вести борьбу по правиламъ веденія большой европейской войны, т. е. отка-

заться отъ тѣхъ надеждъ, которыми былъ полонъ Деникинъ, пытавшійся закрыть глаза на совершающееся вокругъ него. Среди этихъ „самостійныхъ“ явленій природы гражданской борьбы имѣется много здоровыхъ данныхъ, безъ овладѣнія которыми нечего и думать придти къ удовлетворительному, а не только что къ побѣдному результату.

Отмахиваніемъ отъ такихъ самородныхъ явленій гражданской смуты и упрямымъ и простымъ теоретическимъ отрицаніемъ ихъ, можно добиться только одного, — быть выброшенному ими за бортъ, таѣ какъ теоретическое непризнаніе не аннулируетъ ихъ, какъ силу и факторъ, и въ концѣ концовъ съ ними, какъ таковыми, принужденъ будетъ все-же считаться и притомъ, въ видѣ враждебной силы уже не въ теоріи, а что гораздо серьезнѣе, на практикѣ тотъ наивный слѣпецъ, который ихъ отрицалъ. Только признаніемъ и правильной эксплуатаціей этихъ нерегулярныхъ силъ гражданской борьбы можно осуществить равновѣсіе ея основныхъ принциповъ. Это: раіонность войны и сосредоточеніе силъ.

Во имя соблюденія принципа раіонности должны бороться мѣстныя, пассивныя, нерегулярныя или полурегулярныя силы, во имя-же принципа сосредоточенія силъ, необходимаго для нанесенія главнаго удара, — силы регулярной арміи. Больше того, если послѣднія еще не готовы, онѣ формируются подъ прикрытіемъ дѣйствій первыхъ. Именно такимъ образомъ, на Кубани окончила свое формированіе Добровольческая армія подъ прикрытіемъ возставшаго Дона весной 1919 г.

При наличіи у противника регулярной арміи, окончательная побѣда надъ нимъ немислима безъ полного и тѣснаго сотрудничества обоихъ элементовъ борющейся силы, т. е., элемента нерегулярнаго. Было-бы большимъ заблужденіемъ считать возможнымъ достиженіе окончательной побѣды надъ неразложившейся регулярной арміей противника усиленіями однихъ нерегулярныхъ контингентовъ. Съ другой стороны, неменьшимъ заблужденіемъ нужно признать попытку удержать за собою огромныя территоріи безъ помощи нерегулярной силы.

Нерѣдко у регулярныхъ вождей является желаніе подчинить себѣ эту послѣдную путемъ образованія партизанскихъ партій подъ командою офицеровъ регулярной арміи. Эта мѣра должна быть проводима не иначе, какъ съ большою предусмотрительностью.

Часто офицеры, вызывающіеся на подобныя формированія, не отвѣчаютъ элементарнѣйшимъ требованіямъ этики и нравственности. Замѣчалось, что многіе изъ нихъ принадлежали къ той категоріи, которая ищетъ только независимости положенія и безконтрольности дѣятельности. Многіе

изъ нихъ, и это не худшіе съ этической стороны, шли на рискъ проникновенія въ опасную зону пожара народной войны только потому, что тамъ остались ихъ семьи или ихъ имущество; другими словами, ихъ цѣли были чисто личныя. Подобное явленіе наблюдалось въ весьма большомъ числѣ случаевъ во время борьбы на югъ Россіи. Такіе офицеры, конечно, пропадали для войны, и многіе изъ нихъ, достигнувъ или не достигнувъ своей личной цѣли, потомъ переходили Румынскую или Польскую границу, ища тамъ убѣжища въ качествѣ простыхъ политическихъ эмигрантовъ.

Выше былъ приведенъ списокъ самородныхъ партизановъ. Въ немъ добрый десятокъ именъ, уже получившихъ извѣстность. Не стоило-бы особаго труда удлинить его вдвое: вся Украина кишитъ такими партизанами, не сдававшими никакого экзамена въ тѣхъ или другихъ штабахъ. Ихъ единственный мандатъ — довѣріе мѣстнаго населенія, которое не легко заработать тѣмъ офицерамъ, которыхъ облюбовали штабы. Быть можетъ именно поэтому было-бы невозможно назвать хотя-бы одно славное имя, принадлежащее партизану, назначенному и избранному штабомъ,

Дѣло послѣдняго не обнаруживать излишней щепетильности въ выборѣ партизанъ, уже работающихъ на мѣстахъ самочинно и нуждающихся въ содѣйствіи регулярной военной власти. Послѣднее обстоятельство всегда на лицо, и именно оно лучшей путь для сближенія съ партизанами, нуждающимися и въ оружій, и въ патронахъ, и въ деньгахъ, и въ оперативномъ и политическомъ руководствѣ, и въ военно-технической помощи. Подъ послѣдней нужно разумѣть назначеніе въ составъ бандъ регулярныхъ офицеровъ-спеціалистовъ. Съ другой стороны, этотъ-же путь наилучшій для сближенія съ возставшимъ населеніемъ, которое въ случаѣ подобной помощи со стороны регулярной арміи будетъ ей особо признательно, такъ какъ единственный лозунгъ партизанъ во время гражданской войны — это защита домовъ. Тутъ нѣтъ мѣста громкимъ политическимъ программамъ, здѣсь всеневная нужда, здѣсь всеневная угроза жизни мирныхъ жителей.

Именно на пониманіи этихъ обстоятельствъ были основаны успѣхи Савинкова и Петлюры въ партизанской борьбѣ и на непониманіи ихъ неудача Деникина въ этой-же области.

Часто приходится слышать о политическихъ программахъ, провозглашаемыхъ вождями партизанскихъ отрядовъ. Не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія этимъ широко-вѣщательнымъ лозунгамъ, въ чемъ также былъ повиненъ Деникинъ. Дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что главная масса населенія въ существованіи подобныхъ партизанъ видѣла свою единственную защиту противъ насилія и произвола во время гражданской войны.

Именно поэтому, между прочимъ, регулярная военная власть должна думать о сближеніи съ партизанщиной. Не всякій бандитъ и не всегда пойдетъ на подобное сближеніе, но многіе пойдутъ, и этимъ нужно пользоваться, что и дѣлалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Петлюра. Съ теченіемъ времени контингентъ партизанъ, примкнувшихъ къ регулярной арміи, особенно съ развитіемъ успѣховъ послѣдней, долженъ увеличиться, и всѣ непокорные или расплытаются сами собою или будутъ уничтожены регулярной арміей. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ ей разумно вступать въ борьбу съ партизанщиной, — операція одна изъ труднѣйшихъ въ области военного искусства. Не забудемъ, что именно она послужила началомъ пораженія Наполеона (Испанія и отчасти Россія), величайшаго изъ мастеровъ военного дѣла, умѣвшаго справляться со всѣми прочими военными задачами.

Если, какъ мы видимъ, вмѣшательство регулярной военной власти въ самочинно возникшую партизанщину (а только такая и цѣнна) должна быть исполнена такта и пониманія психологическихъ данныхъ подобной борьбы, если оно, поэтому, будетъ весьма ограничено по предѣламъ, то участіе регулярныхъ органовъ при организаціи „отрядовъ самообороны“ будетъ гораздо шире. Часто самая возможность ихъ существованія будетъ зависѣть отъ того, окажетъ имъ регулярная власть необходимую матеріальную и моральную поддержку или нѣтъ. Такъ, въ 1919 г. нѣмецкія колоніи на югѣ Новороссіи обнаружили въ своей средѣ здоровое и бодрое желаніе оборонить свои очаги. Это было тѣмъ болѣе цѣнно, что онѣ, облегая Одессу обширнымъ полукольцомъ со всѣхъ сторонъ, (отъ Днѣстра до Днѣпра) давали возможность прикрыть такимъ образомъ этотъ важный южный незамерзающій портъ. Командованіе Добровольческой арміи оказалось не въ состояніи уяснить себѣ важность этихъ обстоятельствъ и поэтому не сумѣло воспользоваться такою благопріятною данною обстановки.

А между тѣмъ назначеніе въ колоніи кадровъ офицеровъ, личнаго состава солдатъ-спеціалистовъ (пулеметчиковъ, артиллеристовъ, саперъ, развѣдчиковъ, телефонистовъ и пр.), присылка оружія и патроновъ могли-бы упрочить среди колонистовъ боевое настроеніе и значительно облегчить борьбу регулярной арміи. Кромѣ того, налаженная самооборона нѣмецкихъ колоній и относительно, поэтому, благополучіе ихъ существованія неминуемо вызвало-бы и болѣе пассивныя сосѣднія русскія селенія къ принятію такой-же оборонительной организаціи. Вслѣдствіе этого „полоса самообороны“ должна была расшириться.

Командованіе Добровольческой арміи смотрѣло на подобную организацію не только безучастными глазами, но

прямо враждебными. Оно требовало или вступленія всего способнаго носить оружіе въ регулярные ряды, или отвѣта по закону за непоступленіе на дѣйствительную службу. Въ результатѣ: фактически отвѣтственности не было никакой, такъ какъ и власти-то на мѣстахъ не чувствовались, а отъ борьбы оказался отстраненнымъ элементъ, который самъ на нее напрашивался. Къ такимъ послѣдствіямъ приводило непониманіе свойствъ гражданской войны, ея природы, законовъ ея организаціи.

Это было тѣмъ болѣе досадно, что о необходимости мѣръ по поддержкѣ мѣстной народной войны, съ указаніемъ всего нужнаго для сего, какъ въ отношеніи партизанъ, такъ и относительно отрядовъ самообороны, командованіе Добровольческой арміи было заблаговременно предупреждено своей агентурой. Эти предупрежденія остались гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Изъ сказаннаго выше достаточно ясно, насколько „районна“ народная война. Всѣ ея элементы, ведущіе борьбу, такъ или иначе привязаны къ мѣсту. Въ этомъ ихъ сила (поддержка жителей), но въ этомъ и ихъ слабость (разрозненность борющихся).

Чтобы ввести въ ея ряды активность, нужно нѣчто, что могло-бы способствовать быстрому сосредоточенію силъ для нанесенія ударовъ болѣе чувствительныхъ, чѣмъ обыкновенныя, мѣстныя предпріятія. Осуществить подобное сосредоточеніе можно только при посредствѣ быстрого „движенія“. Отсюда важность конныхъ частей въ народной войнѣ и рѣшительность конныхъ дѣйствій. При гражданской борьбѣ на югѣ Ростія это созналось не сразу. Но въ концѣ лѣта 1919 г. высшее командованіе Донской арміи пришло къ мысли о необходимости сформированія большихъ конныхъ массъ для нанесенія чувствительныхъ и, главное, внезапныхъ ударовъ противнику. Головокружительный набѣгъ генерала Мамонтова на беззащитные тылы большевиковъ открылъ и послѣднимъ глаза на новый для нихъ факторъ народной борьбы. Послѣдовалъ извѣстный призывъ Троцкаго — „Пролетаріи на коней“ и, нужно отдать справедливость краснымъ, они перещеголяли бѣлыхъ въ примѣненіи ихъ-же идеи. Большевики посадили на коней цѣлыя арміи и достигли, благодаря имъ, огромныхъ удачъ. Не будь у красныхъ ихъ конныхъ большихъ массъ (Буденый и Думенко), отступленіе Деникина къ Новороссійску могло-бы не обратиться въ катастрофу: у войскъ была-бы полная возможность пріостановиться для закрѣпленія и для новаго переформированія и приведенія въ порядокъ съ цѣлью начала весенней кампаніи. Но надоедливыя большевистскія конныя массы не давали отступавшимъ на минуты покоя и от-

дыха. Каждый день и каждый часъ онѣ грозили превратить отступленіе въ бѣгство. Каждый день капля по каплѣ конныя тучи сгушались надъ угнетенными ими отходящими частями. Даже чистому героизму бываетъ конецъ, наступилъ онѣ и для героевъ Добровольческой, Донской и Кубанской армій, и это была работа надоѣдливой и упорной конной массы. Ясно, насколько важны для гражданской войны и благоприятны для ея завязки и развитія раіоны съ населеніемъ, склоннымъ къ конному спорту. Такія области, какъ казачьи земли на Дону, Кубани и Терекѣ, казалось, выдуманы самою природою для созданія изъ нихъ базъ для громадныхъ конныхъ ополченій, созданныхъ быстро въ минуту надобности. Такія-же преимущества даютъ и земли казаковъ Уральскихъ, Оренбургскихъ и Сибирскихъ всѣхъ войскъ. Фактически всѣ онѣ и сдѣлались театромъ возстанія противъ большевистскаго наслія.

Области, населенныя кочевниками, природными всадниками, также, казалось должны были быть использованными для той-же цѣли.

Однако, на югѣ Россіи въ этомъ отношеніи было сдѣлано въ общемъ очень мало, а то, что было исполнено, носило очень ничтожный характеръ, — ясный признакъ отсутствія яснаго сознанія важности конныхъ массъ для народной войны. Тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать въ самомъ широкомъ масштабѣ, гдѣ нуженъ былъ широкій, богатырскій размахъ организаціи, шли ощупью и робко, теряя драгоцѣнное время,

Въ концѣ декабря 1919 г., когда армія Деникина неудержимо катилась на Кубань и когда ея позиціи уже облежали Новочеркасскъ, генераль баронъ Врангель, уже не у дѣлѣ, находясь въ Екатеринодарѣ, столицѣ Кубани, началъ работу по подготовкѣ формированія конной казачьей арміи для защиты родного казакамъ края. Отъ генерала Деникина, освѣдомившагося объ этомъ, послѣдовалъ строгій приказъ, осуждавшій это начинаніе, затѣянное безъ его вѣдома. По причинамъ формальнаго, быть можетъ личнаго, свойства губилось начинаніе государственнаго характера.

На подобное формированіе требовалось, по составленнымъ расчетамъ, не болѣе мѣсяца времени. Послѣдующія событія показали, что этотъ срокъ былъ вполне достаточенъ не только, чтобы успѣшно окончить организацію, но и чтобы обезпечить ей рѣшительную роль въ заключительной борьбѣ за обладаніе плацдармомъ Кубани, который, какъ извѣстно, былъ окончательно очищенъ только въ мартѣ.

Что было-бы, если-бы задуманное формированіе осуществилось и если-бы конной массѣ Буденаго и Думенко, довершившей пораженіе Деникина, была-бы противопоста-

влена конная армія Врангеля. Вотъ вопросъ, на который можетъ быть одинъ изъ двухъ отвѣтовъ: или Деникину удалось-бы сохранить за собою богатый средствами Кубанскій плацдармъ для возобновленія борьбы весною 1920 г., или, въ случаѣ крушенія этого плана, Деникину удалось-бы эвакуировать всю свою, достаточно многочисленную армію въ Крымъ, не бросая на произволъ судьбы большей части своихъ силъ въ видѣ армій Донской и Кубанской. Во всякомъ случаѣ борьба въ Крыму носила-бы болѣе широкій характеръ, соотвѣтственно количеству спасенныхъ силъ.

Большевики въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, перещеголяли своихъ учителей. Взявши ихъ идею о конной арміи, они ее развили въ широкомъ масштабѣ и теперь не расстаются съ этимъ образованіемъ. Не забудемъ, что паденіе Крыма было рѣшено также при помощи удара такой арміи, которую не чѣмъ было отпарировать, такъ какъ при эвакуаціи остатковъ арміи Деникина въ Крымъ вслѣдствіе трудности и, главное медленности морскихъ перевозокъ конныхъ частей, всѣ онѣ были брошены на Кавказѣ, и лишь немногія успѣли быть перевезенными на Крымскій полуостровъ.

Основнымъ отличіемъ тактики подобныхъ конныхъ массъ служить примѣненіе ими большаго числа огнестрѣльныхъ машинъ, пулеметовъ въ огромномъ количествѣ, артиллеріи и броневыхъ машинъ. Было нерѣдкостью, когда при конномъ полку можно было наблюдать до 100 пулеметовъ. Въ такомъ случаѣ при дѣйствіи могучей пулеметной батареи, разгромляющей пунктъ непріятельскаго фронта, избранный для довершенія его конной атаккой, полкъ могъ и не вести предварительнаго спѣшеннаго боя, всегда мѣшающаго исполненію удара въ шашки. Находясь въ конномъ строю, кавалерійскій полкъ спокойно ожидалъ момента удобнаго для того, чтобы перейти къ удару холоднымъ оружіемъ.

Вообще механизация народной войны одно изъ типичныхъ отличій ея современной эволюціи.

Обширное поле дѣятельности представляется бронированнымъ поѣздамъ. И здѣсь причиною служить желаніе увеличить быстроту „движенія“, какъ данную желѣзнодорожнаго маневра. Только они могутъ обезпечить крайне важное обладаніе желѣзнодорожными линіями, играющими такую рѣшительную роль въ гражданской распрѣ. Обладать ими-это значитъ обладать обширными раіонами, ими обслуживаемыми, а владѣніе мѣстностью-это владѣніе населеніемъ, его помощью и его сочувствіемъ. Такое содѣйствіе народа въ гражданской борьбѣ — все.

Эти бронированные поѣзда могутъ быть специальной постройки или просто приспособленные, иногда даже только при помощи мѣшковъ съ землею. Примѣненіе ихъ на югѣ

Россіи было самое широкое съ обѣихъ борющихся сторонъ, и, можно сказать, безъ нихъ не обходилась ни одна операція мало мальски значительная.

Какъ и во время регулярной войны, въ борьбѣ гражданской наблюдается то-же явленіе: побѣда все менѣе и менѣе въ ногахъ солдата и все болѣе и болѣе въ перевочныхъ средствахъ, ихъ организаціи, и массовомъ примѣненіи.

Не только грузовые автомобили и броневики, но даже обыкновенныя обывательскія подводы нашли здѣсь свое широкое примѣненіе съ цѣлью придать маневру надлежащую быстроту. Въ гражданской войнѣ на югѣ Россіи передвиженія войсковыхъ соединеній по дорогамъ производились почти исключительно на подводахъ и напоминали собою по внѣшности передвиженія длиннѣйшихъ обозовъ. Въ буквальномъ смыслѣ этого слова это была „подводная война“. Съ повозками войска разставались только въ бою.

Въ гражданской войнѣ, какъ и во внѣшней, наблюдалось одно желаніе: добиться быстроты „движенія“ какъ средства рѣшительнаго „маневра“.

Если во внѣшней войнѣ главнымъ препятствіемъ маневру была „позиционность“, то въ гражданской — распыленіе силъ въ виду „раіонности“ войны. Въ сущности и въ томъ и въ другомъ случаѣ была одна и та-же причина замиранія маневра, хотя и вызванная различными обстоятельствами: расползаніе войскъ по огромному фронту.

Ясно, что при такой склонности къ распыленію, чтобы исполнить маневръ, достойный этого названія, командованіе должно было располагать особыми средствами передвиженія, для возможности сосредоточенія силъ съ огромныхъ площадей.

Отсюда и значеніе всякихъ средствъ массовыхъ перевозокъ.

Послѣ обслѣдованія элементовъ гражданской войны естественно желаніе показать ихъ примѣненіе на практикѣ какого-нибудь примѣра. Не было приложенія болѣе обширнаго, чѣмъ гражданская война въ Россіи 1917—1920 г. г. Военныя дѣйствія на фронтѣ Колчака, Деникина, Миллера, Юденича, Петлюры, а затѣмъ и Врангеля развернулись на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, захватили территоріи равныя 1/6 части свѣта и поставили въ ружье многія сотни тысячъ импровизированныхъ армій.

Все это рушилось. Почему? Не касаясь причинъ политическихъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ, была одна причина чисто военного характера, общая всѣмъ участкамъ бѣлага русскаго фронта. Это пренебреженіе къ особенностямъ народной войны. Думали вести борьбу по всѣмъ правиламъ веденія большой европейской регулярной кампаніи, не замѣ-

чая крайне важныхъ факторовъ, даваемыхъ въ руки руководителей народнымъ возстаніемъ. Въ особенности это касалось элементовъ пассивной обороны мѣстнаго населенія. Иногда ихъ не замѣчали, иногда ими пренебрегали, а иной разъ и становились въ открытую борьбу съ ними. Въ этомъ виновенъ болѣе другихъ Деникинъ. Ему судьбою было дано болѣе другихъ. Выборъ средствъ и путей для него былъ много богаче, чѣмъ у его соратниковъ, но за то и невниманія къ особенностямъ народной борьбы на югѣ Россіи было проявлено болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Хотѣлось-бы, чтобы эти строки не были приняты, какъ данъ горестнаго раздраженія, но лишь, какъ необходимая критика, такъ какъ лишь она, холодная и неумолимая, ведетъ къ конечному торжеству.

Если въ своемъ мѣстѣ скальпель критики не остановился передъ дерзновенною передѣлкою во имя будущаго такого художественнаго по своей законченности созданія военной мысли и воли, какъ сраженіе на Марнѣ, то почему-бы не сдѣлать того-же и относительно событій гражданской борьбы на югѣ Россіи и въ 1919 г. уже во имя и прошлаго и будущаго?

У Деникина была къ августу этого года армія въ 200.000 бойцовъ которую онъ распылилъ такъ, что на главномъ направленіи у Курска и Орла было всего 6.000, на направленіи весьма опасномъ для бѣлыхъ, у Царицына, гдѣ вѣрнѣе всего слѣдовало ожидать контръ-атакъ красныхъ — 3.000, а на Украинѣ, направленіи третьестепенной важности, имѣвшей значеніе лишь, какъ стратегическая фланговая позиція, опасная по Петлюрѣ съ его 20.000, — было оставлено также 20.000. Остальные 71.000 были разсѣяны для такихъ задачъ, какъ наступленіе на Астрахань, борьба съ инсurreкціей на Терекѣ, борьба съ Махно, занятіе гарнизоновъ и проч. Слѣдовательно: — 3% силъ для главной борьбы и 97% — для второстепенныхъ операцій, безъ нѣкоторыхъ изъ которыхъ можно было-бы обойтись безусловно (Астрахань), а нѣкоторыя можно было повернуть на сотрудничество во имя общей борьбы (Петлюра и Махно).

Что мѣшало установленію общаго сотрудничества со всѣми, какъ всегда, пестрыми во время гражданской борьбы, элементами. Только предразсудокъ и непониманіе природы народной войны. Только этимъ объясняется вражда во всѣ стороны, вражда политическая и военная, которая культивировалась штабомъ Деникина и его правительствомъ, такъ называемымъ Особымъ Совѣщаніемъ: вражда съ Петлюрой, съ казаками, съ горцами, съ сдающимся красноармейцами.

Примирительная политика со всѣми этими элементами дала-бы значительное усиленіе вооруженной массы во имя общаго идеала борьбы съ большевиками и съ большевизмомъ.

Что нужды, что не всякій человекъ этой массы былъ-бы способенъ и хотѣлъ-бы стать въ ряды регулярнаго войска? На своемъ мѣстѣ, въ качествѣ-ли партизана, въ качествѣ-ли чина мѣстной самообороны, онъ принесъ-бы свою быть можетъ скромную, но часто незамѣнимую лепту личнаго усилія на алтарь общей борьбы.

На крайнемъ сѣверѣ, у генерала Миллера значительно лучше сознавалась необходимость такого примирительнаго отношенія къ пестрымъ элементамъ народной войны, но и здѣсь не обошлось безъ вредныхъ влiяній.

Вотъ что пишеть по этому поводу очевидецъ.

„Техническая сторона боевой дѣятельности нашего фронта, веденной по строгимъ правиламъ военнаго искусства, уже была вкратцѣ описана мной выше; здѣсь я хочу въ нѣсколькихъ словахъ коснуться самого характера борьбы съ точки зрѣнiя бытовой, принимая во вниманiе, что война велась не національная, а гражданская.

Во время крупныхъ операцій этотъ специфическiй ея характеръ какъ-то забывался въ виду отвлеченiя всѣхъ выполненiемъ технической стороны боя. Сведенiе „политическихъ счетовъ“ велось въ порядкѣ мелкой партизанской войны, когда приходилось вмѣшиваться командному составу для смягченiя жестокаго отношенiя солдатъ къ противнику. На Пинегѣ партизаны были до того свирѣпо настроены, что командиръ 8 полка полк. Б. рѣшилъ выпустить брошюру о гуманномъ отношенiи къ плѣннымъ и организовать по этому поводу бесѣды, но эту мысль пришлось оставить, такъ какъ составлявшiе опору полка пинегскiе партизаны выразили явное неудовольствiе по поводу такого мѣропрiятiя, сославшись на тѣ жестокости, которыя учиняли надъ ихъ близкими красные въ занятыхъ послѣдними ихъ деревняхъ.

На Печорѣ населенiе, занимающееся охотничьимъ промысломъ, ставило силки для ловли красныхъ. Одинъ мой знакомый путейскiй инженеръ, узнавъ отъ одного изъ такихъ „охотниковъ за черепами“, что имъ единолично было поймано и истреблено 60 красныхъ, пришелъ въ ужасъ и пробовалъ убѣдить въ невозможности такого метода дѣйствiй, но получилъ категорическiй отвѣтъ: „Намъ съ ними не жить, либо они, либо мы“. Оказалось, что уэтого крестьянина всѣ близкiе были убиты краснымъ отрядомъ Мандельбаума, а самъ онъ совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшнымъ пыткамъ; грудь его была вся въ язвахъ, такъ какъ его выдержали подъ открытымъ краномъ кипящаго „самовара, пока оттуда не вытекла вся вода. Отрядъ Мандельбаума навелъ ужасъ на всю Печору. Окруживъ какое-либо бѣлое селенiе, онъ сгонялъ всѣхъ жителей его на сходъ и объявлялъ, что мужчинъ онъ оставляетъ только до окончанiя полевыхъ работъ послѣ чего они вмѣс-

тѣ съ дѣтьми будутъ истреблены, а жены ихъ будутъ оставлены въ живыхъ, такъ какъ еще „пригодятся“ для красныхъ. Можно себѣ представить, какой характеръ послѣ этого принимала взаимная борьба, принимая во вниманіе невысокій культурный уровень населенія, большую часть котораго составляли полудикіе зыряне.

Партизаны несли на себѣ главную тяжесть борьбы. Они ходили въ развѣдку въ глубокой тыль непріятеля, а въ бояхъ яростно бросались въ штыки, но у нихъ были свои недостатки, съ которыми штабъ не считался, несмотря на предупрежденіе строевыхъ начальниковъ. Въ борьбѣ они преслѣдовали, главнымъ образомъ, свои мѣстные интересы и поэтому „шенкурята“ . . . дрались героями на Двинѣ, когда они имѣли цѣлью своихъ дѣйствій захватъ своихъ родныхъ деревень. „Но они предупредили и свое начальство, что впереди они согласны идти, куда угодно, но назадъ не отступятъ ни на шагъ, и, въ случаѣ отхода фронта, не оставятъ своихъ родныхъ деревень“. Они были вѣрны своему слову и послѣ взятія своихъ деревень безропотно двинулись на станцію Пясецкую, потерявъ у своихъ родныхъ избышекъ 70 человекъ убитыми, которыхъ тутъ-же съ почестями похоронили, но мы увидимъ ниже, что они держались своего слова до конца и остались въ своихъ родныхъ деревняхъ во время нашего отступленія, что вызвало для насъ самую тягостную послѣдствія. 1) Такимъ-же образомъ при общемъ отходѣ отъ Орла растаяла и армія Деникина.

Что даетъ приведенная выше колоритная картинка изъ гражданской войны? Она показываетъ, что партизаны драгоцѣнный элементъ при борьбѣ за родные очаги и никуда негодный для регулярной войны, что поэтому ихъ не слѣдовало вводить въ ряды регулярныхъ частей и что ими слѣдовало пользоваться въ иныхъ организаціонныхъ соединеніяхъ, создаваемыхъ для cadaго случая и для cadaго мѣста. Здѣсь безъ нихъ уже не обойтись и здѣсь ихъ никто-бы не сумѣлъ замѣнить: во всякомъ случаѣ не бригадамъ государственной стражи было соревновать съ ними въ этой борьбѣ.

При наступленіи Деникина въ Москвѣ были обширные районы, которые можно и слѣдовало предоставить собственнымъ оборонительнымъ и охранительнымъ силамъ: Украина, Донъ, Кубань, Терекъ. Партизаны и мѣстные отряды обороны, броневые поѣзда на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ были вполне достаточны, чтобы обезпечить обладаніе своимъ тыломъ и флангами при непрерывномъ продвиженіи регулярной 200.000 арміи къ столицѣ, въ сентябрѣ, прикрытой очень слабыми силами красныхъ, занятыхъ всецѣло операціями

1) С. Добровольскій. Борьба за возрожденіе Россіи въ Сѣверной области; — Архивъ Русской Революціи, I. В. Гессенъ, стр. 76—77.

противъ Колчака. Конечно, при этомъ надлежало рѣшительно отказаться отъ непримиримой политики по отношенію къ мѣстнымъ правительствамъ, усвоивши себѣ взглядъ на нихъ, какъ на организмы, которые нужно было-бы придумать, если-бы самодѣятельность общественности не дала-бы ихъ сама собою.

При этихъ условіяхъ можно было-бы собрать для похода на Москву не 6.000 бойцовъ, какъ это было исполнено въ дѣйствительности, а по крайней мѣрѣ 100.000. При такомъ могучемъ сосредоточеніи можно было быть увѣреннымъ, что Бѣлокаменная была-бы занята Деникинымъ въ самомъ началѣ осени 1919 г., еще до того времени, когда красные, раздѣлавшись съ Колчакомъ, начали свои усиленныя переброски противъ южно-русской арміи.

Занятіемъ Москвы было-бы положено начало концу борьбы, такъ какъ была-бы раздавлена голова большевистской змѣи. Это единственный способъ побѣды.

Вмѣсто этого, забывъ мудрую русскую пословицу—„по одежкѣ протягивай ножки“ — изъ-за „гордыни и самоувѣренности, превосходившихъ предвидѣніе, желали искусственно пересоздать политическую обстановку и этимъ испортили стратегическую.

Ведя народную войну, необходимо помнить, что она народная, а не иная и что она имѣетъ свои законы, „ихъ-же не преjdeши“.

Первый изъ нихъ — это раіонность народной войны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нею сталкиваются безъ разумѣнія-это огромное препятствіе для дѣйствій регулярной силы. Если-же къ ней подходятъ организационнымъ путемъ, это сила въ рукахъ вождя арміи. Именно такъ подошелъ къ ней, въ отличіе отъ своего предшественника генерала Буллера, фельдмаршалъ Китченеръ въ Южной Африкѣ.

До той поры пока онъ не сталъ овладѣвать территоріей гражданской войны путемъ методическаго закрѣпленія за собою ея раіоновъ, борьба не потухала. При этихъ именно операціяхъ появились впервые столь грозное въ Великую войну пассивное оружіе, какъ колючая проволока, а также броневые поѣзда. Нельзя упустать при этомъ изъ виду, что Китченеру приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ не только враждебнымъ, но чуждымъ по крови.

Во сколько разъ исполненіе подобной-же задачи было-бы легче для южно-русской арміи въ 1919 г. среди населенія единокровнаго, встрѣчавшаго войска, какъ своихъ избавителей.

Но, конечно, здѣсь требовалась столь же планомѣрная какъ и у Китченера, организація, широкая и творческая, не

предусмотрѣнная дѣйствовавшимъ до войны „Положеніемъ о полевомъ управленіи арміи“, единственномъ кладезѣ премудрости русскихъ штабовъ.

Въ распоряженіи Главнаго Русскаго Добровольческаго Командованія были соотвѣтствующіе проекты. Быть можетъ они не были верхомъ совершенства, но они все-же исходили изъ правильной, какъ показали послѣдующія событія, оцѣнки обстановки и, во всякомъ случаѣ, толкали на вѣрный путь, путь необходимости организовать „мѣстное“ сопротивление въ помощь арміи, не возлагая на послѣднюю всю непосильную для нея борьбу, какъ на мѣстахъ, такъ и на фронтѣ.

Эти проекты были приняты глухимъ ухомъ. А счастье было такъ близко, такъ возможно.

Движенію, возглавлявшемуся въ 1919 году Деникинымъ, возымѣвшему огромное воздѣйствіе на подготовку будущаго паденія большевиковъ, для того, чтобы достичь окончательной цѣли, въ сущности, не хватало только одного: веденія народной, гражданской войны согласно ея руководящимъ принципамъ, а не примѣнительно чуждымъ ей правиламъ и обычаямъ большой внѣшней европейской кампаніи.

Будь это на лицо, быть можетъ, даже административные и политическіе промахи бѣлаго движенія 1919 г. остались бы безнаказанными и не отразились бы губительно на общемъ исходѣ вооруженной, столь нужной и полезной, борьбы.

Въ заключеніе остается облѣдовать соотношеніе гражданской войны и „массы“, т. е. того элемента вооруженной силы, который больше всего насъ интересуетъ.

Психологически воинство гражданской войны отличается полнѣйшимъ сходствомъ съ „массою“, съ обычною пестротою ея внутреннаго состава, съ ея малою или случайною внутреннею спайкою, съ ея партійностью, съ ея партикуляризмомъ, съ ея авантюризмомъ и съ ненадежностью ея дисциплины.

Разъ такое психологическое сходство установлено, уже будетъ безразлично, какія цифры опредѣляютъ численность такого воинства. Не онѣ для насъ интересны, но лишь психологія.

Сверхъ того нужно установить, что гражданская борьба неминуемо ведетъ и къ физическому возрастанію „массы“, такъ какъ причина этого кроется въ механизациі современной войны. Естественно, что при всей наклонности даже и импровизированнаго войска гражданской войны механизироваться при первой къ тому возможности, послѣднія представляются для него и рѣдко, и въ формахъ далеко не полныхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такому войску придется имѣть

дѣло съ регулярными арміями, ему придется чѣмъ-нибудь возмѣщать недостатокъ своей механизаци. Чѣмъ-же можно замѣнить его, какъ не массою и не гекатомбами, право на которыя командная власть такого воинства получаетъ въ силу существующаго народнаго порыва и экстаическихъ настроеній повинующейся ей массы?

Поэтому здѣсь, какъ нигдѣ, можетъ сойти безнаказанно для командованія тактика „солдатскаго горба“. Богатая тактика Красной арміи тому громкое свидѣтельство.

Центробѣжныя теченія, свойственныя подобной „массѣ“, какъ всегда служатъ слабымъ ея мѣстомъ, ея ахиллесовой пятой. Какъ быстро такое воинство можетъ собраться, такъ точно не менѣе быстро оно можетъ и развалиться. Во время своего существованія такая вооруженная сила въ силу естественныхъ законовъ своей внутренней организаци нарастаетъ или таетъ въ зависимости отъ развитія успѣховъ, отъ неудачъ, отъ времени года, отъ погоды, отъ наличія или отъ гибели того или иного вождя, отъ силы или упадка его личнаго вліянія, отъ внѣшнихъ политическихъ факторовъ и пр.

Такая неустойчивость организаци, которую лучше всего сравнить съ летучими песками, то образующимися дюны и барханы, то взмывающимися въ воздухъ въ видѣ пыльных смерчей, то лежащимися мягкимъ ковромъ, составляетъ основное качество импровизированной вооруженной силы гражданской войны, ея „массы“.

Изъ всѣхъ изученныхъ нами типовъ военныхъ операцій только гражданская война требуетъ подвижности и организаци неумолимо, и неотвратно. Мало того, горе тому вождю, который собирается вести гражданскую вооруженную борьбу, не отдавая себѣ яснаго отчета въ этомъ. Онъ сдѣлаетъ крупную ошибку психологическаго разсчета, отъ котораго будутъ уже губительно зависѣть и всѣ прочіе разсчеты, политическіе, стратегическіе, тактическіе и, что главное, организационные. Въ этомъ заключался главнѣйшій промахъ практики Деникина.

Въ этомъ будетъ заключаться и грѣхъ большинства регулярныхъ вождей, которые неспособны къ свободному творчеству въ этой организационной области.

Вотъ почему, между прочимъ, здѣсь революціонные вожди, часто даже невоеннаго происхожденія, какъ Троцкій, имѣютъ несомнѣнное превосходство надъ регулярными, казалось-бы, опытными и часто талантливыми полководцами. Они привыкли изучать психологію народнаго недовольства и научились его организовать и имъ пользоваться. Для нихъ не секретъ пружины, двигающія „массы“. Въ то время какъ регулярные вожди привыкли полагаться на умовый разсчетъ въ организаци, революціонные главари понимаютъ, что умъ тутъ еще не все и что все дѣло въ порывахъ и въ чувствахъ,

во впечатлѣніи и въ страсти, въ престижѣ и въ обаяніи, въ настроеніяхъ, а не въ сухой логикѣ. Если-бы они этого не понимали, они не были-бы революціонными вождями. Самый фактъ прохожденія ихъ къ этой миссіи доказательство пониманія ими этой причудливой психологіи массъ и умѣнья пользоваться ею, какъ силою.

Только при подобномъ пониманіи вождей массы гражданской войны дѣлаются силою, въ противномъ случаѣ онѣ презращаются въ слабость.

Но какъ-бы то ни было единственный видъ войны, гдѣ „масса“ физически и психологически, абсолютно и безраздѣльно, притомъ съ самыхъ отрицательныхъ своихъ сторонъ, господствуетъ и повелѣваетъ, — это борьба гражданская.

Здѣсь все зависитъ отъ умѣнья вождей пеструю массу организовать цѣлымъ рядомъ импровизированныхъ политическихъ и военныхъ мѣръ въ аппаратъ, достаточно дисциплинированный для достиженія побѣды.

Современная военная система, основанная на поголовномъ военномъ обученіи, лучшее средство для достиженія этого. Слѣдовательно, нынѣшняя армія наилучшимъ образомъ готовитъ массы народныя къ гражданской войнѣ.

ГЛАВА X.

Военная доктрина.

Массовыя арміи, являющіяся во внутреннемъ своемъ устройствѣ учрежденіемъ демократическимъ, нуждаются въ популяризаціи основъ военной доктрины, дѣйствующей въ ея рядахъ:

До конца XVIII столѣтія ни о какой писаной единой военной доктринѣ не было и рѣчи. И не удивительно: арміи были наборныя или вербовочныя. Талантъ и искусство вождя замѣняли доктрину. Отъ рядоваго офицера и солдата не требовалось ничего, кромѣ слѣпотаго повиновенія. И хотя нѣкоторые передовые умы, какъ Суворовъ, настаивали постоянно, что „каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ“, но такое требованіе было еще исключеніемъ и при его несоблюденіи веденіе войны и боя все-же представлялось возможнымъ:

Въ наше время слѣпота въ военномъ дѣлѣ всей армейской массы, и не только ея, но и всего народа, приводитъ обыкновенно, какъ это видѣли всѣ на примѣрѣ Русско-Японской войны со стороны русскихъ, къ взаимному непониманію вождей и массы на театрѣ войны и къ потерѣ инициативы, какъ въ операціяхъ стратегическихъ, такъ и въ бою.

Если въ старину при наличіи армій, составленныхъ изъ старыхъ и опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, военная доктрина замѣнялась богатымъ личнымъ боевымъ опытомъ, то въ наше время послѣдній нерѣдко отсутствуетъ, послѣ мирнаго періода въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, даже у старшихъ вождей армій. Таковымъ было положеніе передъ Великой войной въ арміяхъ французской и германской. И если ихъ вожди оказались на высотѣ своего призванія, то только исключительно потому, что строгое научное изслѣдованіе въ обѣихъ названныхъ арміяхъ находилось на надлежащей высотѣ.

Въ результатѣ получилась та „интеллигентность“ начальствующихъ лицъ, за которую въ военной литературѣ и съ кафедры, въ теченіе свыше двухъ десятковъ лѣтъ сражался маршалъ Фошъ, самъ блестящій представитель мозговой арміи. Его вывела на путь этой упорной борьбы печальная дѣйствительность, унаслѣдованная французской ар-

міей послѣ Седана, когда въ рядахъ было много боевого опыта экзотическихъ экспедицій, съ нимъ вмѣстѣ много апломба и очень мало культивированнаго мозга. Сходное положеніе пережила русская армія послѣ Японской войны. Въ ея рядахъ было очень много обстрѣлянныхъ генераловъ и офицеровъ, но интеллигентность ихъ оставляла желать весьма многого.

Классическій примѣръ мула Евгенія Савойскаго, который сдѣлалъ съ нимъ всѣ кампаніи и все-таки остался муломъ, будетъ навсегда угрозою для арміи, гдѣ знаніе не въ должномъ почетѣ.

Мало таланта и дарованія. Въ военной, боевой практикѣ, нужна еще военная литература для популяризаціи опыта. Послѣ прибытія своего къ дѣйствующей арміи въ Царево-Займище фельдмаршалъ Кутузовъ, по принятіи командованія, писалъ своей женѣ: въ арміи много хорошихъ генераловъ. И не удивительно, такъ какъ это была армія, воспитанная на подвигахъ Суворова и Румянцева. Однако, отъ этой плеяды героев, сокрушившихъ могущество Наполеона, не осталось школы, т. е., доктрины. Архивы удивительно бѣдны матеріалами, относящимися къ войнѣ 1812—1815 г. г. и еще бѣднѣе ея литература, въ большинствѣ исполненная не серьезнаго изслѣдованія, а панегиризма и лести по адресу не только тогдашнихъ вождей, но даже и тѣхъ офицеровъ-участниковъ, которые вслѣдъ затѣмъ прошли къ власти и къ высшему служебному положенію. Путь опасный и чреватый печальными послѣдствіями, свидѣтельствомъ чему служитъ драма Севастополя, знавашаго героевъ (Корниловъ, Нахимовъ, Истомина, Хрулевъ, Хрущевъ и многіе другіе), знавшихъ таланты (Тотлебенъ), но не знавшихъ школы, доктрины, которая могла-бы быть названа современной. Благодаря тому, что герои 1812 г. оказались безъ литературы, они остались безъ наслѣдниковъ по части школы. Единственное, въ чемъ преемники нашлись, это въ героизмѣ и въ самоотверженіи. Но этого мало для пользы дѣла. Нужны военныя знанія, нужно размышленіе и работа мозга, переложенная на бумагу, нужна популяризація этой работы, нужно, чтобы „всякій воинъ могъ-бы понимать свой маневръ“, нужно, чтобы была обезпечена наслѣдственность подобныхъ усилій интеллекта. Только при этихъ условіяхъ армія можетъ ожидать военную грозу со спокойствіемъ совѣсти и съ сознаніемъ исполненнаго долга, а родина взи- рать на свою армію съ уваженіемъ и увѣренностью, что въ годину испытанія она не выдастъ.

Для того, чтобы народъ могъ быть увѣренъ въ своей арміи, а армія черпала въ такомъ довѣрїи свою нравственную силу, необходимо популяризовать военную доктрину, въ особенности во всемъ, что касается военной организа-

ці, не только въ рядахъ войскъ, но въ средѣ демократіи. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, надлежитъ помнить о неразглашеніи военной тайны, но такая боязнь никогда не должна доходить до смѣшного, такъ какъ послѣдствія этого будутъ далеко не веселыя.

До конца XVIII-го столѣтія въ европейской практикѣ не было попытокъ изъ военнаго искусства, тогда проникнутаго исключительно духомъ индивидуальнаго дарованія, создать стройную теорію, а тѣмъ болѣе школу. Опытъ прусскаго военнаго теоретика Бюлова нужно считать первымъ, и притомъ неудачнымъ, экспериментомъ этого рода. По этой теоріи, выведенной, главнымъ образомъ, изъ опыта Фридриха Великаго, маневръ получалъ самодовлѣющее значеніе, независимое отъ боя. Маневры Бюлова были ухищреніями полководческаго искусства большею частію для того, чтобы одною угрозою сообщеніямъ противника, по возможности даже безъ боя, достигъ своей цѣли. Объяснялась такая странная съ нашей точки зрѣнія теорія, конечно, не особенностями искусства Фридриха Великаго, одного изъ великихъ полководцевъ міра, а ложнымъ его толкованіемъ.

Дѣло въ томъ, что Фридрихъ дѣйствовалъ въ эпоху такъ называемой пятипереходной системы, когда арміи, не жившія, какъ нынѣ, на средства страны, а питавшіяся исключительно изъ магазиновъ, не имѣли вслѣдствіе этого возможности отходить отъ своихъ складовъ далѣе пяти суточныхъ маршей безъ риска остаться безъ подвоза, а слѣдовательно и безъ питанія. Объяснялась такая связанность арміи со своею базою только тѣмъ, что войска, набранныя тогда по рекрутскому способу, не могли быть допущены къ производству реквизицій, которыя у нихъ, въ силу ихъ моральныхъ особенностей, не только быстро обратились-бы въ необузданный грабежъ, но и сами войсковыя части превратились-бы въ недисциплинированныя банды.

Бюловымъ не было замѣчено, что многіе рѣшительные успѣхи Фридриха Великаго объяснялись тѣмъ, что онъ, упрочивъ у себя дисциплину, позволялъ себѣ нерѣдко отказываться отъ формализма пятипереходной системы и, что самое главное, искалъ рѣшенія въ бою. Для Бюлова былъ важенъ именно этотъ формализмъ, несмотря на пришествіе въ его время уже новаго фактора въ видѣ національной арміи времени Великой Французской революціи съ ея реквизиціями и съ ея независимостью отъ магазиновъ.

Наполеонъ своими громовыми ударами и своими молніеносными движеніями разсѣялъ заблужденіе формалистовъ прусской школы. Въ область ложной методики влилась свѣжая струя гениальнаго творчества. Тотъ-же Бюловъ, военный теоретикъ, привыкшій къ анализу, первый понялъ надвигаю-

щуюся грозу и напечаталъ суровую критику кампаніи 1805 г., предрекая новыя пораженія союзниковъ. Это стоило ученому потери свободы, такъ какъ его, по требованію Русскаго и Австрійскаго правительствъ, заключили въ крѣпость. Но такая мѣра не спасла Пруссію, вполне согласно съ предсказаніемъ Бюлова, отъ пораженія на голову подъ Іеною и отъ потери политической самостоятельности.

Но у Наполеона тотчасъ-же нашлось и два талантливыхъ комментатора, Жомини и Клаузевиць. Они, въ особенности послѣдній, сдѣлались лучшими истолкователями новой стратегіи, гдѣ энергія движеній готовила бой, а бой былъ единственнымъ рѣшеніемъ войны. Здѣсь не было мѣста рецептамъ и шаблонамъ. Основаніемъ искусства было небольшое число принциповъ, примѣненіе которыхъ зависело отъ личнаго творчества полководца.

Клаузевиць тѣмъ выгодно отличался отъ своего предшественника и соотчича Бюлова, что въ отношеніи своей теоріи положилъ моральный элементъ и духовныя данныя, а не формы.

Замѣчательна судьба, какъ обоихъ теоретиковъ, такъ и участь ихъ ученія.

Жомини, начальникъ штаба маршала Нея, этого военачальника удивительнаго риска и личнаго мужества, былъ головою своего командира корпуса. Послѣ періода Наполеоновскихъ войнъ онъ оказался на службѣ въ Россіи и былъ основателемъ русской военной академіи и ея первымъ начальникомъ.

Клаузевиць, основатель прусской военной доктрины, также не миновалъ службы въ русской арміи. Это было въ 1812 г., когда онъ въ должности начальника штаба гр. Палена, командовавшаго конницей, и въ томъ числѣ Донскими полками атамана Платова подъ Бородинымъ былъ мозгомъ этой конной массы и, между прочимъ, раздѣлилъ славу знаменитаго удара казаковъ по лѣвому флангу боеваго порядка Наполеона на Бородинскомъ полѣ сраженія, удара способствовавшаго нерѣшительности Императора въ этотъ день.

Однако, такое богатство талантливыхъ теоретиковъ военного искусства въ рядахъ русской арміи не оставило въ ней замѣтныхъ слѣдовъ въ видѣ школы, какъ не оставила ее и блестящая практика Суворова, предшественника Наполеоновской стратегіи и тактики быстроты и рѣшительнаго боя. Суворовское „быстрота, глазомѣръ и натискъ“ — не есть ли лучшее и выразительнѣйшее изображеніе сущности военного искусства? Суворовъ никогда не былъ связанъ шаблонами пятипереходной системы, такъ какъ русская армія никогда не знала наемнаго солдата. Ея солдаты были всегда націоналень.

Французская армія не была въ этомъ отношеніи счастливѣе русской. Если въ русской арміи подобное начальное положеніе можно объяснить только недостаткомъ интеллигентности команднаго состава, то во французской — это явилось слѣдствіемъ политическихъ причинъ: послѣ 1815 г. самое имя Наполеона не было въ модѣ, старались поскорѣе и основательнѣе забыть все, что имъ было сдѣлано и причинено плохого, а вмѣстѣ съ тѣмъ забыли и многое хорошее. Армія въ этомъ отношеніи раздѣляла общее направленіе и, сама того не замѣчая, постепенно пришла къ ложному пути, ведущему изъ области яснаго военнаго знанія и военной школы, построенной на рациональныхъ принципахъ, къ заблужденіямъ ограниченныхъ военныхъ умовъ, воспитанныхъ на легкихъ колониальныхъ предпріятіяхъ.

Русская армія, благодаря неинтеллигентности, не смогла переварить своего-же талантливаго боеваго опыта, французская-же сознательно отринувъ свой, вышла къ той-же неинтеллигентности.

Въ итогѣ у первой-Севастополь, Русско-Турецкая война, гдѣ побѣда надъ плохой турецкой арміей далась русскимъ съ такимъ трудомъ, Японская война-уже пораженіе, Великая война-саморазложеніе; у второй Седанъ, Мецъ и Парижъ.

Отдѣльные выдающіеся умы не дѣлаютъ, къ сожалѣнію, школы и не создаютъ въ арміи военной доктрины. Являясь только основателями послѣдней, они безсильны ее популяризовать, если масса команднаго состава не подготовлена къ ея воспріятію. И въ этомъ пунктѣ приходится натолкнуться на очевидную связь военной доктрины съ военной организаціей, въ частности съ устройствомъ кадровъ арміи, носителей доктрины арміи. Здѣсь, какъ и много разъ выше, надлежитъ подчеркнуть важность наличія профессионаловъ военнаго дѣла въ достаточномъ количествѣ.

Изъ трехъ главнѣйшихъ европейскихъ армій до Великой войны, русской, французской и германской, въ послѣдней понадобилась свѣше чѣмъ столѣтняя работа, чтобы выработать замѣчательное единство взглядовъ въ арміи на положенія современной военной доктрины, во французской — около четверти вѣка, а въ русской этимъ дѣломъ начали заниматься только за нѣсколько лѣтъ до Великой войны, хотя необходимость такой работы была признана тотчасъ-же послѣ Японской кампаніи, т. е., за десять лѣтъ до начала всеевропейскаго вооруженнаго конфликта. Слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ понадобилось около десяти лѣтъ, чтобы побѣдить инерцію мысли только однихъ верховъ русской арміи (да и то не вполне), почему не осталось времени для популяризаціи новыхъ въ Россіи идей среди не только широкихъ массъ арміи, но даже среди отборныхъ частей ея кадровъ и, прежде всего, среди генеральнаго штаба.

Такъ медленно совершается работа мысли въ массахъ. Въ этомъ нѣтъ ничего поразительнаго для тѣхъ кто, какъ напримѣръ, д-ръ Ле-Бонъ, изучаютъ этотъ процессъ, но объ этомъ нерѣдко забываютъ тѣ, что отвѣчаетъ за судьбы исхода современныхъ колоссальныхъ вооруженныхъ столкновѣній.

Проповѣдникамъ идеи милиціи надлежитъ помнить объ этомъ съ особымъ постоянствомъ. Не трудно собрать персидское многомилліонное воинство, но невозможно пропитать его тѣми военными идеями и чувствомъ, безъ обладанія которыми во всей своей массѣ, тщетны будутъ усилія такой орды въ поискахъ побѣды. Не поможетъ въ этомъ случаѣ и техника, такъ какъ техника это матерія, въ которую необходимо вдунуть духъ.

Милліонное воинство Дарія Кодомана при встрѣчѣ съ пятидесятитысячной арміей Александра Македонскаго на поляхъ подъ Арбеллами и Гавгамалами не страдала отсутствіемъ или недостаткомъ техническихъ средствъ, но въ ней не было умственного и духовнаго единства, и она была бита. И такъ будетъ всегда.

Для выработки общихъ принциповъ военной доктрины очень важна роль такихъ избранныхъ умовъ, какъ Клаузевицъ, но для распространенія ея въ рядахъ арміи дѣятельности и писаній такихъ головъ далеко недостаточно. Талантливый популяризаторъ и вульгаризаторъ, а не только инициаторъ оригинальной философіи массъ и толпы д-ръ Ле-Бонъ сознавалъ безсиліе книги въ распространеніи, казалось-бы, наилучше доказанныхъ простыхъ истинъ. Онъ приписывалъ это тому, что для такого распространенія истина должна спустится изъ сферы дѣятельности избранныхъ, изъ области мозговой и головной, въ низшую область чувствъ, инстинктовъ, вѣры, доступную усвоенію толпы. Невѣжество послѣдней, какъ основной признакъ опредѣленія ея сущности, требуетъ со стороны опытнаго общественнаго дѣятеля, манипуляціи прежде всего на впечатлѣнія, воображеніе и привычки массы, а не на ея разсудокъ.

Такая работа нужна только для того, чтобы заставить толпу признать справедливой ту или иную истину.

Но этого недостаточно для ея утвержденія. Для этого нужна такая работа, которая обезпечила-бы истинъ автоматизмъ ея примѣненія и шаблонъ въ ея практикѣ.

Таковы сложные пути для утвержденія истинъ и военной доктрины. Умовая концепція избранныхъ умовъ, эмоціальная пропаганда въ массахъ, автоматизмъ примѣненія на практикѣ — вотъ способы добиться того, чтобы истина военной доктрины дѣйствительно „заночевала“ въ рядахъ арміи.

Если пропаганда любой истины житейской философіи может подождать результатовъ своего окончательнаго торжества, то нельзя того-же сказать объ идеяхъ военной доктрины. Безопасность государства требуетъ приложенія ея истинъ въ возможно кратчайшій срокъ. Отсюда необходимость крайняго напряженія въ пропагандѣ ея идей.

Если-бы на минуту предположить, что вся армія состояла изъ Клаузевицевъ, то и тогда такая пропаганда натолкнулась бы на большія трудности, такъ какъ каждый изъ такихъ Клаузевицевъ считалъ бы себя въ правѣ имѣть свое мнѣніе о каждой частности.

Но къ счастью для дѣла пропаганды и для жизни толпа не можетъ состоять изъ людей, подобныхъ Клаузевицу. Поэтому для его идей среди нея не встрѣтятся нейтрализующихъ вліяній (болѣзнь разнаго рода комиссій, гдѣ каждый изъ пленовъ считаетъ себя не глупѣе прочихъ), и для ихъ пропаганды можетъ быть организовано необходимое повиновеніе массы, повиновеніе умственное и моральное, т. е. авторитетъ.

Чтобы показать, какъ не велика количественная роль основнаго авторитета, достаточно напомнить и энергично подчеркнуть, что для созданія принципиальной части теоріи современной военной доктрины, насчитывающей уже свыше, чѣмъ вѣковую давность, достаточно было мозговой работы только одного человека, Клаузевица.

Но его работа свелась-бы къ значенію гласа вопіющаго въ пустынь, если-бы вслѣдъ за нимъ не было исполнено огромной работы популяризаціи и пропаганды его идей и ихъ приложенія. На основаніи его мысли нужно было формировать умы и взгляды армейской массы. Именно подобный трудъ и способы его осуществленія должны быть изучаемы въ наше время, притомъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ существующей армейской дѣйствительностью, т. е. съ организаціей войскъ, отъ которой прежде всего зависитъ та или иная психика массы и ея интеллектуальный уровень.

Между Клаузевицемъ и исполненіемъ его идей, между книгою и приложеніемъ ея принциповъ дистанція огромнаго размѣра. Велика заслуга большого мыслителя, бросающаго въ міръ новыя идеи и новыя истины, но не менѣе значительна и заслуга тѣхъ свѣтлыхъ головъ, которые, подхвативъ чистый принципъ, сумѣютъ пронести его изрытымъ препятствіями путемъ къ осуществленію на практикѣ. Бросить въ жизнь новый принципъ — это одно, а провести его въ жизнь — другое. Первая работа чисто спекулятивная, справедливо кажущаяся д-ру Ле-Бону еще далекой отъ жизни, вторая — вся въ жизни и въ практикѣ. Для первой — нѣсть ни эллинъ, ни іудей, для второй — все въ обстановкѣ и въ ея частностяхъ. Первая работа приводитъ изъ массы случаевъ

бывшей практики въ горнія выси отвлеченнаго принципа, вторая спускаеть этотъ принципъ изъ горнихъ высей на землю съ ея вседневною жизнью и съ ея недочетами. Въ первомъ случаѣ господствуетъ работа високаго ума, во второмъ — не только его, но въ особенности вѣрной психологіи.

Культивированнымъ единицамъ для усвоенія новой идеи нужно раціональное „убѣжденіе“. Но этотъ способъ не годится для массы: здѣсь нужно властное „утвержденіе“. Въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ логика, во второмъ — импульсъ. И между этими двумя этапами, обязательными для утверждения и для побѣды всякой новой идеи, существуетъ множество промежуточныхъ станцій, для прохождения которыхъ необходимо прежде всего время, а затѣмъ особыя условія среды; значеніе среды можно назвать рѣшающимъ.

Обратимся къ примѣрамъ?

Что заставило французскую армію въ теченіе почти всего XIX вѣка отринуть Наполеоновскій боевой опытъ, тотъ опытъ, который былъ продѣланъ въ ея-же побѣдоносныхъ рядахъ? Неужели раціональная логика? Конечно нѣтъ. Чисто импульсивное отвращеніе массы къ своему недавнему кумиру, причинѣ ихъ бѣдствій, въ связи съ реставраціей, а также съ назрѣвшими демократическими теченіями, которымъ внушала полное отвращеніе властный образъ Великаго Полководца. Они были причиною крушенія его авторитета даже въ той области, гдѣ, казалось-бы, нѣтъ мѣста для политическихъ симпатій или антипатій, въ сферѣ военного искусства. Чувство, какъ всегда, оказалось сильнѣе разсудка, и вотъ французская армія устремилась къ своему собственному паденію, къ своему Седану, „разсудку вопреки“.

Почему одновременно престижъ того-же Наполеона такъ выросъ въ рядахъ прусской арміи, въ рядахъ ему враждебныхъ? Только потому, что пруссаки лучше и яснѣе другихъ получили ударъ по своему „воображенію“. И здѣсь импульсивное впечатлѣніе сыграло рѣшающую роль въ благоприятномъ отношеніи къ Наполеоновскому военному авторитету. Оно было лучшимъ и кратчайшимъ путемъ для усвоенія въ германскихъ военныхъ массахъ тѣхъ теоретическихъ истинъ, которыя сумѣлъ рафинированный умъ Клаузевица вывести изъ свѣжаго геніальнаго опыта Великаго Полководца.

Общій выводъ изъ этихъ историческихъ примѣровъ: въ первомъ случаѣ „среда“ была подготовлена путемъ соотвѣтствующаго воздѣйствія на чувство какъ отрицанію, а во второмъ случаѣ къ воспріятію новаго тогда боеваго опыта.

На французскомъ примѣрѣ легко убѣдиться, что антипатіи политическія повліяли на вопросъ чисто военный. Казалось-бы не логично. Отвращеніе къ политической дѣятельности даннаго дѣятеля вызвало отвращеніе и къ его воен-

ной и боевой работѣ. Нужды нѣтъ, что она являлась рѣдчайшимъ образцомъ военного геніальнаго творчества. Для толпы геній существуетъ только до той поры, пока успѣхъ сопровождаетъ его работу. Горе ему, когда онъ поверженъ.

Это не логично, но жизненно. „Престижъ“, „обаяніе“ въ жизни идей важнѣе логики. Логика нужна для единицъ, для вождей, престижъ идеи — для усвоенія ея массою. Если среди избранныхъ успѣхъ идеи зависитъ отъ ея качества, то среди массы этотъ успѣхъ зависитъ отъ причинъ чисто внѣшнихъ, независимыхъ отъ самой идеи: среды, престижа вождя, моды, условій пропаганды. Только послѣдняя данная да и то не вполне, можетъ быть обезпечена школою. Остальныя даются жизнью, т. е., во всемъ, что касается арміи, ея внутренней организаціей.

Сѣятель сѣетъ свое сѣмя, но произрастаніе его зависитъ отъ почвы.

Одна почва даетъ богатые всходы, другая бѣдные, а третья погубить сѣмя. То-же и въ области военной доктрины.

Чрезвычайно показательны случаи: прусскій, французскій и русскій по введенію въ жизнь понятій военной доктрины и особенно по проведенію ея въ жизнь, по ея распространенію въ рядахъ. Сравненіе этихъ именно случаевъ приведетъ насъ къ нѣсколькимъ точнымъ выводамъ, полезнымъ съ практической точки зрѣнія.

Участь, большею частью, битыхъ армій или армій, постигнутыхъ ударами политическихъ несчастій, рождать системы теоретическихъ обслѣдованій въ области военныхъ знаній. Эти изслѣдованія носятъ всегда и всюду характеръ патріотическихъ усилій нѣкоторыхъ военныхъ спеціалистовъ дать своей родинѣ возможность возрожденія недостающаго ей военного могущества, которое обезпечило-бы ей самостоятельное національное существованіе.

Обратно, побѣдоносныя арміи, избилующія генералами бойцами, преисполненныя большою дозою самоувѣренности, охотно забываютъ о теоріи и часто путемъ продолжительныхъ военныхъ успѣховъ, купленныхъ цѣною индивидуальнаго творчества въ области военного искусства, начинаютъ презирать всякую вообще военную теорію.

Въ такомъ именно положеніи находилась русская армія въ теченіе всего XVIII и первой половины XIX столѣтій. Въ такомъ-же положеніи была и французская армія въ Наполеоновскую эпоху.

Вотъ почему не въ ея рядахъ появились военные писатели, изслѣдователи Наполеоновскаго опыта, а въ рядахъ битой прусской арміи (Клаузевицъ) и въ Швейцаріи, странѣ, силою скупированной французами (Жомини).

Для армій-побѣдительницъ будетъ совершенно понятно нѣкоторое, исполненное снисхожденія, пренебреженіе, которое онѣ испытываютъ по отношенію ко всѣмъ такимъ изслѣдованіямъ въ рядахъ ихъ битыхъ противниковъ, но Седанъ и Севастополь грозно свидѣтельствуютъ объ опасности такого легкомыслія побѣдителей.

Другой опасный подводный камень для побѣдителя — это панегирическая военная литература, откровенная или замаскированная болѣе или менѣе ловко.

Именно этими двумя встрѣчными путями побитый приходитъ къ отмщенію: неустаннымъ изслѣдованіемъ со своей стороны и безпробуднымъ добровольнымъ самоусыпленіемъ со стороны своего недавняго побѣдителя.

Этотъ выводъ, какъ *peemento mori* древнихъ, долженъ былъ-бы быть вышитъ золотыми буквами поверхъ имени славныхъ сраженій, на знаменахъ побѣдоносной арміи въ день заключенія мира. Имена побѣдъ — культъ прошедшаго, а этотъ завѣтъ — культъ будущаго. Побѣды — завершеніе славнаго прошлаго, этотъ девизъ — основа для новаго труда, безъ котораго не можетъ быть государственной безопасности.

Во-истину молитвою побѣдителя должны быть слѣдующія слова: Боже, избави насъ отъ бахвальства! Именно эту болѣзнь побѣдителя, предрѣшающую его будущія пораженія, замѣтилъ среди русскихъ 1813 года и отмѣтилъ въ своихъ запискахъ кн. Меттернихъ. Именно эта болѣзнь является крупнѣйшимъ врагомъ здоровой военной доктрины въ арміи.

Какъ бы то ни было, приходится съ грустью установить, что исторія не знаетъ здоровой теоріи военной доктрины, выросшей въ станѣ побѣдителя. Затуманенныя очи побѣдителя не годятся для холоднаго анализа и злой критики, безъ которой нѣтъ вѣрнаго пути къ познанію истины.

Послѣ побѣдоноснаго Фридриха Великаго въ Пруссіи выросла именно та школа, которую можно назвать ложно-фридриховскою и дань которой послѣднимъ изъ военныхъ теоретиковъ заплатилъ Бюловъ, уже предчувствовавшій подъ громъ первыхъ побѣдъ революціонныхъ генераловъ пришествіе новаго искусства и, не взирая на свою скованность фридриховскимъ формализмомъ, предрекшій то, что потомъ случилось на поляхъ Іены. Бюловъ умеръ въ слѣдующемъ году послѣ этого разгрома Пруссіи и, вмѣстѣ съ нею старой школы военной доктрины.

На вѣрный путь военную доктрину вывели Жomini и Клаузевицъ. Но судьба ученія каждаго изъ нихъ была различна и весьма наставительна для ихъ учениковъ. Постепенное потуханіе славы перваго изъ нихъ и разрастаніе славы втораго имѣетъ точныя объясненія, какъ въ способахъ ихъ работы, такъ и въ данныхъ ихъ біографіи.

Жомини, принадлежавшій къ одной изъ тѣхъ швейцарскихъ семей, гдѣ по старинному обычаю страны, нерѣдко готовили воиновъ-наемниковъ для службы во французской или папской гвардіяхъ, по волѣ своего отца долженъ былъ поступить во французскую службу. Революція помѣшала этому, и Жомини былъ вынужденъ отъ своего любимаго ремесла солдата временно обратиться къ коммерческой службѣ. Это не мѣшаетъ ему посвящать свои досуги изученію теоріи военнаго дѣла,

Впослѣдствіи призваніе все-же-находитъ свой исходъ, и Жомини, вернувшись въ Швейцарію, всего только двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, играетъ выдающуюся роль въ военномъ департаментѣ своей родины на посту генеральнаго его секретаря. Здѣсь онъ является инициаторомъ швейцарской милиціи, которая составляетъ нынѣ идеальную вооруженную силу социалистовъ въ чаюніи ими „событій ожидаемыхъ и въ тайнѣ желаемыхъ“. Жомини дѣлается однимъ изъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ Массены въ оборонѣ имъ Швейцаріи отъ натиска русскихъ подъ водительствомъ Суворова и, вмѣстѣ со своимъ шефомъ и генераломъ Лекурбомъ, этимъ общепризнаннымъ во французской арміи „богомъ горной войны“, терпитъ рядъ неизмѣнныхъ неудачъ во всѣхъ бояхъ съ Суворовымъ, возглавлявшимъ оборванную и голодную армію профессиональных воиновъ, обитателей великой равнины, притомъ впервые оказывавшихся въ такой странѣ, какъ Альпы. Не помогли и горцы-милиціонеры, и дѣло дошло до того, что въ бою въ Муттенской долинѣ самъ Массена едва вырвался изъ рукъ русскаго гренадера унтеръ-офицера Махотина, оставивши ему на память своей эполетъ.

Вновь скитанія Жомини. Вновь онъ въ Парижѣ, гдѣ выпускаетъ свой первый литературный трудъ, „Le Traité des grandes opérations militaires des guerres de Frédéric II comparées à celle de la Révolution“.

Затѣмъ въ Булони Жомини дѣлается адъютантомъ маршала Нея и съ нимъ начинаетъ раздѣлять и славу, и труды его карьеры, дойдя въ концѣ концовъ до должности его начальника штаба. Это сотрудничество было прервано короткой размолвкой Нея съ Жомини въ Испаніи, и это даетъ основаніе второму немедленно предложить свои услуги императору Александру и даже получить согласіе. Наполеонъ сумѣлъ прервать эти переговоры, поставивъ Жомини передъ альтернативой: кэзематы Венсеня или генеральскіе эполеты. Жомини выбралъ эполеты.

Слѣдуетъ примиреніе и новое сотрудничество съ Неемъ, слава побѣды подъ Бауценомъ, гдѣ неисполненіе, по настоянію Жомини, приказа главной квартиры оказалось лучшимъ средствомъ успѣха и гдѣ въ видѣ награды Жомини получилъ выговоръ отъ маршала Бертье за неаккуратное

доставленіе очереднаго донесенія отъ одной изъ дивизій корпуса Нея, понесшей тяжелыя потери и потому не справившейся въ срокъ съ канцелярской работой.

Новая обида и новый переходъ въ лагерь противника во время Пардубицкаго перемирія. Дальнѣйшая служба этого швейцарскаго наемника проходитъ уже въ рядахъ русской арміи. Замѣчательно, что даже Наполеонъ не затаилъ противъ него, казалось-бы, понятной, обиды. На островѣ Св. Елены онъ писалъ по этому поводу: „Жомини не измѣнилъ своимъ знаменамъ: онъ могъ жаловаться на большую несправедливость; онъ былъ ослѣпленъ почтеннымъ чувствомъ; онъ не былъ французомъ, любовь къ отечеству не удерживала его“.

Жомини вскорѣ послѣ основанія Николаевской военной академіи въ 1830 г., покинулъ Россію для частной жизни въ Парижѣ.

Этотъ періодъ его долгой жизни (онъ скончался 90 лѣтъ отъ роду), съ короткимъ перерывомъ во время Крымской войны, когда Жомини вновь возвратился въ Россію по приглашенію императора Николая I-го, прошелъ весь въ литературной, достаточно плодотворной работѣ.

Но этой работѣ впоследствии не хватало преемственности, чтобы вырости въ школу. Хотя Жомини, по свидѣтельству его біографовъ, мѣняя господина, никогда не старался пріобрѣсти его милости путемъ предательства предшествовавшаго своего государя или, тѣмъ болѣе, работать на знаніи и выдачѣ секретовъ страны, пользовавшейся его службою, но все-же ему нигдѣ и никогда невозможно было пріобрѣсти того довѣрія, которое придаетъ необходимый авторитетъ основателю школы.

Сѣмя было хорошее, но ему не хватало почвы, чтобы произрасти. Это была школа безъ отечества, безъ родной арміи, безъ знанія и чувствованія ея нравовъ и природы, безъ умѣнья подойти къ ея недостаткамъ и вылѣчить ихъ. Наконецъ, въ этой работѣ не было того „сердца“, которое проникаетъ, напримѣръ, всѣ писанія маршала Фоша и, которое позволяло ему, въ годину тяжелой подготовкѣ къ неминучей борьбѣ его родины не на жизнь, а на смерть, касаться скальпелемъ острой критики болѣзней родной арміи, не оскорбляя ея самолюбія и чести, ея достоинства и самоуваженія. Любви и патріотизма, — вотъ чего не хватало Жомини въ его учительствѣ, и, быть можетъ, именно поэтому такіе неполные плоды дала основанная имъ въ Россіи военная академія. Одного ея основанія было недостаточно. Нужно было затѣмъ неустанное усиліе, котораго не оказалось на лицо, какъ вслѣдствіе отъѣзда изъ страны самаго Жомини, такъ и по причинѣ иныхъ обстоятельствъ, еще болѣе значительныхъ и важнѣхъ.

Между проповѣдью общихъ идей и ихъ приложеніемъ разстояніе огромное, и вотъ именно оно-то и было внѣ возможности для Жомини въ силу незнанія имъ сущности русской арміи и ея духа, происхожденія, ея достоинствъ и и ея недостатковъ, особенностей ея устройства и пороковъ ея быта, словомъ ея организациі въ самомъ широкомъ значеніи этого выраженія.

Современнику Жомини, Клаузевицу, болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи.

Если опытъ Жомини воспитался преимущественно среди побѣдъ сначала Наполеоновской, а затѣмъ русской арміи, то личный опытъ Клаузевица прошелъ тернистымъ путемъ поражений союзниковъ во Франціи въ 1793—94 г. г., разгрома подъ Іеной и печальной памяти Дринскаго укрѣпленнаго лагеря, вину сооруженія котораго онъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ прусскимъ теоретикомъ ген. Пфулемъ, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба. Взятый въ плѣнъ подъ Пренцлау во время сраженія подъ Іеною вмѣстѣ со своимъ тогдашнимъ непосредственнымъ начальникомъ принцемъ прусскимъ Августомъ, Клаузевицъ испыталъ на себѣ жгучій стыдъ за безсиліе своей родины, проистекавшее отъ невѣжества руководящихъ военныхъ круговъ. Въ немъ зажегся священный огонь дѣятельной любви къ своей родинѣ, и избавленіе ея отъ опасности внѣшнихъ вторженій сдѣлалось цѣлью его жизни. Вмѣстѣ съ Іоркомъ мы видимъ его при совершеніи акта Таурогенской конвенціи, который вплоть до 1814 г. сдѣлалъ невозможнымъ возвращеніе Клаузевица изъ русской службы въ прусскую: таковъ былъ трепетъ передъ именемъ Наполеона даже въ періодъ склоненія его военнаго счастья.

Уже дватцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ Клаузевицъ былъ замѣченъ военнымъ министромъ Шарнгорстомъ во время прохожденія имъ курса военной академіи, начальникомъ которой онъ дѣлается въ 1818 г. и остается на этомъ посту вплоть до 1830 г. гдѣ онъ исполнилъ заложеніе работы на сто лѣтъ впередъ. Эти двѣнадцать лѣтъ труда Клаузевица, когда онъ далъ Берлинской академіи не только толчокъ къ ученому изслѣдованію, но, что самое главное, указалъ вѣрный „методъ“ усвоенія военныхъ знаній, останутся навсегда самымъ яркимъ періодомъ этого высшаго учебнаго заведенія.

Въ то время, какъ основныя литературныя произведенія Жомини появились еще до завершения Наполеоновской эпопеи или тотчасъ-же послѣ Ватерлоо. („Traité des Grands Opérations Militaires“, „Principes de la Strategie“, „Histoire critique et militaire des campagnes de la Révolution de 1792 à 1801“)¹⁾,

¹⁾ Кроме того позднѣйшіе: „Vie politique et militaire de Napoléon“, „Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre de leurs rapports

Труды Клаузевица были написаны уже по завершении ихъ, чѣмъ быть можетъ и объясняется также и большая жизненность ихъ („Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegsführung“); изъ нихъ необходимо отмѣтить „Vom Krieg“, много разъ переведенное на всѣ европейскіе языки и многократно переизданное. Эти труды послужили основаніемъ писаной военной доктрины въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія и вплоть до нашихъ дней¹⁾.

Однако до второй половины прошлаго вѣка все это литературное богатство оставалось едва-ли не исключительнымъ достояніемъ Германіи.

Чѣмъ объяснить подобное странное, казалось-бы, явленіе? Оно объясняется причинами чисто житейскими. Чему могла учиться гордящаяся своимъ героическимъ наполеоновскимъ боевымъ опытомъ французская армія у одного изъ героевъ Іены и Ауэрштедта? Чему могла учиться у скромнаго прусскаго военнаго теоретика русская, всегда побѣдоносная армія, неизмѣнно бывшая Фридриха Великаго и погубившая самого Наполеона? Казалось-бы, обѣ эти арміи не нуждались въ урокахъ своего скромнаго сосѣда, углубившагося въ военныя размышленія и въ теоретическое изслѣдованіе.

И Франція, и Россія тѣмъ временемъ, исполненныя самодовольства, поддержаннаго успѣхами экзотическихъ экспедицій, пребывали въ сладкой дремѣ.

Пробужденіе послѣдовало подъ громъ побѣдоносныхъ прусскихъ орудій на поляхъ Садовой, Верта, Меца, Седана и Парижа.

То, что было неожиданностью для самонадѣянныхъ сосѣдей Пруссіи, то было лишь логическимъ завершеніемъ методическаго труда нѣмцевъ. Въ Берлинѣ нашли свое отечество правильные методы изученія военнаго дѣла: методъ критико-исторической для полученія общихъ, основныхъ принциповъ и методъ прикладной для ихъ усвоенія. Сто лѣтъ упорной работы отъ Клаузевица и Шарнгорста черезъ Мольтке и Роона къ нашимъ днямъ передъ Великой войной совершалось систематическое созиданіе единой военной доктрины, проникнутой замѣчательной цѣльностью плана.

Дедукція и индукція, синтезъ и анализъ съ легкой руки старательныхъ нѣмцевъ стали проникать въ военную теорію и военную практику для того, чтобы слово превратить въ

---

avec la politique des Etats*, „Précis de l'art de la guerre, ou Nouveau Tableau analytique de principales combinaisons de la stratégie, de la grande pratique et de la politique militaire“, „Précis politique et militaire de la Campagne de 1815“.

¹⁾ Кромѣ нихъ нужно отмѣтить работы, посвященныя кампаніямъ 1796, 1812 и 1813 г. г.

дѣло, такое страшное дѣло, какъ война и какъ кровавый бой. Тамъ, гдѣ ихъ неразумные сосѣди все еще въ военной своей дѣятельности разсчитывали на вдохновеніе талантовъ, нѣмцы перешли на научные методы, способные заурядныхъ исполнителей превратить въ образцовыхъ техниковъ своего дѣла. Германцы создали военного ремесленника, подготовленного для его кроваваго опыта даже безъ опыта, и это огромная заслуга нѣмецкой школы, основателемъ которой явился Клаузевицъ и которую въ Россіи не удалось создать Жomini. У Жomini не было обезпечено постоянство усилій и преемственность въ работѣ, отъ которой зависитъ все и которыя оказались въ наличіи въ Берлинѣ. Здѣсь сумѣли не только бросить въ жизнь извѣстныя общія идеи, но и провести ихъ въ жизнь, осуществить, превратить въ практику, т. е. создать школу. Общія истины получаютъ право на жизнь только въ подготовленной средѣ, и это заслуга нѣмецкой военной школы выявить такое основное положеніе, отъ котораго зависитъ всякій прогрессъ, а особенно въ такомъ практическомъ дѣлѣ, какъ военное. Нѣмцы сумѣли отъ общихъ истинъ, которыя они добыли посредствомъ критико-историческаго метода изслѣдованія, перейти къ фактамъ и случаямъ всѣдневной практики, прибѣгнувъ къ методу прикладному въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Результатъ не замедлилъ сказаться. Во время кампаніи 1870—71 г. г., по свидѣтельству Фоша, исполненіе въ германской арміи нерѣдко превосходило концепцію высшаго командованія и даже исправляло его ошибки. Нѣмецкое командованіе краснорѣчивыми фактами своей боевой практики доказывало старое военное правило, гласившее, что лучше скверный планъ, но образцово исполненный, чѣмъ отличный планъ, но испорченный неумѣлымъ исполненіемъ.

Послѣ побѣдъ германцевъ въ 1880—71 г. г. слово „иниціатива“ сдѣлалось лозунгомъ дня для всѣхъ, даже для тѣхъ, кто къ осуществленію этого понятія и къ проведенію его въ жизнь не былъ подготовленъ совершенно. Въ словѣ „иниціатива“ всѣ искали причину, тогда какъ оно само было лишь видимымъ слѣдствіемъ невидимаго почти столѣтняго труда арміи. Требоватъ частнаго почина въ арміи, гдѣ не было пройдено соотвѣтствующихъ умственныхъ и духовныхъ этаповъ, было равносильно требованію импровизаціи на роялѣ отъ того, кто не умѣетъ читать ноты. Требованіе слѣдствія безъ наличія причины, ведущей къ ней, было по меньшей мѣрѣ безсмыслицей, дань которой заплатили многія европейскія арміи.

По слѣдамъ великаго Клаузевица всякій маленькій Клаузевицъ любитъ сознательно подойти къ окончательному результату достигнутаго первымъ совершенства школы. Отсюда важность критико-историческаго метода изученія мину-

вшаго боеваго опыта. Онъ формуеть здоровую критику, изоощряеть умъ. Но, чтобы его превратить въ факты своей собственной практики, нуженъ прикладной методъ усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ. Онъ даетъ технику и воспитываетъ способность принятія рѣшеній во всемъ многообразіи обстановки, другими словами, подготавливаетъ волю къ ея отвѣтственной роли. Комбинація обоихъ методовъ, въ ихъ взаимодействіи, приводитъ въ область высшаго творчества въ случаѣ врожденныхъ къ тому способностей или, еще того лучше, таланта.

То, что у Наполеона составляло секретъ его генія, прусская школа, благодаря Клаузевицу и его послѣдователямъ, сумѣла превратить въ обычное ремесло, доступное пониманію и достиженію даже людей такъ называемой золотой середины.

Благодаря этому умному способу издѣлія военныхъ техниковъ, германская армія, не взирая на то, что не воевала 44 года, единственной изъ всѣхъ европейскихъ передъ Великою войною, оказалась ближе всего къ пониманію боевой дѣйствительности: она сохранила то, что по-нѣмецки называется „Kriegsgemeinheit“. Для нея не было сюрпризомъ значеніе въ новѣйшемъ бою тяжелой артиллеріи, она лучше другихъ была подготовлена къ желѣзнодорожному маневру, для нея не было неожиданностью непригодность крѣпостей-точекъ (на этомъ былъ построенъ весь планъ вторженія въ въ Бельгію и, слѣдовательно, всего наступленія во Францію), съ другой стороны, она понимала силу и значеніе позиціи, наконецъ, что весьма важно, она цѣнила и умѣла использовать, какъ никто, свою прочную кадровую систему не только для себя самой, но и для своихъ слабыхъ союзниковъ.

Такая „Kriegsgemeinheit“ была слѣдствіемъ столѣтнихъ послѣдовательныхъ усилій.

Но у всякой медали имѣется и обратная сторона. Есть она и у нѣмецкой школы. Здѣсь выявляются природныя особенности расы, которыхъ ужъ не превзойти.

При твердо установившихся методахъ нѣмецкой школы она не могла уже въ боевой практикѣ оглушить противника обваломъ неожиданнаго рѣшенія и ослѣпить блескомъ вдохновеннаго хода. Все заранѣе взвѣшено, все заранѣе извѣстно.

Мало того, нѣмецъ и о своемъ противникѣ судить по себѣ, какъ-бы не допуская мысли о возможности неожиданной импровизаціи съ его стороны. Эта особенность была замѣчена Фошемъ еще въ бытность его профессоромъ, и одна изъ крупнѣйшихъ его заслугъ передъ отечествомъ не только въ томъ, что онъ открылъ эту ахиллесову пятую германской арміи, столь, казалось, монолитной и неуязвимой въ

отношеніи доктрины, но и воспиталь поколѣніе французскихъ военныхъ умовъ, способныхъ использовать эту слабую сторону творчества противника. Фошъ во Франці объявилъ походъ противъ предвзятыхъ рѣшеній, и это была сила молодой французской школы.

Умственное пробужденіе французской арміи началось тотчасъ-же почти послѣ разгрома 1870-71 г. г., но еще долго послѣ войны продолжалось нерѣшительное нащупываніе почвы, прежде чѣмъ перейти къ опредѣленному курсу, который можно было-бы назвать школою. Такое топтаніе продолжалось около двухъ десятковъ лѣтъ, пока, наконецъ, не былъ взятъ твердый курсъ молодой профессуры тогдашней Высшей военной школы, Фошемъ, Петеномъ, Дебэнэ и др. Это была школа энергичнаго насажденія прикладнаго метода въ приѣмы подготовки будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Сознательность неизбѣжность большой войны съ Германіей, чувствовалась недостаточность времени для идейной подготовки къ ней и поэтому и въ методы такой подготовки было внесено много спѣшки и много сѣятости. Главная цѣль по идеѣ Фоша было желаніе развить то, чего не хватало французской арміи во время Франко-Прусской войны, интеллигентность команднаго состава, заставить „шевелить мозгами“¹⁾. Во главѣ этой работы мысли было осужденіе всякихъ рецептовъ и шаблоновъ, склонность къ которымъ Фошъ замѣтилъ у своихъ будущихъ противниковъ, отмѣтилъ ее въ своихъ трудахъ и осудилъ въ своей практикѣ профессора.

„Пусть не ищутъ совсѣмъ на этихъ страницахъ, пишетъ онъ въ предисловіи своихъ „Принциповъ Войны“ перваго-же, изданія методическаго и полнаго, еще менѣе того академическаго, выявленія искусства войны, но просто обсужденія нѣсколькихъ отправныхъ точекъ по веденію войскъ и, особенно, направленія мысли, чтобы она всегда могла-бы избрать цѣлесообразный маневръ.“ Это была доктрина свободного рациональнаго мышленія, воспитывавшагося на частныхъ случаяхъ исторической практики.

Вотъ почему Фошъ, уже маршалъ Франці и Великобританіи, переиздавая тотъ-же трудъ въ 1919 году, не взирая на большой скачекъ военной техники за время Великой войны, имѣлъ право написать въ новомъ своемъ предисловіи: „Настоящій трудъ, хотя и относящійся къ 1903 г., можетъ еще служить для формовки людей, призванныхъ предводительствовать войсками или просто желающихъ поразмыслить о нуждахъ войны.“

Въ общемъ работа французской военной школы перedy всынсю была работою созданія „вождей“, а не „идей“,

1) Raymond Recouly — „La Bataille de Foch“, стр. 84.

не доктрины, тѣмъ болѣе, что таковая уже была создана нѣмцами во время ихъ столѣтняго труда. Это созданіе вождей не ограничивалось областью одной интеллигентности, надъ чѣмъ особенно работалъ Фошъ, но оно невольно выводило и въ сферу характера, воли, указывая путь для рѣшимости, освѣщая раціональные пріемы для принятія рѣшеній.

Эта работа дошла до того, что, по почину Фоша, въ 1909 г. были образованы курсы высшей стратегіи, преобразованные затѣмъ въ центръ высшихъ военныхъ знаній удачно окрещенный въ арміи кличкою „школа маршаловъ“, откуда и въ дѣйствительности вышли всѣ эти Петены, Файоли, Местры, Дебенэ, Вейганги.

Подобное спѣшное изготовленіе вождей оправдалось впоследствии во время событій войны 1914-18 г. г., но оно имѣло, въ качествѣ школы, и одинъ не малый организационный недостатокъ. Это неполное вниманіе къ критико-историческому изслѣдованію современной войны въ ея новѣйшихъ явленіяхъ. За огромностью труда по широчайшему примѣненію прикладнаго метода въ интересахъ распространенія высшихъ знаній, оставили въ нѣкоторомъ небреженіи критико-историческій методъ, необходимый для того, чтобы начать войну въ условіяхъ по возможности съ представленіями о ней наиболѣе близкими къ возможной дѣйствительности.

Только этимъ можно объяснить, что для французовъ роль тяжелой артиллеріи въ бою оказалась сюрпризомъ, не взирая на присутствіе въ ихъ рядахъ теорій новѣйшей артиллеріи Ланглуа, что разворачиваніе главныхъ силъ французской арміи производится въ районѣ Гирсонъ-Мець, гдѣ желѣзныя дороги менѣе всего для этого подготовлены, что сраженіе на Марнѣ прерывается безъ должной эксплуатаціи побѣды изъ-за недостатка снарядовъ и патронзовъ, что армія оказывается недостаточно подготовленной къ возможности веденія позиціонной борьбы, что промышленность оказалась не готовой къ бремени, которое возлагала на нее современная война и т. д., и т. д. Понадобились долгіе 4 года войны и моря крови, чтобы исправить эти недосмотры.

Передъ послѣднею кампаніей во французской арміи было написано много прекрасныхъ страницъ и сказано съ военной кафедры много вѣрныхъ словъ, но, повторимъ вслѣдъ за генераломъ Фошемъ, „пусть не ищутъ на этихъ страницахъ методическаго и полнаго, еще менѣе того, академическаго выявленія искусства войны.“

Эти слова необходимо помнить особенно тѣмъ русскимъ, которые послѣ своихъ идейныхъ блужданій въ теченіе столѣтъ послѣ-наполеоновской эпохи, послѣ полуудачъ Турецкой и поражений Японской войны незадолго до Великой вой-

ны пріѣхали въ Парижъ, какъ въ Мекку, искать полнаго посвященія въ таинство.

Они принесли изъ-за границы то, что послѣ Японской войны стало яснымъ и вообще для русскаго генеральнаго штаба, прикладной методъ. Русская военная литература къ тому времени уже ясно высказалась въ этомъ смыслѣ, и даже въ нѣкоторыхъ учебныхъ войсковыхъ учрежденіяхъ, гдѣ требовалось быстрое натаскиваніе команднаго состава въ положеніяхъ современной тактики, этотъ спасительный методъ примѣнялся съ положительными результатами. Такими учрежденіями были разнаго рода офицерскія школы, Артиллерійская, Стрѣльковая и Кавалерійская. На этотъ-же путь вступила уже и Военная Академія.

Къ сожалѣнію паломники вмѣстѣ съ правильнымъ взглядомъ на прикладной методъ привезли изъ Парижа и увлеченіе, вскорѣ давшее вредные плоды. 75 лѣтъ существованія русской академіи генеральнаго штаба, конечно, не могли пройти безслѣдно для культуры въ арміи. И этотъ слѣдъ заключался прежде всего въ томъ, что историческое изслѣдованіе, въ частности критико-историческій методъ его, сдѣлали значительные успѣхи и способствовали научному обслѣдованію славнаго прошлаго русской арміи. Труды Милютинна, Масловскаго, Мышлаевскаго и др., составленные на основаніи розысковъ въ архивахъ, были показателями здоровой школы, обѣщавшей много въ будущемъ. Съ другой стороны эта работа подкрѣплялась трудомъ чисто военно-философскимъ такихъ умовъ, какъ Лееръ, этотъ талантливый русскій популяризаторъ идей Клаузевица. Голосъ Леера служилъ какъ-бы аккомпаниментомъ молодымъ голосамъ архивныхъ пытливыхъ изслѣдователей, ревновавшихъ о славѣ русскаго военнаго искусства.

Молодые паломники изъ Парижа, быстро окрещенные въ арміи именемъ „младотурокъ“, въ пылу увлеченія не цѣнили этой работы родной академіи. Дѣйствительно, въ моментъ появленія ихъ у центра вліянія эта работа оставляла желать многоаго. Подборъ профессоровъ былъ не удаченъ. Подборъ курсовъ также. Старикъ Лееръ, соболѣзнуя объ этомъ, любилъ повторять, что на кафедрѣ военнаго искусства всякій валить то, что ему негоже. „Младотурки“ довершили эту „эволюцію“ тѣмъ, что на ту-же кафедру начали уже преднамѣренно сваливать и всѣхъ негодныхъ профессоровъ.

Эти исканія, исполненныя жара, соотвѣтствовали періоду гораздо болѣе спокойныхъ и уравновѣшенныхъ попытокъ французской высшей военной школы 70-хъ и 80-хъ годовъ. Въ результатъ въ Россіи явилась серія ученыхъ трудовъ весьма условнаго схоластическаго достоинства. Тутъ была и „служба генеральнаго штаба“, и „современная“ стра-

тегія, не имѣвшая ничего общаго съ съ современностью, и „маневръ, какъ средство боя“, гдѣ Наполеону навязывались идеи, которыя ему и не снились и пр., и пр. Съ возникновеніемъ Великой войны наиболѣе искренніе изъ авторовъ этихъ трудовъ признавались, что писали глупости, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительностью.

Военная доктрина въ арміи предназначена для того, чтобы господствующія понятія военной среды вознести на самую вершину основныхъ принциповъ войны, обезпечивъ ихъ примѣненіе на практикѣ современности. Ясно, что путь на эту вершину лежитъ отъ подножія горы, которая тѣмъ выше, чѣмъ интеллигентность данной арміи и даннаго народа ниже. Ясно, что въ каждой изъ существовавшихъ передъ Великою войною, армій, этотъ путь былъ и разной длины, и разныхъ направленій, и извилинъ. Онъ ни въ какой изъ нихъ не былъ похожъ на путь, свойственный сосѣду или близкому другу. Основная ошибка русскихъ молодыхъ офиціальныхъ реформаторовъ заключалась въ непониманіи этой истины, а, быть можетъ, и въ незнаніи своей собственной арміи.

Самый фактъ возникновенія молодой школы былъ, конечно, отраднымъ явленіемъ, которое однако не успѣло стать на ноги, какъ возникла война. Русскій генеральный штабъ выступилъ на нее въ разбродѣ общихъ идей и способовъ ихъ осуществленія.

Но у русской арміи было преимущество, неизвѣстное прочимъ европейскимъ арміямъ: въ ея рядахъ находилось свыше 20.000 обстрѣлянныхъ офицеровъ и свыше 200.000 такихъ-же солдатъ. До нѣкоторой степени это обстоятельство уменьшало зло отъ отсутствія единства мысли. Вся эта обстрѣлянная масса знала бой и умѣла угадать боевую дѣйствительность, которая уже не могла преподнести ей неожиданныхъ сюрпризовъ.

Въ заключеніе можно сдѣлать слѣдующій краткій общій выводъ о работѣ созиданія и распространенія единой военной доктрины въ рядахъ важнѣйшихъ и наиболѣе многочисленныхъ армій. Понадобилось около ста лѣтъ на созиданіе и распространеніе доктрины германской арміи, около двадцати лѣтъ только на спѣшное распространеніе ея во французской арміи и было совершенно недостаточно шести-семи лѣтъ на такое-же распространеніе въ рядахъ даже обстрѣлянной русской арміи.

Жоресъ, оставаясь упорнымъ и весьма послѣдовательнымъ сторонникомъ милиціи, въ своемъ планѣ общаго перехода къ этому виду вооруженной силы не забылъ и милиционированія высшаго умственнаго ея аппарата. Онъ предлагаетъ въ своемъ, уже такъ часто цитированномъ, трудѣ

„L'Armée Nouvelle“, перенести высшее военное образование изъ специальныхъ учебныхъ заведеній въ университеты. Такимъ образомъ, по его мысли въ грядущемъ будетъ дѣло университетовъ культивировать положенія военной доктрины и связанныя съ ней вопросы.

„Я замѣчу сперва, пишетъ онъ, что, чтобы изучить эти вопросы съ полною свободою ума, нужно, чтобы офицеры были-бы освобождены отъ всѣхъ предразсудковъ корпораціи и отъ всякой профессиональной рутины и чтобы они привыкли при помощи культуры во-истину общей, при помощи умственного общенія съ молодыми людьми всѣхъ профессій, отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ элементахъ человѣческой природы и во всѣхъ силахъ исторіи. Только тогда они смогутъ отличить въ прошломъ, что касается боя и войны, каковы были причины успѣховъ и неудачъ, опредѣлить долю разсчета и случайностей, причинъ социальныхъ и причинъ индивидуальныхъ, подготовки массъ и личныхъ качествъ вождей. Только тогда они будутъ изучать военную исторію, какъ живую технику, связанную въ своей эволюціи со всѣмъ социальнымъ движеніемъ человѣчества; но въ особенности, офицеры не будутъ имѣть довѣрія къ новой и необходимой стратегіи массъ, они не увѣрять въ возможность маневрировать милліонами людей во имя единой цѣли, если они не будутъ одушевлены всею стремительностью человѣческаго ума и если не будутъ въ полной гармоніи съ мыслями и волею самихъ массъ“.

„Примѣръ возрастающей стремительности, съ которой человѣческой умъ атакуеть заданія все болѣе обширныя, въ усиленіяхъ истолковать міръ безпрестанно расширяемый, подчинить и систематизировать въ каждой наукѣ явленія все болѣе многочисленныя, администрировать и организовать общество все болѣе сложное, осуществить правовой порядокъ все болѣе углубляемый, примѣръ этого всеобщаго и всевозрастающаго устремленія человѣческой мысли поможетъ офицерамъ пріять огромное бремя завтрашняго дня, которое будетъ не въ томъ, чтобы собрать громадную орду, но организовать всѣ средства и всѣ энергіи великой націи въ силу, одновременно колоссальную и гибкую, массивную и маневренную.“

Да будетъ стыдно имъ, если, подобно бѣдному скупцу, слишкомъ короткія руки котораго позволяли ускользать безполезному сокровищу, они удовольствуются повтореніемъ: — Что мы будемъ дѣлать съ милліонами людей? И какъ въ этой компактной средѣ можетъ еще отдавать себѣ отчетъ и шевелиться мысль? Да, невозможно одному человѣку, одной группѣ людей, одному генералиссимусу, одному штабу направитъ къ одной цѣли и по единому плану всю вооруженную массу французскаго народа, если бы не было между

этими вождами и этою массою общности мысли и единства души, если-бы всё эти люди не были согласны въ цѣляхъ, въ методахъ, въ тактикѣ, если-бы они не имѣли въ сердцахъ тѣ же страсти и въ мысляхъ тѣ же навыки, если-бы вождь не могъ-бы разсчитывать, что, когда онъ вырабатываетъ для этихъ милліоновъ бойцовъ обширный планъ сосредоточеннаго дѣйствія, что онъ будетъ помогаемъ все ближе и все непосредственнѣе множествомъ группъ людей, привыкшихъ живымъ маневромъ обслуживать широкое осмысленное рѣшеніе. Широкая и стремительная стратегія массъ не будетъ нагроможденіемъ силъ, нѣчто въ родѣ тяжелой громады кирпичей ассирійскаго дворца. Она не будетъ отрицаніемъ дѣятельной и сознательной мысли передъ лицомъ огромной сырой массы. Напротивъ, она будетъ торжествомъ организаторской мысли, обслуживаемой и умножаемой сознательными милліонами. Но для этого нужно, чтобы съ самаго начала воспитанія офицеровъ пали-бы барьеры военныхъ школъ, которые ихъ отдѣляютъ отъ націи. Нужно, чтобы въ университетскіе годы они начали-бы входить въ соприкосновеніе съ мыслью своего времени и своей страны, слиться, если можно такъ выразиться, съ безпредѣльными устремленіями науки и демократіи, которыя расширяютъ методы войны и планы боя¹⁾.

Этотъ отрывокъ можно назвать едва-ли не синтезомъ всей книги Жореса. Отбрасывая восторги, которыми испещрена приведенная тирада и которыя у Жореса служатъ всегда средствами для усиленія доводовъ его чувственной логики, можно изъять изъ этого отрывка слѣдующія положенія :

1) вѣру въ возможность огромной массѣ милиціи сообщить маневренныя способности путемъ духовныхъ данныхъ.

2) вѣру въ то, что университетъ необходимъ для замѣны военной школы: именно для того, чтобы влить въ армію эти данные.

Оба эти довода, какъ видно, относятся также къ области „вѣры“.

Первая изъ вѣръ разрушена огромнымъ опытомъ Великой войны, и этому было посвящено въ настоящемъ трудѣ слишкомъ много страницъ, чтобы стоило вновь возвращаться къ старой темѣ.

Что касается второй рѣры, то на нее даетъ превосходный отвѣтъ д-ръ Ле-Бонъ во своей „Psychologie de l'Éducation“. Онъ настаиваетъ на томъ, что слишкомъ, чтобы не сказать исключительно, большое засиліе сухой теоріи и книги надъ практикой, надъ практическими приѣмами образованія, чрезвычайно большая роль памяти въ ущербъ сооб-

¹⁾ J. Jaurès. „L'Armée Nouvelle“, 338—340.

раженію, самостоятельной работѣ ума, полное отсутствіе упражненія воли, а также недостатокъ спеціализаціи, какъ главнѣйшаго средства совершенствованія въ той или иной области, дѣлають изъ современнаго университета мертвую школу, мало пригодную для подготовки къ самостоятельной жизни и дѣятельности. Мало того, онъ считаетъ, что обычаи нынѣшняго университета въ силу своей древности пріобрѣли такую прочную устойчивость и такую инерцію, что ее не представляется возможнымъ преодолѣть безъ перерожденія души профессоровъ, затѣмъ души родителей и, наконецъ, души дѣтей“¹⁾). Авторъ въ недоумѣніи развелъ руками передъ огромностью, чтобы не сказать неисполнимостью задачи.

Однако, онъ вскорѣ нашель почву, гдѣ любезныя ему идеи получили произрастаніе. Онъ пишетъ по этому поводу:

„Мои поиски окончились, въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ, что наши свое эхо въ важной школѣ, предназначенной для формованія будущихъ генераловъ. Я хочу сказать о Высшей Военной Школѣ счастливо избѣгнувшей отъ воздѣйствія университета. Изъ ученыхъ, генераль Бональ, полковникъ Модюи и многіе другіе запечатлѣвали тамъ среди блестящаго отбора офицеровъ основные принципы, развиваемые въ этомъ трудѣ¹⁾).

Именно въ военной средѣ должна была обнаружиться польза методовъ, позволяющихъ укрѣплять сужденіе, размышленіе, привычку наблюденія, волю и господство надъ самимъ собою.

Пріобрѣсти такія качества, затѣмъ перевести ихъ въ область безсознательнаго, такимъ образомъ, что они становятся побудителями поведенія, составляетъ область воспитанія. Офицеры великолѣпно поняли то, что не схватить людямъ университета“²⁾). Они оцѣнили основное положеніе д-ра Ле-Бонъ: „Воспитаніе есть искусство перевода сознательнаго въ безсознательное. „Они поняли“, что это не разумъ, но инстинктъ заставляетъ дѣйствовать на полѣ сраженія, откуда необходимость преобразования раціональнаго въ инстинктивное путемъ спеціальнаго воспитанія. Именно изъ безсознательнаго проявляются быстрыя рѣшенія“. Искусство и единство докрины должны черезъ соотвѣтственное воспитаніе сдѣлаться инстинктивными. „Нельзя лучше выразиться“²⁾), говоритъ д-ръ Ле-Бонъ, приводя слова одного своего послѣдователя, англійскаго военнаго ученаго.

Какъ вѣра въ маневренныя способности массы разрушена опытомъ войны, такъ тѣмъ-же опытомъ подтвердилась справедливость приведенной теоріи, подхваченной выс-

¹⁾ D-r Gustave Le Bon, *Psychologie de l'Éducation*, 4.

²⁾ *Idem*, 5.

шей военной французской школой, давшей такую массу, тоже цѣлую школу, блестящихъ вождей.

Приведенные примѣры указываютъ, что только профессионаламъ путемъ продолжительнаго труда по плечу создание и поддержаніе военной доктрины въ арміи и что, предлагаемое Жоресомъ, „милиціонированіе военныхъ мозговъ“ здѣсь совершенно не пригодно. Но, нужно правду сказать, проектъ Жореса является превосходнѣйшей мѣрой подготовки импровизированнаго команднаго состава для возставшихъ массъ ради гражданской войны и вооруженной борьбы классовъ.

Передъ Великой войной всѣ военные авторитеты всего міра (ужъ такова участь, должно быть, всѣхъ спеціалистовъ) проповѣдывали — „ничего, кромѣ наступательнаго“, и лишь только загремѣли орудія войны должны были засѣсть на четыре года въ окопы.

Едва-ли не въ единственномъ числѣ Жоресъ, проповѣдникъ „массы“, и массы, по возможности, наибольшей, предвидѣлъ, что она неспособна къ наступленію.

Въ то время какъ авторитеты, ослѣпленные предвзятой доктриной, намѣренно закрывали глаза на явленія пассивной Русско-Японской войны, Жоресъ, относясь къ нимъ безъ профессиональнаго предубѣжденія и потому свободный въ своихъ сужденіяхъ, склонялся къ необходимости отнестись съ довѣріемъ къ ея главнѣйшему уроку, который показывалъ, что современныя полчища неспособны къ движеніямъ Наполеоновской стратегіи. Вотъ почему онъ предлагалъ замѣнить идеалы Наполеоновскіе болѣе реальной дѣйствительностью Тюренна, также связаннаго съ свое время, если не массою, то условіями продовольственными, и обреченнаго, какъ и полководцы Великой войны, на топтаніе на мѣстѣ. Жоресъ, при этомъ, старался какъ-бы ободрить современниковъ, справедливо указывая на то, что даже и малоподвижная стратегія Тюренна, исключавшая осуществленіе столь-же широкихъ политическихъ плановъ, какъ и при Наполеонѣ, не была лишена энергии, особенно на полѣ сраженія, и зачастую приводила къ совершеннѣйшему разгрому арміи противника.

Поэтому Жоресъ предостерегаетъ противъ увлеченія Наполеономъ. Онъ говоритъ: „Изолировать одну эпоху для изыятія оттуда формуль это значитъ впасть въ сервиллизмъ, это значитъ сдѣлаться въ нѣкоторомъ смыслѣ плѣнникомъ мѣстности, это значитъ считать, что въ человѣческомъ умѣ, какъ и въ природѣ, имѣются „крѣпкія позиціи“ и готовые системы дѣйствія. Изучать Наполеона до дна, а также его твореніе въ полной связи дѣлъ и идей — это превосходно. Слишкомъ очаровываться имъ, какъ вѣчнымъ учителемъ и и богомъ войны, это значитъ подставляться въ новѣйшія

времена самымъ ужаснымъ неожиданностямъ дѣйствія и мысли; это значить довѣряться военной рутинѣ тѣмъ болѣе опасной, что оно вся въ блескѣ минувшихъ побѣдъ... Тѣмъ, кто рисковали-бы ослѣпиться, слишкомъ упорно глядя на солнце Аустерлица, я попробовалъ-бы сказать: — Расширьте вашъ горизонтъ и, притомъ такъ, чтобы солнце одного человѣка и одного дня не смогло-бы его заволочь“. ¹⁾

Нельзя не отдать справедливости этимъ вѣщимъ словамъ Жореса. Передъ послѣднею войною дифирамбическій стиль изученія Наполеона послужилъ едва-ли не главною причиною позиціонныхъ неожиданностей, которыя обрекли всѣ арміи на продолжительное сидѣнье въ окопахъ; мало одного желанія наступать, если ему не предшествовало всестороннее изученіе явленій новѣйшей войны и особенностей современной организаціи. Среди первыхъ оставалась недостаточно изученной „позиція“ и среди вторыхъ „масса“. Причина — предвзятая идея, не только проповѣдывавшія невыгоду обороны, но воспитывавшія даже пренебреженіе къ ней, а также принимавшія на вѣру положеніе, что „масса“, полученная потомъ организаціи, а не маневра (какъ было у Наполеона) есть вѣрнѣйшій залогъ побѣды.

Но давши военнымъ специалистамъ заслуженный ими урокъ умѣренности въ поклоненіи Наполеону, Жоресъ тотчасъ-же въ свою очередь впадаетъ въ увлеченіе. Поклонникъ милиціи временъ Революціи, онъ утверждаетъ, что „она создала одновременно эффектъ массы и эффектъ инициативы“. И далѣе: „Бонапартъ, въ военной области, какъ и въ области политической, не завершилъ, а доканалъ Революцію: онъ ее преуменьшилъ во всѣхъ смыслахъ“ ²⁾. Мы уже видѣли, притомъ со словъ самого-же Жореса, какой „инициативой“ отличались полчища Революціи. Это былъ всеобщій развалъ дисциплины, который возмѣщался отчасти массою. То что называется качествомъ похуже, но за то числомъ побольше. Гдѣ нельзя было разсчитывать взять отборомъ, брали наборомъ, валили валомъ, давили массою. Имѣя это въ виду, казалось-бы, Жоресу нечего гнѣваться на современныхъ военныхъ: они вѣрные послѣдователи того-же принципа Карно, тогда, какъ теперь, какъ и въ разгаръ Великой Французской Революціи, пора вспомнить о принципахъ его противника Дюбуа-Крансе съ его упорными, къ счастью для французской арміи увѣнчавшимися успѣхомъ, усиліями поднять качество войскъ, не слишкомъ обольщаясь количествомъ. Главный се-

¹⁾ J. Jaurès, „L'armée Nouvelle“, 83.

²⁾ Idem, 84.

креть маневра здѣсь. Поклоненіе милиціи — это значитъ подчиненіе пассивной оборонѣ и длительности войны.

Другая данная для культивированія движенія и его дятя маневра тщательное изученіе обороны, всего современнаго богатства ея средствъ и могущества ея энерціи. Для преодоленія послѣдней нужно полное знаніе. Во всякомъ случаѣ накладывать фиговый листикъ на оборону во имя идеи наступленія грубая ошибка, искупаемая только морями крови, затяжкою войны и нерѣдко революціей.

Элементарное правило войны — знать своего противника прежде, чѣмъ его побѣждать. Противникъ наступленія — оборона: нужно знать ее въ совершенствѣ для того, чтобы имѣть право думать о наступленіи.

Мало того, наиболѣе могущественныя техническія средства современности, долженствующія обезпечить наступленіе — танки, тяжелая артиллерія, автомобильный транспортъ, воздушныя массы, родились подъ давленіемъ оборонительныхъ необходимостей. Даже сама „масса“, съ которою на этихъ страницахъ ведется столь упорная борьба, появилась на театрѣ войны свыше ста лѣтъ тому назадъ подъ тѣмъ же давленіемъ: было необходимо обороняться отъ коалиціи.

Въ общемъ можно сказать, что въ наше время никакое наступленіе невозможно безъ основательнѣйшаго и всесторонняго, теоретическаго и пракческаго изученія современной обороны. Въ этомъ положеніи вся главнѣйшая сущность военной доктрины даннаго момента.

Сверхъ того военная доктрина современности должна также основываться на законахъ „Военной Психологіи“, какъ новой военной наукѣ, теоретическій и практической матеріаль для основанія которой отличается уже нынѣ достаточной полнотою и всесторонностью, чтобы имѣть возможность на основаніи его построить новую военно-научную дисциплину.

Пора ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что, помимо вѣчныхъ и неизблемыхъ принциповъ военнаго искусства, существуетъ еще среда, съ которой приходится имѣть дѣло въ моментъ проведенія въ жизнь этихъ законовъ творчества. Правила познанія этой среды и составятъ предметъ изслѣдованія новой науки.

Такіе талантливые труды, какъ многочисленныя работы Д-ра Ле-Бона и единственная въ своемъ родѣ, много разъ здѣсь цитируемая, книга Жореса, даютъ богатѣйшій матеріаль военно-психологическихъ наблюдений обо всемъ, что касается организациіи массы, ея воспитанія и образованія, ея настроеній и переживаній. Такія работы, какъ классическій трудъ Арданъ дю-Пика, дадутъ психологію боя, индивидуальную и массовую. Такіе труды, какъ „Вооруженный На-

родъ“ фонъ-дерь-Гольца позволять сдѣлать историческія экскурсіи въ недавнее прошлое, осужденное на вымираніе. Найдутся и другія письменныя свидѣтельства, быть можетъ, разсѣянные въ трудахъ, посвященнымъ инымъ цѣлямъ и задачамъ, гдѣ психологическія черточки боевой дѣйствительности сохраняютъ свою сѣбжесть искренности, честности и правдивости. Извлеченныя на свѣтъ Божій, приведенныя въ систему, онѣ, наряду съ прочимъ болѣе обширнымъ матеріаломъ, помогутъ изслѣдователю выйти на путь систематическаго изученія въ той области, въ которой до нашихъ дней царствуетъ инстинктъ личнаго творчества.

Чтобы пояснить возможность, не химеричность подобной задачи и претензіи, достаточно указать, что до Наполеона вся творческая часть военнаго дѣла была основана также на личномъ фундаментѣ. Она была только удѣломъ личнаго дарованія. Не было ни школы, ни науки, ни изслѣдованія. Или, вѣрнѣе говоря, было все это, но оно основывалось на геометрическихъ принципахъ, на формахъ. Клаузевицъ первый попытался положить все это на моральный фундаментъ. Отсюда жизненность его теорій по сравненію съ прочими изслѣдователями.

Пришла пора расширить психологическое изслѣдованіе военнаго искусства, пользуясь всѣмъ богатствомъ соціологической науки современности.

Только пропущенная сквозь призму психологіи, современная военная доктрина получить право на жизнь. Особенно важно изслѣдованіе психологіи массъ въ связи съ психологіей современной массовой арміи.

Для того, чтобы избѣжать „психологическаго развода“ между вождями и массою, котораго такъ боится Жоресъ и ради котораго онъ хочетъ смѣшать верхи съ низами арміи, слѣдуетъ, вопреки этому мнѣнію, вознести командованіе надъ толпою и надъ массою. Вожди должны и могутъ узнать простыя сравнительно истины для владѣнія полчищами. Сюда должна направиться вся пытливость лучшихъ военныхъ умовъ, такъ какъ безъ этого военная доктрина приведетъ къ тому-же формализму, въ которомъ были такъ повинны боевые предки Наполеона и за который онъ такъ жестоко ихъ проучилъ.

Что такое масса? Какъ ею можно пользоваться на театрѣ войны и на полѣ боя? Какъ ее для этого слѣдуетъ организовать? На всѣ эти вопросы вожди полчищъ получаютъ отвѣты только черезъ изученіе психологіи массы, психологіи причудливой, непостоянной, капризной, недалководной, дикой, пестрой, животной, примитивной.

На путь изученія ея и должна вступить военная доктрина, если только она имѣетъ хотя какія-нибудь претензіи на жизненность.

Если принципы военного искусства неизмѣнны во всѣ времена, то приложеніе ихъ на практикѣ мѣняется соотвѣтственно особенностямъ эпохи. Сводка положеній такого приложенія и есть военная доктрина.

Въ наши дни доктрина „массы“ господствуетъ въ умахъ. Пришла пора доказать, что масса отжила свой вѣкъ и что наступило время исканія новыхъ основаній для общей доктрины. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашъ вѣкъ изученія способовъ разоруженія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія вооруженій странно и непонятно проповѣдывать тѣми-же устами необходимость, во имя демократическаго принципа, доведенія вооруженной массы до того предѣла, когда ни одинъ человѣкъ, болѣе или менѣе способный носить оружіе не миновалъ-бы войсковыхъ рядовъ. Таковы идеалы Жореса съ его всеобщей милиціей. Странно, что никого не поражаетъ противорѣчіе двухъ модныхъ тезисовъ: „долой оружіе“ и „всѣ въ ружье“. Въ этомъ противорѣчии трагизмъ современной военной доктрины, и здѣсь нужно искать признаковъ ея скорой и благополучной кончины.

Жоресъ и социалисты, проповѣдую милицію, думаютъ, что они этимъ разрѣшаютъ вопросъ разоруженія и исчезновенія внѣшней войны, противорѣчащей народнымъ законнымъ чаяніямъ.

Военные спеціалисты, проповѣдую массу, какъ главнѣйшій козырь побѣды, приходятъ къ той-же милиціи.

Но ни социалисты, ни спеціалисты не замѣчаютъ того, что придя къ милиціи, одни во имя принципа „долой оружіе“, а другіе во имя завѣта „всѣ въ ружье“, они работаютъ на пользу третьихъ лицъ, проповѣдующихъ воинственный кличъ „долой демократію, да здравствуетъ диктатура пролетаріата“.

И эти третьи лица, коммунисты, находятся на самомъ вѣрномъ пути, такъ какъ понимаютъ политическую ненадежность современныхъ полчищъ, которой не замѣчаютъ ни социалисты, ни, тѣмъ болѣе демократія, отличающаяся удивительною близорукостью въ наши тревожные дни.

Въ общемъ мы присутствуемъ при томъ странномъ положеніи, когда сторонники трехъ приведенныхъ девизовъ, не взирая на взаимное противорѣчіе ихъ одинъ другому, въ равной степени возлагаютъ свои надежды на современную милиціонированную армію.

Безъ дальнихъ разсужденій ясно, что не ошибается только одна изъ трехъ группъ. Цѣль настоящихъ страницъ доказать, что изъ нихъ права въ своихъ надеждахъ только третья. Она надѣется на крайнюю чувствительность современныхъ полчищъ ко всякой политической пропагандѣ, а поэтому и къ саморазложенію. Даже условившись считать примѣръ русской арміи исключительнымъ, достаточно для под-

твержденія сказаннаго вспомнить 1917 годъ, когда воевавшія арміи, будущіе побѣдители и будущіе побѣжденные, всѣ въ равной степени переживали тяжкій и рискованный періодъ психологическаго упадка въ рядахъ войскъ, вызваннаго политической пропагандой. Тогда на Западѣ удалось избѣжать окончательнаго моральнаго краха полчищъ. Надѣяться на это всегда не приходится.

Однимъ изъ главнѣйшихъ основаній будущей военной доктрины должно быть осужденіе массы, какъ главнѣйшаго фактора побѣды. Но, конечно, идти къ этой цѣли невозможно путемъ простого и быстрого сокращенія численности уже существующей арміи и призывной системы обезпечивающей ее. Нужный для этого путь гораздо сложнѣе. Необходимо постепенно количество компенсировать качествомъ и техникой. Что касается послѣдней, то въ наши дни она завоевала себѣ столь почтенное мѣсто, что ее не оспариваетъ никто. Не то съ качествомъ. Оно понимается разными кругами настолько различно, что доходитъ иной разъ до полной противоположности. Когда по мнѣнію однихъ милиція является лучшею гарантіею качества, по мнѣнію другихъ только профессионалы могутъ его обезпечить въ рядахъ войскъ.

Количество, качество и техника въ ихъ взаимодействіи даютъ наилучшую военную организацію. До послѣдняго времени замѣчалось злоупотребленіе количествомъ за счетъ техники и, особенно качества. Необходимо обратить сугубое вниманіе именно на послѣднее, т. е. на усиленіе и улучшеніе кадровъ профессионаловъ. Здѣсь-же кроется и секретъ ограниченія вооруженій: числомъ поменьше, сортомъ получше.

Самое понятіе объ интенсивности вооруженій въ наше время трансформировалось. Ее впредь невозможно будетъ измѣрять количествомъ находящихся подъ ружьемъ солдатъ.

Современная общепринятая доктрина — обжора, который кладетъ на тарелку больше, чѣмъ можетъ съѣсть. Призывной аппаратъ арміи страны, гдѣ рождаемость носитъ нормальный характеръ, дать больше, чѣмъ можетъ переварить ее желудокъ. Чтобы онъ не разстроился окончательно, необходимо принять серьезныя и систематическія мѣры.

Если-бы прикладывать общепринятые масштабы для сужденія о напряженіи вооруженій, то самой вооруженной страной пришлось-бы признать Совѣтскую Россію, такъ какъ Красная армія самая многочисленная, на второмъ мѣстѣ надлежало-бы поставить Францію и затѣмъ Англію.

Въ дѣйствительности-же, этотъ порядокъ нужно перевернуть и всѣ эти державы поставить въ обратномъ порядкѣ: т. е. первое мѣсто будетъ принадлежать Англіи, второе — Франціи и третье — Совѣтской Россіи.

Съ точки зрѣнія количества былъ-бы необходимъ первый изъ приведенныхъ порядковъ, съ точки зрѣнія качества — второй.

Количество говоритъ слѣдующее:

Россія	— 1,370,000	красноармейцевъ, ¹⁾
Франція	— 494,000	человѣкъ, ²⁾
Англія	— 341,000	„ „ ³⁾

Качество гласитъ другое. Англійская армія состоитъ сплошь изъ кадровыхъ чиновъ, которымъ въ случаѣ войны ничего не стоитъ развернуться въ полумилліонную армію, если-бы въ этомъ встрѣтилась надобность. Французская армія въ своихъ рядахъ имѣетъ только 1/6 кадровыхъ, около 80,000, цифра еще не достигнутая въ дѣйствительности примѣненіемъ закона о сверхсрочныхъ⁴⁾; слѣдовательно, въ ея рядахъ вся остальная масса представляетъ собою ни что иное, какъ полумилиціонную массу, способность разворачиванія которой значительно меньше, чѣмъ въ англійской арміи. Въ Красной арміи число кадровыхъ надежныхъ въ политическомъ отношеніи съ точки зрѣнія господствующей коммунистической власти также около 1/6, — 200,000⁵⁾.

Эти красные кадры поспѣшно изготовляются въ 1000 военныхъ школъ, изъ коихъ въ одномъ только Петроградѣ ихъ 36, а въ Кіевѣ 17. Единовременный выпускъ изъ всѣхъ школъ равняется 30,000 человѣкъ при 90% коммунистовъ среди нихъ. Ясно, что при такомъ валовомъ и спѣшномъ обученіи онъ не можетъ отличаться высокимъ качествомъ, почему, не взирая на то-же соотношеніе кадровъ и милиціонной массы арміи, какъ и во французской арміи, качество кадровъ въ Красной арміи неизмѣримо ниже, чѣмъ во Франціи. Въ Москвѣ это сознается и стараются принять соотвѣтствующія мѣры, но пока дѣло не двигается впередъ. Весь смыслъ мобилизаціи Красной арміи сводится къ подъему качества ея кадровъ.

Такое улучшеніе должно было получиться автоматически уже посредствомъ сокращенія арміи съ 5,300,000 че-

---

¹⁾ Послѣ демобилизаціи („Общее Дѣло“, 17 февраля 1922 г., слова Троцкого въ рѣчи на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Москвѣ, приведенныя въ телеграммѣ изъ Риги отъ 15 февраля).

²⁾ Général de-Lacroix, „Temps“, 8 Janvier 1921. Безъ колоній.

³⁾ Stéphan Lauzanne, „La Paille et la Poutre“, „Le Matin“, 28 Janvier 1922, № 13,828.

⁴⁾ Général Mallette, „La Mobilisation Nationale“, „Le Temps“, 3 février 1922, № 22,099.

⁵⁾ „Бухарестскія Новости“ 19 февраля 1922, № 37, телеграмма Русс-пресса, отъ 28 февраля изъ Москвы.

ловѣкъ на 1,370,000 человекъ¹⁾. Однако, повидимому, ожиданія не оправдались въ дѣйствительности. „Демобилизація лишила Красную армію трехъ четвертей ея состава, и, притомъ, самыхъ обученныхъ, закаленныхъ и испытанныхъ въ бояхъ“²⁾. Ясно, что здѣсь ради политики пришлось рискнуть военнымъ благополучіемъ, удаливъ и истребивъ царскіе кадры. Что касается новаго команднаго состава, то онъ, „выработавшійся въ великолѣпныхъ боевыхъ командировъ, оказался очень плохимъ воспитателемъ въ роли инструктора и воспитателя“³⁾. „Въ общемъ, въ связи съ отсутствіемъ хорошо подготовленнаго команднаго состава, въ связи съ недостаткомъ коммунистовъ, положеніе Красной арміи очень тяжелое“³⁾. Вотъ тѣ причины, которыя объясняютъ разницу между $\frac{1}{6}$ относительнаго количества кадровыхъ во французской арміи и $\frac{1}{6}$ таково-же отношенія въ Красной арміи. Разница, какъ видно, разительная.

Приведенныхъ цифръ и фактовъ, какъ кажется, достаточно, чтобы считать, что въ отношеніи качества кадровой системы англійская армія стоитъ на первомъ мѣстѣ, французская — на второмъ и Красная — на третьемъ.

Въ политическомъ отношеніи также не трудно доказать подобную-же градацію. Британская армія совершенно чужда какой-бы то ни было политики, она послушное орудіе существующей государственной власти и системы, такъ какъ состоитъ ихъ профессионаловъ.

Французская, какъ и всякая построенная на началахъ милиціи, естественна склонна къ политикѣ и къ партійной пропагандѣ.

Что касается Красной арміи, то всѣ усилія ея политическихъ руководителей направлены къ тому, чтобы создать изъ нея политической аппаратъ въ рукахъ одной коммунистической партіи. Вотъ голосъ одного изъ военныхъ авторитетовъ этой арміи (Тухачевского): Надо до максимума повысить процентъ коммунистовъ въ средѣ команднаго состава. Здѣсь большую роль должна сыграть военная подготовка комиссаровъ и переводъ ихъ на командныя должности²⁾. Кромѣ того онъ-же считаетъ крайне важной „военную, подготовку командировъ изъ рабочихъ и крестьянъ“³⁾. Послѣднюю, путемъ уже принятыхъ мѣръ, онъ считаетъ „очень высокой квалификаціей“²⁾.

¹⁾ „Бухарестскія Новости“, 19 февраля 1922, телеграмма Русспресса отъ 15 февраля изъ Москвы.

²⁾ М. Тухачевскій, „Задачи Красной Арміи въ мирный періодъ“, „Правда“ (Московская), 6—7 ноября 1921 г., № 251.

³⁾ Stéphane Lauzanne, „La Paille et la Poutre“, „Le Matin“, 28 Janvier 1922, № 13828.

Всѣ перечисленныя мѣры показываютъ, что кадры Красной арміи очень далеки отъ аполитичности и впоследствии, съ развитіемъ дѣла ея организаціи будутъ еще дальше.

А это развитіе намѣчаетъ ничто иное, какъ образованіе кадровъ командировъ для интернаціональнаго воинства. Съ этою цѣлью въ Москвѣ уже имѣются спеціальныя школы для подготовки строеваго офицерскаго состава изъ иностранцевъ. Это они предназначаются для занятія командныхъ должностей въ европейскіхъ арміяхъ, когда онѣ, по расчету московскихъ коммунистовъ двинутся по пути политическихъ домогательствъ боевой партіи нашихъ дней¹⁾, обезпеченному имъ современной военной организаціей полумилицій.

Значитъ по аполитичности англійская армія стоитъ на первомъ мѣстѣ, французская — на второмъ и Красная — третьемъ.

Для того, чтобы судить о технической готовности тѣхъ же армій, лучшимъ мѣриломъ можетъ служить бюджетъ съ его голыми цифрами.

Въ Англии онъ равняется — 6,323,267,600 франкамъ²⁾
(Безъ флота).

Во Франціи онъ равняется — 3,963,997,894 „²⁾
(Безъ флота).

Въ Россіи бюджетъ, какъ и все прочее, находится въ хаотическомъ безпорядкѣ; поэтому судить по немъ нельзя, но можно а ргіогі сказать, что техническое оборудованіе арміи сведено, подобно всему прочему, къ первобытному состоянію.

Слѣдовательно, и въ техническомъ отношеніи арміи сохраняютъ свой послѣдовательный порядокъ: въ головѣ списка Англія, на второмъ мѣстѣ Франція и на послѣднемъ — Россія.

Единственно, гдѣ этотъ порядокъ долженъ рѣзко нарушиться, — это въ качествѣ высшаго команднаго состава. Здѣсь первое мѣсто безспорно принадлежитъ Франціи, второе — Англии и послѣднее, какъ всегда, Совѣтской Россіи. Но, не взирая на талантливость командованія во Франціи, едва-ли ему по силамъ уравнивать всѣ прочіе недостатки „массы“, ея политичность, недостатокъ кадроваго состава и недочеты технического оборудованія, количественные и качественные.

¹⁾ „Бухарестскія Новости“, 19 февраля 1922 г., „Красный Милитаризм“.

²⁾ Stéphane Lauzanne, „La Paille et la Poutre“, „Le Matin“, 28 Janvier, 1922, № 13828.

Только смѣлый отказъ отъ „массы“ въ качествѣ новѣйшей теоріи военной доктрины выводитъ на путь истинный и лучшей военной организаціи, съ которой такъ тѣсно и такъ неразрывно связана военная наука и, особенно, прикладная ея часть. И путь для этого одинъ — подъемъ „качества“ кадровъ, увеличеніе ихъ числительности и усиленіе профессиональности среди ннхъ.

Только такіе кадры могутъ обезпечить и нормальное развитіе здоровой и вѣрной военной доктрины, требующей весьма продолжительной, чисто профессиональной, а не импровизированной работы. Не милиція съ ея переменностью можетъ обезпечить что-либо подобное.

Осудивъ „массу“, какъ продуктъ организаціи огромныхъ полчищъ, современная военная доктрина должна обратить тѣмъ болѣе острое вниманіе на движеніе, какъ способъ собрать ту-же массу, но уже путемъ маневреннымъ, а не организаціоннымъ. Нынѣшняя масса подразумѣваетъ въ сущности то искусство, въ силу котораго стараются быть вездѣ равно могущественнымъ. Это пріемъ приводящій къ неизбѣжному кордону съ его непомѣрнымъ аппетитомъ въ той области, которая касается живой силы.

Движеніе, доведенное до высокаго напряженія съ предѣльнымъ расходомъ всѣхъ способовъ, даваемыхъ техникой, приводитъ къ тактикѣ сосредоточенія и необходимой массы только въ точкѣ удара. Отсюда экономія живой силы, какъ въ предшествовавшемъ случаѣ.

Огромный опытъ Великой войны по части массовыхъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, морскихъ перебросокъ и автомобильнаго транспорта, еще пока не вполне изученный, несомнѣнно въ ближайшемъ будущемъ дастъ цѣннѣйшій матеріаль для выработки общихъ принциповъ маневра и эволюціи въ современномъ значеніи этого слова, а также укажетъ рядъ правилъ прикладнаго характера, отвѣчающихъ условіямъ типичныхъ случаевъ.

До войны наступленіе и маневръ проповѣдывался, не взирая на технику или, въ лучшемъ случаѣ, обращая лишь недостаточное вниманіе на нее. Нынѣ подготовка и къ наступленію, и къ маневру будетъ вестись черезъ познаніе и внимательное изученіе техники.

До войны сторонники активности были нерѣдко и противниками техники (Драгомировъ), послѣ нея такой абсурдъ уже невозможенъ, и теперь доктрина активности будетъ основываться на широчайшемъ примѣненіи техники.

Постановка движенія на надлежаще мѣсто станетъ важнѣйшей задачей военной доктрины современности, только черезъ эту эволюцію можно выйти на путь здоровой военной организаціи, исключаящей примѣненіе полчищъ, и только черезъ нее возможно придти къ исполненію горячаго общаго положенія и текущаго момента, — сокращенія вооруженій.

Важнѣйшая задача современной военной доктрины — это черезъ изученіе обороны разоблачить секретъ движенія и черезъ движеніе подойти къ сокращенію массы.

ГЛАВА XI.

Массы и миръ.

Вспомнимъ вмѣстѣ съ Жанъ-Жакъ-Руссо, что „мы приближаемся къ состоянію кризиса и къ вѣску революціи. Кто сможетъ Вамъ отвѣтить, что съ вами будетъ тогда? Все то, что сдѣлано людьми, люди могутъ и разрушить“¹⁾.

Прошедшая огрѣмная война обострила такъ много вопросовъ и создала такъ много боевыхъ идей, готовыхъ столкнуться другъ съ другомъ и разразиться въ новомъ мировомъ катаклизмѣ, что для предотвращенія этого новаго обвала нужно не только далекое предвидѣніе, но и широкое творчество, проникнутое высочайшими и простѣйшими принципами нашей христіанской цивилизаціи.

Въ наше бурное время націонализмъ столкнулся съ интернационализмомъ, капиталъ съ коммунизмомъ, демократія и буржуазія съ пролетаріатомъ, патріотизмъ съ классовыми интересами, экономика съ этикой, религія съ социализмомъ, ручной трудъ съ умственнымъ, идея мира съ проповѣдью войны и борьбы, большевизмъ сдѣлался болѣзненною массою.

Въ основѣ всего лежитъ, конечно, образовавшееся послѣ войны неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. До войны оно служило полемъ борьбы между классами, послѣ нея — оно сдѣлалось причиною борьбы не только между классами, обострившейся до крайности, но и между народами, причѣмъ народы-богачи страдаютъ отъ послѣдствій войны почти настолько-же, какъ и народы-бѣдняки: и тѣ и другіе являются жертвами войны.

Гдѣ-же исходъ изъ заколдованнаго круга?

„Клемансо... въ Бомбеѣ заявилъ корреспонденту „Exchange Telegraph“ по поводу волненій, случившихся въ Индіи, что ничего не происходитъ въ этой странѣ, чего не случилось-бы во всякой другой странѣ міра. 2,000 лѣтъ тому назадъ было сказано: „Любите другъ друга“, но нынѣ люди рѣжутся между собою, и Клемансо окончилъ слѣдующими словами, способными причинить нѣкоторое удивленіе, какъ его друзьямъ, такъ и противникамъ: Я былъ въ моей молодости бойцомъ, но нынѣ я думаю только о слѣдующей истинѣ: „Помогайте взаимно другъ другу“²⁾.

¹⁾ „De la Nécessité d'apprendre un Métier“.
²⁾ Radio de Lion, 1. 11. 1921.

Иначе богатѣйшія страны „послѣ большихъ усилій, чтобы сдѣлаться изобильными и замкнувшимися, кончатъ тѣмъ, что сдѣлаются жертвою бѣдныхъ націй, которыя выпадаютъ подъ губительный соблазнъ вторгнуться въ нихъ и которыя будутъ обогащаться и ослабѣвать въ свою очередь до той поры, пока и онѣ въ свою очередь не будутъ поглощены и разрушены другими“. Таково мнѣніе Руссо, оказавшагося пророкомъ относительно событій Великой Французской революціи¹⁾.

Но вѣдь это походъ на цивилизацію, гражданская война, быть можетъ „вѣчная“, во всякомъ случаѣ затяжная, одичаніе, средневѣковье послѣ Атиллового тысячилѣтняго періода?

Но вѣдь это господство „кулака“, право сильного?

А развѣ оно не имѣло уже своихъ Руссо (Ницше, Максимъ Горькій), развѣ ему уже не служитъ философія и мудрость современности, развѣ оно уже не овладѣло шестою частью свѣта (Россія), чтобы шагнуть и въ остальные пять шестыхъ? Это тѣмъ легче, что изъ нихъ четыре — остаются въ дикомъ или полудикомъ состояніи.

Мы присутствуемъ при величайшей міровой драмѣ, когда „кулакъ мобилизуется Лениными и Троцкими и когда ему объявляетъ войну христіанская мораль устами-ли Клемансо, голосомъ-ли Толстаго, — все равно. Съ одной стороны насиліе во имя отдаленныхъ и спорныхъ идей, съ другой великая идея братской любви и взаимной выручки съ отрицаніемъ всякаго насилія. Съ одной стороны активное зло, съ другой-пассивное добро. Если въ конечномъ итогѣ нельзя сомнѣваться, кому достанется побѣда, то въ данный моментъ въ этомъ усумниться очень и очень позволительно. Можно опасаться, что она не будетъ на сторонѣ вѣчной истины, . . . если не будутъ приняты мѣры, которыя отнимутъ у противниковъ ихъ орудіе нападенія, главное изъ нихъ современныя полчища.

Таковы очередныя идеи, выдвинутыя войною.

Глубоки и психологическія потрясенія послѣ войны, и притомъ для обѣихъ воевавшихъ сторонъ.

Лишенія всякаго рода, дороговизна, развитіе дурныхъ инстинктовъ, экономическій кризисъ, нарушеніе производства и товарообмѣна, разруха транспорта, недостатокъ топлива, валютный кризисъ, забастовки и огрубеніе массъ даютъ раздолье вождямъ демагогамъ. Подъ вліяніемъ ежедневной нужды огромныхъ массъ народа и подъ вліяніемъ перемѣщенія состоятельности и покупочныхъ способностей всѣ классовыя перегородки, образовавшіяся столѣтіями, потеряли

¹⁾ „Des Méfaits du Luxe“.

свою устойчивость. Завязывается эгоистическая борьба классов, причемъ наиболѣе развитые, но наиболѣе обездоленные классы опускаются и дичають подъ натискомъ черной нужды. Такимъ порядкомъ происходитъ постепенное сравненіе низшихъ и высшихъ путемъ пониженія интеллигентности вторыхъ.

Подъ натискомъ подобной волны постепенно рѣшающее вліяніе переходитъ къ болѣе крайнимъ элементамъ, но менѣе опытнымъ и болѣе невѣжественнымъ.

Велика угроза міру и миру. Она — въ побѣдѣ чувства надъ разсудкомъ, инстинкта надъ уравновѣшенной волей, массы надъ индивидуумомъ, толпы надъ личностью, демагоговъ надъ вождями, дикости надъ культурою (толпа живетъ столѣтіями назадъ, равненіе по отсталымъ), страсти надъ благоразуміемъ, порыва надъ постоянствомъ усилія, дѣйствія впереди соображенія, разрушенія вмѣсто созиданія.

По свидѣтельству Клемансо „у толпы разсудокъ не только не высокъ, но почти всегда отсутствуетъ“¹⁾.

Не рациональное начало, а мистика руководитъ массою, внѣ зависимости отъ развитія составляющихъ ее людей.

„Политическія или религіозныя вѣрованія, вздымая міръ, имѣють общее происхожденіе и слѣдуютъ общимъ законамъ. Это не на основѣ разсудка, а чаще противъ него, они образовались. Буддизмъ, христіанство, исламизмъ, реформатство, колдовство, яacobинство, социализмъ, спиритизмъ и пр. . . . кажутся вѣрованіями слишкомъ различными. Они имѣють, однако. . . . сходныя аффективныя и мистическія основанія и повинуются логикѣ не родственной логикѣ рационалистической“²⁾.

Мистика царствуетъ среди массъ и толпы. „Потребность равенства не только передъ закономъ, но въ положеніи и средствахъ существованія — самый стержень послѣдней эволюціи демократической: социализма. Эта потребность такъ могущественна, что она распространяется вездѣ, хотя-бы и въ противнство всѣмъ законамъ біологическимъ и экономическимъ. Это новая фаза той непрерывной борьбы чувствъ противъ разума, гдѣ разумъ торжествуетъ такъ рѣдко“³⁾.

Тутъ обширное царство предвзятыхъ идей, фанатизма. Тутъ широкое поле для эксцессовъ всякаго вида и для ихъ крайняго выраженія жестокости средствъ борьбы и террора. Гуманность замѣняется психикою никогда не исчезающаго и лишь по внѣшности укрощеннаго человѣка-звѣря.

„Умъ прогрессировалъ въ теченіе вѣковъ и открылъ передъ человѣкомъ чудесные горизонты, тогда какъ харак-

¹⁾ Le Bon, „La Révolution Française“, 60.

²⁾ Idem, 80.

³⁾ Idem, 282.

теръ, истинное основаніе души и вѣрный двигатель ея дѣятельности, нисколько не измѣнился. Подавленный на мгновеніе, онъ проявляется всегда. Природа человѣка должна быть принимаема такой, какая она есть¹⁾.

На почвѣ природы этого закона произрастаетъ большевизмъ, какъ явленіе не политическое, а патологическое. Онъ раздолье неврастеникамъ всякаго рода, садистамъ, дегенератамъ, морально неуравновѣшеннымъ субъектамъ: всѣ они могутъ сдѣлаться вождями, удобными и любимыми толпѣ. На этой почвѣ патологическаго изуродыванія общественной, массовой нравственности кровожадность обращается въ гражданскій подвигъ, а воровство въ добродѣтель.

Общая аморализація ведетъ къ всеобщей измѣнѣ, какъ къ ея естественному слѣдствію; дисциплина становится недосыгаемой въ государственной, общественной и семейной жизни. Ее приходится замѣнять суррогатомъ, терроромъ и покупою. А это, въ свою очередь, увлекаетъ въ область демагогіи.

Инерція катящейся внизъ массы приложима и въ области идей. Здѣсь психозы толпы играютъ роль ускоренія такого паденія. Чтобы его установить, мало усилій отдѣльныхъ людей (Бонапартъ), нужны новыя не менѣе сильныя массовыя идейныя движенія и, притомъ, не только въ области разсудка (сфера индивидуумовъ), но, главное, въ области вѣрованій, чувствъ, религіи (удѣлъ толпы, массы).

Д-ръ Ле-Бонъ говоритъ: „Мечта, идеалъ, легенда, однимъ словомъ нереальность, вотъ, что ведетъ исторію“. Во всякомъ случаѣ „массу“, добавимъ отъ себя.

Соціалныя послѣдствія Великой войны не менѣе значительны, чѣмъ идейныя и психологическія. Это и неудивительно: все это находится въ тѣснѣйшей взаимной связи.

Соціалныя условія можно очертить такъ: общій и коренной пересмотръ классовыхъ отношеній; чрезвычайно ограниченный классъ довольныхъ (новые богачи) и огромная масса недовольныхъ, неудовлетворенныхъ, страдающихъ и возмущенныхъ; стремленіе трудящихся организовать, синдицироваться для защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ, причѣмъ замѣчается желаніе рабочихъ союзовъ всѣхъ наименованій сбрасывать старыхъ эволюціонныхъ вождей и замѣнять ихъ новыми, боевыми, революціонными; качественное очищеніе крайнихъ рабочихъ организацій коммунистическаго толка отъ всякихъ примирительныхъ элементовъ; ручной трудъ занялъ опредѣленно командующее положеніе.

Это то самое оттачиваніе оружія революціоннаго паденія, которое передъ французской революціей замѣчаль

¹⁾ Le Bon. „La Revolution Française“, 318.

Ж.-Ж. Руссо, проповѣдивавшій ручной трудъ, какъ панацею отъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій.

„Помните, говорилъ онъ, что я отъ васъ требую совсѣмъ не талантовъ. а лишь ремесла, истиннаго ремесла, искусства чисто механическаго, гдѣ руки трудятся болѣе головы и, которое не приводитъ совсѣмъ къ богатству, но съ которыми можно безъ него обойтись¹⁾).

Эта панацея, оставшаяся безъ своего приложенія, подобно прочимъ панацеямъ, цѣнна только однимъ: она указываетъ теперь, какъ и полтора столѣтій назадъ, на извѣстные социальныя сдвиги, частью уже совершившіеся (Россія), частью готовые совершиться (Западъ).

Этотъ натискъ ручнаго труда тѣмъ легче, что его противники, представители умственнаго труда въ большинствѣ остаются неорганизованными. Мало того, во многихъ случаяхъ, именно въ случаяхъ высочайшихъ образцовъ умственнаго труда, гдѣ онъ возносится въ область индивидуальнаго творчества, организация его прямо невозможна. Во всякомъ случаѣ условіе „массы“ не его преимущество. Его основной недостатокъ — отсутствіе общаго объединяющаго и воспламеняющаго идеала характера религіознаго. Вѣрнѣе онъ имѣется, но не въ конденсированномъ еще видѣ, почему и не годится пока въ качествѣ боеваго клича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во время войны $\frac{1}{10}$ потерь наибольшей своей тяжестью легъ на буржуазію. Судя по цифрамъ, приведеннымъ въ „Temps“, „число убитыхъ было: для офицеровъ 18,5% и для солдатъ 16%. Пѣхота потеряла 29% своихъ офицеровъ и 23% своихъ солдатъ. На три погибшихъ офицера приходится два солдата“. Таковы цифры для французской арміи. Эти цифры для Россіи еще болѣе выразительны: тутъ при посредствѣ войны и вслѣдствіе революціи рѣчь идетъ уже о полномъ разгромѣ интеллигенціи, и хотя цифры здѣсь будутъ установлены не скоро и не полно, и безъ нихъ можно составить необходимое представленіе объ истинномъ положеніи дѣла. Суть здѣсь не въ цифрахъ, а въ качествѣ явленій, жертвой которыхъ сдѣлалась буржуазія, эта представительница мозга народовъ.

„Между тѣмъ какъ она, такимъ образомъ, истекла кровью во время войны, согласно той-же цитированной статьи „Temps“, буржуазія страшно обѣднѣла. Крестьяне заработали много денегъ; заработная плата рабочихъ слѣдовала вслѣдъ за увеличеніемъ стоимости жизни, когда она имъ не предшествовала и ихъ не вызывала. Между купцами и промышленниками, навѣрняка, нѣкоторое количество получило большіе барыши; къ тому-же многіе изъ нихъ готовы расши-

¹⁾ „De la Nécessité d'Apprendre un Métier“.

рять то, что они уже выиграли. Но среди чиновниковъ, рантьеровъ, въ либеральныхъ профессіяхъ обѣдненіе очевидно и даже иногда трагично. Добрая часть содержимаго ихъ кошельковъ улетучилась; доходъ, который представлялъ собою нѣчто передъ войною, не представляетъ теперь ничего. Въ городахъ затруднительно и почти невозможно найти жилье, прислугу по сходной цѣнѣ и пр.

Такое матеріальное положеніе буржуазіи. Андре Лихтанберже, который изучаетъ этотъ вопросъ въ „La Revue de Deux Mondes“ спрашиваетъ, не наступило-ли уже такое ея моральное, положеніе чтобы его восчувствовать. Уже въ высшихъ школахъ, въ соисканіяхъ высшихъ степеней, число кандидатовъ уменьшается въ угрожающей пропорціи. Молодые люди покидаютъ карьеры, которыя не открываютъ имъ перспективъ иныхъ, чѣмъ полунищета въ теченіе всей ихъ жизни. Хорошее пополненіе офицерства, чиновничества, правящихъ классовъ, т. е. костяка государства, рискуетъ быть скомпрометированнымъ. Эта стѣсненность и эти постоянныя лишенія, не приведутъ-ли они, съ другой стороны, къ образованию интеллигентскаго пролетаріата, все болѣе, и болѣе недовольнаго и возбужденнаго, толкаемаго этимъ на возстаніе? Революціи имѣютъ вѣроятія, на успѣхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ, которые должны защищать режимъ, защищаютъ его дурно, когда часть защитниковъ переходитъ въ противный лагерь“.

Что подобное положеніе не является фантазіей, лучшее доказательство Россіи. На западѣ еще нѣтъ такого положенія, но имѣется, какъ видно изъ этой цитаты, все необходимое для его подготовки: та самая демократія, заслуга которой была такъ велика во время Великой войны, когда именно она возглавляла побѣду, раскалывается на-двое, на удовлетворенныхъ и обездоленныхъ, плохо понимающихъ другъ друга. Обездоленные, какъ это уже и случилось въ Россіи, вольно или, чаще, невольно идутъ на службу къ воинствующему пролетаріату и такимъ способомъ существеннѣйшимъ образомъ способствуютъ непримиримости его позиціи. Именно такимъ путемъ болѣе развитой классъ оказывается на службѣ у менѣе развитого, и именно такъ „масса“ овладѣваетъ избранными, обезличиваетъ и подчиняетъ ихъ себѣ.

Это не мѣшаетъ вождямъ-демагогамъ презирать ведомую ими массу и, быть можетъ, тѣмъ лучше подчинять ее себѣ.

Въ своемъ извѣстномъ письмѣ Ленинъ, обращаясь къ одному своему личному другу въ Швейцаріи, писалъ: „Мы сдѣлали серьезную ошибку, приписывая такъ много значенія классамъ, справляясь съ ними, какъ съ интеллектуальными организмами, способными непосредственно и прямо выра-

жать свои желанія. Совокупность класса есть ни что иное, как организм, лишенный всякаго интеллекта, всякой личной воли и всякой способности дѣйствія. Лишь индивидуальная воля, творческій умъ свободнаго интеллекта способны предвидѣть фазы послѣдующей борьбы.

Этотъ наиболѣе важный, недостававшій намъ факторъ соціальной жизни подтверждаетъ заблужденія нашихъ заключеній, касавшихся „класса“.

Обширное поле наблюдений, которое образуетъ русская революція дало мнѣ много разъ съ учаемъ убѣдиться въ ложности нашей гипотезы. Коллективный инстинктъ и сознательность рабочихъ и крестьянъ не оправдали надеждъ и обрушились совершенно.¹⁾ Эта старая и избитая истина, доступная пониманію любого практическаго дѣятеля, имѣющаго каждодневное общеніе съ массами, а сюда относятся всѣ военные, сдѣлалась понятной Ленину только черезъ моря крови и поэтому привела его къ презрѣнію „массы“, вмѣсто того, чтобы презирать самого себя за позднее соображеніе. „Заднимъ умомъ крѣпокъ“, какъ говоритъ русская пословица. Демагогъ, т. е. потакатель толпы на разрушеніе, понялъ ее только тогда, когда ему она нужна для созиданія, т. е. для труда. Это двѣ разныхъ работы и для этого нужны разные люди.

Для вождей, подобныхъ Ленину, важно лишь одно, существующее „массовое недовольство“. Оно должно быть потушено у себя и поддержано у противниковъ. Таковъ простой планъ очередной большевистской морали.

Частыя рабочія забастовки на Западѣ, гдѣ въ нихъ принимаютъ участіе многіе милліоны безработныхъ, въ рядахъ которыхъ значительная часть бывшихъ солдатъ, обездоленныхъ войною и потерявшихъ трудъ или даже самую способность къ нему, это большіе маневры пролетаріата, готовящагося къ новой гражданской войнѣ, и это единственная область, гдѣ компетентность большевиковъ беспорочна. Желая временно, въ цѣляхъ передышки, окончить ее въ Россіи, они готовятъ ее на Западѣ. Въ этомъ весь угрожающій смыслъ подготовляемаго теперь соціальнаго переворота.

Политическое крупнѣйшее послѣдствіе войны — это ослабленіе авторитета правительствъ, объясняемое ихъ неумѣніемъ справиться съ очередными задачами, имѣющими характеръ угрожающихъ кризисовъ: затрудненіями экономическими, финансовыми и политическими; изъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить всякаго рода партикуляристскія стремленія

¹⁾ Radio, Bordeaux, 24 8. 921, № 6756.

Къ этому присоединяется также и то обстоятельство, что парламенты, естественный источникъ власти, сами нерѣдко теряютъ свой авторитетъ въ глазахъ широкихъ, особенно пролетарс-ихъ массъ. Отсюда боязнь выборовъ, отсюда избѣганіе обращеній къ мнѣн.ю страны во избѣжаніе сюрпризовъ, отсюда новая и новая потеря авторитета парламентовъ. Уже часто не они даютъ опору власти, а, обратно, какъ это мы видимъ въ Англіи, ловкая власть даеъ имъ опору.

Параллельно съ законными государственными властями въ современномъ демократическомъ обществѣ, гривыкшемъ къ самоорганизаціи, нерѣдко возникаютъ, и притомъ съ большою легкостью, новая власть, не предусмотрѣнная закономъ, но имѣющія государственный характеръ, такъ какъ владѣютъ для этого необходимыми элементами, свойственными демократической власти: довѣріе болѣе или менѣе широкихъ слоевъ вліятельныхъ въ данное время массъ населенія и аппаратъ для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній независимо отъ воли существующаго законнаго правительства. Таковымъ былъ „Комитетъ Дѣйствія“ въ Англіи, образованный рабочими организаціями съ нескрываеомой цѣлью придти, въ случаѣ необходимости, и къ дѣйствительной политической власти. И правительство Англіи принуждено было считаться съ новой конкурирующей съ нимъ организаціей.

Въ основѣ всего міроваго политическаго кризиса лежитъ, конечно, кризисъ, экономическій, а въ основѣ послѣдняго — разьединеніе усилій по преодолѣнію затрудненій. Происходитъ примѣрно то-же, что и въ вопросѣ общаго высшаго командованія во время Великой войны. Желаніе сохранить свой ложно понимаемый суверенитетъ приводило во время кампаніи къ лишнимъ жертвамъ и невозможности достичь рѣшительной и окончательной побѣды. Лишь объединеніе привело къ горячо желаемому успѣху.

Въ еще большей степени подобный-же методъ необходимъ въ жизни экономической. Взаимная зависимость экономики разныхъ странъ теперь такъ велика, что кажется химерою попытка рѣшить общее и объемлющее частными и объемлемыми мѣрами. Что значать усилія отдѣльныхъ государствъ въ вопросахъ, выходящихъ изъ предѣловъ ихъ возможностей.

Идти этою дорогою это значить идти путемъ международной коммерческой конкуренціи, исключаяющей всякую возможность взаимной жертвы, отъ которой и зависитъ разрѣшеніе міроваго экономического, а, вмѣстѣ съ нимъ, и политическаго кризиса.

Если Америка, обнаружившая во время Великой войны наибольшую степень безкорыстія, рѣшилась во имя спасенія цивилизаціи и отнюдь не ради достиженія какихъ-либо прио-

брѣтений для себя, уложить на поляхъ Франціи 50.000 своихъ молодыхъ людей, полныхъ силъ и надеждъ, то почему-бы ей-же, держащей въ своихъ рукахъ средства для развязки экономического кризиса міра, во имя спасенія той-же цивилизации отъ усилій „чумазаго“ ее разрушить, не подать примѣръ новаго самопожертвованія? Теперь съ легкой руки Ллойдъ-Джорджа поднять вопросъ о взаимномъ прощеніи другъ другу долговъ войны. Это первый и важный, но недостаточный шагъ по вѣрному пути. Кромѣ долговъ формальныхъ, составляющихъ лишь малую долю финансоваго бремени, нависшаго надъ участниками войны, имѣются еще протыри, вызванные переѣщеніемъ богатствъ принадлежащимъ воевавшимъ странамъ. Они въ Америкѣ, и этимъ все сказано. Слѣдовательно, развязать затянувшійся узелъ можетъ только она. Неужели, найдя въ себѣ достаточную широту пониманія и готовность пожертвовать жизнью 50.000 своихъ бойцовъ, она не найдетъ въ себѣ силъ пожертвовать тѣмъ золотомъ, которое и надъ нею виситъ дамокловымъ мечомъ? Подъемъ курса ея доллара вызвалъ остановку или угрожающее сокращеніе ея вывоза, а, слѣдовательно, сокращеніе производства, а, слѣдовательно, увеличеніе числа безработныхъ, а, слѣдовательно, количества недовольныхъ, а, слѣдовательно, элементовъ, ожидающихъ соціальнаго переворота, какъ исхода. Вѣдь не къ этому-же стремится Америка?

Безъ риска впасть въ преувеличеніе можно сказать, что въ курсѣ доллара разгадка загадки міроваго счастья и покоя.

А тутъ еще новыя тучи на политическомъ горизонтѣ: Русскій вопросъ, вопросъ Великаго океана, Малоазіатскій кризисъ, Турецкій вопросъ въ его цѣломъ, Исламистскій вопросъ, Индійскій кризисъ, желтая опасность, гражданская война и возможность ея распространенія за предѣлы Россіи, германскій реваншъ, Египетскій вопросъ, Ирландскій вопросъ.

Не успѣлъ міръ справиться съ послѣдствіями минувшей войны, какъ новыя угрозы внѣшнему миру грозятъ окончательно нарушить внутреннее равновѣсіе цивилизованныхъ странъ.

Надо поставить вопросъ прямо: что дороже, долларъ или міровое равновѣсіе.

Самый вопросъ о равновѣсіи, о политической практикѣ и теоріи, освященной уже свыше, чѣмъ вѣковой исторіей, подъ вліяніемъ минувшей войны долженъ быть пересмотрѣнъ. Прежде равновѣсіе строилось исключительно на сочетаніи военныхъ могуществъ государствъ. Теперь, въ вѣкъ тѣснѣйшихъ экономическихъ международныхъ сплетеній, оно должно базироваться не только на этомъ, но также и на равновѣсіи экономическихъ силъ странъ, входящихъ во взаимное соглашеніе. Какъ прежде союзные государства посылали

другъ другу солдатъ на помощь, такъ нынѣ они будутъ посылать и свои доллары, франки и фунты. Это уже и было во время Великой войны. Нужно, чтобы это продолжилось и послѣ нея. Подобная мѣра тѣмъ болѣе необходима, что, если внѣшняя война уже окончилась, то экономическая все еще не привела къ заключенію мира. Нужно, чтобы резервы долларовъ не были иммобилизованы на огромномъ мировомъ экономическомъ полѣ сраженія. Иначе побѣда Соціалістическаго міра останется неиспользованной.

Весь міръ напрягается теперь, чтобы обезпечить миръ. Вся вселенная желаетъ предотвратить возможные внѣшніе конфликты. И никто не хочетъ видѣть, что страшнѣйшій конфликтъ, дѣйствительно угрожающій миру всего міра, это столкновеніе внутреннихъ силъ, а не внѣшнихъ. Всякій внѣшній конфликтъ нынѣ имѣетъ значеніе ровно постольку, поскольку онъ способенъ приблизить конфликтъ внутренней.

Предотвращая войну внѣшнюю, никто не хочетъ сознанъ съ той ясностью, съ которою это необходимо, что война витаетъ вокругъ насъ и среди насъ.

„Гуманитарныя доктрины, къ тому-же, не имѣютъ иныхъ апостоловъ, какъ теоретики социализма, ищущихъ распространенія своихъ вѣрованій гражданскою борьбою¹⁾. „Русская революція восторжествовала, обѣщая миръ и въ настоящее время Россія въ войнѣ со всѣми сосѣдями“²⁾.

„Рабочій классъ теряетъ все болѣе и болѣе чувство возможнаго“³⁾. „Идея диктатуры пролетаріата еще не вызвала революціи у всѣхъ народовъ, но она ихъ привела къ пониманію, что пролетаріи, какъ самодержцы, имѣютъ право наруживать невѣроятныя требованія“⁴⁾. Тамъ, гдѣ ненависть вступаетъ въ свои права, трудно ожидать, чтобы массы отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что „это было-бы сначала разрушеніе общественныхъ богатствъ, а затѣмъ нищета трудящихся“⁵⁾.

„Пріятіе диктатуры пролетаріата, или другими словами, диктатуры массъ, есть естественное заключеніе иллюзіи, которая приписываетъ интеллектуальное превосходство числу“⁶⁾. „Народы съ трудомъ разрушили тиранію королей, чтобы слѣпо подчиниться анонимному деспотизму рабочихъ синдикатовъ, желающихъ установить по своей волѣ жизнь страны“⁷⁾.

„Она изъ величайшихъ задачъ грядущаго часа будетъ не только потребовать внѣшняго мира, но также достигъ

¹⁾ D-r Le Bon, Psychologie des Temps Nouveaux, 296.

²⁾ Jdem, 210.

³⁾ Jdem, 196.

⁴⁾ Jdem, 196.

⁵⁾ Jdem, 197.

⁶⁾ Jdem, 189.

⁷⁾ Jdem, 184.

внутреннего. Серьезные симптомы показывают, что мир в внутренней столь же трудно достижим, как и тот, который нужно было утвердить с нашими врагами¹⁾.

Первое, что для этого необходимо сделать, это отказаться от иллюзии о том, что социализм мирная практика. Второе — это создать ему на смену новую религию, дорогу массам.

Действительно, социализм это та война внутренняя, та война классов и масс, которая в настоящий момент является единственной угрозой внутреннему миру, угрозой тем более опасной, что она оперирует во имя мира и путем проповеди мира.

„Одной из характеристик современной войны, характеристик почти единственных в истории, было установление мира в нескольких странах народами вопреки своим управителям“²⁾. Это удалось массам провести через посредство социалистических организаций, но не они предотвратили затем внутреннюю войну там, где это удалось достичь (например Венгрия) и, наоборот, это были они, которые, прервав войну внешнюю, вызвали затем борьбу гражданскую с оружием в руках (Россия). И так будет всегда, вопреки мечтаньям Жоресов. К сожаленью ведут за собою массы не мечтатели, а прозаики школы, и они пользуются дорогой толщам народным идеей мира, злоупотребляя ею, а не работают на нее.

Назрел момент истории, когда чувствуется необходимость иных, более искренних пророков идеи „мира“, этой действительной „религии“ наших дней, способной объединить все народы и все классы и примирить все интересы и все соперничества.

У социализма для того, чтобы стать религией, на что он не перестает претендовать, не хватает только одного, непартийности. Он был, есть и будет только „партия“ и, притом, партия физического воздействия, а такое в наше время, после столь тяжких физических воздействий войны и времени после неа, претит нынешней массе, претит и индивидуумам.

Все ищут, на чем можно было бы успокоиться. „Помогайте взаимно друг другу“, высказал свое мнение в этом вопросе Клемансо, и никто не смог бы найти ему возражения, так как этот лозунг международен, непартиен и альтруистичен. Он исключает ту вражду, которую социализм кладет, как основу своего процветания, но это лишь негативное преимущество изречения Клемансо. У него будет и позитивное, если народы и их правители

¹⁾ Le Bon. „Psychologie des Temps Nouveaux“, p. 180.

²⁾ Idem, 78.

поймутъ, что не слѣдовать формулѣ Клемансо значить идти къ гражданской войнѣ, для которой все подготовлено современнымъ государствомъ и даже его арміей. Выборъ ясенъ: лучше взаимныя уступки, чѣмъ бесплодная вооруженная борьба, такъ какъ въ бесплодности этого средства въ наши дни едва-ли кто уже сомнѣвается.

Въ наше время утраченного моральнаго, соціального, политическаго и экономическаго равновѣсія война можетъ питать (черезъ новое раззореніе) только войну и не приближать, а отдалять тотъ миръ, который ближе достижимъ иными, менѣе жестокими путями.

Если повторится война въ томъ-же масштабѣ, какъ только что минувшая, не трудно предвидѣть, что ея естественнымъ концомъ должна быть міровая революція, о которой мечтаютъ большевики. Это будетъ затяжной вооруженный кризисъ, гдѣ явленія внѣшней войны будутъ тѣсно переплетены съ войною гражданской, причемъ послѣдняя будетъ главенствовать. Словомъ, это будетъ то, что можно назвать „вѣчною войною“. А ея результатомъ будетъ несомнѣнное одичаніе и общее разореніе нынѣшней цивилизаціи.

Нужно отдать справедливость „вооруженному народу“: онъ въ дѣйствительности и наилучшимъ образомъ готовъ къ подобной „вѣчной войнѣ“. Вотъ почему не Жоресы, а большевики рассчитываютъ особенно на силу для осуществленія своихъ плановъ. По ихъ мнѣнію „буржуазія должна быть изгнана отъ власти. Всѣ средства хороши, чтобы этого достигъ. Народъ не долженъ колебаться, чтобы прибѣгнуть къ силѣ. (Конгрессъ III-го коммунистическаго Интернаціонала). III-й Интернаціоналъ долженъ сдѣлаться боевой рабочей ассоціаціей, которая организуетъ прямой штурмъ крѣпости капитализма“¹⁾.

Пока посредствомъ ловкой политической пропаганды создается благоприятная обстановка для этого желаннаго большевикамъ момента.

„Вотъ каковы инструкціи представителя Совѣтовъ одному изъ агентовъ: - До сей поры мы дѣйствовали въ нашей пропагандѣ черезъ соціалистическую печать. Мы имѣли успѣхъ между рабочими классами. Теперь намъ нужно перенести наше вниманіе на капиталистическіе классы и на ихъ печать. Какими-бы то ни было средствами мы должны внушить буржуазнымъ газетамъ защиту слѣдующихъ идей: „Большевизмъ теряетъ свое вліяніе въ западной Европѣ. Демократія беретъ тамъ верхъ. Коммунистическая революція могла бы быть тамъ возможна нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

---

¹⁾ Lieut.-Col. Reboul, „Propagande Bolcheviste“, „Le Temps“ 4. XII. 1921.

Она невозможна теперь“. Нужно сдѣлать все, чтобы усыпить безпокойство буржуевъ. Буржуазная печать должна писать, что вмѣшательство въ Россіи повлечетъ результатъ обратный. Единственное средство опрокинуть большевистское правительство — это отнять у него всѣ поводы для войны, войдя съ нимъ въ коммерческія отношенія“¹⁾.

А тѣмъ временемъ „декретъ-инструкція Красной арміи говоритъ: Это армія интернаціональная, которая послужитъ поддержкой будущей соціальной революціи въ Европѣ“¹⁾.

„Дипломатъ Чичеринъ выражаетъ ту-же мысль: Въ ожиданіи, пока пролетарская сознательность будетъ всеобщей, должно быть употреблено принужденіе“¹⁾.

И въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, большевики не пророки, а лишь главари, сознательно возглавляющіе дурные элементы эпохи, чтобы съ ними совершить разрушительную работу. Эти дурные элементы — стихія рожденная прошлою войною. Слѣдующія-слова Ленина обнаруживаютъ большое пониманіе имъ этой стихіи. „Не забудьте, говоритъ онъ, тѣхъ непріятностей, которыя несутъ деревнѣ демобилизованные солдаты. Солдатъ не хочетъ снова стать землепашцемъ. Вотъ, кто — самый страшный нашъ врагъ. Онъ привыкъ къ грабежу и убійству; онъ привыкъ считаться лишь съ собственнымъ желаніемъ. Эта солдатская анархія, упавъ въ благодарную почву глухой крестьянской злобы, способна уничтожить нашу республику“²⁾. Въ сущности психологія этого солдата есть психологія и самого Ленина. Поэтому эти слова не должны быть приняты, какъ крикъ отчаянія съ его стороны и доброе предупрежденіе, но лишь какъ указаніе на необходимость „канализировать“ эту психологію, т. е., использовать ее по ея прямому назначенію. Это обычная политика большевизма тамъ, гдѣ его вожди натыкались на произвольные, жестокіе и дикіе инстинкты массы. Они имъ потакали. Они имъ будутъ потакать.

На съѣздѣ политкомовъ 24 октября 1921 г. Троцкій рисовалъ слѣдующія перспективы: „Пролетарская революція не получила дальнѣйшаго развитія. Мы по-прежнему окружены властвующей буржуазіей. Надежда, что стихійный натискъ смететъ буржуазію, не осуществилась. Это самый важный фактъ международной обстановки. Не можетъ быть рѣчи о надеждѣ на то, что рабочій классъ врасплохъ достигнетъ буржуазію и опрокинетъ ее однимъ ударнымъ натискомъ. Буржуазія политически такъ овладѣла своимъ государственнымъ аппаратомъ, что борьба будетъ упорной, длительной и беспощадной. Мы вступаемъ въ періодъ дли-

---

Lieut. - Col. Reboul, „Propagande Bolcheviste“, 4-XII-1921.

²⁾ „Общее Дѣло“, 13. IV. 1921, № 272.

тельной борьбы и одной изъ составныхъ силъ міроваго рабочаго класса остается Красная армія. Красной арміи нужно систематическое воспитаніе“.

Не забудемъ, что этотъ призывъ къ разрушенію существующаго въ мірѣ строя сдѣланъ уже послѣ разыгравшейся драмы голода и послѣ обращенія Совѣтскаго правительства за помощью къ этому самому строю. Голодь — голодомъ, а бойня — бойней и, по словамъ Троцкаго, ничего не можетъ быть важнѣе бойни.

Когда-то Жоресъ съ жалостью говорилъ: Держать вооруженную силу имперіи въ закрытой вазѣ, чтобы предохранить ее отъ безчисленныхъ социалистическихъ вѣяній, которыя носятся въ воздухѣ, быть можетъ это не лучшая подготовка къ войнѣ или, по крайней мѣрѣ, къ побѣдѣ.“¹⁾ Нынѣ Троцкій исполняетъ своимъ призывомъ къ пропагандѣ въ рядахъ Красной арміи пожеланіе Жореса, этого убѣжденнаго пацифиста. Такъ волею судебъ благородныя общія идеи облакаются въ противоположную имъ жестокую практику.

Жоресовскій миръ при посредствѣ нынѣшней всеобщей воинской повинности превращается въ гражданскую бойню, гдѣ русская голодная, распропагандированная и обезличенная масса будетъ по плану большевистскихъ вождей, только пушечнымъ мясомъ и возбудителемъ, увлекаемымъ самыми ходовыми идеями грабежа богатыхъ странъ.

А за спиною этой многомилліонной русской массы виднѣется уже передъ глазами Лениныхъ и Троцкихъ еще болѣе грозная своей громоздкостью туча народовъ Азіи. Благодаря идеямъ Карно, ничего не стоитъ поставить ихъ въ ружье въ кратчайшій срокъ. Терять имъ у себя нечего, а пріобрѣсти они могутъ надѣяться много.

Такимъ способомъ богатая и культурная страны рискуютъ, какъ думалъ и говорилъ Ж. - Ж. Руссо“, „стать добычею бѣдныхъ націй“. ²⁾

Это можетъ совершиться не иначе, какъ при посредствѣ и при участіи вооруженной силы.

Въ былыя времена, когда государи, нуждаясь въ утвержденіи своей колеблющейся власти, искали и добивались сформированія регулярнаго постояннаго войска, народъ, желавшій сохранить свою свободу, шелъ по обратному пути, по пути созиданія своей милиціи, готовой въ минуту испытанія стать на защиту правъ, которымъ могло угрожать узурпированіе.

¹⁾ Jaurés, L'Armée Nouvelle, 57.

²⁾ „Des Méfaits du Luxe“.

Эта борьба нигдѣ не выразилась такъ ярко и наглядно, какъ въ Англіи въ XVII столѣтіи, въ вѣкъ революцій. ¹⁾

Удачливый создатель наиболѣе сплоченнаго постояннаго войска Оливеръ Кромвелль оставилъ послѣ себя въ нслѣдство своему слабому сыну ту военную диктатуру солдатчины, которая на сотни лѣтъ воспитала среди англичанъ инстинктивное отвращеніе къ постоянной, обязательной службѣ въ арміи. Всякій англичанинъ видѣлъ въ ней замаскированное желаніе правителя покуситься на свободы гражданъ. Отсюда приверженность къ милиціи, какъ къ охранительницамъ этихъ свободъ противъ насильническихъ покушеній.

Китченеру передъ недавнею Великою войною стоило огромнаго труда преодолѣть этотъ пережитокъ древнихъ временъ, не имѣющій ничего общаго съ настоящей политической дѣйствительностью.

Что мы видимъ послѣ войны въ той-же Англіи? Быстрый роспускъ милиціонной массы и оставленіе въ арміи только ея постоянного кадра, который съ той поры добросовѣстно ведетъ работу охраны внутренняго порядка въ странѣ въ години ея тяжелыхъ переживаній, причемъ никакого разговора не можетъ быть о покушеніяхъ военной власти на вѣковыя привилегіи британскихъ гражданъ со стороны солдатчины.

Въ наше время постоянное войско и милиція помѣнялись ролями. Теперь милиція на службѣ боевой партіи представляетъ собою ту угрозу внутреннему миру, которую когда-то во времена Стюартовъ представляла армія, тогда какъ нынѣ только постоянные военные кадры даютъ нѣкоторую опору ослабѣвшей центральной власти.

Секретъ этого въ развитіи общественности по сравненію съ XVII вѣкомъ. Вслѣдствіе именно этого обстоятельства милиція можетъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ боевой политической партіи и именно благодаря этому-же обстоятельству постоянное войско не можетъ разсчитывать на политическую роль въ странѣ, идущую въ разрѣзъ съ общею волею общественнаго мнѣнія, что наблюдалось въ XVII вѣкѣ.

Второе соображеніе, приводящее къ тому-же заключенію, это вопросъ массы. Уже отмѣчено выше преобладающее значеніе массы въ гражданской вооруженной борьбѣ. Эта масса никогда не будетъ и не можетъ быть на сторонѣ постоянныхъ кадровъ и легко можетъ быть собрана милиціоннымъ путемъ.

Примѣръ Англіи, родины многовѣковой милиціи, заслуживаетъ особаго вниманія. Именно здѣсь приходится констатировать сознательное отвращеніе къ милиціи и перенесеніе симпатій къ постоянной арміи. Это и не удивительно.

¹⁾ Macaulay, „Histoire d'Angleterre“.

Форма тут не приче́мъ. Важно только существо. Склонность къ самоуправству государей XVII вѣка при помощи постояннаго войска нисколько не менѣе опасна, чѣмъ такая-же наклонность къ деспотизму боевой партіи нашихъ дней при помощи милиціонной массы, увлеченной политической борьбой.

Личный произволь деспотовъ XVII столѣтія въ наше время смѣнился такимъ-же произволомъ партіи. Какъ деспотизмъ прежнихъ временъ искалъ своей опоры въ постоянной арміи, такъ деспотизмъ партіи хочетъ и можетъ опереться на милицію.

Мало того, личный деспотизмъ теперь проходитъ къ своему произволу черезъ партію (Ленинъ).

Весь смыслъ, хотя, допустимъ, безсознательный, книги Жореса „L'Armée Nouvelle“ сводится къ конечной цѣли подчинить партіи современную вооруженную силу. Весь смыслъ предлагаемаго труда, — желаніе освободить ее отъ этой печальной участи, которая повлечетъ за собою гибель культуры. Главнѣйшая задача проектируемой реформы вооруженной силы, — это попытка создать надежную стражу обереганія цивилизаціи со стороны тѣхъ покушеній на нее, которыя боевые лозунги разрушенія коммунистовъ-большевиковъ ставятъ въ первую и неотложную очередь, значительно, по мнѣнію вождей этихъ партій, превалирующихъ всѣ положительныя стороны современной культуры.

Пора сторонникамъ послѣдней отказаться отъ пособничества этимъ разрушительнымъ попыткамъ, весь успѣхъ которыхъ основанъ прежде всего на соотвѣтствующей пропагандѣ демократическихъ предразсудковъ демократическими голосами.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ и важнѣйшихъ — современная вооруженная система. Однимъ изъ политическихъ преимуществъ ея почитается полная невозможность появленія при ея существованіи коронованныхъ деспотовъ въ стилѣ Якова II-го Англійскаго и Павла I-го Россійскаго.

Къ счастью этому препятствуетъ не только она, но и, что еще важнѣе, весь укладъ демократическаго общества съ сильно развитою гласностью и поэтому съ напряженно-охраняемой законностью.

Но, къ сожалѣнію, та-же милиціонная вооруженная система за спиною удовлетворенныхъ ею демократовъ готовить имъ партійную диктатуру, опирающуюся на тѣ-же штыки, какъ это дѣлали и деспоты XVII вѣка. Ленинъ, Бела-Кунъ, Кемаль-паша, Венизелось, Д'Аннунціо и Желиговскій у всѣхъ передъ глазами¹⁾. Черезъ партію и черезъ политическую ин-

¹⁾ Да простится смѣшеніе всѣхъ видовъ вождей, отъ чистыхъ патриотовъ до чистыхъ авантюристовъ и преступниковъ. Это дѣлается по необходимости при безстрашномъ наследованіи власти, какъ такового.

тригу современное войско обезпечить всегда подобное самовластіе, часто, очень часто не согласующееся съ желаніями большинства народа (Ленинъ и Бела-Кунъ).

Пора перестать бояться деспотизма коронованныхъ особъ (это въ наше время невозможность) и пришла пора сознать опасность деспотизма партіи (это болѣзнь эпохи).

• На этомъ основаніи пора отказаться отъ страховъ передъ элементами постоянного войска и необходимо, наконецъ, отчетливо сознать опасность милиціи, какъ проводника власти боевой партіи.

• Въ нашъ „массовый“ вѣкъ самъ законъ этой „массы“ не на сторонѣ постоянного войска и, обратно, онъ всецѣло на сторонѣ милиціи.

Въ военномъ отношеніи постоянное войско весьма способно къ наступленію, но въ политическомъ, какъ это прекрасно очертилъ въ своей книгѣ Жоресъ, оно строго-оборонительно. Милиція, какъ справедливо отмѣтилъ тотъ-же Жоресъ, неспособная къ активности въ военномъ отношеніи, очень наступательна, по нашему мнѣнію, въ области политической.

Теперь горячо обсуждаются вопросы разоруженія. Еще недавно Ллойдъ-Джорджъ высказалъ такую мысль: „Нельзя имѣть истиннаго мира между націями до той поры, пока продолжается соревнованіе вооруженій. Ни къ чему выработать съ одной стороны грандіозные проекты Общества Націй, если съ другой стороны утверждаютъ планы образованія большихъ армій“¹⁾. Окончаніе этой тирады достойно особаго примѣчанія. Оно гласитъ: „Но разоруженіе, для того, чтобы стать возможнымъ, должно быть общимъ“¹⁾. Спрашивается, какъ можно заставить разоружиться того противника, который не принимаетъ никакого участія въ упорядоченной, культурной международной жизни, который живетъ лишь надеждою на войну и который въ тайнѣ, и даже явно, готовится къ гражданской бойнѣ? Для послѣдней требуются особые способы мобилизаци, не совпадающіе вполне съ правилами и обычаями регулярной войны, которую имѣютъ передъ своими глазами международные дипломаты, когда ведутъ рѣчь о разоруженіи. И хотя эти способы обязаны своимъ происхожденіемъ тому-же источнику, изъ котораго вылилась и современная регулярная армія, но приложенная къ гражданской войнѣ она, сохраняя за собою всѣ свои военныя преимущества, ускользаетъ отъ учета международного контроля. Это и неудивительно. Какъ извѣстно одинъ изъ ея первоисточниковъ былъ призывъ по

¹⁾ „L'Orient“ de Bucarest, 11. I. 1921, № 617, — „La catastrophe qui guette“, L. Severin.

системѣ Шарнгорста въ тотъ періодъ Прусской исторіи, такъ похожій, кстати сказать, на нынѣшній, когда приходилось изобрѣтать систему тайнаго содержанія вооруженной силы. Достаточно держать извѣстный кадръ, чтобы имѣть возможность въ минуту надобности поставить въ ружье силы впятеро большія, не тратя на это ни особенно много времени, ни труда. Преимущества этой гибкой системы оцѣнены нынѣ не только государственною властью, но, что слѣдуетъ отмѣтить особо, также и нѣкоторыми боевыми политическими партіями, ставящими „прямое дѣйствіе“ первымъ номеромъ своей программы.

У идеи разоруженія въ настоящее время имѣется три сорта противниковъ: государства съ идеею реванша, государства съ идеями боеваго коммунизма и классы населенія съ подобными-же идеями. Если первый культивируетъ мысль о войнѣ внѣшней, то послѣдній — только о внутренней, а средній — и о той, и о другой.

Во время всякаго рода конференцій, гдѣ изучался вопросъ разоруженія, его касались только въ узкихъ рамкахъ первой комбинаціи, наиболѣе безобидной и наименѣе вѣроятной: здѣсь контроль, здѣсь взаимныя междугосударственныя обязательства, т. е., контроль второй степени, здѣсь средства международнаго давленія, т. е., контроль третьей степени. Тогда какъ вторая и, особенно, третья категоріи противниковъ разоруженія или ограниченія вооруженій ускользаютъ отъ контроля вполне или отчасти. Вторая категорія ускользаетъ потому, что не участвуетъ въ правильной международной жизни, и, если-бы и участвовала-бы въ ней, то лишь съ цѣлью лучшей замаскировки своихъ истинныхъ, чисто боевыхъ конечныхъ цѣлей. Но она ускользаетъ только отчасти, а не вполне, потому что все-же тутъ имѣется открытый, доступный для внѣшняго наблюденія государственный аппаратъ.

Хуже дѣло обстоитъ съ третьей категоріей. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ партійной организаціей, пользующейся нелегальными путями для важнѣйшей цѣли своей работы, опрокидыванія современнаго порядка при посредствѣ грубой силы, которую этой партіи можетъ дать само современное государство.

Пора сознать съ полною отчетливостью, что опасность вооруженій существуетъ не только со стороны нѣкоторыхъ государствъ, но и внутри всѣхъ существующихъ культурныхъ странъ. Она грозитъ съ тыла. Ей помогаетъ и на нее безсознательно работаетъ оффиціальная военная система, имѣющая возможность развернуть свои силы до безпредѣльности и направить ихъ не только по волѣ своихъ правительствъ, но, подъ давленіемъ военной партіи, и противъ этой воли.

Если пришло время и желаніе сократить вооруженія, то начать надо съ самой вооруженной системы, дающей оружіе въ руки всѣмъ элементамъ, видящимъ въ физической кровавой борьбѣ осуществленіе своихъ идеаловъ.

Въ той-же, уже цитированной, рѣчи Ллойдъ-Джорджа было, между прочимъ, такое мѣсто: „Всѣ націи должны дѣйствовать вмѣстѣ и согласиться, чтобы не возобновлять этого мрачнаго и разорительнаго бѣга вооруженій, который, если ему не будетъ положено предѣла, окончится катастрофой“¹⁾.

Катастрофа грозитъ не столько извнѣ, сколько изнутри. И ей готовы служить современныя полчища, ожидающія своего Атиллу.

Что дѣлалось до сихъ поръ по части разоруженія? Какими путями шли въ этомъ направленіи?

Эти пути можно подвести подъ три крупныхъ рубрики: 1) юридическая, 2) политическая и 3) экономическая.

Подъ первую подойдутъ всѣ труды по выработкѣ нормъ международнаго права, по установленію ни для никого необязательнаго арбитража, по созданію соотвѣтствующихъ ареновъ.

Подъ вторую — составленіе политическихъ союзовъ и соглашеній съ цѣлью давленія на волю ненадежныхъ по части вооруженій странъ.

Первую рубрику, имѣющую характеръ полной академичности въ своихъ трудахъ, приходится наименовать платонической.

Вторая, уже болѣе практическая, но практическая она потому, что разумѣетъ возможность обращенія къ тому оружію, ради отказа отъ котораго она, казалось-бы, призвана къ жизни. Это разоруженіе при посредствѣ оружія.

Третья рубрика, мѣропріятія экономическія особенно любезныя англо-саксо-германскому міру, быть можетъ отличается наибольшей практичностью, но для полноты своего осуществленія требуетъ хотя-бы частичнаго стиранія границъ.

Въ общемъ всѣ эти три мѣры въ жизнь могутъ быть проведены только отчасти, и послѣ такого неполнаго осуществленія обѣщаютъ лишь временный компромиссъ, находящійся подъ постоянною угрозою съ тыла, со стороны „полчищъ“.

Вотъ почему настоятельно необходимо рѣшительно двинуться по четвертому пути.

---

¹⁾ „L'Orient“ de Bucarest. 11. I. 1921, № 617. „La catastrophe qui guette“ L. Severin.

Этотъ путь есть чисто военный и находящійся въ рукахъ и во власти современной демократіи.

Но безъ него, безъ ограниченій всеобщей воинской повинности будутъ тщетными попытки и программы сокращенія вооруженій, такъ какъ только существующая система всеобщаго призыва служить главною причиною существованія такъ называемаго вооруженнаго мира, который по самой своей природѣ есть ничто иное, какъ приготовленіе къ войнѣ. Безъ устраненія причины какое-же разоруженіе или сокращеніе вооруженій? Всѣ шаги къ этомъ направленіи останутся чистѣйшей платоникой политическаго или, еще того хуже, юридическаго свойства.

Конечно, сокращенію призыва должна предшествовать систематическая и хорошо вооруженная пропаганда новой идеи въ широкихъ кругахъ современной демократіи, держащей власть въ своихъ рукахъ. Для успѣха предлагаемой мѣры совершенно необходимо, чтобы общественное мнѣніе настолько прониклось идеею необходимости ея, что оно, въ лицѣ своихъ парламентаровъ и общественныхъ организацій, не позволило-бы какому-бы-то ни было правительству прибѣгнуть къ всеобщему призыву хотя-бы даже въ замаскированной формѣ.

Нужно, чтобы эта реформа стала настолько популярной, чтобы ее, какъ ходячее мнѣніе, массы приняли въ качествѣ составной части важнѣйшихъ стимуловъ демократизма и пацифизма, за которымъ, какъ сказано, великое будущее. Чтобы попытка нарушенія ея разсматривалась, и это не будетъ искусственнымъ преувеличеніемъ, какъ злостное покушеніе на дорогой всѣмъ „миръ“, тотъ миръ, которому, повидимому, суждено сдѣлаться если не дѣйствительностью, то религіей грядущей эпохи.

Покушеніе на религію въ періодъ ея зарожденія и расцвѣта, какъ извѣстно, всегда натывается на фанатическій отпоръ вѣрующей массы. Нужно, чтобы и въ данномъ вопросѣ пропаганда была доведена до созданія того-же фанатическаго настроенія.

Предлагаемая мѣра можетъ огорчить только тѣхъ, у которыхъ передъ очами „конфликты предвидимые и въ тайнѣ желанные“. ¹⁾

Еще недавно эти политическіе элементы въ рядахъ оппозиціи Венгерскаго парламента, той самой, которая участвовала уже въ вооруженныхъ Буда-Пештскихъ попыткахъ, при посредствѣ послушной ей части воинства, составленнаго по общей повинности, при голосованіи закона о созданіи постоянной арміи силою всего въ 35.000 человекъ горячо возстали противъ упраздненія любезной имъ системы прежняго призыва, столь чуткой къ партійнымъ лозунгамъ и пред-

¹⁾ J. Jaurès, „L'Armée Nouvelle“, 70.

пріятіямъ. Ссылалась, конечно, оппозиція не на это свойство прежняго войска. Она напирала лишь на то, что оборона противъ революціонныхъ попытокъ страны въ опасности. Однако, авторитетное заявленіе военнаго министра, указавшаго на полную невѣрность этихъ утвержденій, провело законъ.¹⁾

Въ данномъ случаѣ курьезъ тотъ, что о гражданскомъ мирѣ заботятся тѣ, кто готовы его нарушить при посредствѣ склоннаго къ политикѣ войска, набраннаго по общей повинности, и въ оппозиціи имъ оказываются военный спеціалисты, министръ, для котораго, очевидно, не были тайною особенности современнаго воинства. Это цѣнный образчикъ возможной оппозиціи предлагаемому сокращенію всеобщей воинской повинности. Въ немъ много лукавства и затаенныхъ намѣреній, но очень мало истины, а это, какъ извѣстно, слабый фундаментъ для зданія. Оно должно рухнуть.

И это разрушеніе должно начаться съ изученія политико-соціальной природы полчищъ, не забывая также и психологическихъ ихъ основъ.

Гораздо серьезнѣе будутъ возраженія военныхъ противниковъ предлагаемой реформы, и именно тѣ изъ нихъ, которые будутъ вращаться въ области военнаго искусства.

Если довѣріе къ „массѣ“ и къ „массовой арміи“, какъ къ политическому фактору, можно доказать и при мирной обстановкѣ настоящаго момента, то разрушить довѣріе къ той-же массѣ, какъ къ стратегическому и тактическому фактору, будетъ гораздо труднѣе въ мирное время, чѣмъ въ военное.

Какъ бы ни былъ доказателенъ и краснорѣчивъ, хотя бы и недавній боевой опытъ, всѣ построенные на немъ новые проекты для окончательнаго своего господства будутъ поджидать новаго боеваго экзамена. Съ другой стороны, ожидать послѣдняго, не приступая къ дѣлу осуществленія назрѣвшей уже военной реформы, было-бы актомъ того безумія или, вѣрнѣе говоря, недоумія, за которое приходится жестоко расплачиваться въ военное время. И, какъ кажется послѣднее соображеніе должно отбросить всѣ прочія. Воистину именно здѣсь, по выраженію Петра Великаго, „потери времени смерти подобна“.

Попробуемъ для ясности въ самыхъ краткихъ штрихахъ суммировать выводы изъ стратегіи, уже сдѣланные въ пользу сокращенія „массы“.

Въ сущности современная масса родилась изъ принципа лѣнливой стратегіи, отрѣшившейся, вольно или, скорѣе, невольно, отъ быстроты маршей и передвиженій. Поэтому старый Наполеоновскій (да и Наполеоновскій-ли?) принципъ — быть сильнѣе въ точкѣ своего удара, — она замѣнила другимъ, — быть сильнѣе вездѣ, гдѣ ударить противникъ.

¹⁾ „L'Orient“ (Bucarest), 16. XII. 1921, télégramme de Budapest de 12.XII

Отсюда мобилизація несметныхъ полчищъ, отсюда „позиція“, отсюда кордонъ „отъ моря и до моря“, отсюда милиціонированіе арміи, отсюда потеря ею маневренныхъ наклонностей и способностей, отсюда вынужденная пассивность операцій, отсюда длительность войны, отсюда моральная порча арміи и народной массы, отсюда лишенія свыше силъ челоуѣческихъ, отсюда революція.

Чтобы выйти изъ этого тупика, новѣйшій боевой опытъ даетъ два могучихъ фактора, одинъ пассивный и одинъ активный.

Пассивный географическій укрѣпленный районъ послужитъ удовлетворенію той выяснившейся особенности современнаго театра войны, которая знаменуется необходимостью прикрытія обширныхъ территорій съ относительно малыми живыми средствами.

Активный, автотранспортъ, поможетъ интенсифицировать или, еще лучшее слово, „гальенизировать“ движенія армій, чтобы такимъ способомъ изъ лѣнливой стратегію вновь сбѣлать быстрой. Здѣсь быстрота маршей должна обезпечить „массу“, но уже не вездѣ, а только въ точкѣ удара. При этихъ условіяхъ „полчищъ“, т. е., „массы“ вездѣ, уже не нужно. Таковъ приговоръ стратегіи.

Въ тактическомъ отношеніи перспективы тѣ-же.

Наступательный бой, атака, предшествуемая и сопровождаемая воздушнымъ нападеніемъ, какъ видно, будетъ вестись на огромныхъ дистанціяхъ съ отнесеніемъ главнаго дѣйствія на долю огневыхъ машинъ. „Массѣ“ будетъ здѣсь мало дѣла, совершенно также, какъ и въ морскомъ бою.

Въ оборонительно-позиціонномъ бою, который, какъ показалъ недавній опытъ, будетъ приводить къ бою грудь съ грудью, „масса“ по прежнему сохранить свое значеніе.

Пересѣченная и закрытая мѣстность приведутъ бой къ старымъ нормамъ, т. е. къ бою „массою“, открытая — къ бою огневому, т. е., безъ участія „массы“.

Маневренная война съ ея энергичными боями исключитъ „массу“, обратно сонная позиціонная война приведетъ къ ней.

Технически хорошо оборудованныя и обученныя войска исключать надобность „массы“, обратное положеніе вызоветъ ея необходимость.

Арміи, составленныя изъ интеллигентно высоко развитого народа, будутъ менѣе нуждаться въ „массѣ“, чѣмъ войска, собранныя въ странѣ съ низкою культурою жителей.

Армія, имѣющая богато-развитую систему кадровъ, будетъ менѣе зависѣть отъ „массы“, чѣмъ армія, не имѣющая такой системы.

Въ арміи, гдѣ командный составъ на высотѣ современной доктрины войны и боя, гдѣ поэтому ему обезпеченъ энергичный способъ веденія операцій, „масса“, не нужна,

такъ какъ она можетъ быть создана всегда въ точкѣ удара. Обратнo, въ арміи съ отсталымъ команднымъ составомъ вся надежда на „массу“: здѣсь царство „тактики солдатскаго горба“.

Въ общемъ въ культурной арміи и въ культурной странѣ, а слѣдовательно въ Европѣ, „масса“ въ тактическомъ отношеніи отжила свой вѣкъ.

Въ тѣхъ изъ приведенныхъ случаевъ, гдѣ все еще представляется нѣкоторое поле дѣятельности „массѣ“ можно отнести къ тѣмъ, которыя называются „катастрофою“, и въ этихъ случаяхъ, неминуемымъ образомъ выводящихъ воюющую сторону къ революціи, можно рекомендовать только ликвидировать войну скорѣйшимъ заключеніемъ мира какою угодно цѣною: здѣсь средства военной побѣды не у мѣста, такъ какъ не обѣщаютъ ничего хорошаго. Дѣйствительно, если минувшую Великую войну удалось, при ея затяжкѣ, окончить только съ частичной революціей, причемъ таковая грянула не только въ лагерѣ побѣжденныхъ, но и побѣдителей, то, съ увѣренностью можно предсказать, что будущая война при такой-же затяжкѣ, вызвавъ еще большее напряженіе всего хозяйственнаго организма воюющихъ странъ, окончится общою катастрофою обоихъ лагерей сплошь: внутренній переворотъ будетъ непременно общимъ.

Чтобы закончить о тактической эволюціи, вызванной войною, необходимо особо остановиться на слѣдующихъ вопросахъ:

1) наступленіе и оборона, 2) техника и масса и 3) профессиональность кадровъ.

Всѣ эти данныя, въ качествѣ исходныхъ, приобретаютъ въ наше время рѣшающее значеніе въ вопросѣ организациі современной арміи.

Жоресъ въ своей проповѣди милиціи, со свойственнымъ ему провидѣніемъ даже въ области, практически ему чуждой, каковой для него является военное, боевое дѣло, сообразилъ, что вмѣстѣ съ милиціонированіемъ армій придется отказаться и отъ наступленія въ стратегіи. Для него не составляло секрета даже уже въ 1907 году, когда вышла его книга, то, что было еще сокровеннымъ для наиболѣе выдающихся и талантливыхъ военныхъ авторитетовъ и изслѣдователей, главные изъ которыхъ въ послѣдствіи были и творцами побѣды на поляхъ сраженій, а именно, что, вмѣстѣ съ милиціей, умретъ и наступленіе и энергія активныхъ операций. Онъ уже тогда предвидѣлъ, и въ этомъ отношеніи онъ оказался пророкомъ, что будущая война, веденная милиціей или милиціонированной регулярной арміей, приобрететъ характеръ, чуждый тѣмъ энергичнымъ принципамъ Наполеонов-

ской стратегии и тактики, которыми бредили лучшие представители обеих воюющих лагерей перед войною и в началъ нея.

Лишь Китченеръ, этотъ фельдмаршалъ большаго количества колониальныхъ войнъ, составлялъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Но это исключеніе, какъ и всегда, лишь лучшее оттѣняло общее правило.

Предвидѣніе Жореса и привело его къ той замѣнѣ образцоваго мастера военнаго искусства (Тюреннъ, вмѣсто Наполеона), о которой было сказано выше. Жоресъ совершенно вѣрно предугадывалъ, что полчища современности не внушаютъ довѣрія въ отношеніи возможности быстраго наступленія. Цитируя слова маіора Росселя, онъ, поэтому, и спрашиваетъ: „Съ точки зрѣнія стратегии нынѣшняя армія, такая, каковую сфабриковали буржуазныя партіи, способна-ли къ наступленію?“¹⁾ И тотчасъ-же отвѣчаетъ: „Нѣтъ; высшее командованіе объ этомъ даже не догадывается“¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ слабую аргументацію Жореса въ пользу замѣны Наполеона Тюренномъ, можно-ли было въ 1907 г., т. е., за семь лѣтъ до Великой войны, съ большею точностью и съ большею рѣшительностью и рѣзкостью очертить стратегическое и тактическое безсиліе полчищъ?

Очевидно, Жоресъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, для которыхъ опытъ Русско-Японской войны прошель съ пользою.

Однако, средство для воскрешенія утерянныхъ способностей Жоресъ находитъ довольно оригинальное: усилить милиціонность арміи и взять за образецъ Тюренна, хотя послѣдній со своей оборонительной стратегіей и активной тактикой никогда не имѣлъ дѣла съ милиціей.

Очевидно, нужно найти иной исходъ, хотя и онъ долженъ достигаться черезъ реорганизацію арміи, но уже не въ Жоресовскомъ духѣ, а въ направленіи ему прямо противоположномъ: нужно сократить „массу“ и тогда, быть можетъ, будемъ въ состояніи воскресить и Тюренновское искусство.

Этому должны помочь „техника“ и „профессиональность кадровъ“, словомъ, „качество“, а не „количество“, „отборъ“, а „не толпа резервистовъ“.

На этомъ вопросѣ, какъ достаточно подробно разобранномъ въ специальныхъ главахъ, не стоитъ вновь останавливаться, но необходимо еще разъ подчеркнуть его капитальнѣйшую важность, прежде чѣмъ переходить къ проектированію возможной новой организаціи арміи.

Итакъ, пора сдѣлать общій выводъ: полчища къ внѣшней войнѣ малоспособны, превращая ее въ подготовку революціи, а къ гражданской — очень и очень пригодны, часто даже вызывая ее.

¹⁾ Jaurès. L'Armée Nouvelle. 116.

Пора избавиться от такой „охраны“ государства. Чтобы этого достичь пора также от академических постановлений разных конгрессовъ, имѣющихъ то или иное юридическое значеніе, перейти къ мѣрамъ военно-реорганизаціоннаго значенія. Только этотъ путь выведетъ на дорогу сокращенія расходовъ на оборону, и только онъ позволитъ создать дѣйствительную, а не гадательную, какъ теперь, защиту страны и власти.

Сразу, однимъ ударомъ, конечно, все исполнено быть не можетъ безъ риска нарушить въ корнѣ благополучіе обороны, но пути для этого должны быть намѣчены немедленно. Выйти на эти пути необходимо, не теряя времени. Они слѣдующіе.

Отдѣлить въ населеніи элементы, совершенно или почти совершенно не подлежащіе призыву въ ряды дѣйствующей на фронтѣ арміи. Сюда отойдутъ почти всѣ рабочіе, техники, инженеры, промышленники и даже часть сельскаго населенія, необходимые не только для поддержанія производства страны, но и для его трансформации и усиленія.

Увеличить до предѣла контингентъ добровольцевъ и волонтеровъ, т. е., тѣхъ людей, которые согласны сдѣлать изъ себя профессиональныхъ военныхъ, такъ какъ именно этотъ разрядъ населенія долженъ составлять ядро арміи.

Машинизировать всѣ рода оружія, согласно новѣйшимъ требованіямъ, до предѣла, въ особенности пѣхоту, на которую въ этомъ отношеніи обращено наименьшее вниманіе и которая, направленная по этому именно пути, должна сказать рѣшительное слово въ будущемъ военномъ искусствѣ. Сокращеніе арміи — это значитъ сокращеніе пѣхоты, а съ этимъ вмѣстѣ и необходимость новыхъ методовъ войны.

Приступить къ немедленному созданію „укрѣпленныхъ географическихъ раіоновъ“, долженствующихъ сократить до минимума длину фронтовъ, подлежащихъ активной оборонѣ,— этимъ упростить защиту государства и дать возможность уменьшить жиую для нея силу армію.

Въ соотвѣтствіи съ развитіемъ перечисленныхъ выше мѣръ теперь же намѣтить планъ постепеннаго измѣненія „всеобщей“ воинской повинности въ повинность иного, не всеобщаго, а спеціальнаго характера, которую лучше всего слѣдовало бы назвать— „Всеобщую повинностью для обороны государства“.

Въ этомъ законѣ все относящееся до контингентовъ, подлежащихъ призыву (непоголовному) непосредственно въ ряды арміи для службы въ нихъ, составить только сравнительно небольшую и простѣйшую часть. Болѣе сложнымъ и обширнымъ будетъ, конечно, отдѣлъ этого закона, касающійся мобилизаціи промышленности и прочаго производства страны, а также отдѣлы о путяхъ и средствахъ передвиженія.

Всѣмъ этимъ мѣрамъ, для того, чтобы получить жизнь, въ нашъ демократическій вѣкъ господства общественнаго мнѣнія, нужна, конечно, пропаганда въ повременной печати и въ наукѣ, военной и государственныхъ знаній, словомъ, необходима проповѣдь новой военной доктрины.

Что касается вопроса разоруженія, то въ этомъ вопросѣ самое трудное—контроль. Сдается, что въ нашъ вѣкъ открытыхъ парламентскихъ кредитовъ и сплетенія взаимныхъ финансовыхъ между народами отношений, вызывающихъ опять-таки извѣстную гласность оборотовъ междунаго капитала, и военный бюджетъ можетъ быть легко контролированъ міровою биржею.

Терминъ „биржа“ употребленъ здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ міроваго экономического кругооборота, основаннаго на взаимной экономической зависимости народовъ между собою. Какъ извѣстно эта зависимость идетъ все болѣе и болѣе возрастая. Справедливо въ ней видятъ могучій рычагъ для водворенія всеобщаго мира. Пора отбросить легенду о воинственности междунаго капитала, являющуюся удачно придуманнымъ возбуждающимъ средствомъ для пролетарскихъ массъ. Какъ извѣстно, послѣднія, чтобы противостоятъ такой мнимой воинственности, готовы примѣнить всеобщую забастовку въ день объявленія внѣшней войны, не сознавая, что это не способъ водворенія мира, а лишь средство возбужденія внутренней войны, что, впрочемъ, и требуется для руководителей пролетарскаго движенія. Въ сущности оба способа возжиганія войны, капиталистическій и пролетарскій, похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Въ обоихъ случаяхъ оба эти способа безсознательно для массъ являлись силою въ рукахъ руководителей, въ одномъ случаѣ авантюристической политической власти страны, въ другомъ не менѣе авантюристическихъ партійныхъ руководителей. И результаты въ обоихъ случаяхъ также одинаковые: разочарованіе въ войнѣ, все равно внѣшней или внутренней, какъ въ средствѣ для достиженія цѣли. Это средство въ наши дни ведетъ къ выигрышу почти всегда для третьихъ, если такъ можно выразиться въ политикѣ, юридическихъ лицъ, не истомленныхъ вооруженною борьбою.

Если пролетаріи предлагаютъ для предотвращенія войны военное-же средство (забастовка и рискъ гражданской бойни), то капиталъ владѣетъ болѣе утонченнымъ, культурнымъ орудіемъ для этого — это биржей въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ употреблено это выраженіе выше.

Иллюзія, требовавшая расширенія рынковъ при посредствѣ предварительной работы оружія, можетъ считаться разсѣянной послѣ минувшей Великой войны. Для всякаго ясно, что германскій рынокъ, какъ и германская колониза-

ція були на болѣе вѣрномъ пути къ своему расширенію безъ войны. Не менѣе ясно также, что и британскій рынокъ, не взирая на побѣду своей арміи, былъ въ лучшемъ положеніи до войны, чѣмъ нынѣ, когда онъ переживаетъ катастрофическій періодъ своего существованія и когда самое бытіе его поставлено на карту.

Вотъ почему круговой коммерческой оборотъ всего міра является въ наше время лучшей гарантіей противъ всякой войны, какъ внѣшней, какъ и внутренней. Этотъ кругооборотъ для своего существованія требуетъ широкой гласности экономической политики въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. И чѣмъ шире оборотъ, чѣмъ крупнѣе держава, его ведущая, тѣмъ шире будетъ и эта гласность, такъ какъ на ней основанъ весь кредитъ, а безъ кредита не можетъ существовать обширной торговли. Въ сферу этой гласности попадутъ не только бюджеты, но и всѣ мѣропріятія финансово-экономической политики, какъ въ отношеніи программъ, такъ и въ отношеніи проведенія ихъ въ жизнь. Ни одинъ пунктъ этихъ программъ не можетъ быть тайною на мировой биржѣ и не будетъ тайною. Слѣдовательно, не будетъ секретомъ и размѣры и характеръ военного бюджета, по которому можно безошибочно судить о типѣ усвоенной данною страной формъ вооруженной силы, а слѣдовательно и о ея назначеніи. Характеръ вооруженной силы лучшей показатель ея цѣлей. Въ случаѣ ихъ подозрительности въ отношеніи излишней воинственности отказъ кредитовъ изнутри и, безъ чего не обходится ни одна программа напряженныхъ вооруженій, извнѣ, лучшей способъ предотвращенія войны внѣшней. Чтобы предотвратить войну внутреннюю лучше средство сокращеніе количества военно-обученныхъ, т. е., упраздненіе всеобщей воинской повинности.

Говоря про средніе вѣка, про эпоху, когда всякій былъ вооруженъ для защиты себя и своихъ правъ, Маколей, между прочимъ, указывалъ свѣше $\frac{3}{4}$ вѣка тому назадъ, что вслѣдствіе именно этого, а также отсутствія регулярнаго войска, популярный вождь всегда могъ собрать милиціонную вооруженную силу въ теченіе одного дня и зажечь гражданскую войну.¹⁾

Въ наши дни положеніе, если не вполне такое, то начинается приближаться къ этому. Регулярные элементы тонуть среди нерегулярныхъ. Регулярная сила все болѣе и болѣе отмираетъ, въ то время какъ „всякій человекъ знаетъ немного ремесло солдата, но почти никто не знаетъ его вполне“¹⁾). Необходимо и пора начать работать для созданія обратнаго положенія.

Таковы пути для постепеннаго сокращенія вооруженій и численности армій, указываемые на этотъ разъ уже не

¹⁾ Macaulay, „Histoire d'Angleterre depuis l'avènement de Jacques II“ traduction par Emile Montégut, T. I., стр 40.

ничего не обеспечивающими юридическими и политическими нормами, притомъ ни для кого не обязательными, а нерушимыми нормами военными, диктуемыми состояніемъ современной эволюціи военного искусства и связанной въ нею военной организаціей.

Здѣсь дѣло обстоитъ тѣмъ болѣе просто, что не пойти по этому пути, — это значить сттаться отъ вѣка. Армія такого государства будетъ числительно огромная, расходы соотвѣтственные, а оборона не обеспечена. Полчища здѣсь будутъ, но обороны не будетъ. Будутъ тѣ полчища, которыя сами по себѣ, въ силу своей внутренней организаціи, представляютъ страшнѣйшую внутреннюю угрозу своей собственной странѣ и тому ея миру, ради достиженія котораго, какъ прекраснѣйшаго завѣта Великой войны и ея павшихъ героевъ, нельзя щадить никакихъ силъ.

ГЛАВА XII.

Новая армія.

До той поры, пока не будетъ упразднена „всеобщая воинская повинность“, нельзя и думать о достиженіи двухъ цѣлей:

- 1) сокращеніи вооруженій и
- 2) веденіи войны съ необходимою энергіей и быстротою.

Объ эти цѣли, не взирая на ихъ кажущуюся противоположность, однако преслѣдуютъ тотъ-же идеаль: сокращеніе страданій человѣчества отъ войны.

Такъ какъ на свѣтъ ничего не дѣлается сразу, то и не можетъ быть исполнено однимъ приемомъ и желанное упраздненіе. Придется намѣтить тотъ промежуточный этапъ военной организаціи, который двинетъ ее по указанному пути. Разъ направленная по этой дорогѣ эта реформа уже не остановится на перепутьи. Ручательствомъ тому весь новѣйшій боевой и социальный опытъ.

Дѣйствительно, глупо толковать о разоруженіи, когда на свѣтъ существуетъ система „вооруженнаго народа“, который во всякій данный моментъ, часто даже противъ своей воли, можетъ быть поставленъ поголовно въ ружье не только правительственной властью любого государства, желающаго навязать свою волю другимъ народамъ при посредствѣ меча, но даже и воинственной партіей, въ борьбѣ ищущей право свое, причемъ эта борьба понимается въ видѣ физическаго воздѣйствія и насилія. Надо отнять эту возможность.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что только, идя по этому пути, можно достигъ и третьей важной цѣли:

- 3) упрочненія государственной обороны.

Сила послѣдней не въ „массѣ“, а въ техникѣ и въ „отборѣ“. Таковъ приговоръ войны, который краснорѣчивѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о бѣдствіяхъ и о безтолочи, которыя влекли за собою „массы“ въ качествѣ орудія войны.

Что-же касается первой, важнѣйшей, цѣли, т. е., сокращенія вооруженій, то по странному утвердившемуся недоразумѣнію считается, что единственнымъ путемъ для этого служитъ введеніе милиціи, т. е. всеобщая воинская повинность, доведенная до предѣла. Этотъ путь вѣрнѣе было-бы назвать путемъ „поголовнаго“ вооруженія. Этотъ путь выводитъ въ

ту область государственныхъ и социальныхъ отношеній, гдѣ психологическое насиліе дается въ руки каждому, кто желаетъ этимъ воспользоваться. Соблазнъ слишкомъ великъ, чтобы не нашлось охотниковъ.

Мало того, все военное искусство подѣ влияніемъ, „массовыхъ представленій“ свелось къ подсчету количества солдатъ подѣ ружьемъ. Разъ это количество имѣется въ рукахъ у честолюбца, возглавляющаго народную массу, національнаго или партійнаго типа, ему естественно хочется использовать непреложный доводъ физическаго воздѣйствія. Мы это видѣли передъ началомъ Великой войны въ Германіи, мы это видимъ теперь въ Россіи. Въ первомъ случаѣ въ игрѣ участвовали національные идеалы, во второмъ — классовые.

Отсюда ясно, что аппаратъ вооруженной массы косвенно вызываетъ войну. Чѣмъ-же, какъ не недоразумѣніемъ, можно объяснить наивное желаніе предупредить ее въ будущемъ поголовною постановкою въ ружье всего народа при посредствѣ милиціи? Миролюбіе швейцарской милиціи, непрерываемаго образца для идеалистовъ подобнаго сорта, объясняется не ея природою, а особенностями маленькаго швейцарскаго государства, не знающаго внѣшней войны. Но и здѣсь въ случаѣ „конфликтовъ ожидаемыхъ и въ тайнѣ желаемыхъ“, милиція будетъ первою угрозою внутреннему миру, такъ какъ частью будетъ служить партіи.

Въ заключеніе не вредно вновь подчеркнуть, что именно милиція облегчаетъ завязку и развитіе гражданской войны, и любовь къ ней представителей боевыхъ политическихъ партій должна быть объяснена именно этимъ.

Самые послѣдовательные и горячіе сторонники идеи вооруженнаго народа сейчасъ Ленинъ и Троцкій. Ихъ противники не побѣдятъ ихъ простымъ подражаніемъ: они будутъ въ хвостѣ своихъ болѣе предприимчивыхъ въ этомъ отношеніи враговъ.

Тутъ нужны методы иные, чѣмъ подражаніе созиданію у себя массы подѣ ружьемъ. Необходимо смѣло двинуться по тому пути, гдѣ на верстовыхъ столбахъ написано — „качество“ и „техника“. Къ тому-же этотъ именно путь заказанъ Ленинымъ и Троцкимъ, а, если они рѣшатся все-же по нему двинуться, они будутъ не только въ хвостѣ своихъ противниковъ, но и рискуютъ гоняться за неосуществимымъ для нихъ идеаломъ.

Нужно помнить, что на поляхъ Каталаунскихъ, на берегахъ много разъ исторической Марны массы Атиллы были побѣждены не массою Аэція, а „качествомъ“ его римской арміи и „техникою“ римскаго искусства.

Переходя къ проекту организаціи новой арміи, необходимо предупредить, что онъ не можетъ носить характера перечня полковъ и батальоновъ. Не относясь ни къ какому государству въ отдѣльности, онъ будетъ только систематическою сводкою „принциповъ“ и болѣе или менѣе детальныя „нормы“ безъ точныхъ цифровыхъ подсчетовъ и итоговъ. При этомъ могутъ быть допущены и использованы лишь отдѣльныя цифровыя иллюстраціи, взятая изъ практики той или иной страны и имѣющія общую для всѣхъ прочихъ наглядную поучительность.

Прежде всего необходимо установить „времена и сроки“. Къ осуществленію намѣчаемой реформы вооруженныхъ силъ нельзя и думать приступать безъ соотвѣтствующей предварительной инженерной подготовки границы. Эта работа должна быть исполнена согласно тѣмъ общимъ основаніямъ, которыя выведены выше для устройства „географическихъ укрѣпленныхъ раіоновъ“, причемъ сооруженіе ихъ должно быть градуировано съ такимъ расчетомъ, чтобы въ первую голову было приступлено къ подготовкѣ на мѣстахъ всего необходимаго для того, чтобы имѣть возможность въ кратчайшій срокъ въ случаѣ опасности возвести укрѣпленія полевого типа усиленнаго образца, извѣстнаго по опыту войны. Уже и такая полевая подготовка будетъ представлять собою, какъ это извѣстно изъ недавняго боеваго прошлаго, грозную силу сопротивленія, увеличивающую въ нѣсколько разъ оборонительныя способности арміи и, слѣдовательно, уже допускающую нѣкоторое сокращеніе численности послѣдней безъ ущерба для безопасности государства.

Съ теченіемъ времени эти фортификаціонныя приготовленія должны быть развиваемы съ такою интенсивностью, чтобы по возможности скорѣе придать географическимъ укрѣпленнымъ раіонамъ характеръ, вполне отвѣчающій требованіямъ послѣдняго слова инженерной техники. Въ этомъ-же состояніи раіоны должны поддерживаться постоянно, такъ какъ устарѣніе укрѣпленій будетъ равняться упраздненію самихъ раіоновъ, а вмѣстѣ съ ними, и всей предлагаемой новой системы арміи.

Вмѣстѣ съ развитіемъ собственно фортификаціонныхъ сооруженій должны развиваться также и тѣ пути, которые могутъ обезпечить своевременность и достаточность сосредоточенія живой силы гарнизоновъ укрѣпленныхъ раіоновъ.

Что-же касается послѣднихъ, то они, т. е., эти гарнизоны, будутъ слѣдовать обратной эволюціи: съ развитіемъ силы укрѣпленій сила гарнизоновъ будетъ уменьшаться или вѣрнѣе говоря, не сила, а ихъ численность. И это одинъ изъ важнѣйшихъ путей сокращенія „массы“ современныхъ полчищъ.

Въ географическихъ укрѣпленныхъ районахъ можетъ доживать свѣй вѣкъ современная полу-милиціонная армія, обращающаяся въ чистую милицію съ началомъ войны. Здѣсь не требуется войскъ высокаго качества. Но и здѣсь по мѣрѣ усовершенствованія машинной, фортификаціонной, артиллерійской, авіаціонной и промышленной подготовки районовъ войска ихъ гарнизоновъ начнутъ продѣлывать свою качественную эволюцію въ сторону профессиональности, начиная сначала съ обязанностей, особо отвѣтственныхъ и постепенно переходя и къ менѣе отвѣтственнымъ. По мѣрѣ такой эволюціи милиція, оставаясь на учетѣ военной власти, все болѣе, и болѣе будетъ пріобрѣтать характеръ глубокаго „государственного резерва“ даннаго района и всей вообще дѣйствующей арміи. Послѣдующее развитіе военного искусства, которое можетъ быть установлено только новымъ боевымъ опытомъ и которое нынѣ можетъ только предугадываться съ болѣе или менѣе отдаленною точностью, укажетъ, понадобятся-ли на самомъ дѣлѣ эти государственные резервы или не понадобятся. Много, очень много вѣроятій, что не понадобятся уже никогда въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это пришлось наблюдать во время только что минувшей войны.

Безусловно они будутъ необходимы только въ двухъ случаяхъ; а именно, — если война приметъ затяжной характеръ изъ-за неумѣнія придать первымъ сраженіямъ рѣшающій характеръ и, если возникнетъ гражданская война, что почти неизбежно въ случаѣ затяжки кампаніи.

Оба эти исхода, хотя и „предвидимы“, но настолько явно нежелательны“, что въ случаѣ, если они будутъ представляться неизбежными, проще возможно скорѣе и какою угодно цѣною заключить миръ. Съ увѣренностью можно сказать, что онъ обойдется во всякомъ случаѣ дешевле военныхъ, гражданскихъ и экономическихъ послѣдствій затяжки.

Возьмемъ примѣръ. Послѣ первой Марны для Германіи было выгоднѣе заключить миръ цѣною уступки Эльзаса и Лотарингіи, чѣмъ придти къ миру четыре года спустя потерю всѣхъ колоній, всѣхъ польскихъ земель, флота, цѣною революціи и общаго раззоренія, а для императора — цѣною утраты короны.

По истеченіи переходнаго періода новая армія государства должна быть образована, исходя ихъ трехъ, выясненныхъ прошлою войною принциповъ:

- 1) строго необходимое количество людей на фронтѣ,
- 2) достаточное количество рабочихъ рукъ въ тылу и
- 3) широчайшее развитіе машинности и на фронтѣ, и въ тылу.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ новая армія должна подраздѣляться на слѣдующія главные составныя части:

- 1) Дѣйствующая армія,
- 2) Рабочая армія и
- 3) Внутренняя армія,
- 4) Резервная армія.

Первая изъ нихъ предназначается для веденія операцій, вторая — для поддержанія производства страны, третья — для охраны внутренняго въ ней порядка, четвертая — для пополненія всякаго вида и назначенія.

Въ свою очередь Дѣйствующая армія должна подраздѣляться, въ зависимости отъ свойства операцій и отъ качества входящихъ въ ихъ составъ контингентовъ, на маневренную (Полевую) и Крѣпостную. Первая изъ нихъ (Полевая), какъ о томъ свидѣтельствуетъ и ея названіе, предназначается для веденія активныхъ военныхъ дѣйствій съ перваго-же дня войны. Вторая, т. е., Крѣпостная, — для операцій пассивныхъ.

Резервная армія получаетъ первенствующее значеніе только въ случаѣ затяжки войны, когда „масса“ получаетъ рѣшающее значеніе.

Такая система обезпечиваетъ „качество“ на всѣхъ ступеняхъ военной организаціи.

Но этими мѣрами отнюдь нельзя ограничиваться, преслѣдуя все ту-же цѣль — „качество“. „Отборъ“ проведенный послѣдовательно логически долженъ привести и къ рѣшенію вопроса объ „отборныхъ войскахъ“, какъ специальныхъ частяхъ, особо пропитанныхъ традиціями, составляющихъ „моральный резервъ“ всей арміи.

Всякая изъ существующихъ современныхъ армій, достойная этого имени, имѣетъ въ своихъ рядахъ нѣкоторое количество частей, проникнутыхъ особымъ духомъ самоуваженія, основаннаго на выдающемся историческомъ прошломъ этихъ воинскихъ соединеній. Эти части, сведенныя вмѣстѣ въ одну организаціонную единицу, корпусъ, армію, отрядъ, должны служить гарантіей преемственности тѣхъ невѣсомыхъ традицій, которыя составляютъ фундаментъ всякой арміи. Все равно, какъ будетъ называться этотъ „этический резервъ“ арміи, гвардія, отборный легіонъ, особый корпусъ, важно одно, чтобы онъ существовалъ въ общемъ организмѣ арміи въ качествѣ историческаго, моральнаго, этическаго и традиціоннаго резерва всего армейскаго механизма. Онъ во всякомъ случаѣ не долженъ быть разсадникомъ для привилегій, но источникомъ особо высокихъ понятій о воинскомъ долгѣ и его выраженіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ эти отборныя войска должны состояться по преимуществу изъ професіоналовъ и служить какъ-бы практическою школою, разсадникомъ для кадровъ прочихъ частей арміи. Совершенно такъ, какъ въ каждой отдѣльной воинской части ея кадръ является основою ея самой во всѣхъ отношеніяхъ, такъ долженъ существовать такой-же кадръ и для всей арміи, и этимъ кадромъ будетъ корпусъ отборныхъ войскъ.

Сверхъ этого корпуса долженъ быть образованъ особый отборный учебный корпусъ, составленный изъ частей всѣхъ родовъ службъ и предназначенный для постоянного технического усовершенствованія ихъ. Сюда войдутъ учебныя унтеръ-офицерскія части, офицерскія школы всѣхъ видовъ и наименованій съ состоящими при нихъ воинскими частями, испытательные полигоны и пр. Этотъ корпусъ долженъ фактически и на практикѣ обезпечивать: 1) совершенство войсковой техники и 2) единство практической доктрины и общность усилій въ этомъ отношеніи.

Новая организація войскъ должна предусматривать необходимость развитія техники внутри самихъ войсковыхъ соединеній, но, конечно, здѣсь техника никогда не сможетъ достичь того напряженія и того предѣла, какъ въ указанномъ „Образцовомъ Техническомъ Корпусѣ“.

Этотъ корпусъ долженъ давать войскамъ спеціалистовъ-техниковъ по всѣмъ отдѣламъ практики, независимо отъ тѣхъ, которые войдутъ въ ряды войскъ изъ промышленности. Люди, данные корпусомъ, будутъ, что очень цѣнно, чужды всякой партійной подготовкѣ и обработкѣ.

Основа государственной обороны, само собою, Дѣйствующая армія и, въ особенности, активная ея часть — Полевая армія.

Для того, чтобы опредѣлить размѣры послѣдней, нужно, конечно, взвесить всѣ обстоятельства стратегической обстановки возможной къ началу войны, а также и принять въ расчетъ могущество слоя соответствующаго людскаго матеріала. Когда такимъ способомъ будутъ выяснены направленіе удара, длина фронта разворачиванія и размѣры ожидаемаго сопротивленія со стороны противника, можно произвести необходимый цифровой подсчетъ потребныхъ силъ, основываясь на нормѣ разворачиванія, установленной продолжительнымъ опытомъ войны и обычно вычисляемой для дивизіи. Исходя изъ нея уже не трудно, хотя-бы въ грубомъ приближеніи, здѣсь совершенно достаточно, установить необходимое для операцій число дивизій, корпусовъ и армій нормальнаго состава.

Эта норма была слѣдующая: для упорной позиціонной атаки — около 2 километровъ на дивизію¹⁾, для отраженія такой атаки около 4 километровъ на дивизію¹⁾ и для свободнаго полевого боя, такого типа какъ первая Марна, — 5 километровъ на дивизію²⁾.

---

¹⁾ Com-t Bouvard, préface du Maréchal Pétain, „Les Leçons Militaires de la Guerre“, 241.

²⁾ Maréchale Joffre — La Préparation de la Guerre.
Louis Madelin. „La victoire de la Marne“.

Приложимъ эти нормы къ тому примѣру французской границы, который уже былъ приведенъ въ главѣ 5-й и который очень удобенъ вслѣдствіе простоты обстановки.

Какъ сказано, открытый фронтъ французской границы, послѣ сооружеія Бельгійскаго и Французскаго укрѣпленныхъ раіоновъ, на участкѣ вдоль Бельгійскаго Люксембурга и Люксембурга вплоть до раіона Бріе исключительно, равняется всего 150 километрамъ. Слѣдовательно, основываясь на послѣдней нормѣ для маневреннаго боя (5 км.), на этотъ фронтъ въ первую линію придется бросить 30 дивизій, т. е., 10 трехдивизионныхъ корпусовъ или двѣ арміи изъ 5 корпусовъ каждая.

Сравненіе съ прошлымъ опытомъ Великой войны, когда тотъ-же участокъ фронта, согласно первоначальному плану французскаго наступленія, служилъ исходнымъ для главной атаки французовъ, приводитъ къ интереснымъ заключеніямъ:

На этомъ фронтѣ въ первые дни августа 1914 г. была развернута 3-я французская армія изъ 3 корпусовъ, 3 резервныхъ дивизій и 1 кавалерійской дивизіи, имѣя за собой 4-ю армію изъ 3 корпусовъ и 1 кавалерійской дивизіи, При этомъ правый флангъ этого боевого порядка протягивался къ югу вплоть до раіона Туля, т. е., общій фронтъ былъ длиннѣе проектируемаго здѣсь километровъ на 50. Правда, на 3-ю армію не возлагалась главная атака, которую должна была повести находящаяся южнѣе 2-я армія, но по существу, въ рамкахъ изучаемаго разворачиванія, какъ техническаго пріема, это мѣняетъ немногое, и примѣръ 3-й и 4-й армій для насъ годится. Въдь на практикѣ никто не предскажетъ, гдѣ въ дѣйствительности разыграется главный ударъ? Такъ часто главный превращается во второстепенный и обратно. Для насъ важно установить, что намѣченный первоначальный планъ большаго пограничнаго сраженія увлекалъ въ атаку три арміи 2-ю, 3-ю и 4-ю, причемъ первая ихъ нихъ дебушировала изъ раіона крѣпостнаго фронта Туль-Эпиналь, а двѣ послѣднія дѣйствовали въ открытомъ промежуткѣ Верденъ—Бельгійская граница, интересномъ для цѣлей нашихъ расчетовъ.

Въ дѣйствительности произведенное разворачиваніе 3-й и 4-й армій по сравненію съ проектируемымъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) 15 пѣхотныхъ дивизій разворачиванія первыхъ чиселъ августа мѣсяца 1914 года соотвѣтствуетъ 30 пѣхотнымъ дивизіямъ проекта,

2) при этомъ на фронтѣ нынѣ на 50 километровъ короче,

3) почему новая организація атаки можетъ считаться болѣе, чѣмъ вдвое могущественнѣе.

И къ подобному выводу мы приходимъ вслѣдствіе расчетовъ во имя общаго сокращенія числительности вооруженныхъ силъ страны!

Но это усиленіе атаки на важнѣйшемъ активномъ фронтѣ и еще возрастетъ, причеиъ это возрастаніе очень трудно выразить цифровыми коэффиціентами, если принять въ расчетъ, что сосредоточеніе указанныхъ двухъ армій должно дополняться работою воздушной арміи, нахожденіемъ въ резервѣ ихъ конной арміи для эксплуатаціи атаки, а также усиленіемъ внутренней организаціи войскъ путемъ машинности.

Указанная организація Полевыхъ армій (2 арміи по 5 трехдивизионныхъ корпусовъ) можетъ быть по желанію видоизмѣнена и такъ: 3 арміи по 5 двухдивизионныхъ корпусовъ. Избрать одну изъ этихъ организацій можно только взвѣсивши всѣ данныя стратегической обстановки и связаннаго съ нею удобства оперативнаго управленія.

Подобная армія и должна составлять ядро вооруженной силы страны, отличаясь отъ прочихъ составныхъ частей той-же силы своей болѣе прочной внутренней организаціей.

Арміей второго разряда по качеству будетъ въ такомъ случаѣ та, которая предназначена для гарнизоновъ географическихъ укрѣпленныхъ раіоновъ. Ее для краткости можно назвать Крѣпостною. Эта армія можетъ имѣть кадры и количественно и качественно слабѣйшія, чѣмъ арміи Маневренная и Полевая.

Чтобы не обсуждать ея устройство голословно, обратимся къ прикладному методу и къ нашему примѣру французской границы.

Въ августѣ 1914 г. на томъ фронтѣ, который намѣчается здѣсь для устройства французскаго укрѣпленнаго раіона, т. е. на участкѣ Бельфоръ-Верденъ дѣйствовало двѣ арміи, 1-я и 2-я, въ составѣ 20 пѣхотныхъ, 5 резервныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій и, сверхъ того, 1-я группа резервныхъ дивизій (3 див.?) близъ самой швейцарской границы. Ко времени сраженія на Марнѣ эти силы были убавлены отправленіемъ 17 корпуса изъ 2-й арміи въ 3-ю. Въ итогѣ указанный раіонъ крѣпостей оборонялся и, притомъ, весьма активно и съ полнымъ успѣхомъ — 26 пѣхотными и резервными дивизіями и 4 кавалерійскими.

И это было при отсутствіи укрѣпленнаго раіона современнаго типа!

Думается, что при его наличіи понадобятся силы еще меньшія, не взирая на то, что нынѣ съ измѣненіемъ границы и съ образованіемъ исходящаго угла у Лаутербурга и Гагенау, раіонъ пріобрѣлъ большую обширность. Будь такой раіонъ въ 1914 г., вѣроятно, какъ это и указывалось въ 8-й

главъ, можно было-бы для сраженія на Марнѣ взять отсюда еще одну армію и направить ее для усиленія рѣшительнаго удара группы VI-й, V-й и Британской арміи на р. Уркъ и на р. Марнѣ.

Фактическое разворачиваніе, осуществленное въ 1914 г. въ районѣ крѣпостей Бельфоръ-Верденъ (исключительно) выражалось, примѣрно, цифрою 10 километровъ на пѣхотную дивизию. Думается, что послѣ возведенія укрѣпленнаго района эта норма могла быть и еще увеличена. Увеличится она также и послѣ такой реорганизациі войскъ Крѣпостной арміи, которая является необходимой подъ влияніемъ особенностей стратегическихъ и тактическихъ задачъ, которыя представляются этимъ войскамъ спеціального назначенія.

Во всякомъ случаѣ именно Крѣпостная армія должна дать главную часть той экономіи живой силы страны, ради которой развивается весь предлагаемый проектъ. Для того, чтобы здѣсь отъ общихъ соображеній перейти къ цифрамъ, необходимо было-бы предварительно въ подробностяхъ изучить военно-статистическое описаніе района мѣстности, охваченнаго даннымъ географическимъ укрѣпленнымъ райономъ. Для каждаго ясно, что характеръ именно мѣстности опредѣляетъ ту или иную форму, ту или иную напряженность силы, потребной для обороны этого участка.

Организациа Крѣпостной арміи должна соответствовать именно этому главному требованію. Здѣсь войска будутъ имѣть дѣло не со свободнымъ маневромъ, какъ въ Полевой арміи, а въ силу природы предстоящихъ передъ ними задачъ, во всѣхъ своихъ операціяхъ должны считаться съ задачами ограниченными въ пространствѣ и опредѣленными характеромъ мѣстности.

Поэтому примѣненіе къ Крѣпостной арміи обычной полевой организациі нельзя считать соответственнымъ. Она, хотя и можетъ быть примѣнена къ позиціонной борьбѣ, но не можетъ при этомъ дать необходимой экономіи живой силы, ради чего затѣвается и вся реформа. Дѣйствительно, многого въ полевой организациі войскъ не будетъ хватать для борьбы позиціонной: артиллеріи будетъ мало; не будетъ въ наличности той тяжелой, которая нужна будетъ для позиціи и не въ той пропорціи, а въ гораздо болѣе значительной, чѣмъ въ полевой борьбѣ; не будетъ огромнаго траншейнаго инженернаго снабженія; пѣхоты будетъ слишкомъ много, а пулеметовъ слишкомъ мало; минометовъ и бомбометовъ не будетъ совсѣмъ и т. д.

Нужно такъ подогнать организацию Крѣпостной арміи, чтобы все въ ней было на лицо въ строгомъ соответствіи математическому правилу—„необходимо и достаточно“. Все-го, людей и машинъ, должно быть дано не болѣе и не ме-

нѣе, чѣмъ это требуется обстановкою даннаго участка позиціи. Вотъ почему войсковыя части Крѣпостной арміи будутъ по необходимости имѣть разнообразную внутреннюю организацію. Впрочемъ въ этомъ не будетъ ничего новаго, такъ какъ и нынѣ гарнизоны крѣпостей составлены также по этому-же принципу.

Въ сущности тактической единицей въ Крѣпостной арміи и долженъ стать „секторъ“, а такъ какъ одинъ секторъ никогда не бываетъ похожъ на другой, то и организація его гарнизона будетъ у каждаго сектора своеобразной.

Во всякомъ случаѣ дивизионная организація найдетъ себѣ примѣненіе въ укрѣпленныхъ районахъ только, какъ исключеніе, объ одномъ изъ которыхъ будетъ упомянуто ниже; главный-же типъ подраздѣленія крѣпостныхъ войскъ составить бригада изъ крайне разнообразнаго количества отдѣльныхъ баталіоновъ¹⁾. Въ одномъ случаѣ это будетъ бригада изъ трехъ-четырехъ пѣхотныхъ баталіоновъ съ соотвѣтствующей артиллеріей, сведенной въ одинъ или даже два полка; въ другомъ—два баталіона пѣхоты съ полкомъ артиллеріи; иногда даже въ такую бригаду пѣхота войдетъ въ видѣ сильнаго соединенія свыше нормы четыре и пр. Тотъ или иной составъ бригады будетъ опредѣляться исключительно тактическими свойствами того или иного сектора. Не исключается даже случай соединенія въ одну бригаду войскъ сухопутныхъ и единицъ морскихъ, что можетъ имѣть мѣсто въ секторахъ приморскихъ или прирѣчныхъ и пріозерныхъ.

Роды войскъ, входящихъ въ составъ такихъ крѣпостныхъ бригадъ также могутъ рѣзко взаимно отличаться: въ одной бригадѣ пѣхота будетъ линейная, въ другихъ горная; артиллерія однѣхъ будетъ съ преобладаніемъ большого калибра, тогда какъ въ другихъ она будетъ полевая легкая или горная и пр.

При склонности вообще современной военной организаціи въ сторону развитія всевозможныхъ техническихъ командъ и техническихъ снабженій особенно этимъ будутъ отличаться крѣпостныя войска. Всякое послѣднее слово техники должно найти въ нихъ немедленный откликъ и примѣненіе.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ ихъ рядахъ должны получить широкое примѣненіе всякія техническія свѣдѣнія и должна высоко цѣниться спеціально-техническая подготовка.

Въ интересахъ прочности войсковой организаціи всѣ эти техники должны быть профессиональными военными. Это тѣмъ болѣе важно, что современная война, требуя невѣро-

¹⁾ Отдѣльные баталіоны, а не полки здѣсь избраны по двумъ причинамъ: 1) длина фронта обороны потребуетъ фактической самостоятельности баталіонныхъ участковъ и стѣлветъ фиктивной роль к-ра полка и 2) желаніе вообще сократить силу гарнизонныхъ частей.

ятнаго напряженія производства тыла, не будетъ въ состояніи отдѣлать для войскъ необходимое имъ количество техниковъ изъ числа рабочихъ, инженеровъ и прочихъ специалистовъ.

Эти военные техники и составятъ наиболѣе цѣнную часть кадровъ крѣпостныхъ войскъ, сильныхъ не количествомъ людей, а качествомъ ихъ.

Для высшаго управленія бригады крѣпостныхъ войскъ должны быть сводимы въ корпуса тоже крайне разнообразнаго состава: въ одномъ корпусѣ будетъ всего двѣ бригады, въ другомъ ихъ можетъ быть пять. И здѣсь элементъ мѣстности секторовъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ организаціи крѣпостныхъ войскъ, долженъ получить рѣшающее значеніе. Меньшее количество бригадъ въ корпусѣ будетъ отвѣчать случаю болѣе отвѣтственного участка и потому болѣе сильнаго состава самихъ бригадъ, его обороняющихъ. Большее количество ихъ будетъ въ корпусѣ изъ болѣе слабыхъ числительно бригадъ и, слѣдовательно, на менѣе важномъ секторѣ.

Сверхъ того, составъ корпуса будетъ зависѣть также и отъ требованія, основаннаго на необходимости, чтобы корпусъ, въ видахъ единства задачи и ея рѣшеній, оборонялъ секторъ опредѣленнаго типа въ топографическомъ отношеніи. Было-бы странно соединять въ одномъ корпусѣ сектора горные и равнинные; сухопутные и береговые и пр.

Корпуса для высшаго управленія должны сводиться въ командованія фронтами, сѣвернымъ, восточнымъ и пр., и, наконецъ, все это должно объединяться въ рукахъ командующаго арміей крѣпостнаго района, который въ мирное время, быть можетъ, будетъ носить болѣе скромный титулъ начальника такого-то укрѣпленнаго района.

Въ рукахъ всѣхъ этихъ высшихъ начальствующихъ лицъ, само собою должны находиться необходимые резервы. Эти резервы могутъ быть организованы по типу, принятому и для полевыхъ войскъ, т. е., они могутъ усвоить обычную дивизионную организацію, но съ той особенностью, что въ распоряженіе командира корпуса едва-ли понадобится, какъ общее правило, болѣе отдѣльной бригады общепринятаго типа.

Подобные резервы будутъ нужны соответствующимъ высшимъ начальникамъ для внесенія въ операціи необходимаго активнаго и маневреннаго элемента.

Но кромѣ того нужны еще и могущественные резервы огневые, которые въ видѣ особыхъ артиллерійскихъ частей разнообразнаго состава и назначенія будутъ могучими тарами въ рукахъ высшаго командованія.

Вотъ общія черты организаціи крѣпостныхъ войскъ. Невозможно, да и нѣтъ надобности, отъ этихъ принциповъ переходить къ цифрамъ. Важно установить только и безъ этихъ

цифръ, что, какъ это ясно изъ всей совокупности приведенныхъ соображеній намѣчаемая организація, скупая въ расходованіи людей, должна вызвать значительное сокращеніе вооруженныхъ силъ потребныхъ для обороны границы государства.

Такое сокращеніе живой силы достигнуто при посредствѣ отказа отъ шаблонной организаціи, а также, и это самое главное, путемъ пожертвованія „движеніемъ“ въ пользу „техники“. Крепостнымъ войскамъ будетъ не хватать перваго, но за то у нихъ будетъ въ избыткѣ вторая.

Полевая и Крепостная арміи на фронтѣ должны опираться на стройно и могуче организованный трудъ внутри страны, причемъ и эта организація должна носить въ существенныхъ своихъ чертахъ характеръ военный. Для этого и предназначается Рабочая армія.

Однако эта армія, съ названіемъ заимствованнымъ у большевиковъ, имѣетъ очень мало общаго съ ихъ учрежденіемъ по существу своего устройства и своихъ обязанностей.

У большевиковъ рабочія арміи появились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: грознаго разрастанія дезертирства и полного развала производства, фабричнаго и сельскаго, внутри государства. Для того, чтобы имѣть возможность продолжать войну большевистская власть и прибѣгла къ созданію рабочихъ армій, гдѣ, во-первыхъ, будущіе дезертиры находили свое положеніе какъ-бы легализованнымъ, ихъ тяга въ тылъ канализировалась самою правительственной властью, а, во-вторыхъ, отсутствующій въ странѣ правильный трудъ замѣнялся его суррогатомъ, случайной солдатской работой согнанныхъ насильно полковъ.

Не таковы задачи Рабочей арміи въ будущей государственной организаціи.

Въ Рабочей арміи не будетъ никакихъ полковъ, не будетъ оружія и формы одежды. Все это не нужно для успѣха производства.

Рабочая армія будетъ включать въ свой составъ все производство страны во всей своей совокупности, но, при этомъ, милитаризированное такимъ образомъ, что нѣкоторыя данныя военной организаціи будутъ примѣнены и къ личному составу всякаго вида производствъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что этотъ персоналъ избавляется одновременно съ этимъ отъ того самопожертвованія жизнью, на которое готовъ идти каждый чинъ Дѣйствующей арміи. Если здѣсь свобода всякаго ограничена до отнятія права распоряжаться своею кровью по своему желанію, то тѣмъ болѣе пристало и рабочему поступиться нѣкоторыми своими правами свободного гражданина во имя высшаго блага страны, его безопасности и свободы.

Эти ограниченія могутъ касаться:

- 1) Продолжительности суточного труда.
- 2) Нормъ заработной платы.
- 3) Нормъ производства.
- 4) Права свободы перемѣны труда и мѣста жительства.
- 5) Отвѣтственности по нарушенію всѣхъ этихъ нормъ

военнаго времени.

Въ подчиненіи этимъ ограниченіямъ и будетъ заключаться самопожертвованіе рабочихъ въ военное время, такъ какъ всѣ рабочіе, быть можетъ за ничтожнымъ исключеніемъ, должны быть изъяты отъ отбыванія личной воинской повинности въ рядахъ Дѣйствующей арміи. Это исключеніе составитъ то небольшое число рабочихъ и техникувъ-спеціалистовъ, необходимыхъ арміи, которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ она не могла приготовить для себя еще съ мирнаго времени или которыхъ она, за понесенными во время войны потерями, должна пополнить изъ населенія.

Само собою разумѣется, что 8-ми-часовой трудъ не можетъ быть нормой преемлемой для военнаго времени, когда солдатъ трудится всѣ 24 часа и еще каждую минуту этихъ часовъ рискуетъ своей головой.

Заработная плата, нормированная съ потребностями рабочихъ, не можетъ быть взвинчиваема по ихъ прихоти только потому, что увеличивается доходность предпріятій. Въ связи съ этимъ, конечно, и эта доходность должна быть ограничена разумными предѣлами, и здѣсь вмѣшательство государства болѣе чѣмъ умѣстно.

Нормы производства должны быть устанавливаемы во время войны также государствомъ или, во всякомъ случаѣ, регулируются и распределяемы между фабриками и заводами.

Для того, чтобы обезпечить персоналъ техникувъ и рабочихъ каждому предпріятію, полезному для веденія войны, необходимо, чтобы передвиженіе личного состава было подчинено особымъ, контролируемымъ государственной властью, нормамъ.

Наконецъ, отвѣтственность за нарушеніе всѣхъ этихъ стѣснительныхъ для рабочихъ правилъ должна быть также строго и законно установлена, причемъ право протеста посредствомъ забастовокъ или локаутовъ, должно во время войны быть уничтожено.

Всѣ эти мѣры, клонящіяся въ общемъ къ тому, чтобы рабочіе, которые не будутъ знать тягостей службы въ рядахъ арміи, однако все-же узнали-бы нѣкоторыя стѣсненія, свои ственныя военному закону и военной дисциплинѣ, требуютъ тщательной работы еще съ мирнаго времени.

Здѣсь кстати будетъ также коснуться и вопроса о партійныхъ политическихъ организаціяхъ среди милитаризованныхъ рабочихъ. Ихъ жизнь должна быть нормирована та-

кимъ образомъ, чтобы законъ имѣлъ возможность дать въ руки исполнительной власти возможность предотвратить работу партіи вопреки воли государственной власти, которая сама является выразительницей народного хотѣнья. Сотрудничество политической партіи и профессиональнаго союза должно быть не только принято, но и широко использовано, такъ какъ это могучіе рычаги въ организмѣ современнаго общества, но ихъ противодѣйствіе должно быть съ твердостью предотвращено.

Слѣдовательно, Рабочая армія будетъ арміей ровно постольку, поскольку существенныя черты военнаго закона будутъ дѣйствовать въ ея средѣ.

Внутренняя ея организація будетъ имѣть очень мало общаго съ организаціей арміи.

Всѣ фабрики, заводы и производства должны быть подраздѣлены на категоріи: работающіе на армію, работающіе на населеніе. Всѣ они милитаризуются въ разной степени, но милитаризуются обязательно всѣ, такъ какъ даже и послѣдняя категорія имѣетъ, какъ всякому понятно, огромное вліяніе на общій исходъ борьбы.

Для внутренней своей организаціи промышленные округа и раіоны должны, конечно, сохранить организацію, существующую еще съ мирнаго времени, но съ тѣми измѣненіями, вызванными войною, которыя должны быть изучены, какъ возможные, еще въ мирный періодъ и должны быть введены въ дѣйствіе съ объявленіемъ войны. Въ общемъ подраздѣленіе Рабочей арміи можетъ соответствовать или территоріальнымъ округамъ, или группировкамъ по производствамъ, или носить смѣшанный характеръ. На избраніе той или иной системы будутъ имѣть рѣшающее вліяніе мѣстные факторы, какъ-то: установившаяся администрація мирнаго времени, источники снабженія сырьемъ и топливомъ, пути сообщенія, уязвимость данной зоны во время военныхъ дѣйствій и пр.

Начальственный составъ Рабочей арміи будетъ тотъ-же, который направлялъ производство и управлялъ личнымъ составомъ въ мирное время. Слѣдовательно, это будутъ хозяева производства, инженеры и техники разнаго рода, мастера всѣхъ степеней и старосты изъ среды рабочихъ.

Но этотъ административный аппаратъ долженъ быть дополненъ во время войны двумя инспекціями: военной и парламентской.

Цѣль учрежденія первой, составленной, само собою разумѣется, изъ специалистовъ-инженеровъ и техниковъ, связь производства съ арміей и наблюденіе за исполненіемъ нарядовъ. Цѣль учрежденія парламентской инспекціи — согласованіе на мѣстѣ интересовъ арміи и населенія, а также

съ общими руководящими основаніями государственной экономической политики.

Законъ долженъ предусмотрѣть способы согласованія работы обѣихъ инспекцій, дабы ихъ трудъ взаимно дополнялся, а не служилъ полемъ для распри и трений.

Поприще дѣятельности Рабочей арміи будетъ весьма обширно: всякое фабричное и заводское производство, ремесла, кустарный промыселъ, добыча сырья и матеріаловъ всякаго рода, изслѣдованія и изобрѣтенія, заготовка продуктовъ питанія, приведеніе въ порядокъ и использование военной добычи, работы на путяхъ сообщеній всѣхъ видовъ, сооруженіе тыловыхъ позицій, многія работы на фронтѣ, требующія особой спеціализаціи или усиленія рабочихъ рукъ въ помощь войскамъ и пр.

Изъ этого краткаго и поэтому далеко неполнаго перечня уже можно усмотрѣть, что личный составъ Рабочей арміи никакъ не можетъ ограничиться контингентомъ рабочихъ мирнаго времени, обычно занятыхъ на предпріятіяхъ. Онъ долженъ быть пополненъ еще и новыми контингентами по призыву военного времени. Этотъ новый элементъ долженъ получить двоякое назначеніе: одни пойдутъ на усиленіе рабочихъ и техническихъ силъ уже существующихъ, но разворачиваемыхъ промышленныхъ учрежденій или же на укомплектованіе новыхъ, другіе — на организацію рабочихъ дружинъ всякихъ спеціальностей и безъ всякихъ спеціальностей—просто для разныхъ тыловыхъ работъ. Для укомплектованія этихъ дружинъ, какъ и вообще для усиленія существующихъ и намѣчаемыхъ въ военное время заведеній, долженъ вестись особый учетъ личнаго состава по плану мобилизаціи.

Подобныя рабочія дружины, хотя и безъ оружія, должны имѣть настоящую военную организацію, образовывая роты, баталіоны, быть можетъ, когда это нужно, въ цѣляхъ высшаго командованія—бригады.

Подобная организація труда страны на пользу ея обороны дастъ постоянство и упорядоченность усилій. Ни одно изъ сраженій Великой войны не было проиграно или не было использовано до конца послѣ побѣды изъ-за недостатка людей, но было очень много боевъ и операцій, потерпѣвшихъ неудачу или сведенныхъ къ неполному успѣху, гдѣ причиною этого былъ недостатокъ снабженій. Какъ примѣры, стоитъ только припомнить первую Марну, карпатскій походъ русскихъ и отступленіе ихъ-же въ 1915 г.

Огромный и сложный тылъ современной арміи служить не только источникомъ прилива на фронтъ полезныхъ силъ и средствъ, но и пріютомъ вредной дѣятельности всѣхъ черныхъ силъ своихъ и чужестранныхъ. Отсюда ведется по-

раженчество, здѣсь спекуляція старається разжиться за счетъ бѣдствій другихъ, въ тылу организуется разрушительная работа нѣкоторыхъ политическихъ партій, чтобы изнутри подорвать современное государство въ періодъ трудныхъ для него переживаній. Здѣсь царство эгоизма и злой воли, которая для успѣха внѣшней борьбы должна быть обуздана дѣйствительнымъ для нея средствомъ, т. е., физической силой. И эта физическая сила должна быть заранѣе организована.

Вотъ цѣль и задача Внутренней арміи. Одной государственной полиціи, существующей еще въ мирное время, не достаточно, потому что она не компетентна въ борьбѣ съ указаннымъ зломъ въ ближайшемъ тылу армій и безсильна тамъ, гдѣ требуется обуздать массу, часто организованную и нерѣдко хорошо вооруженную. Здѣсь нуженъ просто на просто особый видъ гарнизонныхъ войскъ, по принципамъ своего внутреннего устройства мало чѣмъ отличающихся отъ прочихъ войскъ.

Части Внутренней арміи должны быть построены на трехъ принципахъ:

- 1) болѣе мелкія организаціонныя соединенія, чѣмъ въ Дѣйствующей арміи,
- 2) исключительно богатое снабженіе машинами,
- 3) значительный % солдатъ-профессіоналовъ.

Для Внутренней арміи не понадобятся части большія чѣмъ рота въ пѣхотѣ, эскадронъ въ конницѣ и взводъ въ артиллеріи, но пѣхота щедро снабженная пулеметами. Въ этой арміи особенно пригодны велосипедныя и автомобильныя части, равно какъ броневые и бронированные поѣзда.

Для высшаго управленія достаточно отрядовъ разнообразнаго состава, сообразованнаго съ мѣстными условіями и требованіями, а также, по возможности, безъ нарушенія основнаго правила военнаго командованія, не допускающаго сведеніе во-едино болѣе пяти частей.

Внутренняя армія обезпечитъ благополучіе и порядокъ въ гарнизонахъ и на путяхъ сообщеній. Въ ея рядахъ найдутъ свое примѣненіе во время войны раненые не могущіе уже болѣе продолжать службу на фронтѣ, старые военные, офицеры и солдаты, не подлежащіе призыву по состоянію своего здоровья или по условіямъ возраста (при хорошемъ, однако, здоровьи) и, наконецъ, особые контингенты запаса, специально предназначенные для этого рода службы во время войны.

Вопросъ о необходимости подобной вооруженной силы въ теченіе минувшей войны какъ-то не поднимался, до него не договорились, и это приходится считать недоразумѣніемъ, объясняемымъ тѣмъ, что въ странахъ со скудными людскими пополненіями все, даже негодное, бралось на фронтъ, а въ странахъ съ богатымъ запасомъ призывовъ

не было оригинального творчества въ войсковой организаціи: тутъ подражали государствамъ съ недостаткомъ населенія.

А между тѣмъ надѣбность въ сформированіи Внутренней арміи бьетъ въ глаза. Давно дознано, что о какомъ-нибудь органѣ не думаютъ, пока онъ не даетъ себя чувствовать болью. Въ мирное время равномернo расквартированная по территоріи страны армія, незамѣтно ни для кого, въ томъ числѣ и для самой себя, исполняетъ каждодневную обязанность представлять передъ массами наглядное выраженіе физической силы государственной власти. Для этого молчаливаго акта не нужно насилія, — достаточно присутствія. Ночной сторожъ, который ходитъ по молчаливымъ улицамъ и потрескиваетъ своей колотушкой, не производитъ при этомъ никакого физическаго воздѣйствія, но онъ можетъ его вызвать и этого достаточно, чтобы мирный обыватель спалъ спокойно, а злая воля немногихъ числомъ, но сильныхъ своею предприимчивостью была-бы осторожнѣе.

Съ уходомъ на фронтъ Дѣйствующей арміи, эта роль ночного сторожа падаетъ на Внутреннюю армію. При отсутствіи бѣшеной погони за „массою“ для нея найдутся подходящія укомплектованія, такъ важные для обезпеченія правильной работы и жизни тыла.

Резервная армія, служащая для пополненія Дѣйствующей Полевой и Крѣпостной, Рабочей и Внутренней, должна подготовитъ для каждой изъ нихъ контингенты, соотвѣтствующіе числомъ и качествомъ.

Какъ показалъ огромный опытъ Великой войны, учебная подготовка даже миллионныхъ новыхъ резервныхъ формированій (Англія и особенно Америка) не беретъ много времени. Англія послѣ пораженія своей маленькой регулярной арміи подъ Шарлеруа въ августѣ 1914 г. смогла выставитъ на французскій театръ войны 63 дивизіи, Америка при посредствѣ своей маленькой регулярной арміи, едва превышавшей 100.000 человекъ, выставила ко времени перемирія въ 1918 г. двухъ-милліонную армію. Обычно, какъ показываетъ продолжительный опытъ примѣненія существующей военной системы, четырехъ — шести недѣль напряженного обученія совершенно достаточно, чтобы изъ штатскаго человѣка сдѣлать простаго рядового воина, умѣющаго обращаться съ оружіемъ и найти и использовать свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ. Правда, этому солдату за этотъ короткій срокъ нельзя будетъ передать нравственныхъ понятій профессиональнаго воина, но этого невозможно достигнуть и въ тѣ краткіе сроки дѣйствительной службы, которые приняты повсемѣстно.

Опытъ формированія Американской арміи во время минувшей войны даетъ прекрасную максимальную норму въ

качествѣ исходной для того, чтобы составить понятіе о реальныхъ возможностяхъ въ этой области. Эта норма—одинъ человекъ регулярной арміи мирнаго времени соотвѣтствуетъ двадцати человекамъ мобилизованной арміи. Слѣдовательно, при высокой культурности населенія, при полномъ демократизмѣ государственной системы, при наличіи огромнаго технического аппарата, при неутомленіи страны борьбою и при понятной массамъ цѣли войны эта норма соотноженія между кадрами и резервистами можетъ быть достигнута безъ ущерба для боевыхъ качествъ арміи на театрѣ войны.

Нечего и думать получить тѣ-же результаты при отсутствіи хотя-бы одного изъ перечисленныхъ требованій. Въ такомъ случаѣ норма должна быть уменьшена. Растяжка срока разворачиванія позволяетъ нерѣдко и преступить указанную норму, но это опытъ часто смертельный. Смертеленъ онъ часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣется въ наличіи тѣхъ предварительныхъ условій, которыя были указаны для американской арміи. Такъ: русская армія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ въ мирное время 1¹/₂ милліона человекъ, развернулась во время войны всего только въ десять разъ (даже нѣсколько менѣе) и погибла отъ саморазложенія. Для нея оказалась смертельной даже половина нормы американской арміи. При изученіи американской нормы нельзя также упускать изъ виду, что армія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не вела самостоятельной кампаніи, а была лишь вспомогательнымъ контингентомъ.

Приведенныя двѣ большія нормы (Американская и Русская), приложимыя для рѣшенія широкихъ вопросовъ военной организациі должны быть дополнены детальными нормами, пригодными для частныхъ случаевъ.

Такъ: въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, до войны существовала огромная армія мирнаго времени съ многолѣтними военными традиціями, въ первые дни мобилизациі большинство полковъ развернулось въ 3 раза, и это разворачиваніе уже сильно понизило качественный уровень частей Дѣйствовавшей арміи.

Какіе-же общіе выводы можно сдѣлать изъ приведенныхъ цифровыхъ нормъ?

Они могутъ быть слѣдующіе:

Для перваго наступательно-активнаго періода войны, которому желали-бы придать въ то-же время и характеръ рѣшенія, нельзя наполнять кадры Полевой арміи резервистами болѣе, чѣмъ въ количествѣ, равномъ численности самихъ кадровъ.

По мѣрѣ затяжки войны, по мѣрѣ постепеннаго превращенія ея въ позиціонную, не представляетъ никакой опасности наполнять кадры резервистами свыше указанной нор-

мы, но при одномъ непремѣнномъ условіи: благополучіи внутри государства и, особенно, твердомъ моральномъ уровнѣ народной массы. Въ противномъ случаѣ упорство въ позиціонной войнѣ приведетъ къ революціи.

Общее наполненіе резервистами въ первый періодъ мобилизаціи армій всѣхъ видовъ не должно преступить нормы 10 резервистовъ на 1 кадрового. Въ этотъ расчетъ должны войти всѣ арміи, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, но за исключеніемъ той части Рабочей арміи, которая не сведена въ рабочія дружины, т. е., собственно, рабочихъ на предприятияхъ. Для государства съ болѣе высокой культурой указанная норма можетъ быть, какъ крайность, даже увеличена, но для прочихъ странъ желательно ея уменьшеніе, примерно, до пяти, т. е., вдвое.

И въ данномъ случаѣ позиціонность борьбы также повышаютъ эту норму.

Само собою разумѣется, что сохраненныя свѣжими силы страны позволяютъ увеличивать предѣльныя среднія нормы, а обратное положеніе должно сильно ихъ понизить.

Эти нормы, выведенныя изъ боевого опыта, накладываютъ узду на необузданную ничѣмъ фантазію военного организатора, который, какъ это было общимъ правиломъ передъ послѣднею войною, позволилъ-бы себѣ, единственно исходя изъ цифры численности населенія, развивать программу соотвѣтственного развертыванія арміи. Примѣръ Русской арміи въ этомъ случаѣ долженъ быть у всѣхъ передъ глазами. Развернувъ армію въ 12 милліоновъ человекъ и дотавивъ до фронта едва пятую часть этого количества, Россія погибла отъ разрушительной работы остальныхъ $\frac{4}{5}$ этихъ ордъ. Собранныя вмѣстѣ, эти людскія массы представляли собою огромный конденсаторъ энергіи, и эта энергія, не будучи направлена на полезное дѣйствіе, разразилась въ видѣ погрома своей родины.

Выше приведено много примѣровъ боевой и организационной практики, когда „масса“ не оправдывала огромныхъ усилій, потраченныхъ на ея сборъ, пусть указанные цифровыя нормы, также выведенныя изъ недавняго опыта подъ оглушительный и смертоносный ревъ орудій, послужатъ послѣднимъ доводомъ въ пользу необходимости отказа отъ современнаго гипноза „полчищъ“.

Назначеніе Резервной арміи давать пополненіе при мобилизаціи и въ теченіе войны всѣмъ другимъ арміямъ. Соотвѣтственно этому весь запасъ людей на учетъ военнаго министерства долженъ быть подраздѣленъ на тѣ категоріи, которыя предназначены для пополненія разныхъ армій и спеціальностей.

Здѣсь не мѣсто вдаваться, какъ въ подробности этого подраздѣленія, такъ и учебной подготовки резервистовъ. Та

или иная система въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ мѣстныхъ условій данной страны, и въ настоящее время полнаго расцвѣта призывнаго аппарата въ каждомъ государствѣ образовался богатѣйшій, провѣренный Великою войною, опытъ.

Стоить только отгнѣнить, что учебная подготовка запаса, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, можетъ быть поручена особымъ кадровымъ, специально для того предназначеннымъ, частямъ; можетъ быть возложена на части Полевой арміи; или же составить смѣшанную систему, при которой трудъ обученія резервистовъ будетъ частью порученъ специальнымъ кадрамъ, частью — полевымъ войскамъ.

Второе требованіе, нуждающееся въ томъ, чтобы его подчеркнуть съ особою силою, это необходимость тщательнаго раздѣленія резервистовъ не только по возрасту, но и по профессіи и роду занятій, а также по нравственности. Возрастъ опредѣлитъ очередь призыва, и это самое простое требованіе для учета; родъ занятій — куда именно, въ какую изъ армій назначить призываемаго; нравственность, судимость, опороченность этического характера покажетъ необходимость особой осмотрительности въ назначеніи въ ряды арміи того или другого лица. Последнее требованіе, которое, однако, приходится признать однимъ изъ кардинальнѣйшихъ, труднѣе всего поддается учету и предварительному изученію, но здѣсь нельзя жалѣть усилій: даже маленькія достиженія дадутъ большіе результаты. Приведемъ примѣръ, такъ какъ нѣтъ ничего нагляднѣе дѣйствительнаго случая.

Во время первой русской революціи 1905 г. при возстаніи на Прѣснѣ въ Москвѣ одинъ изъ главарей его былъ „товарищъ Абрамъ“. Не взирая на то, что этотъ субъектъ былъ хорошо извѣстенъ власти и его прошлое не оставляло сомнѣній, онъ уже подъ своимъ полнымъ именемъ былъ принятъ въ дѣйствующую армію съ чиномъ прапорщика запаса и назначеніемъ на обозную должность. Это и былъ знаменитый въ послѣдствіи прапорщикъ Крыленко, убійца Верховнаго Главнокомандующаго генерала Духонина, поднявшій всю русскую армію къ бунту и къ оставленію фронта.

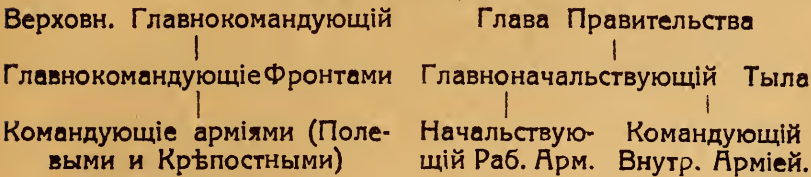
При остротѣ партійной политической борьбы теперь, при гласной, къ счастью, пораженческой дѣятельности нѣкоторыхъ политическихъ партій и ихъ вождей было-бы непростительной наивностью военной власти, если-бы она, основываясь лишь на принципѣ равенства для всѣхъ гражданъ военной повинности, напѣлила ряды арміи во время войны людьми, которые интересы партіи ставятъ выше интересовъ отечества, для которыхъ родина вездѣ, которые своихъ соотечественникахъ, а въ людяхъ одного съ ними класса и, для которыхъ врагъ не непріятель, объявившій войну, а классъ, обладающій большимъ достаткомъ или высшимъ развитіемъ, хотя-бы люди этого класса и находились въ однихъ съ ними рядахъ.

Третье требованіе — это необходимость подраздѣленія запаса Дѣйствующей арміи на двѣ крупныхъ категоріи, такъ сказать, въ глубину. Первая будетъ та, которая необходима для пополненія арміи мирнаго времени въ 5 разъ и вторая — до 10. Учетъ и подготовка первой должны отличаться отъ второй большей регламентированностью. Можно надѣяться, что на дѣлѣ призывъ второй категоріи и не понадобится, если только „качественная“ организація армій грядущаго, согласно вышеотмѣченному, въ дѣйствительности осуществится.

Іерархія Верховнаго и Главнаго Командованія должна быть въ современной войнѣ налажена такъ, чтобы организмы арміи не отдѣлялся глухою стѣною отъ остальной страны и отъ гражданской жизни, такъ какъ успѣхъ самой кампаніи во многомъ зависитъ отъ такой тѣсной связи. Слѣдовательно, въ самомъ аппаратѣ высшаго командованія должны быть въ наличіи органы, обеспечивающіе такую связь.

Вотъ проектъ организаціи высшаго командованія, который удовлетворяетъ этому условію и который могъ-бы послужить типомъ.

Глава Государства.

Примѣчаніе: При Верховномъ Гл. — парламентская комиссія фронта для связи фронта со страной и парламента съ фронтомъ. Въ комиссіи — представители арміи. Полное невмѣшательство въ командованіе и во внутренніе распорядки армій, гдѣ вся отвѣтственность и, слѣдовательно, права за военной властью. Комиссія дѣйствуетъ и вліяетъ черезъ парламентъ или, дружески, непосредственно на особу Верховнаго Гл-щаго, но отнюдь не на армейскую среду или подчиненныя инстанціи.

Примѣчаніе: При Главнначальствующемъ Тыла — парламентская комиссія тыла съ представителями отъ арміи для связи тылового начальствованія съ парламентомъ и послѣдняго съ производствомъ страны, а также съ административно-полицейскимъ аппаратомъ государства.

Вопросъ о продолжительности службы подъ знаменами въ новой арміи опредѣляется нѣсколькими отправными руководящими данными.

Онѣ слѣдующія: 1) время потребное для обученія контингента, 2) количество контингентовъ, подлежащихъ обученію въ теченіе года, 3) численность годового контингента и 4) потребная численность арміи, какъ на фронтѣ, такъ и въ запасѣ.

Слѣдовательно, чтобы рѣшить упомянутый вопросъ, приходится рѣшить простую арифметическую задачу. Уже установлено, что для обученія достаточно нѣсколькихъ недѣль и что послѣдующее пребываніе въ рядахъ въ теченіе года или двухъ, можетъ прибавить лишь немного къ полученному образованію и никоимъ образомъ не въ состояніи восполнить пробѣла въ воспитаніи, на которое нужны долгіе годы и годы.

Отсюда выводъ: государства съ большимъ запасомъ населенія могутъ пропускать, въ случаѣ необходимости, черезъ кадры мирнаго времени и по нѣсколькимъ контингентамъ въ теченіе года, новый и часть старыхъ для повторенія подготовки; государства-же съ недостаточной рождаемостью принуждены будутъ или, усиливъ свои кадры мирнаго времени, додерживать подъ знаменами до полнаго года очередной контингентъ, или-же, съ болѣею интенсивностью, чѣмъ государства съ богатой рождаемостью, совершать повторительные призывы чиновъ запада наряду съ новобранцами. Послѣдняя мѣра, разумѣется, предпочтительнѣе, такъ какъ ведетъ къ повышенію „качества“ будущей арміи военнаго времени, такому повышенію, которое, быть можетъ, создастъ превосходство этихъ странъ надъ всѣми прочими, болѣе счастливыми по частіи плодливости.

Каждая страна должна рѣшить эту арифметическую задачу, какъ ей позволяютъ людскія средства, но уже впрямую можно установить, что въ грядущемъ, если новыя данныя войны и государственной обороны получатъ достаточное распространеніе въ народномъ сознаніи, можно ожидать, что государства съ большимъ приростомъ населенія освободятъ отъ воинской повинности на фронтѣ многіе контингенты, какъ излишніе и сократятъ время состоянія въ запасѣ, а страны съ недостаточной рождаемостью усилятъ у себя количество военныхъ профессионаловъ и сократятъ службу до одного года, а можетъ быть и болѣе того.

Слѣдовало-бы ожидать, что именно такія государства, для которыхъ состязаніе въ народненіи „массы“ является задачей нерѣшаемой уже въ силу естественнаго для нихъ статистическаго закона, не дающаго того процента рождаемости, какъ у возможныхъ ихъ противниковъ, должны храбро вступить на новый путь исключительно „качественнаго“ пре-

восходства ихъ армій. Эти страны не имѣютъ иного исхода, какъ именно путь сознательнаго отказа отъ „массы“ и методическаго, всесторонняго и полнаго, до предѣла, въ указанныхъ выше рамкахъ усовершенствованія „качества“.

Эти страны или должны стать пионерами въ этомъ вопросе, или идти завѣдомо къ пораженію въ бѣгѣ всѣхъ народовъ, устремленномъ къ одной цѣли — „масса“.

Есть для нихъ еще исходъ: союзы; но это уже не рѣшеніе задачи государственной обороны; это рѣшеніе международной задачи, гдѣ воля заинтересованнаго государства неминуемо теряетъ часть своей суверенности. Государственная оборона хороша только тогда, когда обезпечиваетъ не только безопасность его внѣшнихъ границъ, но и его внутреннюю независимость, ведущую къ полной свободѣ его воли. Безъ этой свободы нація рискуетъ потерять уваженіе у болѣе независимыхъ и лучше обезпеченныхъ сосѣдей.

Указываемые здѣсь средства подъема „качества“ вооруженной силы государствъ даютъ полную возможность получить эту-же независимость и странамъ съ недостаточной рождаемостью, но съ высочайшею культурою, такъ какъ рекомендуемая мѣра именно подразумѣваютъ эту культуру уже въ наличіи. Безъ культуры тщетны будутъ усилія осуществить подобную программу со всею интенсивностью, которая одна представляетъ полное и законченное рѣшеніе вопроса.

Что касается величины людскаго запаса для фронта, то онъ, на основаніи природы нозѣйшей войны, можетъ и даже долженъ быть ограниченъ. Дѣйствительно, полевая часть нежелательно разворачивать болѣе, чѣмъ въ два раза, крѣпостныя болѣе, чѣмъ въ три раза, а остальной запасъ, какой имѣется еще нынѣ, долженъ быть выведенъ на фронтъ только съ соблюденіемъ двухъ требованій: 1) чтобы дѣйствующая армія никогда во время активныхъ операцій не была развернута болѣе, чѣмъ въ 5 разъ, считая въ томъ числѣ и всѣ тыловыя арміи (кромѣ рабочей) и 2) чтобы разворачиваніе въ 10 разъ, практиковавшееся во время Великой войны, какъ общее правило, не было-бы допущено иначе, какъ въ періодъ уже позиціонной войны, когда полностью или частью, временно или навсегда, отказались отъ полевого маневра и, когда всѣ расчеты строятся на выжиданіи или даже на изморѣ.

Проектируемая здѣсь военная система, какъ переходная, допускаетъ и полное напряженіе всѣхъ людскихъ средствъ населенія страны, то напряженіе, которое наблюдалось въ теченіе прошлой войны. Аппаратъ это допускаетъ, но не рекомендуетъ.

Проектъ, въ сущности, вводитъ еще не полную и радикальную перемѣну всей существующей уже нынѣ системы,

но только намѣчаетъ градуированную постепенную реформу. Чтобы довести ее до конца, нуженъ продолжительный опытъ мирнаго времени. Только тщательное изученіе „обороны“ приведетъ здѣсь къ правильнымъ выводамъ практики и наилучше приготовить армию будущаго къ тому энергичному „наступленію“, которое, въ видахъ гуманности, будетъ единственно допустимымъ видомъ войны.

Кадры новой армии должны быть усилены. Въ настоящее время профессионалами въ армии являются одни офицеры и незначительный сравнительно % унтеръ-офицеровъ. Этотъ процентъ долженъ быть увеличенъ до того максимума, до котораго только позволяютъ финансовыя средства страны. Идеаль, чтобы всѣ унтеръ-офицеры составляли профессиональный корпусъ такого-же моральнаго значенія, какъ и существующій корпусъ офицеровъ. Странно ожидать созданія унтеръ-офицеровъ въ рядахъ переменнаго состава нынѣшнихъ годовалыхъ контингентовъ. Эти люди набора должны оставаться рядовыми и только во время войны могутъ считываться на галуны. Унтеръ-офицеры же мирнаго времени должны быть не только обеспечены денежно не хуже, чѣмъ ихъ сверстники гражданскихъ профессій соотвѣтствующей подготовки, но имъ долженъ быть предоставленъ и выходъ къ офицерскимъ чинамъ. Только при этихъ условіяхъ подобные унтеръ-офицеры будутъ дѣйствительными профессионалами своего важнаго ремесла.

На подобныхъ-же основаніяхъ долженъ быть организованъ и профессиональный корпусъ военныхъ техниковъ всѣхъ специальностей, требующихся современною войною.

При соблюденіи этихъ условій удастся значительно повысить ту норму соотношенія между кадрами и переменнымъ составомъ армии, которая приведена выше и которая опредѣлена примѣрно въ $\frac{1}{6}$. Хорошо, если эта новая норма будетъ равняться $\frac{1}{4}$, еще лучше, если она дойдетъ до $\frac{1}{3}$. Это вопросъ денежныхъ средствъ, но въ то-же время и основа всей новой организаци, почему, казалось-бы, денегъ на это жалѣть не приходится.

Къ чему сводится предполагаемая реформа обороны государства. Къ упраздненію „всеобщей воинской повинности“ и къ замѣнѣ ея иною повинностью, которую точнѣ всего было-бы назвать „повинностью по государственной оборонѣ“, которая отличается отъ нынѣ принятой тѣмъ, что прежде всего она не всеобщая, что касается именно службы въ рядахъ войскъ въ мирное время и пребыванія на фронтѣ во время войны. Затѣмъ она не одинаковая для всѣхъ гражданъ, а различная въ зависимости отъ дѣйствительной потребности обороны въ томъ или иномъ специальномъ трудѣ

той или иной разновидности гражданъ. И, наконецъ, люди, предназначенные, собственно, для строя и фронта, въ законѣ объ этой повинности найдутъ сравнительно скромный отдѣлъ, такъ какъ прочая часть этого закона будетъ посвящена гораздо болѣе важнымъ и требующимъ болѣе сложной обработки вопросамъ работы тыла для фронта.

Но самое главное отличие предлагаемой реформы отъ нынѣшней общепринятой системы заключается въ томъ, что она немедленно приводитъ къ слѣдующимъ благотѣльнымъ результатамъ: 1) къ интенсификаціи мирнаго труда, такъ какъ онъ будетъ поощренъ повинностью и 2) къ немедленному сокращенію численности личного состава арміи. Что касается послѣдней мѣры, то къ ней прилагаемая реформа подходитъ съ двухъ концовъ: путемъ сокращенія призывовъ и сроковъ ихъ пребыванія подъ знаменами (что опять таки является громаднымъ выигрышемъ для мирнаго труда) и усиленіемъ профессиональныхъ военныхъ кадровъ постоянной службы.

Въ то время, какъ сторонники и проповѣдники милиціи или постепеннаго милиціонированія современныхъ полчищъ, во имя разоруженія или ограниченія вооруженій, съ несомнѣннымъ рискомъ при этомъ скомпрометировать самую сущность благополучія государственной обороны, настаивають на постановкѣ всѣхъ и cadaго въ ружье, въ это самое время предлагаемый проектъ для большинства гражданъ предлагаетъ провозгласить — долой оружіе.

Которая изъ двухъ мѣръ болѣе похожа на ограниченіе вооруженій, предоставляется судить каждому.

Трудъ оконченъ. Попробуемъ кратко резюмировать главнѣйшее изъ его содержанія, разсѣянное на многихъ страницахъ.

Въ эпоху послѣ-наполеоновскую, въ теченіе всего XIX-го и начала XX-го вѣка „масса“ получила преобладающее значеніе на театрѣ войны, въ бою и, слѣдовательно, въ области военной организаци. Это направленіе военного искусства совпало съ подобнымъ-же возрастаніемъ значенія „массы“ и въ области политики. Демократизмъ въ политикѣ совпалъ съ демократизаціей и военной спеціальности.

И если нынѣ политическій демократизмъ вызвалъ къ жизни силы, готовыя объявить войну ему самому во имя разрушенія буржуазнаго государства, то и въ арміи подобное-же параллельное теченіе вынесло элементы, готовые служить орудіемъ этой разрушительной работѣ. Вслѣдствіе этого въ состояніи государственной обороны не все обстоитъ благополучно по политической части.

Что касается области самой войны, то и здѣсь также не болѣе благополучно. „Масса“, оказавшаяся недостаточно

надежнымъ и гибкимъ орудіемъ въ рукахъ даже Наполеона, погубившая его въ 1813 и 1814 гг., въ наши дни провозглашена, какъ единственное средство побѣды въ рукахъ любого, даже зауряднаго генерала. Мало того, именно заурядный генераль разсчитываетъ исключительно на „массу“, и попробуйте не дать ему ее, какъ получите отъ него жалобу на невозможность рѣшать поставленныя задачи.

Вслѣдствіе этого гипноза „массы“, тотъ-же ХІХ-й вѣкъ и начало ХХ-го почти совершенно забыли о „движеніи“ и „скорости“. Забыли о томъ, что въ формулу $f = mv^2$ „масса“ вводитъ всего только въ первой степени, тогда какъ „скорость“ — въ квадратѣ. И это понятно и легко объяснимо: „скорость“ — это верхъ искусства, а „масса“ — это чаще всего его отсутствіе.

Для скорости нуженъ „маневръ“, для массы необходимо „качество“ во всѣхъ его проявленіяхъ: въ творествѣ командованія, въ свойствахъ военной доктрины, въ особенностяхъ ея популяризаціи, въ воспитаніи и обученіи войскъ и, наконецъ, въ искусствѣ организаціи.

„Масса“ оказалась лишенной „движенія“, гдѣ кроется секретъ творчества въ военномъ искусствѣ. Вызвано это милиціонностью войскъ, могуществомъ огня, господствомъ „позиціи“ и всеокрушающей силой „техники“. Милиціонность поставлена здѣсь на первомъ мѣстѣ именно потому, что оно ей принадлежитъ. Не будь налицо силы огня и „позиціи“, войска уже вслѣдствіе своей милиціонной сущности были-бы все равно непригодны для энергичнаго маневра. „Техника“ явилась на сцену современнаго театра войны не въ качествѣ причины неподвижности войскъ милиціи, а въ качествѣ его послѣдствія: требовалось все могущество техники, чтобы сдвинуть милицію Запада съ точки четырехлѣтняго стоянія.

Поэтому та-же техника даетъ надежду на то, что въ будущую войну секретъ „движенія“ будетъ вскрытъ, и арміи познають активность въ лучшемъ значеніи этого слова.

Средства для этого даютъ автотранспортъ и авіація.

Но наступленіе наступленіемъ, а оборона обороной. Передъ послѣднею войною въ теоріи упорно отрицали всякую возможность и необходимость обороны. Готовились, соласно господствовавшей военной доктрины, исключительно къ наступленію головокружительному и всеокрушающему. Въ будущей войнѣ невозможно повторить подобной ошибки приготовленій. Готовясь къ наступленію, придется тщательнѣйшимъ образомъ изучить и использовать оборону и ея средства, такъ какъ только этотъ методъ выводитъ на путь добросовѣстнаго и подробнаго изученія техники и такъ какъ только, широко использовавъ оборонительные факторы, можно вести современное наступленіе.

Тотъ-же методъ выводитъ и на путь зоровой военной организаціи.

Какъ современное буржуазно-демократическое государство въ сознаніи грозящей ему внутренней опасности со стороны воинствующихъ политическихъ партій готовится къ самозащитѣ, такъ къ такой-же самозащитѣ должна приготовиться и его вооруженная сила, которой также грозитъ опасность саморазложенія подѣ натискомъ тѣхъ-же политическихъ тенденцій.

Государство справедливо видитъ свое спасеніе въ проведеніи міроваго мира, но армія „массы“ противорѣчитъ этому стремленію, такъ какъ одно изъ ея свойствъ — вызывать войну внѣшнюю и приближать войну внутреннюю, т. е., революцію: Миръ при массѣ подѣ ружьемъ невозможенъ. Вотъ почему армія демократическаго государства должна поддерживать его своимъ стремленіемъ сократить свою „массу“, какъ одну изъ главныхъ угрозъ и миру, и демократіи. „Масса“, имѣя въ виду ея организационныя особенности, — это слабость, а не сила. Настоящая сила — это „качество“, и на улучшеніе его должны быть направлены всѣ усилія современнаго организатора.

„Масса“, при склонности къ неподвижности, при способности вызывать позиціонную войну, въ политическомъ отношеніи наступательна, такъ какъ приводитъ къ войнѣ внѣшней, а послѣ или во время нея и къ внутренней. Вооружить несмѣтныя полчища — это значить сознательно идти на революцію, такъ какъ „масса“ показала себя слишкомъ склонной къ политикѣ и къ политической пропагандѣ.

Классовая борьба, черезъ коммунизмъ стремящаяся всюду перейти къ прямому дѣйствию, не можетъ не найти въ рядахъ огромныхъ полчищъ соответствующихъ откликовъ, такъ какъ сама армія есть ни что иное, какъ точная копія всѣхъ соотношеній классовъ. Большевики прекрасно въ этомъ освѣдомлены и ведутъ необходимую пропаганду въ этомъ направленіи. Лучшій способъ противодействія имъ съ стороны современной демократіи, конечно, также политическая контръ-пропаганда, такъ какъ коммунизмъ ничего такъ не боится какъ свѣта, но такая контръ-пропаганда, внесенная въ армію, есть тоже политика, приучающая армію къ политиканству, вводящая ее на законномъ основаніи въ армейскій обиходъ и такимъ способомъ косвенно готовящая солдата къ воспріятію любыхъ теорій, лишь-бы онѣ были представлены умѣло и съ талантомъ. Въ самомъ методѣ своемъ контръ-пропаганда включаетъ элементы, возвращающіе армію и ея дисциплину.

Разъ дѣло идетъ о пропагандѣ и контръ-пропагандѣ — это уже свободное состязаніе двухъ сторонъ, гдѣ страдательнымъ лицомъ будетъ солдатъ, и успѣхъ будетъ на той сторонѣ, гдѣ окажется болѣе способностей, больше спеціализаціи и смѣлости. Не трудно предсказать, что въ этомъ случаѣ на сто-

ронъ революціонера преимущество будетъ всегда, такъ какъ у него не будетъ иного дѣла, какъ пропаганда, такъ какъ его работа легче вслѣдствіе ея исключительно разрушительной тенденціи и такъ какъ онъ прибѣгнетъ къ тому средству, которымъ пренебрежетъ его противникъ, т. е., къ демагогіи. Кто при этомъ поручится, что успѣхи государственной контрпропаганды сегодня не смѣнятся подъ вліяніемъ той или иной случайности неуспѣхомъ завтра? Можно-ли полагаться на столь невѣрное и непостоянное средство?

Когда экономическія затрудненія превратятся въ бѣдствіе и когда рабочейіи вопросъ обострится до крайности, будетъ-ли достаточно разсудительныхъ и благоразумныхъ рѣчей для успокоенія расходившихся страстей?

Конечно нѣтъ. Страсти повинуются не разсудку, а чувству, а чувство можетъ толкнуть массу на бѣшенство, т. е., на безразсудство. Подобный моментъ великое испытаніе для современной милиціи, великое испытаніе и великій искусь, который она можетъ выдержать далеко не всегда.

Чтобы бороться съ отрицательными сторонами милиціи, не додумались пока до иныхъ способовъ, какъ политическіе (контрпропаганда). Но, имѣя дѣло съ арміей, они не дѣйствительны и развращаютъ ее на руку врагамъ существующаго порядка. Политическая борьба хороша въ политикѣ. Въ военной области должны быть найдены чисто-военныя, организаціонныя средства. Только ихъ примѣненіе будетъ дѣйствительнымъ орудіемъ.

Милиція - это позиція, это затылка войны, это экономическій кризисъ, это политическій переворотъ, это революція, это гражданская война, это перемежающаяся война внѣшняя и внутренняя, это вѣчная война.

Нужны крупныя организаціонныя мѣры для измѣненія милиціоннаго характера современнаго войска. Онъ сводится къ слѣдующему.

Колоссальная работа тыла почти исключаетъ всякую возможность участія рабочихъ въ оборонѣ на фронтѣ: всѣ они останутся въ тылу. Поэтому рабочіе должны теперь-же быть изъяты изъ контингента, предназначеннаго для пополненія Дѣйствующей арміи.

Машинность нынѣшней войны въ то-же время требуетъ отъ арміи наличія въ ея рядахъ большаго количества технически - подготовленныхъ чиновъ, которые до сихъ поръ, какъ на примѣръ, во флотѣ, пополнялись исключительно изъ среды рабочихъ. Такъ какъ послѣдніе теперь останутся въ тылу, необходимо въ рядахъ самой арміи начать подготовку своихъ собственныхъ техниковъ. Это новое сословіе въ рядахъ арміи, отъ удачной организаціи котораго зависитъ будущее арміи.

А это будущее, въ свою очередь, выражается въ машинности, которая приводитъ къ ненужности „массы“ и къ необходимости „качества“. Такъ какъ до послѣдняго времени главную массу образовывала пѣхота, то именно ея механизация должна дать огромный скачекъ въ сторону сокращенія арміи.

Невозможность произвести эту операцію быстро, не исключаетъ, однако, полной возможности уже немедленно приступить къ такой организаціи пѣхоты, которая выводила бы естественнымъ путемъ, посредствомъ постепенной практической эволюціи къ механизации. Технические батальоны могли бы сослужить прекрасную службу для подобнаго медленнаго превращенія.

Одинъ изъ главнѣйшихъ выводовъ Великой войны, въ противность мнѣнія сторонниковъ милиціи объ универсализации военной спеціальности, гласитъ о крайней необходимости проведенія во всемъ полной спеціализации. Отсюда важное значеніе профессиональных военныхъ кадровъ.

Изъ изученія силы современныхъ пассивно-оборонительныхъ средствъ государственной защиты явствуетъ, что вся армія должна быть подраздѣлена на два крупныхъ тоже спеціальныхъ контингента: армію активно-полевую и армію пассивно-позиціонную съ различной внутренней организаціей и подготовкой. Первая будетъ носителемъ наступательнаго начала въ доктринѣ и въ практикѣ, вторая оборонительнаго, на важность котораго въ отношеніи его вліянія на благополучіе всей военной системы уже указывалось.

Соотвѣтственно этому и резервы арміи должны быть не только эшелонированы въ глубину, но и спеціализированы по фронту: одни будутъ служить для активной арміи, а другіе для пассивной.

Важное значеніе спеціалистовъ приводитъ къ важной роли контингента волонтеровъ и добровольцевъ въ арміи, т. е., людей, сознательно, по доброй волѣ и, нерѣдко, по призванію отдающихъ себя военному ремеслу.

Усиленіемъ профессиональнаго элемента, устраненіемъ рабочихъ, подраздѣленіемъ арміи и ея запаса на категоріи, образованіемъ армейскаго корпуса техниковъ, сама собою будетъ уничтожена наклонность современной арміи къ политикѣ и къ вліянію крайнихъ политическихъ партій. Этимъ достигнется аполитичность арміи, насущно необходимая въ наше время.

Приведенная организація войскъ отвѣчаетъ всѣмъ возможностямъ и необходимостямъ, могущимъ обнаружиться во время войны.

Удержится война въ рамкахъ активности, значительная часть запаса останется неизрасходованной. Понадобится перейти къ пассивной оборонѣ, для нея все подготовлено: и

особыя спеціальныя войска, и обширныя укрѣплснные раіоны, и тщательно разработанные специалистами приемы обороны.

Всѣ перечисленныя мѣры въ ихъ совокупности приводятъ къ возможности сокращенія числительности живой силы армій. Именно этимъ путемъ можно придти къ упраздненію „Вооруженнаго народа“, этого главнѣйшаго бича современности. Онъ мѣшаетъ и угрожаетъ миру и не позволяетъ вести войну наиболѣе гуманнымъ, т. е. быстрымъ темпомъ.

Если передъ очами военного спеціалиста идея „всеобщаго“ разрушенія является все еще химерою, то упраздненіе „всеобщей обязательной и одинаковой для всѣхъ воинской повинности“ совсѣмъ не абсурдъ. Только этотъ путь выводитъ на сокращеніе вооруженій.

Необходимость избранія этого пути ускользаетъ только отъ военныхъ, поклонниковъ полчищъ Ксеркса и отъ политическихъ дѣятелей, ожидающихъ событій „въ тайнѣ желанныхъ“.

„Интернаціоналисты, объединенные соціалисты и другіе теоретики, сторонники мира между народами, но и войны гражданской внутри націй, не способны разобраться въ этой дилеммѣ“¹⁾. А между тѣмъ „различныя признаки, наблюдаемые въ нѣсколькихъ странахъ, показываютъ, что народы гораздо болѣе угрожаемы нынѣ гражданскими войнами, чѣмъ войнами внѣшними“²⁾.

Военная организація должна отвѣчать этому историческому заданію, имѣя въ виду необходимость отнять у безпкойныхъ партій возможность распорядиться по своему усмотрѣнію „полчищами“ современности, столь чуткими къ партійности.

Новая армія, здѣсь проектируемая, не только отнимаетъ эту возможность, но и вообще представляетъ собою первый этапъ къ постепенному сокращенію вооруженій, а также указываетъ перспективы и для дальнѣйшаго слѣдованія въ томъ же направленіи.

Эти перспективы приводятъ къ исполненію важнѣйшаго догмата истинной религіи нашихъ дней, идеи мира.

Отъ соціалистическаго мира, провозглашаемаго коммунистами черезъ погловное вооруженіе всѣхъ и cadaго, необходимо выйти къ миру истинному черезъ сокращеніе вооруженій и числа вооруженныхъ и обученныхъ.

1) Le Bon. „Psychologie des Temps Nouveaux“ 258.

2) Jdem, 300

Послѣсловіе.

Авторъ, слѣдя за текущими фактами существованія современныхъ полчищъ, конечно, не могъ съ особой пристальностью не остановиться на разложеніи греческой арміи въ Малой Азіи и на чудодѣйственномъ созданіи фашистскаго воинства Муссолини.

Первый изъ факторовъ, послѣдствія котораго были предусмотрѣны авторомъ почти за два года до ихъ дѣйствительнаго появленія и которыя уже были отпечатаны на страницахъ 103, 106, 120—121 предлагаемаго труда въ его русскомъ экземплярѣ, приобретаетъ въ цѣляхъ настоящаго изслѣдованія особую убѣдительность.

Не меньшей доказательностью отличается и второй изъ фактовъ, особенно имѣя въ виду его характеръ быстрой импровизации вооруженной силы изъ людей обученныхъ современнымъ государствомъ совсѣмъ для иныхъ цѣлей.

Оба случая цѣнны тѣмъ, что они представляютъ собою примѣры большихъ массовыхъ движеній исполнѣ въ масштабѣ современной громады, гдѣ самые жизненные интересы государства находились и находятся въ игрѣ.

Всѣ эти соображенія привели автора къ рѣшенію помѣстить особое, нижеприведенное введеніе къ французскому изданію его труда, задержавшемуся печатаніемъ сравнительно съ русскимъ, а также добавить настоящее послѣсловіе къ экземпляру на русскомъ языкѣ.

Введеніе

къ французскому изданію.

Современныя событія, подтверждающія правильность выводовъ этой работы, идутъ гораздо быстрее, чѣмъ могло бытъ налажено и исполнено ея печатаніе.

Предсказанный въ главѣ IV провалъ имперіалистской политики въ Греціи и неминуцій развалъ греческой арміи нынѣ сдѣлался уже дѣйствительностью. Это предсказаніе, сдѣланное въ самый день полученія радіо отъ 13 января 1921 г., извѣщавшее о легкихъ волненіяхъ эллинской арміи вслѣдствіе возвращенія къ власти короля Константина, не было вычеркнуто изъ рукописи даже въ періодъ, казалось, удачнаго греческаго наступленія послѣ того на Ангору и было уже отпечатано въ русскомъ изданіи, когда общій

крахъ Греціи, военный и гражданскій, далъ автору право, ссылаясь на этотъ, нынѣ уже историческій примѣръ, вновь указать на то, что этотъ обвалъ обязанъ своимъ происхожденіемъ особенностямъ современной арміи, въ такой-же степени, какъ и ошибкамъ политики. Константинъ не вѣдалъ, что творилъ, когда бросалъ нынѣшнюю армію гражданъ, не желающихъ быть солдатами, на приключенія въ духѣ авантюръ Карла XII. Легка была побѣда кемалистовъ надъ подобнымъ сборищемъ вооруженныхъ греческихъ людей.

Для автора, какъ указываетъ все содержаніе предлагаемаго труда, не могло быть сюрпризомъ и могучее вооруженное дѣйствіе фашистовъ Муссолини. Сборъ подобныхъ импровизированныхъ воинствъ вполнѣ въ духѣ современной военной системы, позволяющей любому политическому вождю, уловившему съ точностью любезныя массамъ желанія, поднять и вооружить сотни тысячъ людей, какъ это и сдѣлалъ Муссолини, и продиктовать свою волю вялой комиссіи министровъ, ставши фактическимъ правительствомъ ранѣе призванія къ власти со стороны главы государства. И если фашистское движеніе съ точки зрѣнія правящей буржуазіи можно только привѣтствовать, то военную природу его слѣдуетъ той-же буржуазіи разсматривать, какъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ примѣровъ того, насколько всеобщая воинская повинность становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкаго и энергичнаго политическаго вожака и насколько она опасна для современнаго общества и для нынѣшней власти, наивно на нее опирающейся.

Отмѣтивши эти два примѣра большаго размаха, авторъ съ увѣренностью въ ближайшемъ будущемъ ожидаетъ появленія и еще подобныхъ-же.

Вотъ почему, предлагая читателю свою работу чисто предупредительнаго характера, авторъ испытываетъ спокойствіе чувства исполненнаго долга передъ тѣмъ современнымъ обществомъ, которое является носителемъ культуры нашего вѣка.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ автора.

Предисловіе . . . . . стр. 5

ГЛАВА I. Зарожденіе и вырожденіе. — Соотношеніе между политической и военной организаціей. Историческіе примѣры. Отживаніе современной военной системы. Увлеченіе ею Жореса и его милиція. Вооруженный народъ и политика. Березовка. Разложеніе германскаго флота. Разложеніе русской арміи. Генераль Дюваль и его группа. Оцѣнка кадровъ въ Россіи. Шемень-де-Дамъ и Капоретто. Армія и психологія массъ. Еще Жоресь и масса. „Частные“ случаи и „общіе“ имъ законы. Масса, милиція и ея будущее. . . . . стр. 10

ГЛАВА II. Кадры и милиція. — Исторія вопроса. Кадры и переменный составъ. Квалифицированный военный трудъ и специалисты. Интеллигентность и этичность кадровъ. Беназе и казарма. Умственная работа кадровъ и доктрина. Унтеръ-офицеры, профессиональные солдаты и мораль арміи. Рутинна и школа. Аффектъ и привычка. Атака „касты“ Жоресомъ. Сравненіе русской, французской и германской организацій. Карно и Бонапартъ. Карно, Дюбуа-Крансе и законъ амальгамы. Масса и Наполеонъ. Командованіе, политика и демагогія. Корниловъ и Керенскій. Дисциплина и французская революціонная армія. Жоресь и милиціонированіе офицеровъ. Офицеры военного времени и группа генерала Дюваля. Милиціонированіе или регуляризація. Организація и психологія. Логика и вѣра. Престижъ идеи. Гекатомбы и вѣра массъ. Деникинъ и Красная армія. Германская армія и революція. Устарѣлыя идеи и свѣжій опытъ. Специалисты, переменный составъ и психика. Духъ арміи и военная организація. Кадровая армія, цезаризмъ, преторіанство и наемничество. Милиція, индивидуализмъ, недисциплинированность и демагогія. Наполеонъ, Меттернихъ и кадры. Военные синдикаты въ австрійской арміи. Великая война и 40 мил. подъ ружьемъ. Политичность и психика упадка нравственности вооруженной массы. Спасеніе въ кадрахъ . . . . . стр. 13

ГЛАВА III. Идеалы борьбы. — Армія и идеалы борьбы. Профессионалы и милиція. Подготовка идейнаго настроенія. Опытъ Россіи, христіанство и Толстой. Идеи и усвоенія ихъ массами. Высокіе и жестокіе идеалы. Атилла. Борьба за объединеніе расъ. Имперіалистическія стремленія и цивилизація. Борьба за личность и интернаціональ. Непротивленіе злу и слабого

толкни. Интернаціональ, патріотизмъ и Фошъ. Русская литература. Идеализмъ, пророчество и пошлость. Простакова, Максимъ Горькій и Троцкій. Сказка о золотой рыбкѣ. Позитивизмъ и русскій. Честность русской литературы. Великій Синтезъ. Патріотизмъ въ Россіи. Интернаціональ. Россія и Европа. Бернгарди, русская армія и цѣли Японской войны. Народные взрывы, высшіе и низшіе классы и идеалы борьбы. Разсудокъ и страсти. Коммунизмъ, большевизмъ и экономика. Власть совѣтовъ и власть III-го Интернаціонала. Пророчество Жореса. По Марксу „рабочіе безъ отечества“. Соціалисты, милиція и разоруженіе. Соціализмъ, трудъ и собственность. Современная армія и буря борьбы нынѣшнихъ идей. Съ идеями пушками не сражаются. Соціалисты и пушки. Милиція или наемники. Кадры пролетарскіе или профессиональные. Служба партіи или государству. Взрывы въ народѣ детонируютъ въ арміи. Желудочная психологія массъ . . . стр. 74

ГЛАВА IV. Полчища и демократія. Борьба современныхъ боевыхъ идей и полчища. Пророчество Ленина. Вооруженный народъ и пацифизмъ. Миллюковъ и проливы. Англія и Египеть. Греція и Венизелось. Колчакъ и Деникинъ. Имперіализмъ, націонализмъ и миръ черезъ экономику. Общій экономическій фронтъ. Вожди и масса. Политичность или аполитичность арміи. Натискъ на капиталъ и внутренняя война. Гражданская борьба и армія. Красная армія. Британская постоянная армія и британское единство. Наемники. Солдаты-граждане и гражданственность. Общественное мнѣніе и вожди. Роль авторитетовъ. Демагогія. Французская демократія и война. Парламентскія комиссіи. Работа русскихъ парламентаріевъ во время войны и революціи. Работа германской демократіи на войнѣ. Сравненіе трудовъ французской и русской демократій. Заключение въ пользу профессионаловъ-воиновъ. стр. 101

ГЛАВА V. Власть земли. — Исторія позиціонности войны. Позиція, огонь и военная организація. Укрѣпленная точка и укрѣпленная линія. Историческіе примѣры. Дрисскій лагерь и фланговья позиціи. Восточно-Прусскій укрѣпленный районъ. Верденъ-Туль-Эпиналь-Бельфоръ. Льежъ, Антверпенъ, Перемышль, Ивангородъ, Новогоргиевскъ, Ковно, Осовець, Верденъ и Мобежъ. Брестъ-Литовскій мирный опытъ и боевой случай у Остроленки и Рожанъ. Укрѣпленные географическіе районы и полчища. Бельгійскій укрѣпленный районъ и начало Великой войны. Активность и фортификація. Петръ Великій и Полтава. Фортификація и длина фронтовъ разворачиванія, какъ залогъ сокращенія армій. Предвзятая идеи. Горный Дубнякъ и Шандорникъ. Диспутъ въ Петроградѣ и Піаронъ-де-Мондезиръ. Нѣмцы, танки и фортификація. Проектъ инженерной организаціи франко-бельгійской границы. Сокращеніе живой силы, какъ слѣдст-

віе этого проекта. Общеі принципы сооружеія географическихъ укрѣпленныхъ раіоновъ. Эти раіоны и малыя государства. „Позиція“ — противникъ или союзникъ? . . . стр. 139

ГЛАВА VI. Успѣхи огня. — Огонь, движеніе и маневръ. Цифры возрастанія огневыхъ средствъ въ Великую войну. Виды на будущее. Дальнобойность, автомобильная тяга, автоматичность стрѣльбы орудія, скорострѣльность, разрушительность выстрѣла и разнообразіе матеріальной части и ея сложность. Могущество и напряженіе огня и снабженія. 1915 г. на русскомъ фронтѣ. Кинъ-Чжоу въ 1904 г. Осовець, Во и Мобежъ. Сходство между сухопутной и морской артиллеріей. Пѣхотная и артиллерійская атаки въ бою. Сосредоточенный и заградительный огонь. Стрѣльба по проволокамъ и танки. Артиллерійское сопровожденіе пѣхотной атаки; нѣмцы и Фошъ. Танки и броневая автомобильная артиллерія. Живучесть личнаго состава артиллеріи. Тарнопольскій прорывъ и работа артиллеріи. Пѣхотная атака и огонь. Суворовъ, „пуля-дура“ и Драгомировъ. Русская школа „солдатскаго горба.“ Карпаты, Ломжа и Арданъ-дю-Пикъ. Человѣкъ, воинъ и атака. Предѣлы ужасовъ. Ваграмская колонна Макдональда. Шокъ по Арданъ-дю-Пику. Атака въ 1866 г. Атака и дисциплина. Примѣръ желѣзнаго Рима. Атака у Невиль-С.-Вааста въ 1916 г. по Лафаргу. „Оробѣвшіе“ и полчища. Солдаты Красной арміи — профессионалы. Атака Чжантаньхенаня въ 1905 г. Нормы организациі пѣхоты, выведенныя изъ условій атаки. Люди безсильны противъ техники. Авіація и третье измѣреніе борьбы. Господство въ воздухѣ. Сходство съ моремъ. Атака будущего. Артиллерія побѣждаетъ, пѣхота занимается. Штурмъ. Граждане, войны и атака. Танки и пѣхота. Блиндированный пѣхотинець. Штыковый бой, Лафаргъ, Арданъ — дю-Пикъ, и Юденичъ подъ Янсытунемъ. Практическіе выводы объ организациі пѣхотнаго полка и его техническихъ частей. Организациі пѣхотной дивизіи и ея артиллеріи. Забронированіе наблюдателей, связи и командованія.

Сокращеніе, но усиленіе пѣхоты черезъ машинизацію. Роль конницы. Примѣры: Восточно-Прусскій и Французскій начала Великой войны. Мукденскій примѣръ. Въ Галиціи въ 1914 г. Немгловскій лѣсъ. Червоноборскій прорывъ. Описаніе коннаго боя на Кубани въ 1920 г. Значеніе конныхъ массъ. . . . . стр. 178.

ГЛАВА VII. Цѣнность техники. — Консерватизмъ и недооцѣнка техники. Тактика „солдатскаго горба“ и „общественное мнѣніе“ арміи. Требованія отъ техники и состояніе общей культуры. Связь арміи и экономики государства. Оффиціальныи и частныи починъ. Стандардизація. Рабочіе и армія. Специализація въ арміи и свои техники. Размѣры работы тыла на оборону. Марна и недостатокъ снарядовъ. Русскій примѣръ

Война и техническій прогрессъ. Интенсификація промышленности, воздухоплаваніе, танки и автомобили, и ихъ вліяніе на войну. „Побѣда въ моторѣ“. Уменьшеніе „массы“ за счетъ „скорости“. Организация автотранспорта въ будущемъ. Желѣзнодорожныя и пароходныя перевозки. Энергія и качество арміи. Техника на сухопутьи и на морѣ. . . . . стр. 229.

ГЛАВА VIII. Маневръ будущаго. — Маневръ и эволюція. Инструкція Жоффра. I-я Марна. Позиціонность, движеніе и маневръ. Разгромъ или изморъ. Обходъ и прорывъ. Примѣры. Старые способы маневра. Желѣзнодорожный маневръ и эволюція. Вагонное меню въ Германіи. Начало Великой войны и желѣзныя дороги. Дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линиямъ и желѣзные пути. Русскія желѣзныя дороги въ Великую войну и ихъ вліяніе на операціи. Десантный маневръ. Примѣръ расчетовъ. Автомобильный маневръ и эволюція. Гальенизація маневра. Воздушный маневръ. Примѣръ I-й Марны, видоизмѣненный введеніемъ новыхъ техническихъ данныхъ для маневра. Скорость, какъ путь для сокращенія массы. Позиціонная рутина. Воскрешеніе Наполеоновскаго маневра черезъ технику. . . . . стр. 252.

ГЛАВА IX. Гражданская война. — Невозможность партизанской войны при арміяхъ, набранныхъ по общей воинской повинности. Гамбетта, война 1812 г. и Людендорфъ. Народная война, какъ протестъ. Жестокость ея. Зловѣщіе признаки въ Европѣ. Пониженіе нравственности. Перерожденіе психики массы. Классовая ненависть. Диктатура пролетаріата и его вожди. Роль государства. Разрушеніе и его проповѣдь. Роль арміи въ этомъ движеніи. Раіоны современной гражданской войны на большихъ дорогахъ и въ большихъ центрахъ. Гнѣвъ массы, какъ психологія возстанія. Разложеніе регулярной арміи, какъ средство. Ослабленіе внутренней сопротивляемости войскъ. Автоматизмъ и муштра, какъ гарантіи. Партийность. Пропаганда. Хищничество. Преступность. „Слабago толкни“. Батайка войны и саморазложеніе арміи. Зарожденіе Красной арміи. Святые воины Кромвеля. Демагоги и партикуляристскія теченія въ полчищахъ. Д' Аннунціо, Кемаль-паша, Петлюра, ф. деръ Гольцъ, Эрхардъ, Зеленые и пр. Авантюризмъ и авантюристы. Народный спортъ и народная война. „Опасность вокругъ насъ“. . . и въ массовой арміи. Типы народной войны и типы народнаго движенія. Обрегулированіе народной войны. Раіонность гражданской войны и сосредоточеніе силъ. Активные и пассивные элементы населенія. Примѣръ борьбы на Югѣ Россіи. Разновидности партизанскихъ соединеній. Ихъ свойства. Вмѣшательство регулярной власти въ гражданскую войну и принципы его. Примѣры. Конныя массы. Техника и броневые поѣзда. Броневики. Русскіе примѣры. Политики и партизаны. Гражданскую войну нужно вести по ея законамъ. . . . . стр. 274.

ГЛАВА X. Военная доктрина.—Вербовочныя арміи и доктрина. Вооруженный народъ и доктрина. Интеллигентность. Первый опытъ доктрины—Бюловъ. Жомини и Клаузевиць. Германская, Французская и Русская арміи и доктрина. Милиція и доктрина. Выработка доктрины и ея распространение. Критико-историческій и прикладной методы. Германскій, Французскій и Русскій примѣры. Инициатива и доктрина. Kriegsgeschichte. Жоресъ, университеты и доктрина. Д-ръ Ле-Бонъ и университеты. Наступательная и оборонительная доктрина и ихъ соотношеніе. Соціалисты, спеціалисты, коммунисты и милиція. Масса и доктрина. Видоизмѣненіе понятія о напряженности вооруженій. Цифры и факты. Не „масса“, а „движеніе“ — основа новой доктрины. . . . . стр. 335

ГЛАВА XI. Массы и миръ. — Зароженіе разрушительныхъ тенденцій, Жанъ Жакъ Руссо и Максимъ Горькій. „Помогайте другъ другу“—Клемансо. Умъ и характеръ. Мистика. Большевиизмъ—не политическое, а патологическое явленіе. Идеыныя и психологическія послѣдствія войны и ихъ вліяніе на массы. Соціальныя послѣдствія и ихъ вліяніе. Политическія и экономическія послѣдствія и ихъ вліяніе. Стремленіе къ миру и угрожающіе ему внутренніе конфликты. Вооруженный народъ прекрасное орудіе для гражданской борьбы. Разоруженіе и вооруженный народъ. „Масса“ и разоруженіе. Ограниченіе вооруженій. Стратегическія и тактическія послѣдствія войны и вліяніе ихъ на организацію . . . . . стр. 369

ГЛАВА XII. Новая армія. Сокращеніе вооруженій и энергія войны. Наборъ и отборъ. Вооруженія вызываютъ войну. Качество и количество. Сокращеніе вооруженій и инженерная подготовка границы. Географическіе укрѣпленные раіоны и милиція. Подраздѣленіе новой арміи. Отборныя части. Разсчетъ силы Дѣйствующей арміи. Внутреннее устройство Крѣпостной арміи—Рабочая армія. Регламентированіе труда. Инспекціи. Внутренняя армія. Резервная армія и ея подраздѣленія. Высшее командованіе и парламентскіе органы въ арміи. Продолжительность службы. Нормы разворачиванія арміи въ военное время. Усиленіе профессиональныхъ кадровъ. Заключеніе политическое и заключеніе военное. . . . . стр. 397

Послѣсловіе . . . . . стр. 427

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
UA10
.G47
1923

